

Министерство образования и науки Российской Федерации
Байкальский государственный университет
Региональный центр научных исследований
экономической истории России

**ИРКУТСКИЙ
ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК**

2017

Иркутск
Издательство БГУ
2017

УДК 338(571.5)(091)
ББК 65.01(2Р5)г
И81

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета

Редакционная коллегия:
проф. В.М. Левченко, проф. А.В. Шалак,
доц. Д.Я. Майдачевский проф. Г.А. Цыкунов

И81 Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. —
Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. — 552 с.

ISBN 978-5-7253-2936-0

Ежегодник знакомит с результатами историко-экономических работ, проводимых преимущественно исследователями региона. Содержит материалы всероссийской конференции, посвященной памяти В.Н. Шерстобоева.

УДК 338(571.5)(091)
ББК 65.01(2 Р5)г

ISBN 978-5-7253-2936-0

© Издательство БГУ, 2017

*Редакционная коллегия выражает искреннюю
благодарность предпринимателю*

МАРИ

Алексею Петровичу

*за оказание в лучших традициях
российского меценатства
спонсорской помощи в издании
девятнадцатого выпуска
Иркутского историко-экономического
ежегодника*

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Девятнадцатый выпуск «Иркутского историко-экономического Ежегодника» включает исследования по истории Сибири, объединенные в 12 рубрик. В формировании Ежегодника приняли участие авторы из Республики Бурятия, Алтайского, Красноярского, Забайкальского краев, Иркутской, Новосибирской, Тюменской, Калужской, Свердловской областей, представляющих десятки образовательных и научных учреждений. Часть материалов выпуска являются междисциплинарными исследованиями, поэтому их авторами являются не только профессиональные историки, но и экономисты.

В 2017 г. исполняется 110 лет экономическому образованию в Иркутской области. Историко-экономические исследования очень тесно связаны с данной отраслью знаний и поэтому редакционная коллегия сочла возможным включить в очередной выпуск соответствующую рубрику. В ней представлены статьи, в которых исследуются основные вехи становления коммерческого/экономического образования в регионе.

Наряду с вопросами экономики в материалах Ежегодника широко представлены публикации по различным аспектам социального, культурного, политического, отчасти, правового развития Сибири. Интерес к этим вопросам закономерен, поскольку анализ социокультурной составляющей экономических вопросов помогает более содержательно осмыслить процессы хозяйственного освоения и современные проблемы экономического развития Сибири.

Основой экономического развития было и остается воспроизводство самой рабочей силы. Именно в этой сфере корень большинства современных бед. Именно поэтому важен анализ демографических процессов в различных регионах Сибири в прошлом и настоящем. Исследование демографических проблем фундаментально помогает оценить состояние современного экономического пространства Сибири. Именно поэтому редакционная коллегия стремится выделить исследования по данному направлению в отдельную рубрику.

Внимательный читатель обратит внимание на то, что часть материалов посвящена исследованию истории социально-экономических и политических процессов в Монголии. К данной практике редакционная коллегия обращается неоднократно. В изучении многоэтнической и многоконфессиональной истории народов Сибири всегда важен элемент сравнения: как развивались аналогичные процессы в сопредельных к Сибири территориях, в том числе и приграничных.

Внимание читателей Ежегодника наверняка привлечет рубрика, в которой опубликованы материалы по историографии и источниковедению. Главной целью любого научного исследования является выявление

ние и введение в научный оборот ранее не исследованных и не опубликованных источников. Это могут быть материалы делопроизводства центральных и местных органов управления, законодательные акты, статистические документы, а также мемуары, воспоминания и переписка современников изучаемых исследователем событий. Статьи авторов данного раздела свидетельствуют о широких возможностях более эффективного использования разнообразных источников.

Рубрика «Рецензии» знакомит читателя с исторической литературой по истории Сибири, вышедшей из печати за последний год. Несмотря на все проблемы, которые переживает наука и образование, историческое сообщество живет новыми идеями, наглядным подтверждением чего являются материалы данной рубрики Ежегодника.

Редакционная коллегия благодарит всех авторов, принявших участие в формировании девятнадцатого «Иркутского историко-экономического ежегодника» и надеемся на наше плодотворное сотрудничество в дальнейшем.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К 110-ЛЕТИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

УВАЖАЕМЫЕ ДРУЗЬЯ!

В 2017 году экономическому образованию в Иркутской области исполняется 110 лет. Волна индустриализации на рубеже XIX–XX веков обусловила востребованность в практических экономических знаниях для бизнеса и управления. Благодаря инициативе С.Ю. Витте, под эгидой сначала министерства финансов, а затем — торговли и промышленности началось строительство системы коммерческого образования.

«Положение о коммерческих учебных заведениях» 1896 года востребовало потенциал негосударственного образования, активизировало общественную инициативу в данном направлении, стало делом органов местного самоуправления, предпринимательских союзов и частных лиц. Реализуя идею разнообразия коммерческих училищ, «Положение» шло навстречу заказчику специалистов — местному предпринимательскому сообществу, местным торговым и промышленным заведениям.

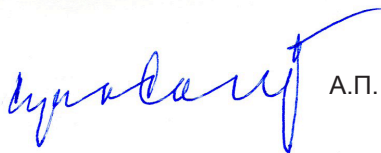
За исторически короткий срок в стране сложилась достаточно стройная система коммерческого образования, включавшая коммерческие курсы, классы, школы, но подлинным фундаментом ее стали коммерческие училища. Позитивная роль коммерческих училищ в деле развития экономического образования проявилась и в еще одном немаловажном отношении — географическом. Массовое открытие средних специальных коммерческих училищ серьезно способствовало расширению географии экономического образования, его приходу в города, расположенные вдали от университетских центров. Иркутск в 1907 году едва не сотворил «рекорд», посильный одним лишь столицам, открыв силами местного самоуправления, предпринимательских организаций и частных лиц сразу два коммерческих училища. Именно коммерческие училища в 1907 году положат истинное начало современному экономическо-

му образованию в регионе, дадут старт движению в сторону высшей экономической школы.

«Иркутский историко-экономический ежегодник» на протяжении уже почти двух десятилетий продолжает во многом то дело, которое зародилось в 1907 г. Сегодня «Ежегодник» является специализированным историко-экономическим изданием нашего университета. Тематикой исследований, представленных на его страницах, являются самые различные грани экономического освоения сибирского края. Усилия авторского коллектива способствуют формированию межвузовского научного сообщества, которое придает историко-экономическому образованию новый импульс развития.

Желаю всем авторам «Историко-экономического ежегодника» крепкого здоровья, творческих успехов, тесного научного сотрудничества в историко-экономическом образовании и решении актуальных проблем экономической истории Сибири.

Ректор Байкальского госуниверситета,
доктор экономических наук,
профессор,
Заслуженный экономист
Российской Федерации

А.П. Суходолов

УДК 377.031
ББК 74.460

*О.Г. АЛЕКСЕЕВ,
Т.А. КАТЦИНА*

ОЧЕРК ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРАСНОЯРСКОГО РАБФАКА ИРКУТСКОГО ИНСТИТУТА СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛИ

Посредством изучения деятельности красноярского рабочего факультета Иркутского института советской торговли выявляются проблемы, имманентно присущие системе профессионального образования и подготовки специалистов торговли в 1930-е гг. в пространстве образовательной среды сибирского региона. На основе делопроизводственных документов из государственного архива Красноярского края делается попытка заполнить некоторые лакуны, имеющиеся в изучении региональных аспектов торгово-экономического образования.

Ключевые слова: советская торговля, снабжение населения, профессиональное обучение, рабочий факультет (рабфак), профессиональные кадры.

*O.G. ALEKSEEV,
T.A. KATTSINA*

SKETCH OF ACTIVITY OF THE KRASNOYARSK WORKERS' FACULTY IRKUTSK INSTITUTE OF THE SOVIET TRADE

By means of studying of activity of the Krasnoyarsk working faculty of the Irkutsk institute of the Soviet trade the problems immanently inherent in system come to light professional education and training of specialists of trade in the 1930th in space of the educational environment of the Siberian region. On the basis of office work documents from the Public Records Office of Krasnoyarsk Krai the attempt to fill some lacunas which are available in studying of regional aspects of trade and economic education becomes.

Keywords: Soviet trade, supply of the population, vocational education, working faculty (workers' faculty), professional shots.

Авторы сознательно ограничили очерк отдельным учебным заведением. При наличии необходимой источниковой базы изучение истории красноярского рабфака Иркутского института советской торговли (ИИСТ) помогает нам более четко представить динамику внутреннего развития учебной организации, заглянуть за видимую, реализованную в феноменальном мире историческую фабулу, в область того, что называют атмосферой, духом времени. Опыт изучения вопроса позволяет утверждать, что даже сложение архивных ресурсов Красноярска и Иркутска не создает достаточные основания для полного и точного описания рас-

сматриваемого феномена, если не добавлять к нему продукт собственного вымысла. Препятствием, ограничивающим возможности исследования по истории торговли и снабжения населения советского периода в Восточной Сибири, является критическое состояние ряда архивных дел, не позволяющее выдавать документы для работы исследователям. Сказанное, прежде всего, относится к документам специальных фондов торговых организаций. Документы, содержащие личные дела торговых работников, характеристики специалистов, окончивших ИИСТ, имеющие незаменимое значение в исследовании кадрового состава, были из фондов архива или уничтожены.

Выскажем, быть может, парадоксальное, но имеющее известное документальное подтверждение суждение. Оно состоит в том, что процесс перманентного переустройства всей инфраструктуры торгового образования (и не только образования) с помощью архивных источников может быть описан весьма подробно, ибо состояние реорганизации и составляло основное содержание торговли в целом в этот период жизни страны. Результат же, вопреки, казалось бы, бурной деятельности государства и общественных организаций, направленной на обучение и воспитание эффективного специалиста в сфере торговли и снабжения населения, был минимален, а иногда фактически отсутствовал. Подобный итог, на наш взгляд, венчал советский проект создания сети заведений высшего торгового образования в СССР в 1930-е гг. Работа служит дополнением к нашему исследованию [6] по истории профессионального образования в сфере торговли и снабжения населения, а также подготовки квалифицированных работников для организаций общественного питания. Заметим, что употребление в заглавии монографии термина «коммерческое образование» применительно к советской эпохе, во всяком случае, для периода после ликвидации де-юре НЭПа в 1932 г. и законодательно закрепления элиминирования частной собственности в Конституции СССР 1936 г. возможно с серьезными оговорками.

Первая половина 1930-х гг. и в Сибири, и в целом по стране, отмечена триумфом потребительской кооперации. Возросшая потребность в квалифицированных специалистах для кооперативной торговли вызвала появление учебных комбинатов, объединяющих постоянно действующие школы и краткосрочные курсы. Так, в 1930 г. в Красноярске был создан учебный комбинат Восточно-Сибирского краевого потребительского союза (в 1934 г. переподчинен Красноярскому крайвому потребительскому союзу в связи с образованием Красноярского края); в 1935–1939 гг. назывался «Красноярский крайовой учебный комбинат государственного объединения по организации учета и счетно-контрольного дела». В Красноярске обучение для торговой отрасли осуществлял и рабочий факультет Иркутского института советской торговли. По числу учащихся он был самым многочисленным из трех рабфаков

ИИСТа [5, с. 101]. Сам же институт, открытый в августе 1930 г. на базе экономического факультета Иркутского государственного университета, входил в номенклатуру вузов Наркомата торговли. В конце 1930 г. в связи с реорганизацией Наркомата торговли вуз был переименован в Восточно-Сибирский институт обмена и распределения, а в июле 1931 г. решением СНК РСФСР — в Восточно-Сибирский институт снабжения. Летом 1934 г. из Наркомата снабжения были выделены три наркомата: внутренней торговли; пищевой промышленности; заготовок. Войдя в номенклатуру учебных заведений Наркомата внутренней торговли, вуз до закрытия (1937 г.) именовался «Иркутский институт советской торговли».

Архивные документы подтверждают начало фактической деятельности рабфака ИИСТ в Красноярске в октябре 1931 г. [2, д. 1, л. 1; д. 2, л. 1; д. 9, л. 32]. Первоначально рабфак осуществлял набор учащихся (2–3 группы) на вечернюю форму обучения. Из-за отсутствия собственных учебных корпусов занятия проводились в помещениях Советской партийной школы и земельного техникума. В декабре 1934 г. факультет был выселен из обоих зданий и арендовал два учебных класса в красноярской школе № 35. Положение усугубилось, когда подобного рода договорные отношения со школами были запрещены Наркоматом просвещения. При содействии городских организаций (источники не содержат указаний на то, каких именно) для рабфака в декабре 1934 г. у лесозавода № 1 был куплен двухэтажный деревянный дом, но уже в январе 1935 г. его передали сплавной конторе [2, д. 9, л. 215]. В 1936 г. факультет имел «хотя и малоудовлетворительный, но собственный учебный корпус» [2, д. 9, л. 36] по адресу: ул. Ломоносова, 5 [2, д. 5, л. 25].

В начале деятельности красноярского рабфака ИИСТ штат его сотрудников состоял из 9 человек. Заведующим был Я.Г. Шленский, в педагогический коллектив входили А.В. Пичугин, А.А. Гравильсон, Е.А. Бергман, А.Е. Лукина, О.А. Матвиевская, Коневега, Б.И. Кнохт, Н.А. Шумихин и два делопроизводителя. К осени 1937 г. из числа его первых преподавателей осталась лишь Матвиевская на должности завуча.

Для зачисления в состав слушателей рабфака необходимо было предоставить 5 различных справок и заполнить анкету. В анкете требовалось указать: пол; национальность; профессию и специальность; какое время, где и в качестве кого работал; общий рабочий стаж; стаж работы на производстве; в каком профсоюзе состоял членом; партийность; членство в ВЛКСМ с указанием номера комсомольского билета; состоял ли на службе в старой армии, в белой армии, в Красной армии с указанием чинов и должностей; участвовал ли в Гражданской войне; какое имел образование; кем командирован; в каких политических партиях состоял; стаж общественной работы в советских, кооперативных, профсоюзных и т.п. организациях; социальное положение родителей, их происхождение; привлекался ли к суду, следствию, был ли аресто-

ван, подвергался ли взысканиям, где и за что именно (до революции и после) и какое понес наказание; занятие по специальности родителей или лиц, их заменяющих до 1917 г., во время Октябрьской революции, в настоящее время; не лишен ли избирательных прав поступающий и его родители; на какие средства живет поступающий, получаемый оклад в месяц [2, д. 221, л. 1–2].

В 1935 г. на красноярском рабфаке обучались 5 дневных и 3 вечерних группы. Среднегодовой контингент дневной формы обучения в 1936 г. составил 111 студентов, в 1937 г. — 161 человек и соответственно по годам 150 и 85 человек — вечерней. Несмотря на некоторые количественные успехи в подготовке специалистов, рабфак имел слабую материальную базу: плохо оборудованные кабинеты, отсутствие студенческих общежитий, скудный библиотечный фонд (всего 13 экземпляров книг 5 наименований; среди которых книги о рабочем снабжении, организации и экономике советской торговли, основам теории советского хозяйства) [2, д. 5, л. 4, 6, 9].

В 1935 г. красноярский рабфак обеспечил 50 % приема студентов в ИИСТ. Практика ускоренного обучения (один год вместо четырех) снижала качество подготовки и уровень знаний выпускников. Но снижение академических успехов учащихся рабфака носило относительный характер. Абсолютным был показатель деградации учебного процесса в стенах института снабжения. Причинами снижения интереса к учебе в ИИСТ со стороны красноярцев следует считать как внутренние проблемы вуза — ухудшение материально-технической базы, уход квалифицированных преподавателей в условиях неопределенности перспектив торговых вузов в масштабах всей страны — так и нацеленностью поступающих на обучение профессиям в иных сферах деятельности — образовании, промышленности, геологии и т.д. В докладной записке директора красноярского рабфака А.Е. Первалова начальнику Управления подготовки кадров Наркомата внутренней торговли РСФСР сообщалось, что репутация ИИСТ в Красноярске незавидна. Институт к приему нового набора 1936 г. был совершенно не подготовлен. «Люди спали в сырых, темных, грязных комнатах по 4 человека на одной койке, на полу, под вшивыми грязными одеялами и без матрацев. Некоторые вернулись больными. Ушли все отличники, лучшие студенты, окончившие Красноярский рабфак... 20 % из поступивших. Все они сейчас в лесотехническом институте и пединституте» в Красноярске. В адрес дирекции рабфака шли десятки писем от покинувших иркутский институт красноярцев: «... общежитие № 2 больше ходит на тюрьму, чем на место, где молодежь должна проводить $\frac{2}{3}$ времени и учиться культуре и науке» [2, д. 9, л. 36, 36 об.].

Между тем, по мере расширения свободной торговли, исправления имевшего место в период карточной системы резкого дисбаланса в пользу кооперативной торговли в торговой сфере страны, в целом, и

Сибири, в частности, путем ускоренного создания сети предприятий государственной торговли росла необходимость обучения и воспитания квалифицированных специалистов, обладающих дополнительными компетенциями. Усвоенные ими новые знания, умения и навыки должны были соответствовать формирующейся «посткарточной» советской реальности. В новых условиях предстояло избавиться от наиболее одиозных практик, действующих в рамках, по сути, раздаточной модели снабжения населения страны. Большое количество специалистов в области торговли, общественного питания, учета, складского дела требовалось для организации снабжения работников транспорта. Красноярск был узловым железнодорожным центром и крупным портом енисейской речной системы. Снабжение важнейших отраслей народного хозяйства, крупнейших строек на рубеже 1920–1930-х гг. осуществлялось через систему закрытых кооперативов и распределителей. Обеспечение занятых на железнодорожном и водном транспорте рабочих, инженерно-технических работников, служащих и членов их семей вели закрытые транспортные потребительские общества. После 1932 г. на базе закрытых кооперативов стали создаваться отделы рабочего снабжения (ОРСы), затем тресты по торговле и столовым (например, Крастрансторгпит, Енводторгпит). Дополнительная нагрузка на систему профессионального обучения ложилась также в связи с «неестественной» убылью ценных работников. Так, в 1938 г. за «развал общественного питания, умышленное расстраивание производственно-финансовой деятельности треста» был расстрелян начальник общественного питания Водторгпита Енисейского управления речного пароходства В.П. Алексеев (в 1957 г. за отсутствием состава преступления реабилитирован).

Серьезными профессиональными знаниями и умениями должны были обладать работники снабжающих организаций золотоплатиновой промышленности. К их числу относилась красноярская районная контора по продовольственному и промтоварному снабжению золотоплатиновой промышленности (Золотопродснаб), подчиненная Восточно-Сибирской краевой конторе в Иркутске. Позже с образованием Красноярского края организация была переименована в Енисейскую контору по снабжению Главзолота. Строго говоря, ОРСы Золотопродснаба относились к сельской местности, и розничная торговля Цветметпродснаба в городах не превышала 0,4 % общего городского товарооборота. Однако значительные материальные ценности не доходили до приисков, оседая в Иркутске и других местах, где располагались базы Золотопродснаба. Контингент снабжающихся из фондов золотопромышленности непосредственно в Иркутске в начале 1930-х гг. «разбух» до 37 тыс. человек. К тому же, к закрытым распределителям рабочих золотопромышленности прикрепляли различных ответственных работников. Следует учитывать, что подготовка специалистов Золотопродснаба велась, в том числе

и для его многолюдных контор и управлений, располагавшихся в городах и имевших к золотодобыче лишь формальное отношение [1, с. 67, 108]. Наряду с описанными выше торговыми системами транспортников и работников золотой промышленности в Красноярске располагались еще около четырех десятков торговых организаций, принадлежавших как к сворачивающей свою торговую деятельность в городах потребительской кооперации (Крайпромсоюз, Краскоопинторг и др.), так и к набирающей обороты государственной торговле (Универмаг, Союзпродмаг, Текстильторг, Галантерея-Трикотаж, Ювелирторг и др.). Собственной торговлей располагали некоторые предприятия (спиртоводочный завод, гормолзавод, пивзавод) и сбытовые объединения (Кондитерсбыт, Главрыбсбыт, Сиблесторгсбыт и др.).

Поскольку красноярский рабфак ИИСТ не мог в полной мере обеспечить краевые торговые организации квалифицированными кадрами, Красгорторг организовал при нем постоянно действующие курсы на 50 человек. В мае 1934 г. красноярский рабфак ИИСТ в лице директора А.Е. Перевалова и красноярская городская контора Красгосторга во главе с М.Я. Шлейфером заключили договор, который, как подсказывает нам опыт изучения подобных практик 1920–1930-х гг., был выгоден обеим сторонам. С точки зрения организации учебного процесса с учетом сложностей присущих этому периоду подобное взаимодействие представляется оптимальным. Ибо оно сочетало теоретическое и практическое знание, а также возможности стационарного образования и обучения посредством курсовых мероприятий. Условия договора были следующими:

1. Рабфак принимал на себя обязательства подготовить 50 человек торговых работников для Красгорторга.

2. Продолжительность курсов устанавливалась 4 месяца — с апреля по август.

3. Количество академических часов предусматривал учебный план (табл.).

4. Дирекция рабфака должна была по каждой дисциплине разработать и согласовать учебную программу с ответственным руководителем по подготовке кадров Красгорторга.

5. Рабфак обязан был обеспечить курсы качественным преподавательским персоналом и провести учебный процесс в соответствии с решениями партии и правительства о подготовке кадров методом соцсоревнования и ударничества.

6. Для достижения наилучших результатов и для создания учащимся необходимых условий по усвоению учебного материала во время классных занятий рабфак обязывался: а) использовать имеющиеся у него учебно-наглядные пособия по общеобразовательным предметам; б) организовывать экскурсии; в) организовывать практику для курсантов по согласованию с преподавателями.

Учебный план

Наименование предметов	Число часов	Плата за 1 час, р.	Оплата за часы, р.		Всего
			I группа	II группа	
1. Политграмота	45	6	270	270	540
2. Русский язык	50	6	300	300	600
3. Арифметика	60	6	60	360	720
4. Организация и техника	90	7	630	630	1 260
5. Учет и отчетность	45	7	315	315	630
6. Торгфинплан магазинов и ценообразование	35	7	245	245	490
7. Складское дело	10	7	70	70	140
8. Товароведение продтоваров	75	7	525	525	1 050
9. Товароведение промтоваров	65	7	455	455	910
10. Правовые вопросы	10	7	70	70	140
11. Сангигиена	10	7	70	70	140
12. Учет знаний	30	7	210	210	420
<i>Всего</i>	525	–	3 520	3 520	7 040
Зачетная сессия	–	–	–	–	100

7. Рабфак брал на себя обязательства обеспечивать курсы: а) кабинетами для проведения классных занятий, б) библиотекой по общеобразовательным предметам, в) хозяйственным обслуживанием курсов (отопление, освещение, уборка и т.п.).

8. Рабфак был обязан предоставлять 2 раза в месяц Красгорторму следующие данные: а) посещаемость слушателей; б) успеваемость; в) количество ударников и соревнующихся; г) выполнение учебного плана.

9. По окончании занятий на курсах и проведении зачетной сессии все курсанты передавались в распоряжение отдела кадров Красторга, где им выдавали удостоверения об окончании курсов и характеристики.

10. Комплектование курсов слушателями производил Красгорторм. Условием приема являлось образование не ниже 4-х классов средней школы и наличие практического стажа торговой деятельности.

11. Для наблюдения за ходом занятий на курсах Красгорторм выделял постоянного представителя, который входил на правах члена совета в курсовой совет.

12. Красгорторм должен был содействовать рабфаку в поисках преподавателя по специальным дисциплинам.

13. Красгорторм оплачивал рабфаку расходы за пользование помещениями, хозяйственные расходы и за методическое руководство по 650 р. в месяц (за полный курс — 2 600 р.). При этом оплата преподавательского состава производилась непосредственно конторой Красгорторма.

14. Расчет производился ежемесячно 20 числа чеком со счета Красгорторга.

15. Окончательный расчет производился по окончании курсов.

16. Все возникающие споры должно было решать районное бюро Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов [2, д. 9, л. 11–13].

Этот договор позволял Красгорторгу контролировать процесс обучения, пополнять свои штаты обученными сотрудниками непосредственно в Красноярске, благодаря характеристикам от рабфака, иметь представление о профессиональных и нравственных качествах будущих работников (на фоне массовых правонарушений в торговле эти сведения имели особенное значение). Педагоги рабфака от этого сотрудничества получали возможность дополнительного заработка. Это касается, прежде всего, руководителей педагогического коллектива. Так, директор рабфака за проведение занятий на четырехмесячном курсе получил 500 р. [2, д. 22, л. 15], директор, завуч, бухгалтер получали от Красгорторга ставки, которые к марту 1937 г. значительно возросли и составили 475, 335 и 300 рублей соответственно [2, д. 22, л. 45]. Неплохо по тем временам зарабатывали и рядовые преподаватели рабфака, не занятые на курсах Красгорторга. В большей степени выигрывали преподаватели общеобразовательных предметов, имеющие значительную учебную нагрузку. Так педагог А. М. Ананич, получил отпускных в 1937 г. (за 2 месяца) 1 714 р. [2, д. 221, л. 38]. Для сравнения: зарплата председателя красноярского горсовета составляла в 1936 г. 566 р. [3, д. 56, л. 20]. Эти цифры едва ли нужно комментировать. Вместе с тем, трудно говорить о средней зарплате преподавателей за 1937 г., когда размер оплаты труда колебался от 112 до 1 093 рублей [2, д. 22, л. 38].

Работа рабфака ИИСТ в Красноярске продолжалась до 28 июня 1937 г. [4, д. 578, л. 262; д. 588, л. 142]. Вскоре постановлением СНК РСФСР от 17 июля 1937 г. был закрыт и сам ИИСТ, его студенты переведены в вузы Москвы, Ленинграда и других городов по родственным специальностям; учебные корпуса и общежитие переданы Иркутскому пединституту [5, с. 645].

Сформулируем частные выводы и выскажем общие соображения по теме исследования, которые не были артикулированы нами прежде. Усилия торговых учебных заведений не могли удовлетворить нужды растущего города (население Красноярска в 1933 г. — 130 тыс. человек, в 1936 г. — 203 тыс.) в силу ряда причин. Одна из них очевидна — недостаточное количество торговых образовательных учреждений, слабость материально-технической базы профессионального образования. Источники свидетельствуют, что городской властью актив адекватно реагировал на стоящую перед ним проблему, но не обладал ресурсами для ее решения. Ситуацию усугубляла очередная порция структурных

реформ внутренней торговли, связанных с переходом к недолгой, как показало время, эпохе свободной торговли. В отчете городской плановой комиссии за период с 1934 по 1938 г. о состоянии товаропроводящей сети констатируется, что «формирование честных советских кадров в товарообороте происходило несколько позднее, чем в других отраслях народного хозяйства». Техническое обучение работников торговой системы началось лишь в 1935 г. В 1936 г. по Красгортторгу, аппарат работников прилавка которого составлял 402 человека, техническое обучение прошло только 98 человек [3, д. 73, л. 7].

Другой, не менее важной причиной являлось то, что в течение первых советских пятилеток под влиянием тектонических изменений в общем укладе жизни страны круто менялись приоритеты людей. Жизненные стратегии молодежи и активной части населения ориентировались на получение профессий, позволяющих лично соответствовать новой социальной реальности, ситуации в которой был ликвидирован институт частной собственности, и остро порицалось стяжательство. Однако на рубеже 1920–1930 гг., в начале развертывания сети торговых вузов по всей стране, по нашим ощущениям, интерес к обучению в них был достаточно высок. На наш взгляд, одна из серьезных причин дальнейшего снижения числа поступающих в торговые вузы связана с теми фильтрами, при помощи которых государство последовательно отстраняло от обучения «торговому ремеслу», «коммерции» наиболее способных к данному виду деятельности, впитавших с «молоком матери» естественную, семейную тягу к торговому предпринимательству. Источники прямо указывают на тот факт, что выбранные по профессионально сомнительным критериям классово близости контингенты поступающих вузам предпочитали техникумы где, в свою очередь, они боролись за сокращение срока обучения.

Список использованных источников и литературы

1. Алексеев О. Г. Торговля и снабжение населения в городах Восточной Сибири в период карточной системы (1928–1935 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / О. Г. Алексеев. — Красноярск, 2007. — 236 с.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). — Ф. Р-407 (Красноярский рабочий факультет института Советской торговли). — Оп. 1.
3. ГАКК. — Ф. Р-1332 (Управление экономики администрации г. Красноярска). — Оп. 1.
4. ГАКК. — Ф. Р-1386 (Красноярский краевой Совет народных депутатов и его исполнительный комитет). — Оп. 1.
5. Иркутская летопись. 1661–1940 / сост. Ю. П. Колмаков. — Иркутск : Оттиск, 2003. — 847 с.
6. Профессиональное коммерческое образование в Сибири в XX в. Очерки истории / Т. А. Катцина, Л. Е. Мариненко, О. Г. Алексеев, А. И. Погребняк. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. — 202 с.

Информация об авторах

Алексеев Олег Геннадьевич — кандидат исторических наук, доцент, кафедре гуманитарных наук, Сибирский федеральный университет, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79, e-mail: fukidid2007@yandex.ru.

Катцина Татьяна Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент, кафедре теории и методики социальной работы, Сибирский федеральный университет, 660041, пр. Свободный, 79, e-mail: katsina@list.ru.

Authors

Oleg G. Alekseev — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of the Humanities, Siberian Federal University, 79 Svobodny Avenue, Krasnoyarsk, 660041, e-mail: fukidid2007@yandex.ru.

Tatyana A. Katsina — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of the Theory and Technique of Social Work, Siberian Federal University, 79 Svobodny Avenue, Krasnoyarsk, 660041, e-mail: katsina@list.ru.

УДК 377(571.53)(091)

Л.В. ГАРАЩЕНКО

ББК 74.57(2Р-4И)г

К ИСТОРИИ КОММЕРЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИРКУТСКЕ

На основе вновь выявленных архивных данных и материалов до-революционной периодической печати освещаются историко-педагогические аспекты организации в Иркутске двух коммерческих училищ — частного и казенного.

Ключевые слова: история образования, коммерческое образование, коммерческое училище, частное учебное заведение, купечество, образовательная инициатива, Иркутск.

L. V. GARASHCHENKO

ON THE HISTORY OF COMMERCIAL EDUCATION IN IRKUTSK

Historical and pedagogical aspects of the organization of two commercial schools — private and state are covered — in Irkutsk on the basis of newly discovered archival data and pre-revolutionary periodical press materials.

Keywords: history of education, commercial education, commercial school, private educational institution, merchants, educational initiative, Irkutsk.

Коммерческое образование в Иркутске как часть культурно-образовательной инфраструктуры нашего региона имеет более чем столетнюю

историю. Вместе с тем, отдельные вопросы, связанные с его возникновением и развитием в дореволюционный период остаются недостаточно изученными, поскольку системного историко-педагогического исследования, комплексно отражающего организационно-педагогические аспекты деятельности иркутских коммерческих училищ, не предпринималось.

Не секрет, что успех любого дела во многом определяется деятельностью персонала организации, его готовностью выполнять возложенные трудовые функции на высоком профессиональном уровне, основы которых закладываются в процессе получения специального образования. Отсутствие в Иркутске учебных заведений, осуществлявших подготовку молодежи к коммерческой деятельности, к должностям бухгалтеров, контролеров, приказчиков в торговых конторах, на фабриках и других предприятиях, побудило местное купеческое общество в начале XX в. поднять вопрос о создании в городе коммерческого училища. Для «выяснения» этого вопроса 3 марта 1900 г. Иркутская городская дума создала особую комиссию, в которую вошли гласные И.Н. Румов (председатель), Н.И. Поляков, И.И. Попов, П.С. Карзаков, А.С. Первунинский, П.П. Залесов, В.И. Тышко и В.Л. Теремец [7, 1900, т. 1]. Лишь спустя два года, 29 апреля 1902 г., председатель комиссии препроводил городскому голове соответствующий доклад. Выводы, к которым пришла комиссия, были таковы: 1) «в виду... огромных сумм, требующихся на устройство и содержание коммерческого училища... и в виду отсутствия свободных на это у города сумм» невозможно ожидать в скором времени открытия такого училища; 2) необходимо образовать фонд на учреждение коммерческого училища, который будет пополняться путем особого сбора с иркутского торгового сословия; 3) в случае создания такого фонда, при отсутствии у города денежных средств, помощь муниципалитета в этом деле может выразиться только в отводе места на городской земле для строительства здания школы [7, 1904, т. 3, с. 155–156]. 14 февраля 1903 г. городской голова обратился к купеческому старосте с просьбой вынести означенный вопрос на рассмотрение иркутского купеческого общества.

22 сентября 1903 г. в здании городской управы состоялось собрание купеческого общества. На заседании, где присутствовало свыше 35 человек, были заслушаны «соображения» гласного В.М. Посохина относительно возможности открытия в Иркутске коммерческого училища. Припоминая слова министра, сказанные им городскому голове при проезде на Дальний Восток, о том, что средства на открытие коммерческих училищ обычно изыскивают частным путем и только отчасти пополняются казной, В.М. Посохин считал, что иркутское купечество вполне может приступить к реализации своей образовательной инициативы. При обсуждении этого предложения было выработано мнение, что при солидарном выделении необходимых денежных средств купечеством и

органом городского самоуправления, а также с получением субсидии от Министерства финансов, «открытие коммерческого училища в Иркутске... становится уж не таким невозможным» [3, 1903, 24 сент.]. Прозвучало также мнение, что в проектируемое училище следовало принимать в первую очередь детей иркутских купцов, затем — детей местных обывателей и лишь потом, если останутся свободные места, — иногородних. 12 ноября 1903 г. приговор купеческого общества предложением иркутского губернатора был «обращен к исполнению» [7, 1904, т. 3, с. 158].

В городской думе проект был встречен «с полным сочувствием всех гласных» [3, 1904, 25 нояб.]. После кратких дебатов было постановлено немедленно ходатайствовать о разрешении открыть при Управе сбор с торговых документов, а также и пожертвований, тем более что ресурсы на содержание училища в 300 учеников требовались немалые: 40–45 тыс. р. в год, да на постройку здания нужно было еще 200 тыс. р. Министерство финансов со своей стороны пообещало ежегодное вспомоществование в 2 ½ тыс. р. — проценты с «капитала, пожертвованного братьями К. и С. Поповыми на дело распространения коммерческого образования в России и преимущественно в Сибири» [14, 1908. 26 нояб.]. Остальные суммы должны были покрываться из сбора с патентов и промысловых сертификатов. Купеческое общество на такой сбор изъявило свое полное согласие и лишь просило городского голову о скорейшем открытии в столице губернии «рассадника коммерческих знаний» [7, 1904, т. 1. с. 405]. Разработку устава училища и возбуждение ходатайств поручили гласным В.М. Посохину, В.И. Тышко и Б.П. Шостаковичу.

Справедливости ради, стоит отметить, что газета «Восточное обозрение», предваряя описанные события, еще в декабре 1899 г. извещала своих читателей: «Мы слышали от г. управляющего казенной палатой, что в самом непродолжительном времени в Иркутскую городскую думу будет внесено предложение об открытии в городе коммерческого училища, на что в Министерстве финансов имеются пожертвованные одним лицом 100 тыс. р. Со своей стороны, министерство не прочь прийти на помощь субсидией, при условии, если город окажет поддержку» [3, 1899, 17 дек.].

Вследствие нерасторопности заинтересованных сторон и бюрократической проволочки решение вопроса вновь затянулось. И надолго. Городской думой ничего «сделано не было, несмотря на то, что купеческое общество находило коммерческое училище для города безусловно необходимым» и в Иркутске вообще ощущался «недостаток в учебных заведениях» [14, 1907, 19 мая].

В 1907 г. общее собрание купеческого общества в очередной раз возбудило вопрос «о крайней желательности провести в жизнь» прежнее постановление и направило в администрацию города ходатайство об открытии коммерческого училища [9, 1906, 26 нояб.]. Причем было

упомянуто, что, в случае удовлетворения их прошения, будут «взыскивать с купцов, при выдаче торговых документов и свидетельств, в пользу училища: с первой гильдии 50 р. и второй — 20 р., с непременным условием, чтобы коммерческое училище принимало бы детей всех вероисповеданий без ограничений» [14, 1907, 19 мая]. Дело, наконец, сдвинулось с мертвой точки.

Примечательно, что весной 1907 г. газета «Сибирь» сообщила: в августе текущего года в Иркутске баронессой М.Г. Розен «предполагается открыть коммерческое училище со специальным VIII классом». Заручившись согласием со стороны высшей местной администрации на создание ею училища, г-жа Розен выехала в Петербург, чтобы исходатайствовать разрешение на создание названного учебного заведения, которое «явится в Иркутске первым коммерческим училищем», с совместным обучением детей обоего пола [14, 1907, 30 мая].

Почти в тот же период главный инспектор училищ Восточной Сибири, уезжавший в Петербург по делам службы, взял на себя труд лично ходатайствовать в Министерстве народного просвещения о дозволении учредить в Иркутске городское коммерческое училище, устав которого он, для представления в столице, вез с собой. Со стороны главного начальника края препятствий к этому не встречалось. Он лишь высказал сомнение, что 16 тыс. р., которое предположено было собрать в пользу школы путем самообложения местного купечества, являвшегося инициатором в этом деле, окажется достаточным, чтобы открыть осенью будущего года и содержать это заведение, почему необходимо изыскать другие средства. Предположено было, между прочим, «утилизировать» для этой цели часть Пономаревского капитала [14, 1907, 6 июля].

Возвратившись в июле 1907 г. из Петербурга с уставом училища, утвержденным в Министерстве торговли и промышленности, Мэри Генриховна Розен намеревалась уже с начала учебного сезона открыть три низших класса, начиная с приготовительного. Полный же курс школы, составленный применительно к программе реальных училищ, должен был включать в себя шесть общеобразовательных классов и два специальных (не считая приготовительного). В преподавании особое внимание планировалось обратить на математику и иностранные языки. Часть учителей должна была приехать из Петербурга, остальные вербовались из «местных преподавательских сил». Получать образование могли дети без различия их национальностей и вероисповедания. Годовая плата за право учения устанавливалась в размере 80 р. в приготовительном классе и по 100 р. в остальных. Задумана была и организация при училище интерната, если для определения в него детей найдется достаточное число желающих. Пресса при этом отмечала, что «пока город и местное купечество собираются учредить здесь казенное коммерческое училище, частное училище будет уже функционировать» [14, 1907, 14 июля].

Однако жизнь распорядилась иначе. Узнав, что город вышел на министерство с прошением об открытии коммерческого училища при субсидии со стороны муниципалитета (на которую рассчитывала и баронесса) и что у города велики шансы получить искомое одобрение, М.Г. Розен решила организовать свое учебное заведение не в Иркутске, а в Чите [14, 1907, 26 июля]. Что ею и было сделано.

Проект устава Иркутского городского коммерческого училища, за образец которого был принят устав аналогичного томского, был утвержден министром торговли и промышленности уже 9 августа 1907 г. [11, с. 1]. Но это казенное учебное заведение, предназначенное для подготовки «специалистов средней квалификации для торговли и промышленности» [8, с. 199], начало свою работу лишь через год, 1 сентября 1908 г.

Практически в те же дни, 8 августа 1907 г., определением иркутского губернатора «Об Обществах Присутствия» в реестр обществ Иркутской губернии было внесено так называемое «Общество Иркутского коммерческого училища», которое имело целью учредить и содержать в Иркутске «Коммерческое училище по типу С. Петербургского Тенишевского коммерческого училища» [16, с. 1]. 15 августа 1907 г. общее собрание членов общества, рассмотрев проект устава школы, постановило представить данный документ на утверждение в учебный отдел Министерства торговли и промышленности, приложив ходатайство о разрешении открыть образовательное учреждение уже в настоящем учебном году [9, 1907, 19 авг.]. Организацию учебно-воспитательной части и наблюдение за преподаванием общее собрание возложило, по избранию, на законоучителя Иркутской мужской гимназии о. Михаила Смирнова. Было запрошено согласие губернского начальства на исполнение М.М. Смирновым обязанностей директора этой школы.

Энергично взявшись за дело, новое общество уже 28 сентября 1907 г. получило утвержденный устав учебного заведения, которому было присвоено наименование «2-е коммерческое училище в г. Иркутске» [14, 1907, 16 окт.]. (Известен также устав училища, который министр торговли и промышленности В. Тимирязев утвердил 24 мая 1909 г. [7, 1909, т. 3].)

Открытие училища состоялось 27 октября 1907 г. [4, ф. 209, оп. 1, д. 66] в доме С.Н. Родионова, по ул. Котельниковской (ныне ул. Фурье), против «Амурского подворья». Празднество почтили своим присутствием главный инспектор училищ Н.Г. Вознесенский, вице-губернатор А.Н. Юган, управляющий Казенной палатой П.В. Смирнов, городской голова И.Ф. Исцеленнов, начальница частной женской гимназии А.М. Григорьева, педагоги городских средних школ, родители учеников. Молебен совершал священник о. И. Шастин. После молебна учеников угостили фруктами и отпустили по домам. Остальные лица, числом около сорока, остались на обед, который отличался особой торжественностью и

обилием [14, 1907, 31 окт.]. В летописи Н.С. Романова ошибочно указана другая дата открытия училища — 6 октября [13, с. 96]. Однако в этот день только объявили прием прошений от желавших учиться юных иркутян [14, 1907, 9 окт.].

Учебный процесс начался. Учреждение, которое относилось к разряду частных средне-учебных заведений, давало детям общее и коммерческое образование. Содержалось оно исключительно на «собственные средства». Основной капитал складывался из нескольких источников: единовременные (300 р.) и ежегодные (не менее 10 р.) взносы действительных членов общества; пожертвования неравнодушных граждан (так, в 1908 г. купец И.М. Файнберг подарил 1 000 р. на мебель для классов [14, 1908, 17 мая]); проценты с основного капитала; доходы с пожертвованного имущества; деньги, собираемые с родителей.

Плата за право учения была крайне высока и первоначально составила в приготовительном классе 200 р., в первом — 250 р. в год [14, 1907, 9 окт.]. Этот факт незамедлительно получил негативную оценку в прессе. «Нам кажется, — писала газета, — что учредители не должны были бы устраивать из платы такой фильтр, при помощи которого вся беднота оставляется за бортом школы. Сказанное относится в особенности к еврейским детям, которые не могли попасть в другие учебные заведения города вследствие процентной нормы и которые не будут в состоянии поступить в училище (где нормы нет) по материальным условиям» [14, 1907, 18 окт.]. Размер оплаты был пересмотрен. 25 октября 1907 г. на собрании членов общества, после двухчасовых прений по этому вопросу, закрытой баллотировкой были утверждены следующие суммы на текущий учебный год: 150 р. — для приготовительного класса, 200 р. — для первого [14, 1907, 27 окт.]. В 1910 г. стоимость обучения во втором коммерческом училище (с правами правительственных учебных заведений) была еще снижена: в приготовительном — 75 р. в год, в первом и втором — 100 р., в третьем — 125, четвертом — 150 [14, 1910, 1 авг.]. Средства вносились вперед по полугодиям и ни в коем случае не возвращались.

Своего помещения у школы не было. Под учебные площади арендовались здания в центре города. В 1908 г. второе коммерческое училище располагалось в доме № 2/34 по ул. Котельниковской. При этом в справочной литературе той поры указаны и иные адреса. Так, в том же 1908 г. местоположение учебного заведения обозначено в доме купца Алексеева по ул. Преображенской [17, с. 62]. Но это заарендованное здание не только оказалось сырым, но и не было отремонтировано к началу учебного года. В конце сентября 1908 г. попечительный совет принял решение о переезде школы в дом Каршина на Большой улице (№ 51). Здесь училище работало и в 1911 г. На аренду из бюджета уходила значительная сумма — 8 800 р. в год [14, 1908, 28 окт.]. Согласно же заявлению иркутского купца М.Н. Швеца в адрес городского головы,

датированному 2 июля 1912 г., в принадлежавшем ему доме по ул. Котельниковской, 1/42 (угол с Большой) до «сего времени находилось 2-е коммерческое училище», и «помещение это специально было устроено для этой цели» [4, ф. 70, оп. 3, д. 4890, л. 5]. Возможно, это мог быть дополнительный корпус под школьные классы.

Общее заведование делами училища осуществлял попечительный совет. Первый состав совета был весьма представительен: в него вошли купцы Д.М. Кузнец, А.С. Первунинский, Л.С. Кальмеер [14, 1907, 27 окт.]. В течение всего времени существования учреждения его попечительный совет возглавлял инициатор создания школы — потомственный почетный гражданин, директор Сибирского торгового банка Владимир Васильевич Жарников, «проявляя любовь к училищу, употребляя все усилия к возможному улучшению условий внутренней жизни училища, поднятию уровня учебно-воспитательного дела» [4, ф. 209, оп. 1, д. 66, л. 7].

Попечительный совет избирал директора и представлял его кандидатуру на утверждение в должности в Министерство торговли и промышленности. Главная обязанность директора заключалась в надзоре за ходом преподавания и воспитания, за порядком и благосостоянием вверенного ему училища. Он лично отвечал за исполнение всех предписаний учебного начальства и за подбор персонала, был председателем педагогического комитета. Известно, что в должности директора школы состояли первоначально выпускник Казанской духовной академии Михаил Михайлович Смирнов (1907–1909 г.), позднее — преподаватель арифметики Александр Антонович Антонов (1911–1912 г.).

На момент открытия училища сюда поступило всего 27 человек: 6 — в подготовительный класс, 21 — в первый [14, 1907, 27 окт.]. В 1908 г. вновь зачислено в подготовительный класс 15 мальчиков, в первый — 20, во второй — 9; отказано 15 претендентам [14, 1908, 13 сент.]. Как и задумывалось, принимали в школу детей всех сословий и вероисповеданий. Так, в 1912 г. году состав обучающихся, а их было 103, по вероисповеданию был таков: православных — 54, католиков — 4, лютеран — 2, иудеев — 38, магометан — 1, сектантов — 3, шаманистов — 1. По сословиям: дети дворян и чиновников — 13, купцов — 27, мещан — 35, военных — 3, крестьян и иных сословий — 20, почетных граждан — 1, духовного звания — 2, врачей — 2 [4, ф. 209, оп. 1, д. 66].

Для зачисления в школу был установлен возрастной ценз: для поступавших в подготовительный класс — от 8 до 10 лет, в первый — от 9 до 12 лет. При подаче заявления требовалось предъявить свидетельства: метрическое — о рождении, о звании и медицинское — о привитии оспы и общем состоянии здоровья. Выдержавшие экзамены в подготовительный и первый классы других средне-учебных заведений (мужских) принимались в соответствующее отделение без экзаменов. В 1909 г. Министерство торговли и промышленности разрешило училищу совместное

обучение детей обоего пола [14, 1909, 19 апр.], и начался прием в девочек в подготовительный, первый и второй классы.

Курс обучения был рассчитан на восемь лет. Положение о коммерческих учебных заведениях (1896 г., дополнено в 1900 г.) определяло статус коммерческих училищ как общеобразовательных учебных заведений, дававших учащимся общее (в объеме курса реального училища) и коммерческое образование. Соответственно, в учебный план входили общеобразовательные и специальные дисциплины. В первых пяти классах преподавание основных предметов велось по сокращенным программам *реальных училищ*, но с большим объемом практического курса двух иностранных языков. В старших классах в основном изучались специальные дисциплины — бухгалтерия, коммерческая арифметика, коммерческая корреспонденция, торговое и промышленное законоведение, политическая экономия, коммерческая география, химия, товароведение с технологией, каллиграфия. Обязательными для всех были рисование и гимнастика. Распределение уроков по классам и объем преподавания предметов учебного курса определялись учебным планом и программами, вырабатываемыми педагогическим комитетом училища и утвержденными Министерством торговли и промышленности. Учебный год длился с 20 августа до 1 июня.

Выпускники училища могли поступать в коммерческие институты или высшие технические учебные заведения. Кроме того, окончившие курс получали личное гражданство, а с отличием — звание «кандидат коммерции» [7, 1909, т. 3]. Звание личного почетного гражданства помогало пересечь черту оседлости и давало право устройства на государственную службу.

Коллектив второго коммерческого училища отличался творческим подходом к образовательному процессу. В основу организации учебной работы было положено решение таких задач: сделать усвоение изучаемого материала сознательным, не трудным и основательным, выработать у учеников умение осмысленно, самостоятельно работать, сформировать «навык к труду», дать учащимся с прохождением курса по дисциплинам в пределах программ в достаточной степени общее развитие. В достижении этих целей педагоги стремились избегать механической и отвлеченной форм обучения, применяя преимущественно наглядный способ [10]. Для этого в училище были созданы все необходимые условия: существовали фундаментальная и ученическая библиотека, собрание учебных пособий, физический кабинет, музей образцовых товаров, лаборатория для практических занятий учеников по химии и товароведению. В январе 1909 г. администрация школы обратилась в распорядительный комитет Восточно-Сибирского отдела русского географического общества с просьбой передать школе дубликаты минералов, препаратов и предметов и получила принципиальное согласие [14, 1909, 21 янв.].

В естественноисторическом кабинете имелись картины для волшебного фонаря и стереоскопа. Здесь проходили практические занятия как днем, в урочные часы, так и по вечерам. Там же иногда устраивались чтения со световыми картинками при помощи волшебного фонаря.

«Для поднятия успехов» учащихся педагоги прибегали к «мерам разумного воздействия»: замечаниям, сердечным беседам, «стремясь этим путем воспитать в учениках серьезное отношение к своим обязанностям».

В воспитательной работе с детьми старались «предупредить проявление в них дурных наклонностей», развивать сознательное отношение к своим поступкам и чувство искреннего и доброго товарищества внутри классного коллектива и учреждения в целом. Мерами воздействия на учеников служили главным образом разъяснения, увещевания и выговоры администрации училища, временное удаление провинившегося из среды товарищей во время игр, «внесение проступка ученика в дневник» для сведения родителей и, в редких случаях, строгий выговор ученику перед всем классом. Особенно преследовало училище «манкировку и небрежность учащихся. При повторении случаев со стороны ученика училище приглашало родителей и убеждало их в необходимости содействовать аккуратным занятиям и хорошему поведению. Если эти меры не оказывали успешного действия, то манкировавшим ученикам уменьшали балл по поведению» [4, ф. 209, оп. 1, д. 66, л. 13 об., 14, 14 об.].

Как и в других учебных заведениях, популярными формами воспитательной работы были литературное утро, литературно-музыкальные и танцевальные вечера. В феврале 1908 г., например, на ученическом вечере был показан водевиль «Доктор и пациентка», разыгранный самими учениками очень удачно. Читались басни И.А. Крылова. Стихотворение Н.А. Некрасова «Генерал Топтыгин», исполненное одним из преподавателей, сопровождалось световыми картинками. Детям и гостям было предложено угощение. Вечер, который прошел очень оживленно, завершился танцами [14, 1908, 28 февр.]. Нередко посетителями таких мероприятий были важные персоны. Так, 4 февраля 1912 г. вечер в училище посетили иркутский генерал-губернатор егермейстер Л.М. Князев — попечитель Восточно-Сибирского учебного округа, главный инспектор училищ Восточной Сибири Г.П. Василенко, заместитель городского головы Н.Н. Донской и другие лица [4, ф. 209, оп. 1, д. 66]. В этот день дети показали две пьесы: «Вытурил» Грейсера и «Глухой тетерев» А. Плещеева, затем поставили несколько номеров декламации и оркестра балалаечников. Помещение училища было красиво декорировано зеленью, а в одном из классов был устроен «зимний сад» [6, 1912, 7 февр.].

Среди преподавателей учреждения встречаем фамилии известных и уважаемых в Иркутске людей. В их числе — инженер-технолог М.М. Холодковский (гласный Иркутской городской думы в 1917–1920 гг.,

член ВСОИРГО, преподаватель рабочего и педагогического факультетов Иргосуна), художники И.Л. Копылов и Е.Л. фон-Мооль, преподаватель Иркутского военного училища и боевой офицер П.Г. Фелицын, В.П. Старостин — наставник Иркутской учительской семинарии и с 1917 г. ее директор.

С 1909 г., в силу обострившегося торгово-промышленного кризиса в Иркутске и других неблагоприятных условий, приток пожертвований на нужды училища прекратился. Это обстоятельство послужило поворотным пунктом к ухудшению материального положения школы. Училище в этом году из-за дороговизны даже отказалось от приобретения учебных пособий в местных книжных магазинах и закупало таковые непосредственно из Москвы и Петербурга [14, 1909, 26 июня]. Неожиданная помощь пришла от Сибирского торгового банка, общее собрание акционеров которого, состоявшееся 22 марта 1909 г., постановило отчислить 10 тыс. р. из прибылей 1908 г. для оказания содействия развитию коммерческого образования в местах нахождения филиалов банка. Из этой суммы правление банка направило второму коммерческому училищу в г. Иркутске 2 тыс. р. [14, 1909, 30 апр.].

Несмотря на сложности с финансированием, учредители школы продолжали оснащать образовательный процесс современным оборудованием: в октябре 1909 г. из Берлина от фирмы «Франц Шмидт и Генч» был получен проекционный аппарат новой конструкции. Прибор этот, стоимость которого составила более 400 р. без таможенной пошлины, тогда оказался наилучшим из всех, какие имелись при учебных заведениях Восточной Сибири [2, 1910, 31 окт.].

Осенью 1910 г. появились слухи, что второе коммерческое училище в будущем учебном году предполагается соединить с городским, поскольку самостоятельное его существование обходится дорого, между тем как число учащихся, в виду крайне высокой платы, невелико [2, 1910, 19 окт.].

Поступление учеников на обучение существенно сократилось, многие родители, из боязни за судьбу своих детей, перевели их в другие учебные заведения. Учредители попытались преобразовать училище в реальное. Но условия, выдвинутые Министерством народного просвещения (дети иудейского вероисповедания в реальном училище должны составлять не более 10 % контингента), были неприемлемы, поскольку «не менее 15 мальчиков евреев невинно остались бы за бортом школы» [4, ф. 209, оп. 1, д. 66, л. 56]. В итоге было принято решение о слиянии с городским коммерческим училищем и переводе туда всех обучавшихся. Из персонала трудоустроили только двух наблюдателей, учителя рисования и преподавателя немецкого языка.

1 июля 1912 г. второе коммерческое училище закрылось, инвентарь его был передан Иркутскому городскому коммерческому училищу.

К истории этого учебного заведения мы уже обращались в более ранней публикации [5]. Представляется, вместе с тем, вполне обоснованным в рамках данной статьи раскрыть некоторые страницы биографии образовательного учреждения, поскольку его деятельность оказалась краеугольным камнем в развитии многих традиций коммерческого образования в Иркутском регионе.

Городское коммерческое училище, как сказано выше, было открыто 1 сентября 1908 г. Несмотря на то, что общий уклад жизнедеятельности школы во многом был выстроен, как у второго коммерческого училища, функционирование ее происходило в несколько иных условиях. В первую очередь это касалось финансирования: находясь в ведомстве Министерства торговли и промышленности, учебное заведение содержалось городским обществом. В частности, сбор на эти цели, установленный на 1910 г., составил: с промысловых свидетельств первого разряда — 20 %, или 100 р.; со второго — 25 %, или 25 р. [2, 1909, 24 сент.]. В год же сумма выделялась значительная — 16 тыс. р.

Несмотря на то, что взимаемая с родителей учеников плата была чуть ниже, чем во втором коммерческом училище, обучение здесь было достаточно дорогим по сравнению с другими средними школами Иркутска. Газета «Сибирь» констатировала, что плата за учение в городском коммерческом училище установлена высокая, «вне конкурса», при этом «последнее получает восполнение в форме отчислений с промысловых свидетельств и ему предстоит воспользоваться поддержкой города в виде бесплатного отвода земли под здание училища» [14, 1909, 19 июля].

Итак, в 1908 г., при открытии училища, куда поступило всего 59 учеников (27 — в приготовительный класс, 32 — в первый [14, 1908, 13 сент.]), стоимость учения составила 150 р. В следующем году Министерство торговли и промышленности согласовало другой размер оплаты. Причем, суммы для местных и иногородних учеников установили разные: «...в приготовительном классе по 75 руб. в год с городских жителей и по 90 руб. с иногородних, в 1-м классе — по 100 руб. с городских и по 120 руб. с иногородних, в 2-м и 3-м классах по 120 руб. со всех учащихся». На 1912–1913 учебный год были вновь внесены коррективы: «120 руб. — с каждого ученика той и иной категории 2, 3, 4 классов и 135 — с ученика 5 класса» [4, ф. 209, оп. 1, д. 5, л. 2, 4, 6]. Максимальная сумма — 135 р. — позднее распространялась на 5–7 классы.

Важно подчеркнуть, что «недостаточные» ученики освобождались от взноса платы за учение. Так, в первое полугодие 1910–1911 учебного года такую льготу получили 11 человек, во второе — 13. Кроме того, ученику второго класса Новикову была предоставлена учрежденная Иркутским обществом взаимного кредита при училище стипендия имени Б.П. Шостаковича в размере годовой платы за учение [11]. В первом по-

лугодии 1914–1915 учебного года из 304 учеников по причине бедности 22 мальчика были полностью освобождены от платы за обучение, а восемь — от половины суммы [12].

Директором школы первоначально был назначен Георгий Леонидович Линицкий. Осенью 1911 г. его перевели на ту же должность в Нерчинское реальное училище. С 20 сентября 1911 г. руководство учреждением возложено на коллежского советника Илью Михайловича Камова.

Контроль над деятельностью администрации училища осуществлял попечительный совет. Его состав на протяжении многих лет был достаточно постоянным и, безусловно, очень представительным. Так, попечителями являлись потомственные почетные граждане Б.П. Шостакович (председатель совета), В.М. Посохин и Я.Г. Патушинский, купец З.И. Помус, действительный статский советник, председатель Биржевого комитета А.В. Витте и другие.

Собственного здания у Иркутского городского коммерческого училища тоже не было. Для размещения учебных классов за 3 200 р. в год был арендован дом Иркутского общественного собрания по ул. Графа Кутайсова [11]. Из-за пожара, случившегося в доме общественного собрания 6 декабря 1912 г. [4, ф. 209, оп. 1, д. 14], когда все имущество сгорело, а убытки составили до 40 тыс. р. [14, 1912, 7 дек.], по необходимости были взяты в аренду два деревянных здания по ул. Почтамтской, 20, в усадьбе И.А. Ишаева [14, 1913, 4 янв.]. Там учебное заведение в последующем и оставалось. В 1912 г., когда общее количество учеников достигло 300 человек, четыре класса пришлось разместить в двух этажах дома В.П. Галай, где ранее находились аудитории Иркутского общества общедоступных курсов [14, 1912, 19 авг.]. Попечительный совет училища неоднократно предпринимал попытки к постройке собственного здания на Луговой улице. Но эти действия не увенчались успехом.

В пределах принятого устава учреждение пользовалось правом на автономию и внутреннее самоуправление. Здесь действовал педагогический комитет, решавший вопросы организации образовательного процесса. Так, обязательная общеобразовательная и профессиональная подготовка воспитанников была дополнена основательным изучением иностранных языков. Выпускники при этом должны были не только уметь разговаривать на иностранном языке, но и вести на нем деловую переписку. В целях усиления культурного развития учеников с середины 1909/1910 учебного года были введены уроки пения, «причем, попечительным советом решено было придать преподаванию этого предмета классный характер» [11, с. 3]. В следующем году образовательную программу еще расширили — внедрено обучение детей физическим упражнениям и военному строю [4, ф. 209, оп. 1, д. 14].

Учебный год в Иркутском городском коммерческом училище начинался 21 августа и заканчивался 15 апреля. Урок длился 50 минут. Коли-

чество уроков в неделю определялось учебным планом и составляло: в подготовительном классе — 22 часа, в первом — 24, в 2–7 классах — по 30 часов. Преподавание велось по программам других учебных заведений (Петровского коммерческого училища, реальных училищ), а также по программам, «выработанным комиссиями» при Министерстве торговли и промышленности. По возможности, сохранялось то распределение числа недельных часов, при котором, согласно указаниям продолжительного опыта этих учебных заведений, возможно прохождение курса по принятым программам. Ученики в основном переводились в следующий класс на основании оценок текущей успеваемости.

Преподаватели основное внимание уделяли организации производительной и целесообразной работы учеников, а не выполнению программы во всех ее деталях. В обязанности педагогов входило также руководство внеклассным чтением детей. Эти более или менее свободные внеклассные занятия не должны были походять на обычные уроки, и были предназначены для развития у детей интереса к серьезной книге, самостоятельной умственной работе. Для достижения этой цели учителя составляли списки книг для пополнения школьной библиотеки, взаимодействовали с библиотекарем, давали надлежащие указания самим ученикам.

Широко практиковались образовательные экскурсии. Только в течение 1913/1914 учебного года под руководством преподавателя товароведения инженера-технолога А.Я. Гончарова ученики побывали на черемховских каменноугольных копях П.К. Щелкунова, фарфорово-фаянсовом заводе в Тельме, на кирпичном заводе Плотникова, стеклянном заводе Лейбовича и К°, мукомольной мельнице Белицкого и К°, гвоздильном заводе Мокржицкого. Везде учащиеся встречали со стороны владельцев предприятий и служебного персонала радушный прием и любезное содействие, способствовавшие ознакомлению с технической постановкой дела и производством [14, 1914, 19 февр.].

Школьникам не выставляли баллов за поведение, «считая наказание крайней мерой, училище стремилось поддерживать необходимую классную дисциплину лишь мерами морального воздействия на учащихся. Творцом дисциплины в классе являлся преподаватель, общее же наблюдение вверялось наблюдателю. Во время перемен допускалась шумливость и большая подвижность, как нечто естественное, свойственное возрасту данных классов, наблюдатель придерживал лишь развитие в учащихся навыка отличать момент более или менее строгого режима от момента, когда таковой не нужен. С этой точки зрения, давая большой простор не вредным шалостям во время перемены, училище признает необходимым во время занятий серьезную дисциплину, без которой занятия идти успешно не могут» [11, с. 31–32]. Серьезные проступки не были часты и влекли за собой серьезное же внушение со

стороны наблюдателя и директора, который тогда вызывал родителей для беседы по поводу происшедшего. К числу проступков такого рода, кроме многократного нарушения дисциплины, относились: обиды младших мальчиков старшими, проявление невоспитанности в виде несдержанного или необдуманного ответа наблюдателю или преподавателю. К проступкам последнего рода относились особенно серьезно, стараясь выяснить их причину и повод, составить по возможности полную картину об обстоятельствах, сопровождавших данное проявление некорректности, и, в зависимости от степени вины учащегося, привести ученика к осознанию вины и извинению. Как отмечалось в прессе, принцип школьного дела — «страх прощения и наказания, кондуит, цифровые отметки успехов учащихся, — все это не только без ущерба для дела, а прямо-таки с пользой для него совершенно игнорируются училищем и... попытка считаться с индивидуальностью ученика, сменившая вековую заповедь — всех стричь под одну гребенку, привела к результатам положительным» [14, 1914, 4 апр.].

Педагогический коллектив подбирался тщательно. Кандидатуры утверждались попечительным советом. Особенно это относилось к тем, кто принимался в штат, поскольку преподаватели все состояли на государственной службе, а многие из работавших на условиях найма числились чиновниками при Министерстве торговли и промышленности. Назовем несколько фамилий преподавателей — тех, кто в разные годы вел занятия по предметам, входившим в блок профессиональной подготовки. Это А.Я. Гончаров (товароведение), С.А. Епифанов (товароведение и коммерческая география), выпускник физико-математического факультета Московского университета В.В. Мусницкий (бухгалтерия и коммерческая арифметика), В.С. Стрелков (коммерческая арифметика, бухгалтерия и коммерческая география), А.В. Тихомиров (товароведение), К.К. Черняков (коммерческая география).

В целом уровень преподавания был высок: в 1914 г., когда был сделан первый выпуск Иркутского городского коммерческого училища, все окончившие полный курс были удостоены звания личного почетного гражданина, двое воспитанников получили звание кандидатов коммерции и награждены один — золотой медалью, другой — серебряной [14, 1914, 5 июня]. Выпускники школы работали в государственных контрольно-финансовых учреждениях, Иркутском губернском казначействе, Иркутской губернской палате, Акцизном управлении. В 1918 г. училище окончил с золотой медалью *Николай Ильич Камов* — в будущем советский авиаконструктор.

Учебное заведение со временем стало центром экономического образования Иркутской губернии. Когда в августе 1912 г. на заседании Биржевого комитета, в связи с обсуждением вопроса о коммерческом образовании, был поднят вопрос о необходимости открытия в Иркутске

для торговых служащих вечерних торговых классов, директор школы И.М. Камов предложил поместить будущие торговые классы в зданиях училища, поскольку «при таких условиях легче всего обеспечить классы преподавательским персоналом» [14, 1912, 22 авг.]. О том, что эта образовательная инициатива была воплощена в жизнь, имеется упоминание в летописи Иркутска: 27 сентября 1917 г. при Иркутском коммерческом училище открылись очередные «занятия торговых классов Иркутского биржевого общества» [13, с. 252].

Иркутское городское коммерческое училище просуществовало до 1920 г. После октябрябрьского переворота отношение государственной власти к коммерческой деятельности в основном было резко отрицательным. В 1920 г. образовательное учреждение переименовали в «3-ю Советскую школу второй ступени». 6 июля 1920 г. заведующим школой назначен И.М. Камов [4, ф. р-2452, оп. 1, д. 1].

Восточная Сибирь, однако, остро нуждалась в «образованных деятелях торгово-промышленной сферы» [1, 1921, 17 июля]. Поэтому уже в мае 1921 г. в Иркутске приступили к организации политико-экономического института и промышленно-экономического техникума. Предполагаемый контингент слушателей: в институте — 60, в техникуме — 90 [1, 1921, 26 июня]. Техникум начал работать в здании бывшего горного училища на площади III Интернационала (ранее Тихвинская, 6). Обучение в нем было платное.

13 августа 1921 г. начался прием абитуриентов в Иркутский практический промышленно-экономический институт [1, 1921, 13 авг.]. Учебное заведение разместилось в помещениях бывшего городского коммерческого училища (ул. Степана Разина, 20), получив от него в наследство прекрасный инвентарь, учебно-вспомогательные пособия, специальные кабинеты и обеспечив преемственность традиций в сфере иркутского коммерческого образования.

Список использованной литературы и источников

1. Власть труда. — 1921. — 26 июня; 17 июля; 13 авг.
2. Восточная заря. — 1909. — 24 сент.; 1910. — 19 окт.; 31 окт.
3. Восточное обозрение. — 1899. — 17 дек.; 1903. — 24 сент.; 1904. — 25 нояб.
4. Государственный архив Иркутской области. — Ф. 70. — Оп. 3. — Д. 4890; Ф. 209. — Оп. 1. — Д. 5; Д. 14; Д. 66; Ф. р-2452. — Оп. 1. — Д. 1.
5. Гарашенко Л. В. Иркутское городское коммерческое училище / Л. В. Гарашенко // Земля Иркутская. — 2013. — № 1 (43). — С. 44–51.
6. Голос Сибири. — 1912. — 7 февр.
7. Известия Иркутской городской думы. — 1900. — Т. 1. — 682 с.; 1904. — Т. 1. — 1294 с.; Т. 3. — 760 с.; 1909. — Т. 3. — 1067 с.
8. Иркутская летопись. 1661–1940 г. / сост., автор предисл. и примеч. Ю. П. Колмаков. — Иркутск : Оттиск, 2003. — 848 с.

9. Иркутские губернские ведомости. — 1906. — 26 нояб.; 1907. — 19 авг.

10. Краткий отчет о состоянии учебно-воспитательной части во Втором коммерческом училище в г. Иркутске за 1907–1908 учебный год : 1 год существования училища. — Иркутск : Паровая тип. И. П. Казанцева, 1908. — 34 с.

11. Отчет о состоянии Иркутского городского коммерческого училища за 1909/1910 и 1910/1911 учебные годы : 2-й и 3-й год существования училища. — Иркутск : [б. и], 1912. — 34 с.

12. Отчет о состоянии учебно-воспитательной части в Иркутском коммерческом училище за 1914–1915 учебный год: 7-й год существования училища. — Иркутск : [б. и], 1916. — 111 с.

13. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / Н. С. Романов; сост., предисл. и примеч. Н. В. Куликаускаене. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. — 560 с.

14. Сибирь. — 1907. — 19 мая; 30 мая; 6 июля; 14 июля; 26 июля; 9 окт.; 16 окт.; 18 окт.; 27 окт.; 31 окт.; 1908. — 28 февр.; 17 мая.; 13 сент.; 28 окт.; 26 нояб.; 1909. — 21 янв.; 19 апр.; 30 апр.; 26 июня.; 19 июля.; 1910. — 1 авг.; 1912. — 19 авг.; 22 авг.; 7 дек.; 1913. — 4 янв.; 1914. — 19 февр.; 4 апр.; 5 июня.

15. Устав Иркутского коммерческого училища. — Иркутск : Тип. М. П. Окунева, 1907. — 24 с.

16. Устав Общества Иркутского коммерческого училища. — Иркутск : Электро-тип. С. А. Серебренникова, 1907. — 18 с.

17. Чирков Н. С. Иркутск в кармане: справочник 190^{8/9} г. / Н. С. Чирков — Иркутск : [б/и, б/г]. — 284 с.

Информация об авторе

Гарашенко Любовь Витальевна — кандидат педагогических наук, доцент, кафедра педагогики, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, e-mail: glovevita@mail.ru.

Author

Liubov V. Garashchenko — Ph.D. of Pedagogy, Associate Professor, Department of Pedagogics, Irkutsk State University, 1 Karl Marx St., Irkutsk, 664003, e-mail: glovevita@mail.ru.

УДК 378(571.53)(09)
ББК 74.483(253.5)

Д.Я. МАЙДАЧЕВСКИЙ

«БОЛЬШАЯ И ГРУСТНАЯ ОШИБКА»: ГАЗЕТА «ДЕЛОВАЯ СИБИРЬ» И ПОЛЕМИКА ПО «УНИВЕРСИТЕТСКОМУ» ВОПРОСУ, 1916–1917 ГОДЫ

Статья рассматривает особую позицию редакции иркутской газеты «Деловая Сибирь» в развернувшейся на страницах местных средств массовой информации в период образовательных реформ П.Н. Игнатъева (1915–1916 гг.) полемике по «университетскому» вопросу. Последний был поставлен в принципиально новой плоскости: как о наи-

более желательном для Сибири типе высшего учебного заведения, а не месте его расположения. Со всей определенностью редакционные публикации продвигали идею приоритетности для региона новой формы народнохозяйственного института — политехникума.

Ключевые слова: газета «Деловая Сибирь», промышленное сообщество, народнохозяйственные вузы, политехникум, классический университет.

D. YA. MAIDACHEVSKY

**«BIG AND DISAPPOINTING MISTAKE»:
«DELOVAYA SIBIR» NEWSPAPER AND UNIVERSITY
PROBLEM DISPUTE 1916–1917**

The article considers «Delovaya Sibir» editorial office special position in a local media dispute about university problem during P.N. Ignat'yev educational reform 1915-1916. The peculiarity of this dispute was that it was not about a preferable place for a university, but about its preferable form of organization. Editorial publications promoted the idea of new form of national economy institute — a polytechnic school that is the most preferable form of a school for the region.

Keywords: «Delovaya Sibir» newspaper, industrial community, national economy institutes, polytechnic school, classic university.

Непредвзятый читатель согласится, что история высшей школы в Иркутске и в Иркутской губернии (да и в Восточной Сибири в целом) вплоть до начала 1930-х гг. всегда была университетской историей, а та ее часть, что предшествовала открытию в 1918 г. Иркутского государственного университета — историей «университетского вопроса». Даже «строгая и беспристрастная» библиография стала заложницей подобного взгляда историков, в указателе «Иркутск» (в той его части, что охватывает период до 1917 г.) раздел, посвященный высшему образованию в городе, озаглавив «История университетского вопроса» [8]. Взгляда, загоняющего проблемную область истории высшей школы региона в прокрустово ложе истории университетской: в угоду последней игнорирующего значительный массив исторической информации и устанавливающего искусственные границы на пути ее развития.

Между тем, уже в начале XX столетия стало очевидным, что проблематика высшей школы региона много шире узких рамок «университетского» вопроса, а истории последнего место скорее в библиотеке или архиве, нежели в современном дискурсе. Этому в немалой степени способствовало активное обсуждение в 1912 г. местным сообществом вопроса о том, «какого типа наиболее желательно здесь [в Иркутске] высшее учебное заведение» [14, с. 239], вызванное к жизни намерением Главного

управления землеустройства и земледелия открыть в Сибири «высший сельскохозяйственный институт». И хотя уже в 1912 г. выбор «передовой общественностью города» был сделан отнюдь не в пользу «общего» высшего учебного заведения, университетская история и сто лет спустя продолжает всерьез задаваться вопросом о том, «почему и как Иркутск стал вторым университетским городом Сибири». Без сомнения, ставя при этом смысловое ударение на слове «Иркутск» и совершенно игнорируя тот факт, что город стал «университетским» во многом вопреки «воле» немалой части той самой его передовой общественности [10, с. 61].

Любопытно, при этом, что удерживает свои позиции университетская история с опорой на работу, которая по существу более ста лет назад и отправила «университетский вопрос» в архив науки. Речь идет о статье правителя дел Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества Ф.Г. Ширяева «Университет в Иркутске», опубликованной на страницах 44 тома «Известий ВСОИРГО» в 1915 г., и представляющей собой доклад, сделанный тем на общем собрании отдела 27 октября 1912 г. На пути к читателю доклад «Высшее учебное заведение в Иркутске» — дабы ни у кого не оставалось сомнений в проуниверситетской позиции автора — не только поменял название, но и обзавелся весьма красноречивым подзаголовком — «историческая справка». Более того, словно бы чувствуя недостаточность такого уточнения, автор снабдил текст примечанием, более определенно формулирующим «результат ознакомления с прессой минувшего века», каковым стала возможность «говорить только о желательности и справедливости открытия в Иркутске именно университета». Современники, заключает Ф.Г. Ширяев, руководствовавшиеся практическими соображениями, предпочли решить вопрос о высшем учебном заведении в Иркутске иначе [14, с. 239].

О решении последних мы осведомлены опять-таки благодаря Ф.Г. Ширяеву, который снабдил информацию о сделанном им докладе обширным комментарием на страницах «Отчета ВСОИРГО за 1912 год», однозначно свидетельствовавшим, что общественное мнение склонилось к идее создания народнохозяйственного института, удовлетворяющего практические запросы общественного развития. «Соединенное совещание представителей города, биржевого комитета, просветительных учреждений и членов Распорядительного комитета по вопросу о том, какого типа высшее учебное заведение наиболее желательно для Иркутска, большинством голосов высказалось за открытие в Иркутске политехникума с экономическим и сельскохозяйственным отделениями» [13, с. 13].

Образовательные реформы, задуманные занявшим в 1915 г. пост министра просвещения П.Н. Игнатьевым и, казалось бы, переведшие вопрос о «втором университете в Сибири» в практическую плоскость, вызвали выплеснувшуюся на страницы местной печати новую волну небывалого энтузиазма сторонников университета. Последние по-прежнему апел-

лировали к прошлому, выстрадавшему поколениями иркутской интеллигенции праву быть не только культурной, но и университетской столицей Сибири (если не всей, то хотя бы Восточной). Их оппоненты смотрели на «университетский вопрос» с позиций «настоящего», способности вуза стать, если не в ближайшие годы, то в недалеком будущем опорой долгосрочного экономического развития региона. Достаточно жестко, зато предельно точно эту позицию сформулировал издатель и редактор красноярского общественно-политического журнала «Сибирские записки» В.М. Крутовский в увидевшей свет на исходе 1916 г. статье «Вопрос об университете». Жизнь Сибири, полагал публицист, ушла далеко вперед от той эпохи, когда ее немногочисленные образованные или к образованию тянущиеся жители впервые выдвинули идею обзавестись собственным «рассадником просвещения». «Она выросла из своих старых рамок. Впереди стоит период широкого промышленного развития — эксплуатация ее рудных богатств, лесных богатств, различных ископаемых залежей...». Для широкого развития этой промышленности нужны специалисты и необходимо, чтобы все это большое дело взяли в свои руки люди знания. А потому следует покинуть проложенную колею, внося изменения в прежнюю траекторию развития высшей школы региона: «Оставлять же старый университет в его настоящем виде или открывать новый по типу захудалого храма науки, дескать, для отдаленной провинции и такого достаточного, и нерационально, и для Сибири будет обидно» [2, с. 115–116, 119].

Свою лепту в развернувшуюся полемику не могли не внести представители коммерческой школы Иркутска и близкие к ним круги. В самый разгар дискуссии на страницах «Иркутской жизни» появляется статья «Коммерческое образование в России», автор которой ратует за самое широкое развитие всех видов профессионального образования, включая коммерческое/экономическое. Он приветствует усилия, предпринимаемые в этом отношении правительством, откликающимся на «нужды общества» открытием учебных заведений, дающих не одно только общее, но и специальное образование, и «выпускающих коммерческих деятелей, вооруженных к предстоящей им практике и некоторой научной подготовкой, у которых практика будет только завершать теорию в гармоничном взаимном сочетании» [1]. Эту мысль применительно к «университетскому вопросу» конкретизировал на страницах той же газеты директор Иркутского коммерческого училища И.М. Камов: «Хорошо, конечно, если Иркутск получит университет, но мне кажется, что край больше нуждается в специалистах, чем в людях чистой науки. Не мешает, если Восточная Сибирь обогатится людьми, получившими университетское образование, но нужда в людях, обладающих прикладными знаниями, прямо вопиющая» [9].

Однако, если на страницах «Иркутской жизни» публикации, подобные упомянутой, тонули в волнах славословий в адрес будущего университета, то появилось на информационном пространстве города

издание, с первых своих шагов занявшее твердую позицию поддержки идеи и практических шагов по открытию в Иркутске народнохозяйственного высшего учебного заведения. Этим изданием стал еженедельник «Деловая Сибирь», первый номер которого увидел свет на исходе марта 1916 г. К сожалению, сведения об издании крайне скудны, а его собственные страницы малоинформативны в этом отношении. И хотя газету и по названию, и по содержанию справедливо относят к числу деловых изданий, полагать ее рупором промышленных кругов города и губернии будет преувеличением. Газета недвусмысленно высказалась на этот счет, объясняя, в силу каких причин практически не слышен голос промышленников в поддержку народнохозяйственного образования в регионе: «Ответ прост — во-первых, нет своего органа, а во-вторых, наш сибирский промышленник, не в упрек ему будь сказано, привык дела свои делать втихомолку, по таежному, в одиночку, не оценивая значения коллективных выступлений» [11]. А потому, не будет большой ошибкой предположить, что газета была детищем ее редактора-издателя — Г.М. Мельниченко, чей «призыв в ряды войск» и последовавшая передача издания в ведение созданного Товарищества издательского и печатного дела «Деловая Сибирь», а редактирования — в руки А.Н. Кирилловой [12], незамедлительно привели к прекращению издания¹.

Первое обращение газеты к вновь вставшему на повестку дня «университетскому» вопросу стало и самым основательным, приняв форму вынесшей в заглавие ключевую его альтернативу — «Университет или политехникум?» — и подписанной (пускай и псевдонимом) статьи. Назвав «большой и грустной ошибкой» овладевший широкими слоями сибирской интеллигенции — в предвкушении осуществления «давно лелеяемой мечты» — порыв, автор фактически возложил на «руководителей сибирской общественной мысли» ответственность за непонимание ими «действительных нужд края», несоответствие их представлений — и, прежде всего, в области образования — переживаемому страной военному лихолетью и «экономическому состоянию Сибири». Он упрекал «руководителей общественной мысли» за бездумное, в силу этого, следование в фарватере правительственного плана развития университетской сети: «Почему у нас, на Восточной Украине, будет именно университет, а не политехникум? Неужели мы имеем дело только с пассивным подчинением правительственной программе — что ж, мол, поделаешь, когда нужно политехникум, а дают университет? Неужели это только потому, что за дело просвещения Сибири взялся граф Игнатъев, хотя и с добрыми намерениями, но недостаточно осведомленный об истинных нуждах Сибири, а не министры финансов, путей или торговли и про-

¹ Считается, что с 21 марта 1916 г. по 13 февраля 1917 г. вышло в свет 23 номера газеты. Полные тексты номеров доступны на сайте Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И.И. Молчанова-Сибирского.

мышленности, в распоряжении которых находятся кредиты на специальные учебные заведения?» [11].

Газета не упускала ни малейшей возможности проинформировать читателей об отрадных на ее взгляд событиях сибирской жизни, свидетельствовавших об изменении в настроениях общественности в вопросе народнохозяйственного образования, небезосновательно полагая, что «эти факты красноречивее сомнительных теоретических рассуждений со ссылками на исторические предпосылки». Однако самые обнадеживающие известия приходили из столицы, где «в тиши канцелярского лабиринта министерства народного просвещения чиновники сидели и разрабатывали вопрос о сети новых институтов в Империи, — главным образом в Сибири. И мы этим чиновникам обязаны за теоретическое обоснование политехникума...» [3]. И действительно, в тиши министерских кабинетов рождалась новая концепция политехнической организации инженерно-хозяйственного образования, которая ляжет в основание долгосрочной программы развития народнохозяйственной школы в стране. В соответствии с нею в Иркутске должен был появиться отнюдь не университет, а политехникум [7, с. 269–270].

Если в первом номере «Деловой Сибири» нового 1917 г. еще присутствуют сомнения и робкие надежды, что «смена главы ведомства народного просвещения... не отразится на дальнейшей разработке и благоприятном разрешении этого важного вопроса» [4], то уже следующий полон уверенности — как известно, безосновательной — в успешном будущем высшего народнохозяйственного вуза в городе. С трудом сдерживая захлестывающие его эмоции, безымянный автор передовой статьи писал: «Мы далеки от меркантильно-эгоистических побуждений и в торжестве реальных, деловых идей, подсказанных неоспоримой действительностью, стремимся видеть победу практической целесообразности» [5].

В определенном смысле пророческими оказались слова утешения, высказанные в конце статьи в адрес «поверженных» оппонентов: «Мы не враги университета, но убеждены, что к нему прийти необходимо через политехникум» [5]. Очередной проект, разработанный после Февральской революции — так проектом, впрочем, и оставшийся, — предусматривал распространение в стране новой организационной формы высшего учебного заведения, своеобразного «научно-прикладного университета» [6]. И отработать новую модель предполагалось на Иркутском университете, с которого должна была стартовать реализация проекта, собравшем под одной крышей факультеты: юридический с экономическим отделением, физико-математический, медицинский, горно-металлургический, инженерно-строительный и сельскохозяйственный с лесным и ветеринарным отделениями [7, с. 271].

История, как известно, распорядилась иначе. Не только оппозиция вышеупомянутому проекту в Комиссии по реформе высшей школы Времен-

ного правительства, но и «демократическая контрреволюция» в Сибири, привели к открытию в Иркутске «классического» университета, против чего и небезосновательно выступала немалая часть общественности города.

Список использованной литературы и источников

1. Б. Коммерческое образование в России / Б. // Иркутская жизнь. — 1916. — 7 сент. (№ 215).
2. В. К. [Крутовский В. М.]. Вопрос об университете / В. К. [В. М. Крутовский] // Сибирские записки. — 1916. — № 4. — С. 113-128.
3. Деловая Сибирь. — 1916. — 5 дек. (№ 18).
4. Деловая Сибирь. — 1917. — 2 янв. (№ 21).
5. Деловая Сибирь. — 1917. — 6 февр. (№ 22).
6. Дмитриев А. Н. По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) [Электронный ресурс] / А. Н. Дмитриев // Университет и город в России в начале XX века / сост. : Т. Маурер, А. Дмитриев. — М. : Новое литературное обозрение, 2010. — С. 105-204. — Режим доступа : <https://www.hse.ru/data>.
7. Иванов А. Е. Высшая школа Российской империи начала XX века / А. Е. Иванов // Вестник Российской академии наук. — 1997. — Т. 67, № 3. — С. 265–274.
8. Иркутск: библиогр. указ. / сост. Н. Д. Игумнова, Е. В. Ильина, В. К. Пешкова; науч. ред. А. В. Дулов. — Иркутск : Изд-во «Облмашинформ», 2002. — Вып. 1: (XVII — XX вв. до 1917 г.). — 448 с.
9. К открытию университета в г. Иркутске. Директор коммерческого училища И. М. Камов // Иркутская жизнь. — 1916. — 24 июня (№ 182).
10. Казарин В. Н. О забытом споре городов, или Почему и как Иркутск стал вторым университетским городом Сибири / В. Н. Казарин // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2012. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2012. — С. 48–64.
11. Карамазов Ив. Университет или политехникум? / Ив. Карамазов // Деловая Сибирь. — 1916. — 19 сент. (№ 9).
12. От издательства // Деловая Сибирь. — 1917. — 6 февр. (№ 22).
13. Отчет Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества за 1912 год / сост. Ф. Г. Ширяев. — [Б.м.] : И.П. Казанцев, 1914. — 117 с.
14. Ширяев Ф. Университет в Иркутске. (Историческая справка) / Ф. Ширяев // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. — Иркутск, 1915. — Т. 44. — С. 239–266.

Информация об авторе

Майдачевский Дмитрий Ярославович — кандидат экономических наук, доцент, кафедра истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: maid1960@mail.ru.

Author

Dmitry Ya. Maidachevsky — Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of the History and International Relations, Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: maid1960@mail.ru.

УДК 94(571.1/5) «1928-1941»
ББК ТЗ(2Р53)7

А.А. ДОЛГОЛЮК

СТРОИТЕЛЬНАЯ ИНДУСТРИЯ НОВОСИБИРСКА В ГОДЫ ПРЕДВОЕННЫХ ПЯТИЛЕТОК

В статье раскрывается процесс создания в крупнейшем городе Сибири строительной индустрии, формирования подрядных организаций, рассказывается о сооружении промышленных и транспортных объектов города, зданий социально-культурной сферы.

Ключевые слова: Новосибирск, строительство, строительные организации, индустриализация, промышленность, транспорт.

A.A. DOLGOLYUK

THE CONSTRUCTION INDUSTRY OF NOVOSIBIRSK IN THE YEARS OF THE PREWAR FIVE-YEAR PLANS

In this article author examines the process of creating in the largest Siberian city building industry, formation of contract organizations. Also the construction of industrial and transport facilities in the city, as well as buildings of social and cultural sphere have been described.

Keywords: Novosibirsk, construction, construction companies, industrialization, industry, transport.

Город Новосибирск — третий по величине и численности населения в России — является столицей Сибирского федерального округа. Город, возникший на пересечении полноводной Оби и Транссибирской магистрали 124 года назад, стремительно развивался. Прошло всего лишь два десятилетия, и он превратился в административный центр Сибирского края, в ведущий производственный и транспортный узел на востоке России. Этому способствовали находящиеся в непосредственной близости от него главная житница Сибири Алтай и угольный Кузбасс.

Очень важным периодом в истории города стали три предвоенных пятилетки (конец 1928 — середина 1941 г.). Новосибирск самым активным образом оказался вовлечен в процесс индустриализации страны. За короткий срок в нем были заложены основы машиностроительного комплекса, нового центра оборонной промышленности, который уже в военные годы позволил городу превратиться в один из главных арсеналов по производству вооружений и военной техники. А настоящей статье показывается, как и в какое время шло сооружение важнейших

транспортных, промышленных объектов и зданий культурно бытового назначения за тринадцать предвоенных лет.

В этот период город пережил новый, очень важный период в своей относительно короткой истории. Он стремительно развивался. Объем капитальных вложений капиталовложений в первой пятилетке (IV кв. 1928 г. — 1932 г.) увеличился по сравнению с 1918–1928 гг. примерно в 4,5 раза, во второй он вырос еще более чем в 2 раза. За три года третьей пятилетки (1938 — I полугодие 1941 г.) в народное хозяйство Новосибирска было инвестировано примерно столько же средств, сколько и во второй пятилетке.

В каждом из трех пятилетних планов предусматривались задания, направленные на превращение Новосибирска в крупнейший транспортный, прежде всего, в железнодорожный узел. Еще в 1927 г. было начато строительство Туркестано-Сибирской железной дороги. Движение по ней было открыто 1 мая 1930 г. Новосибирск стал пунктом, где Турксиб соединился с Транссибом. С этого дня город получил надежную связь со Средней Азией.

В этом же году началось сооружение еще одной железнодорожной линии Обь — Проектная. Дорога, построенная за четыре года, еще более прочно связала Новосибирск с промышленным Кузбассом, превратив его в очень важное, необходимое звено Урало-Кузнецкого комбината.

Новые железнодорожные линии резко увеличивали нагрузку на мост через Обь. Пропуск грузов через реку становился узким местом. Поэтому одновременно с постройкой дороги Обь — Проектная, примерно на 5 км выше по реке начал сооружаться новый мост. На все работы отводилось менее года. Работы по строительству моста велись широким фронтом. В них были задействованы три основные строительные организации Мостотрест, Стальмост и Сибжелдорстрой. Последняя из них имела немалый опыт железнодорожного строительства в Западной Сибири. В связи с большими объемами инвестиционной деятельности в Новосибирске, включая сооружение нового железнодорожного моста через Обь, основная производственная база треста стала размещаться в этом городе. (В декабре 1930 г. он был переименован в трест «Сибстройпуть» и носил это название без малого четверть века).

Работы по сооружению моста были организованы круглосуточно в три смены. Благодаря энтузиазму строителей, прежде всего молодежи, их огромному желанию выполнить задание в установленный срок, и достаточно хорошей организации производственного процесса, удалось достигнуть высокой небывалой по тем временам производительности труда. Все это позволило осенью 1931 г. закончить возведение двухпутных опор, смонтировать пролеты и уже 17 октября открыть его в торжественной обстановке. В этот день по мосту прошел первый железнодорожный состав. Через семь лет был смонтирован второй путь.

Недалеко от моста на правом берегу Оби на железнодорожной линии в 1930 г. создано локомотивное депо. После того, как было открыто движение на Кузбасс, на его основе развернулось строительство одной из крупнейших в стране товарной станции Эйхе, в 1938 г. переименованной в станцию Инскую. До начала Великой Отечественной войны на огромной строительной площадке было уложено более ста километров маневровых путей, построен вокзал, вагонное депо, расширено локомотивное депо, построено множество других объектов, необходимых для обслуживания и ремонта локомотивов и подвижного состава и обработки грузов.

Еще в 1925 г. городская общественность стала широко обсуждать идею о постройке нового вокзала. К его сооружению «Сибстройпуть» приступил 1 октября 1930 г. Стройка считалась особо важной. Поэтому городские власти оказывали постоянную помощь строителям в создании производственной базы, в обеспечении треста кадрами.

К началу 1939 г. строительно-монтажные работы были в основном завершены и 25 января новый железнодорожный вокзал принят в эксплуатацию. Он стал крупнейшим сооружением Новосибирска. И в наше время вокзал входит в число зданий, формирующих центральную часть города.

Как и в целом по стране, в Новосибирске в годы первых пятилеток приоритет отдавался индустриальному строительству. В широких масштабах оно развернулось в городе в 1929 г. Первенцем стал завод «Сибкомбайн». Это предприятие должно было более чем на 80 % покрывать потребности Сибирского края в сложных сельхозмашинах.

Подготовительные работы были начаты 25 декабря 1929 г. Первые зимние месяцы стройки прошли «в тяжелых условиях нехватки людей, материалов, механизации, отсутствия проектов, планов, чертежей» [4, с. 90]. Для рабочих поблизости стали сооружать деревянные летние и утепленные бараки, столовые, клубы, бани и другие объекты, которые в короткий срок составили поначалу небольшой рабочий городок, который быстро разрастался.

К сооружению основных объектов приступили весной. К этому времени в «Сибкомбайнстрое» трудилось уже более тысячи человек. 2 мая 1930 г. в Кривошеково состоялся трехтысячный митинг в связи с началом основных работ по сооружению завода. В этот день были заложены здания заводоуправления, ремонтно-строительного, инструментального цехов, а также зданий фабрично-заводского училища, магазина и нескольких жилых домов соцгородка.

Как это часто бывает на новостройках, сразу же пришлось столкнуться с многочисленными трудностями. Не хватало работников, особенно квалифицированных, строительной техники. Уровень механизации строительно-монтажных работ был крайне низким. В таких условиях вновь выручил трудовой энтузиазм строителей, мобилизация всех сил «Сибкомбайнстроя», партийных и советских органов города. Для ликвидации

отставания от установленных сроков основной упор был сделан на увеличение продолжительности рабочего дня, проведение субботников и воскресников, «месячников штурма» по ликвидации «прорыва». Широко развернулось социалистическое соревнование. Многие передовые бригады и рабочие стали перевыполнять сметные задания в 2–3 раза [1, с. 53].

Примененные на стройке способы решения трудовых проблем, развития производственной и творческой активности масс, формы морального и материального стимулирования, замена привозных строительных материалов местными аналогами многократно использовались в последующие годы, как на данной стройке, так и при возведении других индустриальных объектов.

В 1931–1932 гг. шло сооружение зданий основных производственных объектов завода и одновременно монтаж оборудования первоочередных цехов. К концу 1932 г. завод был построен лишь на одну треть. Через год новостройка вновь изменила свою подчиненность, войдя в систему Наркомата тяжелой промышленности и получив новое наименование «Сибметаллстрой». Одновременно было принято решение вести дальнейшее строительство хозспособом. С этой целью при заводе организовали управление строительством. Темпы и масштабы строительства заметно снизились. Вновь объемы строительных работ на предприятии, переименованном в комбинат № 179, стали увеличиваться, начиная с 1939 г. Причем более успешно шло производственное строительство, и прежде всего направленное на создание военной продукции.

В конце 1930 г. было опубликовано решение правительства о строительстве предусмотренного первым пятилетним планом Завода горного оборудования. Этот промышленный гигант должен был ежегодно производить 1500 врубовых машин, 1350 лебедок, подъемные машины и другое оборудование для угольных шахт, других горно-обогатительных предприятий, коксохимических заводов. В течение всего лишь 2,5 лет планировалось создать в Новосибирске крупное машиностроительное предприятие, ежегодно потребляющее 165 тыс. т металла в год [2, с. 113].

Закладка завода состоялась 1 июня 1931 г. На начальном этапе сооружения завода руководителям стройки пришлось столкнуться с теми же трудностями, что и «Сибкомбайнстрою». Сложно решались кадровые проблемы, не хватало строительных инструментов и техники, строительных материалов. И, тем не менее, уже к концу года на «Сибмашстрое» (так стала называться стройка) были построены первые объекты основного производства, в частности ремонтно-механический цех, начато возведение кузнечного и литейного цехов, других объектов. Однако уже в следующем году финансирование новостройки заметно ухудшилось. Эта же тенденция проявилась и в последующий период. Планы по капвложениям не выполнялись. Денежные средства поступали на «Сибмашстрой» неритмично. В 1936 г. правительство определило

новый профиль завода как самолетостроение. После этого строительству завода был придан новый импульс. Уже в следующем году размер производственных площадей и количество единиц установленного оборудования увеличились более чем в 2,5 раза. А 23 октября 1938 г. завод «Сибмашстрой» был сдан в эксплуатацию, хотя первые самолеты «И-16» были выпущены на нем годом раньше. Расширение завода, который стал называться авиационным имени В.П. Чкалова, продолжалось и в последующие годы.

В годы первой пятилетки в Новосибирске был построен Станкостроительный завод им. XVI партсъезда. Предприятие было возведено на ул. Большевистской на базе мастерских Сибдеткомиссии. Его строителями, а с 1931 г. и эксплуатационниками стали бывшие беспризорники. Завод был построен всего лишь за год на собственные деньги бывших мастерских. А уже в следующем году завод выдал первый в стране продольно-строгальный станок. Предприятие продолжало развиваться и в последующие годы.

Также в 1930-е гг. получил дальнейшее развитие завод «Труд». Он был реконструирован. Лишь в годы первой пятилетки основные средства завода увеличились в 6 раз. В двух последующих пятилетках инвестиционный процесс продолжался. Вводились новые мощности для производства разнообразных сложных машин и оборудования для добывающей промышленности, номенклатура которых составляла около двух десятков.

Для развивающейся промышленности города требовалось все больше электроэнергии. В 1931 г. развернулись работы по сооружению электростанции. Она строилась на левом берегу Оби недалеко от «Сибкомбайна», который и должен был стать одним из основных потребителей ее энергии.

Строительные работы развертывались очень медленно. Они были начаты, когда еще не было проектной документации. Более того, окончательно даже не был решен вопрос о ее производственных возможностях. Только 1 июля 1936 г. первая очередь ГРЭС мощностью 24 тыс. кВт была принята в промышленную эксплуатацию. К строительству второй очереди Новосибирской ТЭЦ-2 (так стала называться станция) приступили в середине 1939 г., когда правительством было утверждено проектное задание.

Наряду с тяжелой индустрией в Новосибирске развивались и другие отрасли промышленности. Крупные капиталовложения были вложены в текстильно-швейную промышленность. Значительно расширилась швейная фабрика «Автомат», переименованная в фабрику имени ЦК Союза швейников. Также на базе небольшой мастерской развивалась трикотажная фабрика «Динамо». Во второй пятилетке на ее основе развернулось строительство крупного трикотажного комбината.

В это же время шло строительство обувной фабрики имени С.М. Кирова. Под нее был переоборудован старый корпус бывшего сухарного завода, а также построено новое более крупное здание. Сооружение завода с проектной мощностью 8 млн. пар обуви в год было завершено в 1935 г.

В соответствии с третьим пятилетним планом в марте 1940 г. в Новосибирске началось сооружение завода расточных станков. Были построены здания литейного и кузнечного цехов. Еще в середине 1938 г. горсовет отвел землю под будущий Сибирский оловянный металлургический завод. К его сооружению, а также к созданию металлургического завода по производству черных металлов на площадке «Сибметаллстроя» приступили в конце 1940 г.

О масштабах промышленного строительства за годы первых пятилеток наглядно свидетельствуют такие данные. В 1913 г. в Новониколаевске имелось всего лишь 24 небольших фабрично-заводских предприятия. В 1925 г. в Новосибирске насчитывалось всего лишь 35 ценовых предприятий, на которых было занято не более 2000 человек, а на 1 января 1938 г. в городе действовало уже 513 промышленных предприятий, на которых работало 36,4 тыс. человек [6, с. 185; 7, с. 714]. В последний предвоенный год валовая продукция промышленности по сравнению с 1913 г. выросла в Новосибирске в 76 раз [3, с. 21].

Таким образом, благодаря труду строителей индустриальный облик Новосибирска существенно отличался от того, который был в первые годы советской власти. Если в то время в городе преобладали предприятия, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье и, прежде всего, мукомольные, то в 1940 г. наряду с предприятиями пищевой и легкой промышленности возникли крупные заводы тяжелой индустрии. Они стали производить уже четвертую часть от общего объема валовой продукции промышленности [7, с. 711].

В 1930-е гг. в городе, в основном на правом берегу, построено много интересных общественных зданий, занявших важное место в градостроительной структуре города. Центральным зданием Новосибирска должен был стать Дворец науки и культуры. Решение о его строительстве было принято еще в 1928 г. Закладка дворца состоялась тремя годами позже. В течение трех лет были возведены каркас и стены всего сооружения, основные перекрытия и самый сложный купол над основным зрительным залом, частично выполнены работы по устройству крыши. За это время выяснилась нереальность первоначального проекта. Строительство было временно законсервировано. После очень существенной корректировки проекта было принято решение преобразовать строящееся здание в Оперный театр.

Как при проектировании, так и при строительстве оперного театра строителям пришлось преодолеть огромные трудности. Сооружение здания по оригинальному проекту с уникальным архитектурным обликом

потребовало от строителей творческого подхода, новаторских решений. Стройка стала прекрасной школой, как для инженеров-строителей, так и для рабочих. За десятилетие здесь набрались опыта дипломированные специалисты, сложился квалифицированный коллектив строителей. Работы по сооружению театра уже подходили к концу, когда началась Отечественная война. На несколько лет стройка была остановлена. Свою славную биографию Оперный театр начал сразу же после окончания Великой Отечественной войны — 12 мая 1945 г.

Почти одновременно с Дворцом науки и культуры началось строительство здания Крайисполкома (ныне в нем располагается Администрация Новосибирской области), которое несколько десятилетий оставалось крупнейшим административным сооружением в городе. На площади в 10 тыс. м² разместились зал заседаний на 400 человек, 5 залов собраний и 400 служебных кабинетов [4, с. 102].

Из других общественных сооружений, построенных в 1930-е гг., своей архитектурой и важным градообразующим значением выделяются здания «Запсибзолото», Управления Томской (позднее — Западно-Сибирской) железной дороги, Центральной сберегательной кассы, штаба Сибирского военного округа, корпуса городской больницы.

С превращением Новосибирска в крупный индустриальный и культурный центр возрастала потребность в кадрах высшей и средней квалификации. Для создаваемых в разных районах Новосибирска вузов и техникумов стали строиться новые здания или перестраиваться уже существующие. Для планового института был надстроен и реконструирован дом Госучреждений, сооружены здания институтов инженеров железнодорожного транспорта и Сибирского строительного института. Было начато, но до войны не было завершено возведение учебных корпусов сельскохозяйственного института и института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии.

В течение первых пятилеток продолжала развиваться сеть строительных организаций города. В 1930 г. Сибирским краевым исполкомом создан «Новосибирскоцстрой» — управление строительством социалистического города на левом берегу Оби. Организация обеспечивала жильем строителей и эксплуатационников «Сибстройкомбайна» (впоследствии «Сибметаллстрой») и других жителей Левобережья, завода горного оборудования.

В годы строительства «Сибкомбайна» значительно окреп «Госстройтрест». В 1930 г. приказом ВСНХ РСФСР в Новосибирске организовано управление капитального строительства Народного комиссариата лесной промышленности РСФСР. Работы на строительстве ТЭЦ-2 вело управление «Электрострой».

После принятия в 1932 г. решения о строительстве в Новосибирске первой очереди трамвая, эта работа была возложена на Гордортран-

стрест. В июле 1934 г. из него был выделен трест трамвайного строительства (Трамвайстрой). Эта организация осуществляла строительство трамвайных путей и трамвайного парка, а также тяговой преобразовательной подстанции, расположенной на ул. Мичурина.

С оформлением в 1939 г. строительства в самостоятельную отрасль народного хозяйства (после создания общесоюзного наркомата по строительству — НКС СССР) связано появление в Новосибирске крупной подрядной строительной организации — треста № 31 (позднее — трест № 43). Сразу же после организации трест приступил к сооружению оловозава, завода расточных станков (ныне ОАО «Тяжстанкогидропресс») и многих других.

Несколько позднее — в октябре 1940 г. в составе Наркомата авиационной промышленности СССР был создан строительный трест № 7. Его основным назначением было сооружение в Новосибирске предприятий авиапромышленности. В это время продолжалось создание авиационного завода имени Чкалова и началось сооружение авиамоторного завода. Помимо производственного строительства трест возводил жилые дома и другие объекты социально-культурного назначения в Правобережье.

Таким образом, итогом трех предвоенных пятилеток стал существенный рост индустриального потенциала г. Новосибирска. Огромный вклад в его развитие внесли профессиональные строители. Сеть строительных организаций постоянно расширялась. В это время четко обозначилась тенденция перехода от кустарно-хозяйственного способа строительного производства к подрядному на основе постоянно действующих трестов и управлений, обладавших собственной производственной и иной материально-технической базой.

Список использованной литературы и источников

1. Долголюк А. А. Трансформационные процессы в социально-индустриальной структуре Новосибирской области в XX столетии / А. А. Долголюк, М. М. Ефимкин, В. А. Ламин. — Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2005. — 297 с.
2. История индустриализации Западной Сибири (1926–1941 гг. Сборник документов и материалов / под ред. А. С. Московского. — Новосибирск : Западное-Сибирское кн. изд-во, 1967. — 392 с.
3. Кормаков И. Новосибирская область за 50 лет Советской власти / И. Кормаков. — Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1967. — 107 с.
4. Левобережье Новосибирска: страницы истории : сборник / под ред. В. Н. Шуилова. — Новосибирск : Издательский дом «Сибирская горница», 1999. — 487 с.
5. Николаев А. А. Промышленность Новосибирска в 1920–1930-е годы / А. А. Николаев // Энциклопедия Новосибирска. — Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 2003. — С. 714–716.
6. Новосибирск. 100 лет. События, люди. — Новосибирск : ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. — 472 с.
7. Савицкий И. М. Промышленность Новосибирска / И. М. Савицкий // Энциклопедия Новосибирска. — Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 2003. — С. 708–714.

Информация об авторе

Долголюк Алексей Алексеевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: dolgalal@mail.ru.

Author

Alexey A. Dolgolyuk — Doctor of History, Leading Scientific Researcher, Institute of History of Siberian Branch Russian Academy of Sciences, 8 Nikolaev St., Novosibirsk, 630090, e-mail: dolgalal@mail.ru.

УДК 94(47)»193»
ББК Т63.3(2)6-2

В. А. ИЛЬИНЫХ

ЗЕРНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО СИБИРИ В 1930-е ГОДЫ: ДИНАМИКА, СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Осуществляются реконструкция динамики зернового производства в Сибири в 1930-е гг., описание происходивших в его рамках структурных изменений и выявление ключевых факторов развития отрасли. Установлено, что базовыми причинами падения зернового производства являлись форсированная коллективизация в начале десятилетия, сверхнормативное налоговое-податное обложение сельхозпроизводителей в конце десятилетия.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрная политика, зерновое производство, коллективизация, Сибирь.

V. A. ILINYKH

GRAIN ECONOMY IN SIBERIA IN 1930s: DYNAMICS, STRUCTURAL CHANGES, DEVELOPMENT FACTORS

Dynamics of grain production in Siberia in 1930s is reconstructed, structural changes are described, and the main factors of the branch development are revealed. The author states that the basic reasons for the grain production fall were forced collectivization at the beginning of the decade, and excess taxation of agricultural producers at the end of the decade.

Keywords: agricultural industry, agrarian policy, grain production, collectivization of agriculture, Siberia.

В конце 1920-х гг. в СССР обострилась зерновая проблема, которая была связана с недостаточным и нестабильным производством зерновых, не отвечающим потребностям страны. Базовым фактором

кризисных явлений в зерновом хозяйстве являлась его низкая товарность. После революции на смену высокотоварным помещичьим и предпринимательским крестьянским (кулацким) хозяйствам пришли преимущественно мелкотоварные средняцкие хозяйства, рост которых искусственно сдерживался. И.В. Сталин и его сторонники в руководящих органах большевистской партии были уверены, что решить зерновую проблему в стране можно только путем замены мелкотоварного крестьянского уклада крупным социалистическим. В январе 1930 г. началась коллективизация.

На 20 января 1930 г. в колхозах Сибирского края числилось 11 % крестьянских хозяйств, на 10 марта — 53 % [1, с. 291]. Форсированная коллективизация оказала негативное влияние на производительные силы сельского хозяйства. Под угрозой срыва находился весенний сев. Семян для его проведения не хватало. Часть семенного материала была изъята у крестьян в ходе хлебозаготовок, часть — разбазарена. Спешно созданные колхозы не были готовы к его проведению ни организационно, ни технически. Машинно-тракторные станции (МТС) только создавались. Тягловая сила из-за недостатка кормов была истощена. Единоличники планировали свести посев к потребительскому минимуму.

Чтобы окончательно не уничтожить аграрный сектор экономики и предотвратить массовое крестьянское восстание, режим скорректировал свою политику по отношению к деревне. Насильственные методы коллективизации были официально дезавуированы. Крестьяне стали выходить из колхозов. Уровень коллективизации к лету 1930 г. в Сибирском крае упал до 20 % [1, с. 299].

Катастрофа была предотвращена, но потери сельское хозяйство региона понесло большие. Пашни в 1930 г. в Сибири засеяли на 18,3 % меньше, чем в 1929 г. Площадь, занятая зерновыми, уменьшилась на 21,6 %. Больше всего пострадали посевы наиболее товарных культур — пшеницы и овса, снизившиеся соответственно на 24,9 и 41,6 %. В то же время увеличились посевы преимущественно потребительских культур — озимой ржи (на 17,8 %) и крупяных культур (на 68,5 %) (табл. 1) [11, с. 246, 247, 287, 302, 307, 312]. Соответственно изменилась структура посева. Удельный вес пшеницы и овса в общей площади посева снизился с 51,9 до 47,8 % и с 20,1 до 15,7 %, а озимой ржи и крупяных культур — вырос с 8,6 до 12 % и с 2,2 до 5 %. Снижение посевных площадей в регионе частично компенсировал лишь относительно высокий урожай.

В 1931 г. коллективизация возобновилась. Продолжалось начатое в конце 1929 г. интенсивное совхозное строительство. К концу 1931 г. в Западно-Сибирском крае в колхозы вступило 61 % крестьянских дворов, в Восточно-Сибирском крае — 56 % [1, с. 308]. Таким образом, уже в течение 1931 г. аграрная экономика Сибири перестала быть крестьянской, а крестьянское хозяйство — ее базовой производственной ячей-

кой. Основными производителями продукции растениеводства стали социалистические сельхозпредприятия. В 1932 г. удельный вес колхозов в площади посевов зерновых культур в Сибири составлял 71,9 %, совхозов — 15,3, единоличных крестьянских хозяйств — 12,9 % [11, с. 256].

Таблица 1

Динамика посевных площадей в Сибири в 1929–1932 гг., тыс. га*

Культуры	1929	1930	1931	1932
Зерновые	9 577	7 511	8 885	7 890
В том числе:				
пшеница	5 478	4 115	4 959	4 300
рожь озимая	880	1 033	779	696
овес	2 320	1 354	1 791	1 718
крупяные	254	428	667	631
Технические	406	338	541	595
Картофель и овощи	312	298	328	282
Кормовые	190	316	255	418
Посев всех культур	10 545	8 617	10 008	9 185

* Сведения приводятся в территориальных рамках Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев в границах июня 1934 г.

Вторая «колхозная» весенняя посевная кампания прошла в целом успешно. Площадь посева зерновых культур в Сибири увеличились на 18,3 %, пшеницы — на 20,3, овса — на 32,3 %. Предыдущий 1930 г. был урожайным, и в деревне удалось накопить достаточное количество семян. Объединение усилий вошедших в колхозы крестьян действительно создало условия для увеличения среднедушевых показателей посева по сравнению с единоличными хозяйствами. Колхозы региона обслужило 86 МТС (весной 1930 г. — 9) [1, с. 332].

Однако летом 1931 г. ситуация в сельском хозяйстве региона резко осложнилась в связи с сильной засухой, поразившей основные хлебопроизводящие районы Западно-Сибирского края. Урожайность зерновых в целом по краю составила 4,5 ц/га. Зерна в Западно-Сибирском крае собрали на 41 % меньше, чем в предыдущем году. Несмотря на снижение валового сбора, край получил на 1931/32 г. хлебозаготовительное задание, более чем на 5 % превосходящее фактические заготовки 1930/31 г. [10, с. 75]. Хлебозаготовки в этих условиях превратились в настоящий грабег деревни. Некоторые колхозы под давлением властей сдавали весь имеющийся у них хлеб. В результате в наиболее пострадавших от неурожая и действий властей южных районах Сибири уже осенью 1931 г. начался самый длительный и сильный за все 1930-е гг. голод. Голод и изъятие в колхозах значительной части семенного и фуражного зерна сказались на результатах посевной кампании 1932 г. Площадь посева зерновых в этом году в Сибири снизилась по сравнению с предыдущим на 11,2 %.

В итоге в 1932 г. зерновых на территории Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев посеяли на 17,6 % меньше, чем в 1929 г. Со-
кращение площади посевов пшеницы составило 21,5 %, овса — 25,9,
озимой ржи — 21 %. В то же время посевы крупяных культур выросли
в 2,5 раза, кормовых — в 2,2, технических культур — в 1,5 раза. Общее
снижение посевных площадей составило 12,9 % (см. табл. 1).

Разница в динамике изменения площади посева различных куль-
тур объясняется тем, что единоличники стремились выращивать пре-
имущественно потребительские культуры, а колхозы и совхозы ста-
ли увеличивать площадь под посадку более выгодных технических и
обеспечивающих развитие животноводства кормовых культур. В об-
щей площади посева в Западно-Сибирском и Восточно-Сибирском
краях удельный вес зерновых, пшеницы, овса снизился (с 90,8 до
85,9 %, с 51,1 до 46,8 % и с 20,1 до 18,7 %), а крупяных, технических
и кормовых культур — увеличился (с 2,2 до 6,9 %, с 3,8 до 6,5 % и
с 1,8 до 4,5 %).

Базовыми факторами кризисных явлений в сельском хозяйстве яв-
лялись сверхнормативное отчуждение продукции, отсутствие у колхоз-
ников стимулов к труду, крайне неудовлетворительная организация про-
изводства в колхозах и совхозах. Падение зернового производства стало
следствием не только низкой производительности труда колхозников и
рабочих совхозов, но и полного забвения агротехнических основ земле-
делия. Для колхозного полеводства были характерны плохая обработка
почвы, несвоевременный посев, низкое качество семян, засорение по-
лей, сокращение парового клина, отсутствие удобрений. Положение дел
в совхозах, призванных демонстрировать крестьянам преимущества
крупного «социалистического» производства, складывалось не лучше,
чем в колхозах. Плодородие почвы в итоге падало, урожайность сокра-
щалась, планы хлебозаготовок не выполнялись.

В конце 1932 г. перед центральными и местными властями вновь
встала задача восстановления сельского хозяйства. Его подъему долж-
ны были способствовать реформирование системы государственных
заготовок сельхозпродукции, организационно-хозяйственное укрепле-
ние колхозов и совхозов, наращивание материально-технической базы
аграрного производства.

Организационно-хозяйственное укрепление колхозов в 1933–1934 гг.
осуществлялось под контролем и при непосредственном участии поли-
тотделов МТС и совхозов. Политотделы принимали жесткие меры по
укреплению трудовой дисциплины. Помимо силовых методов воздей-
ствия применялись и экономические. Нужда в семенах и фураже для
рабочих лошадей в значительной мере была покрыта за счет выданных
колхозам ссуд. Голодающие колхозники во время сева получили продо-
вольственную помощь.

Итогом «политотдельской» весны 1933 г. в Сибири стало увеличение площади ярового посева зерновых культур на 10,4 %, общая площадь хлебов выросла на 9,9 % (табл. 2) [8, с. 6–8, 10, 15–17, 19, 42–44, 46, 72–74, 76, 90–92, 94, 106–109]. Урожай в 1933 г. был значительно выше предыдущего. Зерна в Западно-Сибирском крае, по официальным данным, собрали в 1,6 раз больше, чем в 1932 г. [11, с. 270–271]. Большинство колхозов смогли создать семенные, фуражные и продовольственные фонды. В 1934 г. позитивные сдвиги в колхозном полеводстве были закреплены. Прирост посевных площадей зерновых культур в Сибири составил 12,4 %. За два года площадь пашни, занятая зерновыми, выросла на 23,6 %, пшеницей — на 28,5, овсом — на 43,2, озимой рожью — на 17,7 %, а крупяных, технических и кормовых культур — сократились на 19,2, 37 и 39,5 %.

Таблица 2

Динамика посевных площадей в Сибири в 1932–1938 гг., тыс. га*

Культуры	1932	1933	1934	1936	1938
Зерновые	8 829	9 707	10 909	11 022	12 105
В том числе					
пшеница	4 673	5 220	6 004	5 903	6 111
рожь озимая	897	947	1 056	1 129	1 233
овес	1 826	2 170	2 615	2 892	3 243
крупяные	759	783	613	375	344
Технические	656	484	413	428	473
Картофель и овощи	289	389	475	550	552
Кормовые	459	297	278	498	752
Посев всех культур	10 240	10 900	12 078	12 483	13 893

* Сведения приводятся в территориальных рамках Алтайского и Красноярского краев, Иркутской, Новосибирской, Омской и Читинской областей, Бурят-Монгольской АССР в границах 1938 г.

Наращивание посевов зерновых стало одной из задач директивного планирования сельского хозяйства. В принятом в сентябре 1932 г. постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по повышению урожайности» [7] было зафиксировано снижение удельного веса зерновых культур в структуре посевов. С тем чтобы преодолеть данную тенденцию, в постановлении предлагалось приостановить дальнейший рост посевов технических и пропашных культур и приступить к расширению посевных площадей под зерновыми, главным образом под пшеницей и овсом, в том числе и за счет вытеснения других, «менее важных» хлебов. Итогом исполнения партийно-государственной директивы стало изменение структуры посева. В 1934 г. удельный вес зерновых, пшеницы и овса увеличился (с 86,1 до 90,3 %, с 45,6 до 49,7 % и с 17,8 до 21,6 %), а крупяных, технических и кормовых культур — снизился (с 7,4 до 5,1 %, с 6,4 до 3,4 % и с 4,5 до 2,3 %).

Одним из факторов увеличения посевов зерновых культур стал также рост масштабов механизации производства. За 1934 г. число МТС в Сибири выросло с 222 до 292, количество тракторов в них — с 11,2 тыс. до 18,6 тыс. Материально-техническая база зерноводства продолжала наращиваться и в последующие годы. В конце 1937 г. в Сибири функционировало 632 МТС, в них насчитывалось 36,8 тыс. тракторов, 12,7 тыс. зерноуборочных комбайнов [4, с. 24–26].

Несмотря на рост уровня механизации производственных процессов, темпы увеличения посевов зерновых культур в Сибири после 1934 г. замедлились. В 1935 г. площадь пашни, занятая пшеницей, сократилась почти на 5 %, а зерновыми в целом — на 1 %. В 1936 г. прирост посевов зерновых культур составил 2 %, в 1937 г. — 5,3, в 1938 г. — 4,3 %. В 1938 г. зерновых посеяли на 11 % больше, чем в 1934 г. В то же время посадки технических культур за указанный период увеличились на 14,5 %, а кормовых культур — в 2,7 раза. В рамках зернового клина посева пшеницы выросли на 8,4 %, озимой ржи — на 16,8, овса — на 24 %, а крупяных культур — сократились на 43,9 % (см. табл. 2). Соответствующие изменения произошли в структуре посевов. Удельный вес зерновых культур в целом, пшеницы и крупяных сократился с 90,3, 49,7 и 5,1 % до 87,1, 47 и 2,5 % соответственно, овса и кормовых культур — увеличился с 21,6 и 2,3 % до 23,4 и 5,4 %, а технических культур — остался неизменным — 3,4 %.

Сокращение производства технических культур в 1933–1934 гг. привело к перебоям в снабжении предприятий легкой и пищевой промышленности сырьем. В связи с этим с 1935 г. началось увеличение площади пашни, отводимой под технические культуры. Необходимость развития кормовой базы животноводства предопределила наращивание посевов кормовых культур и овса. Падение производства крупяных культур связано с завершением коллективизации. Просо являлось основной продовольственной культурой единоличников. Доля единоличных хозяйств в общем числе крестьянских дворов в Сибири снизилась с 33,5 % в 1934 г. до 6,9 % в 1937 г. [4, с. 2–3]. В 1938 г. удельный вес посевов колхозов в общей площади посевов зерновых культур в регионе составлял 89,6 %, совхозов — 10,2, единоличников — 0,1, личных хозяйств колхозников, рабочих и служащих — 0,1 % [9, с. 43].

Негативное влияние на динамику зернового хозяйства оказывали ежегодные локальные недороды: в 1934 г. — в восточных районах Западно-Сибирского края, в 1935 г. — на Алтае и в Приангарье, в 1936 г. — в ряде южных и юго-западных районов Западно-Сибирского края и Омской области. В неурожайные годы резко повышался уровень налогово-податного обложения колхозов. Нормы сдачи зерна в счет обязательных поставок государству оставались неизменными даже тогда, когда в условиях катастрофически низкого урожая они превыша-

ли валовой сбор. Тем не менее и в этом случае колхозы обязывались сдать практически всю произведенную ими продукцию. Сверхнормативное отчуждение приводило к нехватке семян. Колхозы фактически прекращали оплату труда своих членов. Поскольку засуха негативно сказывалась и на состоянии приусадебного хозяйства, в недородных районах начинался голод.

В 1937 и 1938 гг. ситуация в зерновом хозяйстве Сибири улучшилась. По официальным данным, валовой сбор зерновых в 1937 г. в Алтайском крае, Омской и Новосибирской областям составлял 105,1 млн ц, в 1938 г. — 122,1 млн ц. В 1930-е гг. так много хлеба еще не выращивали [2, с. 149; 1, с. 476]. Относительно высокий уровень производства определялся как благоприятными погодными условиями для выращивания зерновых, так и расширением посевных площадей. В 1938 г. в Сибири зерновых было засеяно на 30 % больше, чем в 1928 г. [8, с. 15–17, 19].

Несмотря на увеличение по сравнению с доколхозным периодом площадей, занимаемых хлебами, зерновая проблема ни в регионе, ни в стране в целом не была решена. Урожай хлебов оставались неустойчивыми. Результатом нарушения агротехники была засоренность полей и снижение плодородия почвы. Качество машинно-тракторных работ было достаточно низким. Низкий уровень оплаты труда колхозников не создавал стимулов к повышению его производительности.

Не была выполнена поставленная руководством страны задача за годы второй пятилетки добиться удвоения общего объема производства сельскохозяйственной продукции. Не выполнили своих пятилетних планов и сибирские власти. В то же время в условиях надвигающейся войны страна нуждалась в более существенном наращивании продовольственных ресурсов. В связи с этим органы верховного управления СССР в конце 1930-х гг. существенно усилили налогово-податное давление на деревню. За счет новых видов сельхозпродуктов расширилась система обязательных поставок. Произошел переход от расчета объемов поставок по площади посева или поголовью скота к их исчислению с каждого гектара закрепленных за колхозами сельскохозяйственных угодий. Для повышения размеров натуроплаты был пересмотрен порядок определения урожайности колхозной нивы, которая теперь стала устанавливаться непосредственно на поле перед началом уборки (так называемый биологический метод). Изменения в порядке заготовок привело к увеличению их размеров. В 1940/41 г. в Омской области валовой сбор зерновых снизился на 5 %, а объем колхозных заготовок вырос на 27 % [3, с. 30].

В конце 1930-х гг. государство не ограничивалось только фискальными методами воздействия на деревню. Предпринимались меры к улучшению агротехники, качества семян, породности скота. Продолжалась механизация колхозного производства, хотя ее темпы снизились в связи

с переключением промышленности на преимущественное производство военной продукции.

Состояние источниковой базы не позволяет осуществить детальную годовую реконструкцию динамики зернового производства в конце 1930-х гг. В официальных статистических сборниках приводятся данные о размерах посевных площадей лишь за 1938 и 1940 гг. За 1939 и 1941 гг. мы располагаем неполными сведениями. Несмотря на это, имеющиеся материалы позволяют определить основные тенденции развития зернового хозяйства в указанный период. Темпы наращивания посевных площадей в конце 1930-х гг. были ниже, чем в середине десятилетия. В 1939 г. площадь посева всех культур в колхозах Сибири увеличилась на 1,4 %, в 1940 г. — на 3,5, в 1941 г. — на 3,3 % [5, с. 45]. По всем категориям хозяйств Сибири в целом прирост площадей, занятых зерновыми культурами, составил, по нашим подсчетам, в 1939–1940 гг. около 2 % (в 1937–1938 гг. — 9,8 %) [8, с. 6–8, 10].

В 1940 г. на территории Сибири (в послевоенных границах) засеяли 14 521 тыс. га пашни, 123 38 тыс. га (85 %) занимали зерновые культуры. Удельный вес пшеницы в общей площади посева составлял 45 % (53 % в зерновом клине), озимой ржи — 9,3, крупяных — 2,3, основных технических культур (подсолнечника, льна-долгунца и сахарной свеклы) — 2,1, картофеля и овощей — 3,6, кормовых культур — 7,9 % [6, с. 201, 203, 206–209, 212, 215–217, 219, 221, 223].

Негативное влияние на динамику развития зернового хозяйства в Сибири в конце 1930-х гг. оказало усилившееся накануне войны налогово-податное давление на сельхозпроизводителей в сочетании с серией неурожаяев. В 1939 г. урожайность хлебной нивы снизилась, а в 1940 г. засуха в юго-западных районах Сибири привела к катастрофическому недороду. По официальным данным, валовой сбор зерновых в Западной Сибири уменьшился с 122,1 млн ц в 1938 г. до 100,9 млн и 72,3 млн ц в 1939 и 1940 гг. В Алтайском крае зерна в 1940 г. собрали 2,2 раза меньше, чем в 1938 г. [2, с. 149].

Сверхнормативное изъятие зерна в ходе хлебозаготовительной кампании 1940/41 г. привело к тому, что многие колхозы не имели возможности сформировать продовольственные, фуражные и семенные фонды. Зимой на Алтае, юге и западе Новосибирской области и северо-западе Омской начался сильный голод. В итоге колхозы и сибирская деревня в целом вошли в Великую Отечественную войну существенно ослабленными.

Список использованной литературы и источников

1. Гуцин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.) / Н. Я. Гуцин. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1973. — 518 с.

2. Гуцин Н. Я. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941) / Н. Я. Гуцин, Э. В. Кошелева, В. Г. Чарушин. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1975. — 288 с.

3. Ильиных В. А. Сельское хозяйство в Сибири в 1930-е гг.: динамика, факторы развития / В. А. Ильиных // Экономическая история Сибири XX — начала XXI вв.: мат-лы II Всерос. науч. конф. 27–28 июня 2009 г., Барнаул. — Барнаул : Академия развлечений, 2009. — С. 21–31.

4. Колхозы во второй сталинской пятилетке : стат. сборник. — М.; Л. : Госпланиздат, 1939. — 144 с.

5. Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма / Н. Я. Гуцин, В. Т. Анисков, И. Б. Карлунина [и др.]. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1985. — 400 с.

6. Народное хозяйство РСФСР в 1965 году : стат. ежегодник. — М. : Статистика, 1966. — 616 с.

7. Правда. — 1932. — 30 сент.

8. Посевные площади СССР. (Динамика за 1928, 1932–1938 гг. в сопоставлении с 1913 г.) : стат. справочник. — М.; Л. : Госпланиздат, 1939. — 332 с.

9. Посевные площади СССР. 1938 г.: стат. справочник. — М.; Л. : Госпланиздат, 1939. — 333 с.

10. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / В. А. Ильиных, С. Н. Андреевков, В. М. Рынков [и др.]. — Новосибирск : Сибпринт, 2012. — 408 с.

11. Сельское хозяйство СССР: Ежегодник 1935. — М. : Сельхозгиз, 1936. — 1468 с.

Информация об авторе

Ильиных Владимир Андреевич — доктор исторических наук, заведующий сектором аграрной истории, Институт истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: agro_iwa@mail.ru.

Author

Vladimir A. Ilinykh — Doctor of History, Head of the Agrarian History Sector, Institute of History of Siberian Branch Russian Academy of Sciences, 8 Nikolaev St., Novosibirsk, 630090, e-mail: agro_iwa@mail.ru.

УДК 94(571.5)+930(571.5)
ББК 63.3(0)53(2P54)+63.2(2P54)

Л.В. КАЛЬМИНА

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ЯРМАРОЧНАЯ ТОРГОВЛЯ В ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ 1870–1910-х ГОДАХ

В статье классифицируются и анализируются все виды документации, дающие представление об оборотах, тенденциях и перспективах ярмарочной торговли в регионе.

Ключевые слова: делопроизводство, отчет, ходатайство, комментарий, ярмарка, городская управа, торговые обороты, товар.

TRANSBAIKAL FAIR TRADE 1870–1910s RECORD KEEPING

The author classifies and analyzes all kinds of documents, describing regional fair trading circulation, tendencies and perspectives.

Keywords: record keeping, account, petitioning, commentary, fair, Town Council/Uprava, trading circulation, goods.

Рост потребностей в товарах фабричного производства и слабое развитие местной промышленности в рассматриваемый период обусловили преимущество торговли в экономической структуре Забайкалья, которое по инерции сохранялось и после проведения Транссибирской магистрали. При отдаленности Сибири от промышленных центров и слабом развитии путей сообщения основными формами торговли в регионе оставались ярмарочная и базарная.

В рассматриваемый период в Забайкалье сложилась довольно разветвленная сеть ярмарок с определенной торговой специализацией. Развитие прямых коммерческих связей иркутских купцов с московскими, варшавскими и заграничными фирмами вывели на первые позиции Верхнеудинскую ярмарку, бывшую одной из крупнейших в Восточной Сибири. Вокруг Верхнеудинска как одного из узловых межрегиональных ярмарочных центров выстраивались «ярмарочные цепочки» более мелких сезонных и специализированных ярмарок [12, с. 135–136]. Значительную роль играла также Чертовкинская ярмарка в Селенгинском округе. В Верхнеудинском округе торговля велась и на ярмарках «местного значения» — Хоринской, Иргенской, Онинской [8, с. 110].

Ярмарочная торговля была важным индикатором состояния региональной экономики, поэтому в делопроизводстве разных уровней постоянно присутствовала ее характеристика. А отчеты о проведении Верхнеудинской ярмарки как главной составляющей местной торговли занимали важное место в структуре делопроизводства городской управы.

Все документы, в которых имеется информация о ярмарочной торговле, можно разделить на отчеты и прошения. Сведения о проведении ярмарок входили во Всеподданнейшие отчеты военного губернатора; отчеты о работе городской управы; ежегодные статистические отчеты Верхнеудинской городской управы, характеризующие все стороны жизни уездного города; бюджетные отчеты забайкальских городов, где затраты на проведение Верхнеудинской ярмарки и полученные от нее доходы шли отдельной строкой расхода и, соответственно, прихода. Кроме того, составлялись самостоятельные отчеты о проведении ярмарки с полным анализом хода торговли и соблюдения торговых правил.

Губернаторские отчеты включали в себе сведения обо всех проводимых в области ярмарках, сроках и оборотах наиболее крупных из них. Информация о Верхнеудинской ярмарке как «знатнейшей» была неизменным фрагментом каждого отчета, где она стабильно фигурировала как «находящаяся в довольно порядочном состоянии» [3, с. 112]. В информации к отчету военного губернатора Забайкальской области Е.О. Мацневского за 1893 г. в разделе «ярмарочная торговля» указывалось, что для обеспечения населения «на различных пунктах области учреждены ярмарки и т.н. сугланы или инородческие торжки». Как наиболее крупные указаны Верхнеудинская, снабжающая область мануфактурой из европейской России и некоторыми товарами из Китая, и Спасо-Преображенская в селении Чертовкинском Селенгинского округа, где «обращаются мануфактурные, кожевенные, бакалейные товары, а главное соленые омули, время улова которых совпадает со временем ярмарки» [1, л. 54]. В Восточном Забайкалье ярмарочная сеть была развита слабо. Верхнеудинская ярмарочная и Кяхтинская пограничная торговля «держали» торговое пространство области, оставляя на долю ее восточной части, главным образом, задачу снабжения дальневосточных окраин России. Административный центр области Чита был своего рода «перевалочным пунктом», откуда товары по Ингоде и Шилке доставлялись на Амур [11, с. 255]. В отчете военного губернатора упоминалась «ранее значительная» Агинская ярмарка в Читинском округе, «но в настоящее время обороты ее настолько уменьшились, что инородцы ходатайствуют даже об ее закрытии» [1, л. 54]. В 1889 г. на Агинскую ярмарку было привезено товаров на 294 499 р., а продано 128 549 р., что по объемам привезенного уступало Верхнеудинской в 4,8 раз и Селенгинской в 7,1, а по объемам реализованного — соответственно в 17 и в 9 раз [4]. А в 1893 г. на Агинскую ярмарку товаров привезено было всего на 141 916 р. — вдвое меньше, чем четыре года назад, в то время как обороты Верхнеудинской и Чертовкинской ярмарки заметно выросли. Теперь уже Агинская ярмарка уступала по объемам привезенных товаров Верхнеудинской в 12 раз и Селенгинской в пять, а по объемам реализованного — соответственно в 17 и в 9 раз. Все остальные ярмарки — Ирченская, Онинская, в Улюне, Цаган-Норе, селении Верхнеангарском и урочищах Баунте, Душкачане и Баргокане, — как указано в отчете, представляют собой незначительные инородческие торжки и «служат только центрами обмена продуктов скотоводства и звероводства на различные предметы, необходимые при земледельческом и кочевом хозяйствах» [1, л. 54]. На Онинской ярмарке, как указывалось в обзоре области за 1889 г., было продано товаров всего на 12 600 р. [4].

В ежегодных статистических отчетах Верхнеудинской городской управы о структуре населения, численности городских торговых и промышленных заведений сведения о ярмарке шли отдельным блоком. Ин-

формация о ней состояла из двух частей: первая — статистические сведения о привезенных и проданных товарах, числе занятых под них лавок и магазинов; вторая — комментарии, объясняющие возросшую активность торговцев или, напротив, уменьшение торгового оборота. Иногда объемы привоза-продажи и остатки товаров показывались не только в целом, но и по каждому товару в отдельности. В статистическом отчете управы за 1877 г. отмечалось: «...из показанных в сей ведомости товаров сбыт производился оптовый и розничный, а также половина оно продана на деньги, а последняя в кредит, торговля была удовлетворительна, стечение народа было во время ярмарки до 2,5 тыс. человек. ...Во время ярмарки было занято привезенными товарами 6 лавок, принадлежащих Акционерным Обществам и 30 лавок, принадлежащих частным лицам» [2, д. 220, л. 21]. В том случае, если товаров на ярмарку привозилось мало, торговали теми, которые имелись в продаже. Как видно из отчета городской управы, на зимнюю ярмарку 1913 г. было привезено товара в два раза меньше, чем продано, а на сентябрьскую товаров не было привезено вовсе, и «торговля производилась обыкновенная» [2, д. 2992а, л. 86].

Судя по отчетам, оживление ярмарки напрямую зависело от урожайности трав: именно она как одна из главных статей городского дохода в конечном итоге устанавливала объемы ярмарочной торговли и формировала покупательский спрос. В докладе Верхнеудинской городской управы от 11 марта 1885 г. отмечалось, что из-за двухлетних неурожаев трав торговцев на ярмарку с каждым годом приезжает меньше, из-за чего у ярмарочные доходы также постоянно уменьшаются, «между тем как расходы по содержанию ярмарочного караула остаются все те же» [2, д. 433, л. 55]. На ярмарку 1889 г. товаров было привезено на 766 266 р. и продано на 775 390 р. меньше, чем в предыдущем году. «Упадок торговли в ярмарку 1889 г. объясняется неурожаем в 1888 г. хлебов и трав в Забайкальской области и вследствие того безденежьем в народе», — сообщается в отчете о деятельности управы в 1888–1889 гг. Уменьшение ярмарочных объемов управа объяснила и доставкой товаров в Амурскую и Приморские области, а также в Восточное Забайкалье до селения Сретенского морским путем, после чего отпала необходимость их закупки на ярмарке [2, д. 774, л. 3].

Статистику ярмарочных оборотов сама городская управа подвергала сомнению, поскольку оптовые торговцы уклонялись от подачи сведений о привезенных и проданных товарах или занижали их. В отчете управы о ярмарке 1886 г., на которую было привезено товаров на сумму около 2 млн, а продано на 1,7 млн р., отмечено: «Главные оптовые торговцы в доставленных ими в городскую управу сведениях показали об обороте своей торговли на половину менее против действительного произведенного ими оборота» [2, д. 520, л. 42]. Об этом же писал и есаул Рычков, чей отчет

о проведении ярмарки 1895 г. был опубликован в печати. Как оказалось, в ярмарочную статистику не вошли сведения об оборотах 17 торговцев, не предоставивших сведений, и почти вся торговля продуктами местного производства с возов и с рук. «Самые сведения, представленные некоторыми, даже очень значительными, фирмами, — пишет далее Рычков, — уменьшены от 2 до 4 даже раз против действительности, подтвержденной иногда даже ими самими в частных разговорах. По всему этому очевидно, насколько все предъявленные данные далеки от истины, и как осторожно ими нужно пользоваться для статистических целей. На сей раз пришлось взять за основание сведения Управы, и постаравшись пополнить пробелы и приблизить по возможности к действительности многие данные — получить цифру продажи на ярмарке в текущем году на сумму 2 367 000 р. ...Причем в... этот итог не вошли данные об оборотах 11 не особенно значительных торговцев и вовсе ускользнули из виду торговля орехами, которых привоз более 1000 пудов по цене 1 р.10 — 1 р. 20 к. пуд, мне лично известен». «Нежелание многими обнаруживать размеры своего дела» чиновник объяснял страхом уплаты процентного сбора, «усиленно у некоторых вкоренившимся убеждением, что действительный оборот их может в будущем быть обложен процентным сбором за старые года». Его собственные расчеты, основанные на сопоставлении числа подвод, их «грузоподъемности», количества занятых мест на постоянных дворах и ночевок каждой подводы (подвод он насчитал 9–11 тыс., причем каждая «провела» в городе не более двух суток) вылились в 4 млн р. привоза и 3 млн продажи, хотя, по сведениям городской управы, эти цифры оказались куда скромнее: 1 828 954 р. и 1 334 146 р. соответственно [6]. В дальнейшем с ярмарочных торговцев стали брать расписки с обязательством предоставления полных сведений об объемах продаж [2, д. 2504, л. 1]. Но чаще всего в отчетах управы сведения о ярмарке ограничивались несколькими строчками: «В г. Верхнеудинске ежегодно бывает одна ярмарка с 25 Января по 10 Февраля», «на которую съезжаются торговцы не только со всего Забайкалья, но и из большинства местностей остальной Сибири с оборотом от 2 до 3 млн р.» [2, д. 243, л. 40; д. 577, л.1–2].

В отчетах по исполнению бюджета Верхнеудинска приводится статистика доходов от проведения ярмарки (сборы с базарных столов, лавок и мест в торговых рядах и помещений для складирования привезенных товаров) и расходов, в число которых входило устройство новых и ремонт старых базарных столов и обеспечение теплой одеждой воинского караула, следившего за порядком. Как следует из этих документов, Верхнеудинская ярмарка с ее миллионными оборотами приносила небольшую прибыль, которая «терялась» в других городских доходах. В частности, в 1879 г. из полученных городом 33 840 р. 71 к. общего дохода сумма, полученная от проведения ярмарки, составила 773 р., в 1884 г. из 79 226 р. 96 ½ к. дохода ярмарка дала всего 93 р. 37 к.

В 1885 г. — доход ярмарки составил 76 р. 99 к. [9, с. 140]. В дальнейшем эти суммы планировалось увеличить: по смете 1886 г. в планируемую сумму 51 234 р. 71 к. городских доходов ярмарка должна была принести 2604 р. 63 к., хотя неизвестно, каких расходов она бы при этом потребовала [2, д. 506, л. 5, 12–13, 14].

Наиболее подробный материал содержали ежегодные отчеты о проведении ярмарки, которые составляли наблюдавшие за ней полицейские чиновники. К тому же эти отчеты были наиболее оперативными, поскольку в статистических сведениях городской управы фигурировали данные двух-трехлетней давности [2, д. 243, л. 41]. Полицейская информация анализировала статус ярмарки, ее ход, ассортимент выставленной на продажу продукции, приводила объемы привезенного и проданного по каждому товару и сведения о том, как расторгнулся каждый из крупных торговцев. «Верхнеудинская ярмарка служит как бы продолжением Иркутской, и торговцы Приамурского края, прибыв в Иркутск, для закупки товаров, на возвратном пути останавливаются в Верхнеудинске для дополнительной закупки годовой порции товаров у торговцев, прибывших на... ярмарку, — указано в отчете за 1895 г. — После 10 января, в зависимости главным образом от замерзания оз. Байкал и р. Ангары, в Верхнеудинск начинают подходить обозы с товарами, из коих более 70 % подходит по Иркутскому тракту как из самого Иркутска, так и Томска, и, даже далее на запад, до Москвы включительно. По этому тракту идут товары всех видов и родов, преимущественно же мануфактурные, бакалейные, ювелирные, а также: рыба масло, свечи и медь». Вторым по важности подвозным путем составитель отчета называл Кяхтинско-Селенгинский, по которому следовали чай, овчины, кожи и предметы местной промышленности. По Читинскому и Баргузинскому трактам доставлялись сырье, кожи, пушнина, мясо и рыба [6].

В отчете за 1876 г. указывалось, что из общего объема привезенного товара на сумму 1 369 645 р. 55 к. остался непроданным товар на 492 834 р. 55 к. Представленный ассортимент был достаточно широк: ткани, ювелирные изделия, галантерея, парфюмерия, колониальные товары, сахар, леденцы, чай байховый и кирпичный, кожевенные товары, скобяные изделия [2, д. 29, л. 13, 35]. В дальнейших отчетах мы можем видеть расширение ассортимента и «географии» прибывших на ярмарку товаров. К примеру, в отчете об обороте ярмарки 1877 г. указано, что наряду с товарами, привезенными из европейской России, стали торговать и местными, в частности, табаком и папиросами иркутских фабрикантов Мыльникова и Зазубрина, а к «привычным» ярмарочным товарам добавились «разные тюменские изделия», холщевые и игольные, фарфоровая посуда [2, д. 143, л. 47]. В отчете о ходе ярмарки 1879 г. отмечались «успешность» оптового и розничного сбыта товаров по сравнению с прошлым годом, «несмотря на малолюдное стечение, особенно

бурят», и заметная доля пушнины (баргузинского и амурского соболя, белки, хорька, лисицы) в ярмарочном ассортименте [2, д. 236, л. 10]. По ежегодным отчетам можно проследить и динамику привоза-продажи отдельных видов продукции. Например, в 1909 г. мануфактуры привезено больше, чем в 1908 г. на 179 997 р., а бакалейной и жировой продукции — на 62 355 р. меньше. Больше прошлогоднего привезено крупчатки и хлеба, готового платья, головных уборов [2, д. 2504, л. 193]. Отчеты служили важным источником информации для оптовых торговцев: они анализировали рыночную конъюнктуру, баланс спроса и предложения на те или иные товары.

Как следует из ярмарочных отчетов, первые позиции на ярмарке захватили иркутские купцы, бывшие одновременно представителями московских и других фирм и фабрик («...от местных жителей и крестьян торговали очень мало, вся торговля была от приезжих на ярмарку») [2, д. 763, л. 21]. Затем следовали верхнеудинские торговцы и крестьяне-производители из Верхнеудинского, Селенгинского, отчасти Баргузинского округов. Покупателями преимущественно были жители Забайкалья, которые закупали почти 75 % выставленных на ярмарке товаров [6].

Иркутские торговцы приобретали пушнину, жир, мясо, кожи, выставляя на продажу товары, закупленные на ярмарках в западных губерниях империи. В 1878 г. они привезли товаров почти на 2,4 млн р. Только «мануфактурный король» А.Ф. Второв привез тканей на 185 000 р. и на 165 000 р. продал. Большими объемами товаров оперировал и И.С. Хаминов, но на ярмарке 1877 г. из-за неплатежеспособности местных крестьян продавал их большей частью в кредит и по низким ценам, а «взыскание долга» осталось «неудовлетворительным». Как указывалось в «Сведениях об обороте ярмарки», остаток товаров в сравнении с 1876 г. был меньше только от того, что и товаров на ярмарку было привезено меньше [2, д. 236, л. 38; д. 143, л. 34, 20].

Объяснение причин падения ярмарочных оборотов являлось важной частью отчетов. «...Торговля вообще была неудовлетворительной по малочисленности стечения народа, — отмечает автор отчета о проведении ярмарки в 1876 г. — ...Причиной к неудовлетворительной торговле является крайнее безденежье, происшедшее от ограниченных урожаев, упадка пушных и других промыслов, скотоводства и сравнительно низких цен на сельские и другие продукты. В среде же крестьянского населения на безденежье много влияет уплата казенных недоимок, накопившихся от прошлых лет» [2, д. 29, л. 35–36]. Падение торговли в 1891 г. объяснялось тем, что многие из оптовиков еще до начала ярмарки закупили большие партии товара в Иркутске. К тому же хороший урожай хлеба заметно «уронил» цену, и вывозить его для продажи стало невыгодно [2, д. 763, л. 35]. Уменьшение сбыта товаров на 215 439 р. в 1897 г. в сравнении с предыдущим годом объяснялось раз-

витиём в городе оптовой торговли мануфактурой купца Второва, из-за чего горожане меньше нуждались в ее разовом закупе: хотя привезено ее было на 82 100 р. больше, чем в прошлом году, продано меньше на 43 400 р. Значительно меньше, чем в 1896 г., было привезено хлеба, чая, сахара, фаянсовых, фарфоровых, хрустальных изделий, произведений местной сельской промышленности, хотя некоторых товаров было недостаточно, и их пришлось выписывать из Иркутска. Второй обстоятельством, снизившим ярмарочные обороты, стало почти полное отсутствие на ярмарке ее постоянных покупателей бурят из-за свирепствовавшей в округе оспы [7]. В отчете о проведении ярмарки 1905 г. указывалось, что «причиной малого привоза товаров служит недостаточная провозоспособность железной дороги, вызванная обстоятельствами военного времени»: привезенных товаров было на без малого полмиллиона рублей меньше против прошлогодней ярмарки. Трудность и дороговизна доставки товаров повысили цены («товаров купить в Иркутске по подходящей цене нельзя»), но сбросить цену для роста платежеспособного спроса означало торговать себе в убыток, поскольку затраты на сам товар, его транспортировку и аренду квартир в Верхнеудинске на время ярмарки были очень высоки. Тем не менее, как отмечал автор отчета, «покупателей... съехалась масса и потому торговля была весьма оживленной» [2, д. 1939, л. 70, 138].

В 1900-е г. главными действующими лицами на ярмарке становятся торговые дома и компании. Ранее обозначившаяся специализация торговли проявилась более явно: «ТД Коковин и Басов» торговал «колонияльными» товарами; «ТД Собенников и Бр. Молчановы» занимались чайной торговлей; иркутский купец А. Мерецкий специализировался на торговле головными уборами; купец Федченко — на бакалейных товарах. Монополистом в торговле мануфактурой оставался А.Ф. Второв. Заметным становится на ярмарке верхнеудинское еврейское купечество (Сегельман, Иохвидов, Фортус), хотя из-за меньших против иркутского купечества и торговых домов объемов определенной специализации у них не было [2, д. 1939, л. 19, 21, 33, 52, 64; д. 1799, л. 34–35].

Ярмарка была основой благополучия Верхнеудинска, с ней связывались перспективы его дальнейшего развития. При определении экономического будущего города городская власть, прежде всего, измеряла новшество предполагаемым ростом (или падением) ярмарочной торговли, и аргумент о необходимости сохранения ярмарки, «которая не даст городу упасть», неизменно шел в ход как решающий [10, с. 423]. Поэтому сведения об объемах ярмарки мы можем найти в самых разных прошениях — от ходатайства об открытии в Верхнеудинске отделения Государственного банка до прошения о проведении через город линии Транссибирской магистрали и размещении здесь Управления Забайкальской железной дороги и Главных железнодорожных мастерских.

Основным аргументом в доказательстве необходимости основания в городе отделения Госбанка был как раз удачный опыт открытия временного его отделения в период проведения ярмарки. Операция оказалась обоюдовыгодной: торгующее купечество не испытывало затруднений в переводе денег и учете векселей, а отделение банка в 1894 г. за три недели получило более 2 тыс. р. чистой прибыли, в 1895 г. за 18 операционных дней заработало 9539 р. и «приобрело симпатии и доверие публики, благодаря приветливому и предупредительному отношению служащих временного отделения» [2, д. 1088, л. 13; 5; 6].

В ходатайствах о проведении «имеющей строиться в Забайкальской области железной дороги через Г. Верхнеудинск» выражались опасения, что в случае определения для нее иной траектории, в обход города, «всякая торговля падет, ярмарка уничтожится... город рухнет и обратится в... жалкую захолустную деревню» [2, д. 577, л. 1, 2]. В отчетах тоже выражалась уверенность, что крепнущая год от году ярмарка «в ближайшем будущем, с проведением железной дороги, ... еще усилится» [7]. Забегая вперед, отметим, что эти надежды не оправдались, и в ходатайстве о размещении в городе Управления Забайкальской железной дороги отмечено, что с проведением линии железной дороги через город значение местной зимней ярмарки упало, и доход от сдачи в аренду приезжим квартир и магазинов, ранее достигавший 50 тыс. р., сократился более чем наполовину [2, д. 2256, л. 3].

В числе ходатайств, которые дают интересную информацию о верхнеудинской ярмарочной торговле, следует выделить еще два: о переносе сроков зимней ярмарки и открытии второй — летней. О переносе сроков ярмарки с 25 на 20 января просили иногородние купцы, мотивируя ходатайство тем, что подвоз товаров из Иркутска через Байкал, которыми почти исключительно держится зимняя ярмарка, начинается с 12-го и заканчивается 18–19 января, когда уже съезжаются все участники торга, и находится несколько дней «в выжидательном положении» для иркутских торговцев невыгодно. Торговать 15 дней они также считали лишним, т.к. в действительности ярмарка продолжалась 10–12 дней. Официальным Петербургом ходатайство было удовлетворено, и 14 октября 1894 г. городская дума объявила в газете «Восточное обозрение», что ярмарка переносится с 25 на 18 января [2, д. 947, л. 1, 6]. Однако, как указывалось в отчете о проведении первой ярмарки по новым срокам, это было не самой удачной затеей. Начало торговли 25 января диктовалось местными климатическими условиями: к этому времени устанавливался прочный ледостав на Байкале и Ангаре. В 1895 г. более позднее их замерзание (бывало и позднее) задержало доставку товаров по Иркутскому тракту, и обычных двух недель для торговли не хватило. «Все это отразилось на ярмарке сравнительно меньшим количеством торговцев-продавцов, меньшим количеством привезенных товаров, а

посему и более высокой ценой, которая вдобавок еще оправдывалась и дороговизной вследствие бездорожья провоза», — писал в отчете полицейский чиновник. Это вызвало рост стоимости провоза от Иркутска до Верхнеудинска до 60 к. за пуд, тогда как год назад привоз стоил 30–45 к. Для общей пользы автор отчета предлагал продлить торговлю до 20 дней, чтобы опоздавшие с привозом успели расторгнуться, тем более что стоимость прав на ярмарочную торговлю от ее продолжительности не зависела [6]. Ярмарка, тем не менее, прошла удачно, особенно для продавцов бакалейных и кожевенных товаров, т.к. их по указанным выше причинам подвезено было мало.

Ходатайство городской управы об учреждении второй ярмарки, датированное 1902 г., обосновывалось потребностью золотых приисков в товарах для осеннего и зимнего сезонов, когда уже «выясняется местный урожай и определяются виды на рыбные и звериные промыслы и скотоводство». Тем более что доставка товаров из Иркутска водным путем по Ангаре, Байкалу и Селенге и последующий их сплав по Амуру в это время вдвое дешевле, чем по железной дороге (до 20 к. с пуда), и «таким образом изменение провозной платы отражается на стоимости товаров в благоприятном для покупателей смысле». К тому же городской управе удалось доказать, что август-сентябрь — наиболее благоприятное время для обмена с китайцами и монголами, поскольку, с одной стороны, в это время город получает московские товары, с другой — наблюдается наплыв для продажи из Монголии в Верхнеудинск гуртов скота, овец, монгольских лошадей и продуктов скотоводства. «Учреждение в Верхнеудинске второй Августовской ярмарки, — указывалось в ходатайстве, — необходимо... в видах развития торговли с сопредельной Монголией, чрез что монголы могли бы дважды в год производить обмен своих сырых произведений на изделия мануфактурной и фабрично-заводской промышленности, привозимые из Европейской России и из загранич и при посредстве Великого Сибирского железнодорожного пути соприкасаться с благами Европейской культуры и цивилизации». Ходатайство было отправлено на имя министра финансов С.Ю. Витте, и 28 марта 1903 г. военный губернатор Забайкальской области И.П. Надаров сообщил об учреждении «Августовской» ярмарки, которая должна проводиться с 20 августа до 3 сентября [2, д. 1710, л. 3, 4, 7, 10, 22]. В прошении Верхнеудинской городской думы об открытии отделения Госбанка, датированном 14 февраля 1906 г., указывались обороты обеих ярмарок: привоз январской составил 1 066 559 р., сбыт — 602 022 р., августовской 1905 г. — соответственно 299 370 р. и 207 820 р. [2, д. 1684, л. 12].

Следует еще упомянуть прошения на право торговли на ярмарке, дающие возможность установить, из каких мест съезжались торгующие. В их числе были и московские купцы [2, д. 310, л. 20].

Ярмарочная торговля в Забайкалье неоднократно становилась объектом интереса деловых людей, черпающих о ней информацию в различного рода справочниках, и корреспондентов сибирских газет, посвящавших ей целые очерки. Но это уже сюжет для другого рассказа.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Забайкальского края. — Ф.1(о). — Оп. 1. — Д. 3354.
2. Государственный архив Республики Бурятия. — Ф. 10. — Оп.1.
3. Евдокимова С. В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII-XIX вв. / С. В. Евдокимова. — Улан-Удэ : Издательство Бурятского государственного университета, 2007. — 248 с.
4. Забайкальские областные ведомости. — 11 и 12. Прибавление к Забайкальским областным ведомостям 1890 г. и извлечение из обзора за 1889 г.
5. Забайкальские областные ведомости. — 1894. — Прибавление к № 16 официальной части.
6. Забайкальские областные ведомости. — 1895. — Приложение к неофициальной части Забайкальских областных ведомостей. — № 11.
7. Забайкальские областные ведомости. — 1897. — № 11 (14 марта).
8. Иванов А. А. Забайкальская периферия на переломе эпох (1880–1920-е гг. / А. А. Иванов, Л. В. Кальмина, Л. В. Курас. — Иркутск : Оттиск, 2012. — 300 с.
9. Кальмина Л. В. Бюджет уездного сибирского города как индикатор экономического статуса / Л. В. Кальмина // Власть. — 2012. — № 5. — С. 138–142.
10. Кальмина Л. В. Верхнеудинская ярмарка как социокультурный феномен / Л. В. Кальмина // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2015. — С. 420–426.
11. Кудрявцев Ф. А. К характеристике городов южной части Восточной Сибири в конце XVIII и первой половине XIX в. / Ф. А. Кудрявцев // Города Сибири. (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период) / отв. ред. О. Н. Вилков. — Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1974. — С. 239–258.
12. Шахеров В. П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири) / В. П. Шахеров. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. — 256 с.

Информация об авторе

Кальмина Лилия Владимировна — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kalminal@gmail.com.

Author

Lilia V. Kalmina — Doctor of History, Associate Professor, Leading Scientific Researcher, the Department of History, Ethnology and Sociology, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, 670047, e-mail: kalminal@gmail.com.

СИБИРСКИЕ ПУТИ СООБЩЕНИЯ В ПРАКТИКЕ ИЗЫСКАНИЙ ТРАССИБА (конец XIX века)

Рассматривается исторический опыт использования местных путей сообщения и, прежде всего, скотопрогонных дорог, в изысканиях и проектировании Транссибирской железнодорожной магистрали. Особое значение для быстрой и экономной постройки Транссиба имела помощь местного населения (старожилов) и технико-экономическая адаптация проекта к природным условиям Сибири.

Ключевые слова: пути сообщения в Сибири, Транссиб, Транссибирская железнодорожная магистраль, изыскания и выбор направления, народный опыт изучения и освоения Сибири.

S.K. KANN

SIBERIAN COMMUNICATION ROUTES IN THE PRACTICE OF TRANSSIB SURVEYS (the end of the 19TH century)

The historical experience of the use of local Siberian means of communication and, above all, of livestock roads, in surveys and designing of Trans-Siberian Railway is considered in the article. The local population's assistance (starozhily) and the feasibility of the project adaptation to the natural conditions of Siberia had of particular importance for fast and low-cost construction of Transsib.

Keywords: Means of communication in Siberia, Transsib, Trans-Siberian Railway, surveying and choosing the direction, people's experience of exploration and development of Siberia.

В итоге обсуждения вопроса о железной дороге через всю Сибирь в 1888–1890 г. особая комиссия Императорского Русского Технического Общества (ИРТО) приняла свод заключений и пожеланий и 1 декабря 1890 г. представила их на благоусмотрение правительства. По поводу направления Транссиба большинство членов комиссии (18 из 25) высказались за принятие северного, так называемого «правительственного» варианта, намеченного вблизи старого сибирского тракта [26, док. № 41, с. 2]. Ко времени завершения работы комиссии партии инженеров под руководством Н.П. Меженинова и О.П. Вяземского уже завершили предварительные изыскания на среднесибирском и забайкальском участках магистрали. Линию проектировали от Томска на Ачинск, Красноярск, Нижнеудинск, Иркутск, Верхнеудинск и Сретенск — до пункта выхода

рельсового пути к системе Амура. В 1891 г. предполагались изыскания в Западной Сибири — от Златоуста на Челябинск, Омск, Каинск, Колывань и Томск, до соединения с «линией Меженинова».

Подытоживая свод заключений, председатель комиссии А.Н. Горчаков констатировал, что в ходе обсуждения транзитное, стратегическое значение дороги, вначале казавшееся очень весомым, постепенно «ослабилось», зато роль дороги в отношении колонизации края сильно возросла [26, док. № 42, с. 1]. По мнению председателя комиссии, большинство членов голосовало именно за возможность быстрого удовлетворения местных интересов Сибири и потребностей колонизации. Таким образом, большой форум специалистов, соглашаясь с доминированием военно-политических интересов, одновременно признавал серьезное экономическое значение постройки в самой населенной и производительной полосе Сибири возле главного тракта.

Использование этой грунтовой «магистральной» и примыкающих к ней боковых ветвей, с одной стороны, облегчало решение сложных технических задач проектирования Транссиба в условиях острого дефицита времени и ресурсов, значительного недостатка капиталов и частной предприимчивости. С другой стороны, изыскатели закладывали фундамент окупаемости Сибирской железной дороги на достаточно продолжительный период.

Инженер И.К. Падалко, проводивший в 1884–1885 г. рекогносцировку местности от Урала к Омску, объяснял результаты своей работы следующим образом: «Старый сибирский тракт, — говорил он в заседании комиссии ИРТО 30.03.1889 г., — действительно, в свое время сослужил свою службу, — он привлекал и привлекает еще громадную массу грузов. Но этот тракт действует, как некоторая магистральная линия, перпендикулярно которой имеются, так сказать, грунтовые ветви, по которым подвозятся грузы. Насколько я мог убедиться, все эти ветви лежат на юг от этого старого сибирского направления. Челябинск, Курган, Петропавловск и т.п. пункты, лежащие южнее этого направления, давали и дают обильные грузы для Сибирского тракта. Таким образом, Сибирский тракт не представляет линию, пролегающую по известной плодородной местности и черпающую свои грузы из близлежащего района; это есть линия, которая питается грузами, идущими с юга» [26, док. № 2, с. 4]. Тяготение к южным производительным районам стало руководящим принципом всех изысканий Транссибирской магистральной.

Среди грузов, поступавших на тракт, особое значение имели продукты животноводства и живой скот, перегонявшийся в рабочие поселки и города для продажи. Партия И.К. Падалко активно собирала сведения о перегонах гуртов скота между Златоустом, Петропавловском и Омском [26, док. № 2, с. 5–6, 9]. Безымянный, но весьма компетентный автор статьи в журнале «Северный вестник» за 1891 г., описывая район

предстоящих летом западносибирских изысканий, не преминул указать, что «местности, вступающие в ближайшую сферу влияния участка Челябинска–Томск, представляют собой местности с значительным развитием земледелия и скотоводства. И сейчас, — писал этот осведомленный автор, — ежегодно прогоняется по направлению к Тюмени и на Урал до 400 000 голов скота. Торговля скотом (как свидетельствуют между прочим представители городских управлений Челябинска и Петропавловска в поданных ими производившему изыскания инженеру Падалке заявлениях) не только даст железной дороге верный значительный груз, но и сама с устройством рельсового пути получит гораздо большее развитие». Кроме того, автор статьи обозначил еще одну важную проблему — необходимость борьбы с эпизоотиями, наносящими страшный удар по всей скотопромышленности Зауралья. «Распространению заразы, — подчеркивалось в статье, — содействуют неустройство дорог, слабость надзора, отсутствие медицинской помощи и тому подобные причины, которые несравненно легче будет устранить при существовании железной дороги» [24, с. 17].

Летом 1891 г. начальник западносибирских изысканий инженер К.Я. Михайловский неожиданно повернул проектированную трассу между городами Курганом и Омском на юг, чтобы захватить Петропавловск — главный рынок торговли скотом всего степного края. Это решение застало врасплох членов Временного управления казенных железных дорог. В докладе технического отдела управления от 30.06.1891 г. прозвучало, что при утверждении плана изысканий в Комитете министров (по представлению МПС № 3254 от 04.02.1891) намечалось иное, более северное направление — на города Ишим и Тюкалинск с переходом Иртыша севернее Омска и устройством ветви к нему [18, л. 68 об, 77–77 об.]. За это направление ратовал инженер Н.П. Меженинов, ибо оно не только сокращало строительную длину линии на 45 верст, но и отдаляло дорогу от так называемой «горькой линии казачьего войска» с ее горько-солеными озерами и недостатком пресной («сладкой») воды. Однако чисто административные и экономические соображения взяли верх.

А.Н. Куломзин считал принятие южного варианта западносибирской линии «большим упущением». Проведение северного варианта, по его словам, «принесло бы неисчислимые выгоды в эксплуатационном отношении», так как не пришлось бы тратить деньги на дорогостоящие меры по опреснению воды на станциях западносибирской железной дороги [15, с. 412–413]. Но на отклонении линии к Омску настаивал западносибирский генерал-губернатор барон М.А. Таубе и при окончательном утверждении участка в Комитете министров в 1892 г. о северном варианте магистрали даже не вспомнили.

Возвращаясь к важному вопросу о значении перегонов скота для всей экономики и, в частности, для проектирования Транссиба, нужно

отметить, что эта тема в историографии только начинает разрабатываться. Ее затрагивают в самом общем виде, а самостоятельные исследования отсутствуют [1, с. 15]. С технической стороны скотопрогонные пути сочетали в себе массу полезных свойств, чрезвычайно удобных для сооружения железных дорог. Так, например, в интересах ветеринарного благополучия они должны были проходить по «трусобам» и отдаленным «захолустьям», ибо закон требовал обходить и пашню, и населенные пункты. Для железнодорожников это означало, во-первых, что при развороте строительных работ в напряженное «пшенично-ржаное» время можно было избежать разорения крестьянских посевов. Из «Описания пути чрез Енисейскую губернию» [4, л. 85–106 об.] видно, что в полосе главного тракта крестьянские луга и поля примыкали к нему вплотную. С началом постройки Сибирской железной дороги они бы обязательно пострадали. В то же время скотопрогон существовал в стороне от тракта.

Во-вторых, при занятии скотопрогона железной дорогой казна могла существенно сэкономить на стоимости отчуждения земель и имущества, тем более что скотопрогоны законодательно наделялись установленной полосой отчуждения [10, с. 101]. Ее ширина колебалась в пределах от 30 до 110 сажень, так как к дороге прирезались уголья для подножного кормления животных.

В-третьих, скотопрогонные пути выходили к пунктам переплава скота и, таким образом, переправы через большие водотоки имели фиксированный характер, указывая изыскателям на места естественного сужения рек. Удобные переправы скота сложились исторически. Например, на Волге один из самых известных и трудных перекатов носил название «Телячий перевал» [17, с. 19]. Места переплава скота учитывали то обстоятельство, что движение гуртов от места закупки и откорма скота (ярмарок, степных заимок и пр.) обычно начиналось ранней весной. В Сибири главные реки текли с юга на север, поэтому скот подходил к местам переплава в самое тяжелое половодье (на Оби это были апрель и май). По этой причине переправы, чаще всего, приурочивали к скалистым не размываемым берегам. Они пестрили топонимами «Камень», «Каменка», «Скала», «Кривощекovo» и т.д. Многие железнодорожные мосты возникли именно в этих пунктах, связанных с перегонами и переплавами скота (например, станция Батраки и Сызранский мост через Волгу).

Однако, самое главное обстоятельство связывалось с тем, что срочные перегоны скота осуществлялись по кратчайшим путям, ибо поставку следовало выполнить к сроку, указанному в контракте, — например, к середине августа пригнать оговоренное количество голов на золотые прииски енисейской или мариинской тайги. Таким образом возник и устоялся прямолинейный характер перегонов, на что обратил внимание ветеринарный врач Г.В. Кравцов еще в середине 1870-х гг. [14, с. 196].

Срочные перегоны, усиливаясь год от года, спрямляли извилистость путей, особенно там, где торговые операции носили длительный и повторяющийся характер.

По мнению исследователя томской тайги В.Т. Волкова, скотопрогонные дороги и тропы имели чрезвычайную ценность именно в качестве указателей направления. Без них пришлось бы потратить массу времени на поиски проходов и переправ «через мочаги и топкие таежки». Одна из таких дорог существовала в золотоприисковой даче, обеспечивая прогон скота из Бийского и Кузнецкого округов через Мариинский округ в Енисейскую губернию. «Этот скотопрогонный тракт, — писал Волков, — или по местному названию сакма, состоит из целого ряда отдельных троп, которые местами образуют дорогу сажен в 5 шириною и представляет растоптанную грязь настолько глубокую, что скот вязнет в ней по колено. По склонам гор ногами животных выбиты углубления, напоминающие ступени лестницы, с тою разницей, что расстояния между ними иногда бывают сажени в две и более, а в промежутках скот положительно скатывается на ногах и спуски носят отчетливые следы такого способа передвижения. Но несмотря на грязь и выбоины, а местами валежник и совершенное отсутствие мостов чрез речки, скотгоны ухитряются провозить за собой колесные экипажи, хотя несомненно переезд в них можно назвать истязанием для седоков и лошадей» [3, с. 8].

Всю жилую Сибирь покрывала развитая сеть троп и проселков, «выпестованных» за многие годы дождями и распутицами. Время вполне «оптимизировало» их для проектирования Транссиба. Осенние и весенние непогоды в буквальном смысле «выдавили» эти коммуникации на верхние этажи рельефа — на самые сухие места, водоразделы речных систем и так называемые «гривы». Это обстоятельство чрезвычайно привлекало инженеров-изыскателей именно тем, что приспособляло железную дорогу к окружающей местности и снижало издержки будущей постройки (расходы на выемки и насыпи, искусственные сооружения и пр.).

«Давно замечено, — говорилось в одном из первых учебников по изысканиям, — что железные дороги, выбирающие для своего проложения местности с небольшими уклонами, совпадают по направлению чаще с грунтовыми дорогами, преследующими ту же цель» [28, с. 66]. Жесткие финансовые ограничения, в которых оказалась постройка Транссиба, вынуждали учитывать естественные уклоны местности, сокращая возможные расходы по устройству полотна. Доля этих затрат на земляные работы в строительном капитале железных дорог оценивалась в 30 % [28, с. 32, 45].

В первые годы изысканий Транссиба далеко не все местные пути сообщений отражались на топографических картах Сибири и тогда важным подспорьем в работе инженеров становилось заинтересованное содействие местных жителей. По словам А.Д. Колесникова, географические

познания сибирского населения были столь обширны, что «выходили далеко за пределы той местности, где крестьяне постоянно жили» [12, с. 50].

Об удивительных талантах сибиряков ориентироваться в окружающей природе есть много свидетельств. Так, еще П.А. Чихачев в работе «Научное путешествие по Алтаю» (1845) писал об уникальных качествах жителей степи. Подполковник Иванин сообщил ему такую историю. «Старый, совершенно слепой казах служил отряду казаков проводником в степи и вполне уверенно провел этот отряд более чем на 200 км. Для ориентации он время от времени обращался к казакам с просьбой описать ему форму окрестных холмов, положение курганов и озер, направление течения рек, ручьев и т.д. Бывали случаи, когда он собирал травы и подносил их ко рту и носу и следил за ветром и подробно расспрашивал, откуда он дует» [27, с. 129–130].

Охотники и земледельцы, ямщики и торговцы веками торили грунтовые пути для собственных хозяйственных целей. Не удивительно, что и главный сибирский тракт, судя по записям И.Г. Гмелина и Г.Ф. Миллера, складывался из конских троп, устроенных между Томском и Красноярском [2, с. 113; 11, с. 98–99]. П.А. Словцов свидетельствует, что в появлении сибирских путей сообщения большую роль играли коренные народы Сибири. Уже в начале XVII в. было «позволено черемисам и татарам скотоводцам безданным прогонять скот на продажу в Тюмень и Туринск» [25, с. 68–69]. В XVIII в. купеческие приказчики скупали меховой товар у бурят и карагасов, а в ходе их тайной торговли возникли дороги Красноярск-Канск и Енисейск-Нижнеудинск [25, с. 237]. Наконец, «по зависимости части Абаканского края от Кузнецка вошло у промышленников в обыкновение гонять тамошний скот через горы, по узким тропинкам, в Кузнецк и в колыванские заводы» [25, с. 338].

Во время изысканий Транссиба традиция широкого участия коренного населения в совершенствовании внутренних путей получила новый толчок. В степи значительную помощь инженерам оказали казахи, в тайге — ненцы, кеты и эвенки, в Прибайкалье — буряты, на Амуре и в Приморье — нанайцы, орочи, удэгейцы. В диких и необжитых районах Дальнего Востока промышленники-гольды снабдили изыскателей уссурийского участка магистрали сведениями о притоках р. Уссури и топографии отрогов Сихота-Алиня [16, т. 4 (1894), л. 5]. Лучшими проводниками для геологов по системам рек Южно-Енисейского горного округа были кочующие тунгусы (эвенки) [7, л. 32 об.]. Они же помогали исследователям и в байкальских экспедициях [13, с. 37–38; 22, л. 233–233 об.].

При проектировании железной дороги у изыскателей нашлось немало помощников. Одни из них стремились помочь словом, другие — делом. Гласный томской думы купец А.М. Ермолаев в сочиненной им записке «Нужды и потребности Сибири» (1884) советовал вести дорогу от Томска «самым ближайшим путем» на Мариинск, село Тисульское

до Минусинска, а далее, если не скотопрогонной Бийской дорогой, то рядом, возле речки Козыря, вдоль Тунки и Иркутка прямо на Иркутск [6, л. 9–9 об., 14–14 об.]. Этот фантастический проект автор отправил и в Общество содействия русской промышленности и торговле [9], но все его «советы» так и не нашли никакого применения.

Вместе с тем, практическое участие старожилов в качестве проводников в изыскательских отрядах носило гораздо более действенный характер. В партии, руководимой Н.Г. Михайловским (Гариным), летом 1891 г. работали «вожаки» из местных крестьян, привлечение которых инженер объяснял «отсутствием верных карт» [21, л. 160]. За свой нелегкий труд в тайге проводники получали приличную поденную плату в 2 р. [21, л. 145]. На сельскохозяйственных работах, по данным Н.А. Андрущенко, можно было заработать не более 60 к. в день, а во время уборки урожая — 1 р. 50 к. [19, л. 48].

Премиальная система, заведенная в партии Н. Г. Михайловского, побуждала техников и рабочих к производительному труду. Она позволила в кратчайшие сроки выполнить необычайно большой объем изыскательских работ. Переход р. Оби был намечен не возле Колывани, как предполагалось по инструкции изысканий [18, л. 69], а на 40 верст южнее через село Кривошеково, известное тем, что здесь пролегалла одна из ветвей скотопрогонного тракта Алтайского горного округа. По донесениям Кривошековского волостного правления в 1872 г. отсюда на Томск и в Восточную Сибирь прошло 1792 быка и 1050 баранов; в 1873 г. — 1750 быков, 3000 баранов и 200 лошадей, а в 1874 г. — соответственно 3450 быков, 2550 баранов и 500 лошадей [5, л. 73 об.–74].

Стоит обратить внимание на то, что Обской мост, построенный здесь в 1893–1897 гг., обоими концами уперся в населенные пункты, возникшие на данных местах еще до западносибирских изысканий. На левом берегу располагалось и сильно пострадало от проведения рельсового пути старое село Кривошеково, полностью снесенное в ходе строительных работ. На правом берегу, в устье Каменки, впадавшей в Обь, находились «Кривошековские выселки», из которых в дальнейшем вырос город Новосибирск. Таким образом, опыт крестьян, выбиравших лучшие места для своего проживания, легко мог соперничать со знаниями инженеров путей сообщения, которые в течение ряда лет искали, но так и не нашли более приемлемого места для устройства моста, чем то, что уже заняли старожилы.

На правом берегу за Обью магистраль, намеченная Н.Г. Михайловским, проследовала «верхами» (по гриве) вдоль старой «Колмацкой» дороги, служившей для прогона гуртов скота из Барабинской степи и Барнаульского округа в дальние округа Томской и в Енисейскую губернию [20, л. 1].

По горячим следам проведенных изысканий столичная газета «Новое время» сообщила своим читателям, что местность в междуречье

Оби и Томи «пересечена множеством речек и оврагов глубиной до 30 и более сажен, вследствие чего изыскатели придерживались более возвышенных пунктов, т.е. водоразделов» [23]. Эта информация лишней раз подтверждает вклад разработанных местных путей сообщения в практику изысканий Транссиба.

Любопытно, что во 2-й половине августа 1891 г. «Сибирский вестник» сообщил, что по представлению томского губернатора «об усердной и полезной службе лиц общественного крестьянского управления» министр внутренних дел «изволил признать заслуживающими награждения похвальными листами» бывших волостных старшин Тутальской волости Ивана Солдатова и Кривошековой Александра Бабушкина [8]. Резонно предположить, что власть вознаградила их за усердно-полезный труд по проведению рельсового пути.

Обращение изыскателей к местному хозяйственному опыту сибиряков, максимальное использование внутрисибирских путей сообщения не потеряло актуальности и до настоящего времени. «В практике изысканий шоссейных и железных дорог, — написал нам опытный изыскатель, заслуженный работник транспорта РСФСР профессор Михаил Иванович Воронин, — всегда, знаю по собственному опыту, широко используются всевозможные материалы, характеризующие ситуацию и топографию местности по различным направлениям» (письмо от 27.04.1992 г. хранится в нашем личном архиве). Закономерно, что основы этого продуктивного подхода закладывались еще в конце XIX в. — при изысканиях Великой Сибирской магистрали.

Список использованной литературы и источников

1. Антонова Д. Е. Скотопромышленный перегон как сфера деятельности уездного купечества центральной России в первой половине XIX века (по материалам города Коломны Московской губернии) / Д. Е. Антонова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2015. — № 9 (59). — Ч. 1. — С. 15–17.
2. Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. / Г. Ф. Быконя. — Новосибирск : Наука, 1981. — 248 с.
3. Волков В. Т. Таежные углы Томской губернии / В. Т. Волков // Научные очерки Томского края. — Томск, 1898. — С. 1–24 (9-я паг.).
4. Государственный архив Красноярского края. — Ф. 31. — Оп. 1. — Д. 134 (Материалы с описанием дорог в Енисейской губернии, 1891–1894 гг.).
5. Государственный архив Томской области (ГАТО). — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 266 (Проект устройства сельской медицинской части и страхования рогатого скота, 1885 г.).
6. ГАТО. — Ф. 233. — Оп. 2. — Д. 851 (По заявлению А. М. Ермолаева, 1887 г.).
7. ГАТО. — Ф. 433. — Оп. 1. — Д. 122 (Сведения о месторождениях полезных ископаемых в разных горных округах).
8. Действия правительства // Сибирский вестник. — 1891. — 18 авг. — С. 2.

9. Ермолаев А. Железная дорога от Томска до Иркутска / А. Ермолаев // Сибирский вестник. — 1886. — 9 февр. — С. 2.
10. Завьялов А. А. Особенности устройства постоянных скотопрогонных трактов на территории Алтая во 2-й половине XIX — начале XX в. / А. А. Завьялов // Известия Алтайского государственного университета. — 2011. — № 4-2. — С. 101–104.
11. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. / О. Н. Катионов. — Новосибирск : Изд. НГПУ, 2004. — 568 с.
12. Колесников А. Д. Географические знания и землепроходческая роль сибирских крестьян XVIII в. / А. Д. Колесников // Крестьянство Сибири XVIII — нач. XX в. — Новосибирск, 1975. — С. 50–63.
13. Коротнев А. А. Отчет по исследованию озера Байкала летом 1901 г. / А. А. Коротнев // Пятидесятилетие ВСО РГО. Юбилейный сборник 1851–1901. Вып. 1: Фауна Байкала. — Киев, 1901. — С. 28–42.
14. Кравцов Г. В. Отчет о поездке в киргизские степи Европейской и Азиатской России в 1872, 1873 и 1874 г. с целью исследования условий и причин развития и распространения скотских падежей / Г. В. Кравцов. — СПб., 1877. — 208 с. : ил.
15. Куломзин А. Н. Пережитое. Воспоминания / А. Н. Куломзин; сост., вступ. ст., коммент. и примеч. К. А. Соловьева. — М. : Политическая энциклопедия, 2016. — 1038 с.
16. Материалы Комитета Сибирской железной дороги. — СПб., 1893–1904. — Т. 1–28.
17. Реки Сибири и России и Сибирская железная дорога. — Казань : Тип. В. М. Ключникова, 1884. — 51 с.
18. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 265. — Оп. 2. — Д. 642 (Об изысканиях Западно-Сибирской железной дороги).
19. РГИА. — Ф. 268. — Оп. 3. — Д. 334 (О производстве изысканий направления Западно-Сибирской железной дороги, 1891–1892).
20. РГИА. — Ф. 350. — Оп. 48. — Д. 22 (Записка о направлении Сибирской ж. д.).
21. РГИА. — Ф. 364. — Оп. 4. — Д. 325 (По изысканиям Западно-Сибирской ж. д.).
22. РГИА. — Ф. 560. — Оп. 27. — Д. 63 (О гидрографическом исследовании оз. Байкал).
23. Сибирская железная дорога // Новое время. — 1891. — № 5599. — С. 1.
24. Сибирская железная дорога с экономической и стратегической точки зрения // Северный вестник. — 1891. — № 3 (дозволено цензурой 25.02). — С. 1–21 (2-я паг.).
25. Словцов П. А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II / П. А. Словцов. — М. : Вече, 2006. — 512 с..
26. Труды Комиссии Императорского Русского Технического Общества по вопросу о железной дороге через всю Сибирь. 1889–1890 гг. По VIII-му отделу общества. — СПб. : Тип. Бр. Пантелеевых, 1890. — 437 с.
27. Цыбульский В. В. Научные экспедиции по Казахстану / В. В. Цыбульский. — Алма-Ата : Казахстан, 1988. — 181 с.
28. Штукенберг Л. А. Производство железнодорожных изысканий / сост. инженер Л. А. Штукенберг. — 2-е изд., доп., изм. — СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1904. — 441 с.

Информация об авторе

Канн Сергей Константинович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15, e-mail: skann@yandex.ru.

Author

Sergey K. Kann — Ph.D. in History, Senior Researcher, State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 15 Voskhod St., Novosibirsk, 630200, e-mail: skann@yandex.ru.

УДК 94(47)+94(517)
ББК 63.3(2)612+63.3Мон

Л.В. КУРАС

«РЕВОЛЮЦИЯ В КОЛЧАКИИ» И ПРЕДПОСЫЛКИ МОНГОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1921 ГОДА*

На основе общих закономерностей революционного процесса начала XX в. в статье рассматриваются особенности «революции в колчакии» и предпосылки монгольской революции 1921 г. как взаимосвязанные явления. В свою очередь это позволяет взглянуть на феномен революции с точки зрения транснациональной истории.

Ключевые слова: транснациональная история, «революция в колчакии», Сибирь, Внешняя Монголия, Китай, предпосылки монгольской революции.

L.V. KURAS

«REVOLUTION IN KOLCHAKIYA» AND BACKGROUND OF THE MONGOLIAN REVOLUTION IN 1921

Based on the general laws of revolutionary process in the beginning of XX c. the article considers the features of «revolution in Kolchakiya» and the background of the Mongolian revolution in 1921 as the interconnected phenomena. In turn, it allows looking at the revolution phenomenon from the point of view of transnational history

Keywords: transnational history, «revolution in kolchakiya» Siberia, Outer Mongolia, China, background of the Mongolian revolution.

Современное состояние исторической науки, в части изучения истории революционного подъема начала XX в., позволяет уйти от сложившегося еще в начале прошлого столетия европоцентризма и дать объективную оценку политической ситуации. Суть этой ситуации заключается в том, что в начале XX в. именно Восток определял будущее мироустройство [10; 11]. А череда революций — Синьхайская 1911 г., революция 1917 г. в России, Монгольская революция 1921 г. — позволяют

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Монгольский мир в условиях взаимодействия России и Восточной Азии в XX–XXI вв.». Проект № 15-21-03006.

современной историографии взглянуть на события в Центральной Азии «не через призму национальных историй России, Монголии, Китая..., а с точки зрения глобальной или транснациональной истории» [8; 16]. Именно такая перспектива позволяет взглянуть на события в Сибири и Монголии в 1917–1920 гг. в русле транснациональной истории.

В феврале 1917 г. в результате Февральской революции и падения царизма в России, национальное движение монгольских народов получило новый импульс. Но Октябрьская революция 1917 г. в России поставила под вопрос будущее российско-монгольских отношений, в основе которых лежало «Трехстороннее соглашение России, Китая и Монголии о Внешней Монголии» от 25 мая 1915 г.

25 ноября 1917 г. была осуществлена первая неудачная попытка установления дипломатических связей между Советской Россией и автономной Монголией. В этот день Совет Народных Комиссаров (СНК) отправил телеграмму в российское консульство в Урге с требованием безоговорочного признания Советской власти, которое осталось без ответа.

В начале 1918 г. Советское правительство опубликовало Обращение в адрес правительства и народа автономной Монголии, но российское консульство проигнорировало это Обращение [2]. Именно поэтому диалог Советской России с Богдо-гэгэном не состоялся. Это было обусловлено тем, что правительство автономии, в соответствии с Кяхтинским соглашением от 25 мая 1915 г., неукоснительно выполняло принятые обязательства перед Россией и Китаем и потому признавало законным Омское правительство Адмирала А.В. Колчака. Следует подчеркнуть, что российским консульствам в Синьцзяне и Урге, сформированным еще царским правительством, которые не приняли Советскую власть и также были связаны с правительством Колчака, Китай оказывал всемерную поддержку. И только 18 сентября 1920 г. китайское правительство приняло решение о прекращении деятельности консульств царского правительства.

В феврале 1919 г. во время проведения съезда панмонголистов на станции Даурия, Урга выступила против плана создания независимого, федеративного «Велико-Монгольского государства», в состав которого должны были войти Внутренняя и Внешняя Монголия, Барга и земли забайкальских бурят. И лишь внутренние распри в Даурском правительстве сорвали вооруженный поход панмонголистов против Богдо-гэгэна.

26 июня 1919 г. Советское правительство вновь выпустило Обращение, в котором признало независимость Монгольского государства. И вновь Обращение осталось без ответа.

В этот период Гражданская война вынудила молодое советское государство все внимание и все силы направить на борьбу с внутренней и внешней контрреволюцией. Поэтому на случайно 9 июля 1919 г. в «Известиях ЦК РКП(б)» было опубликовано «Письмо ЦК РКП (большевиков) к организациям партии» за подписью В.И. Ленина «Все на борьбу с Де-

никиным», где Председатель Совнаркома сделал «Разъяснение народу правды о Колчаке и Деникине» [9, с. 46–57].

В свою очередь это привело к тому, что Внешняя Монголия осталась один на один с республиканским Китаем. Пришедшие к власти после Синьхайской революции республиканцы претендовали на территорию бывшей империи Цин. Это привело к фактической оккупации государства, которое было вынуждено отказаться от автономии в октябре 1919 г., а генерал Сюй Шучжэн, арестовав Богдэ-гэгэна, стал фактическим властелином Внешней Монголии.

Но обстоятельства сложились так, что в 1918–1920 гг. в Сибири решалась не только судьба России, но и судьба Монголии и Китая. Именно с учетом места и роли Сибири В.И. Ленин писал: «С одной стороны, громадная прифронтовая полоса в Приуралье и на Урале стала нашей прифронтовой полосой в силу побед Красной Армии и разложения Колчака, роста революции в колчаки» [Там же, с. 54]. И далее: «Единственный шанс на полную победу — поголовное участие приуральского и уральского населения, испытавшего ужасы колчаковской «демократии», продолжение наступления на Сибирь до полной победы революции в Сибири» [Там же]. В монографии А.А. Штырбула предложена оригинальная авторская концепция «революции в Колчакии», развернувшаяся в конце 1919 г. и завершившаяся в феврале 1920 г., которая состояла из трех «революций»: «социалистической или точнее, советской, боровшейся за восстановление советской власти; демократической (или буржуазно-демократической), боровшейся за восстановление демократической республики, типа керенщины 1917 г. и, отчасти, доколчаковской, типа «Сибирской республики» лета-осени 1917–1918 гг. с перспективой Учредительного собрания; наконец, анархистской или, точнее, анархической, стремившейся свести любую власть, особенно в деревне, к минимуму или вообще ликвидировать ее. Силы, осуществлявшие эти три «революции», были достаточно разными, но общего у них оказалось в период антиколчаковской борьбы значительно больше, чем различно: режим А.В. Колчака и совместная борьба с ним достаточно тесно их сплотили, и все три к концу 1919 г. слились в одну. Противоречия, существовавшие внутри антиколчаковского лагеря, конечно, никуда не исчезли, но отошли на второй план...» [19, с. 282]. В декабре 1919 г. А.В. Колчак, потерпев поражение от Красной Армии, назначил атамана Семенова главнокомандующим всеми белогвардейскими войсками Восточной Сибири и Дальнего Востока. Новый главком терпел поражение за поражением от красноармейцев и партизан Забайкалья. 2 марта 1920 г. части Красной Армии, при поддержке партизан, взяли Верхнеудинск и атаман Семенов со своим штабом перебрался в Читу.

15 августа барон Унгерн покидает место постоянной дислокации — Даурию и направляется в Акшу, а затем поворачивает в сторону Троиц-

косавска и Верхнеудинска. Но подойдя в начале октября к Яблоновому хребту, барон Унгерн получает сведения о наступлении частей НРА ДВР на Читу и принимает решение идти на Монголию [4, с. 38]. Для барона Унгерна, который в течение 1917–1919 гг. находился в тени атамана Семенова, настал звездный час.

Вообще идея изгнания китайских войск зрела в различных слоях монгольского общества. Но осознавая, что своими силами они не добьются осуществления поставленной цели, монголы возлагали надежды на помощь извне. При этом князья и ламы обращались с письмами и петициями к американскому и японскому правительствам, на которые не получили ответа. 19 марта 1920 г. князья и ламы направили письмо Уполномоченному Российского правительства, на котором стояла печать Богдо-гэгэна. Причем, они были согласны на восстановление автономного управления Халхи и Кобдоского округа.

К началу февраля 1921 г. основные силы барона Унгерна составлявшие три тысячи бойцов (треть из них составляли монголы), подошли к Урге. Огромное значение для победы барона имел психологический фактор — похищение Богдо-гэгэна, появление которого в лагере Унгерна было встречено всеобщим ликованием. 4 февраля, после ожесточенных боев, Азиатская дивизия освободила Ургу, а VIII Богдэ-гэгэну Ждебцзундамба-хутухте был возвращен ханский трон [17; 18]. В результате последующих сражений в течение марта 1921 г. 15-тысячная китайская армия, еще недавно наводившая ужас на монголов, перестала существовать. На короткий период барон Унгерн превращается в национального героя Монголии. Победа окрылила его и породила планы свержения советской власти в России. Кроме того, он, с помощью Богдо-гэгэна, стремится реализовать свой проект создания Срединного государства, объединив Внешнюю Монголию, Тибет и Уйгурский автономный район в могущественную федерацию [3, с. 116]. Но модель государства была аморфна, четкие территориальные границы отсутствовали, а реализация проекта, фактически, вела к восстановлению империи Цин, что было абсолютно неприемлемо для монголов [7, с. 170]. В этой связи С.Г. Лузянин подчеркивает, что «Унгерн, устранив Китай из Монголии, превратил ее в потенциальную «зону» для российской гражданской войны. Советское руководство теперь могло ориентировать свою монгольскую политику не только на цели освобождения монгольского народа от китайского и унгерновского режимов, но и уничтожения классового врага на Востоке» [13, с. 94]. Кроме того, пребывание барона Унгерна во Внешней Монголии было отмечено широкомасштабными репрессиями, грабежами и расстрелами. Б начинает понимать, что становится «в тягость населению Монголии». Да и политические настроения монголов начинают меняться. Тем самым, в 1921 г. возникает уникальная ситуация, когда «революцию в колчакки» можно было перенести на территорию сопредельного государства. «В тех условиях, в которых

находилась Советская власть в России в начале 20-х гг., — подчеркивает Е.А. Белов, — ее вожди, не будь в пределах Монголии «даурского крестоносца» с его дивизией, уже разбившие крупные силы Пекина, едва ли решились на ввод в эту страну своей армии». Более того, Е.А. Белов справедливо считает, что Халха, более, чем на 70 лет оторвалась от Китая и оказалась в сфере геополитического домината России [4]. В этом плане несомненный интерес представляют наблюдения очевидца событий, известного сибирского журналиста и общественного деятеля Д.П. Першина, который в своих воспоминаниях дает подробную характеристику намерениям большевиков в отношении Монголии. Автор отмечает, что большевики имели серьезные планы по раздуванию революционного пожара в Китае, в связи, с чем Внешняя Монголия была крайне нужна им как плацдарм, с которого они могли бы направить свои усилия и в Северный Китай, и в Маньчжурию, и в Синьцзян. «И эту трудную задачу для большевиков, — по мнению Д.П. Першина, — удачно разрешил барон Унгерн» [14, с. 130]. Именно благодаря этому начинают складываться политические предпосылки Монгольской революции 1921 г., получившие широкое освещение в современной российской историографии [1; 5; 6; 8; 12; 15].

А вторжение Азиатской дивизии на советскую территорию в мае 1921 г. вывела предпосылки Монгольской революции в реальную плоскость. Именно тогда Советская Россия получила веский повод для ввода своих войск на территорию Монголии, что было необходимо как с точки зрения военной, так и политической: с военной потому, что необходимо было разгромить барона Унгерна, который представлял серьезную опасность для Советского государства; с политической потому, что необходимо было оказать реальную помощь монгольским революционерам в деле овладения ситуацией в стране [15, с. 21].

Таким образом, «революция в колчакии» и предпосылки монгольской революции 1921 г. — это взаимосвязанные явления, выходящие за рамки локального процесса, что позволяет в свою очередь взглянуть на феномен революции с точки зрения транснациональной истории.

Список использованной литературы и источников

1. Базаров Б. В. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века / Б. В. Базаров, Л. Б. Жабаева. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. — 377 с.
2. Бармин В. А. Из истории сотрудничества российских консулов в Синьцзяне с Омским правительством А.В. Колчака в 1918–1919 гг. / В. А. Бармин // Гражданская война в Сибири: мат-лы Всеросс. заоч. науч.-практ. конф. — Омск : Исторический архив Омской области, 2013. — С. 5–8.
3. Барон Унгерн в документах и материалах / сост. С. Л. Кузьмин. — М. : Товарищество научных изданий КМК, 2004. — 661 с.
4. Белов Е. А. Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920–1921 гг. / Е. А. Белов. — М. : Аграф, 2003. — 240 с.

5. Железняков А. С. Монгольский полюс политического устройства мира / А. С. Железняков. — М. : Ин-т социологии РАН, 2009. — 272 с.
6. История Монголии. XX век. — М. : ИВ РАН, 2007. — 447 с.
7. Курас Л. В. Атаман Г.М. Семенов и барон Р.Ф. Унгерн в монгольской революции 1921 г. / Л. В. Курас // Вестник Бурятского государственного университета. — 2011. — № 8. — С. 167–172.
8. Курас Л. В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. / Л. В. Курас. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2016. — 252 с.
9. Ленин В. И. Все на борьбу с Деникиным (письмо ЦК РКП (большевиков) к организациям партии) / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. — Т. 39. — С. 46–63.
10. Ленин В. И. Отсталая Европа и передовая Азия / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. — Т. 23. — С. 167–168.
11. Ленин В. И. Пробуждение Азии / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. — Т. 23. — С. 145–146.
12. Лузянин С. Г. Монголия между Китаем и Советской Россией (1920–1920) / С. Г. Лузянин // Проблемы Дальнего Востока. — 1995. — № 2. — С. 71–83.
13. Лузянин С. Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. / С. Г. Лузянин. — М. : ИДВ РАН, 2000. — 320 с.
14. Першин Д. П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булаг. Воспоминания очевидца. Текст, вступ. очерк, послеслов. и коммент. И. И. Ломакиной / Д. П. Першин. — Самара : Агни, 1999. — 280 с.
15. Рошин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.) / С. К. Рошин. — М. : ИВ РАН, 1999. — 327 с.
16. Саблин И. В. «Вильсоновский момент» на Восточном фронте: война, национализм и буддизм в Сибири и Монголии / И. В. Саблин // Первая мировая война в «восточном измерении» : сб. ст. — М. : ИВ РАН, 2014. — С. 135–155.
17. Цветков В. Ж. Р.Ф. Унгерн и попытка организации центра антибольшевистского сопротивления в Монголии / В. Ж. Цветков // Новый исторический вестник. — 2015. — № 3 (45). — С. 145–171.
18. Цветков В. Ж. Р.Ф. Унгерн и попытка организации центра антибольшевистского сопротивления в Монголии / В. Ж. Цветков // Новый исторический вестник. — 2015. — № 4 (46). — С. 102–128.
19. Штырбул А. А. Покушение на Колчака. Историческое расследование / А. А. Штырбул. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2012. — 392 с.

Информация об авторе

Курас Леонид Владимирович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kuraslv@yandex.ru.

Author

Leonid V. Kuras — Doctor of History, Professor, Leading Researcher of the Department of History and Culture of Central Asia, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Science, 6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, 670047, e-mail: kuraslv@yandex.ru.

УДК 94(571.54)
ББК 63.3(2Р54)

А.М. ПЛЕХАНОВА

БУРЯТИЯ В 1920-е ГОДЫ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ПРИГРАНИЧНОЙ ТЕРРИТОРИИ

В статье предпринята попытка определения влияния геополитического фактора на экономическое развитие и административный статус Бурят-Монгольской АССР. Установлено, что большинство проектов экономического роста республики, разрабатываемых в 1920-е гг., диктовалось геополитическими устремлениями советского государства и связывалось с укреплением и расширением хозяйственных связей с Монголией. Доказано, что особая геополитическая роль, отводимая республике в Центральной Азии, позволила ей избежать включения в состав проектируемой Ленско-Байкальской области на правах округа и сохранить статус национальной автономии.

Ключевые слова: геополитический фактор, Бурят-Монгольская АССР, Монголия, экономическое, политическое и идеологическое влияние, экономическое партнерство, Кяхтинская железная дорога, Ленско-Байкальская область, национальная автономия.

А.М. PLEKHANOVA

BURYATIA IN THE 1920s IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL FUNCTIONS OF BORDER AREAS

The article defined influence of geopolitical factors on economic development and administrative status of the Buryat-Mongolian ASSR. It was found that most of the projects economic growth of the republic, developed in the 1920s, was dictated by the geopolitical aspirations of the Soviet state and associated with the strengthening and expansion of economic ties with Mongolia. It is proved that a special geopolitical role assigned to the republic in Central Asia, has allowed it to avoid inclusion in the projected Lena-Baikal region in the county rights and to maintain the status of national autonomy.

Keywords: geopolitical factor, Buryat-Mongolian ASSR, Mongolia, economic, political and ideological influence, economic cooperation, Kyakhta railway, Lena-Baikal region, national autonomy.

28 декабря 2016 г. председатель Правительства РФ Д.А. Медведев подписал распоряжение № 2883-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 октября 2015 г. № 2193-р» [8], согласно которому Байкальский регион был включен в Концепцию развития Дальнего Востока. В принятом документе речь идет о байкальских приграничных районах — территориях муниципальных образований, расположенных в пределах Республики Бурятия

и Забайкальского края, прилегающих к государственной границе Российской Федерации с Китайской Народной Республикой и Монголией. Включение Байкальского региона в стратегию развития Дальнего Востока свидетельствует, прежде всего, о назревшей необходимости укрепления восточных рубежей нашей страны в связи с теми геополитическими функциями, которые он выполняет как приграничная территория.

Попав в стратегию дальневосточного развития, «байкальские приграничные территории», экономика которых имеет преимущественно слаборазвитый, дотационный характер и характеризуется ежегодно ухудшающимися показателями состояния жилищно-коммунальной и социальной инфраструктуры, низкой обеспеченностью местных бюджетов собственными доходами, слабой активностью субъектов малого и среднего предпринимательства, неэффективным использованием природно-ресурсного и туристско-рекреационного потенциала, неэффективным использованием приграничного положения и слабой интеграцией в международную экономическую систему, «рискует» начать развиваться [8, с. 5]. В документе четко обозначено, что задачей реализации Концепции является создание условий для устойчивого развития экономики и обеспечения социальной стабильности приграничных территорий, формирования и развития конкурентных преимуществ перед приграничными территориями сопредельных государств.

Случится ли вдоль монгольской и китайской границ грандиозный прорыв вперед? Ведь концепция — это не программа. Ее принятие отнюдь не означает автоматического выделения денег на развитие территорий, не предусматривает дополнительных расходов из федерального бюджета. Между тем развитие дотационного Забайкалья — задача амбициозная, сравнимая с трудностями освоения Сибири. Но исторический опыт показывает, что, как и в предыдущие столетия, современная геополитическая ситуация может стать одним из важных факторов развития Забайкалья, являющегося связующим звеном между Монголией, Китаем, российским Дальним Востоком и центральной Россией. Достаточно вспомнить, что в XVII — первой половине XIX в. регион рассматривался как плацдарм для утверждения России в Приамурье. Выполнив эту историческую миссию, Забайкалье заметно замедлило социально-экономическое развитие. Новую жизнь в Забайкальский регион вдохнула Транссибирская магистраль, сооружение которой было обусловлено экспансионистской политикой России на Дальнем Востоке и возрастанием в связи с этим стратегического значения Забайкалья. Однако Транссибирская магистраль, хотя и послужила мощным катализатором развития промышленности в регионе, не привела к существенной трансформации экономического пространства Забайкалья. Первая мировая война, угроза потери промышленных районов в Европейской России заставили царское правительство обратить более пристальное

внимание на Забайкалье, поскольку регион со слабо развитой промышленностью не мог служить базой для продвижения и усиления влияния России в центрально-азиатском пространстве [3]. В последующем для усиления позиций России во Внутренней Азии планировалось проведение Кяхтинской ветки железной дороги, которой отводилась роль соединительного звена с монгольским рынком. Приоритет стратегических интересов мог стать причиной ускорения темпов модернизации края. Однако практическое воплощение геополитических замыслов империи по вовлечению Монголии в орбиту своего влияния посредством превращения Забайкалья в самодостаточный в экономическом плане регион было прервано революционными событиями 1917 г.

После завершения Гражданской войны и иностранной интервенции молодому советскому государству, оказавшемуся в состоянии фактической блокады со стороны стран Запада и конфронтации со всеми мировыми державами, необходимо было кардинальными мерами решать проблему обеспечения защиты границ, особенно в связи с высокой вероятностью новых военных конфликтов. Именно поэтому укрепление восточных районов страны на основе форсированного экономического роста вновь стало одной из приоритетных задач уже новой — советской — власти. В результате планы самодержавия по созданию в Западном Забайкалье точки экономического роста были положены в основу развития молодой советской Бурят-Монгольской республики, образованной в мае 1923 г. Восстановление разрушенного в годы социальных катаклизмов хозяйства и последующий подъем экономики республики должны были, демонстрируя народам Востока успехи социалистического строительства, вовлекать их в орбиту советского экономического, политического и идеологического влияния.

Большинство проектов экономического роста Бурят-Монгольской АССР, разрабатываемых в 1920-е гг., диктовалось геополитическими устремлениями советского государства и связывалось с укреплением и расширением хозяйственных связей с Монголией. Монголия рассматривалась в качестве рынка сбыта продукции. Безусловно, в 1920-е гг. слабо развитая бурятская промышленность, работающая на старом, изношенном оборудовании, мало что могла предложить своему ближайшему соседу. Однако в перспективе аргументом в пользу организации на территории республики крупного промышленного комбината в составе действующих предприятий (при условии их расширения и переоборудования) и за счет строительства новых послужило наличие обширного рынка сбыта не только в Сибири и на Дальнем Востоке, но и в Монголии и Северной Маньчжурии. Госплан БМАССР определял перспективы широкого вывоза в Монголию продукции стекольного, винокуренного, электрометаллургического, целлюлозно-бумажного, экстрактно-варочного из бадана, лесопильного, лесохимического, маслобойного заводов [5, с. 106–113].

Кроме того, Монголия с ее богатым скотоводческим хозяйством могла быть важным поставщиком сырья для обрабатывающей промышленности республики. По данным Кяхтинской пароформалиновой камеры, в 1924–1925 г. фактический ввоз из Монголии разных кож достиг 200 тыс. штук, однако в Бурятии задержалось лишь около 15 %, а остальное транзитом было вывезено в другие регионы. Правительство БМАССР, считая подобную ситуацию недопустимой, связывало перспективы расширения Чикойского кожевенного завода с возможностью увеличения импорта в Бурятию монгольского кожсырья, стоимость которого в 1925 г. была на 11 % ниже цен Верхнеудинского рынка [7, с. 51]. Кроме того, при разработке пятилетнего плана ЦСНХ республики доказывалась необходимость строительства в Верхнеудинске овчинно-шубного завода. Рентабельность этого производства доказывалась существованием в довоенное время в Кяхте сравнительно крупного частного овчинно-шубного завода, работавшего на сырье из Монголии, откуда только в 1914 г. было вывезено 625 тыс. овчин [7, с. 55].

В качестве механизма обеспечения более устойчивого экономического партнерства с Монголией в 1920-е гг. вновь стало рассматриваться улучшение транспортных коммуникаций. В 1926 г. во время разработки Госпланом СССР проекта развития путей сообщения в первой пятилетке была реанимирована идея сооружения Кяхтинской железной дороги. Теперь инициатором ее строительства выступило руководство Бурят-Монгольской республики. В правительственных кругах данную линию стали нередко называть Верхнеудинск-Монгольской, поскольку изначально учитывалась возможность и даже необходимость ее продолжения в Монголию. Специалисты указывали: «Согласованная и цепко увязанная деятельность советских и монгольских торговых предприятий, надлежащая организация водного транспорта в пределах Монголии, соответствующие тарифы, держащиеся на уровне себестоимости — дадут возможность втянуть все монгольское хозяйство, по крайней мере, хозяйство Халхи — центральной части Монголии, в сферу влияния Кяхтинской железной дороги. Не только монгольское сырье, экспортируемое за границу, но и требующиеся для снабжения монгольского населения промтовары, как советского, так китайского и английского происхождения, в силу коммерческой выгоды, пойдут по пути Урга — Верхнеудинск — Владивосток» [5, с. 73]. Однако из-за ограниченности финансовых ресурсов реализация данного проекта государства опять затянулась. Лишь в 1936 г. было принято решение НКПС о разработке окончательных проектов сооружения железнодорожной магистрали Улан-Удэ — Кяхта (Наушки). Строительные работы начались в 1937 г., а рабочее движение поездов открылось 15 января 1939 г. С момента ввода в эксплуатацию Кяхтинская железная дорога стала играть огромную роль в экономическом развитии Бурятии и

Монголии, способствуя их взаимовыгодному торгово-промышленному сотрудничеству.

Особые геополитические функции республики позволили ей сохранить статус национальной автономии, когда в центре стал разрабатываться вопрос о новом экономическом районировании и включении Бурят-Монгольской АССР совместно с Иркутской и Забайкальской губерниями в состав Ленско-Байкальской области.

Руководство республики, выступив категорически против вхождения республики в состав проектируемой области на правах округа, выдвинуло, наряду с аргументами экономического характера, геополитические. Наиболее обстоятельно данная точка зрения была сформулирована заместителем председателя Госплана республики Н.Н. Козьминым: «Республика имеет определенное политическое задание и положение в Союзе... она не может играть роль лишь материала для тех или иных построений. Повернутая политически лицом к Монголии, входящей в сферу жизни советских республик, и Центральной Азии, куда протягиваются нити весьма реальных отношений, вплоть до окраин Тибета, она является существенным элементом государственной жизни Союза» [4, с. 3–4]. Аналогичную позицию занял Забайкальский Губисполком, посчитавший, что с созданием Буреспублики разрешается исключительного значения проблема советской внешней политики в отношении Монголии и Центральной Азии» [2, л. 260].

Стремясь найти поддержку в Центре, руководство республики обратилось за помощью в Народный комиссариат иностранных дел СССР, апеллируя при этом опять же к особой геополитической роли БМАССР в Центральноазиатском регионе. Советская внешнеполитическая доктрина, обусловленная идеей мировой революции, заключалась в экспорте революции в страны Центральной Азии и дальнейшем присоединении их, в случае успеха, к будущей «Всемирной республике Советов». Бурят-Монгольской АССР в этой политике отводилась роль «форпоста социализма» и «плацдарма мировой революции на Буддийском Востоке», поскольку считалось возможным использование национального фактора — общности языка, истории, религии и культуры, а также наличия стремления к единению монгольязычных народов, в том числе бурят, — для осуществления задач мировой революции. Революция 1921 г., разрушившая основы феодально-теократического строя Монголии, предоставляла советскому руководству возможность рассматривать Монголию как «трамплин» для экспорта революции в Китай и далее по всей Азии. Более того, Монголия виделась не только важнейшим участком империалистического соперничества в Восточной Азии, но и зоной особого геополитического интереса Советской России как основа будущей союзной республики в составе СССР [1, с. 244].

Поддержка НКВД СССР руководства Бурят-Монгольской республики predetermined судьбу Ленско-Байкальской области. 12 июня 1925 г. нарком иностранных дел Г.В. Чичерин направил письмо И.В. Сталину, в котором доказывал невозможность включения БМАССР в Ленско-Байкальскую область: «Подчинение Бурят-Монгольской республики Ленско-Байкальскому центру, а, следовательно, фактически отказу от представленных ей ранее национальных прав, при том условии, что создание Бурят-Монгольской государственности в пределах самостоятельной Советской Республики имело прежде всего целью наилучшее влияние СССР на народы Дальнего Востока, пробуждение их и сближение с СССР в борьбе против иностранного империализма, означало бы что этот акт неизбежно произвел бы глубоко отрицательное впечатление на народы и правительства Монголии, Тибета и др. и сорвал бы наметившиеся интенсивные культурнохозяйственные связи Бурят-Монгольской Республики с Монгольской Республикой». Далее в письме подчеркивалось, что «...признать включение Бурято-Монгольской области в состав Ленско-Байкальской области значит фактически отказаться от проводимой в Центральной Азии и Монголии нашей политической линии. Основываясь на вышеизложенном НКВД решительно возражает против вхождения Бурято-Монгольской Республики в состав Ленско-Байкальской области на правах округа, что оказалось бы в противоречии с положением ее как автономно-национального образования и фактически представило бы постепенную ликвидацию последнего, и считает политически необходимым сохранить за БМАССР значения и прав самостоятельной области... учитывая то громадное значение факта существования Бурято-Монгольской Республики для всего Буддийского Востока» [9, л. 58]. Точка зрения наркомата стала решающей при отказе от идеи создания Ленско-Байкальской области. Интересы внешней политики, вытекавшие из актуальных на тот момент целей «мировой революции» на Востоке и в Центральной Азии, и особая геополитическая роль, отводимая в ней Бурят-Монгольской автономии, оказались выше.

Таким образом, важные геополитические функции Бурят-Монгольской республики способствовали восстановлению и укреплению ее экономики, а также сохранению национальной автономии. Одним из стимулов развития Бурят-Монгольской АССР послужило стремление вовлечь Монголию в орбиту советского экономического и политического влияния, что особенно отчетливо проявилось в период форсированного промышленного роста в 1930-е гг.

Сегодня с включением Забайкальского края и Республики Бурятия в Концепцию развития Дальнего Востока в средствах массовой информации вновь стал будироваться вопрос об административно-территориальной принадлежности этих регионов [6]: может быть не зря Забайкалье все «мечется» между Сибирью и Дальним Востоком? может

быть, ему уготована другая судьба — образовать новый округ Российской Федерации — Байкальский Федеральный округ, в который вошли бы Иркутская область, Республика Бурятия и Забайкальский край? На наш взгляд, в современных условиях при реформировании административно-территориального деления, необходимо учитывать, прежде всего, геополитический статус приграничных регионов.

Список использованной литературы и источников

1. Башкуев В. Ю. Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX — первая половина XX вв.) / В. Ю. Башкуев. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2016. — 436 с.
2. Государственный архив Забайкальского края. — Ф. П-81. — Оп. 1. — Д. 959.
3. Кальмина Л. В. Модернизация сибирской экономики на рубеже XIX–XX вв.: забайкальский вариант / Л. В. Кальмина // Вестник БНЦ СО РАН. — 2011. — № 2. — С. 72–81.
4. Козьмин Н. Н. Бурят-Монгольская Республика — Область / Доклад председателя секции по районированию при Госплане БМАССР / Н. Н. Козьмин. — Иркутск, 1924. — 53 с.
5. Козьмин Н. Н. Основы капитального строительства Бурятии / Н. Н. Козьмин. — Верхнеудинск : Госплан БМ АССР, 1926. — 144 с.
6. Концептуальная проблема. Забайкалье — это Сибирь или Дальний Восток? [Электронный ресурс]. Забмедиа: новости. — Режим доступа : <https://zab.ru/articles/5033>.
7. Перспективы и ближайшие задачи хозяйственного строительства БМАССР. — Верхнеудинск : Госплан БМ АССР, 1927. — 89 с.
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2016 г. № 2883-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 октября 2015 г. № 2193-р» [Электронный ресурс]. Правительство России: официальный сайт. — Режим доступа : <http://government.ru/media/files.pdf>.
9. Российский Государственный архив социально-политической истории. — Ф. 17. — Оп. 84. — Д. 715.

Информация об авторе

Плеханова Анна Максимовна — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: plehanova.am@mail.ru.

Author

Anna M. Plekhanova — Doctor of History, Associate Professor, Leading Scientific Researcher of the Department of History, Ethnology and Sociology of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, 670047, e-mail: plehanova.am@mail.ru.

ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ НА ТЕОРИЮ И ПРАКТИКУ ТПК

Рассматриваются территориальные формы организации хозяйства в советский и современный период истории. Анализируются опыт создания ТПК в рамках плановой экономики, возможности использования различных объединений частного сектора и государства в российской экономике.

Ключевые слова: территориально-производственный комплекс, кластер, частно-государственное партнерство, территория опережающего развития.

G. TSYKUNOV

THE EVOLUTION OF SCIENTIFIC VIEWS ON THE THEORY AND PRACTICE OF TERRITORIAL AND PRODUCTION COMPLEX

Territorial organization forms of the economy in the Soviet and modern period. The experience of creating the territorial and production complex in the framework of the planned economy, the use of different associations of private sector and the state in the Russian economy.

Keywords: territorial and production complex, cluster, private-public partnership, territory of priority development.

В период советской плановой экономики первостепенное значение придавалось размещению и территориальной организации производительных сил. В первую очередь это было связано с ширококомасштабным освоением природных ресурсов восточных районов страны. Экономическое развитие этих регионов проходило в рамках формирования территориально-производственных комплексов (ТПК) как одной из форм организации народного хозяйства. Создание ТПК позволяло с наименьшими материальными и финансовыми ресурсами вовлекать в народнохозяйственный оборот природные ресурсы, прежде всего в районах нового хозяйственного освоения. Основным преимуществом ТПК являлось создание единой промышленной и социальной инфраструктуры. При соблюдении комплексного подхода в организации ТПК удавалось сократить число объектов и сроки их строительства, уменьшить площади промышленных зон, что в итоге на 10–20 % снижало объем капиталовложений и эксплуатационные затраты по сравнению с разрозненным сооружением предприятий [10, с. 225].

Началом плановой и территориальной организации производства стало формирование Урало-Кузнецкого комбината, в промышленную основу которого были положены угольные месторождения Кузбасса и железные руды Урала. Этот комбинат, по существу, являлся прототипом разработки и создания будущих ТПК. В послевоенные десятилетия крупные промышленные комплексы формировались в ходе реализации общегосударственных программ. Реализация Ангаро-Енисейского проекта привело к формированию Иркутско-Черемховского, Центрально-Красноярского, Братско-Усть-Илимского, Саянского, Канско-Ачинского комплексов. Следующей крупнейшей региональной программой стало формирование Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Строительство Байкало-Амурской магистрали открыло возможности для вовлечения в промышленный оборот богатейшие ресурсы Восточной Сибири и Дальнего Востока. На их основе началось формирование Верхне-Ленского и Южно-Якутского ТПК.

В 1980-х гг. на территории бывшего СССР проходило формирование становление 15 промышленных комплексов, которые играли все возрастающую роль в экономике, превращались в мощные центры по добыче и переработке природного сырья. За 1976–1980 гг. они удвоили выпуск промышленной продукции и обеспечили весь общесоюзный прирост нефти, газа и угля. Только в 1985 г. народное хозяйство получило от Западно-Сибирского комплекса 60 % всей добытой в стране нефти и 55 % природного газа [1, с. 85].

За ходом формирования советских ТПК внимательно наблюдали за рубежом. В 1976 г. в Вене Международным институтом прикладного системного анализа была проведена конференция, посвященная изучению опыта реализации крупной региональной программы в СССР на примере Братско-Усть-Илимского ТПК. Развитие сибирского комплекса сравнивалось с практикой создания в США крупного комплекса в долине реки Теннесси. Накопленный опыт в Среднем Приангарье получил высокую оценку у специалистов. Это в очередной раз подтверждает целесообразность научного изучения процессов хозяйственного освоения малообжитых районов, в каких бы частях света они не происходили.

Созданию системы ТПК предшествовала огромная научная работа по разработке теории этой территориальной формы организации хозяйства. Практически все ведущие советские экономисты в той или иной мере касались их. Теоретические основы ТПК были заложены еще в 1920–1940 гг. видными советскими учеными И.Г. Александровым, Н.И. Колосовским, Н.Н. Барановским. Последнему принадлежит первое сформулированное определение территориально-производственного комплекса как взаимообусловленного сочетания предприятий в одной промышленной точке или в целом районе, при котором достигается определенный экономический эффект за счет удачного планового под-

бора предприятий в соответствии с природными и экономическими условиями района, с его транспортным и экономико-географическим положением [3, с. 138].

Более современное определение ТПК дает в своих трудах академик Н.Н. Некрасов, вкладывая в него следующее содержание: «Территориально-производственный комплекс представляет эффективное сочетание предприятий одной или нескольких отраслей специализации, размещаемых в пределах одной или нескольких отраслей специализации, размещаемых в пределах экономического района, союзной или автономной республики, области, края и использующих, в основном, их производственную и социальную инфраструктуру» [5, с. 280].

Исследования сибирских экономистов А.Г. Аганбегяна, М.К. Бадмана, Б.П. Орлова, В.П. Гукова показали важнейшую роль непродвиженной сферы как условия успешного создания и функционирования комплексов. В их развернутой формулировке ТПК впервые говорится об охране окружающей среды и воспроизводстве естественных ресурсов. Обобщение первого опыта создания сибирских комплексов позволило академику А.Г. Аганбегяну предложить классическую структуру управления ТПК на двух уровнях — в центре в лице комиссии Президиума Совета Министров СССР и непосредственно в районе создания комплекса в лице регионального совета по его межведомственному управлению [8, с. 39–40]. Итак, несмотря на то, что единого определения ТПК, с которым были бы согласны все экономисты, в советской литературе не было, сущность его понималась и оценивалась многими учеными.

Многообразии трактовок ТПК, не только различных, но и в ряде случаев противоречащих друг другу, было характерно и для зарубежной экономической мысли. В ее основе лежит общая идея о ТПК как об объединении предприятий, связанных между собой отраслей. Причем научный подход таких западных специалистов, как В. Лотрелл, К. Уорени, наиболее близок советскому пониманию рассматриваемой формы организации экономики. Так, под комплексом К. Уорени понимает простое сосуществование связанных лишь на основе совместного использования локальных природных ресурсов и инфраструктуры предприятий и рассматривает возможность его формирования с использованием не только рычагов рыночного механизма, но и определенных планируемых, обязательных мероприятий [2, с. 154–156]. В целом различие в толковании понятия ТПК между советскими и зарубежными учеными проявляется в плоскости не столько характера их формирования, сколько целей формирования и различных источников обеспечения эффективности комплекса.

Переход к рынку коренным образом отразился на формировании ТПК. Рыночной экономике присущ преимущественно децентрализованный характер развития производства, основанного на частной

собственности на средства производства. ТПК перестают быть объектами целевого планирования и управления. В районах ТПК крупные промышленные предприятия являлись градообразующими, на них замыкались все городские сферы. Агломерации, создаваемыми около предприятий стали называться моногородами. Современную Сибирь вполне можно называть регионом моногородов. Остановка или сокращение производственных мощностей на градообразующих предприятиях отрицательным образом сказывались на социально-бытовых условиях жизни населения.

Распад СССР и смена общественного строя кардинально изменили экономическую политику России, руководство которой отказалось от государственного планирования, являющегося фундаментом ТПК. Либеральные экономисты во главе с Е. Гайдаром радикальными мерами стали избавляться от принципов советской экономики. Вал разрушительной критики недавнего не миновал и ТПК, именуемых надуманной категорией, не нашедших своего практического применения, и не имеющих будущего, конечно процесс формирования и развития ТПК носил неоднозначный и противоречивый характер, что явились прямым следствием действующей модели мобилизационной экономики. Однако было бы неверным отрицать накопленный за десятилетия опыт отечественной практики хозяйственного освоения территорий, ставший достоянием мировой практики.

Проблемы ТПК в современной России можно рассмотреть на примере Братско-Усть-Илимского комплекса, считавшегося образцом советской плановой экономики. На территории этого ТПК расположены три моногорода: Братск, Усть-Илимск, Железногорск-Илимский. С приходом рыночных отношений, повлекших за собой перестройку всех сфер экономики, модель градообразования создала ряд серьезных проблем, главной из которых являлась прямая зависимость функционирования поселений от экономического состояния местных предприятий. Новые собственники заводов не спешили вкладывать деньги в сохранение и дальнейшее развитие предприятий и городских объектов жизнеобеспечения. В 1990-х гг. сокращение производственных мощностей сильно ударило не только по работникам предприятий, в тяжелейшем положении оказалась бюджетная сфера городов и поселков. Банкротство некогда крупнейшего в стране 72-тысячного коллектива строительной организации Братскгэсстрой обернулось настоящей социальной катастрофой. Огромное количество людей стали безработными, была ликвидирована мощная социальная сфера [9, с. 291–292].

Остановка или сокращение производства негативно сказывались на демографической ситуации в регионе, способствовали формированию общественного мнения о бесперспективности территории. Неуверенные в своем будущем люди стали покидать некогда бла-

гополучные города и поселки. С 1996 г. по начало 2015 г. население г. Братска сократилось с 282,7 тыс. до 236,3 тыс. человек, Усть-Илимска — с 109,4 тыс. до 83,0 тыс. человек, Железногорска-Илимского — с 33,7 тыс. до 24,2 тыс. человек. За этот же период численность населения Братско-Усть-Илимского ТПК уменьшилось с 581,2 тыс. до 464,1 тыс. человек или на 20,1 % [11, с. 9, 11, 28, 42].

В Российской Федерации возрастает необходимость дальнейшего хозяйственного освоения восточных районов страны, основы которого были заложены в советское время. Это подтверждается принятием в 2013 г. Правительством Российской Федерации Федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.». Предполагается реализация не менее 20 инвестиционных проектов по созданию производств, ориентированных на экспорт. В Байкальский регион входят три района Иркутской области, четыре района Забайкальского края и полностью Республика Бурятия.

При всем положительном опыте создания ТПК все-таки надо учитывать, что они характерны, прежде всего для плановой экономики. В связи с этим возникает главная проблема — как совместить опыт ТПК и новые рыночные формы регионального хозяйства. В качестве альтернативы ТПК была предложена теория кластера. Один из создателей этой теории М. Портер считает, что кластер или промышленная группа — это «группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере и характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга» [6, с. 206].

Со временем в зарубежной экономической науке кластеру стали давать более расширительное толкование — региональный, экономический. По мнению сибирского экономиста В.Ю. Малова, кластер существует наряду с другими близкими образованиями: промышленный узел, межотраслевой комплекс, ТПК [4, с. 4]. Таким образом, российские ученые находят в зарубежном кластере российские корни. Общими для кластера и ТПК являются территория их формирования, а также общая цель — получение наибольшего экономического эффекта.

При сходстве определений ТПК, сделанными еще советскими учеными, с определениями понятия «кластер» между ними существуют и принципиальные различия. ТПК формируются в районах нового хозяйственного освоения, кластеры — в староосвоенных регионах. Промышленные предприятия ТПК выпускают продукцию для следующих стадий переработки (алюминий, целлюлоза), кластеры ориентированы на конечного потребителя. В то же время нельзя забывать, что возникновение кластеров характерно для периода после формирования ТПК, когда на их территории уже не предвидится сооружение новых объектов и

складывается отраслевая структура производства. В России к подобным комплексам можно отнести Братско-Усть-Илимский комплекс. Его формирование в основном завершилось в начале 1980-х гг., когда определилась отраслевая структура, не требующая серьезных изменений. В связи с этим современное состояние Братско-Усть-Илимского комплекса соответствует некоторым положениям теории кластера. На предприятиях ТПК (гидроэлектростанциях, лесопромышленных комплексах, алюминиевом заводе) происходят изменения в технологиях, реализуются нововведения, повышающих конкурентоспособность объектов именно на территории комплекса [10, с. 228, 229].

Другим направлением поиска оптимального соотношения рынка и государственного регулирования является частно-государственное партнерство. Его основной целью является объединение частного сектора и государства в реализации значимых проектов с наименьшими потерями. В России идет реализация нескольких проектов частно-государственного партнерства, среди которых следует отметить проект под названием «Богучанское энергометаллургическое объединение» в нем предусматривалось завершение, начатого еще в 1980-х гг., строительства Богучанской ГЭС, которая должна стать основой для формирования Нижнеангарского ТПК. Для частных инвесторов (компания РУСАЛ) завершения сооружения гидроузла являлось выгодным еще и потому, что рядом возводился крупный алюминиевый завод, который будет потреблять около 60 % выработанной электроэнергии. Однако разразившейся экономической кризис затормозил реализацию крупных региональных проектов частно-государственного партнерства, в том числе и по Нижнему Приангарью.

В последнее время в России происходит правовое и организационное оформление Территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР или ТОСЭР). Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» ввел специальный правовой режим осуществления предпринимательской деятельности на ограниченной территории с особыми экономическими зонами, зонами территориального развития. В первые годы ТОРы могут создаваться на территориях моногородов (населенный пункт с одним градообразующим предприятием) с наиболее сложным социально-экономическим положением. Для подобных территорий предусмотрены льготные налоговые условия, упрощенные административные процедуры, строительство объектов инфраструктуры с привлечением бюджетных средств и др. [7].

В 2016 г. в Иркутской области подобные зоны были созданы в Усолье-Сибирском и Байкальске, в 2017 г. планируется создание ТОР в Саянске. Пилотным проектом в области стал ТОР «Усолье-Сибирское», ко-

торый должен обеспечить до 5,8 тыс. новых рабочих мест (не связанных с градообразующими предприятиями ООО «Усольехимпром» и ООО «Усолье-Сибирский Силикон»). Однако сразу же возникла проблема с привлечением резидентов, желающих вкладывать инвестиции в этот проект. Это заставило областные власти искать зарубежных резидентов в лице китайских компаний. В подобной ситуации оказалось большинство провозглашенных ТОР в стране. Можно предположить, что на начальном этапе формирования ТОР необходимо участие частно-государственного партнерства, первый опыт которого может быть использован. Тем более, что в Иркутской области присутствуют крупные финансово-промышленные группы.

Первые десятилетия рыночных реформ показывают, что созданный в советское время промышленный потенциал по-прежнему остается основой современной экономики России. Назревшая проблема хозяйственного освоения новых восточных и северных районов потребует использования исторического опыта в современных реалиях государства и экономики. Перспектива России зависит от рационального использования ретроспективы.

Список использованной литературы и источников

1. Губер А. А. Наша экономика: время перемен / А. А. Губер. — М. : Политиздат, 1986. — 158 с.
2. Есикова Т. Н. Отражение теории ТПК в работах ученых зарубежных стран / Т. Н. Есикова // Опыт моделирования структуры территориально-производственных комплексов. — Новосибирск : Наука, 1970. — С. 5–20.
3. Колосовский Н. Н. Основы экономического районирования / Н. Н. Колосовский. — М. : Госполитиздат, 1958 — 241 с.
4. Малов В. Ю. ТПК и кластеры: общее, особенное, частное / В. Ю. Малов // ЭКО. — 2006. — № 1. — С. 2–18.
5. Некрасов Н. Н. Региональная экономика / Н. Н. Некрасов. — М. : Экономика, 1975. — 318 с.
6. Портер М. Конкуренция / М. Портер. — М. : Издательский дом Вильямс, 2000. — 298 с.
7. Российская газета. — 2014. — 31 дек.
8. Территориально-производственный комплекс: планирование и управление — Новосибирск : Наука, 1984 — 256 с.
9. Цыкунов Г. А. Монгорода Восточной Сибири в условиях рынка / Г. А. Цыкунов // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты. — Новосибирск : Параллель, 2010. — С. 288–296.
10. Цыкунов Г. А. ТПК и кластеры: новые подходы и проблемы / Г. А. Цыкунов // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2011. — № 4. — С. 225–230.
11. Численность населения на 1 января 2015 г. : стат. бюллетень. — Иркутск : Иркутскстат, 2015. — 63 с.

Информация об авторе

Цыкунов Григорий Александрович — доктор исторических наук, профессор, кафедра теории государства и права и социально-правовых дисциплин, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: tsykunov-ga@isea.ru.

Author

Grigory A. Tsykunov — Doctor of History, Professor, Department of Theory of Law and Socio-Legal Disciplines, Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: tsykunov-ga@isea.ru.

УДК 94(571.53)
ББК 63.3(253.7)

А.В. ШАЛАК

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИКО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ А.В. КОЛЧАКА

На основе историко-геополитического подхода исследуется и оценивается деятельность А.В. Колчака, его тесное сотрудничество с границей, участие в иностранных вооруженных формированиях на территории Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: А.В. Колчак, геополитические процессы, интервенция, поддержка иностранных государств, протоколы допроса.

A. V. SHALAK

SOME HISTORICAL AND GEOPOLITICAL FACTS ABOUT KOLCHAK A. V.

The Kolchak's work, his close overseas cooperation and participation in foreign armed units on the territory of Siberia and Far East are studied on the base of historical and geopolitical approach.

Keywords: Kolchak A. V., geopolitical processes, intervention, foreign states support, witness statements.

«Мундир английский,
Погон французский,
Табак японский,
Правитель омский...»

Слова песенки, взятые эпиграфом к данной статье, были широко популярны на Восточном фронте в годы Гражданской войны. Причем распевалась она и в белых сибирских войсках только в другой интерпретации: «Погон российский, фасон английский...» [5, с. 72–73].

Из своей «столицы» «правитель омский» бежал в ноябре 1919 г. под ударами 5-й армии Тухачевского. В январе 1920 г. чехословацкий конвой сдал его иркутским повстанцам. По решению иркутского ревкома 7 февраля 1920 г. Колчака расстреляли.

В биографии Колчака с Иркутском оказалось многое связано. Здесь он женился после северной экспедиции перед отправкой на русско-японскую войну весной 1904 г., и именно здесь «Верховный правитель России» закончил свой жизненный путь. Документальная исповедь о его жизни под название «Допросы Колчака» также оформлялась в этом городе. Героизация Колчака началась отсюда, здесь недалеко от места расстрела, ему в ноябре 2004 г. был установлен памятник, а затем в ряде городов страны открыты мемориальные доски. Идеализируется ныне даже его походная подруга А. Тимерева, жена сослуживца Колчака по флоту, бросившая мужа, а затем и трехлетнего сына и уехавшая к адмиралу в Сибирь. Через два года после расстрела Колчака она вышла замуж за инженера В.К. Книпера. В Иркутском музыкальном театре им. Н.М. Загурского, в декабре 2015 г., состоялась премьера спектакля «Анна и адмирал. История любви». От этого спектакля веет таким махровым антисоветизмом, такой ненавистью к советской России, что Геббельс на этом фоне смотрится бледно.

Идеализация А.В. Колчака как-то не вяжется со словами приведенной выше популярной песенки периода Гражданской войны и с тем его обликом, который прочно укоренился в 1920-е гг. Сибирские старожилы долгие годы своим самым злым псам давали кличку «Колчак».

Конечно, спустя 100 лет со дня революционных событий, многое действительно воспринимается по-иному. Можно выстраивать разные интерпретации истории, но при этом нужно всегда оставаться на почве фактов, а не навязываемых мифов. Поэтому обращение к личности Колчака вполне актуально и попытаемся разобраться, насколько навязываемые мифы о его деятельности соответствуют фактам. В конечном итоге, это позволяет разобраться в обоснованности отказа Верховного суда России в реабилитации А.В. Колчака.

Исследовать этот вопрос через призму «советскости» или «антисоветскости» А.В. Колчака, т.е. через призму идеологии, невозможно. Наиболее объективно можно оценить роль его личности на основе геополитического подхода. А это означает, что в условиях Великой русской смуты главным являлись не идеологические различия (внятная идеология была сформулирована только в рамках «красного движения», у «белых» она вообще отсутствовала), а то, что кому-то были интересны природные ресурсы нашей страны, устранение с рынка конкурента, кто-то рассматривал весь мир в качестве объекта полного политического присвоения.

С установлением в начале XX в. прямого контроля над сушей между государствами развернулась ожесточенная борьба за доступ к ресур-

сам. Одновременно начался быстрый процесс сколачивания различных блоков, поскольку в одиночку бороться за ресурсы сложно, да и вряд ли возможно. С этих позиций деятельность политических режимов и различных общественных систем может оцениваться только с позиций обеспечения национальной безопасности, которая оказалась в прямой зависимости от контроля за пространством и его ресурсной базы. Вместе с тем, это является и критерием для оценки политической и государственной деятельности. Именно с такой точки зрения важно рассмотреть и оценить деятельность «Верховного правителя России» А.В. Колчака. В чьих интересах он действовал? В интересах сбережения России, ее безопасности, или играл на стороне ее геополитических противников, стремящихся установить контроль над ресурсами России? Осознанно он это делал, или так получилось случайно, в силу определенных обстоятельств?

Основные ресурсы планеты сосредоточены на евразийском континенте. Будут их контролировать морские государства или континентальные — это зависит от реального соотношения сил между ними. На евразийском континенте в начале XX в. наиболее динамично развиваются две державы: Германия и Россия. Союзнические отношения между ними означали, что именно этим государствам будет принадлежать решающая роль в контроле над ресурсами Евразии, их распределением. Морские государства и прежде всего Великобритания, которая в то время являлась самой крупной державой по территории и численности населения, могла переломить ситуацию в свою пользу, только в случае недопущения такого союза, а еще лучше, если эти государства удастся столкнуть между собой в военном конфликте. Истощение и неизбежное ослабление России и Германии в войне между собой позволяло англосаксонскому миру установить контроль над Евразией. Именно этой геополитической игрой пронизана мировая политика, начиная с конца XIX в. и по сегодняшние дни. Американский геополитик Зб. Бжезинский назвал ее «Великой шахматной игрой».

Имелись ли в России политические силы, государственные деятели, которые понимали характер геополитических процессов и стремились не допустить войны России с Германией? Достаточно вспомнить записку Петра Николаевича Дурново, министра внутренних дел в начала XX в., которую он направил в адрес Николая II в Феврале 2014 г. [7]. Он отчетливо понимал, что война России с Германией губельна для обоих государств. Основная тяжесть войны, которую Россия будет вести на стороне Англии, выпадет на долю России. Он убедительно доказывает, что жизненные интересы Германии и России нигде не сталкиваются. Их мирному сожительству больше всего угрожает стремление Англии удержать ускользающее от нее господство. Борьба между Россией и Германией глубоко нежелательна для обеих сторон и в случае войны между ними

обе страны будут ввергнуты в сильнейшие социальные потрясения. Записка уникальна тем, что все предупреждения Н.П. Дурново сбылись.

Можно также напомнить весьма ныне популярные труды Алексея Ефимовича Вандама (Едрихин), генерала военной разведки царской России, автора работ в области геополитики, написанных до начала Первой мировой войны [4]. Он аргументировано доказывал, что главным геополитическим противником России являются англо-саксонские народы, которые намерены уничтожить торговый и военный флоты России, ослабить ее до пределов возможного, оттеснить от Тихого океана вглубь Сибири. Противостоять этому можно лишь через создание союза сухопутных держав — России, Германии, направленного против «утонченного деспотизма Англии». Хуже войны с англосаксом может быть только дружба с ним, утверждал А.Е. Ядрихин.

Ряды политиков, ученых, государственных деятелей, осознающих геополитические интересы России в начале XX в. достаточно широки.

Однако в этой геополитической схватке начала XX в. англосаксы сумели переиграть всех. Лагерь сторонников союза с Англией оказался в конечном итоге сильнее. Выбор монарха в пользу Антанты завершился величайшей геополитической катастрофой и социальными потрясениями. Сегодня геополитический расклад трансформирован итогами двух мировых войн, распадом советской государственности. В условиях открытой антироссийской истерии и антироссийских санкций вопрос о том, кто «друзья» и, кто «враги» государства российского, отпадает сам собой.

Какова же была позиция А.В. Колчака в этом геополитическом раскладе? О его деятельности и деятельности «сибирского правительства» собрано огромное количество документов, имеется обширная литература¹. В 2001 г. были изданы наиболее известные исторические и военно-научные труды и воспоминания отца и сына — генерал-майора В.И. Колчака и адмирала А.В. Колчака [9]. Мнения о личности Колчака разные. В ряде научных работ предпринимается попытка его реабилитации. Примером может служить монография С.В. Дрокова [6]. Книга содержит много архивных документов (и в этом ее несомненная ценность), но попытка автора дать «беспристрастный анализ общественно-политических процессов начала XX в.», доказать фальсификацию многочисленных фактов, «порочащих честь и достоинство адмирала», выглядит малоубедительной. Автор даже претендует на создание новой концепции Гражданской войны, что не случайно. Реабилитировать Колчака, в рамках традиционных подходов можно только пересмотрев концепцию «Великой русской смуты».

---

¹ Об А.В. Колчаке сегодня опубликованы десятки книг и статей. Среди них монографии: [3; 8; 11–13; 15].

А.В. Колчак и председатель сибирского правительства В.Н. Пепеляев были расстреляны до официального суда, и это его нынешним защитникам позволяет говорить о нарушении процессуальных норм. Проблема, с точки зрения С.В. Дрокова, и в том, что допрашивала и судила Колчака Чрезвычайная следственная комиссия, вопрос юридической состоятельности которой остается открытым. Если поставить под сомнение правомочность создания такой комиссии, то, следовательно, возникает вопрос и о юридической состоятельности допросов Колчака. То есть под сомнение ставятся не факты, которые фигурируют в протоколах допроса, а процессуальные нормы. Если они не соблюдены, все остальное — второстепенно, и судить нужно не за преступления, а тех, кто нарушил некие процессуальные нормы. По итогам Гражданской войны при такой интерпретации оправдать нужно всех. Однако запятую в слогане «Казнить нельзя помиловать» ставить нужно.

Официальный суд над правительством Колчака проходил с 20 по 30 мая 1920 г. в пригороде Омска, в мастерских вагонного цеха, приспособленных для проведения заседаний. Доказательная база опиралась более чем на три тысячи документов [6, с. 274].

Правительство Колчака обвинялось по следующим пунктам: в бунте и восстании при поддержке иностранных государств; в организации истребительной вооруженной борьбы против советской власти; в организации системы массовых убийств против населения; в предательском призыве иностранных вооруженных сил; разрушении достояний советской республики; расхищении и передаче иностранным правительствам достояний советской республики (речь шла о передаче иностранным государствам системы железных дорог Сибири и золотого запаса) [6, с. 269].

Таким образом, одними из основных пунктов обвинения в адрес Колчака было его тесное сотрудничество с границей, приглашение иностранных вооруженных формирований.

Измена Родине, переход на сторону врага, шпионаж, диверсия, совершение насильственных действий в отношении гражданского населения и военнопленных послужили основанием для отказа в его реабилитации. Об этой стороне деятельности А.В. Колчака его защитники предпочитают молчать. И именно эта деятельность А.В. Колчака по непонятным причинам нашла наименьшее отражение в исторической литературе, в том числе иностранной.

Это, по крайней мере, странно, поскольку имеющиеся источники позволяют составить достаточно определенное представление о сотрудничестве А.В. Колчака с представителями других государств. Основным документом являются протоколы допроса А.В. Колчака. Сам Колчак мемуаров не оставил, но стенограмма допроса отражает самые различные стороны его жизни. Колчак отвечал на вопросы обширно, по сути, в протоколах допроса с его слов изложена краткая автобиография. Впервые

протоколы допроса были опубликованы в Германии в 1920 г., а затем в России в 1925 г. В постсоветской России они опубликованы в 2015 г. в серии «Николай Стариков рекомендует прочитать» [1]. Однако удивительно, что самый ценный источник никак не фигурирует в работах, реабилитирующих А.В. Колчака. Различные документы, позволяющие охарактеризовать отношения адмирала с представителями других государств, содержатся также в монографии С.В. Дрокова [6].

Стремительный взлет карьеры А.В. Колчака начинается с января 1906 г. по его возвращению из японского плена. Колчак с группой офицеров в рамках непонятного «кружка» начинает заниматься «возрождением российского флота» [1, с. 14]. Причем эти действия санкционированы морским министром. «Я долгое время был председателем этого кружка», свидетельствует А.В. Колчак [1, с. 23]. С подачи кружка(!) создается Морской Генеральный штаб и предлагается судостроительная программа. Данная программа основывается на следующей оценке военно-политической обстановки: война неизбежна, начнется примерно в 1915 г. Германия в этой войне будет основным врагом России. Ситуация более, чем странная. Определять приоритеты национальной политики, кто «друзья», а кто «враги», должны политики и государственные деятели. В данном случае эту миссию выполняют мало кому известные офицеры во главе с Колчаком, прибывшим из плена.

Совсем молодой офицер, командовавший до этого лишь миноносцем, вдруг «предлагает правительству организовать Морской Генеральный штаб», и его предложение принимают. Колчака буквально «раскручивают» СМИ, в высоких кругах звучат его доклады. Столь стремительные карьерные взлеты вызывают подозрения, наводят на мысль, что его проталкивала некая внешняя сила. Его открытое поступление на службу Великобритании в 1917 г. позволяет сделать вполне определенные выводы.

Примерно, также в начале 1990-х гг. никому не известные «младореформаторы» в России будут определять приоритеты развития страны, как поделить и в чьи руки передать огромные ресурсы советского государства. Теперь хорошо известно и об «учителях», и о тех, кто управлял их действиями. С Колчаком и его кружком примерно такая же ситуация, как с кружком Чубайса, только о прямых покровителях известно меньше.

Первый опыт общения Колчака с границей произошел в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. Эту войну Япония поостереглась бы развязать, если бы не открытая поддержка со стороны Великобритании и США. Озабоченные укреплением позиций России на Дальнем Востоке, Англия и США стремились, используя Японию, ослабить ее позиции. В российских газетах печатались многочисленные карикатуры на тему поддержки Японии со стороны англосаксов. Германия в этой войне выступала на стороне России. Не зная этого расклада А.В. Колчак не мог.

Колчак побывал в плену у японцев. Очевидно, там и состоялось его вербовка англичанами в качестве агента влияния. О своем нахождении в плену Колчак на допросе рассказывает следующее: «В Нагасаки партия наших больных и раненых получила очень великодушное предложение японского правительства, переданное Французским консулом, о том, что правительство Японии предоставляет нам возможность пользоваться, где мы захотим, водами и лечебными учреждениями Японии, или же, если мы не желаем оставаться в Японии, вернуться на родину без всяких условий. Мы все предпочли вернуться домой» [1, с. 23]. Отметим здесь такие детали: с пленными работают представители союзников Японии и обращаются с ними «великодушно». В Россию Колчак прибывает, побывав после плена в США и Англии. И вот затем, побывав в США и Англии, Колчак вдруг в рамках какого-то интересного кружка, который он сам именуется «полуофициальный» [Там же, с. 22], претендует на то, чтобы определять морскую стратегию России. И при этом он убеждает, что война будет с Германией.

Следует напомнить, что именно в это время разворачивается острейшая борьба за создание стратегических блоков, Великобритания делают все возможное, чтобы сравить Россию с Германией. И в этой борьбе Колчак по странной логике не на стороне союза с Германией, которая поддерживала Россию в войне с Японией, а на стороне англосаксов.

О деятельности разведслужб, значении шпионской деятельности Колчак был хорошо осведомлен. Обучаясь в Николаевской морской академии в 1911–1912 гг. он пишет пространный доклад «Служба Генерального штаба», в котором подробно излагает способы получения военных сведений от иностранных государств. Этот доклад впервые был приведен в приложении монографии С.В. Дрокова [6, с. 373–474]. Со знанием дела Колчак пишет о подготовке шпионов, участии офицеров в тайной разведке, тайных разведывательных органах, военном и военно-политическом шпионстве.

О предложенной судостроительной программе Колчак на допросе говорит обтекаемо, не вдаваясь в подробности. При этом не забывает упомянуть, что он неоднократно выступал экспертом на совещаниях, заседаниях различных комиссий Государственной Думы и т.д. То есть он не отрицает того, что выступал лоббистом определенной судостроительной программы, более того, именуется себя основным разработчиком этой программы. Военный министр И.М. Диков к этой программе относился нейтрально. Но когда программа была утверждена, неожиданно сменили морского министра. Новый министр С.А. Воеводский предложенную судостроительную программу не принял и начал против нее борьбу. Ему удалось остановить программу. После этого, Колчак покидает морской генеральный штаб. Но «кружок офицеров», который инициировал судостроительную программу, продолжает работать. Через полгода ситуация

опять меняется. Судостроительную программу предложено реализовать опять в том варианте, на котором настаивал Колчак со своим кружком, и он вновь также легко через полгода возвращается в генеральный штаб ответственным за «балтийский театр». Программу запускают опять. «Я это откровенно высказал; заявил, что главную задачу я выполнил, что дело сделано и что теперь остается только следить технически, чтобы налаженное дело шло дальше», — свидетельствует на допросе Колчак [1, с. 31]. После этого он переходит на службу в Балтийский флот.

Что из себя представляла судостроительная программа, пролоббированная «младореформаторами» во главе с Колчаком? В условиях, когда средства на строительство флота были предельно ограничены, Колчак выступил за строительство линкоров для русского флота. Линкоры должны были быть построены в ущерб минным заградителям и тральщикам, подводным лодкам и броненосцам береговой обороны, береговым батареям, миноносцам, крейсерам и прочим кораблям, судам, силам и средствам. Основной довод Колчака: Россия, чтобы считать себя великой страной, тоже должна иметь линкоры, поскольку их имеют Англия, Франция, Германия.

Но в отличие от этих стран, Россия не имела военно-морских баз, называвшимися тогда также угольными станциями. Именно поэтому русские корабли шли к Цусимскому проливу на бой с японской эскадрой перегруженные углем в два раза. Ради угля пожертвовали даже боезапасом, из-за чего учебные стрельбы на переходе почти не проводились. Следовательно, линкоры, предназначенные для действий в составе эскадр на большом удалении от родных берегов, Россия не могла использовать. Для линкоров нужны угольные станции. Колчак не мог не знать о работах американского геополитика адмирала Мэхэна, который в работах, написанных в конце XIX в., сформулировал задачу — не допустить иностранных угольных станций в радиусе трех тысяч миль от берегов США. В такой ситуации российские линкоры могли быть использованы только на внутренних морях — Балтийском и Черном. Но запертые в бассейнах этих морей, они становились чрезвычайно уязвимыми для подводных лодок, вооруженных торпедами. Если бы даже маленькая часть денег, потраченных на строительство линкоров, была направлена на строительство подводных лодок, то подводный флот России не позволил бы перемещаться вражеским кораблям в наших морях.

Россия построила к 1914 г. четыре линкора, которые не могла использовать для контроля за океаном, Германия их имела в 1906 г. 20 и спускала на воду по пять в год, а Англия имела примерно вдвое большие силы, в сравнении с Германией [14]. Поэтому в итоге реализации данной программы даже на Балтике Россия была не способной противостоять германскому или английскому флоту в открытом бою. По прямому назначению линкоры использованы так и не были. Линкоры на Балтике

стреляли только по осадным батареям фашистов во время блокады Ленинграда. Таким образом, реализация данной программы привела к тому, что морское господство Великобритании не было поколеблено, а уязвимость нашего флота даже во внутренних морях возросла в связи с угрозой со стороны подводного флота. При этом в статье «Какой флот нужен России», опубликованной в журнале «Морской сборник» в 1908 г., Колчак утверждает, что «Флот Англии на всех наших морях нам непосредственно не угрожает», и что для России «...создание мощной силы, способной бороться за обладание морем в Тихом океане, едва ли является целесообразным» [10].

Когда все же война Германии с Россией была развязана, Колчак встречает это известие «с громадным энтузиазмом и радостью...., и вообще начало войны было одним из самых счастливых и лучших дней моей службы» [1, с. 34]. Геополитическая трагедия России для Колчака оборачивается самой большой радостью. При этом Колчак ощущает себя чуть ли не главным стратегом Балтийского флота: «... я постоянно переходил на ту или иную часть Флота, которая выполняла различные задания, утвержденные, конечно, адмиралом Эссенем, но разработанные мною» [1, с. 35].

Колчак, отвечая на вопросы, утверждает, что он по своим взглядам оставался монархистом: «Я откровенно должен сказать, что ни в отношении династии, ни в отношении личности императора это у меня никаких вопросов не возникало... Как военный, я считал обязанностью выполнять только присягу, которую я принял, и этим исчерпывалось все мое отношение. ...Я был монархистом и нисколько не уклоняюсь... Я считал себя монархистом и не мог считать себя республиканцем» [1, с. 53–54, 56–57]. Но когда начались волнения на Черноморском флоте, Колчак мгновенно «забыл» о присяге и о своих монархических пристрастиях. Из высшего командования (четыре командующих фронтами и двое командующих флотами) он первым, опередив даже заговорщиков, присягнул Временному правительству. «Когда совершился переворот, я получил известие о событиях в Петрограде и о переходе власти к Государственной Думе непосредственно от Родзянко, который телеграфировал мне об этом. Этот факт я приветствовал всецело», — свидетельствует Колчак [1, с. 58].

А что же с монархией? «Я считал себя совершенно свободным от всяких обязательств по отношению к монархии, и после совершившегося переворота стал на точку зрения, на которой я стоял всегда, — что я, в конце концов, служил не той или иной форме правительства, а служу родине своей, которую ставлю выше всего, и считаю необходимым признать то правительство, которое объявило себя тогда во главе российской власти» [1, с. 58–59].

Затем, так же легко, Колчак обнулил свою присягу Временному правительству. Будучи командующим Черноморским ВМФ, бросил флот на

произвол судьбы, усугубив хаос в российской армии. Таковы «убеждения» и «приверженность присяге» Колчака. В воюющей стране происходит государственный переворот, обнулилась присяга, что стало прологом к смуте, и Колчак всецело поддерживает этот процесс своими действиями. Когда делегатское собрание флота поставило вопрос о разоружении офицеров, Колчак отбил телеграмму 7 июня в Петроград, в которой обиженно заявлял, что в этих условиях он не может командовать, ему нанесено оскорбление, он снимает с себя все полномочия [1, с. 101]. И делает он все это еще до того, как делегация Совета потребует от него отказать от командования Флотом. Все это как-то не вяжется с обликом Колчака. Законный командующий флотом демонстрирует необычайную мягкость, нежелание применить силу, и следует его добровольный отказ от должности. Как известно, ситуация с Черноморским флотом в конечном итоге закончилась катастрофой: половина флота была затоплена командами, остальные попали в руки немцев и были уведены в различные порты. На Черном море российский флот практически был уничтожен. В отличие от него, Балтийский флот сохранил боеспособность, активно сопротивлялся и сыграл исключительно важную роль в отражении германского наступления на северо-западном направлении.

В этом деле есть еще один интересный аспект. Колчак добровольно отказывается командовать флотом за день перед приездом американского контрадмирала Дж. Гленнона. Гленнон был в составе специальной дипломатической миссии США, отправленной президентом Вильсоном в Россию. Основной целью миссии являлось ознакомление с ситуацией в стране и предотвращение выхода России из войны. Миссия прибыла в Россию в мае 1917 г. В начале июня американская делегация прибыла в Севастополь. Дж. Гленнон прибывает в Севастополь для встречи с Колчаком. Обрато в Петроград они возвращаются уже вместе в одном вагоне. И затем американский адмирал инициирует поездку Колчака в США.

В отечественной историографии нет ни одной работы, посвященной военно-морской миссии Колчака в США. А ведь это одно из основных обвинений в отношении Колчака — его продажность интересам «мирового империализма». Особенно на это указывали историки в 1920-е гг.

Колчак, как «допустивший бунт», был призван отчитаться в Петрограде перед Временным правительством. На заседании правительства, которому Колчак присягнул первым и на котором от него потребовали объяснений о его добровольном сложении полномочий командующего флотом, заявляет, что нужно «...просто-напросто распустить команды и прекратить деятельность Флота, потому что при таких условиях Флот все равно никакой пользы не принесет» [1, с. 104]. Позиция больше чем интересная. Командующий флотом совсем недавно заявлял, что он готов бороться до конца, чтобы довести войну до победного конца, что именно «поэтому я приветствовал революцию, как возможность рассчитывать

на то, что она внесет энтузиазм... в народные массы и даст возможность закончить победоносно эту войну, которую я считал самым главным и самым важным делом, стоящим выше всего, — и образа правления, и политических соображений» [1, с. 59]. И вот вместо того, чтобы сделать все возможное для доведения войны до победного конца, он в знак «протеста» против революции, которую только что приветствовал, покидает Флот, отказывается от всех предложений и стремится отъехать в США.

С какой стороны Колчак мог заинтересовать американцев? В годы Первой мировой войны был разработан детальный план по нейтрализации турецкого ВМФ через контроль за Босфором. Окончательный контроль за проливами в соответствии с этим планом должен был быть осуществлен в 1917 г. Адмирал Колчак несомненно был посвящен и сам приложил руку к разработке этого плана. Знание Колчаком турецких фортификаций, его опыт в постановке минных заграждений, не могли не интересовать США. США не меньше России была заинтересована в контроле над черноморскими проливами. Именно поэтому с адмиралом встречаются глава американской миссии сенатор И. Рут и контрадмирал Дж. Гленнон. Они предлагают адмиралу поехать в США для участия в разработке плана захвата проливов. Колчак соглашается и расценивает это как поступление на американскую службу [6, с. 156].

Сам Колчак и не скрывал, что целью его поездки в США являлось сдача российских планов по установлению контролю над черноморскими проливами. В протоколах допроса по этому пункту он повествует следующее: «Кроме того, совершенно секретно он (адмирал Гленнон) сообщил мне, что в Америке существует предположение, предпринять активные действия американского Флота в Средиземном море против турок и Дарданелл. Зная, что я занимался аналогичными операциями, адмирал Гленнон сказал мне, что было бы желательно, чтобы я дал все сведения по вопросу о десантных операциях в Босфоре. Я ответил на это, что не отказываюсь от этого и готов поделиться теми сведениями, которые у меня имеются... Относительно этой десантной операции он просил меня никому ничего не говорить и не сообщать об этом даже правительству» [1, с. 106]. Колчак на допросе не скрывает своих доверительных отношений с американцем, и он прекрасно осознает, что от него требуют предательства.

Дж. Гленнон уехал, а Колчак решительно отвергает все предложения вновь возглавить флот и готовится к отъезду в США. При этом в своем стремлении добиться разрешения на поездку в США Колчак проявляет фантастическую целеустремленность и настойчивость, совсем не похожие на его позорное бегство с Черноморского флота. В итоге он добивается личной встречи с А.Ф. Керенским и тот дает свое согласие на отъезд Колчака в США. Пока решался вопрос о его поездке и оформлении паспорта, Колчак, как он повествует сам, «...начал подбирать все материа-

лы, необходимые для этой задачи» [1, с. 106]. За желанием Колчака сдать российские планы стояла еще одна цель. Он полагал, что его знания будут востребованы американцами и тем самым он сможет занять вполне достойную должность в американском флоте, поучаствовать в установлении контроля над Босфором и Дарданеллами на стороне США. Сей «патриот» этого и не скрывает: «...у меня была тогда надежда, что я буду принимать известное участие в Дарданелльских операциях» [1, с. 108].

О планах Колчака и цели его поездки в США были проинформированы и англичане. «Что касается моего отправления в Америку, то оно находилось в тесной связи с согласием английского правительства... я вошел в сношения с английской миссией, сказал им откровенно о цели моей поездки» [1, с. 118]. И именно англичане через свои пункты контроля обеспечили безопасный выезд адмирала из России через Швецию под чужой фамилией. Вся это ситуация с отъездом Колчака очень напоминает детективную историю по вывозу провалившихся, но ценных агентов из страны, где им находится опасно. Прибыв первоначально в Лондон, Колчак встречается там с британским военным министром, а затем начальником штаба британского флота. Очевидно, соответствующая информация от Колчака уходит и здесь. Англичан больше всего волнует северно-балтийский театр военных действий и нет никаких сомнений, что всю информацию они от Колчака получили. «Джелико беседовал со мною очень долго по поводу обороны Немецкого моря и минирования немецких берегов» [1, с. 121]. Колчак конечно ничего не говорит о содержании своих встреч с британскими партнерами, но очевидно, что рассматривались и вопросы чисто политические. Генерал Холл в своих беседах, свидетельствует Колчак, говорил, что Россию «может спасти только военная диктатура» [Там же]. Немного погодя, именно Колчаку они уготовят роль диктатора. А сам характер бесед свидетельствует, что Колчак уже ведет себя так, как будто он является не адмиралом российского флота, а находится на службе у англосаков. Был ли он завербован, или желает служить добровольно — это уже второстепенно.

В США Колчака также встречали как очень нужного человека. Для его проезда выделили специальный вагон, все обслуживание и проживание осуществлялось за счет американского правительства. Несколько недель Колчак передавал нужную информацию американцам. Когда те вытянули из него все, отношение к нему изменилось. Надежды на то, что он будет востребован американцами в операции по контролю над черноморскими проливами, не оправдались. Американский флот в ближайшее время к реализации данного плана был не готов, да и в случае его реализации места там для Колчака, очевидно, не находилось. Отношение к Колчаку стало достаточно прохладным. И он не мог этого не чувствовать. Иллюзии в плане применения себя на службе американского государства растаяли. «Я был глубоко разочарован, так как меч-

тал продолжать свою боевую деятельность, но видел, что отношение в общем к русским тоже отрицательное» [1, с. 124].

Тогда Колчак принимает решение вернуться опять в Россию. Обратный путь его лежал через Японию и Владивосток. При этом уже до отъезда Колчак знает об очередной смене власти в России, что Временное правительство пало. Но решение о переходе на военную службу Великобритании он принимает, будучи в Японии. По крайней мере, так он утверждает во время допросов. Свою позицию Колчак объясняет желанием выполнить союзнические обязательства России, перейдя на службу британскому правительству. Объяснение более чем наивное. Он просит принять его в английскую армию «на каких угодно условиях» [1, с. 128]. Колчак не просится на флот, поскольку понимает, что на союзном флоте ему предложат командовать каким-нибудь миноносцем. В его возрасте и положении это вряд ли было приемлемым. Именно потому адмирал флота просится в сухопутные войска, хотя в организации армейских частей он мало что понимает. Но честолюбие не позволяют ему поступить по-другому. В итоге он получает назначение в Индию на месопотамский фронт. Колчак отбывает по месту своего назначения. Однако в Сингапуре его догоняет новая телеграмма из генерального штаба Великобритании о том, что ему «рекомендуется ехать на Дальний Восток, начать там свою деятельность» [1, с. 136]. На это следует обратить особое внимание. На Дальнем Востоке Колчак оказывается не как идейный противник большевиков, а как человек, находящийся на службе у Великобритании и выполняющий команды и указания британского правительства. Колчака, добровольно перешедшего на службу в армию Великобритании, с этого времени гражданином России считать нельзя. Российское законодательство лишает гражданства лиц, перешедших на военную службу другого государства.

Поэтому и в отношении коренного населения Сибири бывший вице-адмирал России действовал в традициях англосаксов. С этих позиций жестокость и насилие со стороны колчаковских войск, находящихся под контролем «союзников», вполне объяснима. Крестьянство Сибири и малочисленный рабочий класс воевать на стороне интервентов не желали. Загнать их в войско А.В. Колчака, обеспечить тыловое обеспечение, необходимый объем провианта можно было только посредством репрессий и насилия. Местное население прекрасно осознавало, кого представляет Колчак и на чьей стороне он воюет. Пытаясь оправдаться, на допросе Колчак рисует картину своей беспомощности противостоять карательным отрядам, грабившим и расстреливавшим местное население за любое неповиновение.

Англичане, как всегда, предпочитали действовать через других лиц. Войска интервентов в Сибири и на Дальнем Востоке представляли внушительную силу. Однако бремя ведения прямых военных действий они

возложили на русских. Англичане выделяли средства, формировали и спонсировали различные вооруженные отряды для борьбы с большевиками. Однако не хватало в этой работе координации, не было человека, способного выполнить предназначенную англичанами роль «Верховного правителя». И именно в этой ситуации они сделали ставку на Колчака. И Колчак с этой ролью соглашается. Естественно, что назначенного «Верховного правителя» признают и все другие лидеры белого движения, поскольку все они спонсируются из-за рубежа. Без открытой поддержки белого движения со стороны «союзных государств» и не только их, не было бы никакой гражданской войны. Деньги на интервенцию Сибири и Дальнего Востока давали Англия и Франция, а оружие на них закупали в Японии.

Из Японии во Владивосток А.В. Колчак добирается в сопровождении Ренью, возглавлявшего французскую «дипломатическую миссию» [1, с. 228]. А в октябре 1918 г. в Омск его доставляет английский генерал А. Нокс (они прибыли с ним вместе в одном купе). Четвертого ноября «союзники» назначают Колчака военным и морским министром «Сибирского правительства». То есть назначают «командовать» собранными и вооруженными «союзниками» антибольшевистскими силами человека, который не имеет ни сторонников, ни заслуг в борьбе с большевиками, ни команды. Колчак постоянно на допросе ссылается на то, что ему очень хотелось выполнить союзнические обязательства России в войне с Германией, и этим он пытается оправдать свое поступление на военную службу к англичанам. Но англичане его направили бороться с русским народом на стороне интервентов, а не с армией Германии. И Колчак этому не противится, он военный и команды обсуждать не собирается. Поэтому только наивный может поверить в слова А.В. Колчака на допросе, когда он выражает недовольство «засильем интервентов».

В Сибири в это время заправляют «союзные войска». Чехи подчиняются им, контролируя железнодорожную магистраль. На всех совещаниях колчаковского правительства и командования присутствуют представители иностранных государств. Колчак постоянно проговаривается об этом, давая показания на допросе. Фактически он всегда находится в сопровождении и под присмотром «союзников». Путаницы и противоречивости в показаниях по этим и другим аспектам у Колчака предостаточно, когда он начинает свидетельствовать о своих действиях. Разбираться в них — это дело отдельного исследования. Но при этом Колчак не скрывает, что у него очень близкие отношения с представителем англичан Уордом. Тот даже конвой из англичан по просьбе Колчака выделяет для сопровождения арестованных членов Директории [1, с. 224–225]. Во время переворота также в Омске присутствовали все представители союзных государств: от США — Гаррис, Франции — Ренью, Англии — Уорд. Со стороны Японии была военная миссия. Представителями от

чехов были тогда Кошек и Рихтер. Как они оценили деятельность Колчака? Колчак свидетельствует, что отношение сей союзных друзей к нему «были самыми положительными» [1, с. 234]. Колчак, конечно, лукавит, когда заявляет, что его действия для них явились полной неожиданностью. Зная, на службе какого государства он находился и кем он был направлен на Дальний Восток, говорить о том, что представители союзных государств ничего не ведали — наивно. На наивного человека Колчак не похож и по ходу допроса неоднократно отмечает, что реальная власть и координация действий всех вооруженных формирований на Дальнем Востоке принадлежала представителям союзных государств. Кстати, на многочисленных фото этого периода Колчак, как правило, в окружении представителей союзных войск. Поезд, на котором Колчак отправился из Омска на Уральский фронт охранял английский конвой. Из Омска в Иркутск Колчак отправляется в купе, декорированном флагами Великобритании, США, Франции, Японии и Чехословакии. То, что его союзники предали и продали, поскольку он оказался в той ситуации им бесполезен, так это привычное дело для англосаксов. Без власти и войска, способного бороться с Красной Армией, Колчак никакой ценности для союзников не представлял. Ценность в данном случае для них представляло только золото.

17 декабря чехи останавливают железную дорогу. На восток пропускают только эшелоны с чехами. В Красноярске отбирают паровоз даже у Колчака. И Колчак («Верховный правитель России») ничего не может сделать. Он шлет телеграмму союзника («представителям великих держав») и просит их «воздействовать» на чехов [5, с. 84–85]. Данная ситуация, как никакая другая, характеризует истинное «величие» Колчака и указывает на то, что заправляют ситуацией интервенты. Непонятно, почему войско Колчака, в котором было то ли 700, то ли 500 тыс., то ли 300 тыс. человек ничего не может поделаться с 30-ти тысячным войском чехов. Колчак очевидно понимает, что не в чехах дело, а в тех, кто реально управляет ситуацией, и сам Колчак поставлен ими, и убирают они свою марионетку руками чехов. Несложно предположить, что и бесчисленные жестокости, развязанные Колчаком в Сибири, осуществлялись с подачи тех же представителей «великих держав».

Главнокомандующий войсками Колчака Капель пытается заступиться за «Верховного правителя». Он направляет в Иркутск 18 декабря телеграмму Сыровому, в которой требует от того извиниться перед Колчаком за нанесенные такими действиями оскорбления «Верховному правителю» и более того грозит ему дуэлью [6, с. 83–84].

21 декабря на «рыцарско-патриотическую» телеграмму Капелья откликается из Забайкалья Семенов, который готов занять место у барьера вместо Капелья [6, с. 84–86]. Эти люди понимают, о чем идет речь. Крах Колчака, ставит под сомнение и их политическое бытие. Поэтому

они пытаются проявить нечто вроде твердости, выражая ему поддержку. Семенов на вырубку Колчаку 30 декабря отправляет отряд под начальством генерал-майора Скипетрова с целью занять ст. Иркутск. Однако отряд встречают кинжальным огнем не партизаны и воинские формирования Политцентра, а чехи, которыми командуют французский генерал Жанен, бывший главнокомандующий всеми «союзными» войсками в России. Они разгоняют паровоз навстречу бронепоезду семеновцев, на железной дороге авария, пути перегорожены.

15 января арестованные в Нижнеудинске Колчак и Попеляев (все-го 112 человек) сняты с поезда и переданы Политцентру. Допрашивать Колчака начинают 20 января. 24 января Иркутскому отделению Госбанка передается мешок с золотом и бриллиантами, отображенными из поезда Колчака [6, с. 88].

У эсеров и меньшевиков (а также примкнувших к ним крестьянского союза и политического земского бюро), захвативших Колчака, был свой план: создать Сибирскую республику от Оби до Восточных окраин. Они и создали в Иркутске свое правительство — Политцентр. Красные войска вошли в Иркутск через две недели после казни Колчака. При этом земцы считали, что и большевики, и Колчак узурпаторы. Но большевики захватили власть в интересах беднейших слоев населения России, а Колчак опирался на поддержку иностранцев. Именно поэтому они стремились к установлению договорных отношений с советской властью, чтобы объединить усилия в борьбе с интервентами.

При этом Политцентр брал на себя обязательство арестовать штаб Колчака и передать его и золотой запас Советской России. Но Колчака не передали, а его и В.Н. Попеляева расстреляли в Иркутске.

Такова судьба этого человека. Колчака погубили не столько действия его врагов, не столько пренебрежение его «союзных друзей», сколько собственное предательство. Когда верхушечно-военный переворот в октябре 1917 г. перерос в гражданско-отечественную, а затем национально-освободительную войну, в которой решалась судьба России, Колчак оказался на стороне тех иностранных сил, с которыми российская империя всегда сражалась и с которыми геополитическое противостояние продолжается сегодня. Это был его личный выбор, о мотивах которого можно строить различные предположения. И этот выбор закончился для него личной катастрофой. В данном случае его действия ничем не отличаются от тех предателей, которые воевали со своим населением под командованием различных «гауляйтеров» в годы Великой Отечественной войны.

Список использованной литературы и источников

1. Адмирал Колчак. Протоколы допроса. С предисловием Николая Старикова [Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии (21 января — 6 февраля 1920 г.)]. — СПб. : Питер, 2015. — 272 с.

2. Бжезинский З. Великая шахматная доска: американское превосходство и его геостратегические / З. Бжезинский / пер. с англ. О. Ю. Уральской. — М. : Международные отношения, 2010. — 254 с.

3. Богданов К. А. Адмирал Колчак: Биографическая повесть-хроника / К. А. Богданов. — СПб. : Судостроение, 1993.

4. Вандам А. Наше положение (1912) / А. Вандам, Н. Головин, А. Бубнов. Неуслышанные пророки грядущих войн. — М. : АСТ; Астрель, 2004. — 368 с. Его же. Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения при свете высшей стратегии (1913) / А. Вандам // Наше положение. — СПб. : Наука, 2009. — 176 с.

5. Вишневский В. Красный флот в песнях (Героическая поэма-оратория) / В. Вишневский // Собр. соч. в 5 т. — М. : Гослитиздат, 1954. — Т. 1. — С. 72–73.

6. Дроков С. В. Адмирал Колчак и суд истории / С. В. Дроков. — М. : Центрполиграф, 2009. — 591 с.

7. Записка Дурново Петра Николаевича императору Николаю II. [Электронный ресурс]. — LiveJournal. — Режим доступа : <http://paranya77.livejournal.com/58244.html>.

8. Краснов В. Г. Колчак. И жизнь и смерть за Россию : в 2 кн. / В. Г. Краснов. — М. : Олма-Пресс, 2000.

9. Колчак В. И. Избранные труды / В. И. Колчак, А. В. Колчак ; сост. В. Д. Доценко. — СПб. : Судостроение, 2001. — 384 с.

10. Колчак А. В. Какой флот нужен России [Электронный ресурс] / А. В. Колчак // Армия и Флот. — 2002. — № 1 (149). — Режим доступа : <http://www.armiyaiiflot.ru/nomera/2002/20021-02.html>.

11. Лавров В. В. Адмирал А. В. Колчак: (Из крымского периода) / В. В. Лавров // Черноморский Флот в судьбе России. — Симферополь : Таврида, 2000.

12. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака : в 2 кн. / С. П. Мельгунов. — М. : Айрис-пресс, 2004. — Т. 1. — 569 с. ; Т. 2. — 492 с.

13. Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак: Жизнь и деятельность / И. Ф. Плотников. — Ростов н/Д. : Феникс, 1998. — 320 с.

14. Рыбин В. В. Каким стратегом был адмирал Колчак [Электронный ресурс] / В. В. Рыбин. — Н. Стариков: блог. — Режим доступа : <https://nstarikov.ru/blog/65931>.

15. Синюков В. В. Александр Васильевич Колчак как исследователь Арктики / В. В. Синюков. — М. : Наука, 2000. — 328 с.

Информация об авторе

Шалак Александр Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Shalak-av@bgu.ru.

Author

Alexander V. Shalak — Doctor of History, Professor, Head of the Department of History and International relations, Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: Shalak-av@bgu.ru.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

УДК (571.5)

Ч.Г. АНДРЕЕВ

ББК ТЗ(2)

НОВАЦИИ В ЖИЗНИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Анализируются изменения в материальной и духовной жизни коренных народов Восточной Сибири во второй половине XIX — начале XX в.

Ключевые слова: аборигены, влияние, новшества, общество.

CH.G. ANDREYEV

THE INNOVATIONS IN THE LIFE OF SIBERIAN NATIVE PEOPLE AT THE SECOND PART OF XIXTH — BEGINNING XXTH CENTURY

The author analyzes the changes in material and spiritual life of Siberian native people at the second part of XIXth — beginning XXth century.

Keywords: native people, influence, innovations, community.

Численность всего коренного населения Восточной Сибири увеличилась с 485,1 тыс. в 1860 г. до 613, 7 тыс. в 1897 г., т.е. на 26,5 % [3, с. 194]. Наиболее многочисленными были буряты, которых в Восточной Сибири насчитывалось 288, 4 тыс. чел., затем шли якуты — 225,4 тыс., хакасы — 41 тыс. чел. [9, с. 10–12] и др. Почти все аборигены жили в сельской местности. В 1897 г. в городах проживало 0,3 % хакасов, 1,7 якутов, 0,6 % бурят [3, с. 202]. Рост численности коренного населения наблюдается и в начале XX в. Ежегодный прирост численности народностей Сибири в губерниях Енисейской и Иркутской составлял 0,7 % и 1 %. В Забайкальской и Якутской областях — 0,9 % и 0,5 % [6, с. 172].

Главной причиной роста численности большинства сибирских народов было распространение среди них земледелия, возрастание оседлости, проходивших под влиянием русского крестьянства. Например, у аларских и балаганских бурят Иркутской губернии среднегодовой прирост населения во второй половине XIX в. был в 5 раз выше, чем у их сородичей, занимавшихся скотоводством. Тем не менее, прирост аборигенов значительно отставал от такового у русских крестьян. Кочевой образ жизни значительной части «инородческого» населения Восточной Сибири делал неустойчивый динамику населения.

К началу XX в. наблюдается некоторое ослабление патриархально — родовых традиций в брачных отношениях сибирских народов. Решающим фактором в этом было развитие форм собственности (от общинно-родовой к частной), тесно связанное с развитием хозяйства от натурального к товарно-денежному. При этом следует учитывать, что общественно-экономическое развитие в различных регионах Восточной Сибири шло неодинаковыми темпами. Поэтому, если в передовых районах (контактировавших с торгово-промышленной цивилизацией) та или иная старая форма брака стала постепенно исчезать, то в наиболее отдаленных местах она по-прежнему сохранялась.

В конце XIX — начале XX вв. проникавшая к сибирским аборигенам «торгово-промышленная цивилизация» постепенно разрушала традиционный образ жизни. Под влиянием приобщения к некоторым культурным ценностям «большого» мира часть улусной молодежи стала критически относиться к устоям «старой» жизни, что вызывало недовольство старшего поколения. Среди части «инородческой» молодежи, проживавшей вблизи городов, путей сообщения случались факты антисоциального поведения (пьянство, драки, хулиганство и т.п.) [8, д. 115, л. 4 об.]. Однако, в целом бурятская, хакасская, якутская молодежь по-прежнему была верна традиционному образу жизни и с большей или меньшей строгостью выполняла все его предначертания.

Изменения, происходившие в хозяйственной жизни народов Сибири во второй половине XIX — начале XX в., отражались на их культуре. В 60-х гг. XIX в. А.П. Щапов отметил, что сибирские народы «начинают сознавать важность и даже необходимость грамоты», ждут «просвещения и совершенствования» [11, с. 416]. В исследуемый период в районах, где жили буряты, хакасы, якуты, действовали министерские (ведомства Министерства народного просвещения), миссионерские и церковно-приходские (ведомства Синода), а также домашние, или «вольные» школы.

Во второй половине XIX — начале XX в. произошли существенные изменения в скотоводческом хозяйстве коренных народов Восточной Сибири. Они были связаны с развитием капиталистических отношений в Сибири и возрастанием связей традиционного хозяйства с рынком, постепенным переходом бурят, хакасов, якутов к занятию земледелием. Развитие товарности скотоводства последних проявлялось как в изменении состава стада, так и в способах содержания скота. Статистико-экономические обследования конца XIX — начала XX в. установили, что в общем составе стада сибирских «инородцев» произошло сокращение количества лошадей и увеличение крупного рогатого скота. Буряты, якуты, хакасы стали разводить более товарный вид скота, требовавший в то же время для поддержания его продуктивности более совершенных способов содержания. В технике скотоводства наблюдался переход к стойловому содержанию и сокращению кочевания.

К земледельческой культуре коренные народы Восточной Сибири приобщились не в одно и то же время и не в одинаковой степени, что объяснялось почвенно-климатическими условиями мест их расселения. Например, у иркутских бурят первое место в области земледелия занимали идинские, балаганские, аларские буряты, проживавшие перемешанно с русскими селениями в удобных для хлебопашества местностях по притокам Ангары — Оке, Осе, Иде, Унге. У хакасов хлебопашество имело благоприятные условия лишь в лесостепных пространствах Таштыпа, Теи, Еси и Аскыза. У якутов земледелие успешно развивалось лишь в самом южном округе области — Олекминском. Во второй половине XIX — начале XX в. к земледелию приступила остальная часть бурят, якутов, хакасов. Но степень развития земледелия у них по-прежнему была разной. Быстрому росту земледелия у аборигенов способствовало и то, что оно зародилось на базе скотоводческого хозяйства. Последнее сказалось тем, что «инородцы» по сравнению с русскими крестьянами были лучше обеспечены тягловой силой.

Наибольших успехов добились в земледелии иркутские буряты. При изучении истории земледелия у народов Восточной Сибири в XIX в. не следует забывать о его товарном направлении. В 1887–1889 гг. рыночный хлеб у иркутских бурят составлял около 3 млн пудов, или 68 % чистого сбора, который сбывался в основном на золотые прииски, винокуренные заводы, в Якутскую область, в различные казенные места, на постоянные дворы и т.д. Продавцами основной массы хлеба, поступившего на рынок, являлись зажиточные хозяева.

Богатая верхушка аборигенов в целях повышения эффективности своего хозяйства, связанного с рынком, приобретала усовершенствованные сельскохозяйственные орудия заводского производства. Дальнейшее развитие земледелия у народов Восточной Сибири тормозилось отсталостью социально-экономического строя. Правительство не оказывало должной агрономической помощи населению. Отмеченные черты развития земледелия во второй половине XIX — начале XX вв. были характерны не только для «инородческого» населения Сибири, но и других колонизируемых районов России.

Развитие земледелия и сенокосения у народов Восточной Сибири имело большое значение в постепенном изменении их образа жизни, переходе к оседлости. Буряты, якуты, хакасы, по примеру русских крестьян, начали строить деревянные дома, амбары и другие хозяйственные постройки. Во второй половине XIX — начале XX в. получают распространение и другие так называемые «отхожие» промыслы: извоз, заготовка и сплав леса, работа на приисках и прокладка дорог, наем на различные хозяйственные работы у русских крестьян и казаков и др. До проведения железной дороги извозной промысел не имел большого значения у бурят. С ее же проведением этот промысел стал усиливать-

ся на путях, имевших подъездное значение по отношению к сибирской железной дороге. Задолженность, необходимость иметь деньги к определенному сроку — для уплаты ясака и повинностей толкали рядовое «инородческое» население на различные сторонние заработки. Отходничество резко возрастало в неурожайные годы. Многие разорившиеся бедняки уходили в крупные города (Якутск, Иркутск, Минусинск и др.). Для бедных «инородцев» продажа рабочей силы являлась основным средством жизни. Развитие отхожих промыслов свидетельствовало о медленном разрушении традиционного образа жизни.

Среди богатой верхушки коренного населения появились купцы (буряты: И. Пирожков, Ш. Шабаринов, А. Пятницкий, Д. Бадмаев, Я. Зодбовев, Г. Ирдынеев, Н. Очиров и др.; хакасы: М. Сельдемешев, Г. Чирков, И. Четыков, А. Чудогашев, П. Мохов и др.; якуты: Г. Никифоров, И. Эверстов, И. Антипин и др.). Богатая верхушка народов Сибири не ограничивалась торговлей и стала вкладывать свой капитал в промышленные заведения (буряты: И. Пирожков, Р. Дашинов, М. Бунаев, А. Хадеев; якуты: К. Спиридонов, Н. Захаров, А. Мигалкин; хакасы: Э. Спириин, И. Четыков).

Развитие земледелия и товарно-денежных отношений привело к большим изменениям материального быта аборигенов. В XVII–XVIII вв. основным жилищем бурят и хакасов служила войлочная юрта, имевшая округлую форму. Начиная с середины XIX в. среди бурят, хакасов и якутов получили распространение стационарные деревянные юрты. Ситуация с сокращением войлочных юрт наблюдалась у всех «инородцев» Восточной Сибири, за исключением чистых скотоводов-агинцев в Забайкальской области. У последних к 1908 г. основная масса населения проживала по-прежнему в войлочных юртах, которых было 4231 [10, с. 349].

С развитием товарно-денежных отношений во второй половине XIX — начале XX в. одежда из кожи постепенно уступает свое место хлопчатобумажным, шелковым и шерстяным изделиям. Одежда в магазинах была дорогой, поэтому купить ее могли только состоятельные люди. Значительная часть же «инородческого» населения еле-еле обеспечивавшая свое состояние, не имела возможности покупать даже самые дешевые ткани. Существенные изменения произошли в пище народов Восточной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. в тех местах, где земледелие получило большое распространение. Наряду с мясной и молочной пищей вошли в употребление хлебные и мучные изделия, картофель, капуста, огурцы.

Общение с русским населением, а также принаикавшие в улусы (аалы) товарно-денежные отношения оказали большое влияние на повышение познавательной активности аборигенов. Царские чиновники, посетившие Восточную Сибирь в конце XIX — начале XX в. отмечали, что «огромное стремление к образованию, проникшее к инородцам является результатом сознания опасности обеднения и вымирания»

[8, д. 339, л. 10 об.]. Поддержанию грамотности среди населения должны были способствовать общественные библиотеки, однако в «инородческих» селениях их было мало. У забайкальских же бурят-ламаистов центрами просвещения были дацаны.

«Инородческая» интеллигенция стала принимать активное участие в периодической печати. В годы первой русской революции в Якутске издавалась газета «Якутский край», где время от времени печатались статьи якутских авторов. В 1912 г. выходила газета «Якутская окраина», а в 1916 г. газета «Якутские вопросы». Обе газеты имели отделы на якутском языке. В 1912 г. издавался журнал «Саха сангата» («Голос якута») [5, с. 433], с 1897 г. в г. Чите видным царским сановником, тибетским лекарем П.А. Бадмаевым издавалась первая бурятская газета «Жизнь на восточной окраине» [8, д. 562, л. 17].

В начале XX века в высших учебных заведениях Европейской России обучалось около 30 бурят, примерно такое же количество было от хакасов и якутов [4, с. 45]. Из их среды вышли следующие талантливые ученые: М.Н. Богданов, Ц.Ж. Жамцарано, Н.Ф. Катанов и др. Среди других исследователей конца XIX — начала XX в. необходимо отметить: бурятов Г. Цыбикова (востоковед) и братьев А. и П. Бадмаевых (специалисты по тибетской медицине), М. Хангалова и П. Баторова (этнографы); хакаса С. Майнагашева (этнограф); якута А. Кулаковского (филолог). Работу подвижников из среды аборигенов всячески поддерживали известные общественные деятели Сибири: Г.Н. Потанин, Д.А. Клеменц, Н.Н. Агапитов и др.

Во второй половине XIX — начале XX вв. усилилась политика царского правительства по христианизации нерусского населения Сибири. Влияние христианства на шаманскую религию выразилось в появлении в шаманском пантеоне богов христианского происхождения. Особенно в этом отношении повезло святому Николаю-угоднику. Его культ был особенно распространен у тех групп «инородцев», где земледелие получило наибольшее развитие.

Влияние христианства на шаманскую религию аборигенов Восточной Сибири сказалось в ее культовой системе, в частности, в календарных сроках устройства коллективных, религиозных жертвоприношений (тайлаганов и др.). В конце XIX — начале XX в. в ведомствах крещеных «инородцев» установилась традиция приурочивать последние к христианским праздникам: в июне — к Петрову дню, в июле — к Ильину дню, осенью — к Покрову [1, л. 12]. Самой собой понятно, что такой поворот в сознании и деятельности не был скоротечным и не имел необратимого характера. Аборигены, освоив православную обрядность, оставались полными невеждами в православной догматике.

С другой стороны, было бы неправомерным не обращать внимания на позитивные черты в истории крещения коренного населения Восточной Сибири. Крещеные буряты, хакасы, якуты в большей степени, чем не-

крещеные, приобщались к российской культуре, больше создавали школ европейского типа, быстрее и шире усваивали традиции общественного и семейного быта русских. В конце XIX — начале XX в. школы, книги, журналы, деловые связи с деятелями науки и культуры, одежда европейского покроя, предметы русского домашнего обихода, знание и соблюдение многих правил санитарии и гигиены были уже распространенным явлением у крещеных «инородцев» [2, л. 61]. В связи с переходом к православию аборигены расширяли и активизировали хозяйственно-экономические и культурные связи с русским населением, овладевали русским языком, усиливались их мобильность и социальная активность.

В связи с изменениями социально-экономических условий, и особенно с проникновением капиталистических отношений, старинные народные праздники и спортивные игры в регионах Восточной Сибири, где проживало коренное население, развивались неравномерно. У скотоводов они имели довольно широкое распространение, а у аборигенов, перешедших к занятию земледелием — меньше. Общение у последних происходило не только во время традиционных национальных праздников, но и на проникших к ним, под влиянием русского населения, христианских праздниках.

Большую роль в общении народов Восточной Сибири играли межэтнические контакты, и прежде всего, с русским населением, которые начались со времени включения Сибири в состав Российского государства. В XVII–XVIII вв. контакты бурят, хакасов, якутов с русскими носили характер заимствований и подражаний со стороны аборигенов, зачастую случайных и механических, не изменяющих традиционный образ жизни. В XIX в., особенно со второй его половины, в связи с проникновением капиталистических отношений, расширяющиеся связи общения интенсифицировали процесс усвоения народами Сибири новых ценностей хозяйства, материальной и духовной культуры и др.

Контакты с русскими культурными центрами, знакомство с разными слоями русского общества, возможность сбывать свои продукты на рынке за наличные деньги привили аборигенам новые потребности и привычки. За время соседней жизни между народами Восточной Сибири и русскими сложились отношения взаимопомощи. Большая часть аборигенов имела в ближайших русских деревнях своих дружков, знакомых. Точно также русские, со своей стороны, заручались своими дружками по улусам (аалам). В неурожайные годы аборигены и русские помогали друг другу скотом, хлебом и т.п. [7, с. 88–89].

Существовали и другие формы взаимопомощи: совместные артели охотников, рыбаков, возчиков и др. Устраивались совместные «помочи». Если общение между простым населением улуса (аала) и деревни носило в целом дружелюбный характер, то отношение аборигенов к представителям официальной власти и религии было настороженным. В жизнь

аборигенов проникал бюрократизм. В начале XX в. буряты, хакасы, якуты стали оформлять различные рапорты, прошения, распоряжения, предписания, расписки, соглашения и прочие деловые бумаги. В это время произошел резкий перелом не только в количественном росте документов, но и в оформлении, стиле и языке этих документов [8, д. 324, л. 35].

Общение с русским населением оказало большое влияние на повышение активности аборигенов в сфере общественной жизни. Проникавшие во второй половине XIX в. в среду коренного населения Восточной Сибири капиталистические отношения постепенно разлагали традиционный образ жизни. Усилились выступления бурят, хакасов, якутов против различных родовых пережитков в хозяйственной и общественной жизни.

Список использованной литературы и источников

1. Архив востоковедов Института Востоковедения Академии Наук, Санкт-Петербургское отделение (АВИВАН, СПбО). — Ф. 62. — Оп. 1. — Д. 6.
2. Архив Российской Академии Наук, Санкт-Петербургское отделение. — Ф. 135. — Оп. 2. — Д. 258.
3. Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири / В. В. Воробьев. — Новосибирск : Наука, Сиб. отд.-е, 1975. — 256 с.
4. История Бурят-Монгольской АССР. — Улан-Удэ : Бурят.-Монг. кн. изд-во, 1954. — Т. 1. — 495 с.
5. История Сибири. — Л. : Наука, 1968. — Т. 3. — 630 с.
6. История Усть-Ордынского бурятского автономного округа. — М. : Прогресс-Культура, 1995. — 544 с.
7. Кудрявцев Ф. А. Роль русской культуры в развитии бурят-монгольского народа в XVIII-XX вв. / Ф. А. Кудрявцев // Вопросы истории. — 1946. — № 10.
8. Российский государственный исторический архив. — Ф. 733. — Оп. 175. — Д. 339; Ф. 733. — Оп. 227. — Д. 115; Ф. 821. — Оп. 133. — Д. 324; Ф. 821. — Оп. 133. — Д. 562.
9. Серебренников И. И. Инородцы Восточной Сибири, их состав и занятия / И. И. Серебренников. — Иркутск : б.и., 1913. — 47с.
10. Труды Агинской экспедиции. — Чита : Паров. типография «Забайкал. товарищество печат. дела», 1911. — Вып. VII. — 365 с.
11. Щапов А. П. Сочинения / А. П. Щапов. — СПб. : изд-во М.В. Пирожкова, 1906. — Т. II. — 620 с.

Информация об авторе

Андреев Чингис Георгиевич — доктор исторических наук, профессор, Улан-Удэнский институт железнодорожного транспорта — филиал Иркутского государственного университета путей сообщения, 670034, г. Улан-Удэ, пр. 50-летия Октября, 58, e-mail: chin-andr@mail.ru.

Author

Chingis G. Andreyev — Doctor of History, Professor, Ulan-Ude Institute of Railway Transport, 58 50-letiya Ocyabrya pr., Ulan-Ude, 630034, e-mail: chin-andr@mail.ru.

УДК 94 (517)
ББК 63.3

Э.В. БАТУНАЕВ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МОНГОЛИИ (1921–1940)

В статье рассматриваются основные этапы социально-экономического развития Монголии в период с 1921–1940 гг. Анализируются важнейшие мероприятия, проводимые монгольским народным правительством по становлению основных отраслей экономики, социальной сферы. Сделан вывод о том, что в сложившейся геополитической ситуации в регионе Монголия получила значительную военную и экономическую помощь со стороны СССР.

Ключевые слова: Монголия, некапиталистический путь, животноводство, промышленность, революционные мероприятия.

E. V. BATUNAEV

THE ACTUAL ISSUES SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF MONGOLIA (1921–1940)

The article deals with the main stages of socio-economic development of Mongolia in the period of 1921–1940. Analyzed the most important activities of the Mongolian People's Government on the establishment of the main sectors of the economy, the social sphere. It is concluded that in the current geopolitical situation in the region of Mongolia has received significant military and economic aid from the Soviet Union.

Keywords: Mongolia, a non-capitalist way, animal husbandry, industry, the revolutionary events.

Монголия в начале XX века была одной из частей Цинской империи. После Синьхайской революции 1911 г. Монголия провозгласила независимость и образовала государство в форме теократической монархии во главе с духовным главой буддийской церкви Богдо-гэгэном VIII Джебцзун-Дамбой-хутухтой. По итогам Кяхтинской конференции 1915 г. Монголия получила статус широкой автономии в составе Китая, хотя де-факто была самостоятельным государством. В результате революции 1921 г. в Монголии к власти пришли новые силы в лице монгольской народной партии (МНП, далее с 1925 МНРП). Перед ними, прежде всего, встали задачи по восстановлению народного хозяйства, укреплению суверенитета и развития страны. Как справедливо отмечает С.К. Рощин, «период 20–30-х гг. — это, прежде всего, время коренных демократических преобразований, национального и государственного возрождения Монголии. Вместе с тем, это был этап суровых социальных потрясений, изнурительной борьбы в обществе, борьбы между национальными демократами и

интернационалистами, между «правыми» и «левыми», между сторонниками и противниками некапиталистического пути» [7, с. 308]. С одной стороны, в сложившихся условиях единственным гарантом в обеспечении безопасности и суверенитета Монголии выступала Советская Россия, а, с другой, Коминтерн и большевистское руководство имели свои геополитические цели. Монголия была, прежде всего, удобным плацдармом для дальнейшего продвижения идей мировой революции на Восток. Несмотря на то, что республиканский Китай рассматривал Монголию как часть своей территории, 5 ноября 1921 г. между монгольским Народным правительством и Правительством РСФСР было подписано соглашение об установлении дружественных отношений [9, с. 58]. Оно явилось для Монголии первым равноправным международным соглашением. В нем указывалось, что прежние договоры и соглашения, заключенные между бывшим царским правительством Автономной Монголии, считается утратившим силу. Это соглашение имело огромное значение для укрепления международного и внутреннего положения монгольского народного государства, упрочнения позиции народной власти, создания благоприятных условий для дальнейшего развертывания революции, для строительства основ народной демократии. Надо отметить, что соглашение было важно для Советской России и с точки зрения укрепления политических позиций в Восточной Азии и безопасности государства, восстановления традиционных экономических связей с Монголией, а также в плане укрепления перспектив развития отношений в треугольнике Россия-Монголия-Китай. В связи с этим также были подписаны дополнительные протоколы — об отказе правительства РСФСР от концессии и экономических привилегий царского правительства, о сотрудничестве в области судопроизводства, о предоставлении Монголии ссуды в 1 млн р. [2, с. 66].

Во время пребывания монгольской делегации в Москве она была встречена В.И. Лениным, который развил перед делегатами идею некапиталистического пути развития Монголии. Идеологической основой данного процесса выступила теория о некапиталистическом пути развития восточных государств. Теоретически сформулированное на VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г. понятие «некапиталистического пути развития» предполагало «установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти через определенные ступени развития к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития. Главным условием успешного движения Монголии к социализму, минуя капитализм, В.И. Ленин считал улучшение работы партии и народной власти, распространение кооперации, внедрение новых форм хозяйствования и культуры, сплочение аратства вокруг партии и народной власти [3, с. 333].

В этих условиях монгольская делегация оказалась перед выбором: вернуться на родину ни с чем или попытаться разобраться в логике боль-

шевицкого видения будущего Монголии. В спорах и столкновениях как внутри делегации, так и советскими партнерами по переговорам у отдельных «кружковцев зрело убеждение в целесообразности сделать ставку на то, чтобы заинтересовать большевиков возможностью создания в Монголии своеобразной степной Коммуны» [1, с. 49]. С переходом власти в стране к народному правительству проводилось постепенное ограничение привилегий феодалов, в частности, в сфере права и суда. Народная власть ограничивала права и привилегии не только светских, но и церковных феодалов. Национализация промышленных, сельскохозяйственных и других предприятий, принадлежавших раньше частным иностранным предпринимателям и бывшему царскому правительству, а также бывшему феодальному правительству дореволюционной Монголии, и создание потребительской кооперации. В декабре 1921 г. была учреждена Монгольская центральная кооперация (Монцекооп), которая должна была служить интересам народа, вытесняя иностранный торговый капитал и обеспечивая возможность некапиталистического развития страны.

1 ноября 1921 г. Народное правительство на заседании с участием всех министров, их заместителей, членов ЦК Народной партии и членов ЦК Ревсомола утвердило документ об ограничении прав богдо-гэгэна, который вошел в историческую литературу под названием «Клятвенного договора». «Клятвенный договор» лишал богдо-гэгэна права на вето; законы и правительственные постановления вступали в силу только после утверждения их Народным правительством. В чрезвычайных случаях Народное правительство могло издавать законы и распоряжения без уведомления богдо-гэгэна [3, с. 336].

Крупнейшим во внутривнутриполитической жизни событием в Монголии стало изменение государственного строя страны. 26 ноября 1924 г. I Великий хурал придал июньским решениям об установлении республиканского строя силу закона, приняв первую Конституцию Республики. Основная задача Монгольской Республики заключается в уничтожении с корнем остатков старого деспотического порядка и мировоззрений, существовавших при поработителях и угнетателях и в укреплении основ нового республиканского строя на основе полной демократизации государственного управления. Вся земля и ее недра, леса, воды и их богатства ... являются общенародным достоянием. Основной закон устанавливал, что государственная власть в центре и на местах принадлежит народным хуралам [2, с. 74].

В 1921–1924 гг. были проведены важнейшие революционные преобразования: ликвидирована крепостная зависимость аратов, отменены феодальные повинности, аннулированы долги иностранным фирмам, начато ограничение иностранного капитала путем пошлинно-налогового обложения и укрепления национальной потребительской кооперации, была налажена работа государственных предприятий и упрочен госу-

дарственный бюджет. Наряду с решением этих чрезвычайно важных социальных проблем происходило постепенное ограничение экономических и правовых привилегий крупных духовных и светских феодалов, начиная с богдо-гэгэна и кончая невладетельными князьями и ламами. В 1924 г. правительство СССР, идя навстречу экономическим интересам Монгольской Народной Республики, предоставило Центральному народному кооперативу Монголии право импорта транзитом через СССР товаров согласно номенклатуре, присланной Монгольским кооперативом полпреду СССР в Монголии.

Наряду с этими важнейшими социально-экономическими мероприятиями в 1922–1924 гг. осуществлялся слом старой государственной машины, проводилась постепенная замена местных органов хуралами аратов. В целях демократизации государственного строя Народное правительство 5 января 1923 г. утвердило два важнейших законодательных акта — Положение о местном самоуправлении и Положение о правах владетельных (хошунных) и невладетельных князей (ванов и гуннов).

В сфере экономики усилия правительства были направлены на преодоление последствий военной разрухи, на оздоровление хозяйства, реформирование экономических отношений. Проводилась линия на ослабление экономических позиций феодалов, на облегчение положения аратства. Отменялись все степени, звания, титулы, жалованья прежней знати, многие ее привилегии (в том числе налоговые), разного рода повинности и сборы с аратов. Важные меры были приняты в отношении иностранного торгово-ростовщического капитала, господствовавшего в то время на монгольском рынке. В июле 1921 г. было решено приостановить выплату долгов иностранным купцам и фирмам, в сентябре 1924 г. постановило долги и проценты по ним аннулировать. Для иностранных фирм вводились новые налоги и пошлины.

В 1926 г. в Монголии в целом продолжалась реализация курса предшествующих лет. Был принят Закон о едином налоге, который предусматривал прогрессивное обложение хозяйств феодалов и монастырей и освобождение от налога бедняцких хозяйств. Успешно осуществлялась денежная реформа, тугрик постепенно становился единственной валютой в стране. Продолжилось строительство небольших промышленных предприятий, укреплялись позиции национальной торговли. Был утвержден Закон об отделении церкви от государства, которым ламаистская церковь лишалась возможности вмешиваться в государственные и гражданские дела. Официальная политика советского правительства была направлена на оказание всемерной помощи Монголии в экономическом строительстве, предусматривались взаимные льготы, организация сотрудничества таким образом, чтобы на переднем плане была некоммерческая выгода, а взаимопомощь. После VII съезда новые монгольские лидеры приступили осуществлению намеченных преобразований.

Следует отметить, что революционные мероприятия, проводимые в Монголии, проходили на фоне жесткой внутриполитической борьбы в рядах МНРП между «правыми» (национальными демократами) и «левыми». Национальные демократы выступали за развитие товарно-денежных, рыночных отношений за повышение товарности производства, за многообразие форм собственности. При этом важнейшее значение придавалось поддержке частных аратских хозяйств, включая зажиточных. Что касается отраслевой структуры, то первое место неизменно отводилось животноводству с вывозом сырья на мировой рынок. В то же время ставилась задача постепенно развивать на современной основе национальную торговлю, промышленность, строительство транспорт. Национальные демократы были сторонниками мягких, осторожных форм в решении внутренних проблем. По словам Жадамбы, они «думали, что без классовой борьбы мирным путем можно прийти к социализму...» [7, с. 62].

Теоретические взгляды национальных демократов находили реальное отражение в их практической деятельности. В центре экономической политики — линия на развитие многоукладной экономики, на стимулирование как государственных и кооперативных хозяйств, так и частных. В 1926 г. был выдвинут лозунг «обогащайтесь». Правда вскоре под давлением коминтерновской политики, партийное руководство отмежевалось от этого призыва, но он был популярным и фактически в известной мере продолжал действовать. На VII съезде МНРП (23 октября — 11 декабря 1928 г.) национальные демократы («правые») потерпели поражение. Решающую роль в этом сыграла делегация Коминтерна, которая руководствовалась резолюцией ИККИ по монгольскому вопросу от 14 сентября 1928 г. [7, с. 64]. Состоявшийся после съезда V Великий Хурал (14 декабря 1928 — 14 января 1929 г.) принял постановления, предусматривающих предстоящую конфискацию скота и имущества феодалов, стимулирование объединения аратов в кооперативы, меры по укреплению государственной и кооперативной торговли и промышленности, введение монополии внешней торговли и др. Данные мероприятия вошли в историю как «левацкий эксперимент», который трагически закончился для Монголии. Был созван III Чрезвычайный пленум ЦК и ЦКК МНРП, который состоялся 29–30 июня 1932 г. С докладом о внутриполитическом положении выступил П. Гэндэн.

Система мер, выработанная III Чрезвычайным пленумом ЦК и ЦКК МНРП, получила в истории название «нового курса» монгольского руководства:

1. Развитие и поощрение частнособственнической инициативы населения.
2. Содействие частному товарообороту, частной торговле.
3. Содействие хозяйственной деятельности всех слоев аратства, включая зажиточных. Поддержка простейших форм кооперирования.

4. Пересмотр бюджетно-налоговой политики с учетом обеспечения нормального развития всех хозяйств, включая зажиточных и частных торговцев.

5. Недопустимость административных методов борьбы с религией, обеспечение полной свободы религиозных верований.

6. Повышение полномочий правительства «Национальное правительство должно руководить всей жизнью страны. Задача партии мобилизовать массы вокруг решений правительства...» [7, с. 475–484].

При содействии СССР вступили в строй такие крупные предприятия, как промкомбинат, ТЭЦ в Улан-Баторе, шерстомойка в Хатгале, развивался автотранспорт, началась радиофикация. Анализируя особенности развития Монголии в середине и конце 1930-х гг., следует подчеркнуть, что одновременно было немало сделано для подъема экономики, укрепления сельского хозяйства, становления промышленности, современного транспорта и других новых отраслей, развития здравоохранения, просвещения и искусства.

Прежде всего, заметно улучшилось положение в основной отрасли — животноводства. поголовье скота увеличилось с 19,6 млн в 1933 г. до 26,2 млн в 1940 г. и 27,5 млн голов в 1941 г. [6, с. 6]. Налогово-кредитная система, поощрительная мера и поддержка со стороны государства способствовали не только общему росту поголовья, но и переменам в соотношении социальных групп внутри аратства, уменьшению числа бедняцких хозяйств и увеличению середняцких и зажиточных. Удельный вес середняков поднялся с 34 % в 1927 г. до 58 % в 1939 г. В среднем на одно хозяйство приходилось 124 головы скота и на одного человека — 36 голов [5, с. 80].

В животноводство, хотя и медленно, недостаточно, но все же внедрялись новые методы хозяйствования. Расширялась ветеринарная служба, что имело первостепенное значение для оздоровления стада, сокращение падежа. Действовали первые машинно-сенокосные станции, улучшалось водоснабжение, больше становилось надежных загонов для скота. Правительство уделяло большое внимание развитию новой отрасли — промышленности. Крупные предприятия — Улан-Баторский промкомбинат, энергокомбинат, механический завод, шерстомойные фабрики, рудники наращивали выпуск продукции, вносили весомый вклад в увеличение экономического потенциала страны. Объем промышленной продукции возрос в 1940 г. против 1934 г. в 6 раз, промышленность выпустила в 1940 г. 20 % валовой продукции промышленности и сельского хозяйства. Государственная промышленность производила 70 % продукции, остальные 30 % — промысловая кооперация. Численность рабочих и служащих в стране возросла с 11 тыс. в 1934 г. до 31 тыс. в 1940 г. [3, с. 382]. Гужевого транспорт, который тогда еще занимал ведущее место в грузоперевозках, постепенно уступал свои позиции автомобильному. Качественно новые

черты стали приобретать и межгосударственные советско-монгольские отношения. Они становились более тесными, более доверительными. Важную роль в этом плане сыграло «Соглашение об основных принципах взаимоотношений между СССР и МНР», подписанное 27 июня 1929 г. в Улан-Баторе. Соглашение охватывало все основные сферы сотрудничества и устанавливало, что Советский Союз строит свои отношения с МНР путем осуществления принципов экономической политики, способствующих максимальному развитию производственных сил Монголии, улучшению условий жизни народа.

Таким образом, в условиях сложной геополитической ситуации в регионе в рассматриваемый период значительную помощь Монголии оказал СССР. Создавая в МНР индустриальную базу, современную инфраструктуру, Советский Союз, кроме решения задач развития экономики страны и подъема благосостояния монгольских народных масс, исходил из государственно-стратегических интересов на Дальнем Востоке. Модернизированная МНР, с современной армией, жизнеспособной индустрией и сельским хозяйством могла стать надежным звеном в общей структуре безопасности в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, создававшейся советским руководством с середины 30-х гг. [4, с. 50]. Хотя, безусловно, были ошибки и перегибы со стороны МНРП и Коминтерна, когда слепо выполняли директивы вышестоящих партийных органов, порой, не учитывая национальных особенностей Монголии. Но, тем не менее, в 1921–1940 гг. экономика и культура МНР преобразились существенно. Экономика становилась многоотраслевой — наряду с животноводством (оно оставалось главной отраслью и по числу, занятых, и по удельному весу в производимой продукции), развивались промышленность (обрабатывающая, добывающая), строительство, механизированный транспорт, связь, национальная торговля. Исчезло преобладавшее ранее феодальное производство (хозяйство князей, церковных иерархов и других представителей господствовавшего класса), вытеснен иностранный торгово-ростовщический капитал, шла трансформация натурального хозяйства в мелкотоварное. Теперь наряду с мелкотоварным укладом (он был представлен большинством аратских хозяйств и стал преобладающим), расширялся государственно-кооперативный сектор, имелись остатки натурального и полунатурального производства, рождались элементы частнокапиталистического хозяйства (в сельском хозяйстве, торговле). Тенденция заключалась в повышении роли государственно-кооперативного сектора, занявшего командные высоты в экономике. Надо отметить, что в рассматриваемый период получило активное советско-монгольское военное сотрудничество, обсуждались вопросы финансирования, поставок вооружения и имущества для МНРА, работа русских инструкторов и специалистов, подготовка военных кадров для монгольской армии.

Список использованной литературы и источников

1. Железняков А. С. Рождение монгольского коммунизма: 1920 / А. С. Железняков // Вестник МГУ. Сер.13. Востоковедение. — 2000. — № 1. — С. 49–50.
2. История Монголии XX век. — М. : Ин-т востоковедения РАН, 2007. — 448 с.
3. История Монгольской Народной Республики. — М. : Наука, 1983. — 661 с.
4. Лузянин С. Г. Дипломатическая история событий на Халхин-Голе. 1932–1939 гг. / С. Г. Лузянин // Новая и новейшая история. — 2001. — № 2. — С. 41–51.
5. Монгол Ардын Хувьсгал Намын тухэн товчоон. — Улан-Батор, 2001. — 80 с.
6. Печников А. М. Животноводство МНР. Материалы государственной статистики / А. М. Печников. — Вып. 1. — Улан-Батор, 1949. — 220 с.
7. Российский государственный архив социально-политической истории. — Ф. 495. — Оп. 152. — Д. 133.
8. Рощин С. К. Об идейных основах политики национальных демократов Монголии (1926–1928 гг.) / С. К. Рощин // VII Международный конгресс монголоведов, Улан-Батор, 1997 : сб. тр. конф. — Тбилиси : Ин-т языкознания им. Арн. Чикобава, 1997. — С. 59–64.
9. Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 1. 1921–1940. — М., Улан-Батор, 1975. — 588 с.

Информация об авторе

Батунаев Эдуард Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: Batunaeveduard@mail.ru.

Author

Eduard V. Batunaev — Ph.D. in History, Researcher, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, 670047, e-mail: Batunaeveduard@mail.ru.

УДК 351.749.6(571.54/55)(09)
ББК 67.401.133.12(253.5)г

А.В. ВЕЙТ

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ЖАНДАРМЕРИИ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Делается необходимый экскурс в историю создания и развития жандармских полицейских управлений на российской железной дороге. Важное внимание уделяется структуре жандармских участков, их номенклатуре, порядку замещения должностей. Статья имеет краеведческое значение, представляет собой частичку дореволюционной истории Забайкальского края. Историко-правовой аспект позволяет представить государственную политику по обеспечению общественной безопасности на железной дороге.

Ключевые слова: жандармерия; отдельный корпус жандармов, забайкальская железная дорога, устав железных дорог.

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE BODIES AND ACTIVITIES GENDARMERIE TRANS-BAIKAL RAILWAY

It makes the necessary excursion into the history and development of Jean-darmskih police departments on the Russian railway. Great attention is paid to the structure of the gendarmerie stations, their nomenclature, order replacement positions. The article has a value of regional studies, it is a piece of pre-revolutionary history of the Trans-Baikal Territory. Historical and legal aspects allows us to represent the state policy to ensure public safety on the railway.

Keywords: gendarmerie; Special Corps of Gendarmes, Zabaykalsky glands Nye Road, charter railways.

Активность реформирования современных органов полиции заставляет вновь обратиться к изучению правового статуса, структуры и компетенции органов жандармерии на примере органов жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги. Основной целью работы является исследование дореволюционной истории органов жандармерии Забайкальского края, причины их упразднения.

В 1826 г. по велению Императора Николая I был сформирован отдельный корпус жандармов, состоящий в военном ведомстве. В дальнейшем созданный орган подвергнулся значительным структурным изменениям.

В составе Корпуса жандармов образовался временный Жандармский эскадрон, на составление которого обращены чины столичных дивизионов и команд в 1846 г.

С дальнейшим развитием железнодорожного транспорта в России в 1860-е гг. создается целая сеть железнодорожной полиции.

В 1866 г. полицейские управления на железных дорогах стали именоваться «Жандармскими полицейскими управлениями железных дорог» (далее ЖПУЖД). До этого времени управления находились в подчинении министра путей сообщения до конца 1866 г. Далее в декабре 1866 г. ЖПУЖД были изъяты из ведения Министерства путей сообщения.

30 марта 1899 г. приказом № 26 по Отдельному корпусу жандармов, на основании приказа № 70 от 11 марта 1899 г. по Военному ведомству образовано полицейское управление Сибирской железной дороги. Основной целью его создания — осуществление жандармского полицейского надзора на строящейся Забайкальской железной дороге от пристани Мысовой восточного берега Байкала до г. Сретенска и на двух ветках — к реке Селенге и к Маньчжурской границе. В состав управления вошли две железные дороги: Забайкальская и Кругобайкальская [2, д. 258, л. 32].

Согласно приказа № 1 по Забайкальскому жандармско-полицейскому управлению от 1 июня 1899 г. в составе управления было организовано шесть отделений: Забайкальское, Верхнеудинское, Яблоновское, Читинское, Сретенское, Карымское. Штаб-квартира Читинского отделения располагалась в г. Чите [2, д. 308, л. 1–2].

В 1905 г. приказом № 7 от 16 июля 1905 г. по Отдельному корпусу жандармов Читинское отделение Забайкальского жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги было переименовано в Читинское отделение Забайкальского жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги [2, д. 9, л. 9].

Структура органов жандармского полицейского участка на Забайкальской дороге была следующая: отделение возглавлял начальник, в подчинении которого состояли — вахмистр и 15 унтер-офицеров [1, с. 21–22]. Вахмистр назначался для ближайшего руководства унтер-офицерами отделения и являлся помощником начальника отделения по заведыванию нижними чинами [2, д. 308, л. 3]. Представляется интересным, что в 1913 г. число унтер-офицеров было увеличено до 20 [2, д. 118, л. 1], а к 1916 г. достигло 30 человек [2, д. 223, л. 17].

Согласно предписания № 1500 Штаба отдельного корпуса жандармов от 3 марта 1899 г. и приказа № 3 по Управлению от 3 марта 1899 г. в штат Отделения для укомплектования отделения нижними чинами принимались на службу лица, уволенные в запас гвардии и армии фельдфебелей, вахмистров, унтер-офицеров и фейейрверкеров. Среди них: Семен Кашиков, Фадей Пшеничников, Михаил Плужников, Федор Горелов, Давыд Гордиенко, Степан Никитин, Мартирий Плешаков, Андрей Назаров, Иван Выморов и др. [2, д. 308, л. 4].

К кандидатам предъявлялись довольно жесткие требования: они должны быть грамотны, физически развиты и выносливы. Они обязаны были досконально знать общий устав железных дорог, правила технической эксплуатации, владеть некоторыми железнодорожными профессиями. В случае необходимости унтер-офицеры должны были уметь телеграфировать, разогреть паровоз, развести пары, вывести паровоз из депо, подвести к крану и набрать воды, проделать все положенные маневры, взять состав и вести поезд. Освоение железнодорожных профессий поощрялось.

Начальник отделения, в целях инструктирования и контроля отправления охранной службы унтер-офицерскими стражниками и железнодорожными служащими обязаны были объезжать подведомственный ему район не реже одного раза в две недели и притом непременно с товарными или воинскими поездами, проверял на местах несения службы. О результатах проверки начальник еженедельно подробно докладывал начальнику Управления. В случаях крушения поездов, взрывов железнодорожного полотна или других несчастий, связанных с воинскими поез-

дами особой важности, начальник немедленно начальник немедленно выезжал на место происшествия и лично проводил дознание. О случившихся происшествиях немедленно телеграфировал командиру Отдельного корпуса жандармов, Департаменту полиции, Главнотначальствующему полосы отчуждения и губернатору [2, д. 304, л. 256].

В каждое отделение назначался вахмистр. Он выбирался из числа опытных унтер-офицеров, которые прослужили в корпусе жандармов на сверхсрочной службе не менее шести лет [2, д. 258, л. 3]. В его обязанности входило соблюдение порядка в отделении, наблюдение за поведением унтер-офицеров, за точным исполнением ими своих обязанностей, вести наряд нижним чином отделения на службу, ежедневного докладывать начальнику отделения обо всем случившемся в отделении, о нуждах и просьбах унтер-офицеров, о совершенных ими проступках, передавать унтер-офицерам приказания начальника отделения [2, д. 258, л. 42 об.]. Таким образом, можно говорить о том, что вахмистр являлся ближайшим помощником начальника по руководству унтер-офицерами отделения.

Унтер-офицеры назначались на станции по одному или по несколько. Если на станции назначалось по 2 и более унтер-офицеров, то один из них приказом по Управлению, назначался старшим и обязан был следить за порядком, вести наряд на службу подчиненных чинов, помогать младшим унтер-офицерам изучать службу в корпусе, вести служебную переписку, производить дознание и осмотр своего участка. Результаты дознания отражались в протоколе. Протокол по уголовным делам назывался полицейским, а протоколы, составляемые при нарушении законов о перевозке пассажиров, грузов, багажа и скота — коммерческими [2, д. 258, л. 3, 24].

Исследованные материалы позволяют разделить обязанности унтер-офицеров на следующие группы:

- охрана внешнего порядка, спокойствия, благочиния и безопасности на железной дороге;
- предупреждение и пресечение преступлений и проступков;
- расследование совершенных преступлений и проступков;
- преследование виновных перед судом.

Унтер-офицер должен был знать в лицо штатных и внештатных служащих отделения, проживающих у них родственников и прислуг, буфетосодержателей с прислужгой, знать жилые и нежилые помещения, все сооружения, знать собственников домов, фабрик, усадеб расположенных вблизи полосы отчуждения. Кроме этого, унтер-офицер должен был быть осведомлен о состоянии железнодорожного пути, о точных границах уездов, волостей, участков судей, следователей, знать место жительства прокуроров, участковых чинов полиции и судебных властей.

К ответственности за неправильные действия и злоупотребления при производстве дознаний жандармские чины могли быть привлечены

только непосредственным их начальством. Прокурорская власть могла только делать об этом сообщения и, в случае недостаточности наложенного дисциплинарного взыскания, представлять министру юстиции, для дальнейшего соглашения с министром внутренних дел. Разномыслие между прокурором и начальством виновного по вопросу о предании суду разрешалось сенатом.

Согласно приказанию № 6 от 10 августа 1906 г. унтер-офицеры обязаны были иметь при себе винтовки, применять которую он мог только в самых крайних случаях: для отражения нападения на него, пусть даже не вооруженного, от нападения угрожающего их жизни, здоровью, имуществу, при преследовании арестанта [2, д. 9, л. 16]. О каждом случае применения оружия унтер-офицер обязан был немедленно составить протокол с изложением обстоятельств дела и направить его губернатору [2, д. 38, л. 7].

Унтер-офицер вел надзор за транзитным грузом таможенного ведомства. Он наблюдал за железнодорожными служащими, которые не должны были прикасаться к таможенным пломбам ни при каких обстоятельствах, производил совместно с начальником станции осмотр поврежденных вагонов. Также он должен был присутствовать при выгрузке груза и подписывать акт об оценке вагонов запломбированных таможней [2, д. 258, л. 6–12].

При поступлении на службы унтер-офицер давал подписку о том, что обязуется прослужить 5 лет, и за это время не будет давать прошения об увольнении. По окончании пятилетней службы он возобновлял подписку ежегодно, если имел желание остаться на сверхсрочную службу. Предусматривались и случаи отстранения от службы до окончания подписки за совершение дисциплинарных проступков, за непригодность к службе, или по причине болезни [2, д. 258, л. 44].

Предусматривали ведомственные акты ряд гарантий, которые предоставлялись служащим жандармам.

В течение службы жандармские чины получали квартирное, денежное и вещевое довольствие [2, д. 258, л. 45]. Имелось Положение об офицерском заемном капитале жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги, которое предусматривало возможность получения денежной ссуды на необременительных условиях, а также предоставлялась возможность производить сбережения, получаемого на службе содержания [2, д. 11, л. 168].

Все чины отделения в своей деятельности были тесно связаны со служащими железной дороги. Все железнодорожные служащие были обязаны оказывать содействие жандармам при несении ими службы, сообщать им немедленно о замеченных происшествиях, предоставлять необходимую жандармам информацию, а также сохранять следы преступления до прибытия на место органов жандармерии [2, д. 305, л. 29–30].

Районы ведения Отделения были определены следующие: от ст. Сохондо, ст. Яблоново, ст. Ингода, ст. Чита, ст. Кручина, ст. Маккавеево, Китайский разъезд [2, д. 9, л. 9]. К 1916 г. Отделение охватывало уже станции: Могзон, Сохондо, Яблоновая, Ингода, Чита-воинская, Чита 1-я, Чита 2-я, Кручина, Маккавеево, Карымская [2, д. 215, л. 1–6].

Задачей отделения ставилось: «пресечение и предупреждение преступлений, направленных к нарушению государственного строя». Границы поставленной перед отделением задачи на протяжении всего времени существования существенно изменялись. На практике деятельность жандармов выражалась в преследовании революционного движения, усмирении волнений, поимке революционных деятелей, исполнении судебных приговоров, сопровождении осужденных, розыске похищенного, раскрытие преступлений, охрана внешнего порядка и общественной безопасности.

Так, Циркуляром Начальника Жандармско-полицейского управления на железной дороге от 26.04.1901 г. № 104 г. Санкт-Петербург, направленного под грифом «Секретно», предписывало Отделению оказывать содействие при поимке и задержанию нескольких лиц, нелегально перемещающихся по местностям Империи. За неисполнение данного поручения предусматривалась личная ответственность начальника Отделения [2, д. 6, л. 21].

Циркуляром Иркутского Военного Генерал-губернатора от 10.02.1907 г. № 73 начальнику Жандармского полицейского участка Забайкальской железной дороги разъяснено: «Китайский посланник в г. Петербург гр. Хувей-то возбудил ходатайство о принятии мер к пресечению перехода русской границы китайскими подданными, немеющими установленного вида на жительство... Предлагается сделать соответствующее распоряжение подведомственным лицам, чтобы при переходе китайскими подданными нашей границы требовать от них паспорт, визированный нашими консулами и Консульскими представительствами в Монголии и Манчжурии, лиц, не имеющих визированных паспортов не пропускать в пределы России» [2, д. 11, л. 133].

14.02.1907 г. данное указание Иркутского Военного Генерал-губернатора было передано начальником жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги по подведомственности начальнику Читинского отделения «к неукоснительному исполнению» [Там же].

Вплоть до 1906 г. жандармские полицейские управления железных дорог были отстранены от политической деятельности и не принимали непосредственного участия в производстве дознаний по государственным преступлениям, в политическом розыске и наблюдении. Только в 1906 г. в связи с дальнейшим ростом революционного движения и активным участием в нем рабочих и служащих на железных дорогах правительство привлекает ЖПУ железных дорог к деятельности, направленной

ной на борьбу с народными выступлениями. Приказом от 28.07.1906 г. № 145 на служащих жандармских полицейских управлений железных дорог были возложены обязанности производства дознаний обо всех «преступных действиях» политического характера совершенных в полосе отчуждения железных дорог. Данное полномочие было передано в ведение жандармерии от судебных следователей [3, с. 298].

Стоит заметить, что при производстве дознаний начальники ЖПУ железных дорог подчинялись начальникам местных губернских жандармских управлений.

Все по той же причине роста революционного движения на железных дорогах был учрежден секретно-агентурный надзор, который обязывало жандармские управления железных дорог иметь собственную секретную агентуру.

О причинах создания агентурной сети П.И. Рачковский в записке «Об условиях деятельности русской политической полиции» отмечал, что необходимо немедленно «приступить к правильной организации внутренней агентуры, чтобы этим способом учредить рациональный и вполне достигающей своей цели надзор за оппозиционными элементами в столицах и во всех выдающихся культурных центрах империи. Таким образом, Департамент полиции будет получать точные и всесторонние сведения о положении революционного движения из всех пунктов, и розыскная деятельность не будет основана только на удаче, как до сих пор, но приобретет строгую систему» [5, с.196].

В феврале 1907 г. Департамент полиции МВД разослал подведомственным розыскным учреждениям два документа, в которых излагались формы и методы работы политического розыска по изобличению государственных преступлений — инструкции по организации наружного (филерского) и внутреннего агентурного наблюдения. Они окончательно положили в основу политического сыска России использование агентуры «внутреннего осведомления», а наружному наблюдению отвели вспомогательную роль.

Инструкция предусматривала использование и тех, кто «будучи убеждены в бесполезности своей личной революционной деятельности, нуждаются в деньгах и, хотя не изменяют коренным образом своих убеждений, ради денег берутся просто продавать своих товарищей» [6, с. 193].

Исследованные нами архивные материалы дают основания полагать, что созданная в Забайкальском жандармском полицейском участке на Забайкальской железной дороге агентурная сеть велась в двух направлениях: гласный и негласный надзор. Списки лиц, состоящих под негласным надзором полиции, имели гриф «совершенно секретно» и содержали в себе данные о лице, состоящем под надзором с указанием его фамилии, имени, отчества, звания, времени учреждения надзора, станция, род занятий, выбытие, прекращение надзора. Так, в исследу-

дованном списке, датированным октябрём месяцем 1900 г. значился Мариан-Стефан Францевич Ульрих, дворянин. Дата установления наблюдения — 28 марта 1897 г., станция Мысовая, конторщик 2 участка Забайкальской железной дороги. Дата снятия наблюдения в графе отсутствовала [2, д. 4, л. 50].

Списки лиц, состоящих под негласным контролем, содержали в себе все ранее указанные данные, однако в качестве основания снятия наблюдения указан факт выбытия лица в другое место работы, либо факт снятия наблюдения [2, д. 4, л. 59–60]. Одним из оснований установления наблюдения органами жандармерии являлось наличие судимости за совершение государственных преступлений [2, д. 6, л. 3].

Ведомственными актами также определялся порядок донесений. Так, Циркуляром от 06.04.1904 г. № 312 Командующего отдельным корпусом жандармов (г. Санкт-Петербург) утверждалась инструкция «О порядке предоставления различного рода донесений». Для упрощения порядка донесений были даны следующие указания: Ежегодный политический обзор, письменные донесения о крупных преступлениях, происшествиях и народных бедствиях, выдающихся событиях жизни учебных заведений и в деятельности общественных заведений (земства, городские самоуправления), о злоупотреблениях должностных лиц и о выдающемся по своему значению обысках и арестах по делам политическим и о событиях важных — представлять только Шефу жандармов, адресуя конверты в Штаб корпуса [2, д. 12, л. 2].

Деятельность отделения распространялась на полосу земли, отчужденной под железную дорогу и на все, находящиеся на этой полосе, постройки и сооружения. Все полицейские отделения в своей деятельности были тесно связаны со служащими железной дороги, которые были обязаны оказывать железнодорожной полиции содействие [2, д. 258, л. 30].

Прямое назначение и главная деятельность чинов жандармского отделения это осуществление полицейского надзора, который за достаточно короткий, с момента его создания период времени, оказал существенное влияние на Забайкалье. Неоднократные случаи поимок злоумышленников, розыск похищенного имущества, активное раскрытие преступлений показали суду и местному населению, что жандармский надзор явился пионером полицейской деятельности.

Вместе с тем, отдельные полномочия чинов могли ограничиваться. Так, функции по обеспечению полицейского контроля в поселениях за полосой отчуждения Приказом исполняющего обязанности военного губернатора Забайкальской области по гражданскому управлению Н.П. Беломестнова от 29.04.1904 г. № 4439 возлагались на членов Забайкальского жандармско-полицейского управления железной дорогой, однако без права наложения административных взысканий за преступления [2, д. 11, л. 21].

В целом деятельность сотрудников жандармских полицейских подразделений заслуживает высокой оценки. Большинство сотрудников были знатоками своего дела, многие являлись участниками боевых действий, в прошлом имели боевые награды, а также награды за добросовестную службу на поприще жандармско-полицейской службы [5, с. 155]. Однако деятельность данных органов значительно осложнялась сохранившимся со времени их создания двойственным правовым положением.

К февралю 1917 г. железнодорожная жандармерия по-прежнему в наблюдательной и оперативно-розыскной деятельности подчинялась департаменту полиции, а по строевой, хозяйственной и инспекторской части была подведомственна Отдельному корпусу жандармов, т.е. осуществлявший руководство сыском департамент полиции не имел возможности влиять на личный состав жандармских железнодорожных управлений, который комплектовался штабом Отдельного корпуса жандармов. Существовавшая двойственность положения ослабила ведомство, внесла свою лепту в поражение царского режима.

Согласно опубликованному распоряжению правительства, Отдельный корпус жандармов упразднялся, а его чины, за исключением тех из них, которые по возрасту или по состоянию здоровья не подлежали призыву в войска, были обращены в ряды войск. Чины корпуса жандармов, не подлежащие обращению в ряды войск, были уволены в отставку на общем основании [4, с. 159].

В целом Читинское жандармское полицейское управление Забайкальской железной дороги просуществовало около 19 лет. В 1917 г., согласно распоряжения правительства об упразднении полиции и полицейских управлений, все служащие увольнялись с 15 апреля 1917 г. Вместо реорганизованной полиции была учреждена милиция [2, д. 25, л. 29–30].

Список использованной литературы и источников

1. Баринов А. О. Стража: Очерки деятельности спецслужб России в Забайкальском крае в начале XX века (1901–1917) / А. О. Баринов. — Чита : Экспресс-издательство, 2008. — 252 с.
2. Государственный архив Забайкальского края. — Ф. 305. — Оп.1.
3. Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. — М. : Высшая школа, 1968. — 368 с.
4. Муратова А. В. История становления Читинского отделения Забайкальского жандармско-полицейского управления Забайкальской железной дороги (1899–1917) / А. В. Муратова // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2015. — Иркутск : изд-во БГУЭП, 2015. — С. 153–160.
5. Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917 гг.) / З. И. Перегудова. — М. : РОССПЭН, 2000. — 432 с.
6. Спиридович А. И. Записки жандарма / А. И. Спиридович. — М. : Фонд творчества инициатив, 1991. — 205 с.

Информация об авторе

Вейт Алена Витальевна — старший преподаватель, кафедра гражданского права и процесса, Читинский институт Байкальского государственного университета, 672000, г. Чита, ул. Анохина, 56, zashita_chita@mail.ru.

Author

Alena V. Veit — Senior Lecturer, Department of Civil Law and Process, Chita Institute of the Baikal State University, 56 Anokhin St., Chita, 672000, e-mail: zashita_chita@mail.ru.

УДК 656. 628 (571.53)

С.В. ГУЗЕНКОВ

ББК 39411.211(2Рос.4Ирк)

ГРУЗОПАССАЖИРСКИЕ ПЕРЕВОЗКИ НА АНГАРЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье, опираясь на неопубликованные (материалы ГАИО) и опубликованные источники, автор приводит статистику перевозок, показывает номенклатуру грузов, освещает пассажирские перевозки.

Ключевые слова: ангарское судоходство, сплавной флот и паромодство на Ангаре, география водного транспорта, грузопассажирские перевозки, хозяйственное освоение Приангарья в конце XIX — начале XX в.

S. V. GUZENKOV

CARGO-AND-PASSENGER TRANSPORTATIONS ON THE ANGARA RIVER IN THE LATE XIX — EARLY XX CENTURIES

The author of article, based on unpublished and published sources, presents statistics of transportations, range of goods shipped, details of passenger transportation.

Keywords: the Angarsky shipping traffic, drive fleet and shipping on the Angara, the geography of water transportations, economic development of Priangarye in the late XIX — early XX centuries.

В конце XIX — начале XX вв. по Ангаре шли значительные грузовые потоки. В 1884 г. по Ангаре и Иркуту в границах Смоленской волости прошел 701 плот. Общая стоимость груза составляла 24 277 р. груз следовал до Иркутска [1]. В 1886 г. в пристани на Иркуте причалило 57 морских судов и 560 плотов с разнообразным грузом на сумму 9 600 р. В 1887 г. из Иркутска в Енисейск на 13 сплавных судах — паузках и карбасах отправили 35 тыс. пудов чая и 2 тыс. пудов фарфоровой посуды. Груз сопровождали 148 рабочих.

Пароход «Сперанский» принадлежавший торговому дому братьев Бутиных в навигацию 1886 г. доставил в Иркутск 131185 пудов железных изделий — продукцию Николаевского железодельного завода на сумму 582 475 р., а в обратном направлении — из Иркутска до ст. Долоновой — хлебные припасы, чай и другие товары [2, с. 10].

Пароход «Сокол» курсировал от Иркутска до Усолья (75 верст) и обратно. Из Усолья транспортировали исключительно соль, а из Иркутска — чай и товары.

В 1887 г. Сперанский с Долоновой «привез» в Иркутск до 20 500 пудов железных изделий на сумму 213 250 р. и 10 тыс. пудов соли (на 12 тыс. р.), а в обратном направлении в этом числе до ст. Братской — чая и разных товаров — 7690 пудов (на 61 050 р.). Кроме того от Большой Мамыри до Долоновой пароход доставил 10 тыс. пудов соли.

Продолжал работать на маршруте Иркутск — Усолье и «Сокол».

Традиционно чай, преимущественно кирпичный, был одним из главных товаров, курсирующих по Ангаре. Его сопровождали от Иркутска до Енисейска, затем на лошадях доставляли и до с. Бирилюссы на берег Чулыма, и далее по Чулыму и Оби водным путем до Тюмени.

Чай перевозили на сплавных судах — паузках (ширина 11–12 саж., осадка 20–25 вершков), рассчитанных на одновременный прием до 5500 пудов груза. В 90-е гг. XIX в. ежегодно сплавлялось от 90 до 135 тыс. пудов различного чая. Часть груза осенним сплавом (приблизительно 65 тыс. пудов) доходило до пристаней в с. Бархатово и Коновалово. Далее гужевой доставкой он следовал до Куйтуна или Черемхово. Затем первым «первым зимним» путем чайные караваны шли до Томска.

В 1895 г. компания купца Кузнецова отправила по Ангаре в Енисейск 29 646 пудов чая, в том числе байхового — 1456 и кирпичного — 28 190 пудов. Постоянными поставщиками товара были купцы: Губкин, В.С. Могилев, Н.П. Поляков, Н.П. Шишелов, Швецов, цеховой И.А. Пашковский, иркутский мещанин Яхтинцев и др.

По официальным данным с Бархатовской, Малышевской, Коноваловской и других ангарских пристаней ежегодно сплавлялось до 50 тыс. пудов хлеба. Его основными потребителями были Николаевский железодельный завод и Иркутск. В номенклатуре товаров, транспортируемых по Ангаре, находилась соль — продукция Усольского солеваренного завода. По одним данным в 90-е гг. XIX в. завод «отпускал» для продажи до 55 тыс. пудов продукта, а по другим — 150 тыс. пудов. На ангарский сплав шла продукция и Шестаковского солеваренного завода.

До Бархатовской пристани сплавом в бочонках «шел» байкальский (соленый) омуль, а далее гужевым транспортом груз доставляли до ближайших населенных пунктов (Черемхово и других).

Находилась место и для винокуренной продукции. Спирт с заводов Нижнеудинского и Балаганского округов доставлялся Ангарой в Иркутск.

Поступал он и из Томска, через Бархатовскую и Коноваловскую пристани. В числе постоянных поставщиков спирта были купцы Губкин, Воробьев, Кухтерин.

Мануфактурные товары иркутских торговых фирм шли сплавом вниз по Ангаре в 90-е гг. XIX в. — до 30–40 тыс. пудов в навигацию, при этом до 10 тыс. пудов предназначалось для Николаевского железодельного завода.

На барках, карбасах и лодках сплавляли также бакалейный и горшечный товар, кварц для фаянсовой фабрики Перевалова, частью для нужд Иркутска и другие «продукты».

В донесении от 31 августа 1893 г., направленном в Управление строительной и дорожной частями при иркутском генерал-губернаторе, киренский окружной исправник сообщал, что вниз по Илиму на Ангару и Енисей на лодках (длина 9–12 сажень, ширина — 5 аршин, осадка в воде — аршин) сплавляется товара — пушнины и соли до 25 тыс. пудов.

В январе 1894 г. иркутский генерал-губернатор сообщал, что по Ангаре на лодках (по 500 пудов) идет взводом до Илима — 20 тыс. пудов товара — хлеб, сахар, крупчатка, масло. По Ангаре и ее притокам следовали значительные партии «местных материалов».

Немало грузов «обрабатывали» ангарские пароходы. Пароход «Граф Сперанский» (80 л. с.), принадлежавший Н.Е. Глотову и Ясинскому, в сопровождении трех деревянных барж (общей грузоподъемностью до 45 тыс. пудов) транспортировал в 90-е гг. XIX в. до 100 тыс. пудов железа, чугуна и других изделий Николаевского железодельного завода. Товар следовал в Иркутск, за Байкал и на Амур. Из Иркутска и приангарских селений в лето привозили до 40 тыс. пудов хлеба, «разного товара» — до 10 тыс. пудов, огнеупорной глины — до 12 тыс. пудов. Кроме того в номенклатуре грузов «постоянно находился» спирт, соль Шестаковского, Илимского и Усольского солевых заводов, в частности, Николаевский завод потреблял 10 тыс. пудов илимской соли.

Отвечая на запрос, поступивший от Управления строительной и дорожной частями при иркутском генерал-губернаторе, в донесении от 10 апреля 1893 г. управляющий иркутским округом сообщал, что навигацию 1892 г. пароход «Сперанский» перевез по Ангаре вниз по течению от с. Листвничного, Иркутска, до Усолья, Бархатово, Коновалово и обратно 889690 пудов грузов, в том числе: чаю — 628 670 пудов (70,6 % товаров), масла, свечей, мыла и других товаров — 152 800 пудов (17,1 % тяжести), поваренной соли — 42 170, муки — 5010, извести — 45 000, алебаstra — 7500, горькой соли — 2860, овечьей шерсти — 2130 пудов, а также 470 бочонков соленой рыбы (3533 пуда).

Услугами «рекоходной машины» воспользовались и пассажиры — 1500 человек Кяхтинское Пароходное Товарищество «назначило» для работы на Ангаре пароход «Бурят», выделив в помощь ему четыре бар-

жи. В навигацию 1892 г. (5 июня — 1 декабря) судно доставило в приангарские населенные пункты — 492 409 пудов грузов, принадлежащих «разным лицам».

Основной грузопоток прошел по маршруту с. Лиственичное-Иркутск — 98,9 % (487 420 пудов). «Главным товаром» оставался байховый и кирпичный чай — 460 290 пудов (94,4 %) на долю «разных» мануфактурных, бакалейных и прочих русских товаров приходилось 4,1 % (20 452 пуда), а китайских товаров — 3145 пудов (0,6 %). Также в Иркутск пришло 3533 пуда соленой рыбы (омуля) в бочонках и лагунах. По заявке купца Фейвустова пароход доставил до селения Зуй 2858 пудов гуджира (горькой соли), а тельминский купец Белоголовый получил 2131 пуд овечьей шерсти.

Пароход «Сокол» с тремя баржами — «Ангара», «Лебедь» и «Чайка» в навигацию 1892 г. доставил в Иркутск, Лиственичное, Усолъе, Бархатово, Коновалово и другие населенные пункты 113 407 пудов 12 фунтов различных грузов, в том числе 35 776 мест чая. Товар шел из Иркутска в Усолъе (58 мест), Бархатово (19 458 мест), Коновалово (16 260 мест). Усолъская соль следовала до Иркутска (34632 пуда) и в Лиственичное (6541 пуд). Соль составляла 36,3 % грузопотока в навигацию. Строительные материалы — известь и алебастр покупали в Бурети, Балаганске, в других населенных пунктах и доставляли на иркутские рынки 52 500 пудов (46,3 %) грузопотока.

Корреспондент газеты «Восточное обозрение» сообщает, что в навигацию 1892 г. в конце октября «Сокол» выполнял 2–3 рейса на Коноваловскую пристань за чаем и алебастром, немного не доходя до Коновалово [3]. В номенклатуру транспортируемых тяжестей входили «томские товары». Бархатовская пристань «отпустила» в Иркутск — 12 569 пудов (11 %). На баржах «Сокола» перевезли 17 голов скота. Услугами парохода воспользовалось 1072 пассажира.

Выполняя предписания исправника Иркутского уезда от 3 сентября 1912 г. Суховское волостное правление 20 сентября сообщало, что по территории волости мимо населенного пункта Большеразводная прошло три баржи с грузом и 87 «рыбачьих» лодок с уловом — 1925 пудов.

В навигацию 1912 г. сплавом было охвачено 909 верст ангарско-водного пути и доставлено в Иркутск и ангарские населенные пункты 16 813 к/с дров, 128 715 шт. бревен и 15 тыс. шт. шпал для ремонтных работ на Транссибирской железной дороге [4, с. 42–45]. «Товарищество на вере Байкальского пароходства и торговли» (образовано 26 марта 1905 г.) оставило пароход «Бурят» на «прежней работе». Он продолжал курсировать по Ангаре, выполняя грузопассажирские рейсы не только от Иркутска до Байкала (Лиственичное), но и до Братска и Усолъя (в навигацию 1907 г.).

В 1908–1909 гг. три ангарских парохода приблизительно перевезли до 12 тыс. пассажиров и 400 тыс. пудов грузов, до 3 тыс. к/с дров [5, с. 55].

«Товарищество» в 1905–1907 г. использовало деревянные баржи «Крестовка» (5 тыс. пудов), «Вера» (8 тыс. пудов), «Любовь», «Надежда», «Байкал» (грузоподъемностью 10 тыс. пудов каждая), «Ангара» (20 тыс. пудов), арендованные у «Опеки» Немчинова для перевозки дров с низовьев Ангары для продажи в Иркутске.

Итак, в конце XIX — начале XX вв. на Ангаре осуществлялись значительные грузопассажирские перевозки посредством сплавных судов и пароходов, что связано с хозяйственным освоением Прибайкалья. Появилась возможность соединить транспортной сетью ангарские населенные пункты между собой, Иркутском и Байкалом (Лиственичное).

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Иркутской области. — Ф. 90 (Иркутское губернское полицейское Управление). — Оп. 4. — Д. 520, 521, 522.
2. Обзор Иркутской губернии за 1886 [год]. — Иркутск, 1887. — 20 с.
3. Восточное обозрение. — 1893. — 18 апр.
4. Памятная книжка Иркутской губернии 1908 года. — Иркутск, 1908. — 55 с.
5. Памятная книжка Иркутской губернии 1911 года. — Иркутск, 1911. — 80 с.

Информация об авторе

Гузенков Сергей Васильевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Научной библиотеки, Иркутский государственный университет, 664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124.

Author

Sergey V. Guzenkov — Ph.D. in History, Researcher of Scientific Library, Irkutsk State University, 124 Lermontov St., Irkutsk, 664033.

УДК 343.9.02(571.53)
ББК Х628.3(2Р-4Ир)

К.А. ГУРОВ

ЭЛЕМЕНТЫ «ЧЕРНОГО РЫНКА» В ИРКУТСКЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Рассматривается деятельность преступных элементов г. Иркутск в начале XX в., связанная с функционированием криминальной составляющей теневой экономики города. Анализируется степень развития «черного рынка», его структурные составляющие и уровень организации.

Ключевые слова: черный рынок, организованная преступность, история г. Иркутск.

K.A. GUROV

ELEMENTS OF «BLACK MARKET» IN THE CITY OF IRKUTSK IN THE EARLY XX CENTURY

The author examines the activities of criminal elements in the city of Irkutsk at the beginning of XX century, related to the functioning of the crim-

inal part of the shadow economy of the city. There is presented an analysis the degree of development of the «black market», its constituents and the level of its organization.

Keywords: black market, organized crime, Irkutsk city history.

Экономика, являясь важной детерминантой развития общества, подвергается детальному изучению в истории. Но зачастую, в исследованиях экономических факторов развития определенного региона рассматривается только официальная составляющая, т.е. экономика легальная. В то же время, немаловажную роль в экономическом развитии региона играет теневая экономика, так как все же она несет с собой капиталоборот, перемещение которого влияет на прочие экономические процессы, как и указывает А.В. Шестаков: «теневая экономика тесно связана, переплетена с легальной экономикой, является ее составной частью» [15, с. 8]. Сам термин «теневая экономика» появился в начале 1960-х гг., а в отечественной науке с середины 1970-х гг. для обозначения сокрытия доходов и антиобщественных способов их извлечения [7, с. 134]: «Теневая экономика — экономические процессы, которые не афишируются, скрываются их участниками, не контролируются государством и обществом, не фиксируются официальной государственной статистикой. Это невидимые со стороны процессы производства, распределения, обмена, потребления товаров и услуг, экономические отношения, в которых заинтересованы отдельные люди и группы людей. Теневая экономика включает: криминальную, запретную, противозаконную, скрытую, проводимую в целях избегания налогов или в связи с нежеланием экономических субъектов придавать известность своим действиям и доходам; неформальную, не подлежащую учету в связи с ее индивидуальностью, личным или семейным характером, отсутствием измерителей» [1, с. 744–745].

Исходя из содержания трактовки термина, выделяют три подвида теневой экономики: неофициальная, фиктивная и черная (она же «черный рынок»). Неофициальная и фиктивная экономика, несмотря на свое нелегальное положение, не может в полной мере являться абсолютно преступной, так как при нарушении действующего законодательства не совершают уголовных преступлений, оставаясь в рамках административных правонарушений [7, с. 16]. Другой вид теневой экономики — «черная», наоборот, профилируется именно на получении нелегального дохода посредством совершения уголовных преступлений. В состав «черной экономики» или «черного рынка» входит такая криминальная деятельность, как производство и оборот наркотических веществ, оружия, контрабандных товаров, оказания незаконных услуг — проституция, нелегальные азартные игры, заказные преступления (убийства, увечья, и т.д.), а так же разбои, грабежи, вымогательство, шантаж и др. [7, с. 135–140]. Все указанные элементы квалифицируются как уголовные преступления

в Уложении о наказаниях [14]. Следовательно, еще задолго до введения термина «теневая экономика» в научный оборот, ее элементы присутствовали в социально-экономической жизни общества.

Как отмечает в своей статье журналист М. Ламцов, описывая современное отношение к теневой экономике, наиболее крупные сегменты черного рынка — это наркоторговля, торговля оружием, боеприпасами, а так же проституция и нелегальный игорный бизнес, которые контролируются организованной преступностью и из-за своей масштабности имеют устойчивые отношения с коррумпированными правоохранительными органами [8]. Такие преступления как разбой, грабеж, вымогательство, шантаж могут не иметь под собой организованной основы, будучи «единовременными» источниками дохода преступников, в то время как проституция, организация азартных игр, производство и сбыт запрещенных товаров требует определенного уровня организации, что может говорить об устойчивой теневой экономической системе, элементы которой можно проследить в ретроспективе г. Иркутска, а именно в начале XX в.

По составу преступлений криминальную составляющую («черный рынок») теневой экономики г. Иркутска в начале XX в., не рассматривая грабежи, кражи и убийства, можно разделить на две составляющих — товарную часть и сферу услуг. К товарному сегменту рынка можно отнести нелегальный оборот оружия, наркотических веществ и фальшивых документов.

Нелегальный оборот оружия и боеприпасов был обусловлен появлением спроса на данный вид товаров на рынке г. Иркутск, возникшего вследствие ужесточения регламента приобретения оружия [13, с.123]. Это при условии, что в регионе развита охота, а в самом городе на начало XX в., сложилась довольно напряженная криминогенная обстановка, требовавшая права на самозащиту [4]. Спрос в данном сегменте рынка порождал предложение на теневой его стороне. Оружие и боеприпасы покупали и криминальные элементы и простые горожане, желавшие обзавестись предметами самозащиты, браконьеры и простые охотники, потерявшие право на оружие. А поставщиками его оказывались как единоличные преступники, так и организованные преступные группы, чья деятельность была поставлена «на поток». Примером деятельности такого «предприятия» может служить ликвидированная в 1913 г. группа Валериана Березы, занимавшаяся скупкой и реализацией оружия и патронов. Боевое казенное оружие Береза приобретал у коррумпированного чиновника отдела ручного оружия артиллерийского склада Ильина, который к моменту своего задержания не мог назвать точную цифру проданного им оружия, так как имел сотрудничество на протяжении нескольких лет [2, л. 125–135]. Боеприпасы приобретались у солдат, похищавших патроны во время стрельб. Причем только при крупных операциях Береза присутствовал лично, предпочитая мелкие задачи

перекладывать на плечи своих помощников — раздатчиков хлеба греческой пекарни [2, л. 32]. Сбыт оружия он проводил, по большей части, самостоятельно, находя подходящего клиента и проверяя его [2, л. 64].

В.Т. Береза организовал преступное сообщество, занимавшееся оборотом оружия и боеприпасов, причем, занимая не только нишу на «внутреннем» рынке города, но и занимаясь контрабандой в Монголию, имел связи с коррумпированными представителями власти и, судя по его обширным знакомствам, имел некоторое влияние среди преступных элементов г. Иркутска того времени [2, л. 63].

Данный случай далеко не единственный, много осталось нераскрытых дел о незаконном обороте оружия. Тот же «коллега» Березы по преступному ремеслу — Яков Штейнгард так и не был арестован, хотя, фигурирующий в деле материал говорит о его полной причастности к нелегальной торговле боеприпасами [2, л. 29]. Кроме того, спустя полгода в мелочной лавке Сафронова были арестованы двое солдат 27 Сибирского стрелкового полка, подозреваемые в продаже боеприпасов в данную лавку. При обыске у подозреваемых было обнаружено 80 патронов к винтовке казенного образца [2, л. 138]. Спрос на нелегальное оружие не падал, и преступные группы заменяли «выбывших» из данного сегмента теневой экономики.

Другой товарной группой, наиболее характерной для деятельности организованных преступных группировок, являются наркотические вещества. Так как в Иркутске в начале века проживало достаточное количество китайцев, то можно быть уверенным, что в городе наличествовала их субкультурная составляющая, а именно курение опиума. Но не столь велико количество потребления опиума в самом городе, как объем контрабанды наркотиков из него. Роль г. Иркутска в качестве важного перевалочного пункта в наркотрафике персидского опиума в Китай приобрел во время Русско-Японской войны, так как более восточные таможенные пункты бездействовали [10, с. 88]. После военной компании роль иркутской таможни в переправке контрабандных грузов не снижается, так как к моменту окончания войны на таможне уже сложились каналы поставок. Естественно, что контрабандные пути не налаживались одним преступником, так как пропускная система таможни заставляла привлекать в группы, занимающиеся транзитом нелегальных товаров, чиновников различных уровней, спонсоров предприятий и просто рабочих рук.

24 апреля 1915 г. в г. Иркутске были арестованы начальник сыскного отделения Романов и его помощник Леонтьев по подозрению в соучастии в организовавшейся в 1914 г. группе, занимавшейся контрабандой опиума [3, л. 1–2]. Проведенные обыски подтвердили подозрения, и удалось выяснить всю цепочку транзита контрабандного опиума. В результате расследования данного дела были арестованы начальник сыскного отделения, два полицейских надзирателя, агент сыскного отделения и,

кроме того, 13 частных лиц. Романов, фигурировавший в деле больше как пособник и укрыватель, чем как глава преступной группы, получал за укрывательство взятки. Так же из докладов иркутского губернского управления известно, что агенты сысского отделения Леонтьев, Франчук и Максимов прикрывают начальника сысского отделения Романова и соучастников в транзите контрабандного опиума, за что получают взятки [3, л. 7–8]. Найденные у Романова при обыске 23 апреля 1915 г. записи о тайниках наркотиков и лицах, причастных к контрабандной деятельности, говорят о том, что начальник сысского отделения являлся скорее не просто соучастником, а координатором или главным центром всей преступной группировки [3, л. 2].

В 1916 г. в конфискационном производстве иркутской таможни было зарегистрировано 270 случаев задержания контрабандных товаров на 55,2 тыс. р., из них в 188 случаях — спирт и опиум на общую сумму 54,6 тыс. р. [10, с. 89]. Другими словами, после ликвидации группы Романова контрабанда опиума не уменьшилась. Результатом закрытия одного из крупных транзитных потоков наркотиков стало открытие нескольких мелких, так как освободившаяся ниша спроса на товар не могла долго оставаться незаполненной.

Контрабанда наркотиков была одним из самых прибыльных сегментов теневой экономики г. Иркутска. Близкое расположение границы, наличие собственной таможни и криминальные наклонности некоторых чиновников сделали город одним из важнейших транзитных узлов наркотрафика начала XX в.

Также немаловажным выступал рынок поддельных документов. По закону рынка спрос порождает предложение, а так как город был наводнен беглыми ссыльными и преступниками, то спрос на поддельные документы только возрастал, обеспечивая местных специалистов по подложным документам «работой». Фальшивые паспорта были самым распространенным «товаром» на теневом рынке Иркутска [5, с. 141]. Дознательством этого может послужить то, что почти при каждом аресте преступников обнаруживались от одного до нескольких поддельных паспортов [13].

Вторым сегментом черного рынка в г. Иркутске являлась досуговая сфера, в нее входили игровые карточные притоны и проституция.

Азартные игры регламентировала третья глава XIV тома Устава о предупреждении и пресечении преступлений «о запрещенных играх». Закон различал игры коммерческие и азартные, и если первые были разрешены как средство семейного и дружеского досуга, то вторые были под строгим запретом. Непосредственно в самом г. Иркутске карточная игра была распространена с начала XIX в. Об этом свидетельствуют хроники Сибирского архива, содержащие информацию о продаже игральных карт за 1812 г.: «в декабре 1812 г. в Иркутске было

продано 136 колод, в другие месяцы — значительно меньше, например, в августе 30 колод. Но с течением времени карточная игра росла. В августе 1813 г. было продано 95 игр, а в декабре 258» [6]. К концу XIX в. карточная игра была так распространена, что не представляется возможным подсчитать количество проданных колод и мест, где проводилась игра. Другими словами, азартные игры были одними из распространенных форм досуга в городе. В законной их области они не представляли противозаконной деятельности, а вот когда игры устраивали не ради удовольствия, а ради выигрыша, они превращались в уголовно-наказуемое деяние. Открывались подпольные игорные дома, где посетители могли найти игроков по интересу и выиграть или проиграть значительные суммы, хоть за это и можно было получить наказание. Так же организовавшиеся «казино» притягивали к себе жуликов и мошенников всех мастей — от шулеров до банальных грабителей. Другими словами, там, где был азарт, организованная преступность находила новые статьи преступного дохода, например, помощь в «выколачивании» карточных долгов, ссуды денег на игру с последующим «выбиванием» долгов, продажа контрафактного алкоголя и прочие сопутствующие «услуги». Организаторы так же взымали «комиссионные» сборы за проведения игр, о чем свидетельствуют криминальные хроники г. Иркутск: «9 сентября 1913 г. во 2-м Общественном собрании организованы азартные игры в «банчек» и «шендефер». Организуют карточную игру не имеющие определенных занятий Вольский, Духновский и Чеботаревский. За каждую игру собрание получает с играющих по 27 р. Для предупреждения игроков на случай появления полиции исползуется специальная сигнализация» [13, с. 273].

Вторая часть досугового сегмента теневого рынка г. Иркутска — нелегальная проституция. Собственно проституция в городе была и в легальном виде — наличествовали официальные дома терпимости, представляющие собой обычные зарегистрированные предприятия, в которых гарантировалась относительная безопасность проституток, проводились профилактические медицинские осмотры работниц досуговой сферы, и гарантировалась безопасность самих «клиентов». Подгорная, а позже, в начале XX в., Сарайная ул. были пристанищем официальных домов терпимости Иркутска. На 1889 г. в г. Иркутск их было восемь [11]. Эту часть сферы контролировали местные власти и обеспечивали ее безопасность. В 1899 г. в Иркутске уже существовало 10 домов терпимости (в них проживало 173 женщины) и 63 проститутки-одиночки. В 1914 г. на совещании врачебно-полицейского комитета было указано, что в «местных домах терпимости зарегистрировано 33 проститутки, число же одиночек составляет несколько сот» [9, с. 46]. А часть нелегальной проституции безраздельно принадлежала теневой экономике города, подчиненной разнообразным преступ-

ным группировкам. И криминальное проявление было даже не столько в том, что данный сегмент рынка контролировался не властями, сколько в смежных преступлениях, возникавших на почве проституции. Ведь скрывая свое место жительства, что было аргументировано личной безопасностью проститутки и возможностью избежания изъятия паспорта с заменой его на желтый билет, проститутка была вынуждена искать пристанище «для работы», которыми, зачастую, становились разнообразные питейные заведения, где устраивались тайные комнаты [12]. «Матрешинская, Троицкая, Малая Блиновская, Амурская, сенной базар, улицы Глазкова в разные годы изобиловали портерными, фруктовыми, квасными и чайными, в которых процветали тайные притоны» [11]. Зачастую посетителей данных тайных заведений опаивали и грабили, а иногда и убивали. Также, из-за отсутствия какого-либо контроля, нелегальные дома терпимости становились рассадником венерических заболеваний. Во время одной облавы в глазковских квасных оказалось, что из 22 задержанных проституток 18 были заражены [11]. И все это контролировали мелкие преступные группировки во главе с содержателями этих питейных заведений, или это было побочным доходом более крупной преступной организации.

«Черный рынок» — это, в первую очередь, люди, которые преступают закон, реализуя или приобретая запрещенные товары или услуги, и, естественно, организация нелегальных связей между преступниками и преступными группами на разных уровнях — от потребителя до административного аппарата, с чьего согласия ведется противозаконная деятельность. С одной стороны, рынок нелегальных товаров и услуг в г. Иркутск можно назвать разрозненной деятельностью отдельных преступников, с другой — организованной системой связей и знакомств, позволяющих вести незаконную деятельность и находить «товар» на самого притязательного заказчика. Поэтому черный рынок г. Иркутска в начале XX в. представлял собой разрозненные единичные случаи оборота незаконного товара или услуг, опутанные незримыми нитями общих знакомств, связей, взяток и доносов. И благодаря консолидации одиночных преступников в организованные группировки нелегальный рынок приобрел масштабы едва ли уступающие уровню официальной торговли. Основываясь на вышеописанном, можно смело утверждать, что черный рынок г. Иркутска в начале XX в. занимал значительное место в экономическом развитии города.

Список использованной литературы и источников

1. Большой экономический словарь / авт. сост. А. Б. Борисов. — М.: Кн. мир, 1999. — 895 с.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. 600 (Иркутское губернское жандармское управление, г. Иркутск (1867–1917 гг.)). — Оп. 1. — Д. 692.

3. ГАИО. — Ф. 600 (Иркутское губернское жандармское управление, г. Иркутск (1867–1917 гг.)). — Оп.1. — Д. 884.

4. Гуров К. А. Криминал как часть жизни города Иркутска в конце XIX — начале XX вв. / К. А. Гуров // Исторические исследования: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). — Казань : Молодой ученый, 2016. — С. 53–54.

5. Гуров К. А. Фальшивомонетничество как криминальная составляющая жизни города Иркутска в конце XIX — начале XX вв. / К. А. Гуров // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы Всеросс. науч.-теорет. конф., 22 апреля 2015 г. [Посвящ. памяти профессора В.И. Дулова] / ред. Л. В. Занданова. — Иркутск : Изд-во Оттиск, 2015. — С. 138–145.

6. Карточная игра в Восточной Сибири // Сибирский архив. — 1911. — № 1. — С. 203.

7. Латов Ю. В. Теневая экономика / С. Н. Ковалев, Ю. В. Латов. — М. : Норма, 2006. — 336 с.

8. Ламцов М. «Капитанский гашиш»: На сбыте наркотиков все чаще попадают милиционеры [Электронный ресурс] / М. Ламцов // Нет наркотикам: информационно-публицистический ресурс. 2001. — Режим доступа : http://www.narkotiki.ru/5_5918.htm.

9. Левин И. К вопросу о мерах борьбы с сифилисом в Иркутске / И. Левин // Русский журнал кожных и венерических болезней. — 1902. — № 11. — С. 46.

10. Неклюдова А. В. Иркутская таможня во второй половине XIX — начале XX вв. / А. В. Неклюдова // Гуманитарные науки в Сибири. — 2011. — № 2. — С. 88–89.

11. Переломова Ю. «20 % водки, 30 % пива и 50 % сифилиса» Значные места старого Иркутска [Электронный ресурс] / Ю. Переломова // Восточно-Сибирская правда. — 2016. — 19 апр. — Режим доступа : <http://www.vsp.ru/social>.

12. Проституция и публичные дома в царской России [Электронный ресурс] // Scisne? — о науке, философии, религии и общественной жизни через призму скептического восприятия. — Режим доступа : <http://scisne.net/a-280>.

13. Сысоев А. А. Криминальные хроники Иркутска: хронологический перечень / А. А. Сысоев. — Иркутск : Оттиск, 2013. — 352 с.

14. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. — СПб. : В Типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. — 898 с.

15. Шестаков А. В. Теневая экономика / А. В. Шестаков. — М. : Дашков и Ко, 2000. — 151 с.

Информация об авторе

Гуров Константин Александрович — аспирант, кафедра истории и методики, Иркутский государственный университет (Педагогический институт), 664003, г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9, e-mail: love_family@bk.ru.

Author

Konstantin A. Gurov — Ph.D. Student, Department of History and Methodology, Irkutsk State University (Pedagogical Institute), 9 Sukhe-Bator St., Irkutsk, 664003, e-mail: love_family@bk.ru.

УДК 343
ББК 63.3(2)

С.Л. КУРАС

**ПРОБЛЕМЫ СНАБЖЕНИЯ ГУБЕРНСКИХ
ТЮРЕМНЫХ ВЕДОМСТВ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ
(вторая половина XIX века)**

Статья посвящена вопросам регулирования закупок необходимых для строительства и ремонта тюрем, довольствия и обеспечения губернских тюремных инспекций дореволюционной России. Особое внимание посвящено проблемам отсутствия четкой регламентации и единообразного порядка осуществления заказов. Также рассматриваются проблемы недостаточного финансирования и контроля за тратой средств на содержание осужденных в Сибири.

Ключевые слова: тюрьма, закупки, власть, осужденные.

S.L. KURAS

**PROBLEMS OF SUPPLY OF PROVINCIAL PRISON
DEPARTMENTS OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA
(in the second half of the XIX century)**

Article is devoted to issues of regulation procurement required for the construction and repair of prisons, allowances and security provincial prison inspection of pre-revolutionary Russia. The special attention is devoted to the problems of the deficiency of distinct regulation and uniform procedure for orders. Also problems of insufficient financing and monitoring expenditure on the alimentionation of convicts in Siberia are considered.

Keywords: prison, procurements, authority, convicts.

На сегодняшний день все государственные учреждения России осуществляют процесс снабжения своих ведомств через централизованную систему государственных закупок. Система развития государственного заказа, активно реализуется в современной России уже более десяти лет. Она появилась в 2005 г. с момента принятия Закона «О размещении заказов на поставку и выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд». Основными задачами ФЗ-№ 94 являлись:

- установление единого порядка размещения заказов, повышение эффективности использования средств бюджетного и внебюджетного финансирования;
- расширение возможностей для участия физических и юридических лиц в размещении заказов и стимулирование такого участия;
- развитие добросовестной конкуренции;

- совершенствование деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления в сфере размещения заказов;
- обеспечение гласности и прозрачности размещения заказов, предотвращение коррупции и других злоупотреблений в сфере размещения заказов.

Однако, данный закон в своей первоначальной редакции имел существенные недостатки. Во-первых, практически не регламентировался процесс исполнения заключенных контрактов. Во-вторых, можно отметить низкий уровень контроля за эффективностью расходования бюджетных средств. Поэтому последующие изменения № 94-ФЗ были направлены на устранение вышеназванных недочетов и совершенствование отдельных процедур. Принятый в 2010 г. № 83-ФЗ существенным образом расширил возможности использования интернет-ресурсов для системы заказов, установил централизованную систему официальных площадок для заказов, а также максимально расширил возможности использования системы электронного документооборота. Дальнейшее развитие регламентации системы государственных закупок связано с вступлением в 2014 г. нового закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Основной идеей принятия нового закона являлась четкая регламентация всего закупочного процесса, а также усиления роли аудита и контроля за всеми этапами закупок. Основной упор был сделан на обеспечение гласности и прозрачности закупок для предотвращения злоупотреблений и коррупционных действий этой сфере.

В дореволюционный же период, в связи с отсутствием специального законодательства не удавалось унифицировать и сделать систему закупок прозрачной, а также соблюсти принципы конкуренции и поэтапного контроля.

Как отмечается в современных исследованиях, отдельные аспекты централизованных закупок появились в стране уже в XVIII столетии. Именно тогда, как отмечают ученые, появились указы царя Алексея Михайловича, в которых усматривались главные принципы государственного заказа — публичность, объявленные заранее условия, поиск исполнителей. Однако, на протяжении нескольких веков это были лишь фрагментарные нормативы. При этом централизованной системы закупки необходимого оборудования, мундиров, канцелярских книг и других значимых для государственных ведомств вещей, не было.

С проблемой отсутствия четкой регламентации и механизма реализации централизованного процесса закупок столкнулись все ведомства пореформенной России: в том числе судебное. Так, можно отметить, на наш взгляд, необоснованно частое использование института перевода судей в другую местность, что также могло стать основой для возможных злоупотреблений бюджетных средств [5, с. 59]. Тюремное ведом-

ство не исключение в этом процессе, здесь тоже было много лазеек для противозаконных действий с системой снабжения.

После образования в 1879 г. Главного тюремного управления (ГТУ) в составе МВД основными его задачами стали: контролировать и быть распорядительной инстанцией для всех местных тюремных ведомств. В этот период МВД создает блок нормативов, усиливающих контроль за деятельностью тюремных ведомств во всех губерниях. Усиление этих полномочий происходило как за текущей деятельностью губернских тюрем, так по поводу заполнения отчетов о расходовании бюджетных средств всех уровней. В последней трети XIX в. ГТУ создает формуляры в виде объемных таблиц, в которые губернским тюремным инспекциям необходимо было подробно указывать статьи прихода и расходов на осужденных. При этом если осужденный сбежал, то сразу должен был быть снят с довольствия и деньги должны были быть возвращены в казну. Причем делопроизводителям предписывалось в таблицах стоимость возврата за одежду и еду формировать разными графами, чтобы не создавать неразбериху в отчетности.

С одной стороны, мы встречаем такую подробную регламентацию трат и системы отчетности, а с другой стороны, например, в Управлении Нерчинской каторгой было выявлено несоответствие планируемой сметы закупочной цены крупы и муки и расходной части. Так, в одном из тюремных управлений в расходной части цена крупы значилась 1 р. 80 к. и муки 1 р. 55 к., а смета изначально предусматривал цены 1 р. 88 к. и 1 р. 63 к. соответственно. В связи с неизрасходованием части бюджетных средств Управление предлагает тюремным смотрителям «в следующие месяцы выровнять при расходах этих припасов и затраты» [1, л. 2].

Получается, что попытка тюремных смотрителей сэкономить бюджетные средства не увенчалась успехом и все деньги должны быть «успешно освоены» согласно плану. Таким образом, само вышестоящее руководство способствовало казнокрадству в тюремном ведомстве.

Большая степень надзора за потраченными деньгами просматривается при выделении средств МВД для специальных сыских секретных частей, осуществляющих работу по выявлению политически неблагонадежного элемента, осужденных в ссылку, а также бежавших из мест предварительного заключения или лишения свободы. Сотрудники сыских служб сначала тратили свои денежные средства на непредвиденные расходы в командировках, а уже после составления подробного отчета ГТУ возмещало затраты. Все расходы по фотографированию преступников и отправке срочных телеграмм, с информацией о найденных беглых заключенных или об их антигосударственной преступной деятельности, компенсировались из государственной казны. При этом из сыских частей в МВД и ГТУ поступали подробные отчеты о потраченных агентами суммах. К документам прикреплялись сами тексты телеграмм и чеки из центров фотографии, находившихся в городах. Необходимо отметить

значимость сложившейся в пореформенный период системе документов: ведь и по сей день к отчетам государственных служащих о потраченных деньгах прилагается документ, доказывающий эти затраты.

В целом стоимость фотографических услуг в салонах разных губерний отличалась. Это с одной стороны может указывать на небольшое количество таких контор и вследствие отсутствия конкуренции — монополизма цен, а с другой, это могло давать основу мошенническим схемам с бюджетными средствами.

Такая четкая регламентация и контроль за потраченными деньгами была не по всем направлениям снабжения. Значимую часть расходов на тюремные нововведения, направленные на устройство тюремных зданий, ложились на плечи губерний. Поэтому часть контрольных полномочий была закреплена за губернаторами. В их сферу ответственности входило решение вопросов самого устройства тюремных замков, а также ведение делопроизводства. Зачастую нововведения касались не непосредственно тюрем, а строительного отделения губернии. Последние, среди прочего, руководили строительством и ремонтом зданий тюрем. Для них ГТУ разработало единые чертежи тюремных зданий с учетом новых требований тюремной реформы. При этом губернаторам предписывалось за счет средств местного бюджета приобрести как минимум один экземпляр особого альбома с образцами чертежей тюрем на 50 листах. Предполагалось для удобства работы строительных отделений выпустить большой формат альбома, однако при этом росла и его стоимость — порядка 20 р. за экземпляр [3, д. 8, л. 15].

Сумма для губернской казны была достаточно существенна, должна была быть вычтена из губернских расходов на канцелярию.

Неоднократно губернские власти ходатайствовали об уменьшении бремени расходов по тюремному ведомству, лежащих на местных бюджеты, однако, в целом ситуация распределения полномочий и статей расходов не менялась. Расходы губерний состояли из: затрат на содержание, ремонт, отопление и освещение всех зданий города (в том числе и тюрем) [4, с. 186], довольствие войск, врачебное дело. В 1880 г. Главное управление Западной Сибири отправляло в МВД запросы с несколькими просьбами:

1. Переложить расходы по содержанию Томской полиции на государственный бюджет, так как местный бюджет затрачивает более 159 тыс. р. в год на тюремное оснащение.

2. Увеличить штат местной полиции, вследствие роста численности ссыльного и преступного элемента, поступающего в регион, а также для поиска беглых арестантов.

Центральная власть отказала в удовлетворении обеих просьб, сославшись на тот факт, что формально Томск не входил в перечень особых городов и не мог требовать увеличения ассигнований.

В целом, можно отметить, что существовала проблема контроля за целевым использованием денежных средств центральных органов власти там, где полномочия ГТУ и губернаторов пересекались. Губернаторы стремились снизить статьи затрат. Тюремная реформа была направлена в том числе и на снижения бремени затрат на губернии, однако полностью не была воплощена. В ряду реформаторских нововведений первого руководителя ГТУ М.Н. Галкина-Враского была работа с совершенствованием навыков стрельбы у тюремных надзирателей. Для этого он предлагал ежегодно выделять из бюджета МВД, отведенной для тюремной части определенной суммы, с целью закупки боеприпасов и ремонта мишеней [3, д. 8, л. 14].

При этом расчет производился индивидуально для каждой губернии, в зависимости от сложности поставленных задач и численности надзирателей. Губернаторам же в этом процессе отводилась роль распределительной инстанции. То есть в рамках губернии делить выданные МВД ассигнования по тюрьмам должны были губернаторы. Таким образом, расширялись полномочия местных властей и отсутствовал строгий контроль за распределением средств. Тем самым порождая элементы казнокрадства в системе.

При проведении тюремной реформы ГТУ стремилось оптимизировать снабжение для местных тюрем. Управление собирало и особые совещания по вопросам образовавшейся задолженности ГТУ перед конвойными командами. В архивных делах ведомства сохранилась программа вопросов, которые рассматривались на особом совещании, посвященном долгам ведомства. Там среди прочего выяснялись причины и размеры задолженности, обсуждались возможности сокращения расходов на команды, определялся коэффициент прироста арестантов в 1903 г. по сравнению с 1902 г. Приводилась подробная статейная смета установленного плана и реального расхода. Так по статье «содержание тюремных помещений в чистоте» было запланировано потратить 210 000 р., а израсходовано 219 699 р., по другим направлениям в связи с увеличением численности арестантов затраты бюджета на их одежду и обувь с планируемых 1 150 000 р. увеличился до 1 227 000 р. [3, д. 11, л. 1].

Таким образом, вследствие возникающих расхождений в планировании и реальных расходах, ГТУ было принято решение на следующие годы пересмотреть действующие сметы и перераспределить статьи расходов.

Оптимизация снабжения касалась и вопросов довольствия служащих, и обеспечения мундирами тюремных надзирателей. ГТУ в своих предписаниях неоднократно указывало губернаторам максимально однообразно по всем губерниям рассматривать ценовой ряд и осуществлять закупки ткани и фурнитуры для шитья мундиров. Даже предписывалось заполнять специальные подробные формуляры, в которых

содержались предельные границы стоимости всех элементов одежды чиновников. Однако, несмотря на подробные отчеты, стоимость пошивочного материала и фурнитуры во всех губерниях значительно различалась. Что сами чиновники объясняли центральной власти дальностью отдельных губерний, отсутствием достаточного количества ателье и как следствие конкуренции и завышения цен поставщиками услуг. Такая же ситуация и «разбег» цен между губерниями существовал и в отношении шитья одежды для осужденных. Так, в 1882 г. между губерниями затраты на одежду одного осужденного варьировались от 12 до 25 р. [2, л. 2].

Тем самым можно отметить, что в отсутствие добросовестной конкуренции, открытости системы заказов тюремного ведомства, возможности мошенничества в сфере закупок были легкодоступны. Сама деятельность тюремного ведомства и система хозяйствования в то время не могла быть открытой, в силу специфики охранительных и карательных поставленных перед ними задач. Именно поэтому ГТУ находилось в сложной ситуации: с одной стороны в вопросах снабжения тюрем необходимо было контролировать все процедуры закупки, а с другой, чрезмерная регламентация этого процесса мешала проводимым в стране демократическим преобразованиям. Тем не менее, вторая половина XIX в. и период реформирования тюрьмы сформировали для современных правоохранительных органов основу документооборота, а также систему отчетности, которая до сих пор используется ведомствами, только уже с использованием новых технических средств.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. 29. — Оп. 5. — Д. 2.
2. ГАРФ. — Ф. 102. — Оп. 2. — Д. 19.
3. ГАРФ. — Ф. 122. — Оп. 15.
4. Кальмина Л. В. Верхнеудинская тюрьма в структуре городских расходов в последней трети XIX в. / Л. В. Кальмина // Сибирская ссылка : сб. науч. ст. — Иркутск : Оттиск, 2017. — С. 185–195.
5. Курас Т. Л. Кадровая политика самодержавия в судебных палатах Российской империи / Т. Л. Курас // Гуманитарный вектор. — 2011. — № 3 (27). — С. 57–61.

Информация об авторе

Курас Софья Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра таможенного дела и правоведения, Иркутский государственный университет путей сообщения, 664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, e-mail kuras@list.ru.

Author

Sofia L. Kuras — Ph.D. in History, Associate Professor, Irkutsk State University of Railroad Transport, 15 Chernyshevsky St., Irkutsk, 664074, e-mail kuras@list.ru.

УДК 332.3(571.53(09)
ББК 65.281(253.5)г

А.М. КУРЫШОВ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ БУРЯТ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Рассматриваются экономические предпосылки реформы землепользования бурят Иркутской губернии на рубеже XIX–XX вв. на основе, главным образом, данных подворной переписи 1887–1889 гг. (площадь пашни и площадь удобных земель на душу населения, данные об аренде земли). Делается вывод о земледельческом характере хозяйства большинства территориальных групп западных бурят и о наличии у бурят значительного количества фактически неиспользуемых земель.

Ключевые слова: буряты, Иркутская губерния, традиционное хозяйство, история землепользования.

A.M. KURYSHOV

ECONOMIC PREREQUISITES OF BURYAT LAND USE REFORM IN IRKUTSK PROVINCE IN THE END OF XIX — BEGINNING OF XX CENTURY

The article considers economic prerequisites of Buryat land use reform in Irkutsk province in the of XIX — beginning of XX century on the ground of 1887–1889 census of households (tillage area, tillable land area per capita, lease of land data). The author comes to the conclusion that most of the West Buryat territorial groups had agricultural type of farming and formidable amount of unused land.

Keywords: Buryat people, Irkutsk province, traditional farming, land use history.

Оптимизация землепользования коренного сибирского населения Сибири (оседлого и «кочевого») в конце XIX — начале XX в. являлась составной частью широкомасштабной реформы землепользования крестьян Сибири, которая, в свою очередь, осуществлялась, прежде всего, в интересах колонизационной политики царского правительства, активизировавшейся в связи с обострением земельного вопроса в Европейской России (проще говоря, властям нужно было освободить земли для переселенцев). В этом контексте в историографии ограничение землепользования коренного населения Сибири принято оценивать негативно, — «инородцы», якобы, потеряли возможность пользования значительным количеством земли, что отрицательно сказалось на развитии

их хозяйства и даже косвенно способствовало их «вымиранию». Такая точка зрения корнями своими уходит еще в оценку реформы землепользования социал-демократами начала XX столетия, по умолчанию видевшими в любых действиях правительства антинародную составляющую, а затем она была по понятным причинам подхвачена советской историографией. В наше время эта позиция популярна у историков — представителей региональных научных школ, ратующих за возрождение национальной самобытности «коренных народов». Например, утверждается, что один из крупнейших народов Сибири — буряты — в результате реформы «были вынуждены перейти на оседлый образ жизни, отказаться от периодических кочевков, все интенсивнее заниматься земледелием» [1, с. 25]. Попробуем выяснить, а были ли объективные хозяйственные предпосылки реформирования системы землепользования коренного населения Сибири, вылившегося в сокращение земельных угодий «иностранцев», на примере иркутских бурят, ранее своих восточных собратьев испытывавшие действие реформы.

Для Иркутской губернии вопрос земельного передела стоял наиболее остро, поскольку неизбежно сталкивался с проблемой традиционного землепользования бурят (представители других народов Иркутской губернии — эвенки, карагасы (тофы) и якуты — не занимались земледелием и, соответственно, их земли не подвергались землеустройству). Буряты занимали огромные пространства, удобные для земледелия. Поземельное устройство Восточной Сибири определялось Законом 24 мая 1896 г. и Дополнительными правилами 4 июля 1898 г. Основным содержанием земельной реформы являлось ограничение земель, находящихся в пользовании, 15 десятинами на душу, независимо от сословной принадлежности. Однако «иностранцы» при этом получили ряд привилегий. «Во 1-х иностранцам было предоставлено получить все их существующее пользование с условием доприселения на излишки сверх 15-ти дес. на душу новых членов общества, а при несогласии на доприселение — по собственному выбору получить по 15 дес. на душу. Во 2-х отводится по 3 десятины на душу леса, в 3-х — принимая во внимание, что скотоводство у них все еще значительнее крестьянского, для них оставлены во временное пользование выгонные степи... по 15 десятин на душу сверх основных наделов с имеющимися на них летниками» [3, оп. 3, д. 33, л. 2]. Кроме того, «иностранцы» имели возможность выбора удобных земель. В ряде случаев указанная норма в 15 десятин могла быть увеличена. И, тем не менее, хотя в 1896 г. начала проводится только подготовительная работа (топографическая съемка местности), в Иркутской губернии реформа столкнулась с сопротивлением бурятского населения, проживающего на территориях четырех из пяти округов (Иркутский, Балаганский, Верхоленинский, Нижнеудинский). В результате землеустроительные работы были приостановлены. Основным аргу-

ментом в этом вопросе выступало то обстоятельство, что неизбежным следствием ограничения землепользования должна была стать ломка всего хозяйственного уклада бурят, связанная с переходом от кочевого образа жизни к оседлому, поскольку традиционное скотоводческое хозяйство не могло быть обеспечено 15-десятичной нормой. Возобновились землеустроительные работы лишь в 1906 г. в связи с началом реформы П.А. Столыпина. Реформа землеустройства вызвала неоднозначные отклики, особенно после возобновления работ в 1906 г., — от призывов к скорейшему ее завершению [5, с. 54] до корректных утверждений о том, что в реформе «более всего отражается влияние русской культуры на бурятское население, которое переживает теперь наиболее интересный момент в своей истории — момент перехода от скотоводческого хозяйства к земледельческому» [2, с. 279], но «воздействие это... до сих пор не было особенно благоприятно для бурят» [Там же, с. 281]. И сторонники, и противники реформы сходились в одном — неприемлемости применения традиционных бюрократических методов, далеких от реальной жизни и не учитывающих особенностей быта местного населения. Но имелись ли у правительства принципиальные основания для начала реформы у бурят?

Факт существования у бурят Иркутской губернии развитого земледелия на рубеже XIX–XX вв. не подлежит сомнению. Еще в XIX в. земледелие у ряда групп прибайкальских бурят постепенно вытесняет скотоводство. Причем масштабы этого процесса были столь значительны, что вызывали беспокойство властей за будущее животноводства в крае. В документе, относящемся к 1812 г., найденном в начале XX в. в одной из волостей Верхоленского уезда и опубликованном в журнале «Сибирский архив», говорится: «Губернское правительство между прочим усмотрело, что, при маловажном земледелии у большей части братских скотоводство их год от году приходит до того в упадок, что можно считать его ничего не значащим. Известно, что здесь в прежние времена, когда братские совсем или очень мало занимались хлебопашеством, скотоводство было в возможно цветущем состоянии. По сему судя, полагать должно, что распространение земледелия у братских есть причина упадка скотоводства, ибо вместо того, что сие новое занятие должно бы сделать их трудолюбивейшими, они напротив, получая нужное содержание от хлебопашества, стали нерадивейшими к скотоводству» [7, с. 170].

В начале XIX в. еще не стоял вопрос о перераспределении земель инородцев, поэтому озабоченность чиновников распространением у бурят земледелия в ущерб скотоводству кажется достаточно искренней. С течением времени хлебопашество становится основным занятием для многих бурят. По данным местной подворной переписи 1887–1889 гг., предпринятой в интересах исследования сельских районов губернии в преддверии грядущей реформы, в Иркутском, Балаганском и Нижне-

удинском округах площадь пашни по отношению ко всей «удобной» земле среди русских волостей варьируется от 8,0 до 37,9 %, среди бурятских ведомств — от 2,8 до 30,8 % [9, с. 39]. В Верхоленском округе среди ведомств этот показатель колеблется в пределах 4,7–31,5 % при среднем значении 15,2 % в волостях [11, с. 67]. Исследователи отмечают, что в целом, в сравнении с территориями, населенными преимущественно русскими, «инородческие земли отличаются сравнительно меньшим развитием площадей усадьбы и пашни и значительно большим — покосов», что косвенно может свидетельствовать о еще значительной роли скотоводства в бурятском хозяйстве [9, с. 38]. Однако, показатель площади пашни к площади всей удобной земли, будучи показателем количественным, не может являться главным признаком, характеризующий уровень развития земледелия. Например, упомянутая минимальная величина для бурятских ведомств (2,8 %) относится к единственному в Нижнеудинском уезде ведомству (Нижнеудинская земляца), население которого давно перешло к оседлому образу жизни, имело статус оседлых, а не кочевых инородцев и занималось почти исключительно земледелием.

Малая величина площади пашни к площади удобной земли здесь объясняется тем, что в пользовании нижеудинских бурят находились огромные лесные пространства, также включаемые в разряд «удобных земель». Поэтому гораздо более важным показателем представляется величина площади пашни, приходящейся на человека. В нашем распоряжении есть данные подворной переписи о площади пашни на приписную душу у инородцев. Эта величина составляла: в Иркутском округе — 3,1, в Балаганском — 5,5, в Нижнеудинском — 3,5, в Верхоленском — 4,0 десятины [8, с. 106; 11, с. 91]. Разумеется, что это лишь средние цифры, они значительно разнятся по отдельным бурятским ведомствам и русским волостям. Значительную роль в этом вопросе играет географическое положение. Значение земледелия для бурятского населения может быть проиллюстрировано табл. 1 [9, приложение IV, с. 43; 11, с. 91].

Таблица 1

**Площадь пашни (с залежами) на приписную душу
в бурятских ведомствах Иркутской губернии
по результатам местного исследования 1887–1889 гг.**

Ведомства	Десятин
Иркутский округ	
Кудинское	3,8
Капсальское	4,3
Китойское	4,2
Тункинское	1,9
<i>Средний показатель по округу по ведомствам</i>	3,1
<i>Средний показатель по округу по русским волостям</i>	3,4

Окончание табл. 1

Ведомства	Десятин
Балаганский округ	
Молькинское	4,4
Улейское	5,8
Бильчирское	5,7
Укырское	9,5
Боханское	7,5
Балаганское	4,0
Аларское	6,2
<i>Средний показатель по округу по ведомствам</i>	5,5
<i>Средний показатель по округу по русским волостям</i>	4,7
Нижнеудинский округ	
Нижнеудинская землица	3,5
<i>Средний показатель по округу по ведомствам</i>	3,5
<i>Средний показатель по округу по русским волостям</i>	4,7
Верхотенский округ	
Верхне-Кудинское	2,8
Баендаевское	4,3
Хоготовское	4,6
Куленгское	3,2
Ленское	4,7
Ангинское	4,4
Ольхонское	нет данных
<i>Средний показатель по округу по ведомствам</i>	4,0
<i>Средний показатель по округу по русским волостям</i>	3,1
Средний показатель по губернии по ведомствам	4,0
Средний показатель по губернии по русским волостям	4,0
Средний показатель по губернии	4,0

Как видим, наряду с районами животноводческими (например, Тункинская долина), существовали ведомства исключительно земледельческие. Так, в Боханском и Укырском ведомствах Балаганского округа «почти все население занято земледелием» [3, оп. 1, д. 378, л. 7], площадь пашни здесь составляла 7,5 и 9,5 десятин на приписную душу соответственно (последнее значение — наибольшее в губернии). В трех ведомствах из четырех Иркутского округа этот показатель превосходил среднюю величину по крестьянским волостям того же округа. В целом, величины площади похотных земель, находящихся в пользовании инородцев и русских крестьян, вполне сопоставимы. Однако и показатель площади пашни на приписную душу не отражает реального положения дел, поскольку, во-первых, количество приписного и наличного населения различно, во-вторых, в состав пашни входят как запашка («мягкая пашня»), непосредственно обрабатываемая, так и залежи. Поэтому представляется необходимым проанализировать данные о площади запашки, которые представлены в табл. 2 [10, с. 92–93; 11, Поселенные таблицы, с. 62, 67, 72, 77].

Таблица 2

**Площадь мягкой пашни на наличную душу (обоего пола)
в бурятских ведомствах Иркутской губернии
по результатам местного исследования 1887–1889 гг.**

Ведомства	Десятин
Иркутский округ	
Кудинское	1,76
Капсальское	2,13
Китойское	1,98
Тункинское	1,01
<i>Средний показатель по округу по ведомствам</i>	1,72
<i>Средний показатель по округу по русским волостям</i>	1,81
Балаганский округ	
Молькинское	2,03
Улейское	2,78
Бильчирское	2,66
Укырское	3,91
Боханское	3,54
Балаганское	2,99
Аларское	2,78
<i>Средний показатель по округу по ведомствам</i>	2,96
<i>Средний показатель по округу по русским волостям</i>	2,33
Нижнеудинский округ	
Нижнеудинская земляца	1,87
<i>Средний показатель по округу по ведомствам</i>	1,87
<i>Средний показатель по округу по русским волостям</i>	2,21
Верхотенский округ	
Верхне-Кудинское	1,20
Баендаевское	1,72
Хоготовское	1,90
Куленское	1,66
Ленское	2,07
Ангинское	2,23
Ольхонское	нет данных
<i>Средний показатель по округу по ведомствам</i>	1,80
<i>Средний показатель по округу по русским волостям</i>	1,58
Средний показатель по губернии по ведомствам	2,09
Средний показатель по губернии по русским волостям	1,98
Средний показатель по губернии	2,04

Таким образом, площадь запашки в ведомствах в целом по губернии даже выше, чем в волостях. Разумеется, это не говорит о том, что бурятское земледелие было совершеннее крестьянского. Это говорит, скорее о том, что среди крестьян ощущалась нехватка земли. И все же, приходится признать, что уровень развития земледелия у бурят если и уступал таковому у русских, то ненамного. По данным переписи 1897 г., непосредственно перед реформой, 21 491 из 24 377 самостоятельных хозяев-бурят (98 786 человек с членами семей из 108 867), или 88 % (91 % населения),

основным своим занятием называли земледелие, и лишь 6449 человек (около 6 % населения) считали себя скотоводами [12, с. 115].

Интересно, что площадь пашни так называемых «кочевых» инородцев зачастую превосходит таковую у инородцев «оседлых». Так, в уже упоминаемом ведомстве Нижнеудинская земля, она меньше, чем в Ленском ведомстве Верхоленского округа, где «оседлых» почти не было. Куленгское ведомство того же округа также отличается сравнительно низкой величиной площади пашни от соседних ведомств, хотя именно здесь отмечен наибольший процент оседлых инородцев [11, с. 11]. Подобная ситуация наблюдается и в Тункинском ведомстве, где площадь запашки минимальная для ведомств, население занималось преимущественно скотоводством, и, вместе с тем, в этом ведомстве наименьший для Иркутского округа процент кочующих инородцев [8, с. 149]. Но теми же исследователями отмечается, что многие «оседлые» инородцы кочуют так же, как «кочевые» [Там же, с. 150]. Все эти факты указывают на относительность понятий «кочевой» или «оседлый» в условиях Иркутской губернии. Действительно, кочевой образ жизни прибайкальских бурят был мало похож на классическое «номадное» скотоводство забайкальских бурят и монголов. Буряты имели постоянные жилища, скот лишь на период с мая по сентябрь перегонялся на летние пастбища, которые также были постоянными, здесь же располагались летние жилища, так называемые «летники» [4, оп. 1, д. 622, л. 1; 8, с. 137]. Но и такой порядок подвергался постепенному изменению в сторону отказа от периодических кочевок. Так в Нельхайском ведомстве Балаганского уезда к 1900 г. из 30 улусов 13 перестали кочевать и 7 продолжали делать это время от времени [3, оп. 1, д. 7, л. 24]. Количество скота у бурят, довольно значительное в сравнении с русским населением, но недостаточное с точки зрения кочевника, живущего скотоводством, также не может являться свидетельством преобладания скотоводства над земледелием (например, в 1899 г. в Иркутском уезде на душу приходилось 5,1, в Верхоленском — 5,2, в Балаганском — 3,9 головы различного скота) [3, оп. 1, д. 7, л. 10, 17, 20, 24]. Регулярное сенокосение, сравнительно небольшое для «номадного» хозяйства количество скота и постепенный отказ от кочевок роднит бурятское скотоводство с животноводством русских крестьян. Качественный состав скота иркутских бурят также нехарактерен для хозяйства монгольского или забайкальского типов, где «конские табуны преобладали над стадами крупного рогатого скота» [6, с. 5]. В Прибайкалье картина прямо противоположная. В Верхоленском округе, самом «неземледельческом» из округов с бурятским населением, в 1889 г. на одно наличное хозяйство приходилось 2,2 рабочих лошадей и 8 голов КРС (у русских крестьян — 2,4 и 3,5 соответственно) [11, Поселенные таблицы, с. 65, 75]. Такой характер скотоводства облегчал интеграцию традиционного бурятского хозяйства и хозяйства крестьянского, также ориентированного на природные особенности региона.

Иными словами, в конце XIX — начале XX в. в бурятском хозяйстве не просто имели место предпосылки перехода к земледелию, — оно уже было земледельческим, но, вместе с тем, обладало специфическими чертами. Черты эти, связанные, главным образом, со значительной ролью скотоводства, являются не столько «пережитками» традиционного хозяйства, приписываемого кочевникам, сколько оптимальными в данных географических и социальных условиях формами хозяйственной деятельности.

Естественно, что кочевки, хотя незначительные и непостоянные, а также еще сохраняющее свое значение скотоводство требовали определенных условий, в частности — земельных площадей. В конце XIX в. буряты имели в пользовании обширные земли. По качественным характеристикам земля делилась на удобную и неудобную. Удобная земля, в свою очередь, подразделялась на шесть типов угодий: усадебные земли, пашня и земли, удобные для пашни, покосы, скотские выгоны, степь и лес. Площадь этих угодий в крестьянских и инородческих хозяйствах четырех округов Иркутской области показана в табл. 3 [9, Приложение IV, с. 18–20; 11, с. 60–61] (площадь усадеб инородцев, обычно располагавшихся на утугах (удобряемых, а иногда и орошаемых покосах) исследователями как правило включалась в площадь покосов).

Таблица 3

**Площадь удобных земель, находящихся в пользовании крестьян
и инородцев-бурят Иркутской губернии
по результатам исследования 1887–1889 гг.**

Категории населения	Удобных земель в пользовании, дес.					
	усадебная	пашня	покосы	выгоны и степь	лес	итого
Иркутский округ						
Русские крестьяне	5 767,1	109 220,8	46 782,2	40 298,6	329 608,3	531 677,0
«Инородцы»	266,6	69 025,8	60 495,5	78 826,4	191 219,8	399 834,1
Балаганский округ						
Русские крестьяне	4 804,1	171 361,5	58 798,6	87 756,7	331 027,0	653 747,9
«Инородцы»	428,9	187 920,1	140 279,8	267 373,2	604 411,2	1 200 413,2
Нижнеудинский округ						
Русские крестьяне	2 842,6	137 574,1	81 288,6	62 121,6	530 250,4	814 077,3
«Инородцы»	47,5	6 514,4	9 157,0	2 056,3	67 308,5	85 083,7
Верхотенский округ						
Русские крестьяне	3 213,9	50 708,9	29 996,8	22 140,5	251 044,6	357 104,7
«Инородцы»	–	69 576,4	53 261,9	112 761,7	244 237,0	479 837,0
Итого по губернии						
Русские крестьяне	16 627,7	359 644,5	174 762,2	212 317,4	1 441 930,3	2 356 606,9
«Инородцы»	743,0	333 036,7	263 194,2	461 017,6	1 107 176,5	2 165 168,0

Как видим, относительно немногочисленные инородцы пользовались 48 % земельных угодий на территории четырех округов. Исключив леса, составляющие зачастую более половины всех земельных угодий, и сопо-

ставив площадь оставшихся земель с численностью населения, получаем следующие данные: на душу населения у инородцев Иркутского округа приходилось 6,9 дес., Балаганского округа — 11,1 дес., Нижнеудинского округа — 14 дес., Верхоленского округа — 11,7 дес., в среднем по четырем округам — 10,9 десятин. У русских крестьян эти показатели — 3,7 дес., 5,2 дес., 7,2 дес., 3,2 дес. и 4,8 десятин соответственно. Не случайно, что именно инородческие ведомства стали главным объектом земельной реформы, — даже если рассчитать площадь земель крестьян на приписную душу, полученный результат — 9,6 десятин — явно не дотягивает до установленной властями 15-десятинной нормы, тогда как у инородцев эта величина составляет 19,2 дес. Конечно, говоря о явном количественном превосходстве бурятского землепользования над крестьянским, нельзя не учитывать некоторые моменты. Во-первых, разработка земли, ее включение в сферу деятельности человека, на степных пространствах значительно дешевле, чем в таежной зоне. Особенно это справедливо для пахотных земель: «Буряту, обеспеченному мелколесьем и степью, культивируемая земля обходится много дешевле, чем русскому крестьянину, селящемуся в дремучем лесу» [10, с. 6]. Если стоимость расчистки и пахоты одной десятины в тайге доходила до 100 р., то, например, в степном Боханском ведомстве Балаганского округа она составляла 28–39 р. [Там же]. Во-вторых, в степных районах, где обычно и проживали инородцы, низкое качество почв, неглубокий снежный покров (что создавало проблему для посевов озимой ржи) заставляли земледельцев расширять площади посевов. Наконец, в-третьих, значительная роль скотоводства определяла нужду в утугах и выгонах, о чем говорят процентные показатели этих видов угодий по отношению к площади всей удобной земли. Например, в Верхоленском районе выгон у инородцев составлял 23,5 %, тогда как у русских — 6,2 % [11, с. 61]. И, тем не менее, не все земельные площади, состоящие в пользовании, буряты использовали. Об этом красноречиво говорят сведения по сданной в аренду земле.

Во время подворной переписи, как отмечали исследователи, население давало неверные сведения по поводу сданной и арендованной земли: «В сокрытии населением части случаев сдачи — лицам, производившим местные исследования, приходилось убеждаться неоднократно, причем нетрудно было выяснить и мотивы такого сокрытия. Дело в том, что ожидая в результате статистической переписи каких-либо правительственных мероприятий, направленных, между прочим, и к земельному устройству, местное население (особенно — инородческое) остерегалось показать себя богатым земельными угодьями» [9, с. 260]. Сопоставляя данные по аренде и сдаче, исследователи выяснили, что сельские жители сокрыли в Иркутском, Балаганском, Нижнеудинском округах 39 % сданной в аренду пашни и 66 % покосов [9, с. 261], в Верхоленском уезде — 32 % и 53,5 % соответственно [11, с. 125]. Реальная сдача земли в аренду составила по

четырем округам: пашни — 37 622,6 дес. у русских крестьян, 8015,9 дес. у бурят; покосы и утуги — 58 505,5 дес. у русских, 89 112,7 дес. у бурят; общее количество — 96 128,1 десятины у русских, 97 128,6 десятины у бурят.

Как видим, цифры очень близки, причем интересно, что русские сдают в основном пашню, которой им не хватает, а буряты — особо ценные для них, как для скотоводов, покосы. Но дело в том, что арендуют эту землю различные категории населения. Если русские крестьяне сдают землю в основном в своей волости, т.е. земля перераспределяется от более обеспеченных к менее обеспеченным хозяевам, то буряты значительную часть земли сдают на сторону, как правило, в соседние русские волости. В волостях на сторону сдавалось менее 1 % пашни и 32 % покосов от количества земли, сданной в своей волости, в ведомствах эти показатели соответствуют 32 % и 200 % [9, с. 261]. Относительно Иркутского, Балаганского и Нижнеудинского округов известно, что «из 39,9 %, т.е. 66 500 дес. покосов, снимаемых населением волостей вне пределов владения каждой отдельной, 88,7 % приходится на ведомства; в соседних волостях арендуется только 4,7 % ... С другой стороны, из 59 560 дес. (39,6 %), сдаваемых инородческим населением, 98,5 %, т.е. две пятых всех душевых покосов, ими владеемых, сдается в волости и только 1,5 % городским жителям и инородческому же населению» [9, с. 284]. В Балаганском округе у русских крестьян арендованные в бурятских ведомствах покосы составляли 88 % от собственных [9, с. 285]. Буряты единственного в Нижнеудинском уезде ведомства, население которого составляло всего 1270 человек, сдавало в аренду 2929 дес. покосов, причем 2230 из них — русским крестьянам (табл. 4 [11, с. 129, 137]). Естественно, что социальная дифференциация у бурят и их вынуждала арендовать земли, но все же большую часть арендаторов составляли русские крестьяне. Это и не удивительно: переселенцы из других регионов России селились, как правило, на территориях волостей, именно они и формировали спрос на землю — от 68 до 86 % переселенцев (в зависимости от округа) были безземельными [10, с. 5].

Таблица 4

**Средние величины сдачи и аренды покосов и пашни
в Иркутском, Балаганском, Нижнеудинском и Верхоленском округах
Иркутской губернии по результатам исследований 1887–1889 гг.**

Вид угодий		% сдающих хозяйств	% арендующих хозяйств
Покосы	Русские крестьяне	32,9	32,1
	«Инородцы»	56,2	12,3
Пашня	Русские крестьяне	26,7	21,5
	«Инородцы»	9,7	7,0

Интересно, что сдача в аренду покосов осуществлялась, как правило, на один год, тогда как на пашню преобладала долгосрочная аренда. Такое положение дел свидетельствует о том, что покосы имели в местных условиях особую ценность, кроме того, ежегодный пересмотр

условий аренды позволял учитывать рыночную конъюнктуру. Вероятно, сдача покосов в аренду была для инородцев немаловажной статьей доходов. Интересно и то, что позднее, с началом реформы землеустройства, выступающие против реформы буряты, по-видимому, не изменили обычной практике сдачи земли. Так, отмечается, что в 1905 г. инородцы Аларского ведомства (кстати, уполномоченные от этого ведомства подавали прошения о приостановлении работ по землеустройству несколько раз вплоть до 1909 г.) сдали в аренду крестьянам села Голуметь 296,5 дес. пашни и дополнительно сенокос на 32 710 копен, — всего на сумму 2561 р. 50 к. В 1907 г. крестьяне Каратаевского сельского общества арендовали у инородцев Аларского ведомства 188 дес. пашни, 68 дес. залежей, сенокосные угодья на 9055 копен, — всего на сумму 872 р. 70 к. [3, оп. 1, д. 7, л. 207]. По поводу использования сенокоса «Каха» в 30–40 верстах от Ирхедеева рода Аларского ведомства отмечается, что «в течение последних 30-ти лет ни один бурят 1-го Ирхедеева рода не скошил ни одной пяди на этом сенокосе. Осинские крестьяне платят бурятам по 30–50 р. за пользование этим сенокосом» [3, оп. 1, д. 7, л. 182].

Из всех приведенных фактов можно сделать некоторые выводы. Во-первых, земледелие для большинства бурят Иркутской губернии к концу XIX в. являлось основным занятием и средством к существованию. По своим качественным характеристикам оно еще уступало хозяйству русских крестьян, обладало рядом особенностей. Однако эти особенности не могут служить аргументами утверждения о том, что реформа землеустройства преждевременна вследствие неразвитости у бурят земледелия. Безусловно, в Иркутской губернии ощущался недостаток удобных для хозяйственной деятельности земель (учитывая географические особенности), особенно в среде русского крестьянства. Вместе с тем, значительные размеры сдаваемой в аренду «на сторону» состоятельными бурятами земли указывает на возможность земельного передела, если не в пользу переселенцев, то в пользу бурятских бедняков. В земле нуждались в первую очередь крестьяне, а спрос на землю удовлетворялся в значительной степени за счет предложения со стороны соседей-инородцев. В пользовании богатых бурят имелись значительные площади, важные для них с точки зрения получения дохода, но отнюдь не непосредственного использования. Состав земель, сдаваемых инородцами в аренду (а это в основном покосы), не согласуется с тезисом о преимущественно скотоводческой направленности хозяйства бурят Прибайкалья. Имелись ли излишки земли в Иркутской губернии в целом, которые могли использоваться для нужд переселенцев — отдельный вопрос. Но приходится признать, что не все земли, находящиеся в пользовании инородцев, ими использовались по назначению.

Следует иметь в виду и еще одну сторону реформы землеустройства — уравнительное перераспределение земель в пользу беднейших

слов бурятского населения, упорядочивание земельных отношений, юридическое закрепление прав на землю. Все это — те точки соприкосновения «инородцев» и государственной власти, которые делали реформу не только возможной, но и желательной.

Список использованной литературы и источников

1. Богданов Г. Н. Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в XX веке / Г. Н. Богданов // Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в XX веке: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф., 7–8 июня 2001 г. — Иркутск : Изд-во ОАО «Иркутская областная типография № 1», 2002. — С. 23–44.
2. Братский М. Очерк бурятского хозяйства в Балаганском уезде Иркутской губернии / М. Братский // Сибирские вопросы. — 1906. — № 2. — С. 278–288.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. 171 (Заведующий землеустройством и переселением в Иркутской губернии).
4. ГАИО. — Ф. 293 (Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества).
5. Зайцев Д. К аграрному вопросу в Сибири / Д. Зайцев // Сибирские вопросы. — 1906. — № 2. — С. 49–54.
6. Зуляр Ю. А. Основные этапы животноводческого освоения Байкальской Сибири в XX веке / Ю. А. Зуляр // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2003. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2003. — С. 5–17.
7. К истории бурятского хозяйства / Н. И. С. // Сибирский архив. — 1912. — № 3. — С. 170.
8. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Округа Иркутский, Балаганский, Нижнеудинский. — Т. II. — Вып. II. — М., 1890. — 343 с.
9. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Округа Иркутский, Балаганский, Нижнеудинский. — Т. II. — Вып. III. — М., 1890. — 295 с.
10. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Округа Иркутский, Балаганский, Нижнеудинский. — Т. II. — Вып. IV. — М., 1890. — 426 с.
11. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Округ Верхоленский. — Т. II. — Вып. VI. — Иркутск, 1892. — 508 с.
12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. — LXXV : Иркутская губерния. — СПб. : Изд. Центр. статист. комит. МВД, 1904. — 171 с.

Информация об авторе

Курышов Андрей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: history@bgu.ru.

Author

Andrey M. Kuryshov — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of History and International Relations, Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: history@bgu.ru.

УДК 94(571.5)

Е. П. МОЛОНОВА

ББК 63.3(2Р54)

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЩАН УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

На основе архивных источников анализируется материальное положение мещан в уездных городах Забайкалья в пореформенный период.

Ключевые слова: Забайкалье, город, мещане, сословие, материальное положение, род занятий, домовладение.

E. P. MOLONOVA

POST-REFORM TRANSBAIKAL REGION PROVINCIAL TOWNS PETTY BOURGEOIS ECONOMIC ACTIVITIES

The article analyzes the Transbaikal region ueydz towns petty bourgeois financial situation in the post-reform period, data based on archive sources.

Keywords: Transbaikal region, town, petty bourgeois, estate, financial situation, occupation, home ownership.

Для анализа материального положения мещан нами избраны два уездных города Западного Забайкалья — Верхнеудинск и Троицкосавск, в пореформенный период игравшие роль крупных торговых центров. Первый определял «лицо» забайкальской внутренней торговли, второй в силу своего пограничного положения — характер внешней торговли с Китаем и Монголией. Даже после проведения Транссибирской магистрали, сыгравшей поистине разрушительную роль в судьбе Троицкосавска / Кяхты, город окончательно не утратил своего места в приграничной торговле [10, с. 193, 195]. Селенгинск и Баргузин, несмотря на статус уездных городов, более напоминали сельские поселения, хотя и в них мещанство было достаточно многочисленным. Селенгинск, в дореформенное время бывший важным центром русско-китайской караванной торговли, с ее отменой и переносом всех обменных операций в Кяхту утратил свое значение. Статус уездного центра мало сказался и на развитии Баргузина [17, с. 32, 38], находившегося вдалеке от центров деловой жизни региона.

При анализе материального положения мещанства обоих городов мы понимали под ним две его главные составляющие: хозяйственные занятия, обеспечивающие более или менее стабильный доход, и недвижимое имущество. Основной источниковой базой для изучения поставленной проблемы являются посемейные списки, составленные сословными мещанскими органами — Верхнеудинской мещанской управой и Троицкосавским мещанским старостой.

Посемейный список мещан г. Верхнеудинска включает информацию о 256 мещанских семьях. Список, начатый в 1892 г., велся почти

30 лет (последние записи вносились в 1920 г.) и содержал информацию о структуре мещанской семьи, роде деятельности ее членов, уровне их грамотности, судимости (если таковая была), давал характеристику мещанских домов, фиксировал наличие сельскохозяйственных животных и т.д. Формуляр списка не отличался единообразием: в посемейном списке мещан Троицкосавска нет данных по грамотности, домовладению, занятиям, поэтому проанализировать по нему хозяйственную деятельность и домовладение мещан затруднительно. Недостающая информация восполнялась по данным Троицкосавской городской управы.

В 1880 г. в Троицкосавске насчитывалось 3462 человек, принадлежавших к мещанскому сословию, в Верхнеудинске — 1683 человек. По данным Переписи 1897 г., в Троицкосавске жили уже 4204 мещанина (47,8% населения города), в Верхнеудинске — 2561 (31,7 %) [8, с. 304; 17, с. 2–3]. Численность мещан испытывала резкие колебания, причиной чего стала большая сословная мобильность. Ряды мещанства пополняли и купцы, не желавшие выкупать гильдейские свидетельства, и крестьяне, продолжающие и в городе заниматься сельским хозяйством и воспроизводить «сельский» образ жизни [2, л. 3–6, 11, 20, 21; 3, л. 5, 7; 5, л. 6]. В свою очередь, после выкупа торгового свидетельства мещанство пополняло ряды купеческого сословия, в том числе иногороднего, и крестьянства (порой других губерний). Иногда исключение из мещан происходило в связи с переходом на государственную службу или в сословие духовенства. Причисление и исключение из мещан производилось постановлениями Забайкальской казенной палаты по ходатайствам городской мещанской управы. Подобная вертикальная и горизонтальная мобильность могла в короткое время сильно изменить социальную структуру города. Уже через год после проведения переписи населения мещанское сословие Троицкосавска выросло более чем на 700 человек, а Верхнеудинска уменьшилось в 1,4 раза [16, ведом. 8].

С начала XX в. сословные границы окончательно теряют свою четкость, происходит постепенное их размывание. К мещанству начинают приписывать людей, ранее входивших в самостоятельные сословия: инородцев и иностранных подданных [2, д. 1949, л. 6]. Из-за имущественной дифференциации мещан происходит классовое расслоение. Формально состоящие в одном сословии мещане делятся на немногочисленную буржуазию и наемных рабочих, которые пополняют ряды пролетариата.

Род занятий мещан регулировался законом [15, ст. 503–509]. В частности, им была запрещена оптовая торговля, но разрешалась розничная по особым свидетельствам с платой установленной пошлины [11, с. 30]. В исследуемый период сформировался круг основных занятий мещанства: ремесло, сельское хозяйство и промыслы, торговля, работа по найму, извоз. Мещане Верхнеудинска, как правило, сочетали разные способы получения дохода. Практически все мещанские семьи занимались сельским хозяйством, держали лошадей и коров, реже свиней [4, л. 2–256]. Та-

кая структура занятости обуславливалась самой жизнью Верхнеудинска, не утратившего «сельские» черты даже в последней трети XIX в.: основной статьей городских доходов были оброчные сборы с сенокосных и хлебопахотных земель [9, с. 139]. Подобная картина «мещанской» занятости наблюдалась и в других городах [5, с. 59; 1, с. 166; 6, с. 125]. Преобладали: работа по найму, огородничество, торгово-посреднические операции, ремесленная деятельность. Основные ремесла — выделка кож и кузнечное дело. В 1911 г. в Верхнеудинске зарегистрировано восемь кузниц и девять кожевен, принадлежавших мещанам [2, д. 1379, л. 205–207]. Располагались они, как правило, по соседству, на одной улице. Лишь небольшая часть мещан смогла стать хозяевами небольших предприятий: в экономической сфере это кондитерская фабрика, завод по производству бондарок, солода, кваса; в сфере обслуживания — прачечные; в культурной — фотографический павильон, балаган с тремя отделениями [2, д. 1379, л. 15, 183, 191, 229, 236]. Один представитель мещанского сословия владел иконостасной мастерской [2, д. 1379, л. 15].

Многие мещане держали лавки, большинство — мясные. Своей лавочной торговлей они занимали нишу, не занятую купечеством, державшим оптовую и крупную розничную торговлю. Лавочная торговля давала мещанам возможность относительно безбедного существования. Работа по найму включала практически все виды деятельности — от чернорабочего и сельскохозяйственного работника у частных лиц до служащего железной дороги, почтового служащего, делопроизводителя. На последние должности шли грамотные мещане. Согласно посемейным спискам мещан Верхнеудинска 74 % глав мещанских семей были грамотны, что расширяло возможности получения стабильного дохода. Тем не менее, слабое развитие городской промышленности и в целом узкий рынок труда затрудняли поиски заработка в городе, особенно для не имевших профессии. Поэтому многие из верхнеудинских мещан занимались отхожими промыслами.

В отличие от мещан Верхнеудинска, которые держали скот, в Троицкосавске они больше занимались огородничеством, поскольку мясные продукты и молоко привозили монголы и инородцы. В 1899–1900 гг. из 160 мещанских домохозяйств 49 имели огороды [4, л. 3–160]. Торговля среди мещан Троицкосавска не получила распространения: в крупном купеческом городе с интенсивной приграничной торговлей торговое дело было практически монополизировано купечеством, и мещане вынуждены были искать иные способы получения дохода. В основной массе они были артельщиками и состояли в савошных и ширильных артелях, обслуживавших кяхтинскую чайную торговлю. (Савошники принимали чай в Маймачене, проверяли его качество, взвешивали, снимали китайскую упаковку, счищали плесень, сушили; ширильщики зашивали чай в кожу). До 1861 г. в Троицкосавске существовала всего одна артель ширильщи-

ков, насчитывавшая 150 человек, которая впоследствии распалась на 10 артелей [8, с. 334]. Интересно, что при приеме в артель новых членов предпочтение отдавалось мещанам, которые считали это своим наследственным занятием. Лишь изредка в нее допускались казаки и крестьяне.

Мещанское домовладение в пореформенный период регулировалось Законом «О разных родах состояний, и различии прав им присвоенных». В третьем разделе Закона указано, что мещане как городские обыватели имели право на наличие дома, иного строения, места или земли в своем городе [15, ст. 502]. Согласно посемейному списку мещан Верхнеудинска, 73 % имели собственные дома на наследуемой земле, 27 % — на арендованной, как правило, одноэтажные с флигелями и амбарами. Многие хозяйства имели сараи и завозни.

Из зарегистрированных 1326 домов мещанам в городе принадлежало 369 деревянных и пять каменных домов, десять домов имели каменный первый и деревянный второй этажи [2, д. 1949, л. 2–343]. По данным на 1911 г., мещанские дома в Верхнеудинске, как правило, имели флигель, который сдавали в аренду для получения дополнительного дохода. Занятия сельским хозяйством сближали мещан и крестьян и по характеру застройки: 36 % мещанских хозяйств имели стайки или сеновал [4, л. 2–256].

В Троицкосавске в 1899–1900 гг. мещанам принадлежало семь двухэтажных и 153 одноэтажных дома [3, л. 1–160]. (В Иркутске в 1885 г. двухэтажными домами владели 10 % мещан. В отличие от Верхнеудинска, 50 % иркутских мещан жили за городом [16]. Мы объясняем это наличием широкого слоя зажиточного купечества, которому принадлежало значительное число городских зданий).

Большинство домовладений троицкосавских мещан включали только сам дом без каких-либо надворных построек. Дома с постройками имели всего 20 % мещан. Из построек наиболее часто фиксируются извозни, изредка встречаются сараи и сеновалы. Дома с флигелями фактически отсутствуют: на 1899–1900 гг. их указано всего два. Но, в отличие от Верхнеудинска, где питейные заведения не входили в состав домовладения, в Троицкосавске десять домохозяйств их включали [3, л. 21, 27, 29–43, 68]. На этот период в городе одно мещанское домовладение включает свечной завод, пять имеют кожевенные мастерские, одно — кузницу [3, л. 14, 84, 85, 91]. В небольшом количестве представлены лавочки, принадлежащие мещанам и относящиеся к домовладению.

Дома в Троицкосавске и в Верхнеудинске, как правило, строились на каменном фундаменте. Их внутреннее убранство зависело от состоятельности хозяина. У богатых дома имели сходство с купеческими, бедные фактически копировали крестьянские дома. В провинциальных городах Московской губернии мещанам в большинстве случаев принадлежало одно недвижимое владение, как правило, одноэтажный деревянный дом [7, с. 345, 347]. Аналогичная ситуация сложилась и в Томске [12, с. 166].

На основании книги учета сборов с недвижимого имущества жителей г. Верхнеудинска в 1911 г. выявлено, что в большинстве своем дома мещан стоили в пределах 1,5–4 тыс. р. Самая низкая стоимость составила 37 р., самая высокая — 61 278 р. [2, д. 1379, л. 236, 249]. Как видим, имущественная дифференциация в рамках одного сословия была очень значительной.

Средняя стоимость мещанских домов в провинциальных городах Московской губернии была значительно ниже: самые дешевые дома в Рузе — 135 р., самые дорогостоящие в Коломне — 927 р. [7, с. 346]. Судя по описанию домов (деревянные с металлической кровлей), многие не особо отличались от домов в Верхнеудинске и Троицкосавске. Однако из-за удаленности Забайкальской области цена подобных домов оказывалась выше.

Таким образом, в пореформенный период род занятий мещанства Верхнеудинска и Троицкосавска в целом сохранял традиционный для сословия характер: мелкая торговля, ремесло, промыслы (в том числе отхожие), сельское хозяйство. Мещане были торговыми служащими, держателями небольших кустарных промышленных заведений, гостиниц, постоянных дворов. Значительная часть мещанства работала в качестве прислуги и чернорабочих. Развитие промышленности и торговли в начале XX в. вызвали значительные изменения в структуре занятий мещанства. Представители сословия начинают осваивать новые профессии, характерные для индустриального общества. Особенно это заметно в Верхнеудинске, получившем с проведением Транссибирской магистрали новый мощный стимул для дальнейшего развития. В Троицкосавске занятия жителей оставались традиционными, не претерпевшими значительных изменений: огородничество, ремесло, обслуживание чайной торговли. Дома забайкальских мещан в большинстве своем отличались добротностью и имели более высокую стоимость, чем в других губерниях.

Забайкалье, край активной колонизации, в указанный период имело еще слабо развитое ремесло и фабричную промышленность, находившуюся в зачаточном состоянии. Низкая конкуренция при высокой потребности горожан в товарах повседневного спроса предоставляли представителям наиболее многочисленного городского сословия возможности для интенсивной торговли, развития своего дела и получения стабильного дохода.

На рубеже XIX–XX вв. усилилось внутрисословное имущественное расслоение, ставшее одной из важных причин размывания сословных границ и формирования классовой структуры общества.

Список использованной литературы и источников

1. Абакумова Е. А. Профессиональная деятельность мещан Курской губернии во второй половине XIX века / Е. А. Абакумова // Известия ВГПУ. Педагогические науки. — 2016. — № 2 (271). — С. 165–168.

2. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). — Ф. 10. — Оп. 1.
3. ГАРБ. — Ф. 261. — Оп. 1. — Д. 1363.
4. ГАРБ. — Ф. 19. — Оп. 1. — Д. 4.
5. Гончаров Ю. М. Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX в. — начала XX в. / Ю. М. Гончаров, В. С. Чутчев. — Барнаул : Аз Бука, 2004. — 206 с.
6. Демченко Д. Ю. Занятия и хозяйство мещан Курской губернии в пореформенный период / Д. Ю. Демченко // Наука и современность. — 2011. — № 13-1. — С. 124–128.
7. Долгопятов А. В. Домовладение мещан городов московской губернии в конце XIX — начале XX вв.: стоимость, структура, особенности / А. В. Долгопятов // Гуманитарные науки. История и политология. — 2010. — № 1. — С. 344–349.
8. История Бурятии: В 3 т. / под ред. Б. В. Базарова. — Т. II. XVII — начало XX в. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. — 624 с.
9. Кальмина Л. В. Бюджет уездного сибирского города как индикатор экономического статуса / Л. В. Кальмина // Власть. — 2012. — № 5. — С. 138–142.
10. Кальмина Л. В. Забайкальские города в торговом пространстве трансграничья (1880–1920-е гг.) / Л. В. Кальмина, А. М. Плеханова // Власть. — 2016. — № 7. — С. 193–198.
11. Манифест Александра I: Дополнительное постановление об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний. Утв. 14 нояб. 1824 г. — М. : Сенат. тип., 1824. — 52 с.
12. Меженина О. В. Материальное положение мещан в первой половине XIX в. в городах Томской области / О. В. Меженина // Известия Алтайского государственного университета. — 2014. — Вып. № 4 (84), т. 2. — С. 165–169.
13. Обзор Забайкальской области за 1898 г. — Чита : Тип. Забайкальского областного правления, 1899.
14. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXXIV. Забайкальская область. — СПб., 1904. — 185 с.
15. Свод законов Российской империи. — Т. IX. — СПб., 1899. — 206 с.
16. Титов В. Жарников и иркутские мещане [Электронный ресурс] / В. Титов // Капиталист. — 2015. — № 3 (82). — С. 12–15. — Режим доступа : <http://www.kapitalpress.ru>.
17. Шахеров В. П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири) / В. П. Шахеров. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. — 256 с.

Информация об авторе

Молонова Екатерина Петровна — аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: Molonova1975@mail.ru.

Author

Ekaterina P. Molonova — Ph.D. Student, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, 670047, e-mail: Molonova1975@mail.ru.

УДК 94(571)
ББК 63.3(253.3)51

Е.В. ПОЧЕРЕВИН

ПРАКТИКА СОДЕРЖАНИЯ ДОРОГ КРЕСТЬЯНСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье на основе архивного материала рассмотрены практические меры по обслуживанию дорог, показаны конкретные приемы дорожно-строительных работ, проанализированы мероприятия по содержанию транспортных путей.

Ключевые слова: тракт, содержание дорог, дорожные сооружения.

E. V. POCHEREVIN

THE ROAD MAINTENANCE BY THE PEASANT POPULATION OF TOMSK PROVINCE IN THE EARLY XX CENTURY

The article based on archival material discusses practical measures for road maintenance, shows specific techniques of road construction works, analyzes measures for maintenance of transport routes.

Keywords: transport connection, road maintenance, road construction.

Гужевые транспортные пути в Западной Сибири исследованы современными историками достаточно основательно. Среди научной литературы следует выделить книгу под редакцией В.П. Зиновьева [7]. Исследование организации дорожного дела в Сибири в XVII–XIX вв. было проведено О.Н. Катионовым [8]. Следует отметить ряд работ А.А. Завьялова и Н.С. Модорова [6], Т.С. Пустогачевой [10]. О содержании дорожной сети в Томской губернии в начале XX в. была опубликована работа Е.В. Почеревина [10]. В указанных исследованиях основное внимание уделено общей организации транспортных перевозок, строительства и содержания крупных трактов. Конкретные практические действия, приемы и мероприятия по обслуживанию трактов в Томской губернии силами крестьянского населения не рассматривались историками.

Состояние дорог существенно влияет на развитие экономики в регионе. Кроме того, сам процесс ремонта и поддержания в исправном состоянии дорог и дорожных сооружений, является важным экономическим процессом. В рассматриваемый период, в этот процесс было втянуто большинство крестьянского населения губернии, да и Сибири в целом. Крестьяне не только участвовали в финансировании строительства и ремонта мостов, гатей и других сооружений, но и лично занимались работами по содержанию дорог в регионе.

В системе местного хозяйства Томской губернии в начале XX в. содержание дорог и расположенных на них сооружений занимало одно из первых мест, как по важности, так и по объемам привлеченных ресурсов. В данной статье, на основе архивного материала рассмотрены практические меры по обслуживанию дорог, показаны конкретные приемы дорожно-строительных работ, проанализированы мероприятия по содержанию транспортных путей.

Большинство сведений почерпнуты автором из делопроизводственных документов, которые носили название «Расписания дорожных участков». Они представляют собой систематизированное описание трактов, с указанием их протяженности, качества грунта, существующих на них дорожных сооружений. Как правило, эти расписания использовались при распределении натуральных повинностей среди населения волости или уезда. Несмотря на формальное и унифицированное изложение материала, в таких бумагах можно встретить и частные характеристики отдельных объектов. Кроме того, были использованы такие делопроизводственные материалы, как рапорты, инструкции и циркуляры.

Губернская и уездная администрация делала попытки регулировать техническую сторону исполнения дорожной повинности крестьянами. Из таких директив можно извлечь информацию не только о регламентных дорожных работах, но и об элементах самой дороги как технического сооружения. Так, Бийский уездный исправник в мае 1902 г. в предписании волостным старшинам указывал, что дороги, особенно почтовые и земские тракты, должны иметь ширину соответственно не менее шести и пяти сажений (около 13 и 10,5 м). Кроме того, полотно надлежало делать «овальное», т.е. «середина должна быть выше сторон, для того, чтобы вода ... скатывалась бы в углубления по бокам дороги». Более того, предписывалось «из углублений этих, где позволяет местность, проводить канавы для выхода воды в ложбины за дорогу». На горах предписывалось делать водостоки — небольшие канавы по сторонам дороги, чтобы «вода могла скатываться по сторонам ... не размывая самого полотна», в логах же требовалось делать водоотводы. В местах, где грунт не позволял сделать полотно указанного выше вида, необходимо было середину дороги вымостить фашинником и засыпать «дресвой» или галькой, но не крупным камнем, который годился лишь для нижнего слоя полотна дороги. «Дресвой» необходимо было засыпать места дороги «подверженные выбоинам ... чтобы полотно не требовало постоянных поправок». Категорически запрещалось сбрасывать на полотно дороги землю с травой, счищаемую с «откосов», а засыпать «прокатины» (образовавшуюся на дороге колею) «дресвой» [3, д. 8, л. 59–60]. В том же ключе были выдержаны инструкции Барнаульского уездного исправника, данные в мае 1901 г. и почти дословно повторенные через год. Им было рекомендовано засыпать полотно песком или щебнем слоем в

два вершка (около девяти см) для уплотнения почвы. При затруднительности добывания или подвоза указанных материалов предписывалось ограничиваться рассыпанием их не во всю ширину дороги, а только «по ездовой полосе» [1, л. 22]. Ежегодно в летний период проводились дорожно-ремонтные работы, иницируемые распоряжением администрации. Типичным примером таких предписаний является распоряжение Бийского уездного исправника, сделанное им в апреле 1907 г. Чиновник указал по окончании полевых работ «тотчас под личным наблюдением волостных начальников и сельских старост ... приступить к исправлению дорог», по исполнении непременно донести к 15 июня. При этом были сделаны предупреждения о том, что «малейшая неисправность дороги и вообще, дорожных сооружений повлечет виновных к строгой законной ответственности» [4, д. 43, л. 170].

Таким образом, мы видим, что дороги представляли собой сложные инженерные сооружения, по крайней мере, таковыми виделись в приказах и распоряжениях начальства.

Анализируя «Расписания дорожных участков», можно увидеть, что дороги действительно представляли собой непростую комбинацию нескольких элементов. Большинство приведенных ниже примеров относятся к Башчелакской волости Бийского уезда. Так как волость занимала территорию со сложным ландшафтом (предгорье, множество рек, различные типы грунта), здесь имелось большое разнообразие дорожных сооружений и приемов усовершенствования дорог.

Среди дорожных сооружений не последнее место занимали гати, служившие для проезда через топкое место. В условиях разветвленной гидрографической сети Западной Сибири, данный компонент дороги имел широкое распространение. Так, журнал Барнаульского уездного распорядительного комитета о распределении натуральных повинностей на трехлетие с 1905 г. зафиксировал в уезде, на почтовых и земских трактах общей протяженностью около 3200 верст, наличие 142 гатей. Их общая длина составляла 25 122 сажень или около 53,5 км [подсчитано по: 2]. В том же году в Куяганской волости Бийского уезда эксплуатировалось 25 гатей длиной 923 сажени (около 1970 м) [5, д. 26, л. 174 об.]. Следует иметь в виду, что территория данной волости, как и Башчелакской, располагалась на пересеченной местности.

Трудности, с которыми приходилось сталкиваться при обслуживании гатей, характеризует сентенция из расписания дорожных участков на 1903–1905 гг. по Башчелакской волости Бийского уезда. В документе было отмечено, что на отрезке тракта от д. Чечулихи до с. Каргон, во время весеннего подъема р. Чарыш, гать подмачивалась водой и возникала необходимость неоднократно «забучивать хворостом и землей». Представляется интересным признание составителя документа в том, что «от д. Каргата вниз по р. Чарышу шибко топкие места заваливают дерном,

навозом и галькой» [4, д. 22, л. 247–248]. Навоз, по-видимому, не представлял в глазах крестьян ценности как удобрение и использовался в виде строительного материала. Использование гатей, как средства для преодоления заболоченных участков трассы, не всегда давало желаемые результаты. В 1910 г. по приговору Сентелекского волостного схода, ниже д. Каргона, было назначено устроить около «притора» гать длиной 90 сажен (192 м), которая должна была обойтись в 3000 р. Однако после внимательного осмотра местности «сведущими людьми» стало ясно, что ее будет сносить вешней водой. Поэтому в расписании было предложено другое решение — дорогу проложить по самому «каменистому притору», для чего требовалось «разбить слитной камень специалисту порохов или динамитом на длине 200 саж. (около 426 м), шириной две саж. (около 4,5 м) и глубиной около 10 саж. (21,3 м), а далее на две версты проработать ... пороховом» [3, д. 638, л. 13 об., 14 об.]. Гати были дорогостоящими сооружениями, иногда их возведение откладывалось ради экономии средств. Так, Барнаульским уездным распорядительным комитетом в 1904 г. было отклонено ходатайство Яркового волостного старшины о постройке гатей на новом земском тракте. Аргументацией послужило то, что «первые три года тракт может обойтись без их устройства» [2, л. 5 об.].

Водная стихия создавала серьезные проблемы в деле содержания транспортных магистралей. Согласно материалам Барнаульского уездного распорядительного комитета в начале XX в. в Екатеринбургской волости три версты Бердско-Каменского тракта пролегал по лугу, «каковой луг ежегодно затапливается водой из р. Обь» [2, л. 110 об.]. В 1910 г. в Нижне-Чарышской волости Бийского уезда затопляло земский тракт на протяжении четырех верст от д. Усть-Камышенской на с. Пономарево [5, д. 41, л. 67 об.]. Также участок протяженностью шесть верст от с. Нижне-Озерского на д. Усть-Чарышская Пристань пролегал «по низкому луговому месту затопляемому водой» [Там же, л. 64 об.]. Существовала особая дорога длиной четыре версты от с. Усть-Каменный Исток на с. Елбанское, которая служила «вспомогательным путем к Пристанскому земскому тракту, для прямого сообщения во время разлива р. Чарыш» [Там же, л. 62].

Описание результатов регулярных ударов водной стихии, оставленное членами Башчелакского волостного правления в расписании дорожных участков трехлетие 1903–1905 гг. показывает тяжелое положение дорожного дела в волости. На р. Каргон «во время весны и больших дождей вода поднимается до трех аршин и несется с такой быстротой, что переправляться на лодке невозможно, сносит вниз и разбивает о камни». По словам волостного начальника, в такой период транспортное сообщение через реку прекращалось на два-три дня, иногда на неделю. Русло реки постоянно трансформировалось так, что за три года перевоз и броды переносили семь раз. Кроме этого, каждый раз делалась «разбор-

ка камней в воде на дороге, потому что большой водой нагонит «булки» (камни около аршина величины) их приходится народом выворачивать из воды и убирать в сторону, чтобы по мелкому камню возможно было брести на лошади и перевозить телегу». Обстановка заставляла население волости назначать, при проезде «начальствующих лиц», специальных провожатых [4, д. 22, л. 247–248]. На участке от д. Чечулихи до с. Тюдралинского на «приторе» проводилась ежегодная «разборка камня от наводнения р. Чарыша», очищалось русло ключа на протяжении в одну сажень, которое «во время весны заносит камнем» [Там же, л. 227]. Настоящее отчаяние сквозит в следующих словах документа: «На берегу р. Чарыша строили дорогу 100 сажен, в течение 20 лет десять раз сносило, удержать не могли, бросили, дорогу провели выше по косогору ... вся работа пропала даром 2000 р.» [Там же, л. 250 об.].

В исследованных архивных источниках часто упоминаются «откопы» или «копи». Так назывались участки тракта, на которых были выровнены крупные неровности с применением земляных работ. Как правило, такие «откопы» имели глубину от семидесяти сантиметров до одного метра [5, д. 26, л. 3 об., 174 об.]. На указанном выше участке от д. Чечулихи до с. Каргон, был зафиксирован «откоп длиной 475 саж., почва мягкая, чернозем». Составитель документа следующим образом характеризовал связанные с ним работы: «отпахивали сохами и зачищали железными лопатками, глубиной с косогору в один аршин (70 см), шириной две сажени (около четырех с половиной метров)». Каждый год весной и после дождей, пять-шесть раз в течение лета, данный участок приходилось исправлять. Кроме того, упомянута «копь длиной 240 саж. на камнях, которые нужно было разбирать, выкапывать середину, забивать землей» [4, д. 22, л. 246, 248]. В той же волости «по участку ... от с. Малого Башцелака до ст. Чарышской, проведена дорога большинством откопью, которую после дождей приходится исправлять неоднократно в течении лета» [9, л. 13 об.]. Еще один участок от д. Чечулихи до грани с. Тюдралинского имел «скоп с разборкой камня 120 саж.» [Там же, л. 227]. В расписании дорожных участков за 1911 г. по Сентелекской волости, отделившейся от Башцелакской, указывалось, что по берегу р. Чарыша, на землях Кабинета существовало восемь копей, многие были «сделаны по щелбню». Однако, по словам составителя документа, «копи эти разработаны очень плохо, как могли разработать кайлами и ломами». Проезд был затруднен и требовались «новые разработки посредством динамита или пороха» [3, д. 638, л. 11 об.]. На другом участке, также требовалось проведение взрывных работ. Источник пояснял, что «копи у притора 50 саж., эту копь следует проработать с помощью пороха, ибо на полотне дороги большие камни, кои могут поддаваться лишь пороху» [Там же, л. 12 об.].

«Откоп», как прием улучшения дороги применялся на взвозах, о чем говорят формулировки из дорожных расписаний. Так, в Сростинской во-

лости Бийского уезда на одном из проселочных трактов описан «откоп в горе 10 саж.» [4, д. 16, л. 58]. В Барнаульской волости Барнаульского уезда на тракте между с. Чистюнькой и д. Безголосовой «в гору копи 60 саж.» [2, л. 93 об.]. Видимо, для удобства переезда реки вброд, в упомянутой Башцелакской волости имелся «с обеих берегов речки Усть-Кумир откоп 5 саж. каменистый» [4, д. 22, л. 227]. На другом участке для спуска к реке было сделано «два своза по 20 саж., работа — отвал камня с лежнями по три рубля за сажень» [Там же, л. 248].

Наряду с «откопами», в расписаниях дорожных участков встречается термин «слань». Так, на тракте от с. Каргон до д. Сентелек Башцелакской волости имелась «каменная слань 161 сажень» [Там же, л. 196 об., 197]. На участке от д. Чечулихи до с. Каргон — «каменная слань 63 сажени вместо притора, размытого р. Чарыш». Работа по созданию новой дороги была оценена в 945 р. [Там же, л. 246]. Вероятно, здесь «сланью» назывались участки дороги, покрытые щебнем.

В низинных местах под дорогой укладывались трубы для свободно протекания воды, которые тоже нужно было содержать в исправности силами крестьянских обществ. Так на участке д. Сваловки Башцелакской волости в 1913 г. на земском тракте имелось шесть и на проселочной дороге семь труб [4, д. 120, л. 13 об.].

Для демонстрации масштабности системы дорожных сооружений следует указать на итоговые цифры, зафиксированные в дорожных расписаниях. Так, в 1905 г. в Куяганской волости Бийского уезда имелось 17 пробегов длиной 17 сажень (около 36 м), 88 «откопей» — 13 153 сажени (около 28 км) [5, д. 26, л. 174 об.]. Труд, затраченный на исправление проселочных дорог населением Башцелакской волости Бийского в трехлетие 1908–1910 гг., выраженный в денежном эквиваленте, определялся значительными цифрами. На поддержание в исправности 155,5 верст дорог было затрачено 2198 р., что составляло около 14 р. за версту. На трехлетие 1911–1913 гг. было запланировано увеличение расходов до 2857 р. или 18 р. за версту [4, д. 120, л. 95–110].

Среди дорожных сооружений особое значение имели мосты, как самые дорогостоящие конструкции, требующие наибольших трудовых затрат. Однако строительству и содержанию мостов, а также функционированию паромных переправ следует посвятить отдельное исследование ввиду значительной специфики данных элементов путей сообщения. Также в статье не рассматривались элементы дорог информационно-указательного характера — вехи, верстовые столбы и другие знаки. Кроме того, автору не удалось выявить содержание термина «пробег», относящегося к дорожной инфраструктуре и часто встречающегося в документах.

Необходимо отметить, что состояние дорог не всегда было удовлетворительно, зачастую по причине отсутствия для этого должных сил и средств. Критические замечания со стороны чиновников по этому пово-

ду, довольно часто встречаются в архивных документах. Трудности, с которыми сталкивались крестьяне при содержании дорог, отражает рапорт пристава пятого стана Бийского уезда уездному исправнику. В начале июня 1903 г. пристав доносил, что дорога через Семинский перевал, от вершины до зас. Топучего «от непрерывных дождей пришла в совершенное разрушение, так что проезд ... стал небезопасен». Командированные 15 крестьян вернувшись доложили, что дорогу исправить нельзя, а следует провести дорогу вновь, для чего потребуется до 500 человек, которые должны работать не менее двух недель [З, д. 132, л. 43]. Плохое состояние дорог было обозначено приставом третьего стана в рапорте Бийскому уездному исправнику в январе 1904 г. Описывая Куяганский тракт от с. Алтайского до д. Никольской, автор утверждал, что «во многих местах путь преграждают целые каменные глыбы» и ремонтировать такой тракт «примитивными способами весьма трудно» [Там же, л. 68 об.].

В заключение можно сделать некоторые выводы. В Томской губернии в начале XX в. местная администрация пыталась весьма жестко регламентировать технику дорожно-ремонтных работ, издавая инструкции и циркуляры. На территории губернии существовало несколько стандартных элементов дорожной инфраструктуры — гати, водоотводные канавы и трубы. Основным способом выравнивания дорожного профиля на взвозах, для преодоления крупных неровностях рельефа местности был «откоп». Анализируя архивные документы, можно сделать вывод как о существенном разнообразии методов и приемов улучшения путей сообщения, так и о значительных затратах ресурсов на их содержания. В регионах, расположенных в пересеченной местности, главную проблему эксплуатации трактов представляли регулярные разливы рек.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. 32. — Оп. 1. — Д. 842.
2. ГААК. — Ф. 65. — Оп. 1д. — Д. 1.
3. ГААК. — Ф. 170. — Оп. 1.
4. ГААК. — Ф. 182. — Оп. 1.
5. ГААК. — Ф. 198. — Оп. 1.
6. Завьялов А. А. Почтовые тракты Алтайского округа в конце XIX — начале XX вв. / А. А. Завьялов, Н. С. Модоров // Интерэкспо Гео-Сибирь. — 2010. — Т. 6. — С. 63-73.
7. История дорожного дела в Томской области / Б. К. Андрющенко, В. А. Бузанова, В. П. Зиновьев, В. Г. Зыкова, П. С. Коновалов; под ред. В. П. Зиновьева. — Томск : Изд-во ТГУ, 1999. — 284 с.
8. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. / О. Н. Катионов. — Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2004. — 568 с.
9. Почеревин Е. В. Содержание местной дорожной сети в Томской губернии в начале XX в. / Е. В. Почеревин // Известия АлтГУ. — 2016. — № 4. — С. 123–127.

10. Пустогачева Т. С. История развития путей сообщения в Горном Алтае в конце XIX — начале XX вв. / Т. С. Пустогачева // Известия АлтГУ. — 2010. — № 4/2. — С. 182–189.

Информация об авторе

Почеревин Евгений Владимирович — кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, 659333, г. Бийск, Короленко, 53, e-mail: pev2@mail.ru.

Author

Evgeny V. Pocherevin — Ph.D. in History, Senior Lecturer, Department of Historical, Legal and Social-Humanitarian Disciplines, Shukshin Altay State Humanities Pedagogical University, 53 Korolenko, Biysk, 659333, e-mail: pev2@mail.ru.

УДК 94.47

V.M. RYNKOV

ББК 63.3(253)

ВЛАСТЬ И НАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ В ТИСКАХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КРИЗИСОВ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕРОССИЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ (лето 1914 — февраль 1917 года)

Показано влияние Первой мировой войны на ухудшение ситуации на рынке товаров повседневного спроса Сибири и формирование механизмов адаптации населения к возникшим вызовам. Устранение государства от решения проблем потребительского рынка породило многочисленные импровизации на уровне муниципального управления и самоорганизацию городского и сельского населения.

Ключевые слова: Первая мировая война, Сибирь, торговля, снабжение, городские управы, кооперативы, пресса, социальные конфликты.

V.M. RYNKOV

AUTHORITIES AND POPULATION OF SIBERIA IN THE GRIP OF CONSUMER CRISES: REGIONAL PECULIARITIES OF ALL-RUSSIAN PROSESSES (summer 1914 — february 1917)

The article shows the influence of World War I on deterioration in the everyday goods market environment in Siberia, and formation of people's adjustment mechanism to the challenge. Elimination of the state from

solving consumer market problems gave rise to numerous improvisations at the level of municipal administration and self-organization of urban and rural population.

Keywords: World War I, Siberia, trade, supply, administrative board of a city, cooperatives, print media, social conflicts.

В годы Первой мировой войны Сибирь являлась глубоким тылом империи. Мероприятий по мобилизации экономики проводились здесь не в полном объеме и в более поздние сроки. Разлагающее влияние войны на потребительский рынок приходило сюда тоже с опозданием сравнительно с европейской частью России и даже Уралом. Но при всей региональной специфике большинство событий переживалось сибирским населением так же, как и в других тыловых районах Российской империи.

Война привела к потрясениям на рынке. Призывы лета–осени 1914 г. вызвали исчезновение в торговой сети теплой одежды и обуви. Сельскохозяйственное сырье, напротив, подешевело, хотя на розничных ценах это почти не сказалось. Пресловутые «ножницы цен» стали формироваться с конца 1914 г., причем в Сибири отчетливее, чем в европейской части страны. Здесь быстрее дорожали промышленные товары и медленнее — сельскохозяйственные. Государственная заготовительная политика, предполагавшая региональную тарификацию заготовительных цен, исходила из самых низких тарифов для территорий, располагавшихся восточнее Урала. Следовательно, сибирские крестьяне получали меньше за тот же объем проданной продукции.

С осени 1914 г. в Сибири сложилась практика созыва публичных совещаний для обсуждения условий заготовок. Это были площадки для взаимодействия власти и общественности с обязательным присутствием кооперативных организаций и представителей торгово-промышленного класса. Там обсуждались цены, условия поставок, распределялись рынки, и, что характерно, представители власти постоянно ставили вопрос о шагах, нацеленных на снижение конкурентности. С 1915 г. к поставкам для армии стали активно привлекаться промышленные предприятия, объединившиеся в военно-промышленные комитеты. Они работали по заказам интендантств и по планам, намеченным Сибирским заводским совещанием. Возникшая в Сибири, как и по всей стране, сеть уполномоченных по заготовкам различных товаров была связана с кооперативными и предпринимательскими структурами сетью договоров, что отражало институционализацию диалога власти и общества в вопросе о снабжении фронта.

Иная ситуация складывалась в сфере снабжения населения потребительскими товарами. Сибирские губернаторы воспользовались своим правом устанавливать таксы (ценовые максимумы) для розничной торговли. Это касалось хлеба и мяса. Остальное считалось прерога-

тивной органов городского самоуправления. Городские власти обычно ограничивали оптовую закупку продовольствия, ввозимого из окрестных деревень. Торговля в сельской местности не регулировалась, так как земства, решавшие такие вопросы в других регионах, в Сибири до лета 1917 г. не вводились. В условиях сокращения частной торговли ее место стихийно занимала потребительская кооперация, не получавшая от государства ни материальной, ни товарной поддержки.

Сибирские города до осени 1916 г. страдали не от отсутствия товаров, а лишь от высоких цен, что обернулось общим падением уровня жизни. Пожалуй, исключение составлял сахар. Его исчезновение в городах весной — летом 1915 г., а затем введение его нормированного распределения стало первым проявлением грядущего краха потребительского рынка.

Приблизительно с лета 1915 г. гласные городских дум Сибири, признав неэффективность ценового регулирования как метода борьбы с дороговизной, перешли к выдаче подрядов частным лицам или кооперативам на заготовку хлеба, мяса, сахара, масла, дров и других товаров для продажи населению по минимальным ценам, либо к организации собственных заготовок. Первоначально они рассчитывали лишь на частичное удовлетворение потребностей горожан, с тем, чтобы встав в число крупнейших продавцов, иметь возможность влиять на рыночные цены, понижая их в случае необходимости [8]. Лишь в следующем, 1916 г., городские власти стали рассчитывать количество продуктов, достаточное для удовлетворения всего спроса горожан на основные товары. Их номенклатура расширилась, включая теперь рыбу, крупы, соль и спички и др. Городские продовольственные органы теперь предпочитали самостоятельно закупать товары и продавать через сеть своих лавок. Данное обстоятельство заставило муниципальные власти заниматься введением продовольственных карточек, требовавшего учета городского населения, его организацию в квартальные комитеты и полную перестройку городской торговли. В большинстве сибирских городов это происходило весной–осенью 1916 г. Очень быстро городские власти поставили вопрос о целесообразности создания межрегиональных объединений для борьбы с дороговизной, ориентировали свою политику на тесное взаимодействие с городскими потребительскими обществами. Этот вопрос обсуждался на ряде региональных форумов городов: Съезде представителей городов Енисейской губернии 15 июня 1915 г., Съезде городов Восточной Сибири и Дальнего Востока 15–19 апреля 1916 г. [29, с. 356, 358]. Но заготовительных структур регионального уровня в Сибири до Февральской революции не было создано.

В сельской местности накопилось в 1915–1916 г. еще больше проблем со снабжением населения предметами первой необходимости, чем в городах, а уровень организации отставал. Здесь даже за деньги сложно

было купить многие элементарные товары. Частные торговцы массово ликвидировали свою торговлю из-за мобилизации в армию, бестоварья и дороговизны. Быстро формирующиеся потребительские общества, выходя для закупок на городские оптовые рынки, сталкивались с той же проблемой наполняемости ассортиментом своих магазинов, что и частники. В деревне наиболее остро воспринимался недостаток спичек, свечей, керосина, мыла и ниток, дошедший осенью 1916 г. до крайних пределов [5, л. 8–8 об.]. Объединение кооперативов в союзы, необходимое для решения проблем снабжения сельского населения потребительскими товарами, наталкивалось на законодательные ограничения, и далеко не безосновательную боязнь со стороны местной администрации, что кооперативы станут сосредоточением оппозиционных настроений¹.

Примечательно, что власть оставила население один на один в решении проблем потребительского рынка, тогда как для организации заготовок сельскохозяйственной продукции для армии был сформирован многочисленный и хорошо структурированный аппарат. Элементы включения государства в систему самостоятельно формирующихся институтов решения проблем потребительского рынка возникли лишь после августа 1915 г. — с появлением Особого совещания по продовольствию. Причем в Сибири они свелись преимущественно к выделению городам ссуд на закупку продовольствия и топлива либо государственных гарантий на займы в частных банках на те же цели. Городские управы и кооперация к этому времени уже имели концепцию решения проблем снабжения населения. Они настаивали на необходимости включить города, а затем и все гражданское население в единый план снабжения и обязать уполномоченных по заготовкам соответствующих товаров отгружать их необходимое количество для централизованного обеспечения городских продовольственных организаций и сельской потребительской кооперации.

В годы Первой мировой войны в Сибири появились очереди (хвосты) — новая реальность для обывателя, связанная со снабжением и ставшая аккумулятором социального недовольства. Это недовольство имело ярко выраженный гендерный аспект, так как женщины в очередях явно преобладали и в силу большей эмоциональности часто становились инициаторами конфликтов. С очередями связано рождение новых социальных общностей, причем не только фактических, когда люди объединены общим многочасовым стоянием и стремлением получить вожделенный товар. Появились и «виртуальные» хвосты, связанные с записью и сдачей взносов для получения необходимых предметов путем проведения заготовительной операции на средства граждан. Чаще всего такие очереди выстраивались за дровами и сахаром. Фактически

---

¹ Анализ обширной литературы по этому вопросу см.: [26].

это означало создание по инициативе городских властей кооператива для покупки одного из товаров [19].

Массовые призывы в армию и не очень быстрое налаживание системы выплат семьям призванных породили первые очереди за пособиями для солдатских семей. Сибирская пресса уже к исходу 1914 г. впервые отмечала повышенную раздраженность малограмотных, взвинченных представителей городских низов. Массовые очереди за продовольствием выстроились позже, чем в столицах и городах центральной России, примерно на год. Это отразило расширение круга недовольных, аполитичных людей, чье раздражение зрело на бытовом почве. Но к осени 1916 г. большинство горожан успело побывать «в шкуре» недовольных, столкнувшись с перебоями в торговле и приобщившись к очередям. Сельское же население Сибири до 1916 г. почти не имело такого опыта. Но в последний перед революцией год отмечен бурный рост сельских потребительских обществ, являвшихся известной по примеру городов «складчиной» для покупки конкретных товаров, как правило, мануфактуры, а также для получения «нормированного сахара» [18, с. 53]. В сельских потребительских лавках наиболее востребованные товары раскупались сразу же и за ними тоже стали встраиваться очереди.

Любопытно, что участники очередей требовали выдачи продуктов «по-дешевке» или бесплатно из лавок, в том числе частных. В городах во второй половине 1916 г. стихийными локальными центрами уличной активности становились продовольственные лавки. Идея установления контроля над частной торговлей, реквизиции товаров и помещений активно насаждалась активистами-общественниками, а превращаясь в массовую, провоцировала отдельные погромные действия. В этом отношении Сибирь быстро «нагнала» центр России [15, с. 47–51; 16, с. 133–145, 17, с. 66, 120–122], хотя состояние потребительского рынка здесь было существенно благоприятнее. Более конструктивным в тот период представлялось создание квартальных (районных) комитетов и комиссий из числа делегированных жителями представителей для проверки работы продовольственных лавок, общественного контроля над распределением товаров. В начале 1917 г. омские кооператоры с удовлетворением отмечали — продовольственная работа опускается на уровень кварталов [20; 22]. Большой потенциал самоорганизации населения для снабжения товарами повседневного спроса не был полностью реализован. Но даже успешное воплощение тех или иных инициатив не могло снизить накапливавшуюся психологическую деструкцию. Именно в сфере удовлетворения потребительского спроса генерировались политические мифы об антиобщественном поведении «буржуазии» и представителей власти, необходимости проявлять бдительность против внутреннего врага.

Огромную роль в формировании имиджа власти и торгово-промышленных кругов играли средства массовой информации. Они подробней-

шим образом освещали ситуацию на потребительском рынке. В лексиконе того времени не имели широкого употребления термины «дефицит», «нехватка» и прочие, а наиболее популярным и ходовым было определение «голод», имевшее множество приложений — сахарный, керосиновый, дровяной и пр. Газеты преподносили события потребительского рынка с гипертрофированным трагизмом, периодически подстегивая панику на базарах и у продовольственных лавок, гонения на торговцев. Прививка шпиономании, полученная с первых дней войны, помноженная на общенародную подозрительность к торговцам и усиленная наличием среди журналистов многих представителей «левой» политической ориентации привели к тому, что нередко информация в прессе по духу напоминала донос, заставляя владельцев торговых фирм и магазинов публично оправдываться за свои действия [4; 9]. Инициатива торговцев по изменению ценовых ограничителей обычно хорошо мотивировалась, основывалась на калькуляции цен, свидетельствовала, что действовавшие правила вели к либо к разорению, либо к оттоку капиталов из отрасли, явились главной причиной перебоев с поставками на рынок [28]. Но подобные аргументы никого не убеждали. Многие газеты предлагали классовое объяснение происходившему: цензовые городские думы наполнены гласными из торгово-промышленного класса, и они в своих корыстных интересах поднимают таксы [6; 7; 21; 24; 25]. В этом смысле пресса скорее выступала фактором политической дезадаптации населения.

Впрочем, жизнь сама давала к этому немало оснований. Именно усиление хозяйственной деятельности городских продовольственных комиссий, происходившее во многом под давлением общественного мнения, дало примеры вопиющей бесхозяйственности, попавшие под не менее яростную критику прессы. Красноярская городская продовольственная комиссия, закупив летом 1916 г. 200 голов скота, довела его неумелыми действиями до полного истощения. Три–четыре месяца кормленный за городской счет скот пошел на убой, потеряв не только по два пуда веса, но и вкусовые качества. По возможности горожане избегали покупать «городское» мясо, обращаясь к частным торговцам, никогда не допускавшим подобных провалов [1]. Аналогичных примеров для каждого крупного города можно найти несколько. Хотя, конечно, нельзя сводить продовольственную работу городов к одним провалам. Многие проблемы беднейшего населения удалось решить, но в основном ценой ухудшения качества предлагаемых товаров, за счет создания очередей, введения ограничений продажи дешевых товаров «в одни руки» и прочих бытовых неудобств.

В 1916 г. города пережили волну ажиотажного вступления населения в кооперативы в связи попытками использовать кооперативную торговую сеть для распределения товаров [11, с. 324–393; 12; 29, с. 242–255; 30, с. 127–128]. Но с установлением во второй половине 1916 г. карточной системы появилась возможность получать свою норму хлеба, крупы, сахара

и ряда других товаров без взносов в городские потребительские общества. Тогда вчерашние неофиты потянулись обратно из кооперативов [3; 10]. Введению карточек предшествовала в большинстве городов перепись населения. Цели статистического учета непосредственно вытекали из задач снабжения и курировались обычно продовольственными управами [2; 13].

Участие местной администрации в решении вопросов потребительского рынка носило пассивно-дозволяющий характер, сводилось к санкционированию реквизиций потребительских товаров, выявленных представителями общественности на складах или на станциях в товарных вагонах. По настоянию городских продовольственных органов губернаторы расширяли перечень товаров, цены на которые следовало регулировать с помощью такс [23; 27]. Лишь в конце 1916 г. местная губернская администрация и аппарат уполномоченных активно включились в обсуждение вопросов о снабжении населения. На Томском совещании уполномоченных по продовольствию, куда пригласили и городских голов, распределили между сибирским городским населением партии заготовленного государством хлеба. Местные уполномоченные, получив в свой адрес товары, начали распределять его через кооперативные или городские продовольственные лавки [14].

Объективный характер проблем в сфере снабжения населения необходимыми для жизни товарами в годы войны не вызывает больших сомнений. В основе своей они не были связаны с чьей-то злой волей, являясь неизбежным спутником любого крупного вооруженного столкновения. Но каждое общество разными способами с большим или меньшим успехом выстраивает систему адаптации брошенным ему вызовам. В России государство, сосредоточив основные организационные усилия в деле мобилизации экономики на нужды армии, в целом отдало вопрос о снабжении гражданского населения частным лицам и общественным организациям. Применительно к Сибири, где земство отсутствовало, добиваться значимых результатов на этом поприще могли только органы городского самоуправления. Каждый город действовал самостоятельно. Взаимодействие между ними носило характер обмена опытом, информацией, выработки общих требований. Наименее подготовленными оказались жители деревни, где многопрофильные общинные институты оказались не приспособлены к решению проблем снабжения. Кооперация могла заменить их лишь частично. Государство, тесно связанное с нею в сфере заготовок, не попыталось наладить каналы снабжения населения через кооперативные организации.

Первая мировая война стала не просто преддверием, но во многом и репетицией советского будущего. Изменения жизненного мира обывателя, приобретенный во время войны опыт администрирования имели прямое отношение к установившейся в ходе революции и впоследствии хозяйственной системе и общественной атмосфере.

Список использованной литературы и источников

1. В продовольственной комиссии // Енисейский край. — 1916. — 22 дек.
2. В Продовольственной комиссии // Известия Томского городского общественного управления. — 1916. — № 8. — С. 149–150.
3. Возращение паев // Лучи. — 1916. — 25 сент.
4. Гадаров П. К спекуляции с сапогами (Письмо в редакцию) / П. Гадаров // Енисейский край. — 1916. — 2 нояб.
5. Государственный архив Российской Федерации. — Ф. 6809 (Особое соещение для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу). — Оп. 1. — Д. 18.
6. Городская продовольственная кампания // Лучи. — 1916. — 25 сент.
7. Дела продовольственные (Письмо из Енисейска) // Енисейский край. — 1917. — 8 янв.
8. Дровяной кризис // Вестник Красноярского городского общественного управления. — 1915. — № 13. — С. 28–29.
9. Дурукалов Г. К Керосиновому кризису (Письмо в редакцию) / Г. Дурукалов // Енисейский край. — 1916. — 30 окт.
10. Заметки кооператора // Лучи. — 1916. — 25 сент.
11. Запорожченко Г. М. Городская потребительская кооперация в Сибири в начале XX в. Поиск идентичности гражданского самоуправления / Г. М. Запорожченко. — Новосибирск : [б. и.], 2015. — 540 с.
12. Запорожченко Г. М. Городская потребительская кооперация дореволюционной Сибири и продовольственный вопрос Первой мировой войны (1914–1917 гг.) / Г. М. Запорожченко // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии. — Оренбург : Печатный дом «Димур», 2007. — С. 104–111.
13. К вопросу о бывшей городской переписи // Енисейский край. — 1916. — 5 нояб.
14. К продовольственному вопросу // Енисейский край. — 1916. — 29 дек.
15. Канищев В. В. Русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. / В. В. Канищев. — Тамбов, 1995. — 162 с.
16. Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 гг.) / Ю. В. Кирьянов. — М. : ИРИ РАН, 2005. — 215 с.
17. Крестьянское движение в Сибири 1914–1917 гг.: Хроника и историография / Л. М. Горюшкин, Г. А. Ноздрин, А. П. Сагайдачный. — Новосибирск : Наука. Сиб. Отд-е, 1987. — 240 с.
18. Махов В. Потребительская кооперация в Сибири / В. Махов. — Новониколаевск, 1923. — 217 с.
19. Мещеряков П. В борьбе с дровяным кризисом / П. Мещеряков // Вестник Красноярского городского общественного управления. — 1915. — № 9. — С. 8–10.
20. О продовольственной работе в Омске // Лучи. — 1917. — 29 янв.
21. О продовольственном деле // Лучи. — 1916. — 6 окт.
22. Положение о лавочных комиссиях Омского общества потребителей // Лучи. — 1916. — 18 дек.;

23. Продовольственное дело // Известия Томского городского общественного управления. — 1916. — № 7. — С. 64–67.
24. Продовольственный вопрос в Верхнеудинске // Забайкальское обозрение. — 1915. — 28 дек.
25. Продовольственный кризис и общество «Самодетельность» // Енисейский край. — 1917. — 4 янв.
26. Рынков В. М. Сибирская кооперация в годы Первой мировой войны: проблемы и итоги изучения / В. М. Рынков // Кооперация Сибири: проблемы социальной и экономической истории : сб. науч. тр. — Вып. 7. — Новосибирск : Институт истории СО РАН, СибУПК, 2013. — С. 27–52.
27. Сахарный вопрос // Енисейский край. — 1916. — 16 нояб.
28. Совещение с участием купцов // Енисейский край. — 1916. — 4 нояб.
29. Чудаков О. В. Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 — первая половина 1918 гг.) / В. О. Чудаков. — Омск : Омский государственный университет, 2013. — 423 с.
30. Чудаков О. В. Потребительская кооперация Сибири в борьбе с дороговизной жизни в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1917 — первая половина 1918 гг.) / О. В. Чудаков // Проблемы социально-экономической и политической истории Сибири XX — начала XXI вв. : сб. материалов Всерос. науч. конф. — Якутск, 2012. — С. 127–131.

Информация об авторе

Рынков Вадим Маркович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8; доцент, Новосибирский государственный университет, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2, e-mail: vadvsvet@list.ru.

Author

Vadim M. Rynkov — Ph.D. in History, Senior Researcher, Institute of History Siberian Branch Russian Academy of Science, 8 Nikolaev St., Novosibirsk, 630090; Associate Professor, Novosibirsk State University, 2 Piragov St., Novosibirsk, 630090, e-mail: vadvsvet@list.ru.

УДК 339.3(571.54/.55)(09)
ББК 65.422(253.5)г

Т.Е. САНЖИЕВА

УЧАСТИЕ БУРЯТ ЗАБАЙКАЛЬЯ В ТОРГОВЛЕ В XIX ВЕКЕ

В статье рассматриваются формы и виды торговли бурятского населения. Статья написана на материалах делопроизводства Баргузинской, Кударинской и Хоринской Степных дум. Поскольку торговля была одним из элементов отчета Степной думы, то в ее документах указаны места торговли и объемы продаж. Бурятское население осуществляло продажу продукции скотоводства: скота, кожи, шерсти, шкуры, а также охотничью добычу: шкуры зверей, пушнину, рога и т.д., рыбу, а покупало в основном кирпичный чай и продукцию, не производимую в их хозяй-

ствах. Торговля проводилась на ярмарках и в бурятских улусах в определенное время. Разрешение давалось торгующим людям независимо от происхождения и вероисповедания. Сроки указывались для того, чтобы торговля не мешала ведению хозяйства и уплате ясака и других сборов, которые производились в первой половине декабря. Особенностью торговли бурятского населения было то, что кроме денежной сохранялась меновая торговля в улусах и на ярмарках в ведомствах.

Ключевые слова: торговля, ярмарка, товар, буряты, Забайкалье.

T.E. SANZHIEVA

PART BURYAT TRANSBAIKALIA TO TRADE IN THE XIX CENTURY

The article examines the forms and types of trade Buryat population. Article written on office materials Barguzinskaya, Kudarinskoy and Khorinsky Steppe Duma. Since the trade was one of the elements of the report Steppe Duma, then in its documents listed place of trade and sales. Buryat population carried out the sale of products of cattle breeding: cattle, leather, wool, skins and hunting prey: animal skins, furs, horns, etc., fish, bought mainly brick tea and products not produced in their farms. Trade fairs held in Buryat ulus at a certain time. Permission was given to trading in people regardless of their origin and religion. Dates were specified to ensure that trade is not hindered housekeeping and pay tribute and other charges, which were produced in the first half of December. Especially trade Buryat population was that in addition to the money kept in the encampments of barter and trade fairs in the departments.

Keywords: trade, fair goods, Buryats, Transbaikalia.

В XIX в. натуральное хозяйство забайкальских бурят стал активно внедряться торговля. Об этом свидетельствуют данные Степных дум, созданных по реформе М.М. Сперанского Устава об управлении инородцами 1822 г. Среди бурят были учреждены 11 Степных дум. Документы большинства из них хранятся в фондах Государственного архива Республики Бурятия (более 37 000 дел в 11 фондах Степных дум, 21 фонде инородных управ, 11 фондах родовых управлений). В Забайкалье были созданы 4 Степные думы — Кударинская, Баргузинская, Селенгинская, Хоринская, впоследствии из Хоринской Степной думы выделилась Агинская. Материалы Агинской Степной думы хранятся в Государственном архиве Забайкальского края.

Весьма ценный вклад во включение в научный оборот этих материалов вносят Б.Ц. Жалсанова и Л.В. Курас, публикующие документы Степных дум. Ими изданы материалы Аларской, Баргузинской, Кударинской, Ольхонской и Хоринской Степных дум. Составители включили наиболее интересные документы, характеризующие деятельность

Степных дум. Для исследователей использование этих документов представляет определенную сложность, поскольку половина документов забайкальских Степных документов написаны на бурятском языке старомонгольской письменностью, а прочтение каллиграфии XIX в. русского языка требует определенной подготовки. Поэтому при написании данной статьи были использованы опубликованные материалы. Статистические данные, взятые в сборниках, приведены в сносках, расчеты, произведенные автором, не указаны.

С конца XVIII в. основными формами торговли в Забайкалье были ярмарки и базары. Самой крупной ярмаркой в Забайкалье была Верхнеудинская, на которую кроме купцов и мелких торговцев приезжали буряты. В 1812 г. иркутский генерал-губернатор Трескин издал распоряжение об открытии ярмарок в бурятских ведомствах [4, с. 82]. Все ярмарки зависели от Верхнеудинской по ценообразованию и перечню товаров. После Верхнеудинской ярмарки по значимости была Чертовкинская, которая специализировалась на рыбороторговле, третьей была Агинская, четвертая — Онинская, пятая — Улюнская. Цаган-Норскую ярмарка относилась к торжкам.

Среди бурятских торговых центров самой крупной была Агинская ярмарка, о чем свидетельствует следующая таблица [1, с. 458].

Год	Привезено товаров, тыс. р.		Продано товаров, тыс. р.	
	Агинская	Онинская	Агинская	Онинская
1861	35,3	7,4	22,8	3,5
1876	152,6	10,8	77,1	8,0
1889	294,5	52,2	128,0	12,6

Приведенные в таблице данные, по мнению И.А. Асалханова, занижены почти в два раза. Например, по официальным сведениям на Верхнеудинскую ярмарку товары были привезены на 4 тыс. подвод, по подсчетам И.А. Асалханова по количеству заявленных мест на постоянных дворах подвод было от 9 тыс. до 11 тыс. [1, с. 462]. На Верхнеудинской ярмарке обороты превышали 1 млн р., на Чертовкинской доходили до 1 млн р.

Агинская ярмарка была основным торговым центром в Восточном Забайкалье, перенос ярмарки в г. Чита не имел успеха. На Агинскую, Онинскую и Улюнскую ярмарки привозили бакалейные товары, шелковые и бумажные товары и мануфактурные изделия. Местное население привозило скот и продукцию скотоводческого хозяйства.

Онинская ярмарка, действовавшая в Хоринском ведомстве недалеко от Степной думы, работала с 15 ноября по 15 декабря ежегодно. На ярмарке шла торговля российским, китайским товаром и местной продукцией скотоводства. Из Китая привозили чай, шелк, разные китайки (ткани), с российских ярмарок — плис, сукно, хлопчатобумажные изде-

лия и табак. Буряты вывозили на ярмарку пушнину: белка, соболь, хорек, а также шкуры волка, лисицы, рыси, медведя, изюбря, сохатых, коз, и товары скотоводческого производства — мясо, масло, сало.

По отчету Хоринской Степной думы за 1849 г. на Онинскую ярмарку купцами было привезено товаров на сумму 5376 р. 20 к. серебром, продано на 1475 р. 50 к., непроданный товар составил 3900 р. 70 к. Буряты продукцию скотоводства и охоты вывезли и продали на сумму 1330 р. [1, с. 160]. Продукция охоты не использовалась бурятами, а практически полностью вывозилась на ярмарку. Большим спросом у китайцев пользовались рога изюбря, цена которых в зависимости от веса колебалась от 80 р. достигала 300 р. [2, с. 341]. Онинская ярмарка устраивалась специально для продажи скота, мяса, масла, шкур и т.д., туда съезжались не только буряты, но и покупатели, нуждающиеся в этом виде товара, так что свое назначение ярмарка выполняла.

В Баргузинском ведомстве были две ярмарки: Улюнская и Цаган-Норская. Улюнская ярмарка была учреждена Указом Верхнеудинского земского суда главным зайсаном Баргузинского ведомства от 29 августа 1810 г. В Указе отмечено, что среди баргузинских 5 родов около реки Улюн в 30 верстах от Баргузина проводить ежегодную ярмарку с 6 по 29 декабря, на которую «съезжаться могут иногородние купцы с товарами своими». К 1855 г. сроки ярмарки передвинулись с конца декабря до 7 и 10 января [3, с. 18, 65]. Оборот Улюнской ярмарки был почти в два раза ниже Онинской, что было связано с ее отдаленностью от г. Верхнеудинска. Улюнская ярмарка была приурочена к сбору подати и стала проводиться с 15 декабря, т.е. после окончания сбора подати и прочих государственных повинностей. Выполнение указа было поручено зайсанам Андрееву и Имышкееву. Улюнская ярмарка имела удобное расположение, поэтому сюда приезжали купцы из Верхнеудинска, Иркутска, Баргузина и местное бурятское, тунгусское и русское население. Вторая ярмарка проводилась «в урочище Цаган-Нор по реке Аргатай» [3, с. 91]. Цаган-Норская ярмарка проводилась с 15 июня по 1 июля ежегодно, она была небольшая по объему продаж. В 1901 г. был принят Общественный приговор о ярмарке, в котором ставился вопрос об увеличении периода проведения Улюнской ярмарки и нецелесообразности Цаган-Норской ярмарки. Вместо нее предлагалось ведения торговли купцами независимо от происхождения и вероисповедания в улусах в течение одного месяца с 1 июня по 1 июля ежегодно.

У бурят Кударинского ведомства основными занятиями были земледелие и рыболовство. Ярмарок не было, жители ведомства выезжали в ближние селения Верхнеудинского округа с рыбой, в основном омулем, и меняли ее на хлеб.

Самым прибыльным товаром у бурят Забайкалья был крупнорогатый скот, мясо, масло, жир, кожа. Продавали быков и лошадей в каче-

стве тягловой силы. Второй по значимости были овцы, шерсть которых продавали на Иркутскую Тельминскую казенную суконную фабрику, а мерлушку на ярмарках. Основными покупателями были купцы и торгующие люди, которые перепродавали в города, на прииски, военное ведомство, в Иркутскую губернию и Амурскую область. Крупные закупки стала делать казна во время освоения Амурской области. До 1950 г. поставка продуктов скотоводства на Нерчинские горные заводы осуществлялась купцами, закупавшими скот в Агинском ведомстве. По ходатайству агинских бурят, занимавшихся скототорговлей, генерал-губернатор Восточной Сибири разрешил бурятам Агинского ведомства поставлять мясо на нерчинские заводы наравне с русскими купцами. В 1851 г. агинские буряты впервые участвовали в торгах, организованным горным ведомством для поставки мяса, сала, кож [1, с. 380]. Поставляли агинские буряты продукцию скотоводства и в Амурскую область. По подсчетам учителя Агинского приходского училища Онгодова через знакомых купцов в конце 1870-х гг. в Амурский край было продано 7 тыс. голов рогатого скота в живом весе и в мясе. Кроме того в конце 1870-х — начале 1880-х гг. ежегодно агинские буряты сбывали 40 тыс. скотских и 20 тыс. конских кож на сумму 75 тыс. р., из них зимой 20 тыс. рогатого скота и 10 тыс. лошадиных кож продавались на зимней Верхнеудинской ярмарке, остальные — на Чертовкинской ярмарке, находящейся в Селенгинском округе около озера Байкал. Вырученные деньги шли на покупку кирпичного чая и «обыденной одежды», соли, мыла и других товаров первой необходимости, а также на уплату подати и повинностей. По подсчетам Онгодова на одну душу в год требовалось 8 кирпичей чая [1, с. 381].

В конце XIX в. продукция скотоводства потребовалась в ходе строительства Забайкальской железной дороги. Расширяющийся рынок сбыта делал скотоводческое хозяйство бурят товарным. В Забайкальской области кроме бурят скотоводством занимались отчасти казаки Акшинского округа.

Во время подворной переписи 1897 г. в Хоринском ведомстве зажиточные буряты ежегодно продавали быков и яловых коров гуртами в 10–30 голов на наличные деньги без посредников в два приема: от 5 до 15 голов осенью, после летнего нагула, и от 5 до 15 голов весной, главным образом быков, которые специально откармливали [1, с. 383].

Скот являлся главным платежным предметом бурят. Купцы получали скот в счет уплаты предложенного товара и для покрытия долга. Выдача товара в долг была постоянной практикой торговли купцов.

По отчету Баргузинской Степной думы от 1855 г. в ведомстве было продано крупного рогатого скота на сумму 9000 р., скотской кожи — на 1900 р., коровье масло и жир — на 1950 р. серебром, овечья шерсть на Тельминскую фабрику — на 2600 р., черной и белой мерлушки — на 90 р. [2, с. 65, 66]. В 1867 г. на Улюнскую ярмарку купцы и торгующие

лица привезли товар на сумму 5000 р., буряты — на 7000 р., продано соответственно на 4000 р. и 8500 р. На Цаган-Норскую ярмарку купцы и торгующие лица вывезли товар на сумму 3000 р., буряты — на 2000 р., продали соответственно на 1500 р. и 1500 р. [3, с. 110]. На Улюнскую ярмарку свой товар привозили купцы и торгующие лица из Верхнеудинска, Иркутска и других мест, на Цаган-Норскую ярмарку — из г. Баргузин и близлежащих поселений.

Наибольший торговый оборот шел за счет прямой продажи. В 1849 г. в отчете думы указано о продаже хоринскими бурятами в г. Верхнеудинске, Петровском заводе, Кяхтинской торговой слободе, г. Троицкосавске и в Хоринском ведомстве коней, крупного рогатого скота, овец, а также мяса, шкуры животных (мерлушки, овчины, козьеи), шерсти на общую сумму 40 382 р. 48 к. серебром [2, с. 152]. Наибольший оборот торговли был в г. Верхнеудинске, где хоринские буряты продали скот на сумму 18 413 р. 60 к. серебром, в ведомстве продажа составила 4335 р., в Кяхтинской торговой слободе и г. Троицкосавске — 3101 р. 50 к., в Петровском заводе — 1731 р. 40 к. Высоким спросом пользовался крупнорогатый скот, проданный на сумму 12 420 р. и сырые скотские шкуры, за которые хоринские буряты выручили 10 866 р. 80 к. Скотоводческое хозяйство давало основную прибыль хоринским бурятам по сравнению с другими занятиями. Так, продажа пушнины и шкур зверей, струя кабарги, рога изюбря составила 6710 р. 18 к., рыбы — 374 р. 40 к., орех — 427 р. 45 к. [2, с. 153, 154].

Торговля в Баргузинском ведомстве велась как на двух ярмарках, так и вне ее. В документах Баргузинской Степной думы дана общая статистика, без выделения ярмарочной торговли. В 1855 г. сумма продажи составила 18 260 р. серебром, в 1867 г. — 40 990 р. [3, с. 66, 110]. Сюда не вошли мелкие продажи тунгусам и русским, живущие по соседству. Из продовольствия буряты покупали только кирпичный чай, иногда хлеб.

К 1889 г. доминирующим товаром оставался скот и производные от скотоводства, но круг участников торга изменился. Теперь кроме торгующих людей из Верхнеудинска, в торговле стали участвовать представители Читы и Иркутска для продажи скота в Амурском крае и Иркутской губернии. Но читинцы и иркутяне покупали скот также в Монголии, от того где они делали основной закуп зависела цена скота. В зависимости от спроса цена за яловую корову с 1 р. поднималась до 30 р., за быка с 25 до 45 р. [2, с. 341].

Улюнская ярмарка не приносила доход Степной думы, поэтому, чтобы получить акциз на торговлю предлагалось строительство торговых лавок. Главный тайша Сахар Хамнаев предлагал построить одну лавку за свой счет. На ярмарке не было весов, кроме образцовых, чтобы получить доход в пользу Думы, брат тайши Суван Хамнаев жертвовал одно коромысло и несколько гирь.

Одним из объектов торговли бурят была рыба. Среди хоринских бурят рыболовством занимались кочующие около Еравнинских озер. Рыбу они сбывали крестьянам Брянской, Куйтунской, Тарбагатайской, Петровской, Никольской и Мухоршибирской волостей [2, с. 341]. Баргузинские буряты ловили рыбу в небольших объемах в водоемах, расположенных на территории ведомства, за 1854–1855 гг. они получили доход от продажи в 600 р. серебром, в 1867 г. — 558 р. 75 к. [3, с. 66, 109]. Наибольший доход от продажи рыбы получали буряты Кударинского ведомства, живущие на берегах озера Байкал. Большая часть рыбы отправлялась в Иркутск, Верхнеудинск, Троицкосавск и др. В 1838 г. было продано рыбы на сумму 2716 р., в 1870 г. — на 5127 р. [5, с. 27, 65].

По Уставу об управлении инородцев 1822 г. на территории расселения бурят открывались общественные экономические магазины, в которых хранились хлебные запасы в зерне. Зерно продавалось на семена и в качестве продовольствия.

Забайкальские буряты, несмотря на усилия царского правительства, занимались земледелием в ограниченных масштабах. В случае хорошего урожая избыток хлеба хоринские буряты продавали внутри округа и ведомства. В Верхнеудинск и Петровский Завод вывозили крайне редко. Хлеба, выращенного в ведомстве, не хватало для пополнения запасов экономических магазинов, поэтому по решению правительства производился ежегодный сбор с каждой души по 6 коп. серебром. К 1855 г. в Баргузинском ведомстве было 4 экономических магазина, к 1867 г. их стало 5, в 1868 г. по отчету Хоринской Степной думы в ведомстве был 51 экономический магазин. В Кударинском ведомстве в 1838 г. был 1 экономический магазин. В ведомствах, где слабо развивалось земледелие, было открыто больше магазинов.

В 1857 г. баргузинский тайша Сахар Хамнаев подготовил проект об учреждении частных хлебозапасных магазинов в ведомстве, которые должны были действовать отдельно от общественных экономических магазинов. Для этого буряты должны построить амбар для хранения зерна. Взнос может быть не менее 9 пудов на каждую ревизскую душу, приписанную к тому амбару.

Торговля как основное занятие становилась привлекательной для бурят. В их среде стали появляться купцы. Так, в Ведомости о составе народонаселения по Хоринскому ведомству не ранее 1849 г. среди 31 938 жителей Хоринского ведомства были 7 купцов, из них 2 мужчин и 5 женщин, в 1894 г. — 2 купца второй гильдии, 2 человек занимались мелочной развозной торговлей и 4 человек были купеческими приказчиками [2, с. 161, 360].

Торговля бурят скотом привлекала крупных предпринимателей. Так, в Баргузинском ведомстве с 1867 г. принимал участие известный баргузинский купец 1-й гильдии А.Х. Новомейский. Он вел торговлю ману-

фактурными, бакалейными товарами, приобретая в обмен у бурят мясо и продовольствие для золотых приисков и шерсть для Иркутской Тельминской фабрики. В 1901 г. он обратился в Баргузинскую Степную думу с прошением о выдаче ему удостоверения о том, что он вел торговлю добросовестно дозволенными товарами [3, с. 202]. Родоначальники всех 8 родов дали разрешение на выдачу удостоверения А.Х. Новомейскому.

Занятие посреднической торговлей стало привлекательным для некоторых бурят, что вызывало критику у родоначальников. Оставив свое хозяйство, они покупали скот и продавали его в Верхнеудинске. Особое недовольство проявлялось, когда этим занимались имеющие бедное хозяйство и недоимки по платежам ясака. В феврале 1855 г. главный тайша Баргузинской Степной думы Сахар Хамнаев отметил: «...многие инородцы, оставя работу свою, пустились в торгаши. Самые бедные люди купят у богатых скота, масло, кожу и прочее, с коим отправляются в Верхнеудинск, там в случае хорошей продаж и тогда только сведут концы с концами, вырученные [...] деньги возвращают хозяевам всегда не вполне» [3, с. 46]. В случае неудачной торговли они попадают в должники, или в г. Верхнеудинске начинают работать в счет долга. Поэтому Сахар Хамнаев предлагал родовым Головам составить именные списки тех, кто должен находиться в своем хозяйстве или на работе у других и следить, чтобы эти люди постоянно работали, а не «шлялись».

На Агинскую ярмарку, кроме русских купцов и торговых людей приезжали китайские торговцы. В 1879 г. царское правительство запретило беспощинный торг китайцам на территории России. Китайцы обратились с прошением к военному губернатору Забайкальской области с просьбой разрешить торговлю на Агинской и на Онинской ярмарках. Разрешение было дано на право торговли в определенное время [1, с. 461]. На территории Багузинского ведомства вели торговлю евреи и русские. В документах Степной думы есть Именной список евреев, торгующих в ведомстве баргузинских бурят, состоящий из 28 человек и список из 5 торгующих русских людей [3, с. 164–165]. В Баргузинском ведомстве торговали китайцы, разрешение им давала Баргузинская городская дума. Во время сбора ясака торговля в бурятских улусах была запрещена.

Буряты Западного Забайкалья занимались в основном кочевым скотоводством, кроме кударинских, которые занимались рыболовством и земледелием, соответственно эти занятия давали основной товар. Устав об управлении инородцев 1822 г. разрешил купцам и мелким торговцам торговать в улусах, такое же право получили буряты. В XIX в. торговля у забайкальских бурят стала одним из предметов хозяйствования. Однако скотоводство имело ярко выраженный товарный характер у зажиточных бурят. У владельцев слабых хозяйств основной целью продажи была уплата подати и повинностей. Для собственного употребления товар приобретался за счет обмена на продукцию скотоводства.

Торговля на ярмарках и в улусах имела смешанный характер: расчет велся на деньги и оставался меновым, зачастую необходимый товар брали в долг, о чем свидетельствуют документы Степных дум. Кроме этого предметом продажи являлась охотничья добыча, но она была мизерной по сравнению с товарами скотоводства.

Список использованной литературы и источников

1. Асалханов И. А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. / И. А. Асалханов. — Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во, 1963. — 495 с.
2. Жалсанова Б. Ц. История Хоринской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1825–1904 гг.): [сб. документов, перечень материалов] / Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2016. — 592 с.
3. Жалсанова Б. Ц. История Баргузинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1903 гг.): [сб. документов, перечень материалов] / Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2012. — 351 с.
4. История Бурятии : в 3 т. Т. II. XVII — начало XX в. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. — 624 с.
5. История Кударинской Степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия (1825–1903 гг.) : [сб. документов, перечень материалов]. — Улан-Удэ, 2010. — 248 с.

Информация об авторе

Санжиева Татьяна Ефремовна — доктор исторических наук, профессор, кафедра истории Бурятии, Бурятский государственный университет, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а, e-mail: sanj_te@mail.ru.

Author

Tatiana E. Sanzhieva — Doctor of History, Professor, Department of History of Buryatia, Buryat State University, 24A Smolin St., Ulan-Ude, 670000, e-mail: sanj_te@mail.ru.

УДК 338
ББК 63,3

В.В. СИННИЧЕНКО

ВЛИЯНИЕ КУРСА РУБЛЯ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ЗАКУПКЕ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ ДЛЯ НУЖД АРМИИ И ТЫЛА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Анализируется деятельность российских закупочных структур, приобретавших в годы Первой мировой войны продовольствие за рубежом. Делается вывод, что из-за обесценивания в четыре раза покупательной способности российского рубля, российские чиновники не смогли в планируемом объеме снабдить действующую армию и тыл мясными продуктами из Монголии и Китая.

Ключевые слова: мясопродукты, Монгольская экспедиция, рубль, валюта, серебро, пограничные власти, мука, текстиль, товар, курсовая разница, инфляция, солонина, консервы.

V.V. SINICHENKO

INFLUENCE OF RUBLE EXCHANGE RATE ON ACTIVITIES FOR PURCHASE OF FOOD FOR NEEDS OF ARMY AND THE BACK IN THE YEARS OF WORLD WAR I

Activity of the Russian purchasing structures buying in the years of World War I food abroad is analyzed. The conclusion is drawn that because of depreciation four times of purchasing power of Russian ruble, the Russian officials not of a smotgla in the planned volume to supply field army and the back of a myasnyama with products from Mongolia and China.

Keywords: meat products, Mongolian expedition, ruble, currency, silver, boundary authorities, flour, textiles, goods, exchange difference, inflation, corned beef, canned food.

С 1914 г. Первая мировой война предъявила новые требования к экономике воюющих стран. Уже в начале войны Россия столкнулась с проблемой нехватки вооружения и боеприпасов. Поэтому царское правительство пошло по пути организации больших военных заказов в союзных и нейтральных странах. Трудности доставки, связанные с боевыми действиями на Черном и Балканском морях, заставили царское правительство обратить внимание на дальневосточный край. Китайская восточная железная дорога стала до окончания строительства в 1916 г. Амурской железной дороги основным путем, поставлявшим в Россию из-за рубежа снаряжение и продовольствие.

Однако рост импортных операций сдерживало расстройство финансов России. Иностранные займы и вызванное ими катастрофическое увеличение внешнего государственного долга, составившего к началу мировой войны 5,5 млрд р. и возросшего за время войны на 7,2 млрд р., резкое повышение косвенных налогов на предметы первой необходимости, привели к инфляции и значительному снижению жизненного уровня населения. Испытывая постоянную нужду в средствах, правительство прибегло к чрезмерному выпуску бумажных денег, переполнившее каналы обращения обесцененными денежными знаками. С января 1914 г. по январь 1917 г. сумма находившихся в обращении кредитных билетов возросла с 1,5 до 9,1 млрд р. За все военные годы было выпущено в общей сложности кредитных билетов на 10 млрд р., в то время как реальный золотой запас составлял всего лишь около 1,5 млрд р. Ничем не обеспеченный выпуск бумажных денежных знаков вызвал резкое падение покупательной способ-

ности рубля. Если к началу 1915 г. официальный курс рубля снизился до 80 к., к концу 1916 г. — до 60 к., то к февралю 1917 г. он упал до 55 к. К марту 1917 г. покупательная способность рубля составила всего лишь 27 к. от уровня марта 1914 г. Падение курса рубля отразилось и на импортных операциях правительственных организаций, в частности на деятельности «Монгольской экспедиции» по закупке скота для нужд действующей армии.

Днем учреждения Монгольской Экспедиции следует считать 24 июня 1915 г., когда главноуполномоченным министерства землеустройства и земледелия С.Н. Лениным был утвержден «Наказ для экспедиции Главного управления землеустройства и земледелия по закупкам скота в Монголии для нужд продовольствия действующей армии» [2, л. 1]. Потребность в создании экспедиции была вызвана тем, что в середине 1915 г. мясные запасы в Европейской России почти иссякли, поэтому царское правительство перешло к закупкам мяса в Монголии, Китае и Корее.

В целом в первый год деятельности так называемой «Монгольской экспедиции» удалось купить и отправить действующую армию около 650 000 пудов скотского мяса и баранины на сумму около 3 млн р. [2, л. 9]. Возможности экспедиции были ограничены незначительными финансовыми авансами, выданными уполномоченным российским правительством и в проявившемся нежелании «безграмотных монгол и китайцев» давать расписки за приобретенный у них скот. В этих условиях уполномоченные не могли заключать сделок, не имея на руках отчетных документов. Ситуация могла быть исправлена если бы царские эмиссары давали бы монголам не кредитные царские рубли, а товар для обмена на скот (чай, муку, текстиль, металлические изделия) [2, л. 12]. Однако бюрократические трудности не позволили это благое начинание воплотить в жизнь.

Но самым крупным тормозом для успешного выполнения заданий экспедиции являлось непостоянство курса рубля [2, л. 9]. Больше всего это отразилось на Хайларском районе (Маньчжурия). Сделки здесь заключались с поставщиками в конце сезона закупок, и колебание курса рубля сорвало контракты с уполномоченными экспедиции [2, л. 10].

Отметим, что в 1915 г. заготовительные цены на мясо в местах закупок, так и рыночные цены, соответствовали еще друг другу. Цена заготовленного экспедицией мяса по всему обширному району ее деятельности от Челябинска до Владивостока не превысила цены прежних лет, а общая средняя стоимость одного пуда мяса, включая все накладные расходы как по содержанию персонала, так и по закупке и забойке скота, доставке, хранению и погрузке мяса в вагоны и прочее, составила около 4 р. 50 к. за пуд, т.е. оказалось на 70 к. ниже предложенной на совещании в июне 1915 г. [2, л. 14].

Однако из-за снижения курса рубля проблема нарастала и уже 4 мая 1916 г. Иркутское краевое совещание предлагало установить твердую цену на мясо внутри Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Но установленные совещанием от 4 мая 1916 г. цены не были утверждены, а отсутствие твердых цен, как будет видно ниже, поставило как работников экспедиции в крайне тяжелое положение, так и население Края.

Неутверждение 4 мая твердых цен повлекло переплату в Монголии на сумму в 1,5 млн р. Уполномоченный Гей, докладывая о ситуации в Западной Монголии — районе озера Косогол, подчеркнул, что закупочный сезон в этой части Монголии начался в апреле, и он снарядил шесть отрядов для закупки скота. Но отпущенный аванс скоро иссяк; пересылка оправдательных документов в Россию для получения нового аванса требовала 3–4 месяца; он остался без средств. Тогда он на свой страх и риск начал закупать скот в кредит, но в июне задолженность достигла 1 600 000 р., и он должен был прекратить закупки. Долг был уплачен, но 1–1,5 месяца Гай и его отряды бездействовали в самый пик закупочного сезона. Будь у Гая достаточно средств на закупку, он мог бы заготовить в два раза больше скота, чем было заготовлено.

По сообщению уполномоченного Владивостокско-Маньчжурского района А.С. Мещерского камнем преткновения для успешной работы являлось колебание курса рубля [2, л. 18]. В условиях падения стоимости кредитного рубля, уполномоченные требовали отпуска им исключительно валюты и плиточного серебра, как менее подверженных инфляции мер платежа [2, л. 20].

В июне 1916 г. правительство ассигновало на закупку мяса «Монгольской экспедицией» 10 млн р. Было запланировано заготовить три млн пудов мяса, 600 000 пудов сала и 300 000 банок австралийских консервов [2, л. 47].

Была поднята и цена на мясо. Закупочная цена на мясо составила 12 руб. за пуд [2, л. 48].

Именно по этой цене в марте 1917 г. начал закупать мясо уполномоченный по Владивостокско-Маньчжурскому району А.С. Мещерский. Оборотные средства он хранил в частных банках, что было санкционировано циркуляром Государственного контроля от 13 марта 1917 г. [3, л. 5]. Аффелированные А.С. Мещерским банки — это «Русско-Азиатский», «Сибирский торговый» и «Монгольский Национальный банк» [3, л. 6].

Оборотные средства в операционном году (1916–1917 гг.) составили у А.С. Мещерского сумму в 7 614 767 р. и 2 873 167 р. 82 к. ранее уплаченного аванса, что составило общую сумму потраченных правительственных денег в 10 387 935 р. 27 к. [3, л. 7].

На эти деньги прошла заготовка 1 179 000 пудов мяса, 307 000 пудов сала, 44 000 сырца, 70 000 овчины, 46 630 кожи [3, л. 8].

Цена мяса за пуд колебалась от 4 р. 65 к. по проплаченным контрактам 1915–1916 гг., до 6 р. 80 к. кредитными билетами за 300 000 пудов мяса по договору в октябре 1916 г. В марте 1917 г., как отмечалось, закупочные цены вышли на уровень 12 р. за пуд [3, л. 8]. В то же время летом

1915 г. было закуплено 351 083 пудов мяса по ценам от 3 р. 90 к. до 4 р. 80 к. за пуд [1, л. 2–3]. Таким образом, за два года инфляция обесценила рубль в 4 раза [2, л. 51].

Ситуация могла бы решиться если бы царское правительство направило промышленные товары скопившиеся на складах Владивостока на обмен на мясо в Монголии и Маньчжурии. Однако бюрократические согласования срывали этот план. Из-за отсутствия денег и товаров для обмена в июне–сентябре 1917 г. в Монголии не совершалось закупок. В то же время в Монголии наблюдался настоящий товарный голод. Острая нужда наблюдалась в муке, выделанных кожах-юфти, чае и тканях. На приобретение этих товаров уполномоченные Экспедиции испрашивали кредит в 15 млн р. кредитными билетами. Но Временное правительство этот кредит не одобрило. Лишь после того как большевики пришли к власти 7 ноября 1917 г. они предоставили кредит В.Г. Гею для приобретения товаров. Правительство В.И. Ленина также обещало организовать подачу поездов и вагонов для отправки товаров в обмен на мясо [2, л. 53].

В то же время А.С. Мещерскому кредитная канцелярия, после того как власть сосредоточилась в руках Временного правительства весной 1917 г., категорически отказала в выдаче требуемого объема валюты. Поэтому уполномоченному Владивостокско-Маньчжурским районом Монгольской экспедиции пришлось перейти на рублевый расчет, что привело к переплате за мясо. Но отдел заготовок требовал расширения закупок в связи с возрастанием на фронте нужды в мясных продуктах и А.С. Мещерский был вынужден платить вместо 5 р. 70 к. за пуд 6 р. 50 к. Но так как курс рубля на протяжении 1917 г. падал, выйти на запланированные объемы поставок не удалось [2, л. 53].

В августе 1917 г. А.С. Мещерским вместо миллионов валюты было с громадным затруднением получено только 900 000 шанхайских лан и 200 пудов весового серебра. Для выполнения хотя бы части задания ему пришлось на страх и риск оплатить по уже заключенным договорам, все имеющиеся у него в то время кредитные билеты. Всего на кредитные билеты было закуплено 145 380 мексиканских долларов, 24 500 английских фунтов стерлингов и 600 японских иен, которые были использованы для покупки у китайцев мяса [4, л. 1].

Общая заготовка Владивостокско-Маньчжурского района за 1917–1918 гг. составила 6234 головы в живом виде, из которых было сдано живьем 3601 голова, а остальные забиты и получено мяса на 14 783 пуда 32 фунта и 1862 штуки кож [4, л. 4].

Между тем требования администрации Временного правительства России нарастали.

Еще 4 июля 1917 г. отдел заготовок Военного министерства России прислал телеграмму во Владивосток: «Армия испытывает мясной голод, который зимой еще более обострится».

20-го августа 1917 г., в новой телеграмме подчеркивается: «Недостатка сала принимает угрожающие размеры. За первые десять дней августа отправлено 13 вагонов, когда месячный наряд 480 вагонов». Власти требовали преодоления кризиса поставок «...в отношении этого продукта питания, особенно необходимого в условиях походной жизни» [2, л. 54].

Но требования военных властей уже не имели никакого смысла, в условиях отсутствия иностранной валюты, все рынки Маньчжурско-Владивостокского района, постепенно становились утраченными для заготовок на нужды фронта [2, л. 55].

В то же время крестьяне и вообще сельское население Забайкальской области, Иркутской и Енисейской губерний решительно отказывались продавать скот армейским интендантам по твердым ценам, установленным в январе 1917 г. [2, л. 56].

Стремясь преодолеть негативные тенденции Пятый съезд уполномоченных Монгольской экспедиции 2 декабря 1917 г. постановил: повысить цену на мясо российского происхождения на 35 %, а заграничного происхождения на 50 %.

Однако, ни иностранцы не продавали, ни российское население не сдавало мясо по новым ценам [2, л. 60]. Сопrotивление населения продаже скота по твердым ценам поставило вопрос о продразверстке, но и эта мера не дала результатов при слабости власти. Так, в сибирском районе (Сибирь и Забайкалье) заготовили 80 тыс. пудов мяса, вместо предполагаемых 900 000, т.е. 15 % от плана [2, л. 61]. По Западно-Монгольскому району уполномоченный И.А. Гляудель доложил, что план работ не выполнен из-за недостатка средств и товаров. По Владивостокско-Маньчжурскому району отсутствие валюты сорвало выполнение плана. Всего было заготовлено 100 000 пудов солонины и 50 000 мороженого мяса, которые были сданы А.С. Мещерским для пропитания гарнизонов востока. Пуд мяса покупали уже по цене в 96 р. [2, л. 62].

В.Г. Гей признал Советскую власть и в ноябре 1917 г. явился в Петербург в отдел заготовок Военного министерства России. В результате переговоров экспедиции правительством Ленина было отпущено 20 млн р. кредитными билетами и 3 тыс. пудов серебра, около 12 вагонов мануфактуры и дано право на приобретение в Китае и Монголии 100 000 пудов муки для обмена на скот [2, л. 65].

Однако деятельность Монгольской экспедиции была парализована продовольственными комитетами различных регионов, возникших в начале 1918 г. В частности, после большевистского переворота не признали новую власть Западной Сибири (Омске), на территории Уральского казачьего войска. В Бийске и Павлограде у сотрудников экспедиции реквизировали мясо [2, л. 68].

Антибольшевистские силы вскоре изолировали Монголию и Маньчжурию от центральной России. В апреле 1918 г. началась гражданская война.

Итак, главным препятствием для успешного выполнения заданий «Монгольской экспедиции» являлось непостоянство курса рубля, который ежегодно рос, а также отсутствие предложения обмена в Монголии местного мяса на промышленные товары России или стран союзников.

Падение объемов импорта мяса в Россию в годы Первой мировой войны приходится на 1916 г. и значительно усиливается в 1917 г.

Причина этого явления заключалась в колебаниях курса русского рубля. Это было второй проблемой российских пограничных властей, которые также участвовали в организации этих закупок скота. Неуклонное падение русской валюты за весь период войны, приведшее к полному обесцениванию русского рубля, приводила и к срыву заготовок мяса.

Список использованной литературы и источников

1. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). — Ф. 384. — Оп. 1. — Д. 5.
2. РГИА ДВ. — Ф. 384. — Оп. 1. — Д. 20.
3. РГИА ДВ. — Ф. 384. — Оп. 1. — Д. 28.
4. РГИА ДВ. — Ф. 384. — Оп. 1. — Д. 211.

Информация об авторе

Синиченко Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин, полковник полиции, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 11, e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru.

Author

Vladimir V. Sinichenko — Doctor of History, Professor, Head of Department of Philosophy, Psychology and Social and Humanitarian Disciplines, Police Institute Ministry of Internal Affairs of Russia, 11 Lermontov St., Irkutsk, 664074, e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru.

УДК 94 (518)
ББК 63.3(5Кит)

Б. Д. ЦЫБЕНОВ

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ДАУРОВ ХУЛУН-БУИРА (1911–1917)

Статья посвящена истории дауров Хулун-Буира 1911–1917 гг. Рассматриваются следующие вопросы: участие дауров в восстании 1912 г., статус Хулун-Буира в этот период, обучение даурской молодежи, освобождение Хайлара в 1917 г. от отряда Сэбжингэ.

Ключевые слова: дауры, чиновники, Хулун-Буир, восстание, статус, независимость, автономия.

B.D. TSYBENOV

TO THE HISTORY OF DAUR PEOPLE IN HULUN-BUIR 1911–1917

The article is devoted to the history of Daur people in Hulun-Buir 1911–1917. The authors examined such issues as participation of Daur in the uprising of 1912, the status of Hulun-Buir, education of Daur youth, Sebzhinghe expulsion from Hailar in 1917.

Keywords: Daur, officials, Hulun-Buir, uprising, status, independence, autonomy.

Дауры в начале XX в. проживали компактными группами в Хулун-Буире (Барге), Бутхе, Цицикаре, Синьцзяне. Небольшая группа дауров жила по Амуру, в районе Хэйхэ, а также в местности Хулан. В административном плане даурское население относилось к провинции Хэйлунцзян и входило в состав шести округов: 1) Цицикар, 2) Айгунь, 3) Мэргень, 4) Хулан, 5) Хулун-Буир, 6) Бутха. В настоящей работе мы решили осветить вопросы истории дауров Хулун-Буира, известных как «хайларские дауры». Их предки были переселены в Хулун-Буир из Бутхи в 1732 г. [11, с. 78], со временем эта группа дауров вступила в тесное этнокультурное взаимодействие с соседними баргутами, олетами, солонами. Поэтому историческое развитие хайларских дауров неразрывно связано с историей Хулун-Буира. Из среды дауров часто назначались чиновники. Они играли важную роль в жизни региона. Как писал англо-американский востоковед О. Латтимор: «В силу своей энергии, способностей и традиции занимать высшие должности, дауры монополизировали все высшие административные должности в Барге... Почти все образованные дауры (а таких много) читают и пишут по-маньчжурски... Образованные дауры владеют монгольским и китайским языками, и многие изучают русский. Говорят, что единственный учившийся в Америке монгол был дагуром. Много дагуров отправилось в Россию и Японию, чтобы получить высшее образование» [9, с. 100].

Начало XX в. для Хулунбуира ознаменовалось существенным ограничением внутренней автономии. С 1905–1906 г. в Хулун-Буир стали назначать чиновников — китайцев по происхождению и отводить земли для колонизации [7, с. 111]. В 1908 г. должность амбаня была упразднена, и вместо него был назначен китайский фудутун — наместник с правами губернатора провинции. В первый год периода сюаньтун (1909 г.) цинское правительство упразднило ямзнь (резиденция чиновника и его помощников) фудутуна Хулун-Буира и вместо него учредило должность даота с военными полномочиями [14, с. 73; 4]. Согласно отечественным источникам, на даотаев возлагались обязанности интендантов, сборщи-

ков соляного налога, заведывающих сношениями с иностранцами [5, с. 82]. В Хулун-Буир были введены китайские войска и полиция. Начались конфискации у местного населения скота, верховых животных. Нередко китайские солдаты применяли силу и заключали под стражу, были случаи избиения скотоводов из числа дауров, баргутов и солонов. Тем самым, действия войск и полиции способствовали росту антикитайских настроений в регионе. Чиновники из упраздненного аппарата амбаня обращались к администрации даотая с требованием прекратить случаи неподобающего обращения с населением. Однако новая администрация Хулун-Буира не сочла нужным рассматривать их требования. Как и везде во Внутренней Монголии, новая политика встретила жесткое сопротивление [12, с. 120]. Действия новых властей создавали предпосылки для начала борьбы, направленной против даотая, и в целом против идеологии китайского господства.

Высшие чиновники упраздненной администрации амбаня, из числа дауров, приняли самое деятельное участие в организации восстания в Хулун-Буире, ставшего позже известным как баргутское вооруженное восстание 1912 г. Чиновники — дауры участвовали в тайном съезде региональной знати в ноябре 1911 г., на котором было принято решение о провозглашении независимости Хулун-Буира. Например, известно об участии в тайном съезде начальника сомона белого знамени, даура Цэндэ, позже известного во Внешней Монголии как Цэнд-гун [12, с. 124]. Другой даурский чиновник Гуйфу возглавил организационную группу, отправившуюся в г. Харбин для переговоров о поставке оружия и боеприпасов с управляющими КВВД генерал-лейтенантом Д.Л. Хорватом и Е.И. Мартыновым. Переговоры были успешными, Мартынов отдал распоряжение о выдаче повстанцам требуемого количества винтовок с патронами и берданок [1, с. 10]. Данными о составе группы из Хулун-Буира мы не располагаем, однако учитывая большую задействованность чиновников-дауров в событиях 1912 г., можно предположить, что вместе с Гуйфу в группе могли находиться и другие представители высшей прослойки хайларских дауров. Основными причинами активного участия даурской знати в подготовке вооруженного восстания явились, на наш взгляд, во-первых, идеи всемонгольского национально-освободительного движения; во-вторых, замена института амбаней на администрацию фудутуней и даотаев в 1905–1909 гг., в результате которой региональные чиновники лишились своих должностей. Поэтому ликвидация новых китайских властей для них означала возврат к прежней модели внутренней автономии в делах и восстановление в утраченных должностях.

В то же время среди даурской знати имелись люди, выразившие готовность к радикальным переменам, вплоть до обретения подлинной независимости и суверенитета Хулун-Буира. В этом моменте их идеи сближались с замыслами баргутов, находившихся под большим влияни-

ем национально-освободительного движения во Внутренней и Внешней Монголии. Есть мнение, что восстание было организовано даурским чиновником Шэнфу [12, с. 124]. Таким образом, даурские чиновники, входили в руководящее ядро вооруженного восстания, в то время как ведущей силой его стали баргуты. Поскольку мы не обладаем данными о непосредственном участии в вооруженном восстании остальной массы даурского населения, то можем предположить, что их задействованность была менее заметной на фоне организованного движения баргутских скотоводов. События зимы 1911–1912 г. разворачивались следующим образом: вооруженный отряд, созданный на тайном съезде в ноябре 1911 г., численностью более одной тысячи человек, 15 января 1912 г. захватил административный центр региона — г. Хайлар. Возглавили восставших начальник западного крыла новых баргутов Чэгжэ (баргут) и начальник олетского хошуна Шэнфу (даур). Восстановив институт амбаней, повстанцы провозгласили независимость Хулун-Буира. 18 января 1912 г. Шэнфу отправил Богдо-гэгэну телеграмму с просьбой принять население Хулун-Буира в свое подданство и присоединить их земли к Халхе [4]. Этот факт характеризует Шэнфу как сторонника объединения монгольских территорий в рамках одного государства. Была ли это его воля, или же она была продиктована революционно настроенным большинством сказать трудно, но ясно одно, что, оказавшись в руководстве во время бурных событий, даурский деятель сумел принять быстрое и ясное решение, четко обозначившее позицию большинства населения Хулун-Буира. Тогда же, в январе 1912 г. в Нийслэл-Хурэ (Урга) отправилась делегация из Хулун-Буира. Основной целью делегации являлось обсуждение вопроса о присоединении региона к независимой Монголии.

4 февраля 1912 г. повстанцы во главе с Чэгжэ штурмом овладели крепостью Любинфу (около ст. Маньчжурия). Китайский гарнизон под командованием Чжен Шучжена насчитывал около 100 чел. солдат. К моменту описываемых событий, значительного контингента китайских солдат на охрану территорий, граничащих с Россией, не выделялось, поскольку имелись русско-китайские договоренности [1, с. 10]. В результате переговоров китайский гарнизон сдал оружие и на лошадях и по железной дороге выехал за пределы Хулун-Буира. Несмотря на выдворение китайских чиновников и солдат, военный инспектор провинции Хэйлуцзян Сун Шулян издал 12 февраля 1912 г. приказ о мобилизации войска, поселенного в Хулун-Буире. Он также одобрил восстановление института амбаней и назначение Шэнфу амбанем, а Чэгжэ — помощником амбаня [13, с. 154]. Очевидно, провинциальные власти Китайской Республики, пытаясь осознать масштабы и последствия свершившегося восстания, принимали меры, рассчитанные на последующее развитие событий.

Тем временем, во Внешней Монголии разворачивались иные события. Несмотря на пышный прием и пожалования Богдо-гэгэном наград

и титулов, в ходе обсуждения вопроса о подданстве между делегацией Хулун-Буира и монгольскими чиновниками появились расхождения во мнениях. Как отмечал бурятский деятель Ц.-Е. Цыдыпов, «по возвращении делегации Барга решила воздержаться от прежних намерений и утвердила свое независимое положение» [1, с. 12]. Делегатам из Хулун-Буира не понравилась идея отдельных халхасских чиновников о прямом управлении регионом. Вопрос об управлении Хулун-Буиром, вероятно, обсуждался и после возвращения делегации. Тем временем, высшие чиновники Внешней Монголии все же полагали, что Барга (Хулун-Буир) признала власть ургинского правительства. Об этом упоминает в своем разговоре с российским дипломатом И.Я. Коростовцом да-лама Цэрэн-Чимид [2, с. 77]. Полностью поддерживая идеи народно-освободительного движения монгольских народов, некоторые даурские деятели перебираются в Ургу (монг. Нийслэл-Хурэ).

Рассмотрим краткую биографию одного из них, политического деятеля Цэндэ (1875–1935). Он известен также под именами Лонбэн, Луо Чжиндан. Его отец был богатым скотоводом. Перед началом периода новой политики Китайской Республики, Цэндэ работал в Хулун-Буире на должности начальника сомона белого знамени и одновременно был писарем. Известно, что он был женат на девушке по имени Хуаншаул из даурского рода говол. Она являлась сестрой чиновника Мингу и таким образом, приходилась тетей сыну Мингу — Мэрсэ. Выше мы уже отмечали, что Цэндэ в 1911–1912 гг. стал одним из главных действующих лиц восстания против династии Цин, организованном Шэнфу. Всеобщее национально-освободительное движение монгольских народов, развернувшееся в этот период, оказало сильное влияние на Цэндэ. В 1913 г. он переехал в Ургу в качестве писаря и женился второй раз на халхаске. Его вторую жену звали Дондог. Цэндэ принял участие в военных кампаниях во Внутренней Монголии, организованных Джебцзун-Дамба-хутухту. За хорошую службу ему был дарован титул «Бодолгату-батур гун». Вероятно, с этого времени он стал известен как Цэнд-гун. Впоследствии он был назначен заместителем министра иностранных дел в правительстве автономной Внешней Монголии и представителем от Хулун-Буира в правительстве Внешней Монголии. Очевидно, политика в этот период его уже не очень увлекала, поскольку с 1917 г. он стал заниматься научной деятельностью. Дело в том, что к тому времени был опубликована «Тайная история монголов» на китайском языке. И Цэнд-гун занялся переводом этого сочинения на современный монгольский язык. Возвращение Цэнд-гуна в Хулун-Буир состоялось в том же 1917 г., когда пришло известие о трагических событиях в регионе [12, с. 124].

Возвращаясь к вопросу о статусе региона в 1912–1915 гг., отметим, что он остается в исторической науке дискуссионным. Есть мнение, что на протяжении трех лет Хулун-Буир являлся неотъемлемой частью но-

вого монгольского государства [12, с. 121]. Здесь под новым государством имеется в виду Внешняя Монголия. С другой стороны, как отмечал С.Д. Дылыков, «широкое повстанческое движение баргутов привело в январе 1912 г. к провозглашению в Барге автономии по типу автономии Внешней Монголии [6, с. 28]. Неизвестно на данный момент, был ли подписан в 1912–1913 г. какой-либо секретный договор между Российской империей и Китайской Республикой относительно автономного статуса Хулун-Буира, подобный российско-китайской декларации о признании автономии Внешней Монголии от 23 октября 1913 г. Тем не менее, ясно, что регион стал фактически самостоятельным и независимым. Власти Хулун-Буира стали проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. Например, отменили введенное ранее обучение в китайских школах и вернули систему школьного образования, основанную на подготовке писарей для ямэня. В эти годы многие студенты, обучавшиеся в г. Цицикар, бросили учебу и вернулись в Хулун-Буир, поскольку лишились регионального финансирования. Однако некоторые из них все же продолжили учебу в китайских городах. Среди них были и Мэрсэ (др. имя Гуо Даофу) и Фу Минтай (монг. имя Буянгэрэл), впоследствии ставшие одними из лидеров национально-освободительного движения во Внутренней Монголии.

Рассмотрим кратко биографию Мэрсэ в изучаемый период. До 1910 г. он обучался в школе восьми знамен г. Хайлара, где выучил монгольский и маньчжурский языки. Некоторым китайским словам и выражениям его научил проживавший в Хайларе китаец Чжай Вень. В 1910 г. отец отправил его на учебу в школу № 1 г. Цицикар. Несмотря на трудности, связанные с ломаным китайским, Мэрсэ хорошо учился и окончил школу в 1914 г., став первым в своем классе. В 1915 г. он поступил в Институт русского языка, прикрепленный к Министерству иностранных дел в Пекине. Здесь Мэрсэ впервые вступил в контакт с другими будущими членами Народно-революционной партии Внутренней Монголии, в частности, Бай Юньти и Алтан-Очиром. В этот период у Мэрсэ появились новые интересы, в частности, он изучал Библию. В начале 1917 г. он принял крещение в христианскую веру в китайской христианской церкви в Пекине [12, с. 123, 128].

Тем временем Китайская Республика пыталась восстановить свою власть в Хулун-Буире, однако, натолкнулась на противодействие со стороны Российской империи, которое не желало ввода в регион китайских войск и проведения колонизации [6, с. 28]. О самостоятельности внешней политики свидетельствует отправка Хулун-Буиром делегации в 1914 г. на открывшуюся Кяхтинскую конференцию. В ее составе, вероятно, были и даурские чиновники. Можно предположить, что там находился внук амбана Шэнфу по материнской линии, старший сын Гуйфу — Линшен (1886–1936). Он также был известен как Фусян, происходил из

даурского рода мэрдэн [12]. Конкретные цели поездки делегации Хулун-Буира, на данный момент нами не выяснены, можно предположить, что основной целью было присоединение региона к Внешней Монголии в качестве составной части и совместное отстаивание интересов монгольской независимости. Надо думать, что делегаты все же осознавали все трудности, связанные с признанием Хулун-Буира в качестве независимого государственного образования. По прибытии в Кяхту делегатов Хулун-Буира не допустили на заседания конференции. Причины невыяснены, вероятно, китайская и российская делегации выступили против их включения в состав монгольской делегации. Позиция китайских переговорщиков в этой ситуации, конечно же, вполне объяснима. Российская сторона, очевидно, не желала усугублять ход переговорного процесса включением вопроса о Барге (Хулун-Буире), который неминуемо повлек бы за собой и другие территориальные проблемы, включая Внутреннюю Монголию, Урянхайский край. Возможно, именно российские дипломаты выступили инициаторами недопущения хулун-буирской делегации к переговорам. Конечно, нами высказаны лишь догадки, и предстоит еще дальнейшая работа по реконструкции описываемых событий на основе первоисточников. По данным Л.В. Кураса, статус Барги или Хулун-Буирской Монголии — территории, населенной монголами также стал объектом переговоров Российской империи и Китайской Республики [8, с. 112]. Вопрос о статусе региона, очевидно, был поднят советниками монгольской делегации. Как известно, в качестве таковых участвовали в переговорах выходцы из Хулун-Буира — манлай-батор Ж. Дамдинсурэн (баргут) и Цэнд-гун (даур) [10, с. 24; 12, с. 124]. Как отмечает Б.В. Базаров, выводы делегации и в целом властей Хулун-Буира сводились к тому, что их интересы преданы во имя интересов России и Халхи. В частности, он пишет, что «сам по себе крупный и знаменательный шаг в национальной борьбе монгольских народов был разыгран за счет фактической сдачи позиций в Барге» [1, с. 13]. Итоги Кяхтинской тройственной конференции в мае 1915 г. разочаровали монгольский мир, особенно военных, которые в течение 1911–1913 гг. боролись за включение Внутренней Монголии в состав единого монгольского государства.

Однако перспектива дальнейшего автономного развития Внешней Монголии была не так плоха. По мнению Э.В. Батунаева, автономный статус, гарантированный Россией и Китаем с широким набором полномочий монгольского правительства и с формальным суверенитетом, позволил на деле начать путь к строительству независимого государства [3, с. 62]. После решения проблемы Внешней Монголии, Российская империя и Китайская Республика в октябре 1915 г. заключили соглашение о Барге, закрепив за ней ряд автономных прав и оставив в прямом управлении Китая [8, с. 112]. Таким образом, статус региона был определен как автономия в составе Китая. В «Соглашении о Хулун-Буире,

заключенном между Китайской Республикой и Россией» говорилось, что «Хулунбуир является особой территорией, находящейся в прямом подчинении центрального правительства, под контролем губернатора провинции Хэйлуунцзян». В нем также отмечалось, что «президент Китайской Республики назначает на должность дэд-амбаня Хулун-Буира. Дэд-амбань обладает полномочиями главы провинции» [13, с. 154]. Как мы видим, в 1915 г. Внешняя Монголия и Хулун-Буир получили статусы автономий, однако, дальнейшее их развитие было неодинаковым.

Ситуация на границе с Хулун-Буиром, в Восточной Монголии была в 1915–1917 гг. довольно напряженной. Дело в том, что по итогам Кяхтинской конференции правительство Внешней Монголии предложило выходцам из Внутренней Монголии оставить территорию автономии. Отряды южномонгольских князей стали грабить мирное население [1, с. 13]. В 1916 г. остатки отряда погибшего к тому времени Бабужава, во главе с заместителями Сэбжингэ и Бумбажавом, расположились в районе р. Халхин-гол и потребовали помощи от амбаня Хулун-Буира. Однако Шэнфу отказал им. В июне 1917 г. отряд Сэбжингэ и Бумбажава, насчитывавший несколько тысяч солдат, захватил г. Хайлар и прилегающие к нему селения мн-айл и Баруун-айл. Они упразднили ямэнь амбаня Хулунбуира. Вместо него было создано новое учреждение под названием «ямэнь военных чиновников» (монг. яз. «дайчилан захирагчи сайдын ямун»). Чэгжэ, один из руководителей восстания 1912 г., был назначен военным управляющим. Известно, что ссылаясь на болезнь, он так и не работал на этой должности. Заместителем Чэгжэ был назначен Бангунжав. В период оккупации Хайлара отрядом Сэбжингэ большое количество даурского населения г. Хайлар, селений Өмнө-айл, Баруун-айл, Мэхээрт было вынуждено в спешном порядке бросить свои дома и уйти в местности Жидан-гол, Жалан-айл, Цицикар, Нэнгэнси [13, с. 155]. Шэнфу и другие чиновники-дауры также прибыли в Цицикар, где они подали прошение администрации провинции Хэйлуунцзян о помощи и выделении войска провинции для освобождения Хайлара. Однако их планы не получили поддержки. Шэнфу, как глава автономного правительства, запросил помощи у центрального правительства в Пекине. Он также обратился к российским войскам охраны на линии КВЖД, российским властям в Чите. Вернувшийся в Хайлар и успевший побывать в плену у отряда Сэбжингэ, Цэнд-гун был отправлен обратно в Ургу, чтобы просить помощи у Богдо-гэгэна.

Поскольку все миссии оказались бесплодными, даурские чиновники решили сами изгнать захватчиков [12, с. 126]. Гуйфу, Линшен, Рунан, Пургету тайно прибыли в г. Маньчжурия, где установили контакты с баргутскими чиновниками и организовали тайное собрание делегатов. На собрании было принято решение о создании кавалерийского войска из 1200 человек и взятии г. Хайлар. Основное ядро отряда должны были

составить баргуты [13, с. 155]. По данным очевидца тех событий, бурятского деятеля Ц.-Е. Цыдыпова, основную роль в организации всех мероприятий сыграл Линшен, который вербовал дауров, солонов, баргутов Хуучин-Барги. К нему примкнули и многие баргуты Новой Барги. Собранный отряд в несколько сотен чел., русские власти снабдили оружием и патронами. Вместе с отрядом выступил 4-й конный полк пограничной стражи Заамурского округа [1, с. 14]. Утром 16 августа 1917 г. отряд во главе с Гуйфу совместно с российским конным полком начали штурм Хайлара. Сражение продолжалось до вечера следующего дня и завершилось взятием города. Отряд Сэбжингэ отступил в район Халхин-гола. По данным С. Д. Дылыкова, «превратившись в банду грабителей, он был ликвидирован китайскими войсками в начале 1920 г. [6, с. 29]. После восстановления власти ямэня амбаня Хулун-Буира, дауры, ранее перебравшиеся в другие местности, стали возвращаться в родные селения. В 1917 г. вернулся в Хулун-Буир и Мэрсэ. Занятие войсками Сэбжингэ Хайлара нанесло сильный удар по его семье, мать и дядя были убиты. Семейные финансы находились не в лучшем состоянии, поэтому Мэрсэ больше не мог обучаться в Институте русского языка. Таким образом, он не смог завершить образование и получить диплом. Однако его теперь интересовал вопрос об основании школы в Хайларе [12, с. 132].

Изучение истории дауров Хулун-Буира в 1911–1917 гг. показывает, что высшие чиновники бывшей цинской администрации, дауры по национальности, явились одними из организаторов восстания 1912 г. и ликвидации остатков отряда Бабужава в 1917 г. Выяснено, что некоторые даурские деятели, находясь под сильным влиянием монгольского национально-освободительного движения, переехали в Ургу, где развернули активную деятельность. В этот период проходили обучение в китайских городах даурские юноши Мэрсэ и Фу Минтай, ставшие впоследствии лидерами монгольского национально-освободительного движения.

Список использованной литературы и источников

1. Базаров Б. В. Незвестное из истории панмонголизма / Б. В. Базаров. — Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2002. — 67 с.
2. Батунаев Э. В. Борьба за независимость Монгольского государства (1911–1921 гг.) / Э. В. Батунаев. — Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2015. — 160 с.
3. Батунаев Э. В. От провозглашения независимости Монголии до формирования Кяхтинской тройственной системы 1911–1915 гг. / Э. В. Батунаев // Известия Восточного института. — 2015. — № 3 (27) — С. 57–63.
4. Белов Е. А. Русско-китайские отношения в 1911–1915 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Е. А. Белов. — М., 1993. — 35 с.
5. Домбровский А. Маньчжурия / А. Домбровский, В. Ворошилов. — СПб. : Просвещение, 1904. — 221 с.
6. Дылыков С. Д. Демократическое движение монгольского народа в Китае / С. Д. Дылыков. — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1953. — 133 с.

7. Кузьмин С. Л. Буддизм и государственность Монголии в начале XX в.: трансформация отношений религии и государства в процессе становления независимости: дис. ... д-ра ист. наук / С. Л. Кузьмин. — М., 2016. — 584 с.

8. Курас Л. В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. / Л. В. Курас. — Иркутск : Оттиск, 2016. — 252 с.

9. Латтимор О. Главы из книги «Монголы Маньчжурии» (пер. с англ. Н. Шастиной) / О. Латтимор // Современная Монголия. — 1936. — № 3. — С. 86–121.

10. Цолмон Г. Страницы истории барга-монголов / Г. Цолмон // Регион в приграничном пространстве : материалы межд. науч. конф. / гл. ред. Е. В. Дроботушенко. — Ч. 1. — Чита : Забгу, 2016. — С. 22–27.

11. Цыбенев Б. Д. История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки / Б. Д. Цыбенев. — Улан-Удэ : изд-во ВСГУТУ, 2012. — 252 с.

12. Atwood C. P. Young Mongols and vigilants in inner Mongolia's interregnum decades, 1911–1931 [Младомонголы и каратели во Внутренней Монголии в период междувластия, 1911–1931] / C. P. Atwood. — Leiden; Boston; Köln : Brill, 2002. — 1168 p. (на англ. яз.)

13. Дауур үндүсүтөн-ү тобчи тейке [Краткая история даурского народа] / найрагүлан биçикү дүүууиланг найрагүлала; Мен Ди Дун, Үлжейитү, Байар [коллектив авторов; Мэн Жидун, Улзейту, Баяр]. — Kökeqota : Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1989. — 300 с. (на старомонг. письм.)

14. Dawuerzu jianshi [Краткая история даурского народа] / xiū ding běn biān xiě zǐ biān xiě. Xiū ding běn [перераб. и допол. изд.]. — Beijing : Minzu chubanshe, 2008. — 177 с. (на кит. яз.)

Информация об авторе

Цыбенев Базар Догсонович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: bazar75@mail.ru.

Author

Bazar D. Tsybenov — Ph.D. in History, Senior Scientific Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, 670047, e-mail: bazar75@mail.ru.

УДК 94(571)
ББК 63.3(253.5)

Ю.Ю. АРГУНОВА

РЫБНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

На примере Байкальского региона рассматривается исторический опыт организации и функционирования органов рыбной промышленности в годы Великой Отечественной войны, отмечается роль мобилизационных решений советского государства в этом процессе. На основе архивных данных приведено количество добытой рыбы.

Ключевые слова: Байкал, рыбная промышленность, партийные организации, рыбозаводы.

YU. YU. ARGUNOVA

FISHING INDUSTRY OF THE BAIKAL REGION IN DAYS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

On the example of the Baikal region is considered the historical experience of the organization and functioning of the organs of the fishing industry in the Great Patriotic War, celebrated the role of mobilization decisions of the Soviet state in the process. On the basis of historical data shows the number of caught fish.

Keywords: Baikal, fishing industry, party organizations, fish factories.

22 июня 1941 г. по местному радио было передано сообщение главы правительства СССР В. М. Молотова о нападении фашистской Германии на Советский Союз. 23 июня 1941 г. Бурят-Монгольский обком партии собрал экстренное совещание руководителей министерств и ведомств, где был поставлен вопрос о немедленной перестройке всей работы промышленности и отраслей хозяйств республики в соответствии с требованием военного времени. Бурят-Монгольскому рыбтресту было предложено немедленно направить во все рыбодобывающие районы своих представителей и обязать их подробно рассмотреть на месте вопросы дальнейшей работы всех подразделений треста. Задача ставилась жесткая: независимо от проводящейся мобилизации, выпуск продукции ни в коем случае не уменьшать [8, с. 38]. В связи с оккупацией немецкими войсками Азово-Черноморского бассейна добыча рыбы в стране резко сократилась, что отрицательно отразилось на продовольственном снабжении фронта и тыла. Государственный комитет обороны 6 января 1942 г.

принял Постановление «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока». Этим постановлением предусматривался ряд мероприятий по форсированному развитию рыболовства в Сибирском и Дальневосточном бассейнах. Ставилась следующая задача: на основе существующих и вновь создаваемых промыслов и предприятий в 1942 г. удвоить, а в 1943 г. утроить, по сравнению с 1940 г., добычу рыбы и морского зверя, обеспечить качественную переработку сырца, значительно увеличить выпуск рыбных продуктов. Для этого требовалась коренная перестройка хозяйственного управления [1, с. 130].

В целом рыбаки Иркутской области за девять месяцев 1941 г. сдали государству рыбы на 2,5 тыс. пудов больше, чем за весь 1940 г. (в основном лососевых и сиговых пород — омуль, хариус, таймень). Помимо старых водоемов, был освоен рыбопромысловый участок в низовьях р. Ангары. Образцово работали рыболовецкие бригады Ольхонского района и Маломорского рыбозавода. У рыбаков колхоза им. С.М. Кирова за девять месяцев 1941 г. улов был вдвое больше, чем за весь предыдущий год. Успешно осваивались рыбным промыслом реки: Чуна, Ока, Бирюса, в которых в 1944 г. было добыто 1135 ц рыбы. Рекордные уловы по области дали рыбаки-колхозники Катангского района — по 56 ц каждый [2, л. 6–7].

В годы войны рыбаки старались перекрыть плановые задания по вылову рыбы. Так, рыбаки Горячинского рыбозавода 22 июня 1941 г. выловили 500 ц, а 24 июня добыли 1500 ц омуля. Рыболовецкая бригада А. Рупышева в июле 1941 г. добыла 633 ц омуля и более чем в два раза перевыполнила месячный план. Совинформбюро в августе 1941 г. сообщило о славной трудовой победе рыбаков Усть-Баргузинского рыбокомбината, которые в июле 1941 г., проводив на фронт свыше сотни своих товарищей, втрое перекрыли уловы по сравнению с предыдущим годом [8, с. 37].

В годы войны в Бурятию эвакуировались предприятия, жители центральных районов страны. В сентябре 1941 г. Нарком рыбной промышленности СССР предложил руководству рыбтреста согласовать с директивными органами республики вопрос о размещении на Байкале оборудования Очаковского рыбоконсервного завода Николаевской области Украины с расчетом ввода оборудования в производство в первом квартале 1942 г. Было принято решение о восстановлении завода в пос. Нижнеангарск. В октябре 1941 г. на станции Байкал с Украины прибыл железнодорожный состав с оборудованием, материалами и специалистами Очаковского консервного завода во главе с директором Х.О. Котликом.

Постановление объединенного заседания исполнительного комитета Иркутского областного совета депутатов трудящихся и бюро областного комитета ВКП(б) № 1625-а от 04.12.1942 г. «О плане развития рыбодобычи в Иркутской области на 1943 г.» предписывало создание госрыбтреста в составе девяти рыбозаводов и одной МРС в Иркутской области. Было организовано 38 рыболовецких колхозов, свыше

480 сельскохозяйственных колхозов были привлечены к выполнению плана рыбодобычи. МРС была создана в улусе Сахюрта на берегу бухты в проливе Ольхонские Ворота [3, л. 265–266].

В состав Иркутского рыбтреста включались рыбозаводы: Маломорский — на водоемах оз. Байкал (Малое Море), в границах Ольхонского района с центром в пос. Хужир на о-ве Ольхон, Балаганский — на водоемах р. Ангары и ее притоков в границах Балаганского, Боханского, Аларского, Усть-Удинского районов и оз. Олят Голуметского района с центром в г. Балаганске, Братский — на водоемах рек Ангары, Оки и их притоков, в границах Братского района, Нижнеилимский — на водоемах р. Ангары, Илима, притоков в границах Нижнеилимского района с центром на устье р. Илима.

Кроме этого, дополнительно организовывались следующие новые рыбозаводы: Катангский — на водоемах р. Нижней Тунгуски с ее притоками и озерами с центром в с. Ербогачен; Качугский — на водоемах р. Лены, ее притоков и Вершино-Тутурских озер, с центром в Вершино-Тутурском национальном совете, в сфере деятельности этого завода находились Качугский, Жигаловский и Казачинско-Ленский районы; Киренский — на водоемах р. Лены и ее притоков [6, л. 113].

Предлагалось разукрупнить Иркутский рыбозавод и организовать на его базе два завода: Южнобайкальский — на водоемах западного побережья оз. Байкал и его южной части, в границах Слюдянского района, р. Ангары и ее притоков, в границах Слюдянского и Иркутского районов, с центром в селе Лиственичное Слюдянского района; Усольский — на водоемах р. Ангары и ее притоков в границах Усольского, Кировского и Черемховского районов с центром в г. Усолье-Сибирское.

В 1942 г. омуля было выловлено 79 247 тыс. ц, что почти в 3 раза превышало показатели 1933 г. Максимальный улов в этот период доходил и до 90 тыс. ц. Однако на ловлю байкальского осетра даже в годы войны действовал строгий запрет [9, с. 322].

В соответствии с постановлением от 21 февраля 1942 г. было образовано Главное управление рыбной промышленности Сибири (Главсибрыбпром) в г. Новосибирске. Начальником Главсибрыбпрома был назначен заместитель наркома рыбной промышленности СССР А.А. Сбродов. Главку было предоставлено монопольное право хозяйственной эксплуатации всех водоемов Сибири. С этой целью создана сеть государственных рыбопромышленных трестов. Байкальский государственный рыбопромышленный трест был организован по распоряжению наркома рыбной промышленности и приказом Наркомрыбпрома РСФСР № 4 от 10 февраля 1942 г. на базе Бурят-Монгольского и Иркутского трестов местного подчинения в г. Улан-Удэ. В апреле 1942 г. правительство утвердило типовой Устав рыбопромышленного треста, в соответствии с которым трест признавался самостоятельным производ-

ственным объединением, действующим на принципах хозяйственного расчета и демократического централизма. В его функции входили: добыча рыбы, морского зверя; скупка рыбы у колхозников и населения; обработка и сбыт рыбной продукции; организация и эксплуатация рыбозаводов, комбинатов, МРС и промыслового оборудования; рыборазведение и мелиорация водоемов.

Постановление Исполнительного комитета Иркутского областного совета депутатов трудящихся и бюро Иркутского областного комитета ВКП(б) от 1942 г. «О добыче рыбы на озере Байкал второстепенными рыбозаготовителями» установило с 01.10.1942 г. запрет на допуск к лову рыбы на оз. Байкал (в границах Иркутской области) всех рыбозаготовителей, не связанных договорными отношениями с Байкалгосрыбтрестом. Организации Облпотребсоюза, Трансторгпита ВСЖД, ИТК УНКВД, Спецторга, ОРС завода им. Куйбышева были обязаны 25 % всей выловленной рыбы сдавать рыбозаводам Байкалгосрыбтреста [5, л. 13].

Баргузинский рыбозавод был организован весной 1942 г. на базе Куйкуйского рыбучастка, ранее входившего в состав Усть-Баргузинского рыбокомбината. Бригадиры рыболовецких бригад и рыбаки являлись жителями д. Кукуй. На должность директора был назначен М. И. Козулин, начальник отдела кадров Усть-Баргузинского рыбокомбината.

На Баргузинском рыбозаводе было скомплектовано пять рыболовецких бригад, из них четыре работали в бассейне р. Баргузина (озера, протоки) на добыче таких видов рыб, как щука, язь, налим, карась, окунь, сорога и др., а одна бригада работала на Байкале на добыче омуля.

С открытием навигации по Байкалу в 1942 г. в Баргузинский район прибыло большое количество эвакуированных переселенцев. Значительное число семей пришлось принять Баргузинскому рыбозаводу. Работал Баргузинский рыбозавод только в годы войны. Этим заводом было добыто 13 330 ц рыбы, из них по годам: в 1942 г. — 3090 ц, в 1943 г. — 5111 ц, в 1944 г. — 2733 ц, в 1945 г. — 2396 ц.

В апреле 1942 г. был сформирован Верхнеангарский рыбозавод на базе Ирканинского рыбучастка Нижнеангарского рыбозавода. Директором вновь созданного рыбозавода был назначен Н.П. Красильников. Рыбаки завода вели добычу рыбы в основном на оз. Иркана и других мелких озерах и в протоках.

Для строительства и ремонта флота в апреле 1942 г. тресту был передан Тимлюйский промышленный комбинат, который через год перешел к Буррыболовпотребсоюзу, а в апреле 1945 г. ликвидирован. В эти же годы произошло разделение Кабанского рыбозавода на три самостоятельных предприятия — Кабанский, Посольский и Дубининский рыбозаводы. В 1943 г. Улан-Удэнский рыбокопильный завод был реорганизован в Улан-Удэнский рыбозавод, который обслуживал колхозы Заиграевского, Иволгинского, Тарбагатайского районов.

Таким образом, в марте 1943 г. в состав Байкальского рыбтреста входили следующие предприятия: Верхнеангарский, Северобайкальский, Баргузинский, Горячинский, Дубининский, Кабанский, Посольский, Гусиноозерский, Еравнинский, Улан-Удэнский рыбозаводы, Усть-Баргузинский рыбоконсервный завод, База активного лова, Северобайкальский консервный завод, Баргузинский томато-сушильный завод, Большереченский рыбоперерабатывающий завод, Ключевская судовой верфь, Северобайкальская МРС, Усть-Баргузинская МРС, Кударинская МРС, Тимлейский промкомбинат.

В соответствии с решаемыми задачами в Иркутском областном комитете партии функционировали отделы по организационно-партийной, идеологической работе и по ведущим отраслям народного хозяйства. По партийному руководству отраслю народного хозяйства действовал отдел рыбной промышленности (1943–1947 гг.).

Байкальский межрайонный союз рыболовецких колхозов Байкалрыбколхозсоюз организован в 1943 г. в соответствии с приказом народного комиссара рыбной промышленности СССР № 100 от 06.03.1943 г. в соответствии с постановлением Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б). При организации Байкалрыбколхоз в 1943 г. принял от рыбтреста в свою систему 28 рыбацких артелей, четыре из которых в 1944 г. по решению Совета Министров БМАССР были выделены. Это были четыре эвенкийских охотничье-промысловых артели Северо-Байкальского района. Органом управления Рыбколхозсоюза являлось собрание уполномоченных рыбацких артелей, а между собраниями — правление рыбацкоколхозсоюза, состоявшее из 14 членов, избранных собранием уполномоченных сроком на два года. В задачи рыболовецких колхозных союзов входили: организационно-хозяйственное обслуживание рыбацких артелей; планирование всех отраслей хозяйства — как в рыбацких артелях, так и в самих союзах; организация лова и труда в артелях; помощь артелям в организации подсобных производств; реализация продукции по поручению артелей; обследование и ревизия деятельности артелей. Ведомственно Рыбколхозсоюз был подчинен непосредственно Министерству рыбной промышленности СССР, где имелось управление по делам рыболовецких колхозов [7, л. 1–2].

В 1943 г. на Байкале в составе Байкальского рыбтреста была организована база активного лова, в распоряжение которой поступили два тралящика «Коммунист» и «Комсомолец», ранее находившиеся в ведении Восточно-Сибирского пароходства и использовавшиеся на транспортных перевозках.

Организация промысла и транспортировка выловленной в области рыбы требовала ужесточения контроля над рыболовецкими хозяйствами. Так, по Качугскому рыбозаводу при проведении инвентаризации по Хандинскому пункту была выявлена недостача рыбы в объеме 15 т,

кроме того, на складе рыбозавода санитарными органами было забраковано 15 т рыбы, непригодной к реализации. Создание рыбозаводов, внедрение новых методов лова рыбы — это требование военного времени. Перед Байкальским рыбрестом были поставлены задачи по существенному увеличению добычи рыбы и производству рыбопродукции. Несмотря на военное время, капитальные вложения в рыбную промышленность Бурятии в 1942–1944 гг. возросли до 18,2 млн р. [2, л. 48].

В военные годы, в связи с нехваткой рабочей силы, вплотную приступили к механизации основных процессов добычи и обработки рыбы, что способствовало увеличению вылова рыбы в водоемах республики. Так, среднегодовой лов в оз. Байкал и его озерно-речной системе в 1938–1945 гг. составил 10,1 тыс. т, из них сиговых 6,3 тыс. т и частичковых 3,3 тыс. т. Официальная добыча в 1942 г. по Байкальскому рыбресту составила 14,1 тыс. т. Прирост добычи по сравнению с 1941 г. — 63,4 % (табл.) [составлена по: 7, ф. 7, оп. 1, д. 7, л. 79].

Общая добыча рыбы в 1941–1945 гг. в озере Байкал, ц

Годы	Всего выловлено по Байкалу	В том числе по Бурятии	Из них омуля по Байкалу	В том числе по Бурятии	% вылова омуля по Байкалу
1941	99 846	87 441	66 823	51 300	67
1942	144 024	133 700	91 339	72 309	63
1943	123 099	106 072	80 088	67 298	65
1944	88 751	72 022	47 540	35 476	53
1945	94 829	68 504	47 721	32 181	50

Как показывают данные таблицы, наибольший объем добычи рыбы в оз. Байкал приходился на первый этап войны. Однако с 1944 г. эти показатели снижались в связи с сокращением вылова рыбы на севере Иркутской области.

В силу чрезвычайных обстоятельств были отменены ограничения по охране рыбных запасов, что отрицательным образом сказывалось на запасах омуля в Байкале. Однако с 1943 г. вводятся жесткие правила рыболовства, берутся под охрану нерестилища наиболее ценных промысловых рыб. Так, в Постановлении ЦК ВКП(б) от 26 февраля 1945 г. «О работе Бурят-Монгольского обкома» подчеркивалась необходимость соблюдения правил рыболовства, запрета на лов ходового омуля в местах нереста, строительства на р. Селенге рыбозаводного завода по воспроизводству омуля. Вновь с тревогой прозвучал сигнал о нерациональном промысле омуля, его запасах [1, с. 131]. В 1945 г. были изданы новые «Правила рыболовства», которыми официально был запрещен лов осетра в промышленных целях. За годы войны государственный и колхозный лов Бурятии дал стране 600 тыс. ц рыбы [8, с. 39].

В годы войны система потребкооперации функционировала с многочисленными нарушениями. Так, рыбаки Ольхонского района не были

обеспечены продуктами питания, промышленными товарами и т.д. В результате рыбаки в течение 7–12 дней не получали хлеба, в больших количествах поедали рыбу и технический жир, отпущенный для освещения, что иногда приводило к отравлению [4, л. 25].

После окончания Великой Отечественной войны страна приступила к восстановлению разрушенного за годы войны народного хозяйства. Снабжение населения рыбой оставалось насущной задачей. Для этого рыбному хозяйству ставились производственные задания в объемах, не меньших, чем в военный период. Неограниченный лов рыбы во время войны привел к тому, что рыбные ресурсы Байкала были основательно истощены.

Список использованной литературы и источников

1. Великая Отечественная война по материалам Государственного архива Иркутской области: сб. документов. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2015. — 320 с.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. р-2716. — Оп. 1. — Д. 10.
3. ГАИО. — Ф. р-1933. — Оп. 13. — Д. 4.
4. ГАИО. — Ф. р-3044. — Оп. 1. — Д. 15.
5. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИО). — Ф. 127. — Д. 668.
6. ГАНИО. — Ф. 258. — Оп. 1. — Д. 480.
7. Государственный архив Республики Бурятия. — Ф. р-1300. — Оп. 1. — Д. 144.
8. Голубая нива Бурятии / ред.-сост. Б. Б. Болотов. — Улан-Удэ : Респ. тип., 2001. — 144 с.
9. Зуляр Ю. А. Очерки истории природопользования в Байкальском регионе в XX в. / Ю. А. Зуляр. — Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2002. — 496 с.

Информация об авторе

Аргунова Юлия Юрьевна — соискатель, кафедра истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: yulee@mail.ru.

Author

Yuliya Yu. Argunova — PhD student, Department of History and International relations, Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: yulee@mail.ru.

УДК 94(571)“1933/34”
ББК 63/3(253)614-2

В.Б. ЛАПЕРДИН

ХЛЕБОЗАКУПОЧНЫЕ КАМПАНИИ 1933–1934 ГОДОВ В ЗАПАДНО-СИБИРСКОМ КРАЕ*

В статье рассматриваются хлебозакупочные кампании 1933–1934 гг. в Западно-Сибирском крае. Их планы не выполнялись не только из-за пассивного крестьянского сопротивления, но и по причине

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-01-00067).

конкуренции со стороны рынка. Выполнить хлебозакупочные планы в таких условиях становилось возможным только применяя административно-репрессивные меры. Тем не менее, дефицит хлеба в деревне и пассивное крестьянское сопротивление государственным мерам, а также конкуренция со стороны рынка, привели к провалу хлебозакупочных кампаний в 1933–1934 гг.

Ключевые слова: хлебозакупочные кампании, аграрная политика государства, Сибирь, советские органы управления, крестьянство.

GRAINPURCHASE CAMPAIGNS IN WEST SIBERIAN REGION IN 1933–1934

Author analyses grainpurchase campaigns 1933/1934 in West Siberian region. Plans were not fulfilled, not only because of passive resistance of peasants, but also because of market competition. To fulfill plans in these circumstances was only possible using administrative and repressive sources. However, grain shortage in rural regions and passive resistance of peasants, as well as market competition, led to the failure of grainpurchase campaigns in 1933–1934 years.

Keywords: grainpurchase campaigns, agrarian policy of the state, Siberia, Soviet government, peasantry.

Хлебозаготовительные кампании наравне с коллективизацией и раскулачиванием стали основными хозяйственно-политическими акциями начала 1930-х гг. для советской деревни. Именно в ходе хлебозаготовок государство изымало у крестьян зерновую продукцию. Однако кроме хлебозаготовок большое значение для пополнения государственных хлебных резервов и снабжения продовольствием городов имели хлебозакупочные кампании, в Западной Сибири проходившие с начала 1933 г. В данной статье рассматриваются хлебозакупочные кампании 1933 и 1934 гг. Хронологические рамки объясняются тем, что в первые два года происходило становление хлебозакупочной системы, осложнявшееся голодом и сельскохозяйственным кризисом. Занимавшиеся хлебозакупом государственные организации столкнулись с множеством проблем, в результате которых планы не выполнялись. В 1933 г. из запланированных в регионе 5 млн. пуд. удалось собрать менее 3 млн пуд. [2, оп. 2, д. 355, л. 214]. Проходившая зимой — летом 1934 г. кампания также провалилась, вместо 10 млн пуд. заготовители получили 6 млн пуд.

Хлебозакупочные кампании 1930-х гг. до сих пор не рассматривались в историографии как отдельный предмет исследования. В основном о них говорилось в контексте хлебозаготовительных кампаний или проблемы голода. Так, В.В. Кондрашин рассматривает хлебозакуп как один из способов преодоления голода, применявшийся государством. Районные власти получали отчисления от поступавшего в ходе закупа

хлеба и могли распоряжаться им для снабжения населения, что позволило смягчить продовольственный кризис [5, с. 239–241]. Р. Дэвис и С. Уиткрофт также связывают проведение хлебозакупа с голодом и обращают внимание на административные меры, применявшиеся властями. Хлебозакупки «по существу представляли собой дополнительный план принудительных хлебозаготовок под новым названием» [3, с. 206]. На материалах Западной Сибири хлебозакупочные кампании также до сих пор не стали темой отдельных исследований. В.А. Ильных рассматривает хлебозакуп как прогрессивный (увеличивавшийся в урожайные годы) натуральный налог на доходы, получаемые колхозниками за работу в «общественном» хозяйстве. Его точка зрения объясняется тем, что именно колхозники становились основными продавцами хлеба государству. Колхозы также продавали хлеб, но в основном за счет зерна, предназначенного для выдачи на трудодни. Крестьяне-единоличники практически не участвовали в хлебозакупе [1, с. 516]. Им же на материалах Западно-Сибирского края рассмотрена проблема применения административно-репрессивных мер со стороны государства при проведении хлебозакупочных кампаний [4, с. 53–60].

Ведение хлебозакупа возлагалось одновременно на несколько организаций. Бюро Западно-Сибирского крайкома несло ответственность за успешное проведение кампании на территории края и принимало наиболее важные решения в установленных Центром рамках. Кампанию координировала специально созданная для этого краевая контора закупхлеб. Приемом и хранением хлеба занималось заготзерно. По условиям закупа колхозники и крестьяне-единоличники продавали государству хлеб по ценам на 20–25 % выше заготовительных. На вырученные деньги они могли покупать в сельпо дефицитные товары в расчете на три рубля за каждый рубль проданного государству хлеба. Поэтому важная роль при ведении хлебозакупочных операций отводилась потребительской кооперации, которая наравне с заготзерно занималась приемкой хлеба. На районном уровне ключевые решения принимались партийными организациями — райкомами. В промышленных районах ответственность возлагалась на горкомы. Именно они отвечали перед Западно-Сибирским крайкомом за ход хлебозакупочной кампании. В связи с тяжелым продовольственным положением в городах и сельских районах, в распоряжение горсоветов и райисполкомов отчислялся процент от купленного у населения хлеба. Так, согласно постановлению крайкома от 7 февраля 1933 г., он составлял 10 % для сельских и 30 % для промышленных районов [2, оп. 1, д. 420, л. 34]. Таким способом государство стремилось с одной стороны облегчить продовольственную проблему, а с другой — стимулировать работу районных организаций. В дальнейшем в зависимости от успешного хода кампании доля отчисляемого хлеба могла возрастать. Видя положительные результаты тако-

го решения в кампанию зимы–лета 1933 г., и с целью смягчить тяжесть продовольственной ситуации, в январе 1934 г. Центром был создан специальный хлебный фонд, находившийся в распоряжении краевых властей. Он составлял 30 % от полученного в ходе закупа хлеба. Кроме того, в пользу потребкооперации отчислялось еще 10 % для снабжения собственных работников и продажи населению [2, оп. 2, д. 573, л. 8 об.]. Это расширяло самостоятельность крайкома при решении продовольственной проблемы и позволяло ему распоряжаться собственными ресурсами, направляя их в наиболее нуждавшиеся районы.

Именно от действий районных партийных организаций зависел успешный ход хлебозакупочной кампании. Получая из Центра региональный план по хлебозакупу, Западно-Сибирский крайком распределял хлебозакупочные задания и устанавливал месячные планы по районам. Те в свою очередь обязались их выполнять. Таким образом хлебозакуп проходил по уже отработанной схеме хлебозаготовительных кампаний. В случае невыполнения задания районное руководство несло наказание. 25 июня 1933 г. крайком объявил выговор секретарям райкомов и председателям райисполкомов Чарышского, Котмановского и Кожевниковского районов за то, что те не организовали в первую декаду месяца закупку хлеба у населения [2, оп. 2, д. 420, л. 311]. Если районное руководство могло отделаться выговорами, то сотрудники торговых организаций, непосредственно занимавшиеся хлебозакупом, несли партийную, а в отдельных случаях и судебную ответственность.

Хлебозакуп должен был происходить на добровольной основе. Крестьяне самостоятельно принимали решение продавать хлеб государству. Для этого местные партийные организации проводили широкую агитационную кампанию. Однако распределение ежемесячных планов и строгие обязательства перед краем со стороны районных властей приводили к тому, что райкомы фактически были вынуждены применять административно-репрессивные меры. По меткому выражению одной крестьянки «покупка хлеба производится добровольно, из-под нагана» [2, оп. 2, д. 589, л. 6]. Так, в январе 1934 г. в Ачинском районе по ряду сельских потребительских организаций была спущена директива с точно установленным планом и указанием размеров заготавливаемого хлеба по отдельным колхозам. В одном из колхозов Кемеровского района секретарь кандидатской группы перед колхозным собранием составил список колхозников, имевших хлебные излишки. В этом же районе уполномоченный городского комитета в артеле «Пчелка» предлагал создать комиссию по установлению излишков у колхозников. А в селе Пресновка Купинского района устроили «хождение по дворам» и просили «пожертвовать хлеба государству» [2, оп. 2, д. 589, л. 5–6]. Подобные «хождения» практиковались и в других районах. Сотрудник сельпо Будняковского сельсовета Омского района рассказывал следующее о своей

работе: «Мы в колхозе берем список трудодней и количество полученного хлеба на каждого колхозника и приходим с этими списками к нему в дом. Подсчитываем сколько ему необходимо на продовольствие, а в излишке остающемся просим его расписаться. Перед уходом от него предупреждаем, чтобы он обязательно сдал». На вопрос об эффективности таких методов этот же работник ответил: «Гонят из хаты, заготовили всего 30 центнеров, а хлеба здесь много» [2, оп. 2, д. 620, л. 87].

Характеризуя административные меры, следует отметить, что зачастую задания, устанавливались отдельно для каждого колхозника или крестьянина-единоличника. При этом практиковались различные способы давления: к крестьянам могли приходиться домой, их вызывали к колхозному начальству, в сельсовет или проводили беседы в политотделе МТС. Однако выполнить хлебозакупочный план за счет имеющегося у населения хлеба оказалось невозможно. И дело не только в нежелании крестьян отдавать государству заработанное тяжелым трудом. После окончания хлебозаготовительной кампании в деревне практически не оставалось хлеба. Продовольственная проблема заметно обострилась в первой половине 1933 г., когда деревню поразил голод. Но даже в относительно благополучном 1934 г. выполнить хлебозакупочное задание партийным и советским организациям оказалось не по силам. Требовалось искать новые источники получения хлеба. Ими стали колхозы, которые продавали государству не только излишки, направлявшиеся на распределение по трудодням колхозникам, но и имеющиеся хлебные фонды, в первую очередь страховые. При этом должна была сохраняться видимость легитимности. Колхозное собрание, после проведения агитационных мероприятий, постановляло продать хлеб государству. На деле никакой добровольности не было. Все основные решения принимались колхозным правлением еще до созыва собрания.

Причина срывов хлебозакупочных планов заключалась не только в отсутствии в деревне хлеба. Государственные органы столкнулись с серьезным противником в лице открывшегося в 1933 г. колхозного рынка. Согласно постановлениям ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 6, 10 и 20 мая 1932 г. колхозам разрешалось продавать хлеб после выполнения заготовительных заданий [6, с. 114]. Начал функционировать колхозный рынок, хотя фактически торговля хлебом происходила до принятия решения государством, оно лишь только узаконивало существовавшую ситуацию. Кроме того, такое же право получали колхозники и крестьяне-единоличники. Для каждого региона дата открытия рынка определялась индивидуально и только после окончания хлебозаготовительной кампании. В Западно-Сибирском крае впервые торговать хлебом на колхозном рынке, было разрешено после 20 января 1933 г., когда завершилась хлебозаготовительная кампания. Кроме колхозов, колхозников и единоличников действовали перекупщики. В отличие от периода нэпа, в

их распоряжении не было большого количества зерна и они не получали значительных прибылей. Ими являлись, как правило, сами крестьяне, покупавшие или выменивавшие у своих соседей-односельчан хлеб и продававшие его на рынке. За ними строго следили органы госбезопасности (милиция и ОГПУ), стремившиеся пресекать любые спекуляции. Цены на рынке были «свободными» и определялись его участниками. Тем не менее, рынок находился под контролем государства. Однако оно не всегда могло успешно осуществлять этот контроль. Торговля хлебом на территории Западно-Сибирского края происходила еще до формального разрешения осенью и в начале зимы 1932 г. в самый разгар хлебозаготовительной кампании. Бюро крайкома неоднократно требовало от ОГПУ пресекать торговлю, в первую очередь колхозами, не до конца выполнившими свои заготовительные планы. Аналогичная ситуация повторилась осенью 1933 г. В данном случае следует уже говорить не о разрешенном властями колхозном рынке, а о черном, который был тесно связан с колхозным. Существование рынка (как колхозного, так и теневого), стало значительной помехой для государства при проведении хлебозакупочных операций.

Рыночные цены на хлеб были значительно выше государственных. Стоимость одного центнера ржаной муки на базарах железнодорожной станции Юрга в апреле 1933 г. доходила до 400 р. В то время как конвенционная цена составляла 4–4,8 р. [6, с. 125]. Не удивительно, что колхозники предпочитали везти полученный на трудодни хлеб на рынок или же оставляли его в собственном хозяйстве. Так, член партии, работавший в уже упоминавшейся артели «Пчелка», располагая по подсчетам заготовителей хлебными излишками в размере 50 пудов, продал только семь, и то после длительной разъяснительной беседы. Комсомольцы этой же артели вообще ничего не продали, заявляя: «Я не хозяин», видимо ссылая на то, что у них в хозяйстве подобные вопросы решают не они. А секретарь ячейки ВЛКСМ вел разговоры о том, что «хлеб выгоднее продавать на базаре» [2, оп. 2, д. 589, л. 5]. Высокие цены на хлеб складывались не только в результате спроса со стороны населения. Их поднимали государственные хозяйственные и кооперативные организации, а также промышленные предприятия, которые стремились обеспечить продовольствием своих работников и посылали уполномоченных на рынок с целью скупать хлеб большими партиями, в результате чего цены взвинчивались. В таких условиях рынок становился еще более привлекательным для продавцов хлеба. Поэтому Западно-Сибирский крайком ограничил список организаций, имевших право покупать у населения хлеб. Его получали только задействованные в хлебозакупе заготзерно и потребкооперация.

Кроме того, предлагавшиеся райпотребсоюзами товары, предназначенные для сдатчиков хлеба, далеко не всегда отличались выгодными

ценами. В Ордынском районе «прислали на отоваривание хлебозакупа мужские ватные пиджаки из бумажного сукна по 46 р. шт., тогда как акорт и р[айонные] п[отребительские] с[оюзы] в третьем квартале свободно продавали их по 35 р. за штуку, или нитки присланы по 55 к. катушка, тогда как во всех сельпо они свободно продаются по 45 к. катушка. То же самое и с мылом, которое стоит 4 р. кг, а акорт свободно торгует им по 3 р. 40 к. кг» [2, оп. 2, д. 589, л. 6].

Государственные организации, занимавшиеся хлебозакупом, проигрывали рынку не только по причине низких заготовительных цен. Рынок оказался более гибким и мог успешно конкурировать с государством. Он функционировал круглый год, несмотря на ограничительные меры со стороны властей и запрет торговли хлебом до окончания хлебозаготовительной кампании. Начальник политотдела Топкинской МТС в 1934 г. отмечал в одном из своих донесений следующее: «Хлебозакуп кооперации разрешен был и начался лишь в конце января. Но оказывается, что «коробейники»-«менялы» нас в этом деле опережают. Как выясняется, еще с осени по колхозным дворам стали ходить разного рода «менялы», которые на всевозможные товары, судя по отдельным фактам, выкачали немало хлеба. Эти менялы, идя по дворам, носят с собой наибольшее количество товаров, тут же обменивают на хлеб, принимают «заказы», которые <...> выполняют лучше и быстрее, чем наша кооперация» [2, оп. 2, д. 633, л. 85]. Уже к началу открытия колхозного рынка крестьяне продали перекупщикам или обменяли у них на товары часть своих хлебных излишков. Это было выгодно не только по причине низких заготовительных цен. Крестьяне стремились заранее подготовиться к зиме и купить необходимые для этого товары. А колхозный рынок начинал функционировать только зимой. Власти понимали данную проблему и осенью 1934 г. система хлебозакупа претерпела некоторые изменения. Теперь хлебозакуп стал проводиться одновременно с хлебозаготовками. В Западно-Сибирском крае кампания началась 15 сентября 1934 г. Формально это обосновывалось засухой и неурожаем в степных областях Украины. Таким образом, власти начали скупать хлеб задолго до открытия колхозного рынка, и он перестал выступать в качестве конкурента. Хотя черный рынок хлебопродуктов продолжал функционировать.

У перекупщиков, располагавших незначительными хлебными запасами, не было проблем с их хранением. У государственных организаций, напротив, возникали затруднения при приемке и складировании хлеба. Нередко по причине халатного отношения к своему делу их работников. Так, «В Тюменцевском районе колхозники с/х артели им. Буденного (с. Макарово) организовали обоз хлеба и когда приехали в сельпо, то амбар был закрыт, послали за продавцом для приемки хлеба тов. Бочаровым, который принимать хлеб отказался и заявил: «Сегодня выходной день и принимать от вас хлеб не буду». Колхозники возмущенные

ухали обратно». Подобные случаи оказались весьма распространенными: «В Карасукском районе в Новохатское сельпо колхозники привезли 54 центнера хлеба, но в сельпо не оказалось приемных квитанций и нужного ассортимента товаров. В результате такого безответственного отношения колхозники увезли хлеб обратно». В то же самое время рынок был лишен такого недостатка, как волокита со стороны сотрудников хлебозакупочных организаций: «Ст[аро]-Бурдинское сельпо в базарный день открывает лавку в 11 часов дня, а склад для приемки хлеба еще позднее, в то время как спекулянты и перекупщики выменивают хлеб у колхозников на товары» [2, оп. 2, д. 589, л. 7].

Еще одним недостатком в работе государственных организаций, было нерациональное распределение товаров, направлявшихся в деревню для обеспечения хлебозакупа: «от сбруи некоторые р[айонные] п[отребительские] с[оюзы] отказываются, затоварены ею, а другие, например, Любинский не имеет не одного хомута» [2, оп. 2, д. 589, л. 6]. Не удивительно, что более гибкий рынок, на котором при должном умении можно было найти необходимые товары, выигрывал конкуренцию у государства. Недостатки в работе торговых организаций во время проведения хлебозакупочных кампаний признавались и со стороны Западно-Сибирского крайкома: «как со стороны крайсоюза, так и местной торговопроводящей сети наблюдается неповоротливость, неумение работать оперативно, неумение своевременно учитывать и правильно распределять имеющиеся товары, быстро доводя их до потребителя» [2, оп. 2, д. 589, л. 8].

Таким образом, государственные организации встретились с рядом трудностей при проведении хлебозакупочных кампаний. Их планы не выполнялись не только по причине отсутствия хлеба в пораженной голодом деревне (что характерно для первой половины 1933 г.), но и из-за крестьянского сопротивления, вызванного нежеланием сдавать хлеб по низким закупочным ценам. При этом государство столкнулось с конкурентом в лице рынка (как черного, функционировавшего вопреки запретительным мерам со стороны властей, так и колхозного). Более высокие рыночные цены привлекали продавцов хлеба. Здесь же на рынке они могли приобретать промышленные товары. Государственные организации проигрывали конкуренцию не только по причине разницы цен, но и из-за своей неповоротливости. Промышленные товары, направлявшиеся в деревню, распределялись нерационально, независимо от потребительских запросов. Поэтому в одних сельпо происходило затоваривание, а в других наблюдался дефицит. Рынок оказался более гибким. Выполнить хлебозакупочные планы в таких условиях становилось возможным только применяя административно-репрессивные меры. Хлебозакуп проходил по уже отработанной властями схеме хлебозаготовительных кампаний: строгие ежемесячные районные планы, наказание руководства отстающих районов, оказываемое на колхозников и крестьян-еди-

ноличников административное давление. Тем не менее, дефицит хлеба в деревне и пассивное крестьянское сопротивление государственным мерам, а также конкуренция со стороны рынка, привели к провалу хлебозакупочных кампаний в 1933–1934 гг.

Список использованной литературы и источников

1. Аграрная политика государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. : документально-монографическое издание / под ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. — Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2011. — 608 с.
2. Государственный архив Новосибирской области. — Ф. П–3.
3. Дэвис Р. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931–1933 / Р. Дэвис, С. Уиткрофт — М. : РОССПЭН, 2011. — 539 с.
4. Ильиных В. А. Осень 1935 года: ликвидация крестьянства как класса продолжается / В. А. Ильиных // Известия Сибирского отделения Российской Академии наук. — 1993. — № 2. — С. 53–60.
5. Кондрашин В. В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). / В. В. Кондрашин. — М. : РОССПЭН, 2014. — 350 с.
6. Николаев А. А. Децентрализованные заготовки сельскохозяйственной продукции в сибирской деревне в начале 1930-х гг.: план, рынок, теневой оборот / А. А. Николаев // Сибирская деревня: проблемы истории. — Вып. 2. — Новосибирск, 2014. — С. 113–130.

Информация об авторе

Лапердин Вячеслав Борисович — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора аграрной истории, Институт истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: laperdin2011@mail.ru.

Author

Vacheslav B. Laperdin — Ph.D. in History, Sector of the Agricultural History, Institute of History Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 8, Nikolaev St., Novosibirsk, 630090, e-mail: laperdin2011@mail.ru.

УДК 631.6.02(571.5(09))
ББК 40.64(253.5)г

В.М. ЛЕВЧЕНКО

ВОПРОСЫ РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЛИ В ХОЗЯЙСТВАХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1966–1970 ГОДАХ

Статья посвящена вопросам повышения плодородия почв на основе мелиорации сельскохозяйственных земель, мерам по защите их от ветровой и водной эрозии. На ряду с работой по интенсификации пашни речь идет об улучшении лугопастбищных угодий в хозяйствах региона.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, мелиорация, ветровая и водная эрозия.

V.M. LEVCHENKO

ISSUES OF RATIONAL USE OF LAND IN EASTERN SIBERIA FARMS IN THE YEARS 1966–1970

Article is devoted to improve the fertility of soils on the basis of agricultural land reclamation, the measures to protect them from wind and water erosion. Along with the work on the intensification of arable land we are talking about improving grassland farms in the region.

Keywords: Eastern Siberia, reclamation, wind and water erosion.

Одним из решающих факторов устойчивого роста сельскохозяйственного производства, повышения его эффективности является постоянная забота о рациональном использовании земли, повышении ее плодородия.

Вопрос о земле, ее эффективном использовании земли и повышении плодородия является одним из важнейших в сельском хозяйстве.

Важной вехой в решении проблем землепользования в рассматриваемый период времени явился майский (1996 г.) Пленум ЦК КПСС, рассмотревший вопрос «О широком развитии мелиорации земель для получения высоких и устойчивых урожаев зерновых и других сельскохозяйственных культур». В его решениях была впервые разработана долгосрочная программа улучшения общественных земель. Пленум отметил, что достигнутый уровень развития экономики страны позволяет в этих целях осуществить в комплексе крупные меры как в общегосударственном масштабе, так и в каждом колхозе совхозе по повышению плодородия почв и культуру земледелия, широкой мелиорации земель. Определив мелиорацию как коренное условие, важнейший фактор устойчивого развития сельскохозяйственного производства в стране, Пленум обратил внимание на необходимость правильного использования земли, поставил задачу навести образцовый порядок в использовании всех земель в колхозах и совхозах, воспитывать в каждом советском человеке бережливое и правильное отношение к земле. Он обратил внимание партийных, советских и сельскохозяйственных органов на то, что осуществление всего комплекса мелиоративных работ не текущая компания, а программа, рассчитанная на длительный срок, требующая огромных усилий и немалых капитальных вложений и материально-технических средств.

Положительный опыт по претворению в жизнь решений был накоплен в колхозах и совхозах Красноярского края, сельскохозяйственные районы которого по климатическим условиям расположены в зонах недостаточной и избыточной влажности. Южные районы и Хакасия являются наиболее засушливыми, с годовыми осадками 200–350 мм, в тоже время центральные и северные районы переувлажнены. Вследствие это-

го ведение сельского хозяйства в южных районах края с давних времен неразрывно связано с орошением, в центральных и северных районах в целях обеспечения устойчивого развития сельскохозяйственного производства и особенно обеспечения кормами общественного животноводства необходимо проведение осушения и улучшения лугов и пастбищ. Эффективность орошения и осушения в условиях края была достаточно высокой. Урожайность всех сельскохозяйственных культур при орошении в 2–3 раза выше, чем на богарных землях [6, оп. 37, д. 56, л. 17].

При этом себестоимость получаемой продукции в 1,5–2 раза ниже. На осушенных землях колхозы и совхозы получали по 18–19 ц ячменя с гектара, при урожайности 3–4 ц ячменя на богарных землях. Это говорит о том, что мелиорация в крае являлась одним из наиболее эффективных резервов увеличения производства сельскохозяйственной продукции.

Придавая большое значение мелиорации в хозяйствах провели работу по укреплению материально-технической базы водохозяйственных станций. В период 1966–1967 гг. им было передано 8 мастерских по ремонту техники, 45 комплектов корчевального и бульдозерного оборудования, 8 тыс. м² жилой площади. Из местного бюджета было выделено 1139 тыс. р. на приобретение техники. В соответствии с решением крайкома КПСС и крайисполкома было начато строительство производственных баз в Абакане, Ачинске, Аскизе, Канске, Минусинске, Ирше и Кирбе [3, л. 67].

К 1968 г. в Красноярском крае было вновь организовано 24 машинно-мелиоративных станции и другие организации по освоению новых земель и строительству оросительных систем. Для координации всех работ в 1968 г. было создано Главное управление по мелиоративному и водохозяйственному строительству и проектный институт «Востоксибгипроводхоз» [6, оп. 39, д. 22, л. 51].

Силами машинно-мелиоративных станций и отрядов «Сельхозтехники», колхозов и совхозов за годы восьмой пятилетки в крае было освоено 101 тыс. га новых земель под пашню и введено в эксплуатацию 7,5 тыс. га орошаемых земель.

В соответствии с постановлением бюро областного комитета КПСС и Совета Министров Бурятской АССР в 1966 г. было создано Министерство мелиорации и водного хозяйства, а на базе строительного управления был организован трест «Бурводстрой». Для освоения новых земель, проведения эксплуатационных и ремонтно-восстановительных работ на оросительных и осушительных системах при шести управлениях оросительных систем и 13 районных объединений «Сельхозтехника» были созданы механизированные отряды, оснащенные необходимой техникой. Кроме того, в 24 колхозах и совхозах были созданы лугомелиоративные отряды для проведения коренного и поверхностного улучшения лугов.

Принятые меры позволили уже в 1966–1967 г. освоить под пашню 2269 тыс. га сельскохозяйственных угодий, сдать в эксплуатацию 970 га орошаемых и 2962 га осушенных земель, провести реконструкцию оросительных систем с площадью полива 1210 га. Все это позволило в 1967 г. крайне неблагоприятным по погодным условиям получить среднюю урожайность зерновых культур по 10,5 центнеров с гектара, против 8 ц в 1965 г. [2, оп. 2, д. 111, л. 144, 146].

В развитие этих мер в марте 1967 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР принял совместное постановление «О неотложных мерах по защите почв от ветровой и водной эрозии». Было принято необходимым считать борьбу с ветровой и водной эрозией почв одной из важнейших государственных задач в системе мер, принимаемых партией и правительством для дальнейшего развития сельскохозяйственного производства в стране.

Выполняя данное постановление партийные, советские и сельскохозяйственные органы особое внимание уделили разработке противоэрозийных мероприятий. Предусматривалось широко и планомерно осуществить комплекс организационно-технических, агротехнических, лесомелиоративных и гидротехнических приемов и среди них: внедрение почвозащитных севооборотов с полосным размещением посевов и паров, кулисы, залужение сильно эродированных земель, буферные полосы многолетних трав, снегозадержание, закрепление и облесение песков и других непригодных для сельскохозяйственного использования земель, создание полевых защитных полос. Особое внимание было обращено на внедрение безотвальной обработки почв с оставлением стерни. В соответствии с этим колхозы и совхозы начали ввозить противоэрозийную технику, внедрять в хозяйствах полосные севообороты.

Введение почвозащитной системы земледелия потребовало не только большой разъяснительной, но и огромной организаторской работы, связанной прежде всего с материальным обеспечением новой технологии ведения производства и психологической перестройки труда земледельца. Трудность состояла в том, что предстояло внедрить сложный комплекс организационно-экономических и агрономических мер, в совокупности составляющих научно обоснованную систему земледелия. Освоение безотвальной обработки земли ломало вековые традиции: по сути пришлось научить земледельца новой профессии, выработать новый критерий в оценке труда пахаря и создать соответствующий настрой в умах людей.

Нелегко дался этот поворот, но усилиями тружеников села и города он был осуществлен. Новая система земледелия пробила себе дорогу. В 1969 г. полосное размещение сельскохозяйственных культур в Красноярском крае было осуществлено на площади в 317 тыс. га. За три года пятилетки было посажено 5510 га лесных полевых защитных полос, на пло-

щади в 45,5 тыс. га выполнены работы по залужению сильно эродированных земель, были введены и освоены почвозащитные севообороты и кулисные пары [6, оп. 44, д. 20, л. 102].

В Бурятской АССР были определены опытно-показательные хозяйства по борьбе с эрозией почв. В 1967 г. в совхозе «Селенгинский» был проведен республиканский семинар по новой системе земледелия. Организационные меры обкома КПСС дали свои результаты. В колхозах и совхозах республики была осуществлена широкая программа противоэрозийных мероприятий. В течении 1967–1968 гг. на эродированных землях было проведено 55 противоэрозийных севооборотов с полосным размещением культур на площади в 43 тыс. га [3, л. 58]. Значительную помощь в разработке и осуществлении почвозащитных мер оказали научные учреждения страны. Примером тесной связи науки и сельскохозяйственного производства может служить опыт внедрения научно обоснованной системы землеустройства в совхозе «Россия» Хакасской автономной области и Красноярского края.

В июне 1966 г. в совхозе состоялось заседание научно-технического совета Министерства сельского хозяйства РСФСР, в котором приняли участие заместитель министра сельского хозяйства республики Н.И. Цибизов, профессор МГУ, доктор биологических наук А.Г. Гаель, профессор института леса и древесины Сибирского отделения АН СССР Н.В. Орловский, работники научно-исследовательских учреждений Бурятской АССР, Воронежской, Ростовской, Читинской областей, Красноярского и Ставропольского краев. Его цель состояла в том, чтобы совместно с представителями партийных и советских органов, специалистами сельского хозяйства Красноярского края рассмотреть конкретный проект внутрихозяйственного землеустройства совхоза «Россия», выработать рекомендации по практическому претворению его в жизнь, сделать его эталоном для других хозяйств Восточной Сибири.

Автором проекта выступил главный инженер Красноярской землеустроительной экспедиции института «Росгипрозем» И.Т. Лысых. Проектом были предусмотрены меры по ликвидации последствий ветровой эрозии и ее предупреждения. На сильно эродированных землях было проведено залужение путем посева смеси многолетних трав и осуществлена полосная обработка почвы на землях с легким механическим составом. На средне эродированных землях было организовано десять севооборотов с полосной системой земледелия.

Научно-технический совет одобрил предложенный проектом план работ и подчеркнул необходимость перенесения этой борьбы на земли других сибирских колхозов и совхозов [5, 1966, 28 июня]. Все это позволило совхозу получать ежегодно высокий урожай сельскохозяйственных культур. В 1967 г. полеводы совхоза «Россия» выполнили свою пятилетку по продаже зерна государству.

Самые тесные связи с научными учреждениями Сибири были установлены полеводцами Карасукского совхоза Хакасии. По инициативе главного агронома совхоза И.С. Антонова в хозяйстве была создана и плодотворно работала агрохимическая лаборатория. Ею велись исследования на полях совхоза с целью выявить эффективность безотвальной обработки почв в лесостепной зоне, целесообразность кулисного пара и применения минеральных удобрений. По урожайности (20 ц с га) совхоз за годы восьмой пятилетки выдвинулся на одно из первых мест в области и уже в 1968 г. завершил пятилетний план по продаже зерна государству [5, 1968, 19 янв.].

Особое значение для Восточной Сибири имело создание в 1969–1970 гг. научно-исследовательского комплекса по вопросам развития сельского хозяйства Сибири и Дальнего Востока с целью внедрения научно обоснованных систем, осуществления мероприятий по наиболее производительному использованию земельных ресурсов, дальнейшему развитию научных исследований, направленных на повышение эффективности мелиоративных мероприятий и защиту почв от эрозии.

Наряду с мерами по интенсификации пашни может быть отмечена и работа по улучшению лугопастбищных угодий. В этой части на наш взгляд, определенный интерес представляет опыт Бурятии.

Здесь местные скотоводы издавна занимались выращиванием высоких урожаев трав на сенокосных угодьях. Республика была родиной утужного луговодства Бурятский обком партии, суть которого состояла в том, что на сенокосах закладывались так называемые «утуги», т.е. на определенных участках земли ежегодно вывозился специально заготовленный навоз, который после разбрасывания тщательно втирался специальным приспособлением — «балуром» в почву, а затем в течение лета несколько раз поливался. На данном участке производился комплекс работ по срезке кочек, раскорчевке кустарника, сбору камней и мусора. Вся эта работа производилась вручную. Такие «окультуренные» луга в Забайкалье получили название «утуги», а технологию ведения луговодства называли «утужное луговодство». Опираясь на народный опыт Бурятский обком партии, решил механизировать эти работы, придать им планомерность и широкий размах.

Для работы на лугах было создано 445 звеньев, в каждом хозяйстве были организованы механизированные отряды по вывозке органических удобрений. За период с 5 апреля по 5 мая 1966 г. на луга было вывезено 136,7 тыс. т перегноя, на площади 3707 га внесена аммиачная вода, проведено дискование 400, боронование 4464 га, более 8 тыс. га лугов и пастбищ было очищено от камней и мусора. Силами хозяйств было отремонтировано 213 гидротехнических сооружений и полито 64,7 тыс. га лугов [2, оп. 2, д. 111, л. 37].

Весной 1968 г. в республике было создано уже 507 луговодческих звеньев, 74 луговодческих бригад и отрядов [2, оп. 22, д. 77, л. 10].

За короткое время на луга было вывезено 668 тыс. т навоза, на 4 тыс. га были срезаны кочки, проведено поверхностное улучшение лугов на площади 50 тыс. га. Проведен двух-трехкратный полив угодий на площади 90 тыс. га с внесением удобрений на 22 тыс. га. Все это позволило в 1968 г. повысить среднюю урожайность сена со всей площади сенокосов на один, а с полевых угодий — на четыре центнера и увеличить валовый сбор сена на 45 % [2, оп. 22, д. 89, л. 10].

Опыт Бурятии нашел свое применение в Читинской области.

В 1966 г. группа работников Дульдургинского района побывала в Бурятии, где детально ознакомилась с опытом организации орошений и культурно-технических работ. Во всех хозяйствах района были разработаны мероприятия по улучшению и рациональному использованию малопродуктивных лугов и пастбищ, созданы луговодческие звенья. Помимо создания специальных луговодческих подразделений, колхозники обязали каждую чабанскую бригаду и молочно-товарную ферму навести порядок вокруг стоянок и на закрепленных за ними пастбищных и сенокосных участках. Проведение этих мероприятий не замедлило сказаться на результатах. Только в 1966 г. в районе было проведено боронование и дискование сенокосов и пастбищ на больших площадях, очищено от камней 415 га и заложено угугов на 2282 га.

За годы восьмой пятилетки колхозами и совхозами Читинской области было проведено поверхностное улучшение лугов на площади около 244 тыс. га и впервые широко осуществлены культурно-технические мероприятия на площади 55,7 тыс. га [1, л. 24, 29].

Сказанное свидетельствует о том, что в годы восьмой пятилетки в хозяйствах Восточной Сибири проделали большую и многогранную работу по рациональному использованию земли и повышению ее плодородия. За пятилетие было введено в эксплуатацию 5,1 тыс. га орошаемых земель, площадь осушенных сельскохозяйственных угодий возросла с 63,9 тыс. га в 1966 г. до 67,3 тыс. га в 1970 г.

Осуществление разработанных мер по повышению плодородия почв, программы широкой мелиорации земель сказались на развитии производительных сил, укреплении экономики колхозов и совхозов. Урожайность зерновых культур за этот период времени возросла с 8,6 ц с гектара в 1965 г. до 11,4 ц — в 1970 г., что позволило, практически без увеличения посевных площадей, увеличить валовый сбор зерновых с 4345 тыс. т в 1965 г. до 5685 тыс. т в 1970 г. [4, с. 209]. Все это стало хорошей основой для последующей хозяйственной деятельности.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Забайкальского края. — Ф.3. — Оп. 15 — Д. 20.

2. Государственный архив Республики Бурятия. — Ф. 1.
3. Государственный архив Красноярского края. — Ф. 1386 — Оп. 1 — Д. 3924.
4. Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. : стат. ежегодник. — М., 1971 г.
5. Советская Хакасия.
6. Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края. — Ф. 26.

Информация об авторе

Левченко Владимир Михайлович — кандидат исторических наук, профессор, кафедра истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, e-mail: history@bgu.ru.

Author

Vladimir M. Levchenko — Ph.D. in History, Professor, Department of History and International Relations, Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: history@bgu.ru.

УДК 94(47)''19
ББК 63.3(2)633

Д.С. ОРЛОВ

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960–1980-е ГОДЫ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ*

Осуществляется поэтапная реконструкция основных тенденций развития земледелия в Тюменской области в 1960–1980-е гг. Проводится сравнительный анализ динамики отрасли в данной области и Западной Сибири в целом. Выявлены факторы, влияющие на земледельческое хозяйство.

Ключевые слова: аграрная политика, сельское хозяйство, земледелие, зернопроизводство, Тюменская область.

D.S. ORLOV

AGRICULTURE IN TYUMEN OBLAST IN 1960–1980. MAJOR DEVELOPMENT TRENDS

It is phased reconstruction of the main trends of development of agriculture in the Tyumen region in 1960–1980-s. A comparative analysis of the dynamics of the industry in this area and Western Siberia as a whole. The factors affecting the agricultural economy.

Keywords: agricultural policy, agriculture, land cultivation, grain, Tyumen region.

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (РФФИ), проект 16-01-00067а.

В середине 1960-х гг. доминирующей отраслью полеводства в Томской области являлось зерновое хозяйство. Удельный вес зерновых в общей площади посева в 1965 г. составлял 66,5 %, что было ниже данного показателя по Западной Сибири в целом (70,4 %). В зерновом хозяйстве Тюменской области, как Западной Сибири, преобладала пшеница. Ее удельный вес в общей посевной площади в области составлял 46,9 %, в посевах зерновых — 70,4 %. В Западной Сибири преобладающей культурой также являлась пшеница: 52,1 % в общем посеве и 74,0 % в посевах зерновых. В то же время доля кормовых культур в рассматриваемом регионе была выше, чем в Западной Сибири (29,1 и 25,0 %) (табл. 1) [сост. по: 1, с. 201, 203, 205, 219, 221, 223; 2, с. 173; 3, с. 58, 59, 68; 8, с. 58, 64, 83, 89, 95, 129].

Таблица 1

**Посевные площади в Западной Сибири и Тюменской области
в 1965–1985 гг., тыс. га**

Культуры	1965	1970	1975	1980	1985
Западная Сибирь					
Весь посев	18 938	17 757	18 624	17 768	17 294
В том числе зерновые культуры	13 349	11 786	12 072	11 528	10 743
... пшеница	9 879	8 959	7 986	—	5 888
картофель	440	417	413	332	330
овощи	48	52	53	50	39
... кормовые культуры	4 740	5 201	5847	5 557	5 925
Тюменская область					
Весь посев	1 643,3	1 442,6	1 664,8	1 594,7	1 733
В том числе зерновые культуры	1 096	920,4	1 107,4	1 073,7	1 107,2
... пшеница	771,9	679,9	704,3	463,4	335,9
картофель	44,4	41,2	40,7	38,3	44,4
овощи	3,2	3,6	4,0	5,2	4,6
... кормовые культуры	479	471,5	510,2	476,3	576,5

В 1954 г. с целью решения обострившейся зерновой проблемы СССР началась кампания по освоению целинных и залежных земель. Ее основной задачей являлось существенное наращивание производства пшеницы, в том числе и за счет сокращения производства «второстепенных» хлебов. Тюменская область к целинным районам не относилась.

В конце 1950-х — первой половине 1960-х гг. допущенные во время целинной кампании нарушения агротехники сказались на развитии зернового хозяйства. В результате снижения плодородия почв резко снизилась урожайность.

Результаты целинной кампании показали, что экстенсивные методы ведения аграрного производства себя исчерпали. В связи с этим мартовский (1965 г.) пленум ЦК КПСС принял курс на интенсификацию сельского

хозяйства. В рамках его реализации увеличились масштабы механизации и индустриализации сельскохозяйственного труда, расширилось применение минеральных удобрений, химических средств защиты растений и ядохимикатов, в целом улучшилась культура земледелия. Вблизи крупных городов вводились массивы мелиорированных земель для создания орошаемого овощеводства и интенсификации кормопроизводства. Строились крупные животноводческие комплексы и птицефабрики.

Реализация задач, поставленных в 1965 г. привела к структурным сдвигам в аграрном секторе экономики. В животноводстве увеличение производства достигалось путем сочетания экстенсивных и интенсивных методов. В растениеводстве основных сельскохозяйственных районах Западной Сибири экстенсивные факторы роста были, в основном, исчерпаны. В 1985 г. площадь пашни на ее территории уменьшилась по сравнению с 1965 г. на 9 %. В Тюменской области прирост пашни за это время составил 5 % [1, с. 201, 203, 205, 219, 221, 223; 5, с. 203]. В Западной Сибири общей тенденцией являлось сокращение посевных площадей. В 1966–1970 гг. они уменьшились на 6,2 %, в 1971–1975 гг. увеличились на 4,9 %, в 1976–1985 гг. сократились на 7,1 %.

Необходимость налаживания стабильного кормообеспечения животноводческих комплексов и птицефабрик вызвала расширение посевов кормовых и зерновых фуражных культур. Площади, занятые пшеницей, напротив, сокращались. Вытеснение пшеницы также стало следствием внедрения научно обоснованных районированных севооборотов. В итоге посев зерновых за указанный период в Западной Сибири уменьшился на 19,6 %, пшеницы — на 40 %, а кормовых и «второстепенных» зерновых культур вырос. В Тюменской области наращивание посевов зерновых культур было незначительным (1 %). В то же время посевы пшеницы уменьшились в 2 раза. Посевные площади кормовых культур увеличились на 20 %, выросли посевные площади «второстепенных» зерновых культур.

Во второй половине 1960-х — 1980-е гг. в Тюменской области произошли следующие изменения структуры посевов. Удельный вес кормовых культур в общей посевной площади увеличился (с 29,1 до 33,2 %), а зерновых снизился (с 66,5 до 63,8 %). Наиболее значимыми были сдвиги в структуре зерновых. Доля пшеницы в общей площади посевов и посевах зерновых сократилась с 46,9 до 19,3 и с 70,4 до 30,3 %. Структурные сдвиги в растениеводстве определялись переориентацией аграрного производства в области на выпуск животноводческой продукции. Удельный вес животноводства в сельхозпроизводстве вырос и в макрорегионе в целом. В Западной Сибири в 1985 г. доля зерновых, пшеницы и кормовых культур в общей площади посева составляла 62,1, 34,0 и 34,2 %.

Изменение площади и структуры посевов зерновых имело существенное влияние на объемы валовых сборов хлебов. Не менее значи-

мым фактором динамики производства зерновых являлись погодно-климатические условия. Определенное воздействие на производственные показатели оказывало экономическое положение сельхозпредприятий.

Во второй половине 1960-х гг. были достигнуты высокие темпы наращивания сельхозпроизводства. В Западной Сибири валовый сбор зерна по сравнению с предыдущим пятилетием вырос на 40 %, в Тюменской области — на 35 %. Зерна в Тюменской области в счет госзакупок сдали на 36 % больше [3, с. 58, 59, 68; 7, с. 145, 301]. Успех восьмой пятилетки определялся комплексом причин. Этому способствовали меры по экономическому стимулированию сельхозпредприятий, а также увеличение капитальных вложений. Эффект этих мер был существенно усилен благоприятными погодно-климатическими условиями. Средняя урожайность зерновых в Тюменской области в первой половине 1960-х гг. составляла 7,8 ц/га, во второй половине десятилетия — 13,0 ц/га [3, с. 58, 59, 68].

Таблица 2

Среднегодовой валовой сбор зерновых культур в Западной Сибири и Тюменской области в 1966–1985 гг., тыс. т (по пятилетиям)

Регион	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985
Западная Сибирь	13415	15409	15204	13531
Тюменская область	1374,2	1380	1697	1813

В 1970-е гг. темпы прироста аграрного производства начали снижаться. В 1971–1975 гг. валовый сбор зерновых в Западной Сибири увеличился на 14,9 %, в 1976–1980 гг. сократился 1,4 %. В Тюменской области динамика была иной (в девятой пятилетке был зафиксирован нулевой прирост, а в десятой увеличение составило 19 %) (табл. 2) [Сост. по: 3, с. 58, 59, 68; 7, с. 145, 301; 8, с. 58, 64, 83, 89, 95, 129]. Госзакупки зерна в области 1971–1975 гг. сократились на 12,0%, в 1976–1980 гг. выросли на 39,0 %. В годы девятой пятилетки урожайность выросла незначительно и составила 13,4 ц/га, а в 1976–1980 гг. достигла уровня 15,4 ц/га [3, с. 58, 59, 68]. Значительное снижение объемов закупок зерновых в 1971-1975 гг. объясняется увеличением внутрихозяйственных расходов зернофуража для нужд животноводства.

Одиннадцатая пятилетка началась с двух подряд катастрофических неурожаяев на большей части Западной Сибири, которые привели к резкому нарастанию кризисных явлений в сельском хозяйстве. В 1981 г. госзакупки зерна в Западной Сибири сократились. В 1982 г. падение объемов производства продукции растениеводства продолжилось [6, с. 173]. Несмотря на то, что погодно-климатические условия в 1983–1985 гг. оказались более благоприятными, сокращение валового сбора зерна в Западной Сибири за годы одиннадцатой пятилетки составило 11 %. В то же время в Тюменской области, менее пострадавшей от природных катаклизмов, прирост составил 9 %.

Темпы прироста аграрного производства снизились и в стране в целом. Причины застойных и кризисных явлений в сельском хозяйстве не сводились только к неблагоприятным погодным условиям. Несмотря на достижение определенных результатов, в полной мере не удалось решить задачи интенсификации аграрного производства. Большой оставалась задолженность предприятий аграрного сектора по кредитам. Сельхозартели Тюменской области имели кредиты на сумму 393 млн р., совхозы — 290 млн р. [4, с. 46]. Но главным сдерживающим фактором роста производства являлась низкая трудовая отдача работников сельхозпредприятий.

Обстановка, сложившаяся в сельском хозяйстве СССР к началу 1980-х гг., требовала принятия мер, способствующих ускорению темпов аграрного производства. На это была направлена принятая майским (1982 г.) пленумом ЦК КПСС Продовольственная программа. В качестве основных методов достижения поставленных в ней задач предлагались вполне традиционные: наращивание капиталовложений, техническое перевооружение, увеличение масштабов химизации и мелиорации. Гораздо больший эффект имело начавшееся внедрение в сельское хозяйство так называемых коллективных форм организации и оплаты труда, целью которого являлось преодоление отчуждения тружеников села от средств производства и результатов труда.

Распространение новых форм организации труда, внедрение так называемых интенсивных технологий выращивания зерновых, а также относительно более благоприятные погодные условия позволили улучшить ситуацию в сельском хозяйстве. Однако, несмотря на увеличение темпов развития аграрного производства, общий уровень развития производительных сил в сельском хозяйстве в конце 1980-х гг. по-прежнему не в полной мере удовлетворял потребности общества.

Список использованной литературы и источников

1. Народное хозяйство РСФСР в 1965 г.: стат. ежегодник. — М. : Статистика, 1966. — 616 с.
2. Народное хозяйство РСФСР в 1975 г.: стат. ежегодник. — М. : Статистика, 1976. — 519 с.
3. Народное хозяйство Тюменской области за 70 лет. Стат. сб. — Тюмень, б/и., 1987. — 138 с.
4. Орлов Д. С. Аграрный сектор Кемеровской области во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х гг. / Д. С. Орлов. — Бийск : ФГБОУ ВПО «АГАО», 2013. — 145 с.
5. Сельское хозяйство России: стат. сб. — М. : Госкомстат России, 1998. — 448 с.
6. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / В. А. Ильных, С. Н. Андреенков, В. М. Рынков [и др.]. — Новосибирск : Институт Истории СО РАН, 2012. — 408 с.

7. Сельское хозяйство СССР (1961–1981 гг.) : стат. сб. — М. : Статистика, 1988. — 327 с.

8. Сельское хозяйство СССР. — М. : Статистика, 1988. — 535 с.

Информация об авторе

Орлов Дмитрий Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин, Алтайская государственная академия образования им. В.М. Шукшина, 659333, Алтайский край, г. Бийск, ул. Короленко, 53, e-mail: orlovd2010@mail.ru.

Author

Dmitry S. Orlov — Ph.D. in History, Associate Professor, Head of Department Historical, Legal and Socio-Humanitarian Disciplines, Shukshin Altai State Academy of Education, 53 Korolenko St., Biysk, Altai Region, 659333, e-mail: orlovd2010@mail.ru.

УДК 908. 663.5

Р.В. ПАВЛЮКЕВИЧ

ББК 63.3(2)6-2

ВОДОЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО КРАСНОЯРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНА В ГОДЫ «ОТТЕПЕЛИ»

В статье рассматривается производство водки в Красноярском крае в 1957–1965 гг. Производимый в крае до 1957 г. объем водки не мог полностью удовлетворить потребности населения края, что привело к увеличению потребления кустарного алкоголя. В ходе реформы 1957 г. была полностью реорганизована существующая система управления. Реформа позволила провести модернизацию всей отрасли, что позволило увеличить производство алкоголя в несколько раз.

Ключевые слова: Красноярский край, спиртовая, ликероводочная промышленность, модернизация, водка.

R. V. PAVLUKEVICH

PRODUCTION OF VODKA OF THE KRASNOYARSK ECONOMIC REGION IN DAYS OF «THAW»

In article production of vodka in Krasnoyarsk Krai in 1957–1965 is considered. The vodka made in the region till 1957 couldn't satisfy completely requirement of the population of edge that brought to increase in consumption of handicraft alcohol. During reform of 1957 the existing management system was completely reorganized. Reform allowed to carry out upgrade of all industry that allowed to increase alcohol production twice.

Keywords: Krasnoyarsk Krai, spirit, alcoholic beverage industry, upgrade, vodka.

Водка считается исконно русским напитком, ее потребление постоянно росло в течении XX в. Особенно высоко было потребление этого напитка в Сибирском регионе, что во много объяснялось региональными особенностями. При этом долгое время отрасли легкой и пищевой промышленности не поспевали в своем развитии за ростом численности населения края. Это в свою очередь приводило к росту потребления суррогатного алкоголя. Как показали недавние события в Иркутской области, суррогаты не только били по доходам государства, но и представляли серьезную угрозу жизни и здоровью населения.

В середине 1950-х гг. производством водки в Красноярском крае занимались три ликероводочных завода: в Канске, Красноярске и Минусинске. Эти предприятия обслуживали непосредственно интересы населения края, и их продукция практически ни шла на экспорт за пределы региона. До реформы управления промышленностью и строительством 1957 г. данные предприятия, находились в подчинении Новосибирского спиротреста, подконтрольному Московскому руководству. Данная сверхцентрализованная модель управления тормозила развитие предприятий, не позволяя быстро нарастить объемы производства. Для нее были характерны большинство проблем, порождаемых ведомственностью, свойственным другим отраслям, при этом ситуация усугублялась тем, что пищевая отрасль не являлась приоритетной отраслью края.

Данные заводы находились в плачевном состоянии. Они не имели специальных помещений, не хватало складских площадей. Техническое оснащение предприятий было в значительной степени устаревшим. Рассматриваемые предприятия на 1956 г. произвели 2029,3 тыс. дкл крепкого алкоголя, что представляло собой 7,7 л. крепкого алкоголя на душу населения или 2,5 л чистого спирта в год.

Основным продуктом производства на 1956 г. была водка обыкновенная, наиболее низко качественная и самая простая в производстве из всех представленных в ГОСТе водок. Она представляла собой обычную смесь этилового ректифицированного спирта с водой (производимая по ГОСТу 39–50). Помимо нее в крае производили особую московскую, столичную и 50 градусную водки, являвшимися водками высшего сорта.

Реформа управления промышленностью и строительством 1957 г. должна была помочь в модернизации всей промышленности. В ходе нее был совершен переход от отраслевого принципа управления к территориальному, который осуществлялся по средствам советов народного хозяйства. Созданные совнархозы обладали достаточно широкими полномочиями в области управления народнохозяйственным комплексом подотчетных регионов. Они имели право не только составлять планы

развития, но и самостоятельно разрабатывать систему управления подотчетных им территорий. В ходе проведения реформы в стране было создано более ста советов народного хозяйства, в том числе в Восточной Сибири были организованы Красноярский, Иркутский, Читинский и Бурятский советы. Красноярский совнархоз отвечал за красноярский экономический район, включавший в себя помимо Красноярского края также Туву и Хакассию. Канский, Минусинский и Красноярский ликероводочные заводы вошли в состав управления пищевой промышленности Красноярского совета народного хозяйства [2, ф. Р. 1408, оп. 3, д. 2, л. 25, 47]. Новая система управления, позволила приблизить руководству предприятиями непосредственно в край и ускорить принятие решений, а, следовательно, и модернизацию производства.

В рамках совнархоза, предприятия машиностроения края, оказались под контролем красноярского совнархоза, что позволило руководству пищевой промышленности наладить производство новых станков и деталей к ним. Контроль за строительными организациями ускорял строительство новых складских помещений.

Одним из первых шагов нового руководства предприятий стало введение на них старшего химика, отвечавшего за качество продукции [2, ф. Р. 1408, оп. 3, д. 2, л. 39]. Тем не менее, данный шаг наткнулся на острую нехватку высококвалифицированных кадров ИТРов крае.

Уже в 1957 г. руководство управления пищевой промышленности Красноярского совнархоза приступило к обновлению материальной базы предприятий. Благодаря этому производство водки выросло более чем на 100 дкл [2, ф. Р. 1407, оп. 1, д. 78, л. 13–14].

В 1959 г. удалось осуществить механизацию основных погрузочно-разгрузочных работ, это ускорило работу и снизило бой посуды и тары. Увеличение производства продукции вызвало нехватку складской площади, которая должна была еще сильнее усугубиться в следующие годы. За 1957–1962 гг. управлению пищевой промышленности удалось добиться роста производственных мощностей на 37 %, была достигнута значительной механизация и автоматизация производственных процессов.

В конце 1962 г. произошла новая реорганизация системы управления спиртовой и ликероводочной промышленности. В рамках управления пищевой промышленности прошла организация производственных объединений (фирм). Предприятия, производившие водку, вошли в состав трех пищевых объединений: Минусинского, Канского и Красноярского бродильно-водочного завода. В последующие 1963–1965 гг. предприятия ликероводочной промышленности прошли значительную модернизацию, их совокупная мощность достигла практически 5000 тыс. дкл в год [2, ф. Р. 1407, оп. 1, д. 82, л. 78]. Плановые задания регулярно выполнялись. В начале 1965 г. после отставки Н.С. Хрущева началось постепенное свертывание территориальной системы управления. По-

сле ликвидации Красноярского СНХ предприятия были переданы под контроль министерств.

За 1956–1965 гг. производство водки в крае значительно возросло. Новая система управления дала отрасли дополнительный импульс развитию. За хрущевский период нашей истории красноярская спиртовая и ликероводочная промышленность прошла полную модернизацию, что отразилось не только в количественных, но качественных показателях.

Как уже говорилось выше, накануне реформы управления промышленностью и строительством 1957 г. основной производимой водкой в крае была водка обыкновенная 40 градусная, не отличавшаяся высоким качеством. В ходе работы управления пищевой промышленности, начиная с 1959 г. ее производство стало снижаться, а производство более высококачественной водки — особой московской, столичной и 50 градусной — стало расти. После окончания первого этапа модернизации и обновления технической базы предприятий в 1963 г. водка особая московская вышла на первое место по количеству производимой продукции в год (табл.). Это может свидетельствовать не только о качественно новом уровне развития предприятий, но и о стремлении снабжать население более высококачественной продукцией.

Производство водки в Красноярском экономическом районе в 1956–1965 гг., тыс. дкл

Изделие	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
Водка 40	1 248	1 232	1 276	1 435	1 345	1 175	1 348	1 275	796	612
Водка особая московская	222	286	445	419	476	900	860	1 100	1 769	2 318
Водка столичная	11,6	7	27	46	45	45	40	45	60	51
Водка 50	3	2	2			100	140	110	70	132
<i>Всего</i>	1 484,6	1 527	1 750	1 900	1 866	2 220	2 388	2 530	2 695	3 113

Всего за рассматриваемый период производство водки выросло с 1484,6 тыс дкл. до 3113 тыс. дкл, т.е. более чем в два раза. Данный рост во многом стал возможен благодаря новой системе управления. Она позволила использовать мощности и возможности других отраслей промышленности Красноярского края, в первую очередь машиностроения, строительства и энергетики для осуществления реорганизации, и модернизации производства. Увеличение производства водки позволило снизить потребление населением кустарного алкоголя и ускорило укоренения городского образа жизни в крае.

Список использованной литературы и источников

1. Белонучкина А. В. История Иткульского спиртового завода 1868–2003 гг. / А. В. Белонучкина, Ю. С. Дьяченко, А. М. Мариупольский, А. В. Скубиевский. — Красноярск : Ситалл, 2004. — 335 с.
2. Государственный архив Красноярского Края.

3. История ликероводочного производства в России в XX веке: (На прим. Ярослав. ликероводочного з-да) / А. В. Борисова, Ю. Ю. Иерусалимский, Н. П. Рязанцев. — Ярославль : ООО Ремдер, 2003. — 92 с.

4. Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991) / А. Б. Коновалов. — Кемерово : Кузбассвузиздат, 2006. — 635 с.

5. Похлебкин В. В. История водки / В. В. Похлебкин. — М. : Центрполиграф, 2000. — 160 с.

Информация об авторе

Павлюкевич Руслан Витальевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии, Красноярский государственный аграрный университет, 660049, г. Красноярск, пр. Мира, 90, e-mail: autocrator@yandex.ru.

Author

Ruslan V. Pavlukevich — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of History and Political Science, Krasnoyarsk State Agriculture University, 90 Mira Avenue, 660049, Krasnoyarsk, e-mail: autocrator@yandex.ru.

УДК 332.1

ББК 65.04

В.М. РЫКОВ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

В статье раскрыто теоретическое понятие «регион», и показана история возникновения «Территориально-производственных комплексов» (ТПК), а также рассматриваются различные теоретические подходы сущности ТПК. Дается обстоятельный анализ формирования и усиления деятельности интеграционных структур, на примере развития интеграции в АПК.

Ключевые слова: регион, территориальный производственный комплекс, интеграционная структура, межотраслевые комплексы, агропромышленный комплекс.

V.M. RYKOV

REGIONAL MANUFACTURING COMPLEXES IN THE CONTEXT OF INTEGRATION PROCESSES

The article studies a theoretic notion «region», describes the genesis of «Territorial production complexes» (TPC), and considers various theoretic approaches to this notion. The author analyzes formation and intensification of integrative structures activity through the example of agroindustrial complex integration.

Keywords: region, territorial production complex, integration structure, intersectorial complexes, agroindustrial complex.

В экономической теории регион рассматривается как территориальное образование на едином экономическом поле, по своей сути выполняющее посредническую роль между макро- и микроэкономикой, обеспечивая оптимальное функционирование всех систем: экономических, социальных, политических, национальных в любой части пространства и тем самым в целом на территории федерации.

В современном экономическом словаре понятию «регион» дается следующее толкование: «область, район, территория, часть страны, отличающиеся совокупностью естественных или исторически сложившихся экономико-географических условий и национального состава населения».

Иркутская область занимает стратегически важное экономико-географическое положение в центре азиатской части России. Площадь ее составляет 768 тыс. км², численность постоянного населения — 2 млн 562 тыс. человек. По богатству ресурсного потенциала область занимает одну из лидирующих позиций в России.

Рост ВРП должен осуществляться за счет роста объема производства на основе внедрения новых технологий, использования ресурсосберегающего оборудования, повышение продуктивности животных, урожайности культур. Для роста объем производства важна заинтересованность производителя в выпуске продукции, которая обуславливается доходностью и конкурентоспособностью товара, спросом на рынке, наличием необходимых финансовых, трудовых, материальных ресурсов, высокопроизводительных ресурсосберегающих технологий, финансовой поддержкой органов управления. Без значительных инвестиций со стороны государства задачу роста ВРП не решить. Инвестировать или внедрять наиболее прогрессивные технологии обоснованнее в крупные предприятия — региональные производственные комплексы, — которые в состоянии обеспечить более высокую окупаемость вложенных средств и более эффективно использовать выделяемую финансовую поддержку.

По определению, комплекс (от лат. Complexus — связь, сочетание) — это совокупность, сочетание объектов, предметов, действий, тесно связанных и взаимодействующих между собой, образующих единую целостность [4, с. 201].

Термин «территориально-производственный комплекс» (ТПК) впервые появился в конце 1950-х гг. За аббревиатурой ТПК первоначально подразумевался территориально-промышленный комплекс. Но определение «промышленный» более узкое, чем определение «производственный», т.к. производство включает предприятия не только промышленных отраслей, но и строительства, сельского хозяйства, инфраструктурные объекты, способствующие эффективной работе предприятий.

Основу теории территориально-производственных комплексов создали труды Н.Н. Колосовского. Он дал следующее определение производственно-территориальному комплексу, ставшее ныне классическим:

«экономическое (взаимообусловленное) сочетание предприятий в одной промышленной точке или в целом районе, при котором достигается определенный экономический эффект за счет удачного (планового) подбора предприятий в соответствии с природными и экономическими условиями района, с его транспортным и экономико-географическим положением» [3, с. 72].

Можно согласиться с определением территориально-производственного комплекса, данным А.Н. Алымовым. Так, ТПК, по его мнению, «совокупность сосредоточенных в пределах соответствующей территории и связанных между собой объектов производства и других сфер трудовой деятельности» [1, с. 33].

Нельзя также не согласиться и с мнением В.В. Кистанова, который считает «районный хозяйственный комплекс частью (подсистемой) единого народнохозяйственного комплекса страны и представляет собой планомерно складывающееся устойчивое и динамичное районное сочетание предприятий и отраслей хозяйства (включая непродуцированную сферу)», а также промышленных центров, узлов и других форм территориальной организации хозяйства [2, с. 35].

В пользу организации комплексов высказывались многие советские экономисты. Например, А.Н. Алымов писал, что целенаправленное формирование региональных, производственных отраслевых и межотраслевых территориальных комплексов составляет основной предмет региональной экономики [1, с. 33].

А.Т. Хрущев в своих работах определяет основные особенности организации производства: территориально-производственный комплекс выступает как взаимосвязанное, взаимообусловленное единство предприятий (сочетание), а не как простой их набор. Различные типы связей между предприятиями (комбинирование, кооперирование и т.д.), как и подбор самих предприятий, осуществляют ради достижения наибольшего народнохозяйственного эффекта. Это, по мнению А.Т. Хрущева, которое мы полностью разделяем, цель системной организации хозяйства. Такая цель может быть достигнута благодаря целесообразному использованию всех видов ресурсов и природных, и экономических, а также преимуществ экономики географического положения [7, с. 217].

Внутренними факторами формирования региональных производственных комплексов являются природные ресурсы, трудовые ресурсы, сельскохозяйственные ресурсы, производственная инфраструктура и т.д. Внешними же факторами выступают способ производства, общественные потребности, экологические возможности, научно-технический прогресс. В результате взаимодействия внутренних и внешних факторов складывается отраслевая структура регионального производственного комплекса. Специализацию РПК определяют виды производств, расположенные на его территории. Каждый региональный производственный

комплекс в своей структуре имеет не только отрасль, определяющую его специализацию, но и группу сопутствующих отраслей, дополняющую территориальный комплекс, обслуживающую ведущие отрасли, или же, выпускающую продукцию для обеспечения населения. Сочетание отраслей в региональном производственном комплексе дает возможность выделить два вида комплексов — простой комплекс и сложный. Простой комплекс представляет собой сочетание параллельных отраслей. Сложный же комплекс предполагает межотраслевые производственные связи. Сложному комплексу характерны большая экономическая эффективность, которая выражается в сокращении транспортных перевозок при последовательной переработке сырья и полуфабрикатов, экономия в потреблении энергии и утилизации отходов производства.

В.В. Кистанов в своих работах выделяет три группы межотраслевых комплексов:

- базовые межотраслевые комплексы промышленности (это комплексы топливно-энергетический, металлургический, лесостроительных материалов);

- ведущие комплексы промышленности (высокоразвитые отрасли машиностроительной, химической, оборонной промышленности являются ведущими звеньями материально-технической базы современной экономики);

- потребительские межотраслевые комплексы (состоят из отраслей сельского хозяйства и пищевой промышленности (агропромышленный комплекс), легкой промышленности и производства товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения). Основное звено потребительских комплексов — агропромышленный (АПК), обеспечивающий страну продовольствием и сельскохозяйственным сырьем, и во многом определяющий уровень жизни народа и социально-экономический прогресс [2, с. 25].

В системе народного хозяйства Российской Федерации сложились и функционируют как межотраслевые комплексы: топливно-энергетический, металлургический, машиностроительный, химико-лесной, строительный, агропромышленный, транспортный и другие, так и территориальные в границах экономических регионов. В составе регионального производственного комплекса сложились и функционируют комплексы более низкого иерархического уровня, а именно — это отраслевые региональные промышленные, агропромышленные комплексы, транспортный комплекс. Эти комплексы органически связаны между собой, а сам региональный производственный комплекс является частью общероссийского производственного комплекса.

Одна из важнейших тенденций развития современной экономики — формирование и усиление интеграционных структур. Именно крупные структуры составляют своего рода каркас индустриально развитых стран и мирового хозяйства в целом, повышают уровни макроэконо-

мического регулирования производства, стабильность экономического сотрудничества (в том числе международного), выступают в качестве партнеров государства в выработке и реализации стратегической линии в процессе модернизации экономики. Эти общемировые тенденции начинают проявляться и в Российской Федерации. Даже при резком спаде производства крупные предприятия обеспечивали подавляющую часть всего объема выпуска продукции в стране.

Помимо общемировых тенденций интеграционного развития в России действуют специфические факторы, диктующие необходимость коренного поворота к формированию интеграционного звена. Поиск новых форм интеграций и актуальность интеграционных процессов обусловлены обвальным падением спроса и объемов производства, нехваткой инвестиций и оборотных средств, сокращением государственных заказов и неопределенностью перспектив. К числу специфических российских факторов, побуждающих предприятия к объединению в крупные структуры можно отнести и такой, как рост трансакционных издержек в результате отказа от прямого государственного управления и изменения характера взаимоотношений между предприятиями в ходе экономической реформы. Без координации деятельности всех звеньев технологической цепочки, привлечения крупных финансовых ресурсов, восстановления материально-технической базы невозможны восстановление разрушенных производственно-технологических связей и структурная перестройка производства.

Для преодоления противоречий и развития нормальных взаимовыгодных экономических отношений между производителем сельскохозяйственной продукции и переработчиками ведется поиск форм их интеграции в современных условиях. Начиная с середины 1990-х гг. появляются концерны, комбинаты, корпорации, объединяющие сельскохозяйственные перерабатывающие предприятия, где обязательным звеном является производство и доведение продукции до конечного потребителя.

Для успешного выхода из кризисной ситуации 1990-х гг. возникла необходимость провести новый этап реформирования АПК. Его суть заключается в организации крупных интегрированных формирований на региональном уровне, объединяющих сельских товаропроизводителей, перерабатывающие и обслуживающие предприятия, включая торговую сеть [5, с. 5]. Эта форма соединения сельскохозяйственного и промышленного производства обеспечивает единство и непрерывность воспроизводственного и технологического процесса, начиная от производства сырья и заканчивая выпуском готовой продукции, и способствует более эффективному использованию производственной и социальной инфраструктуры.

«Интеграция — объединение экономических субъектов, углубление их взаимодействия, развитие связей между ними. Экономическая интеграция имеет место, как на уровне национальных хозяйств целых стран,

так и между предприятиями, фирмами, компаниями, корпорациями. Экономическая интеграция проявляется как в расширении и углублении производственно-технологических связей, совместном использовании ресурсов, объединении капиталов, так и в создании друг другу благоприятных условий осуществления экономической деятельности, снятии взаимных барьеров».

Увеличение масштабов производства в процессе интеграции осуществляется по следующим направлениям:

1. Горизонтальная интеграция — слияние двух или более компаний, занятых в одной сфере производства. При горизонтальной интеграции происходит объединение производств и предприятий одной отрасли или нескольких ее подотраслей, производящих однородную продукцию или выполняющих различные операции по ее производству.

2. Вертикальная интеграция комбинация разноотраслевых компаний, производство в которых связано единой технологической цепью. При вертикальной интеграции происходит межотраслевое кооперирование и комбинирование предприятий и производств различных отраслей народного хозяйства, обеспечивающее оптимальное прохождение товарной массы в едином технологическом процессе из одной фазы производства в другую, снижение издержек, повышение эффективности производства, качества и конкурентоспособности продукции.

Диверсификация — комбинация разноотраслевых компаний, технологически не связанных между собой. Развитие интеграции в АПК характеризуется большим разнообразием организационно-хозяйственных структур. Все зависит от принятого в каждом конкретном случае механизма интеграции хозяйствующих субъектов в единую организационно-хозяйственную систему. Так в процессе формирования интегрированной структуры той или иной организационно-правовой формы включаются те производственные объекты, которые обеспечивают производство сельскохозяйственной продукции и ее реализацию через собственную торговую сеть.

По составу участников, формам собственности, характеру отношений предприятий между собой и с интегратором, а также степени их хозяйственной и юридической самостоятельности интегрированные структуры неодинаковы.

Образование интегрированных организационно-хозяйственных структур кардинально изменило производственно-экономические и финансовые отношения предприятий разных отраслей. До создания интегрированного формирования сельскохозяйственные предприятия были хозяйствами-банкротами со всеми характерными для данного состояния признаками, с разрушенной материально-технической базой. Уровень организации производства, труда и его оплаты, технологической дисциплины не позволял им функционировать в качестве самостоятельных юридических лиц. Все или большинство сельскохозяйственных предприятий

до вхождения в состав интегрированного формирования не имели возможности финансирования из местного, регионального и федерального бюджетов, получения банковского кредита. Были нарушены нормальные условия реализации продукции, приобретения материально-технических средств и т.д. при формировании интегрированных структур названные функции взяли на себя интеграторы (инвесторы), которые, располагая определенными денежными ресурсами и возможностями получения кредитов в банках, в том числе и коммерческих, создали благоприятные условия для развития сельскохозяйственного производства [6, с. 13]. При этом особое внимание уделяется предоставлению финансовых ресурсов на приобретение техники, увеличению поголовья рабочего, племенного, продуктивного скота, что позволяет сельхозпредприятиям в значительной мере улучшить экономическое положение и повысить доходность.

Развитие интеграционных процессов — перспективный путь стабилизации и дальнейшего подъема отрасли. Основные его функции: согласование интересов товаропроизводителей и переработчиков, разработка и реализация общих программ сбалансированного развития, повышение экономической эффективности функционирования предприятий.

Необходимость и целесообразность агропромышленной интеграции в современных условиях региона обусловлены тем, что она позволяет:

- эффективно распределять ресурсы между субъектами интеграции;
- сгладить сезонность в аграрном производстве и в получении доходов за счет комбинирования многих видов деятельности;
- уменьшить зависимость от погодно-климатических условий за счет пространственной диверсификации;
- противостоять стихии рынка сельскохозяйственной продукции путем крупномасштабного планирования и консолидации предложения;
- уменьшить транзакционные издержки;
- повысить инвестиционную привлекательность сельскохозяйственного производства.

Развитие агропромышленной интеграция в регионе позволило сохранить крупное товарное производство, избежать последствий разорительного банкротства многих сельскохозяйственных организаций, обеспечить рабочие места и социальную стабильность. Первое интеграционное формирование Иркутской области было организовано в 1994 г. в ТОО «Окинский» (СПК «Окинский») Зиминского района. Активизации интеграционного процесса способствовало подписанное под № 843-р распоряжение губернатора Иркутской области «О создании интеграционного объединения на базе ОАО «Белореченское»» от 9 октября 1998 г.

Развитие интеграционных процессов между сельскохозяйственными предприятиями, предприятиями перерабатывающей промышленности и сетью реализации на сегодняшний день является одним из актуальных направлений в развитии Иркутского региона, так как способствует

повышению доходности всех участников процесса производства, переработки и реализации продукции, а также привлечению инвестиций в аграрную сферу и восстановлению производственного потенциала агропромышленного комплекса.

Таким образом, региональные производственные комплексы — в условиях развития и формирования интеграционных процессов представлены многопрофильными объединениями, включающими в себя комплексы производства, переработки и реализации продукции — интеграционными формированиями региона.

Список использованной литературы и источников

1. Алимов А. Н. Производительные силы: проблемы развития и размещения / А. Н. Алимов. — М.: Экономика, 1981. — 170 с.
2. Кистанов В. В. Региональная экономика России / В. В. Кистанов, Н. В. Копылов. — М.: Финансы и статистика, 2006. — 584 с.
3. Колосовский Н. Н. Основы экономического районирования / Н. Н. Колосовский — М.: Госполитиздат, 1958. — 199 с.
4. Райзберг Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА, 2007. — 495 с.
5. Трящина Н. Агропромышленное объединение в Орловской области / Н. Трящина, Л. Ветрова // Экономика сельского хозяйства России. — 2003. — № 5. — С. 5–12.
6. Ушачев И. Интеграционные отношения в агропромышленном производстве России / И. Ушачев // АПК — экономика, управление. — 2003. — № 8. — С. 12–14.
7. Хрущев А. Т. Экономическая и социальная география России / А.Т. Хрущев, А. Н. Алексеев. — 2-е изд. — М.: Дрофа, 2002. — 672 с.

Информация об авторе

Рыков Виктор Михайлович — доктор экономических наук, профессор, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: rykov@mail.ru.

Author

Victor M. Rykov — Doctor of Economics, Professor, Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: rykov@mail.ru.

УДК 908(571.55)
ББК 26.89 (2 Рос-4 Чит)

В.С. РЯЖЕНОВА

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ В 1938–1950 ГОДАХ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Статья посвящена развитию промышленности в Восточном Забайкалье. Анализируется состояние промышленности региона в годы третьего (1938–1942 гг.) и четвертого (1946–1950 гг.) пятилетних планов раз-

вития народного хозяйства. Автор рассматривает экономику региона, в том числе ввод в строй новых промышленных предприятий, важных для развития не только края, но и всей страны. В статье затрагивается проблема подготовки кадров специалистов для промышленности региона.

Ключевые слова: Восточное Забайкалье, экономика, народное хозяйство, промышленность, производство, кадры.

V.S. RYAZHENOVA

INDUSTRY OF THE EASTERN TRANSBAIKALYE (1938–1950s): STATUS AND PROBLEMS OF DEVELOPMENT

The article devoted the development of industry in Eastern Transbaikalye. The author analyzes the status of industry region in years third (1938–1942 years) and fourth (1946–1950 years) five-year plans the development national economy. The author looks of the region's economy, including the commissioning of new industrial enterprises, which are important for the development of not only the region but the whole country. The article referred the problem of training specialists for the industry of the region.

Keywords: eastern transbaikalye, economy, national economy, industry, production, personnel.

Результатом успешного выполнения первых двух пятилетних планов развития народного хозяйства в Восточном Забайкалье, развивающемся индустриально-аграрном районе с крупной горнорудной промышленностью, имеющей особое значение для всей страны, становится качественное укрепление состояния промышленности.

Ускоренное развитие восточных районов, осуществленное в эти годы, вызвало необходимость внести некоторые изменения и в административно-территориальное деление страны. В частности 26 сентября 1937 г. ЦИК СССР приняло постановление «О разделе Восточно-Сибирского края на Иркутскую и Читинскую области». Образование области, несомненно, свидетельствовало о том, что Восточное Забайкалье к тому времени достигло определенной экономической зрелости, а также получило способность решать более сложные народнохозяйственные задачи. Более того, это решение указывало на особое внимание со стороны правительства к развитию в Читинской области производительных сил.

Уже в марте 1939 г. состоялся XVIII съезд ВКП(б), который утвердил третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1938–1942 гг. Резолюция съезда о новом плане содержала в себе призыв ускорить строительство новых предприятий, а также увеличить производство металла, добычу угля, золота, олова, и молибдена, плавикового шпата, вольфрама и других полезных ископаемых в восточных и даль-

невосточных районах Союза ССР, что безусловно, имело прямое отношение к Читинской области [7, с. 268].

Начало новой пятилетки было достаточно тяжелым для промышленности Читинской области. Многие предприятия не выполняли планы производства продукции, не удачно шло строительство новых предприятий. Однако, после того как трудящиеся области предприняли немало усилий по устранению причин неудовлетворительной работы предприятий и строек, добиваясь улучшений их деятельности, задача стала выполняться более удачнее и продуктивнее.

В разделе плана о капитальном строительстве, разработанном на XVIII съезде, предусматривалось завершение строительства нового, более современного Петровско-Забайкальского металлургического завода. Так, в результате применения стахановских методов труда инженерно-техническими работниками при заводе появились новые цеха: мартеновский, газогенераторный и прокатный [4, л. 14].

В целом можно сказать, что новое металлургическое предприятие по своим размерам и объему продукции не шло ни в какое сравнение со старым, так называемым «Чуглитом». Его продукция в годы третьей пятилетки в сотни раз превышала продукцию старого завода, снабжая все Забайкалье и Дальний Восток чугунами изделиями.

На этот период времени выпадает строительство Читинского электромеханического завода, которого в скором времени переименуют в машиностроительный завод. Его строительство будет закончено к началу Великой Отечественной войны [5, с. 86].

Дальнейшее развитие получила и оловянная промышленность, ведь новые отрасли промышленности страны имели большую потребность в олове. Известно, что Читинская область в качестве сырьевой базы для добычи олова имела первостепенное значение для всего Советского Союза. Почти вся добыча оловянных концентратов в 1940-е гг. сосредотачивалась в трех крупнейших не только по области, но и по всему Союзу комбинатах — Хапчерангинском, Шерловогорском и Ононо-Оловянинском.

Особо крупных успехов добился коллектив Хапчерангинского оловокомбината, который в новых условиях быстрыми темпами наращивал выпуск касситеритового концентрата. В 1939–1940 гг. комбинат систематически перевыполнял производственную программу и удерживал переходящее знамя Наркомата цветной металлургии и ЦК профсоюза. В целом можно сказать, что комбинат стал крупнейшим механизированным предприятием оловянной промышленности по своим масштабам и объему производства, а также по насыщенности механизмами.

В области активно продолжалась добыча благородных металлов. Предприятия золотой промышленности в предвоенный период объединялись в крупнейшие тресты — «Балейзолото», «Забайкалзолото», «Дарасунзолото», «Верхамурзолото» и «Амурзолото».

Крупнейшим являлся трест «Балейзолото», который включал в себя Балейское месторождение золотых руд. В 1937 г. сложилась определенная структура комбината, которая состояла из цехов основного, вспомогательного и подсобного производств, в частности из Балейского, Казаковского, Фатимовского приисковых управлений. На этом месторождении добыча золота велась как в шахтах, так и карьерами.

Из других действовавших следует отметить Дарасунское, Вершино-Дарасунское и Ключевское месторождения. На примере рудника Ключи можно представить, какие изменения произошли в золотой промышленности к 1940 г., поскольку добыча на нем увеличилась почти в два раза, производительность труда выросла на 42%. Увеличение добычи металла стало возможным в результате внедрения ряда технических усовершенствований на производстве.

Огромное значение в деле развития золотой промышленности сыграло решение государства о поощрениях за открытие новых месторождений, при этом выделяя для указанных мероприятий огромные средства на организацию поисковых работ. Например, по тресту «Верхамурзолото» ассигнования увеличились в 1940 г. на 1200 % и на разведку отпущено в четыре с половиной раза больше, чем в 1939 г. [8, с. 72]. В результате всех этих принятых мер к 1940 г. Читинская область оказалась на втором месте по объему добычи золота по стране.

В целом можно отметить, что в годы третьего пятилетнего плана промышленность Читинской области быстро набирала темпы. Так, к примеру, уже в 1940 г. продукция цветной металлургии области возросла по сравнению с 1937 г. в 8 раз, черной металлургии — на 35 %, металлообрабатывающей промышленности — в 2,5 раза [2, с. 41]. Исходя из этих данных, виден безусловный прогресс в развитии промышленности области, по сравнению с дореволюционными показателями.

Дальнейшее комплексное развитие Восточного Забайкалья нарушила Великая Отечественная война. В отличие от других восточных районов в Забайкалье в большинстве отраслей произошел спад производства, приведший к нехватке топлива, электроэнергии, горючего, транспортных средств и особенно рабочей силы.

Далее в достаточно сжатые сроки стал осуществляться перевод всей области на военные рельсы, в результате чего промышленность стала переходить на выполнение заказов действующей армии. В это время область не только поставила на службу фронту все свои производственные мощности и сырьевые ресурсы, но и намного увеличила их объем и использование за годы войны. Несмотря на все трудности и недостатки военного времени, в промышленности продолжалось капитальное строительство, как средство решения важнейших хозяйственных задач перспективного значения.

Так, в военное время осуществлялось реконструирование существующих и открытие новых предприятий, из которых следует выделить: Давединское и Шахтаминское рудоуправления, Тарбагатайский ремонтно-механический завод, Читинский хромовый завод, Харанорская угольная шахта, подвергли реконструкции Забайкальский горно-обогатительный комбинат по добыче редких металлов.

Угольная промышленность Читинской области выполнила весьма важную задачу обеспечения промышленности и транспорта топливом. Несмотря на то, что добыча угля была снижена по сравнению с довоенным временем, шахтеры «Востугля» справились с производственными заданиями.

Кроме того Читинская область являлась главным поставщиком многих редких металлов и минералов, имеющих оборонное значение и дававшее стране до 50 % союзной добычи молибдена, плавикового шпата, вольфрама, олова. Особенно следует отметить производство плавикового шпата как стратегического сырья для оборонной промышленности, количество которого продолжало увеличиваться, составляя за 1941–1945 гг. 314,5 тыс. т. В 1944 г. на руднике Калангуй была построена гравитационная обогатительная фабрика, пуск которой позволил увеличить объем выхода кускового флюорита [6, с. 385].

Однако, промышленность области к концу войны все-таки стала снижать свое производство. Если принять валовую продукцию всей промышленности в 1940 г. за 100, то в 1945 г. она составляла всего 66 %, в крупной промышленности — 64 % [1, с. 13].

Ситуация стала изменяться после окончания Великой Отечественной войны. Советский народ стал переходить к мирному труду, к восстановлению и дальнейшему развитию народного хозяйства страны. В связи с этим в феврале 1946 г. Верховный Совет СССР утвердил четвертый пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства.

За годы четвертой пятилетки забайкальцам предстояло в кратчайшие сроки перестроить работу промышленности в соответствии с условиями мирного времени, восстановить довоенный уровень производства и превзойти его. Задача являлась очень не простой, если учесть, что силы страны сосредоточивались, прежде всего, на восстановлении народного хозяйства в разрушенных войной районах. Известно, что по четвертому пятилетнему плану 80 % капиталовложений направлялось на восстановление народного хозяйства западных районов страны. Доля Сибири, а, следовательно, и Забайкалья, в капиталовложениях сокращалась, стало быть, забайкальцам пришлось рассчитывать главным образом на собственные возможности, хотя они были крайне ограниченными.

В результате максимума приложенных усилий, в годы четвертой пятилетки промышленность области заметно выросла как за счет роста отраслей, производящих различные средства производства и главным

образом промышленное сырье, так и за счет роста промышленности, производящей предметы народного потребления. Это находило свое выражение в развитии горнорудной, лесной, металлургической, металлообрабатывающей отраслей промышленности.

К примеру, особо успешно продолжала развиваться угольная промышленность. Эффективно работали в это время шахтеры треста «Забайкалуголь», достигая высоких результатов, проявляющихся в увеличении средней выработки врубовой машины по шахтоуправлению, доходившей до 5000 т в месяц при норме 3450 т. В результате таких упорных стараний, уже в 1947 г. угольная промышленность Читинской области превысила довоенный уровень добычи угля [2, с. 91].

Показательным являлось развитие крупнейшего предприятия области Петровск-Забайкальского металлургического завода, который за достаточно короткое время резко повысил свои мощности и в 1947 г. получил переходящее Красное знамя ВКП(б), вырвавшееся самым передовым предприятием Читинской области [3, л. 129].

В общей сложности завод всего за три года выполнил первый послевоенный пятилетний план, в результате чего были перекрыты проектные мощности по выплавки стали и прокату. Роста производства металлургии завода достигли на основе усовершенствования технологии, сокращения длительности плавки, увеличения съема стали с квадратного метра печи, модернизации оборудования, механизации и автоматизации технологических процессов, что, безусловно, делало его новатором среди металлургических предприятий востока страны.

Однако, в послевоенный период отдельные отрасли промышленности Читинской области развивались неравномерно, ускоряя или замедляя свое поступательное движение. Примером тому являлось развитие лесной промышленности. Так, валовая продукция лесной промышленности в 1950 г. составила по лесоразработкам только 79 % уровня 1940 г., деревообрабатывающей — 73 %, безусловно являясь показателем того, что эта отрасль не смогла достигнуть даже довоенного уровня.

Для восстановления горнорудной и лесной промышленности необходимым являлось развивать такие отрасли, как машиностроение и металлообработку. В послевоенное время в развитии машиностроения стала преобладать ремонтная специализация. Это объясняется тем, что в этот период времени происходил физический и моральный износ промышленного оборудования, а также ускорился процесс старения основных фондов на предприятиях области, в связи, с чем требовался их ремонт и обновление. Так, в 1945–1950 гг. вступили в строй Дарасунский, Тарбагатайский и Кенонский ремонтно-механические заводы, Центральные ремонтно-механические мастерские (ЦРММ) в городе Чите по ремонту подвижного состава и оборудования для лесной промышленности области.

В целом можно сказать, что в первую послевоенную пятилетку в развитии промышленности область достигла больших побед. Так, трудящимся области уже к 1948 г. удалось достигнуть в промышленности довоенного уровня производства, а в 1950 г. превысить его на 17 % [7, с. 388].

Однако, несмотря на все плюсы, в работе промышленности были еще серьезные недостатки, упущения, которые предстояло решить уже в годы следующих пятилеток. Прежде всего, не смогла достигнуть довоенного уровня лесная отрасль промышленности, что, безусловно, выделяло ее из всех отраслей промышленности и делало ее развитие одной из первоочередных задач уже в годы пятого пятилетнего плана, приходившего на 1951–1955-е гг.

Кроме того, параллельно с подъемом промышленности и в последующем при открытии множества крупных предприятий в Восточном Забайкалье, возникает острая потребность в квалифицированных рабочих кадрах, для обучения которых требовалось дополнительное открытие новых профессионально-технических учебных заведений.

Список использованной литературы и источников

1. Алешкин А. Соревнование за помощь фронту / А. Алешкин // Блокнот агитатора. — 1975. — Янв. — С. 12–17.
2. Бабин Б. Н. Преображенный край: Рассказ о великих преобразованиях, происшедших в Забайкалье за годы Советской власти / Б. Н. Бабин, В. В. Поляков. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. — 168 с.
3. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). — Ф. П-3 (Читинский областной комитет ВКП (б)). — Оп. 1. — Д. 355.
4. ГАЗК. — Ф. П-3. — Оп. 1. — Д. 908.
5. Кремнев А. И. Читинская область. Краткий очерк природы, экономики и культуры / А. И. Кремнев. — Чита : Чит. кн. изд-во, 1959. — 159 с.
6. Кузнецов И. И. Вклад трудящихся в победу над врагом в годы Великой Отечественной войны / И. И. Кузнецов // 50 лет освобождения от белогвардейцев и иностранных интервентов : материалы науч. конф., Чита, 24–25 июня 1971 г. — Чита : Чит. кн. изд-во, 1972. — С. 384–394.
7. Очерки истории Читинской областной организации КПСС. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. — 560 с.
8. Синюков М. Промышленность Забайкалья. Советское Забайкалье / М. Синюков. — Чита : Изд-во «Забайкальский рабочий», 1940. — С. 65–102.

Информация об авторе

Ряженова Виктория Сергеевна — аспирант кафедры истории, Забайкальский государственный университет, 672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30, e-mail: vik-ryazhenova2014@yandex.ru.

Author

Viktoriya S. Ryazhenova — Ph.D. Student, Department of History, Transbaikal State University, 30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, 672039, e-mail: vik-ryazhenova2014@yandex.ru.

**КУСТАРНО-ПРОМЫСЛОВАЯ КООПЕРАЦИЯ
ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ
В УСЛОВИЯХ МНОГОУКЛАДНОЙ ЭКОНОМИКИ
(начало 1920-х годов)**

Анализируются условия зарождения и развития кустарно-промысловой кооперации в Иркутской губернии, влияние мероприятий новой экономической политики на развитие региональных производственных процессов.

Ключевые слова: новая экономическая политика, мелкая и кустарная промышленность, ценовая промышленность, кооперация, ценовая промышленность, национализация, промысловая кооперация, товарищество, артель, промысловый союз.

S. A. SEMINA

**HANDICRAFT-TRADE COOPERATION
IN IRKUTSK GOVERNMENT IN THE CONDITIONS
OF MULTY-FORMED ECONOMICS
(in early 1920s)**

Here we analyze the conditions of the rise and development of handicraft-trade cooperation in Irkutsk government, the influence of the new economic policy actions upon the development of the regional manufacturing processes.

Keywords: new economic policy, petty and handicraft industry, census industry, cooperation, nationalization, trade cooperation, partnership, cooperative, trade union.

Новая экономическая политика, провозглашенная X съездом партии, ознаменовала собой коренной поворот во всей хозяйственной и политической жизни страны. Замена продразверстки продналогом, внедрение принципа хозяйственного расчета в промышленности, использование товарно-денежных отношений и другие мероприятия оказывали существенное влияние на все сферы производственной и общественной жизни страны. Необходим был и новый подход к мелкой и кустарной промышленности.

В период с апреля 1921 г. по январь 1922 г. СНК принял декреты по основным видам кооперации, способствовавшие их развитию в новых условиях. Первой начала возрождаться потребительская кооперация, как главный орган товарообмена (декрет СНК от 7 апреля 1921 г. «О потребительской кооперации») [7, с. 230, 232–233]. Важнейшее значение приоб-

рела сельскохозяйственная кооперация, которая была призвана сыграть главную роль в преобразовании деревни. Организация работы мелкой и кустарной промышленности в начальный период нэпа облегчалась всей политикой государства, стремившегося к ее развитию и поддержке.

На основе решений X съезда постановлениями ВЦИК от 14 мая 1921 г. «Хозяйственная политика ВСНХ в связи с продналогом» и СНК от 17 мая 1921 г. «О руководящих указаниях органам власти в отношении мелкой и кустарной промышленности и кустарной кооперации» создавались условия для развития хозяйств кустарей и ремесленников как на преимущественно кооперативной, так и на частной основе. Решались свободная заготовка сырья, распоряжение своими изделиями, аренда мелких помещений и т.д. [11, с. 230–233]. Огромное значение для развертывания частной хозяйственной инициативы мелких промышленников имел декрет ВЦИК и СНК от 7 июля 1921 г. «О кустарной и мелкой промышленности» [4, л. 67], который изменил критерий отнесения предприятий к ценовой промышленности. К мелким заведениям были отнесены те, которые насчитывали до 20 человек без использования механического двигателя и до 10 — с использованием двигателя. Новое положение создавало условия для вывода из национализированной промышленности массы мелких предприятий. На практике передача предприятий бывшим владельцам осуществлялась путем сдачи им в аренду ранее принадлежащих им заведений.

Большое значение в условиях новой экономической политики имел декрет от 7 июля 1921 г. «О промысловой кооперации» [4, л. 97]. По нему провозглашалось отделение кустарно-промысловой кооперации от потребительской. Трудящимся кустарных и иных промыслов в целях занятия однородным производством предоставлялось право образовывать промысловые кооперативные товарищества или артели для совместного производства, равно как и для организации труда своих членов, для сбыта продуктов труда своих членов, для снабжения их материалами, инструментами и орудиями производства.

Таким образом, провозглашение нэпа послужило толчком для дальнейшего роста числа кооперативов и союзов в Сибири. В конце 1922 г. был создан Сибартельсоюз — областное объединение кустарно-промысловых союзов с 10 кустпромсоюзами. В его задачи входило всемерное развитие и поддержка кооперативного движения, а также содействие развитию промыслов.

После издания декрета ВЦИК и СНК от 7 июля 1921 г. «О развитии промысловой кооперации» начинается быстрый рост промысловых артелей в Иркутской губернии. Развитие промкооперации здесь можно разделить на два этапа. Первый, с 1921 г. по 1926 г., характеризовался отсутствием четких разграничений между промысловыми, трудовыми, сельскохозяйственными артелями, включая рыболовецкие и охотничьи товарищества.

Второй этап наступил с момента образования Иркутского промыслового кооперативного союза, с 1926 г. С этого времени промысловый характер деятельности возникающих товариществ ставился на первый план. В промсоюз не входили артели, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье, а кооперация в области охотоведения и рыболовства была выделена в самостоятельные промысловые союзы.

В первые годы нэпа многие из кооперативных объединений кустарей выполняли не только производственные, но и торгово-сбытовые функции, за счет этого данный период отличался существенным количественным ростом промысловой сети. На начало августа 1921 г. в Иркутской губернии было зарегистрировано 790 кустарей-одиночек и более 60 артелей. Из них на г. Иркутск приходилось 32 артели, остальные 28 на губернию [6, л. 19]. К концу 1921 г. только в объединение губернского кустарного комитета входило более 200 артелей (табл. 1) [3, л. 182].

Таблица 1

**Динамика промысловых кооперативов
Иркутской губернии с 1921 г.**

Год	Год						
	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927
Количество артелей	315	37	14	26	30	71	97

Чтобы стимулировать объединение мелких производителей, правительство обязывало хозяйственные органы давать преимущества кооперативным объединениям. Выражалось это в выдаче заказов, подборе помещений, приобретении инвентаря и инструментов, а также в авансировании при выдаче государственных заказов.

К примеру, в 1921 г. пошивочная артель «Игла» получала крупные заказы от совнархоза по снабжению Красной Армии. У артели «Энергия» имелся договор на заказ от государства на изготовление металлических изделий. Необходимые для работы материалы предоставлялись губкустпромом, в пользу которого шло 50 % договорной выработки [1, оп. 1, д. 410, л. 12]. Бюро кустарей-одиночек заключило договор с ГСНХ и на изготовление 1300 пар армейских сапог, на починку 500 пар и пошивку 2300 пар валяной обуви. Со второй туфельной кооперативной артелью был заключен договор на пошивку сроком на один месяц 550 пар валяной обуви, с чулочной артелью «Триумф» — на выработку шерстяных носков для армии. Жестяно-промысловая артель производила 20 тыс. армейских котелков, 10 тыс. жестяных чайных кружек, 3 тыс. баков и 6 тыс. тазов. Первая трудовая артель по механическому производству ручной обуви обязалась изготавливать 1 300 пудов различной обуви [10, с. 6]. Исключительно на заказы государственных учреждений и кооперации работала «Артель валяной обуви им. Субботина», основанная в 1924 г. в количестве 38 человек. Приобретение

сырья и сбыт продукции производились также посредством госторгов и кооперации [5, л. 18 об.].

Весьма любопытен договор с заведующим кустарным магазином при Иркутской конторе Сибкустпрома М.Ф. Якимовым. Ему предоставлялось право заключения торговых сделок на сумму до 50 тыс. р., сделки свыше этой суммы считались оптовыми и требовали письменного разрешения. За свою работу Якимов по договору должен был получать 25 % чистой прибыли [1, оп. 1, д. 560, л. 32]. Этот договор отражал принципы рыночной экономики, хотя и в ограниченном варианте, но стимулировал предприимчивость и хозяйственную инициативность.

Также широко применялась в 1921 г. практика заключения договоров об аренде помещений, оборудования и инвентаря. К примеру, в июле 1921 г. был заключен договор на передачу помещений, занимаемых обозно-слесарной мастерской при Иргубсовнархозе, в ведение артели «Энергия», находящейся в пос. Ленина. Щеточной трудовой артелью арендовано оборудование, принадлежащее ИГСНХ, сроком на 1 год с 6 % арендной платой продуктами производства. В феврале 1922 г. трудовой артели «Энергия» сдан в аренду инвентарь бывшей Иннокентьевской обозной мастерской на 1 год с 10 % платой продуктами производства — колесами, мебелью и прочим [1, оп. 1, д. 410, л. 9, 138, 143]. Всего к весне 1921 г. сибирские кустпромы вступили в производственные отношения с 859 кустарными артелями, которые объединяли около 5 тыс. артельщиков [6, л. 12–14].

Помимо стимулирования производственной деятельности кустарно-промысловых артелей Иркутской губернии в июне 1921 г. было предпринято несколько мер, направленных на улучшение условий ее развития. С момента перехода предприятий на хозрасчет Иркутский губсовнархоз стал органом регулирующим и контролирующим, а не управляющим промышленностью.

Все промышленные предприятия Иркутской губернии в соответствии с их техническим и финансовым состоянием совнархоз разделил на три группы — основные, самоснабжающиеся и сдаваемые в аренду. В первую группу вошли предприятия, имеющие большое значение в хозяйстве губернии, хорошо оборудованные, продукция которых имела устойчивый сбыт — они входили в систему общепланового государственного снабжения. К этой группе в губернии были отнесены: Усольский солеваренный завод, Иркутская обозная мастерская, кожевенные заводы № 1, № 2, № 3, сапожная, шорно-седельная мастерская, Иркутская пимокатная фабрика и другие — всего в количестве 26 единиц.

К группе самоснабжающихся предприятий отнесены те, которые остались в управлении Иркутского губсовнархоза, не снимались с государственного снабжения, производственные расходы которых покрывались за счет реализации своей продукции. Это были предприятия,

переходящие к хозрасчету: Иркутский металлический завод, кузнечные мастерские, конфетная и кофейная фабрики, деревообделочный (бондарный) завод и др.

К третьей группе были отнесены мелкие предприятия кустарного типа, предназначенные в аренду (100 единиц). При сдаче в аренду ставилась цель извлечь наибольший доход для государства и увеличить выпуск на рынок необходимых фабрикатов. Устанавливался обязательный размер отчислений, который колебался от 5 до 20 % от количества выработанных фабрикатов в зависимости от договора. В течение 1921 г. до октября в аренду было сдано 16 предприятий с общим числом рабочих на них около 300 человек [9, с. 48]. Арендаторами выступали государственные, кооперативные организации и частные лица.

Таким кооперативным объединениям, как «Игла», «Труженик», «Пионер» и др. были переданы или сданы в аренду многие кустарные денационализированные предприятия. Так, осенью 1921 г. кооперативу «Игла» был сдан в аренду овчинно-шубный завод (бывший завод Ушакова и Капустина) в г. Иркутске на предмет выделки овчин и шитья полушубков. Годовая норма выработки по договору составляла 2 тыс. полушубков [1, оп. 1, д. 410, л. 130; 10, с. 6]. Иргубсовнархозом был сдан в аренду кожевенный завод в Киренском районе, принадлежащий И.Г. Гинсбургу с сыновьями, с арендной платой в 12 % годовой выработки при норме производства 2100 чирочных и сохатинных кож. В с. Нижнеилимском также в аренду был сдан кожевенный завод сроком на 5 лет с арендной платой в 10 % со всей выработки кож. В декабре 1921 г. гончарной артели сдан в аренду гончарный завод в д. Холмушино Тайтурской волости Иркутского уезда сроком на 3 года и с арендной платой 5 % выработки всех гончарных изделий. Однако в договоре не было предусмотрено снабжение сырьем, продовольствием, орудиями производства и топливом [1, оп. 1, д. 410, л. 44, 123, 136, 137].

Всего за год (с июля 1921 по июль 1922 г.) совнархозом было сдано 32 предприятия, 9 договоров заключено по сдаче оборудования и одиноким предметам [1, оп. 1, д. 410, л. 153 об.].

Арендаторами чаще всего выступали частные лица и мелкие предприниматели — они получили 72 % предприятий, и лишь 18 % — государственные учреждения и кооперация [9, с. 54]. Таким образом, на условиях сдачи в аренду были возвращены своим владельцам кожевенные заводы Прокопьева, Брусненко (с. Усолъе), Эдельмана (г. Кабанск), Аримова (г. Тулун), Емельянова (с. Кимильтей, г. Черемхово) и Уэконта (г. Балаганск). Кооперативным организациям были возвращены сапожные мастерские в Нижнеудинске, Тулуне, Кабанске, и пимокатная фабрика в Иркутске [1, оп. 1, д. 410, л. 157–158 об.]. Всего в Сибири за 1921–1922 гг. были возвращены прежним владельцам-кустарям 45 % (739) национализированных мелких предприятий [12, с. 203].

Однако за годы Гражданской войны многим предприятиям требовались капитальный ремонт, замена старого оборудования на новое. Производственное плановое обследование установило, что более половины предназначенных к сдаче в аренду предприятий работали слабо или вовсе вышли из эксплуатации. Все это приводило к тому, что одновременно со сдачей в аренду в течение 1921–1922 гг. проходил процесс разрыва договоров с арендаторами и реже — приостановка договора ввиду нарушения условий аренды и несоответствия фактическому состоянию предприятий. Так, был аннулирован договор о сдаче инвентаря, заключенный кустарно-кооперативным отделом с обзориной мастерской без ведома ГСНХ, а также ввиду несостоятельности мастерской. Отменены договоры с конфетной фабрикой, колбасной мастерской, с Забайкальской железной дорогой [1, оп. 1, д. 410, л. 153 об.].

В середине декабря 1921 г. весь комплекс предприятий, подчиненных Иркутскому губсовнархозу, снимался с государственного снабжения, утверждался максимальный процент отчислений от валовой продукции для заработной платы, для содержания складов и подсобных предприятий, на транспортные расходы. Следовательно, предприятия, в том числе и мелкие, получали самостоятельность как в реализации своей продукции, так и в заготовке сырья, топлива и полуфабрикатов. Но многие из них продолжали испытывать сильную зависимость в обеспечении заказами, сырьем, сбыте продукции от кустарно-кооперативных управлений совнархозов, которые не были заинтересованы в организационно-хозяйственном укреплении промысловой кооперации. Формы и методы Сибкустпрома, сформировавшиеся в годы военного коммунизма, вступали в противоречие с задачами кооперативного движения.

Привыкшие работать по краткосрочным заказам Главкустпрома и его местных управлений, кустари, объединившись в артель, воспринимали промысловый союз как временного партнера. Через 3–5 месяцев, выполнив договорные обязательства, промысловая артель распадалась. Сами промысловые союзы еще не располагали достаточной материальной базой и финансами, опытом организационной работы, что вызывало у кустарей чувство неуверенности.

Материалы табл. 2 [2, оп. 1, д. 249, л. 10] показывают, что к началу 1922 г. четверть образованных в 1921 г. артелей ликвидировалась. Причем большая часть ликвидированных артелей находилась в г. Иркутске, где было много кустарей-одиночек, работающих на заказ, и все попытки объединить их без хорошо налаженной системы сбыта и снабжения привели к кратковременной деятельности многих артелей.

В меньшей степени ликвидация промысловых артелей коснулась сельских местностей и центров, где сохранялись торговые и обменные операции. Устойчивость многих промысловых артелей объяснялась отраслевой спецификой, связанной с наличием местного сырья, и истори-

ческой преемственностью развития данных районов. К примеру, если Усолье и его окрестности несколько десятилетий являлись центром кожевенного производства, где проблемы закупа и сбыта сырья выполняли скупщики, то с кооперативной формой организации производства потребность в скупщиках не уменьшилась. Они по-прежнему поставляли сырье промысловым артелям на условиях сдачи им готовой продукции.

Таблица 2

**Количество зарегистрированных кустарно-промысловых артелей
в Иркутской губернии в 1921–1922 гг.**

Год	Всего	Из них находятся		Ликвидировано				Остается формально действовать		
		В Иркутске	В остальной части губернии	Всего	%	В Иркутске	В остальной части губернии	Всего	В Иркутске	В остальной части губернии
1921	300	222	78	76	25	69	7	224	153	71
1922	39	28	11	6	15,3	5	1	33	23	10
<i>Всего</i>	339	250	89	82	100	74	8	257	176	81

Если за год (1921/1922) количество ликвидированных артелей в Иркутске составило 69 единиц, то в остальной части губернии — семь (см. табл. 2). Однако причин недееспособности кустарных объединений было несколько. Самоликвидация многих артелей происходила из-за слабой финансовой базы, недостатка оборотных средств, неустойчивости кредитования, не заключения договоров с совнархозом, малочисленного состава.

Производство многих кустарно-промысловых артелей по актам обследования ревизионных комиссий признавалось убыточным. На самом деле большинство из них скрывали свои полные доходы, зачастую не имея ни финансовой отчетности, ни уставов. Среди таких были Рютинская артель по производству кожевенных изделий, Яндинская трудовая артель мыловаров и др. [2, оп. 1, д. 359, л. 1, 2].

Наибольшее количество оставшихся формально действовать кустарно-промысловых артелей концентрировалось в Иркутском, Заларинском, Тулунском и Балаганском районах — давних центрах развития кустарного производства. Основная масса мелких производителей, объединенных в производственные артели, находилась в городах, где сосредотачивалась торговые и обменные операции. Всего на 15 июля 1922 г. в ведении Иркутского губернского союза кооперативов осталось 24 кустарно-промысловых артели с общим количеством 511 человек и 13 сельскохозяйственных артелей — всего 37 объединений.

При относительно успешном старте переход промысловой кооперации от военного коммунизма к нэпу был осложнен рядом обстоятельств. Если в 1919–1920 гг. заявками фронта гарантировались сырье, материалы, топливо, то в период нэпа ударный характер работ для Красной

Армии смягчился, следовательно, начали возникать сложности в снабжении сырьем, финансово-расчетных операциях, обусловленные переходом на новые методы хозяйствования.

С начала 1924 г. в развитии кустарно-промысловой кооперации Сибири вновь наметилось оживление, вызванное налоговыми льготами, расширением кооперативного демократизма, утверждением принципа добровольности при вступлении и выходе из членов артели. Декретом ВЦИК и СНК от 7 декабря 1923 г. «О промысловом налоге» от уплаты промыслового налога освобождались члены артелей, работающих в общей мастерской, а также артели с полугодовым оборотом менее 10 тыс. р. [8, с. 404–405]. Размер промыслового налога снижался на 50 %, если артель сбывала изделия только своего производства, и на 25 % — изделия посторонних лиц, некооперированных кустарей. Большие налоговые льготы были для артелей, входящих в кооперативные союзы, они либо освобождались от налога, либо оплачивали только патент, избавляясь от уравнительного сбора.

Началось интенсивное развитие ряда отраслей, чья продукция пользовалась широким спросом на деревенском рынке. Это изделия из кожи, сельскохозяйственные машины и орудия, железо, стекло. Важную роль в формировании рыночного товарного фонда продолжали играть кустарные промыслы. В 1923–1924 гг. по стране примерно 80 % продукции кустарно-ремесленной промышленности шло на удовлетворение запросов населения, в то время как крупная промышленность на потребление населения направляла менее половины своих изделий (47 %) [13, с. 96].

Спрос на кустарные товары был велик, но без организации сбытовых операций он не мог быть полностью удовлетворен. Разрозненная деятельность отдельных артелей и кустарей не могла закрепить за мелким производством рынков сбыта. Всего в губернии к 1925 г. было более 7 тыс. кустарей-одиночек. Часть из них объединяло Иркутское бюро кустарей, которое представляло собой сохранившуюся еще с дореволюционных времен ремесленную управу. Возникла потребность в организации общего снабжения и создании мощного хозяйственного органа, а именно кустарно-промыслового кооперативного союза. С его деятельностью связан второй этап промысловой кооперации Иркутской губернии, охвативший вторую половину 1920-х гг.

Таким образом, история промысловой кооперации Иркутской губернии начала свое развитие с первых декретов периода нэпа. В своем становлении она пережила два периода, отличающихся по внутреннему социально-экономическому содержанию. Первый период, с 1921 по 1926 г., характеризовался отсутствием четких разграничений между промысловыми, трудовыми, сельскохозяйственными артелями, включая в промысловую сеть рыболовецкие и охотничьи товарищества. Ввиду отсутствия целенаправленной деятельности в области кредитования,

снабжения необходимыми материалами и сырьем, сбыта готовой продукции данный этап развития отличался противоречивостью. Выражено это было как в бурном росте промысловых артелей, так и в резком их сокращении. Второй этап в развитии промкооперации губернии наступил с момента образования Иркутского промыслового кооперативного союза (1926 г.) и включением его в производственный план и систему государственного кредитования.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. р-11 (Фонд Иркутской губернской рабоче-крестьянской инспекции и ее уполномоченных по уездам. 1920–1926 гг.).
2. ГАИО. — Ф. р-222 (Фонд Иркутского губернского союза кооперативов («Иргубсоюз»). 1916–1930 гг.).
3. ГАИО. — Ф. р-836 (Фонд Иркутского окружного отделения Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции. 1927–1930 гг.) — Оп. 1 — Д. 201.
4. ГАИО. — Ф. р-1422 (Фонд Ленского союза кооперативов. Ленское районное отделение Иргубсоюза кооперативов. 1916–1925 гг.) — Оп. 2. — Д. 72.
5. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). — Ф. 1 (Фонд Иркутского губернского комитета. 1920–1926 гг.) — Оп. 1. — Д. 2644.
6. ГАНИИО. — Ф. р-1299 (Фонд Иркутского губернского совета профессиональных союзов. 1919–1925 гг. Фонд № р-1299). — Оп. 1. — Д. 10.
7. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1928. — М. : Политиздат, 1957. — Т. 1. — 880 с.
8. Законы о кооперации / Сост. М. А. Долматовский. — М., 1924. — 403 с.
9. Иркутский губернский совет народного хозяйства (1920–1922) : Док. и материалы. — Иркутск : Кн. изд-во, 1959. — 114 с.
10. Иркутский рабочий. — 1921. — 26 сент.
11. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1928 гг. — М. : Изд-во полит. лит., 1967. — Т. 1. — 765 с.
12. Сибирский революционный комитет (Сибревком) : сб. док. и материалов. — Новосибирск : Кн. изд-во, 1959. — 485 с.
13. Соколов М. П. Сельские кустари Восточно-Сибирских округов (по обследованию 1925 г.) / М. П. Соколов, А. Т. Самохин. — Иркутск, 1927. — 122 с.

Информация об авторе

Семина Снежана Александровна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра гуманитарных наук и истории права, Восточно-Сибирский институт экономики и права, 664057, г. Иркутск, ул. Байкальская, 258а, e-mail: snezh-kaSem@yandex.ru.

Author

Shezhana A. Semina — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of Humanities and Law History, East-Siberian Economics and Law Institute, 258a Baikalskaya St., Irkutsk, 664057, e-mail: snezh-kaSem@yandex.ru.

СОСТОЯНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ НА УЗКОКОЛЕЙНЫХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА

В статье показано, что на первоначальном этапе массовой эксплуатации узкоколеек аварийность стояла в числе самых острых проблем. Анализируются причины высокой аварийности на данных дорогах. Представлены типовые примеры угроз жизни и имуществу со стороны этого транспорта. Охарактеризованы некоторые меры по улучшению условий эксплуатации. Сделан вывод, что они носили эпизодический характер, и повторение несчастных случаев было неизбежно.

Ключевые слова: узкоколейные железные дороги, Байкальский регион, безопасность, аварийность, несчастные случаи.

D.V. SKRIPUCHY

THE STATE OF SECURITY AT THE NARROW-GAUGE RAILROADS IN THE BAIKAL REGION

The article shows that in the initial stage of mass operation of the narrow-gauge railways breakdown rate was among the most acute problems. Analyzes the reasons for the high accident rate at these roads. The author enumerates the typical examples of threats to life and property from the vehicle. It characterizes some measures to improve the operating conditions. It was concluded that the means were sporadic and recurrence of accidents was inevitable.

Keywords: narrow-gauge railroads, the Baikal region, security, breakdown rate, accidents.

Любой транспортный объект — зона повышенной опасности. К 1950-м гг. техническое регулирование узкоколейной отрасли после введения обновленных Правил технической эксплуатации и ГОСТа, было окончательно стандартизировано. Однако, какими бы подробными не были инструкции, аварии были неизбежны. Узкоколейные железные дороги Байкальского региона, будучи вспомогательным звеном в транспортной системе СССР, находились в таком положении, что контроль за их деятельностью не был настолько внимательным, как за линиями МПС. Хотя и в сфере перевозок по дорогам общего пользования проблема высокой аварийности оставалась крайне острой вплоть до 1950-х гг. [9, с. 414].

Статистика аварийности по УЖД представлена в очень ограниченном количестве источников, которые, однако, позволяют проследить истоки проблем и пути их решения. Многие аварии, особенно мелкие,

тщательно скрывались от руководства УЖД, а расследования «спускались на тормозах», что затрудняло работу по профилактике происшествий. Например, распространенной была подделка путевых листов после аварий (проставлялись подписи механиков об исправности состава, врачей о допуске на рейс) [8, ф. 1269, оп. 1, д. 24, л. 4, д. 25, л. 4]. При отсутствии регулярного мониторинга состояния безопасности УЖД определение виновных не могло быть точным.

Множество фактов свидетельствует о том, что при эксплуатации УЖД имелись серьезные пробелы в организации безопасного движения (особенно, в первые годы на лесовозных дорогах). Кроме того, малейшие недоработки в обеспечении безопасности сразу проявлялись, и возникал всплеск аварийности, перечеркивая предыдущие достижения.

Начнем с неутешительной статистики по Бодайбинской дороге. В 1934 г. на ней произошел резкий скачок аварийности, в среднем за сутки регистрировалось около 2 происшествий [8, ф. 867, оп. 1, д. 15, л. 43]. Не имея сколько-нибудь полной сводной таблицы по транспортным происшествиям известно, что правление дороги нередко в 1930-е гг. напоминало о высокой аварийности узкоколейки [1].

В лесной сфере Иркутской области погоня за быстрым результатом оборачивалась тем, что чуть ли не каждый день заканчивался инцидентом. Не проверив до конца степень готовности дорог к использованию, по ним открывали движение. С 1949 по 1957 г. известно о многочисленных фактах, свидетельствующих о том, что высокая частота аварий была главной проблемой [8, ф. 5116, оп. 1, д. 8, л. 113]. Вот типичная ситуация того времени: «с 22 декабря 1950 г. по 5 января 1951 г., то есть со дня сдачи Атагайской УЖД в эксплуатацию, аварии ежедневно приводили к поломке хотя бы одной платформы» [3].

Для 1950-х гг. были также характерны аварии с массовым выводом из строя подвижного состава. За один рейс сразу до 10 единиц техники могло не подлежать дальнейшему восстановлению, а это с учетом ее дефицита, — наносило серьезный экономический урон лесозаготовкам.

Красноречиво о том, что аварийность была присуща всем дорогам, говорит проверка, проведенная в 1953 г. на Харанорской УЖД в Читинской области, где движение открылось частично. Вскрылось, что дорога находилась в таком запущенном состоянии, что во время ревизии бригада, двигаясь со скоростью 7 км/ч, допустила крушение поезда 6 раз [6, ф. р. 604, оп. 22, д. 1, л. 40]. Рекомендуемая скорость не могла быть выше 5 км/ч, что воспринималось равнозначным постановке вопроса о сворачивании перевозок. Но в данной ситуации в отличие от большинства лесовозных дорог все-таки было принято решение довести все элементы УЖД до безопасного уровня.

Со временем становилось меньше случаев необоснованного допуска дорог к эксплуатации. Например, в 1957 г. Юртинская УЖД в Ир-

кутской области находилась на грани закрытия из-за повышенного риска аварийности. Первый квартал 1957 г. был омрачен 4 смертельными инцидентами, возникшими из-за отсутствия инструктажа, игнорирования правил эксплуатации и крайне неудовлетворительного состояния полотна. Ее работники так описывали передвижение: «Когда едешь на паровозе, становится страшно, паровоз бросает из стороны в сторону» [8, ф. 3728, оп. 1, д. 9, л. 8]. В 1958 г. перед руководством Юртинского ЛПХ работники поставили ультиматум: проведение ремонта или демонтаж путей. В итоге позиция работников была услышана, и за месяц УЖД была доведена до эксплуатационного состояния.

В начале 1960-х гг. в лесной отрасли ситуация с аварийностью стабилизировалась. Сообщения о резком увеличении инцидентов практически сошли со страниц документов. Это не случайно, поскольку вывозка была далеко не самой травмоопасной фазой лесозаготовок. Непосредственно на перевозочных операциях количество несчастных случаев все годы было не таким высоким, как, например, на погрузке и разгрузке; на валке, трелевке, обрубке сучьев или раскряжевке хлыстов.

В 1960 г. в управлении лесным комплексом Иркутской области было зафиксировано 52 смертельных случая. Наиболее опасным видом работ по итогам года оказалась валка леса, на которой погибли 13 человек. На вывозке зарегистрировали 4 инцидента, из которых 2 были связаны с УЖД: 1 кондуктор и 1 поездной слесарь смертельно травмировались на Юртинской дороге [7, ф. р-2775, оп. 1, д. 90, л. 13]. В 1962 г. вновь Юртинская УЖД со знаком минус попала в отчеты лесозаготовителей. Дорога закончила год с 3 смертельными случаями, и ее снова, как и в 1957 г., предлагалось закрыть.

Анализ травматизма за 1962 г. по лесной отрасли Байкальского региона показывает, что произошло 5146 несчастных случаев (под ними понимаются любые травмы, за которыми следовала утрата трудоспособности) [Там же, д. 7, л. 13]. По видам работ они распределились следующим образом в порядке убывания: 840 — на погрузке и разгрузке как на собственный подвижной состав, так и на принадлежавший МПС; 601 — на лесо- и шпалопилении; 452 — на сортировке и штабелевке; 428 — на трелевке; 425 — на валке; 304 — на раскряжевке; 299 — на обрубке сучьев; 143 на вывозке леса и 40 на перевозке рабочих. В разрезе профессий в структуре травматизма 607 случаев произошло с грузчиками; 536 — со штабелевщиками; 520 — с вальщиками деревьев и обрубщиками сучьев; 332 — с чокеровщиками; 149 — с машинистами, кондукторами и сцепщиками. Как правило, грузчики не входили в штат узкоколейных дорог. А что касается транспортной работы, то статистика учитывала не только узкоколейные, но и автомобильные трассы.

В целом, большинство травм (40 %) на лесовозных УЖД приходилось на кондукторские бригады. Несчастные случаи на УЖД происходили, как

правило, по следующим причинам: неисправности состава и колеи, сцепка и расцепка на ходу, спуск вагонов запрещенными методами, закрепление колес случайными предметами, спрыгивание на ходу, самовольный проезд [2, с. 16]. Грубо нарушались правила при подаче сцепов под погрузку, некачественные ударно-тяговые устройства расцеплялись в пути, а также использовались деревянные вместо металлических стойки для платформ.

Чтобы конкретизировать статистику аварийности, обратимся к Хандагатайской УЖД, где основной вид травматизма был связан либо с неправильной погрузкой сцепов, либо с авариями во время движения.

С учетом того, что УЖД в Бурятии была одним из самых крупных цехов в ЛПХ (до четверти рабочих мест), на ней удавалось поддерживать безопасность на самом высоком уровне. Таблица демонстрирует, что число несчастных случаев на УЖД не превышало 10 % от всего ЛПХ. Их расшифровка показывает, что, например, в 1963 г. 6 случаев произошло на маневрах и вывозке, а 4 на ремонтных работах в депо. Заметно, что определенные меры по безопасности привели к тому, что за 3 года с 1962 по 1965 г. несчастных случаев стало в 9 раз меньше, а коэффициент тяжести травматизма по УЖД (отношение дней нетрудоспособности к количеству несчастных случаев) упал в 3 раза.

Травматизм на Хандагатайской УЖД в первой половине 1960-х и 1980-х гг.

Показатели	Годы					
	1962	1963	1965	1983	1984	1985
Количество несчастных случаев по УЖД / по ЛПХ	18 / 188	10 / 216	2 / 193	2 / 39	2 / 33	3 / 32
Потеря дней нетрудоспособности по УЖД / по ЛПХ	480 / 3341	242 / 3616	19 / 3623	219 / 1054	35 / 862	105 / 1034

В первой половине 1960-х гг. еще меньший производственный травматизм наблюдался в Зиминском ЛПХ, где в 1960 г. произошло 60, а в 1961 г. — 79 несчастных случаев [8, ф. 1269, оп. 1, д. 36, л. 6]. Правда, именно здесь УЖД стала источником большого количества полученных травм. За 11 месяцев 1961 г. на Зиминской УЖД произошло 7 аварий (2 крупных с выходом из строя паровозов), а за декабрь случилось 6 аварий (6 паровозов вышли из строя на срок от 4 до 15 дней) [12, д. 36, л. 26]. Но уже в 1963 г. на ней было зафиксировано всего 4 несчастных случая, в 1964 г. — 6 [Там же, д. 42, л. 5].

Почти во все годы на Хандагатайской УЖД фиксировался самый низкий в ЛПХ коэффициент частоты несчастных случаев (отношение общего числа пострадавших к среднесписочному количеству работников) на 1000 трудящихся. В 1965 г. этот показатель травматизма минимизировали до 4, что было образцом в ЛПХ. В 1969 г. УЖД сохранила за собой лучший коэффициент частоты (9), притом, что на нижнем складе, т. е. фактически на погрузке и разгрузке он равнялся 89

[4, ф. р-64, оп. 1, д. 800, л. 1]. В 1983–1985 гг. травматизм тоже был на приемлемом уровне, коэффициент частоты составил от 3 до 4 единиц, в ЛПХ он был выше в 3–4 раза [Там же, д. 1136, л. 1].

В то же время ситуация к 1983–1985 гг. кардинально не улучшилась (см. табл.), поэтому травматизм стоит признать достаточно стабильным показателем с высокой вероятностью редких, но сильных колебаний по индикатору дней нетрудоспособности. Это подтверждается следующим примером. За 4 месяца 1980 г. на Хандагатайской УЖД был допущен рост травматизма на 250 % по сравнению с полным 1979 г. За январь–апрель 1980 г. произошло 2 смертельных случая и 3 с получением инвалидности [Там же, д. 1125, л. 78].

По всей видимости, Хандагатайская и Зиминская УЖД стояли особняком, потому что высокие планки по объемам грузоперевозок могли быть освоены только в благоприятных безаварийных условиях, к тому же повысился образовательный уровень работников и их оснащенность средствами производства.

Время относительно благополучного положения заканчивалось по мере известий о том, что УЖД будут выводиться из оборота. В целом ко второй половине 1960-х гг. отрасль существенно стала терять свою долю в вывозке, и была «отдана на откуп» местным хозяйственникам. Они, понимая близящееся закрытие дорог, утрачивали стимулы к налаживанию образцового производства. Проблемы с аварийностью вновь стали отчетливо звучать. Например, за 1965 г. по Евдокимовской УЖД, которая вскоре была закрыта, было задокументировано 23 несчастных случая, причем 8 из них имели место в 1-м квартале [8, ф. 430, оп. 1, д. 47, л. 22].

Начальник Юртинской УЖД Н.И. Игнатюк в интервью сравнил с лотерей большинство выездов машинистов в конце 1970-х гг. (особенно передвижение по усам — самым ненадежным конструкциям), в таком неисправном состоянии порой находилась дорога, что «машинист не знал, где его подстерегает опасность». Игнатюк признавал проблемы с трудовой дисциплиной, однако ключевую роль в аварийности отводил некачественным рельсам.

Таким образом, безопасность движения на всех УЖД обеспечивалась не в полном объеме. Невозможно отобразить все факторы, влиявшие на степень аварийности, но попытаемся выделить основные тенденции в этой сфере, разделив их на несколько причин.

Во-первых, многие УЖД были спроектированы так, что наличие крутых подъемов и спусков просто располагало к авариям. Бодайбинская дорога имела сложный рельеф в районе Бодайбинской резиденции, от которой начинался затяжной подъем расстоянием 10 км. Это подтверждается тем, что в 1938 г. приезжавшие с дорог МПС машинисты на первых порах совершали большое число аварий, не успев ознакомиться с профилем линии [8, ф. 867, оп. 1, д. 18, л. 36].

Сразу после приемки в эксплуатацию как минимум трех лесовозных УЖД Иркутской области (Шерагульская, Андоцкая, Чунская) и Харанорской УЖД Читинской области стало понятно, что крушений не избежать. Они были проложены по резко пересеченной местности (запрещенные уклоны, кривые).

Вышеперечисленные несоответствия дорог безопасным условиям передвижения были известны проектировщикам, что в дальнейшем, конечно, ориентировало руководителей предприятий на отбор лучших методов прохождения рискованных участков. Но иногда известные администрациям УЖД причины высокой аварийности вскрывались контролирующими инстанциями лишь после нескольких лет эксплуатации, и как раз были связаны с геометрией трасс.

Известно два таких примера. Первый — это Зиминская УЖД, несоответствие профиля пути Правилам технической эксплуатации которой было выявлено в 1953 г. [8, ф. 1269, оп. 1, д. 24, л. 17]. Спустя 7 лет по Юртинской УЖД поступило заключение о том, что профиль благоприятствовал учащению аварий (например, большинство мостов располагалось на кривых) [7, ф. р-2775, оп. 1, д. 138, л. 123].

Таким образом, из этих примеров следует, что инженерно-геологические изыскания проводились некачественно, ввод многих дорог в эксплуатацию был поспешным. Стране требовалась древесина, поэтому на первый план выходила задача организации ее быстрой доставки.

Во-вторых, неудовлетворительное техническое состояние инфраструктуры либо ее отсутствие также способствовало авариям. Из непростого расположения УЖД на местности вытекала необходимость строгого регулирования движения. Однако простейшая установка светофоров, осветительных приборов, предупредительных знаков и других средств безопасности постоянно не выполнялась вовремя. Освещение станций и разъездов не соответствовало нормам почти на каждой УЖД Байкальского региона, а на диспетчерских пунктах и стрелках оно чаще всего полностью отсутствовало [8, ф. 5114, оп. 1, д. 4, л. 11].

В-третьих, одна из наиболее часто упоминаемых причин столкновений поездов — это отсутствие графиков движения между станциями или их несоблюдение. Ручной режим управления перевозками неизбежно сопровождался человеческими ошибками. Попытки уплотнить графики движения не решали поставленных задач, производственные возможности невозможно было превзойти волевым решением начальников УЖД.

Проблемы связи и диспетчеризации дезориентировали лиц, отвечавших за движение поездов. Неполнота информации о перевозочном процессе затрудняла взаимодействие между службами узкоколейных дорог, увеличивала количество ложных, взаимоисключающих приказов. «В 1953 г. на Зиминской УЖД начальник участка давал одну команду, диспетчер — другую, а технорук — третью» [10]. В 1955 г. на этой дороге

диспетчерская служба вместо четких приказов следовала советам кондукторов, которые рекомендовали диспетчерам маршруты движения, увеличивавшие зарплату локомотивных бригад, которая зависела от пробега. В целом диспетчеры только фиксировали исполненное движение вместо профилактики аварий. Известна масса происшествий, связанных с тем, что диспетчеры выдавали необоснованные разрешения на занятие перегонов.

Первые годы УЖД эксплуатировались без телефонной связи. Движением поездов руководил дежурный диспетчер через сигналистов на блок-постах и десятников погрузки на складах. На дорогах преобладал электрожелезнодорожный способ сношения, который идеально подходил однопутным УЖД. Только Харанорская, Зиминская и Хандагатайская и УЖД успели опробовать полуавтоматическую, а затем автоматическую блокировки.

В-четвертых, существовала проблема неисправности подвижного состава. Прежде всего, много сообщений имеется по ненадежности его ходовой части. Типичным для большинства УЖД было горение букс (устройств, предназначенных для снижения трения). Например, в 1940 г. сообщалось, что на Бодайбинской узкоколейке отцепки вагонов в пути при горении букс были изжиты, что не соответствовало истинной картине. В 1955 г. на этой же дороге почти на каждом втором поезде горели буксы. В 1959 г. на Игнитской УЖД буксы сцепов загорались на каждом рейсе [8, ф. 3728, оп. 1, д. 11, л. 58].

В-пятых, отдельно можно говорить о нарушениях техники безопасности. Несмотря на то, что памятки по технике безопасности содержали противоречивые формулировки о продвижении кондукторов по путям, о нахождении их в тормозных вагонах, основная часть нарушений совершалась там, где правила не были двусмысленными. С учетом того, что многие работники узкоколеек далеко не всегда были полностью подготовленными, свою лепту в аварийность вносило пренебрежительное отношение к исполнению трудовых обязанностей, или халатность.

Злоупотребления встречались среди представителей самых разнообразных профессий. Смазчики и осматрщики состава нередко «зажигали зеленый свет» на движение при указанных в техпаспорте и замеченных в ходе наблюдений неисправностях. Например, в 1956 г. на Шерагульской УЖД было выявлено, что на протяжении месяцев давались разрешения на передвижения вагонов с такими дефектами, как вертикальные подрезы гребня, ползуны и навары [8, ф. 1723, оп. 1, д. 6, л. 17].

Составители поездов пренебрегали нормами грузоподъемности вагонов ради достижения целевых показателей. Прима́т выполнения плана оставался ориентиром для работников. На Хандагатайской УЖД буквально по каждому непрямому или наклонному участку существовали расписанные до мельчайших подробностей обязательные нормы грузоподъемности (ветки: Нарын — 12 вагонов, Тарбагатай — 8 вагонов,

Хара-Кутул — 6 вагонов) [4, ф. р-64, оп. 1, д. 50, л. 2; д. 208. л. 37]. Эти правила повсеместно игнорировались, а фактическая грузоподъемность нередко в 2–3 раза превышала плановую [Там же, д. 790, л. 55–77].

Халатность должностных лиц дополнялась допуском на работу без сдачи технических экзаменов. Хотя в годы дефицита постоянного кадра на это обстоятельство глаза закрывались.

Разрез стрелок, особенно часто упоминаемый в документах по Бодайбинской дороге, становился результатом нежелания машинистов просто выходить из кабины для их перевода.

Самое строгое регулирование распространялось на котельное оборудование. Запреты на работу паровозов выносились специальным органом Госкотлонадзором, который, несмотря на широкие полномочия, не мог проследить за всеми нарушениями. На Одинской и Шерагульской УЖД в 1952 г. паровозы эксплуатировались без водомерных стекол.

Очень много выявлялось случаев использования паровозов не по назначению, а в качестве развлечения (в кабинах играли дети без присмотра) или для решения бытовых проблем. Самовольные угоны подвижного состава, как правило, сопровождались нарушениями скоростных режимов. «Машинисты УЖД были хозяевами дороги, они самостоятельно решали, куда и как им ехать, разъезжая по квартирам» [8, ф. 1723, оп. 1, д. 7, л. 11].

В-шестых, частой причиной происшествий становилось состояние алкогольного опьянения среди участников дорожного движения. В 1957 г. на Бодайбинской УЖД на дрезинах приисковых управлений, пьяные водители перевозили до 50 пассажиров при норме 16 человек [8, ф. 867, оп. 1, д. 51, л. 15]. Там же причиной 95 % несчастных случаев в 1962 г. стало нетрезвое состояние. Как правило, за пьянство машинистов всех УЖД переводили на менее престижные работы [7, ф. р-2775, оп. 1, д. 89, л. 237].

Что касается взаимных угроз от узкоколейного транспорта и сторонних лиц, то они сводились к риску наступления пожара, к отношениям с различными организациями по поводу переездов, а также к поведению пассажиров и иных участников дорожного процесса.

В период использования паровозной тяги существовала проблема обеспечения противопожарной безопасности. Поскольку паровозы выделяли искры, то требовалось не допустить их попадания на легковоспламеняющиеся предметы. В 1926 г. в Бодайбо неоднократно наблюдались пожары, возникавшие от искры паровозов. В 1940 г. сообщалось, что ежегодно от паровозных искр возникали пожары на складах «Лензолотопродснаба». Малейшая неосторожность паровозной бригады (незакрытый сифон или неисправность) могла привести к пожару [18]. Было решено серьезно заняться вопросом об усовершенствовании искроулавливающих сеток на паровозной трубе.

В 1945 г. на Хандагатайской УЖД запрещалось на нижнем складе открывать сифоны, предписывалось оборудовать все паровозы искрогасительными сетками и следить за их исправностью. В 1966 г. На Зиминской УЖД паровозы не были оборудованы искрогасителями и искроулавливателями, так как не было сеток, рукавов и огнетушителей на блокпостах и водокачках.

Инциденты неправильной установки сеток или пренебрежения этими нормами часто выявлялись, что может служить обоснованием того, что практически ничего неизвестно о пожарах, возникавших из-за проезда узкоколейных локомотивов. Хотя с другой стороны, в лесной зоне Иркутской области в 1959–1960 гг. 47,5 % пожаров возникало по вине леспромхозов, а 9 % — из-за искр паровозов МПС [9, с. 448]. Тогда все случаи возгораний вдоль УЖД вносились в общую графу леспромхоза.

Единственным серьезным случаем на лесовозных УЖД, который документирован, стал пожар 1963 г. на мосту через р. Пишетка на Юртинской УЖД [7, ф. р-2783, оп. 1, д. 138, л. 49]. В результате мост сгорел, а поезд потерпел крушение. Расследование показало, что машинист паровоза и его помощник умышленно не пользовались заводской чекой для плотного закрытия поддувала.

Нарушение правил переезда и прохода через полотно дороги таило много опасностей. Первоначально Зиминская УЖД проходила по центральной улице п. Центральный Хазан. Но когда двух человек задавило лесом, то ее решили вывести к лесу [12]. На Зиминской УЖД также жаловались на безответственное управление тракторами, водители которых раскантовывали рельсы.

В 1957 г. на Юртинской УЖД переезд по тракту в Полу-Черемхово не охранялся, а предупредительные сигналы не отвечали требованиям техники безопасности, в результате чего было допущено 3 случая наезда поездов на автотранспорт. В 1980-е гг. Хандагатайской УЖД имела как минимум 11 крупных пересечений с автодорогами, на которых регулярно происходили инциденты [4, ф. р-64, оп. 1, д. 1252, л. 202–203].

В 1958 г. случилось 8 смертельных наездов на людей в пределах п. Балахнинского у станции Артемовской и вблизи Бодайбо [23, д. 51, л. 38]. Еще в 1959 г. эта УЖД была вынуждена утвердить правила обращения со скотом вблизи путей. В 1965 г. на 36 км сошло с рельсов три вагона грузового поезда по вине руководителей Державного прииска, которые допустили бесконтрольный выпас лошадей, закончившийся смертью лошади и закрытием перегона на 4 ч [5]. Такая картина на Бодайбинской дороге сложилась потому, что для граждан района это был главный транспорт.

На предприятиях Бодайбинского района правила уведомления дорожных мастеров о провозе санных и тяжеловесных грузов игнорировались [1]. 4 декабря 1959 г. на перегоне Наклонная — Весенний на 77 км произо-

шел наезд снегоочистителя на тракторные сани, перевозимые трактором, при котором паровоз сошел с рельс. 7 декабря 1959 г. у Бодайбо через переезд транспортировался буровой станок трактором, чья скоба лопнула, и поезд наехал на станок. 11 января 1960 г. на 37 км у Ежовки на переезде санями был скантован рельс, и лишь случайно состав не обрушился. 21 сентября 1961 г. на 54 км в подобном случае кантования произошла авария. 25 января 1963 г. на переезде на улице Мира в Бодайбо был поврежден рельс, но аварию предотвратили. Это далеко не все инциденты подобного толка, перечисленные в газете «Ленский шахтер» [15].

Неосмотрительные и легкомысленные действия граждан, проживавших в районах прохождения УЖД, могли приводить к трагедиям. Во многом такие поступки объяснялись несерьезным отношением к железнодорожному транспорту. Жители поселков ощущали «игрушечность» узкоколейных дорог. Порог восприятия риска быть травмированным или лишенным жизни притуплялся еще и по причине низких скоростей.

Понимая вероятность попасть под проходящий поезд, население прииска Красноармейского на Бодайбинской дороге перебиралось на другой берег реки при наличии одного железнодорожного моста [12]. Ничего неизвестно о трагических исходах, но многие успевали перебраться на берег лишь за считанные секунды до приближения состава.

Выражаясь современным языком, на УЖД процветал «зацепинг». Все это было следствием неэффективной организации пассажирского движения. В Бодайбо многие опоздавшие на рейс, безбилетники и дети ездили на крышах и буферах товарных вагонов. В 1954 г. на Алзамайской УЖД было зафиксировано несколько несчастных случаев, связанных с поездками людей на груженных платформах. В 1956 г. на Чунской УЖД вопреки всем приказам директора ЛПХ «рабочих сажали на груженные поезда, и они ездили как на трамвае» [8, ф. 5114, оп. 1, д. 4, л. 11]. Повсеместно люди запрыгивали и выпрыгивали во время движения. В 1958 г. на Зиминской и Алзамайской УЖД в такой ситуации травмы привели к ампутации ног [7, ф. р-2775, оп. 1, д. 89, л. 343].

Благодаря ужесточению борьбы с этим явлением к концу 1960-х гг. сообщений о проезде снаружи поезда не обнаружено. Например, в 1963 г. на Зиминской УЖД запретили экипировку пассажирских паровозов в пути их следования с рабочими.

Стоит отметить, что меры по обеспечению безопасности носили половинчатый характер. На всех УЖД провозглашалось, что укрыватели виновных подлежат ответственности. Обычно к нарушителям правил безопасного движения применялись такие санкции, как понижение в должности (машинисты переводились в слесарные цеха); вычет из зарплаты (разный процент в зависимости от материального положения) для взыскания убытков, причем могла учитываться упущенная выгода; редкие случаи объявлялись преступлениями, потому что кадров и так не хватало.

Самые крупные аварии всегда вызывали резонанс в управляющих узкоколейным хозяйством организациях. По итогам расследований начинались сплошные проверки состояния безопасности на УЖД, самой часто упоминаемой инициативой было проведение переэкзаменовок.

Борьба с аварийностью не была систематической. Мероприятия проводились, как правило, только после трагических инцидентов или эпизодических проверок со стороны компетентных инстанций. Безопасность, несмотря на прямые экономические потери от аварий, не была безусловным приоритетом. Заблаговременная работа по предотвращению происшествий, как правило, не проводилась. Фактор низкого уровня безопасности не являлся ключевым в определении планов работы, поэтому высокая аварийность является лишь второстепенной причиной закрытия узкоколейных дорог.

Список использованной литературы и источников

1. Амбросов И. Соблюдать правила перевозок / И. Амбросов // Ленский шахтер. — 1963. — 16 июня.
2. Андрианов Л. П. Судебно-медицинская характеристика смертельного травматизма на узкоколейных железных дорогах / Л. П. Андрианов // Судебно-медицинская экспертиза. — 1966. — № 3. — С. 15–18.
3. Антипенко Н. Узкоколейке — полную нагрузку / Н. Антипенко // Восточно-Сибирская правда. — 1951. — 5 янв.
4. Архив Заиграевского района.
5. Волченков Б. Обезопасить движение поездов / Б. Волченков // Ленский шахтер. — 1965. — 12 сент.
6. Государственный архив Забайкальского края.
7. Государственный архив Иркутской области.
8. Государственный архив новейшей истории Иркутской области.
9. Железнодорожный транспорт СССР. 1946–1955 : сб. док. [Сост. В. В. Соловьев, В. П. Литвинова]. — М. : Транспорт, 1994. — 432 с.
10. Коханчик Т. Почему наш леспромхоз сейчас отстает / Т. Коханчик, П. Великов // Восточно-Сибирская правда. — 1953. — 19 февр.
11. Лысков В. М. Роль Бодайбинской железной дороги в освоении Ленского золотопромышленного района (1895–1930 гг.) / В. М. Лысков // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2001. — Иркутск : изд-во ИГЭА, 2001. — С. 93–95.
12. Механиков И. С. График — основа движения на железной дороге / И. С. Механиков // Ленский шахтер. — 1941. — 29 мая.
13. Михеева С. Самая длинная в России [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://baikal-info.ru/sm/2010/15/011001.html>
14. Мочалов А. За дальнейшее улучшение лесозаготовок / А. Мочалов // Восточно-Сибирская правда. — 1956. — 2 февр.
15. Растворов К. За обеспечение безопасности движения / К. Растворов // Ленский шахтер. — 1960. — 21 янв.
16. Создать условия для высокопроизводительного труда // Восточно-Сибирская правда. — 1952. — 21 окт.
17. Справочник строителя узкоколейных железных дорог / В. С. Гончуков [и др.]; под. ред. П. М. Зелевича. — М. : Желдориздат, 1956. — 440 с.

18. Халин Г. Заменить паровоз мотовозом / Г. Халин // Ленский шахтер. — 1941. — 18 янв.

19. Черных В. В. Профилактика и противопожарное устройство лесов Восточной Сибири (1946–1991) / В. В. Черных // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016. — Иркутск : изд-во БГУ, 2016. — С. 444–457.

Информация об авторе

Скрипучий Дмитрий Владимирович — аспирант, кафедра истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: dmitri1703@mail.ru.

Author

Dmitry V. Skripuchy — Ph.D. Student, Department of History and International Relations, Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: dmitri1703@mail.ru.

УДК 930

О.В. ФИЛИППЕНКО

ББК 63.3(2)615-4

ОБРАЗ «КУЛАКА» В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ

**(на основе политических характеристик крестьян-лишенцев
Маслянинского района Запсибкрая. 1930–1931 годы)**

В статье исследуются основные черты, приписываемые типичному «кулаку» местными властями в начале 1930-х гг. (на примере Маслянинского района). Образ рассматривается с различных сторон, анализируется характеристика, как хозяйства крестьянина, так и степени его общественно-политической лояльности власти. Источниковую базу исследования составляют политические характеристики крестьян-«лишенцев», написанные в связи с их выселением в отдаленные районы страны.

Ключевые слова: «лишенцы», крестьянство, коллективизация, кампания «ликвидации кулачества как класса», Западная Сибирь.

O. V. FILIPPENKO

THE CHARACTER OF THE «KULAK» IN THE NOTION OF REGIONAL AUTHORITIES (on the basis of political characteristics, disenfranchised peasants of Maslyninsky District in the 1930–1931)

The article investigates the main features inherited to the typical «kulak» by local authorities in the early 1930s. (for example Maslyaninsky district). The character viewed from different aspects, analyze features as the

peasant economy and the degree of its social and political allegiance. The research is based on political characteristics, disenfranchised peasants, written in connection with their deportation in the distant areas of the country.

Keywords: disenfranchised peasantry, collectivization, campaign of «liquidation of the “kulaks” as a class», Western Siberia.

В начале 1930-х гг. в деревне проходила кампания «ликвидации кулачества как класса», в рамках которой было арестовано или выселено значительное количество крестьянских семей, именуемых «кулачками». Важно, что указанная кампания реализовывалась конкретными управленцами на местах, по-своему воспринимавших людей, которые должны были подвергаться репрессии. В связи с этим необходимо установить, какое значение понятие «кулак» имело для представителей власти на местах.

Цель данного исследования заключается в выявлении представления региональных властей о типичном «кулаке». В рамках поставленной цели необходимо, во-первых, выявить основные характеристики, которые местные власти приписывают типичному «кулаку». Во-вторых, установить смысловую нагрузку, которую представители местных властей вкладывали в каждый из установленных параметров. В-третьих, определить соотношение между параметрами, составить их иерархию в соответствии с их значимостью для исполнителей директив сверху.

Хронологические рамки исследования включают в себя 1930–1931 гг. Это годы осуществления массовой кампании по высылке крестьян. Территориальные рамки охватывают Маслянинский район Западно-Сибирского края. Данный выбор обусловлен двумя основными факторами. Во-первых, указанный район являлся типичным сельскохозяйственным районом бывшего Новосибирского округа (в частности, по численности жителей, структуре занятости, хозяйственной (аграрной) специализации). Во-вторых, документация в этом районе сохранилась лучше в сравнении с другими районами региона (материалы первичных органов, сельсоветов о «лишенцах», списки семей на высылку и др., сведенные в одно дело / единицу хранения) [1].

Массовым источником, входившим в число обязательных при осуществлении высылки, выступали политические характеристики, составленные преимущественно на крестьян — «лишенцев» (348 ед.). Указанная выборка обусловлена степенью сохранности источника. Они представляют собой краткое описание (в среднем 10 предложений) деятельности, «классового лица» депортируемого крестьянина. Главной целью создаваемого документа являлась необходимость доказать, что указанные крестьяне являются «кулаками» и «социально-опасными элементами». Соответственно, в источник оказались заложены устоявшиеся представления местных властей о том, каким должен быть истинный «кулак».

Методика исследования упомянутого выше массового источника состоит из нескольких этапов. Во-первых, проводится первичная формализация источника на основе выявленных основных смысловых единиц в тексте политических характеристик. Во-вторых, полученные формализованные данные измеряются. В-третьих, осуществляется интерпретация полученных данных (анализируется, как каждый параметр в отдельности, так и определяется соотношение между параметрами).

В рамках данного исследования образ «кулака» анализируется с различных сторон. Ниже будут рассмотрены следующие его характеристики: экономическое состояние хозяйства (особенное внимание будет уделено стремлению крестьянина его сокращать и платить налоги), общественно-политическая деятельность, участие главы крестьянского хозяйства в Гражданской войне.

Характеристика экономического состояния хозяйства. В связи с тем, что основной целью составления политических характеристик выступало доказательство «кулацкого» статуса хозяйства крестьянина, описание хозяйства является важной составляющей образа «кулака». Из 348 ед. характеристик 333 хозяйства (96 %) описываются как «кулацкие», 15 хозяйств (4 %) как середняцкие. При анализе признанных «кулацкими» хозяйств были установлены следующие признаки «эксплуатации»: применение наемного труда; «эксплуатация населения посредством с/х машин»; занятие скупкой, перепродажей какого-либо товара, торговлей и ростовщичеством; наличие в хозяйстве небольшого предприятия, мастерской (например, маслобойный завод, кожевенная или овчинная мастерская, мельница); аренда земли. В табл. 1 [1] показано количество хозяйств, которые характеризовались каждым из этих признаков:

Таблица 1

Экономические признаки «кулачества»

Наименование «кулацкого» признака	Количество
Применение наемного труда	268
Эксплуатация населения посредством сельскохозяйственных машин	183
Занятие скупкой, перепродажей товара, ростовщичеством	116
Наличие в хозяйстве небольшого предприятия, мастерской	74
Аренда земли	16
Прочая деятельность (игра в карты, самогонварение)	9

Исходя из представленных данных, следует, что базовыми признаками «кулачества» является применение наемного труда и «эксплуатация населения посредством сельскохозяйственных машин». При этом под «применением наемного труда» чаще всего подразумевается не масштабный и постоянный наем рабочих, а использование труда 2–3 батраков на непостоянной основе. В понятие «эксплуатация населения посредством сельскохозяйственных машин» вкладывается сдача машин односельчанам в аренду за определенную плату или долю урожая.

Занятие торговлей также является достаточно важным признаком «кулачества» хозяйства. Однако существенное значение имеет род торговой деятельности. Более подробный анализ торговой деятельности крестьян представлен в табл. 2 [1].

Таблица 2

Торговая и ростовщическая деятельность крестьян

Род торговой и ростовщической деятельности	Количество
Скупка и перепродажа скота, лошадей	43
Спекуляция продуктами питания	18
Торговля скотом и спекуляция продуктами питания	13
Торговля иным товаром (золото, железо, сельскохозяйственные постройки)	11
Занимался торговлей (но род товара в источнике не указан)	31

Данные табл. 2 свидетельствуют о том, что в основном «кулаки» торговали скотом и лошадьми. При этом необходимо иметь в виду, что крайне редко торговля носила регулярный и профессиональный характер. Зачастую лица, которые занимались «скупкой и перепродажей скота, лошадей», продавали свой собственный скот.

Для более полного понимания экономического состояния хозяйства необходимо проанализировать сочетания всех вышеуказанных признаков. Данные об этом представлены в табл. 3 [1].

Таблица 3

Количество «кулацких» признаков, присущих хозяйству

Категория	Количество
Хозяйству присуще 5 признаков «кулачества»	3
Хозяйству присуще 4 признака «кулачества»	12
Хозяйству присуще 3 признака «кулачества»	74
Хозяйству присуще 2 признака «кулачества»	151
Хозяйству присуще 1 признак «кулачества»	76
Хозяйство охарактеризовано как «кулацкое» без подробностей	17

Исходя из представленных данных, можно сделать вывод о том, что крестьянские хозяйства достаточно редко занимались более чем тремя видами «кулацкой» деятельности. При этом среди хозяйств, которые имеют 3 «кулацких» признака, преобладает следующее сочетание: использование наемного труда, эксплуатация населения посредством сельскохозяйственных машин и занятие скупкой и перепродажей какого-либо товара (32 хозяйства). Среди хозяйств с 2 признаками «кулачества» доминируют лица, применявшие наемный труд и эксплуатирующие сельскохозяйственные машины (88 хозяйств).

Политические характеристики не всегда составлялись на «кулацкое хозяйство». В выборку попало 15 хозяйств, которые характеризуются как «среднячки». При этом о 10-ти из них отсутствует подробная информация об экономической составляющей хозяйства (в источнике

просто указаны фразы «средняк», «хозяйство среднее», «хозяйства не кулацкие»). Однако в характеристике 5-ти хозяйств присутствует информация о «кулацких» признаках, описанных выше, но при этом в источнике отрицается, что семья является «кулацкая». Рассмотрим каждую из них более подробно:

Глушков Иван Коннонович (Кинтерепский с/с). Он занимался спекуляцией (закупал товар для мануфактуры), с 1925 г. перекупал скот, был агентом по закупке скота. До 1917 г. занимался картежной игрой. Его хозяйство не «кулацкое» («сын крепкого крестьянина»), но социально опасное. Он «агиотирует во время коллективизации, разъезжает по домам как агент по закупке скота, говорит, что в других деревнях прокуратура судит за то, что против коллективизации». Кроме того, в 1920 г. Глушков был принят в партию РКП(б), но вскоре был исключен (за отказ выполнять задания) [1, л. 40].

Федоров Лука (Маслянинский район). Хозяйство характеризуется как середняцкое, но он «эксплуатировал чужой труд» и был индивидуально обложен. Федотов, по данным источника, социально опасный, во время коллективизации заявил, что лучше быть расстрелянным, чем пойти в коммуну, ведет агитацию против советской власти. [1, л. 42].

Леонов Иван Васильевич (Лебедевский с/с, Маслянинский район). Он использовал до 1926 г. сезонную наемную силу, а с 1922 г. в течение полугода у него жил беспризорник (впрочем, судя по документу, содержался вполне удовлетворительно, был одет и обут). Леонов в течение трех лет эксплуатацией не занимался, но он имеет молотилку, сенокосилку, грабли и давал до 1927 г. машины под отработку. Был обложен индивидуально. Во враждебных действиях он не был замечен. Леонов оставлен в пределах района [1, л. 118].

Ковалев Федор Иванович (Лебедевский с/с, Маслянинский район). Он до 1926 г. имел работников, после этого к найму не прибегал, за исключением того, что в 1928 г. с/советом ему был поручен беспризорник (жил у него на содержании 3 месяца и не эксплуатировался). Ковалев имеет молотилку, сенокосилку, 0,5 грабель, но пользуется ими индивидуально, работает только с братом, в эксплуатации других не замечен. Он индивидуально обложен. Ковалев во враждебности не замечен и оставлен в пределах района [Там же].

Жуков Филипп Федорович (Лебедевский с/с, Маслянинский район). Его семейство характеризуется как середняцкое (живет с двумя братьями). При этом он имеет молотилку, сенокосилку, имел шерстобитку как пимокат (помещения не имел и работал в избе) [1, л. 119].

Двое из пяти представленных к высылке «средняцких» семей были оставлены в пределах района, две семьи подверглись высылке, скорее всего, из-за крайне негативной политической характеристики, еще одна семья была депортирована при отсутствии в характеристике каких-либо

негативных признаков. Кроме того, характеристикам этой группы присуще некоторое оправдание крестьян, например, в случае упоминания беспризорников, которые некоторое время проживали в семьях. Во всех остальных характеристиках это явление однозначно оценивается как использование наемного труда. Также наличие шерстобитки (даже домашней и небольшой) всегда расценивалось как явный признак «кулачества».

Сокращение хозяйства. 58 из 348 крестьян сокращали свое хозяйство за год-два перед коллективизацией, что проявлялось или в забое скота, или в сокращении посевных площадей (табл. 4) [1]. Сочетание этих признаков «кулачества» представлены в табл. 5 [1].

Таблица 4

Сокращение хозяйства крестьянами

Наименование «кулацкого» признака	Количество
Сокращение хозяйства без подробной информации	24
Забивал или продавал скот	39
Сокращал посевную площадь	24

Таблица 5

Количество «кулацких» признаков, присущих хозяйству

Категория	Количество
Хозяйству присуще 3 признака «кулачества»	3
Хозяйству присуще 2 признака «кулачества»	23
Хозяйству присуще 1 признак «кулачества»	32

На основании представленных данных можно сделать вывод, что характерной чертой «кулацкого» образа является стремление крестьянина сокращать свое хозяйство, что с 1930 г. однозначно связывалось со злостными намерениями «кулака» бороться с коллективизацией, а не с объективными экономическими обстоятельствами (например, неспособность выдерживать постоянно растущее налоговое бремя).

Уплата налогов. В политических характеристиках о 91 крестьянине содержится информация о том, как они выплачивали налоги. При этом в большинстве случаев речь идет о различных способах уклонения от налогах (табл. 6 и 7) [1].

Таблица 6

Уплата налогов крестьянами

Наименование «кулацкого» признака	Количество
Подвергался взысканиям за неуплату налогов	15
Обложен кратным налогом за сокрытие имущества	10
Укрывал имущество, посева, заработки от обложения	13
Укрывал хлебные излишки и прочее продовольствие	40
Делал фиктивный раздел с целью уклонения от налогов	2
Формальные фразы об уклонении от налогов	25
Налоги платил	3

Таблица 7

Количество «кулацких» признаков, присущих хозяйству

Категория	Количество
Хозяйству присуще 3 признака «кулачества»	4
Хозяйству присуще 2 признака «кулачества»	9
Хозяйству присуще 1 признак «кулачества»	75
Налоги платил	3

Информация об уплате крестьянами налогов, представленная в политических характеристиках, в основном носит формальный и стандартизированный характер. При этом причины ухода от налогов всегда связываются со стремлением «кулака» разрушить проводимые государством мероприятия на деревне.

Общественно-политическая характеристика. Из 348-ми характеристик информация об общественно-политической деятельности крестьян содержится в 223-х. Эти данные были сведены в несколько категорий:

1. Обобщенные оценки, характеризующие крестьянина с негативной стороны («ярый противник коллективизации», «социально опасный элемент» и т.п.).

2. Вел агитацию против советской власти («агитировал население», «ходил по домам, агитируя против коллективизации», «срывал собрания» и т.п.).

3. Применение насильственных действий против представителей власти, вредительские действия («покушались на общественных работников», «накинулся на комиссию с топором во время описи» и т.п.).

4. Организация тайных собраний, участие в «кулацких» бандах («во время действий банды «Черная копейка» способствовал укрытию ее», «в его доме была штаб-квартира кулаков, в которой были собрания по ночам» и т.п.).

5. Религиозная деятельность («один из руководителей секты евангелистов. Вызвал к себе сектантов, поставил их на колени продерживал их по целым ночам за то, что они вступили в колхоз», «имеет тесную связь с попами» и т.п.).

6. Относительно нейтральная характеристика («в период коллективизации во враждебности не замечен»).

Представленные в табл. 8 [1] данные показывают, что в описании общественно-политической деятельности крестьян явно доминируют формальные, стандартные фразы. Кроме того, 77 из 104 крестьян, проводивших агитацию, характеризуются просто как агитаторы без указания деталей. Рассмотрим более подробно сочетания данных общественно-политических признаков «кулачества» (табл. 9) [1].

Таблица 8

Общественно-политическая деятельность крестьян

Наименование «кулацкого» признака	Количество
Обобщенные оценки	173
Агитация против советской власти, срыв собраний речами	104
Насильственные действия против власти	13
Организация тайных собраний, участие в бандах	12
Религиозная деятельность	16
Нейтральная характеристика	2

Таблица 9

Количество «кулацких» признаков, присущих хозяйству

Категория	Количество
Хозяйству присуще 4 признака «кулачества»	2
Хозяйству присуще 3 признака «кулачества»	9
Хозяйству присуще 2 признака «кулачества»	73
Хозяйству присуще 1 признак «кулачества»	137
Положительная характеристика	2

Данные табл. 9 свидетельствуют о том, что доля крестьян, имеющих крайне негативную характеристику (т.е. включающую несколько признаков враждебности крестьянина) общественно-политической деятельности, мала. В случае, если объективных фактов и доказательства антисоветской деятельности не было, в характеристиках преобладали стандартные фразы о ней. Значит, местные власти стремились всеми способами обосновать враждебность отношения высылаемого крестьянина к советской власти, прибегая в большинстве случаев к «образным» оценкам, пренебрегая доказательствами.

Участие в Гражданской войне. В исследуемом источниковом массиве найдена 81 политическая характеристика, в которой давалась оценка деятельности крестьянина в период Гражданской войны (табл. 10) [1].

Таблица 10

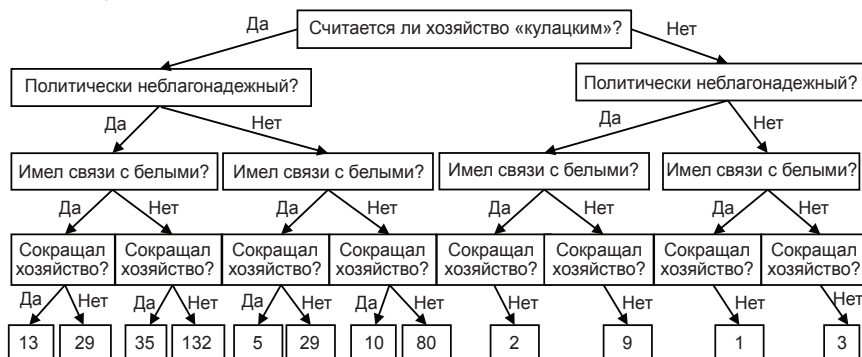
Участие крестьян в Гражданской войне

Наименование «кулацкого» признака	Количество
Участие в войне на стороне белых без указания дополнительной информации	34
Принимал участие на стороне белых с указанием роли человека (убивал партизан, принимал участие в налетах и т.д.)	35
Распространял пропаганду за белых и Колчака	6
Снабжал белую армию продовольствием и оружием	5
Воевал на стороне красных	1

Несмотря на то, что указание на участие человека в Гражданской войне встречается не так часто, здесь (в отличие от предыдущих параметров) местные власти стараются описать это более подробно, поскольку контакты с «белыми» формированиями являлись безусловным доказательством устойчивой враждебности крестьянина к советской власти.

Особый интерес представляет характеристика Минакова Тимофея Давыдовича, высланного из Лебедевского с/с. Он «в гражданскую войну участвовал (партизанил), был активным участником в борьбе с белогвардейцами», не проявлял враждебности к советской власти. Однако имел рабочих, давал машины под отработку, был обложен индивидуально [1, л. 98–99]. Следовательно, Минаков оказался выслан за наличие экономических признаков «кулачества».

В завершение следует проанализировать то, как все, разобранные выше «кулацкие» параметры, взаимосвязывались между собой (рис.). Установлено, что крестьян, которые негативно характеризуются по всем выделенным параметрам всего 13 (2,85 %). Наибольшей (37,9 %) оказалась доля крестьян, которые имеют «кулацкое» хозяйство и охарактеризованы политически негативно, но при этом не имели связей с «белыми» и не сокращали хозяйство.

Характеристика «кулаков»

Таким образом, на основе анализа политических характеристик глав крестьянских семей, подлежащих высылке, можно сделать следующие выводы. Во-первых, типичный «кулак» в глазах представителей местной власти обладал целым рядом черт. Как правило, к экономическим «кулацким» признакам автоматически приписывался целый ряд социально-политических (таких как политическая неблагонадежность или поддержка «белых» в Гражданскую войну). Местной власти было важно подчеркнуть не просто экономическую опасность зажиточного крестьянина, а его враждебность к советскому режиму. Во-вторых, приписываемые «кулаку» признаки в большинстве своем формальные, стандартизованные. Практически не встречаются «кулаки», которые являются злостными нарушителями советских законов. Это ставит под вопрос утверждение о массовом наличии таковых в деревне. В-третьих, в проанализированной выборке есть характеристики, которые выбиваются из общей тенденции описания «кулачества». Крестьяне могли быть серед-

няками, лояльными к советской власти, но при этом местными властями они характеризуются в целом негативно. С другой стороны, они могли иметь хозяйство с явными признаками «кулачества», но характеризоваться положительно. Это может свидетельствовать о том, что местные власти руководствовались директивами сверху, имели «лимиты» на высылку, но действовали поспешно и некомпетентно.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Новосибирской области. — Ф. Р-499. — Оп. 1. — Д. 1064.

Информация об авторе

Филиппенко Ольга Вячеславовна — магистрант, Гуманитарный факультет, кафедра отечественной истории, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2, e-mail: Olga.Kanyskova@mail.ru.

Author

Olga V. Filippenko — Undergraduate Student, Faculty of Humanities, Department of National History, Novosibirsk State University, 2 Pirogov St., Novosibirsk, 633010, e-mail: Olga.Kanyskova@mail.ru.

УДК 338.45:622(571.53)(09)
ББК 65.305(253.5)г

Ю.А. ФОМИНА

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕСТНОЙ ТОПЛИВНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1939–1940)

В статье рассматриваются проблемы развития местной угольной промышленности Иркутской области в предвоенный период. Анализируются экономические, производственные и социальные трудности на шахтах местного подчинения.

Ключевые слова: Иркутская область, местная промышленность, местная топливная промышленность, шахты местного подчинения.

YU.A. FOMINA

MAJOR DEVELOPMENT TENDENCIES OF LOCAL FUEL INDUSTRY OF THE IRKUTSK REGION AT PRE-WAR PERIOD (1939–1940)

The article is aimed to consider the touchstones of coal industry development before the Great Patriotic War in the region. The research focus

is on economical, industrial and social hardships within the mines of local subjection.

Keywords: Irkutsk region, local industry, local fuel industry, mines of local subjection.

Местная топливная промышленность Иркутской области начала развиваться незадолго до Великой Отечественной войны. В ряде районов области были построены шахты местного значения. В ведении Иркутского областного управления местной топливной промышленности функционировали две шахты: Черемховская городская шахта, в г. Черемхово и Делюрская шахта в Заларинском районе. В структуру местной топливной промышленности входила также шахта «Половинский уголь», системы областного промыслового союза.

Основным поставщиком угля для г. Иркутска являлись Делюрские угольные копи. Копи были открыты в 1929 г., однако месторождение угля основательно не было разведано. Впоследствии копи переходили из ведения одной организации в другую и несколько раз консервировались. Шахта была близко расположена к линии железной дороги, имела большие запасы угля и благоприятные условия его залегания. Однако, до 1938 г. никаких капиталовложений в восстановление этой шахты не производилось. В конце 1938 г. была восстановлена штольня № 4, в 1939 г. штольня № 3. Следует отметить, что Делюрский уголь был достаточно низким по качеству, т.к. содержал до 5 % серы [1, л. 2].

Черемховская шахта обеспечивала углем г. Черемхово и частично г. Иркутск. Шахта была заложена в ноябре 1938 г. и запроектирована на 50 тыс. т годовой угледобычи [1, л. 5].

Артель «Половинский уголь» была организована в 1932 г. и находилась в 15 км. от станции Половина, в Усольском районе. Однако первая заложённая шахта была завалена, а вентиляционный шурф, из которого велась добыча угля, был пробит только в 1938 г. [1, л. 8]. В 1939–1940 гг. шахта еще продолжала строиться. План угледобычи 1939 г. шахтами областного подчинения был выполнен на 117,4 % [1, л. 5].

Делюрской шахтой было добыто угля 62,7 тыс. т вместо 40 тыс. т запланированных. Перевыполнение объяснялось тем, что добыча угля производилась за счет ранее подготовленных запасов и с крайне заниженным планом. План угледобычи на 1940 г. был повышен до 75 тыс. т [2, л. 254]. На Черемховской шахте план на 1939 г. предусматривал добычу в 35 тыс. т, добыто же было 25,4 тыс. т или 72 %. Недовыполнение произошло по ряду причин, в том числе из-за отсутствия средств на капитальное строительство и простейшую механизацию. План угледобычи на 1940 г. шахте был снижен до 25 тыс. т. Однако, по мнению «Облместтопрома» план являлся заниженным и, его руководство поставило вопрос об увеличении плана до 50 тыс. т. Следует отметить, что план

первого квартала 1940 г. установленный в три тыс. тонн шахта выполнила на 373,7 %, что подтверждает справедливость требований управления местной топливной промышленности [2, л. 255]. Добыча каменного угля на шахте «Половинский уголь» в 1939 г. составила 15 560 т (103 % к плану). Производственная программа на 1940 г. предусматривала увеличение добычи угля до 20 тыс. т [1, л. 48].

Общее состояние горных выработок на шахтах не отвечало правилам ведения горных работ. Освещение шахтных выработок производилось либо открытым пламенем, либо керосиновыми фонарями с разбитыми стеклами, что представляло большую опасность в пожарном отношении. На Делюрской шахте состояние горных работ не отвечало элементарным техническим требованиям. Штреки были завалены ненужным мусором, часть главного штрека заморожена. После проверки горнотехнической инспекцией, на шахте был закрыт склад взрывных материалов, как не отвечающий правилам техники безопасности. Выявленные инспекцией недостатки не были устранены, поэтому в 1940 г. рассматривался вопрос о закрытии шахты.

На Черемховской шахте ввиду непрерывного ведения горных работ, выработки сошли с вертикального направления, что повлекло переделку проекта горных выработок и дополнительные затраты [1, л. 47].

Серьезно сдерживало увеличение добычи угля отсутствие механизации, работы проводились исключительно вручную, только частично применялась конная откатка. На шахтах практически отсутствовала механизированная подачи угля с подземных выработок на поверхность. Для этой цели на шахте «Половинский уголь» была приобретена подъемная лебедка, однако, вопрос о ее применении не решался в течение полугодия [2, л. 282]. Для спуска людей в шахту использовался очень узкий и неудобный ходок.

Очень острой проблемой была транспортировка угля с шахт, т.к. не было достаточного количества транспорта. Шахта Половинский уголь имела три машины и 30 лошадей. Лошади не были обеспечены фуражом, автомашины запчастями и топливом. На Делюрской шахте из девяти машин три ожидали ремонта [1, л. 4].

Себестоимость продукции, которую вырабатывали шахты, была выше плановой. На продукцию не имелось стандарта. Более тщательная отборка пустой породы в забое была установлена только после Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10.07.1940 г. о качестве продукции [1, л. 92].

Шахты не были достаточно обеспечены рабочей силой. На Делюрской шахте из требуемых в первом квартале 1940 г. 294 человек работало только 95 человек или 32,3 %, на Черемховской при плане 148 человек имелось 117 человек или 79,1 % [2, л. 46]. Движение рабочих кадров на местных шахтах угольной промышленности оставалось высоким.

Так, за первый квартал 1940 г. на Делюрской шахте принято 59 человек, уволено 91 человек, по Черемховской принято 124 человека, уволено 61, в том числе 54 человек за прогул [1, л. 46].

Ощущался недостаток рабочих и на шахте «Половинский уголь». Всего трудилось на шахте на первое октября 1940 г. 140 человек, из них только 20 человек в горном цехе, вместо 44 [2, л. 91], т.е. имелась явная диспропорция между занятыми на поверхности и на подземных работах. Из-за недостатка рабочих из имеющихся на шахте 28 забоев в действии находилось только восемь [2, л. 92]. По этой причине шахта систематически не выполняла план.

Такая текучесть кадров отчасти объясняется социальными проблемами: отсутствием жилья, неудовлетворительными культурно-бытовыми условиями. Очень плохо было налажено обеспечение продуктами питания и промтоварами. Работники снабжались через специальную закрытую сеть магазинов только хлебом. В продаже отсутствовали даже такие товары как соль и спички [2, л. 285]. В мае и июне 1940 г. возникли серьезные перебои в снабжении продуктами питания, и часть рабочих оставило шахту. Еще одной проблемой являлась систематическая задержка заработной платы от одного до трех месяцев. Ни на одной шахте не имелось медпункта первой помощи, детских яслей. Партийные организации шахт не занимались этими проблемами. Кроме того, рабочие шахты Делюр состояли в профсоюзе кирпичников, а не угольщиков, что также не способствовало решению социальных вопросов [1, л. 5].

Помимо имеющихся шахт во второй половине 1940 г. планировалось строительство семи районных шахт, на развитие которых было отпущено 165 тыс. р. Это Тулунская шахта, в г. Тулуне, Усть-Ордынская шахта, в 15 км от Усть-Орды, Кулганайская шахта — в 18 км от г. Зимы, Голуметская шахта — в районе с. Голуметь, Олонская шахта — вблизи с. Олонки, Куйтунская шахта — в нескольких километрах от станций Хорик и Куйтун и Черемховская шахта, которая должна была быть заложена по аналогии с существующей городской шахтой. Однако начало работ по этим шахтам затянулось. Причинами этому было отсутствие достаточных геологических данных, обеспечивающих правильную постановку работ, продолжительная задержка финансирования и ряд других. Так, ввиду недостаточного технического руководства месторождение в десяти км от села Олонки было законсервировано. В Куйтунском районе решено было не производить горно-разведывательных работ, в силу неблагоприятных геологических условий месторождения [3, л. 254; 4, л. 13].

В 1939–1940 гг. на шахтах местного значения имелась масса экономических, производственных и социальных проблем, остро стоял вопрос увеличения угледобычи. В 1941 г. на развитие местной угольной промышленности было ассигновано более 2 млн р., на которые планировалось механизировать Делюрские и Черемховские шахты, произведе-

сти жилищное строительство и начать строительство подъездной железнодорожной ветки от станции Делюр до шахты. Должно было быть закончено строительство пяти районных шахт, начатое в 1940 г. и вновь заложены шахты в Куйтуне и на Половинском месторождении.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). — Ф. 127. — Оп. 1. — Д. 347.
2. ГАНИИО. — Ф. 127. — Оп. 17. — Д. 185.
3. ГАНИИО. — Ф. 447. — Оп. 1. — Д. 231.
4. ГАНИИО. — Ф. 447. — Оп. 5. — Д. 84.

Информация об авторе

Фомина Юлия Анатольевна — кандидат исторических наук, преподаватель, Колледж Байкальского государственного университета, 664047, Байкальская 126, e-mail: fomina.y@mail.ru.

Author

Yulia A. Fomina — Ph.D. in History, Instructor, Baikal College of Business and Law at BSU, 126, Baikalskaya St., Irkutsk, 664047, e-mail: fomina.y@mail.ru.

УДК 930(571.54/.55)«1918/1920»:61
ББК 63.3(2)612,11

В.А. ШАЛАМОВ

ЯПОНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ЗАБАЙКАЛЬЕ (1918–1920): МЕДИЦИНСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается применение японцами политики «мягкой силы» в годы Гражданской войны в Забайкалье. Одним из средств создания благоприятного имиджа интервентов использовалась деятельность японских медицинских работников. Они оказывали помощь во время военных действий, боролись с эпидемиями, помогали автохтонному населению, лечили зубы. Кроме того, общественные организации Японии выделяли средства на покупку лекарств и медицинских товаров.

Ключевые слова: Гражданская война в Восточной Сибири, Забайкалье, интервенция, японские врачи в Сибири, Г.М. Криворучко.

V.A. SHALAMOV

JAPANESE INTERVENTION IN ZABAICAL REGION (1918–1920): THE MEDICAL ASPECT

The article discusses the application of the Japanese policy of «soft power» during the Civil war in Zabaikal region. One means of creating a positive image of the invaders used the activities of Japanese health pro-

professionals. They provided assistance during the military actions, fought epidemics, helped the indigenous population, treated teeth. In addition, public organizations of Japan allocated funds for the purchase of medicines and medical supplies.

Keywords: The Civil war in Eastern Siberia, Zabaikal region, intervention, Japanese doctors in Siberia, G. M. Krivoruchko.

Актуальность данной темы обусловлена двумя факторами. Столетний юбилей революционных событий и, связанной с ними Гражданской войны, неизбежно вызывают закономерный интерес у российской общественности, что и послужило опорной точкой для автора. Еще один фактор — новизна. Исследований, посвященных японской интервенции в годы Гражданской войны, вышло довольно много, но никто не обратил внимания на медицинский аспект. Возможно подобное явление сложилось вследствие того, что отечественная историография оценивала интервенцию с однозначно отрицательных позиций. Следует отметить и слабое обеспечение источниками выбранной тематики. Японские медицинские организации и лица не обязаны были отчитываться в своей деятельности перед русской администрацией, поэтому в архивах практически не встречаются документы, проливающие свет на результаты их работы. Автору статьи в качестве источниковой базы пришлось использовать сведения, почерпнутые из периодических изданий Забайкалья 1918–1920 гг. и ряд вспомогательных источников и исследований.

Японцы в своей политике использовали не только жесткие силовые методы, как это обычно декларировалось. Зачастую они были не прочь воспользоваться методами «мягкой силы». В качестве примера можно рассмотреть такой важный для них ресурс, как наличие высококвалифицированных медицинских работников в условиях острого дефицита на медикаменты и медицинских служащих в годы Гражданской войны. Данный аспект не получил должного освещения в историографии хотя он представляет собой довольно любопытную страницу в истории взаимоотношений России и Японии.

Как известно, Япония в годы Первой мировой войны выступила на стороне Антанты. В качестве жеста взаимопомощи страны направили друг другу небольшие медицинские отряды, которые служили своеобразным символом союзнических отношений. Япония, так же как и Великобритания, Франция и США, отправила в Россию небольшой лазарет, который работал в Петрограде. Миссию Японского красного креста возглавил доктор медицины, профессор Уэно и старшая сестра милосердия Томонари Томи. Кроме них было еще шесть сестер: Иосида Мина, Нагай Фуио, Огури Нацу, Окава Вака, Сугияма Фуми и Фукуда Рири, а также обслуживающий персонал. Всего 12 человек [10, с. 924]. Также японцы помогали в течение войны с поставками медикаментов и перевязоч-

ного материала, дефицит которых сразу же стал ощущаться в стране с началом военных действий, так как в основном их закупали в Германии.

Еще в конце XIX в. японцы проникают на русский Дальний Восток и Забайкалье. В Чите даже действовал экзотический дом терпимости, обслуживаемый японками. Однако, согласно законам Российской империи, японские медики не могли предоставлять свои услуги, не закончив образования в российских университетах. Это сдерживало проникновение иностранных врачей на отечественный рынок медицинских услуг.

Изменения произошли после того, как власть в Забайкалье захватили весной 1918 г. большевики. Японцы, видя слабость российской государственности, решаются на активацию своих действий. Одним из направлений их влияния в регионе становится всемерная поддержка атамана Г.М. Семенова. В состав его особого Маньчжурского отряда начинают поступать японские «добровольцы», в том числе и медработники. Историк А.М. Романов, изучавший военные формирования атамана Семенова, назвал имена некоторых из них. Например, врачи Симоно, Нобутеру Ирие, Осамото (Ли). При этом в ходе боевых действий в августе 1918 г., в числе прочих российского ордена был удостоен врач, капитан Мамезава Саданори за отличие в боях под станциями Даурия, Харанор и Сокуй [9, с. 144, 160]. Однако некоторые лица появляются в Чите еще весной 1918 г. (Ямамото, Минами).

После установления режима атамана Г.М. Семенова в Забайкалье японские войска расположились для охраны Транссибирской магистрали в крупнейших центрах Забайкальской области. При воинских частях в Чите (Антипиха), Верхнеудинске (Березовка), Нерчинске, Сретенске, Даурии стали функционировать воинские стационарные госпитали. Кроме того, во время боевых действий развертывались мобильные полевые лазареты. Сибирь всегда была слабо обеспечена медицинскими кадрами, а события Первой мировой и Гражданской войн совсем обескровили сеть лечебно-профилактических учреждений. Японцы использовали это положение ради утверждения среди обывателей благоприятного образа Японии. Японские военные врачи широко открывают двери своих госпиталей для приема больных и раненых русских солдат и офицеров. Более того, они не отказывали в помощи и гражданскому населению. Об этом свидетельствуют благодарственные письма вылечившихся пациентов, которые публиковались местной прессой. В качестве примера можно процитировать одно из таких писем: «Милостивый господин редактор! Позвольте при помощи Вашей газеты выразить глубокую благодарность японскому доктору Казимо, вылечившему мою семимесячную дочку, лечить которую отказались другие доктора от продолжительной кровавой дизентерии с осложнением воспаления легких. С почтением, боец Д. Мартынов» [4, 9 дек., с. 4]. Конечно, такие сообщения играли роль скрытой рекламы, и слава японских врачей распространилась по всему региону.

При анализе местной прессы было выявлено кроме упомянутых лиц еще 18 представителей японской медицины. В том числе в Чите врачи М. Минами, К. Ямамото, Я.Г. Хасегава, зубные врачи Ч. Чиемура, М. Танино, зубной техник Мори, в Верхнеудинске врачи А. Кунок, Тен-Мен-Оги, К. Чанго и др. Большинство из них занималось частной практикой. Вероятно, военное руководство Японии, в отличие от американцев, разрешало своим служащим работать на стороне. Пользуясь анархией, царившей в управлении областью, иностранные врачеватели охотно размещают объявления о своих услугах в газетах «Забайкальская новь», «Прибайкальская жизнь», «Вестник Забайкалья» и т.д. Их реклама напоминала зазывания торгашей на восточном базаре, что контрастировало с обычаями, принятыми у российских работников здравоохранения. В объявлениях российский врач мог указать свое имя, специальность, время приема и адрес. Дополнительно он был вправе отметить свои регалии. Все остальное считалось неприличным, т.к. порождало нездоровую конкуренцию. Японцы не стеснялись себя и помещали объявления вроде такого: «Японская лечебница доктора Я.Г. Хасегава и доктора К. Ямамото. Лечение по внутренним, хирургическим, женским болезням, выживание солитера, кожно-венерические и мочеполовые болезни. Только что получено вновь открытое в Японии средство, излечивающее импотенцию. Сифилис — препарат 914 и 606 (уколы самым усовершенствованным способом, лекарством совершенно безболезненным, обладающим более могущественной силой чем прежние, без каких-либо осложнений и последствий). К сведению больных: мною получен большой запас самых свежих лекарств...» [3, 29 окт.]. К чести отечественных медработников они не стали уподобляться своим коллегам из Японии.

Вслед за японцами в регион хлынуло множество других иностранных специалистов. Среди прочих размещали объявления китайский доктор С.Ю. Писарев, восточный доктор Кохаионг, азиатский доктор Танама и др. Встречаются и откровенные шарлатаны. Например, некий доктор Так Кун-киси заявлял, что «лечит по восточной медицине» и при этом производит «вливание по американскому способу 606 и 914» [4, 12 марта, с. 3]. Не нужно хорошо разбираться в медицине, чтобы понять, что между восточной медициной и европейскими препаратами нет ничего общего. Лишь в середине лета 1919 г. газеты обязали печатать объявления об оказании медицинских услуг только с разрешения врачебного отделения, как это и было до 1918 г. [4, 12 июля]. Поскольку врачебный устав 1905 г. давал право на медицинскую деятельность только выпускникам российских специальных образовательных учреждений, то размещать свои объявления не смогли ни японские, ни какие-либо другие врачеватели.

Осенью 1918 г. в регионе вспыхнула эпидемия инфлюэнцы (гриппа), принесенной из Монголии и Маньчжурии. Существующие медицинские организации не справлялись. Поскольку тогда боевых действий не на-

блюдалось через своего командира генерала Ооба японские военные врачи предложили городской управе организовать амбулаторию (лечебницу) для беднейших жителей Читы. Это предложение было одобрено 29 ноября на заседании городской думы. Для этой цели товарищество Второва уступило безвозмездно помещение пассажа. В декабре опытные военные доктора начинают прием, преимущественно бесплатно при предоставлении билета от городского самоуправления о несостоятельности [3, 11 дек.]. Эта лечебница просуществовала вплоть до ухода японских войск из Читы осенью 1920 г. Среди пациентов отмечалось особенно много бурят с глазными болезнями. При этом главный врач 3-й японской дивизии Нагано производил много сложных операций, которые обычно применяются только в клинических условиях [4, 26 июня, с. 3]. Кроме указанной амбулатории в Чите функционировала частная платная лечебница уже упоминавшихся докторов Я.Г. Хасегава и К. Ямамото, а на станции Маньчжурия — лечебница «Кубо» доктора К. Аmano [4, 27 февр.]. Конечно, такая деятельность заслуживает одобрения, но все же это была капля в море, поскольку реальная потребность в медицинской помощи у населения была во много раз больше.

Зимой 1918–1919 г. в Забайкалье вспыхнула эпидемия сыпного тифа, принесенного с уральского фронта. Боясь, что болезнь распространится по северному Китаю, японское командование настояло на создании на станции Маньчжурия карантина, за соблюдением которого должна была следить санитарная комиссия из русских и японских врачей. Введение своих специалистов японцами объясняется тем, что основные переносчики заразы спекулянты легко могли подкупить русских врачей. Доверие соотечественникам было больше. Такие же посты были организованы во время эпидемии холеры в Маньчжурии. В целом со своей работой комиссии справились, не допустив эпидемии за пределы государственной границы.

После падения Советской власти в Забайкалье в конце лета 1918 г., аптечная служба оказалась в плачевном состоянии. В регионе практически не производилось медикаментов, за исключением азотнокислого висмута и ляписа. При некоторых условиях в Забайкалье того времени можно было организовать производство хлороформа и ксеноформа, но они были необходимы срочно, поскольку наличные запасы были исчерпаны. Японские и американские организации взялись за поставки во Владивосток и Хабаровск медицинских товаров по себестоимости, но на организацию потребовалось определенное время. В силу этого японское военное командование в виде подарков выделяло небольшое количество лекарств и перевязочных материалов. Например, в ноябре 1918 г. командир 3-й японской дивизии генерал Ооба передал городской управе 5 ящиков перевязочных средств, потребность в которых была громадна [3, 6 нояб.]. Крупные партии медикаментов поступили в аптеки

Забайкалья только в конце декабря 1918 г. Неоднократно японцы выделяли трубки для рентгеновских аппаратов через посредство докторов Ногано и Осава. При этом объявления об этих жертвованиях помещались в печати не от имени благодарных горожан, а от имени японского военного руководства. Думается, что это хорошо спланированная акция.

Летом 1919 г. Японию посетил глава американской миссии красного креста Р. Тейслер, который ознакомил японскую общественность с условиями медпомощи солдатам колчаковской армии. Сразу после этого несколько организаций, в том числе Русское общество в Японии, Британская патриотическая лига, стали собирать средства на закупку медикаментов и средств гигиены для сибирского фронта. О гражданском населении практически не упоминалось. Однако Японское общество оказания экономической помощи Сибири нашло возможность снабдить города Забайкальской области небольшим количеством фармацевтических и перевязочных средств. В Читу было отправлено 162 ящика, в Верхнеудинск и Нерчинск по 82 ящика [4, 25 июня, с. 3–4]. Все подарки были распределены между гражданскими и военными лечебными учреждениями. Некоторое время спустя активность обществ угасла. Лишь после поездки в Японию корпусного врача действительного статского советника доктора А.В. Филиппова удалось вновь активировать общественную деятельность. В частности, благодаря посредничеству секретаря-драгомана Т. Тории удалось получить от японского правительства подарков на сумму 5 тыс. иен, главным образом медикаментов и перевязочных средств [1, 7 нояб.]. По японским данным с начала интервенции и до августа 1919 г. помощью японских врачей воспользовалось в Сибири до 60 тыс. русских граждан и было пожертвовано медицинских товаров на сумму около 100 тыс. иен [4, 19 нояб.]. Вплоть до своего ухода осенью 1920 г. японцы беднейшим горожанам Читы неоднократно выдавали подарки, помогали детским приютам, японские дети посылали подарки русским детям [7, с. 61]. Это сглаживало недовольство населения, но кардинально изменить ситуацию уже не могло.

Следуя своей политике «мягкой силы», японцы старались привлечь к себе симпатии забайкальских медработников. Для этого главный врач 3-й японской дивизии полковник Ногано организовал в Антипихе под Читой на базе военного госпиталя первое в Сибири научное заседание российских и японских врачей, а также местных провизоров. Всего присутствовало около 60 человек. Поручик Осава выступил с докладом, в котором ознакомил слушателей с устройством военно-санитарной службы армии Японии. Майор Кобаяси из госпиталя в Березовке читал доклад о шести случаях, редко встречающегося, цереброспинального менингита. Его сослуживец доктор Иошиока информировал собравшихся об образовании и подготовке японского военного врача. Последним выступил сам Ногано с сообщением о лечении глазных болезней. В за-

ключении был осмотр госпиталя и обед, на котором производились дружественные тосты [4, 2 авг.]. Такое мероприятие, вероятно, с точки зрения японского командования, должно было поднять авторитет Японии в глазах местной интеллигенции.

Интересно отметить один факт. На научном заседании, да и в последующем особой активностью отличался врач Г.М. Криворучко. До войны он был санитарным врачом в Чите. Как пишет библиограф-краевед Н.В. Попека в начале 1920 г. Криворучко был вынужден мигрировать в Китай, так как Советская власть не одобрила бы его «сотрудничества» с войсками атамана Семенова. В последующие годы он жил в Шанхае. Дальнейшая его судьба была неизвестной [5, с. 174]. На сегодняшний день удалось выяснить некоторые обстоятельства его жизни. С установлением режима атамана Семенова в Забайкальской области Г.М. Криворучко был мобилизован в армию и определен в Читинский военный госпиталь. В середине июля 1919 г. его отправили в качестве старшего врача в один из карательных казачьих полков, направленных на юго-восток области. Он имел тесный контакт с японскими военными. В частности, на упомянутом научном заседании он переводил часть докладов с немецкого на русский язык. В августе он был прикомандирован к штабу 3-й японской дивизии, с которым, вероятно, в последующем и был эвакуирован [4, 27 авг.]. Поселившись в Шанхае, он поступил на службу в Русский полк. К 1932 г. он числился в этом полку в звании лейтенанта [2]. Он продолжал контакты с японцами и в эмиграции.

Известно, что у японцев была хорошо поставлена разведслужба. Примером тому может послужить история доктора Хана в Иркутске. Этот врач, практиковавший тибетскую медицину, поселился в Иркутске и создал агентурную сеть из китайских рабочих, которые искали компрометирующие сведения на чиновников и военных, а когда те приходили на прием к модному доктору, то тот их начинал шантажировать и, в конце концов, добивался получения необходимых ему сведений [8]. Примерно то же самое могло происходить и в Забайкальской области. Не впадая в горячку, можно отметить ряд подозрительных моментов. Прежде всего, это чрезмерный интерес доктора Г.М. Криворучко к японским военным. В бесплатной лечебнице в Чите часто принимали бурят, которые более, как местные, более всего подходили на роль соглядатаев. К тому же им импонировала панмонголистская пропаганда Японии. Большое число японских врачей практически по всему региону практически не поддавались какому бы то ни было контролю. Следовательно, они гипотетически также могли собирать необходимые сведения. Впрочем, они могли выполнять не только функции шпионов. К примеру, когда в Читу прибыл глава следственной комиссии по расследованию противозаконных и неправильных по службе действий атамана Семенова генерал-лейтенант Г.Е. Катанаев, подхвативший

в Иркутске инфлюэнцу, то ему с помощью приставленных японских медработников помешали проводить полноценную информационно-дипломатическую работу. «Японские врачи, приставленные ко мне генералом Ооба, более недели не выпускали меня даже из нашего вагона...», — писал он в своих воспоминаниях [6, с. 201]. Напрямую подозревать всех медработников из Японии в шпионаже мы не можем, но все же косвенных свидетельств более, чем достаточно, поэтому можно отмечать, что оказание медицинских услуг населению Забайкалья часто сопутствовало разведывательной деятельности. Это был один из каналов поступления информации.

Представители японской медицины приняли самое непосредственное участие в интервенции в Забайкальской области в период Гражданской войны 1918–1920 г. Кроме помощи войскам, они в качестве вольнопрактикующих медицинских специалистов вели активную практическую работу. Ими были организованы лечебницы (амбулатории) в Чите и на станции Маньчжурия с бесплатным приемом пациентов. Японские общественные и коммерческие организации способствовали поставкам медицинского товара, в том числе с благотворительной целью. Военные медики пытались перетянуть симпатии местной интеллигенции в сторону Японии. Вероятно, часть работавших в Забайкалье медицинских работников была связана с разведслужбой Японии, на что указывает ряд косвенных признаков. Сам факт активной деятельности медработников интервентов говорит о гибкости их политики, которую можно трактовать как «политику мягкой силы».

Список использованной литературы и источников

1. Вестник Забайкалья (Чита). — 1919.
2. Волков С. В. Участники Белого движения в России: [Электронный ресурс] / С. В. Волков. — Информационная база данных. — Режим доступа : <http://swolkov.org/info1.htm>.
3. Забайкальская новь (Чита). — 1918.
4. Забайкальская новь (Чита). — 1919.
5. Календарь знаменательных и памятных дат истории здравоохранения Забайкальского края на 2011 год / ред.-сост. Г. И. Погодаева; ред. Н. В. Попека. — Чита : Экспресс-издательство, 2011. — 204 с.
6. Катанаев Г. Е. На заре сибирского самосознания: воспоминания генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска / отв. ред. А. Л. Посадсков. — Новосибирск : СО РАН, 2005. — 367 с.
7. Константинов А. В. Забайкалье: Ступени истории (1917–1922 годы) / А. В. Константинов, Н. Н. Константинова. — Чита : Экспресс-издательство, 2009. — 192 с.
8. Перевалов А. Японское консульство в Иркутске [Электронный ресурс] / А. Перевалов // Паритет. — 2006. — Режим доступа : <http://www.pribaikal.ru>.
9. Романов А. М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова / А. М. Романов. — Иркутск : Оттиск, 2013. — 308 с.

10. Список сестер милосердия Российского общества красного креста. — Пг. : Гос. тип., 1915. — 924 с.

Информация об авторе

Шаламов Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, e-mail: Wladimir13x@ya.ru.

Author

Vladimir A. Shalamov — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of history of Russia, Historical faculty, Irkutsk state University, 2 Chkalova St., Irkutsk, 664025, e-mail: Wladimir13x@ya.ru.

УДК 338.43(571.53/.54)(09)
ББК 65.32(253.5)г

А. Ф. ШУПЛЕЦОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ

Исследуются основные тенденции развития агропромышленного комплекса Прибайкалья в 1980–1990-е гг. Анализируются причины, сдерживающие эффективное развитие сельскохозяйственного производства и деятельность органов власти по развитию аграрного сектора области. Оцениваются перспективы решения продовольственной проблемы в регионе.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, Иркутская область, зерновое хозяйство, животноводство, продовольственная программа.

A. F. SHUPLETSOV

HISTORICAL EXPERIENCE OF REGIONAL FOOD PROGRAM REALIZATION

The article studies main trends of the Baikal region agro-industrial complex, in 1980–1990. The author analyzes factors that limited effective development of agricultural sector and evaluates prospects of food problem solution in the region.

Keywords: agro-industrial complex, Irkutsk oblast, grain farming, live stock breeding, food program.

Проблема надежного обеспечения населения продуктами питания не теряет своей актуальности. Перед страной стояла и остается задача в возможно короткие сроки надежно обеспечить население продуктами питания. Дело это нелегкое. К середине 1980–х гг. городское население воз-

росло на 61 млн человек, тогда как сельское — уменьшилось на 10,7 млн, а доля его в общей численности сократилась с 50 до 37 %. С 1964 г. началось устойчивое абсолютное сокращение сельского населения.

В Иркутской области наблюдались аналогичные тенденции. Если в 1959 г. сельское население составляло 38 % ко всему населению области, в 1970 г. — 28, в 1979 г. — 23. Сократилась занятость в сельском хозяйстве, составив 3,8 % от всего населения и 6,8 % от числа трудоспособных. В целом по области обеспеченность своими механизаторскими кадрами в колхозах и совхозах составляла лишь 63 %. Не хватало работников животноводства.

При этом важно отметить, что процесс оттока людей, в частности из села, если он протекает в масштабах, не влекущих за собой нежелательных для народного хозяйства последствий, в общем-то, закономерен. Причины же миграции из села и сейчас остаются во многом прежними, несмотря на то, что с того времени прошло 30 лет. Стремление молодежи поступить на учебу в вуз, техникум, неудовлетворенность условиями работы или ее отсутствие. Сказывались различия между уровнем городского и сельского труда, неудовлетворенность культурно-бытовыми условиями, семейные обстоятельства.

Когда в стране созданы условия, то технический прогресс дает возможность уменьшающемуся относительно, а иногда даже абсолютно, сельскому населению производить большее количество земледельческих продуктов на увеличивающуюся массу населения. Решение проблем закрепления кадров на селе остается одним из важнейших условий наращивания заготовок продукции в этой отрасли. Здесь наряду с общегосударственными принципами регулирования сельской миграции были выработаны и активно использовались методы с учетом специфических условий тех или иных регионов, областей, зон. Это относится и к Иркутской области. Задача ставилась таким образом, что оптимальный размер миграции из села составлял бы то количество людей трудоспособного возраста, которое можно высвободить из сельского хозяйства без ущерба для максимального производства продукции земледелия и животноводства на достигнутом уровне развития материально-технической базы сельского хозяйства и научных достижений в этой сфере. Ее реализация возможна в условиях системного представления о процессах, проблемах, рисках и ресурсных возможностях, которые реально возможно было использовать в стране на эти цели.

К середине 1980-х гг. перед отраслью была поставлена задача — не только увеличить валовые сборы, но и удовлетворить потребности в фуражном зерне за счет собственного производства. Ориентиром становился рубеж — выращивать ежегодно на жителя страны одну тонну зерна с выходом на среднегодовой сбор до 240 млн т. Это становилось возможным на основании реализации задач, которые были обозначены

ны в «Продовольственной программе» страны. Например, урожайность зерновых культур должна была быть поднята на 6–7 ц с доведением ее к 1990 г. до 21–22 ц с гектара. Продовольственная программа страны на период до 1990 г. — это выполнение целого комплекса мероприятий, включая совершенствование структуры зернового хозяйства за счет увеличения доли высокоурожайных культур, эффективное использование гектара земли, повышение культуры земледелия и на этой основе рост урожайности, производительное использование техники, мелиорированных земель, рациональное использование минеральных удобрений.

Если до 1965 г. производство зерновых увеличивалось в основном за счет расширения посевных площадей, то уже к середине 1980-х гг. была актуализирована задача его интенсификации путем комплексной механизации, химизации и мелиорации земель, внедрения новых прогрессивных технологий возделывания культур. Это становилось возможным реализовать на основе эффективного использования земельных угодий, повышения их продуктивности, обеспечения устойчивости и динамичности развития отраслей, роста урожайности, внедрения и применение зональных научно обоснованных систем земледелия. Рассматривался комплекс мероприятий по повышению плодородия почвы, по борьбе с водной и ветровой эрозией, по применению в каждой из таких зон научно обоснованных систем земледелия, с тем, чтобы при любых погодных условиях можно было получать хорошие и устойчивые урожаи.

Значимость поставленных и начатых к реализации в этот период задач сложно переоценить. И она [значимость] усиливалась тем, что внедрение безотвальной обработки почвы почти на 40 млн га земли, посев зерновых культур противоэрозийными сеялками на 38 млн га позволяло снизить и местами приостановить ветровую эрозию, повысить урожайность зерновых культур в засушливых степных районах страны. Научные исследования и практика того времени в передовых колхозах и совхозах свидетельствовали о том, что намеченные темпы роста урожайности были вполне достижимы. Предпосылкой к этому становилось внедрение в хозяйстве научно обоснованных систем земледелия, включающих комплекс мер: по освоению севооборотов; совершенных систем обработки почвы; по улучшению семеноводства и внедрению новых сортов и гибридов; по переходу на индустриальную технологию возделывания культур; по эффективному использованию минеральных и органических удобрений; по сокращению сроков работ и уменьшению потерь урожая за счет своевременного проведения работ.

Региональная система сельского хозяйства Прибайкалья, вызывала необходимость разработки и внедрения научно-обоснованных систем земледелия в каждом районе (хозяйстве), что позволяло учесть разнообразие почвенно-климатических и экономических условий, существенно повысить эффективность и устойчивость зернового хозяйства и земледе-

лия в целом. Сегодня остро стоит вопрос не о самой технологии, а о такой системе земледелия, которая в области, районе, хозяйстве была бы самой выгодной. Не отдельные приемы агротехники, а система в целом.

По мере увеличения поставок сельскому хозяйству комплекса противозероэрозийных машин, почвозащитная технология возделывания зерновых культур стала шире использоваться и в Восточной Сибири. Увеличение производства зерна в Иркутской области и доведение его уровня до 1,5 млн т в год потребовало интенсифицировать растениеводство.

Опыт хозяйств Тулунского, Нукутского, Иркутского и ряда других районов области подтвердил подобную практику. К тому времени потенциал научно-исследовательских учреждений существенно изменился¹. Ученые Иркутской государственной сельскохозяйственной опытной станции совместно со специалистами совхоза «Приморский», Нукутского района, внедрили новую структуру использования пашни, полевых и кормовых севооборотов, комплексной программы защиты почвы от ветровой эрозии для засушливой степной зоны. Средне районная урожайность была превышена на 42 %.

В Тулунском районе количество вносимых в почву удобрений в действующем веществе было доведено до 80 кг. на 1 га. В результате и урожай в среднем превысил 18 ц. Положительные результаты дал метод программирования урожаев разработанный в Сибире. Внедрение результатов исследования в колхозе «Путь к коммунизму» Тайшетского района показал, что урожай зерновых в хозяйстве, несмотря на острую засуху, был в два с лишним раза выше, чем в других хозяйствах района. В основу метода была положена модель оптимизация питания растений, а также комплекс агротехнических и мелиоративных мероприятий с учетом свойств каждого поля. Это позволяло ориентироваться на возможность эффективного земледелия подтаежной зоны Приангарья.

Другим направлением работы являлось сохранение выращенного хлеба и сокращение сроков уборки зерновых культур. Оптимальным было принято считать срок уборки в 10–12 дней, в то время как на практике она проводилась за 20–25 дней, что вело к осыпанию зерна на корню или в валках.

Интенсивный путь развития отнюдь не исключает использования и экстенсивных факторов роста в сельском хозяйстве. Предстояло и впредь вовлекать в хозяйственный оборот области новые, ранее не используемые земли, осваивать засушливые и заболоченные площади с целью расширения сельскохозяйственных угодий. Однако главной, как показала практика, оставалась задача — внедрения новых методов ведения

---

¹ Среди них такие крупные подразделения, как Сибирский институт физиологии и биохимии растений СО АН СССР, кафедры и лаборатории Иркутского сельскохозяйственного института, Тулунская селекционная и Иркутская опытная сельскохозяйственная государственные станции и ряд других.

хозяйства, техники, повышать эффективность использования земель, увеличивать выход продукции с гектара, добиваясь повышения уровня сельскохозяйственного производства. Предполагалось, что наведя здесь порядок и увеличив посевные площади всего на 1 %, можно было бы получить прибавку по стране в 2,1 млн га и, заняв эту площадь зерновыми культурами, при средних урожаях, собирать 3,4 млн т зерна. Последнее имело прямое отношение к Советскому Союзу и его размерам, численности населения. Этот опыт приемлем и для России сегодняшнего дня.

Анализируя ситуацию с производством зерна, основы сельскохозяйственного производства, нельзя обойти ситуацию, которая складывалась в тот период в животноводстве.

На развитие этой отрасли направлялись значительные финансовые ресурсы. С начала 1970–х гг. до середины 1980–х гг. было израсходовано 50 млрд р. государственных и колхозных средств, введено ферм и комплексов более чем на 51 млн голов крупного рогатого скота, 46 млн свиней, 76 млн овец. За 15 лет в стране в 2 раза выросли основные фонды по производству молока в колхозах и совхозах, увеличились закупки мяса. Иллюстрацией может служить информация в табл. 1.

Таблица 1

Государственные закупки скота и птицы в колхозах и совхозах и других хозяйствах в живом весе скота и птицы, тыс. т.

Регион	В среднем за год		
	1966–1970	1971–1975	1976–1980
СССР	10 257	13 350	14 994
РСФСР	5 426	65 957	7 547
Иркутская область	77,2	98,8	99

Приведенные в табл. 1 данные свидетельствуют о тенденции роста производства, как в стране, так и в Иркутской области. При этом в 1975, 1979, 1981 гг. животноводство страны испытало сильнейшее воздействие засухи. Следует отметить наличие и организационных недостатков, что вел к снижению продуктивности и воспроизводства поголовья скота.

На селе в этот период сложились различные типы и формы новых специализированных хозяйств. Госплан СССР рассчитал, что животноводческие комплексы дали экономию кормов на сопоставимый объем продукции, по сравнению с колхозами и совхозами, около 4 млн т кормовых единиц, и труда, равного труду 170 тыс. среднегодовых работников¹.

Возможности развития животноводства проектировались с опорой на интенсивные методы выращивания животных, создание са-

¹ За год общая экономия затрат от снижения себестоимости продукции составляла 600–635 млн. р. Достаточно большое число молочных комплексов, действовавших в тот период, могли служить образцом эффективной технологии на промышленной основе. Так, на 40 молочных комплексах, освоивших проектные показатели, средний надой на корову в 1979 г. составлял около 4 тыс. л, в то время как по стране он был равен 2440 кг.

мостоятельной отрасли специализированного мясного скотоводства, развитие свиноводства как одной из наиболее продуктивных отраслей. К этому времени действовали сотни свинооткормочных комплексов. К 1990 г. мероприятия по обеспечению производства мяса птицы в стране были ориентированы на объемы до 3,6 млн т. В Иркутской области до 95 % продукции птицеводства производилось на птицефабриках, 98 % шерсти и баранины давали овцеводческие хозяйства Усть-Ордынского округа и Ольхонского района. Почти 60 % свинины производилось в совхозах треста «Свинопром». Осваивались проектные мощности Усольского свинокомплекса, намечалось строительство Зиминского и Братского предприятий такой же мощности.

Обобщая вышеизложенное, следует не упустить тот исторический факт, что бизнес в АПК сопряжен как с возможностью успешно работать и увеличивать богатство, так и с опасностью лишиться не только средств, вложенных в дело, но и репутации. Важную роль здесь играет системная работа государства, региональной власти. Если в 1970–1980-е гг. подобная работа велась, то в 1990-е гг. взгляды на ситуацию изменились, и стал преобладать, в силу ряда как экономических, так и политических обстоятельств не системный метод работы и иные подходы. Смена в 1990-е гг. ориентиров на пути реформирования сельскохозяйственного производства, создали новые проблемы.

Примером может служить процесс образования фермерских хозяйств в 1992–1993 гг. Большинство из них в силу тех или иных причин к началу 1998 г. либо прекратили свое существование, либо занялись другой деятельностью [1, с. 3]. Но проблемы надо было решать. Один из примеров реализации подобной ситуации представлен в авторской работе того периода времени [см.: 2]. Показано, что сосредоточение высокопроизводительной техники позволяло фирме, организованной по прототипу машинно-тракторных станций, оптимально вести сельскохозяйственные работы, с минимальными затратами обслуживать технику и окупать инвестиции в пределах срока жизни проекта. В целом же в АПК региона этого не происходило.

Системная реализация подобного подхода в настоящих условиях (но это уже другой этап функционирования АПК, в других условиях и состоянии российской экономики и ее сельского хозяйства в новом веке), эти требования становятся еще более актуальными.

Регион Прибайкалья — это промышленная территория, где сельскохозяйственное производство занимает небольшой удельный вес в структуре товарной продукции. В России, Восточно-Сибирском регионе, в частности, в Иркутской области в 1990-е гг., продолжалось сокращение производства сельскохозяйственной продукции, особенно в общественном секторе (табл. 2) [5, с. 7–10].

Таблица 2

Выход валовой продукции в натуральном выражении

Продукция	Территория	1981–1985	1986–1990	1991	1995	В среднем 1991–1995	1996	1996 в % к 1995	1991–1995 1986–1990
Зерно, тыс. т	Российская Федерация	91 361	104 261	89 094	63 406	87 950	69 310	109	84
	Восточно-Сибирский район	5 432	5 766	5 502	4 018	4 585	3 182	79	80
	Иркутская область	1 176	1 207	1 037	874	986	706	81	82
Картофель, тыс. т	Российская Федерация	38 426	35 881	34 330	39 909	36 809	38 529	97	102
	Восточно-Сибирский район	2 139	1 995	2 383	2 618	2 731	2 471	94	137
	Иркутская область	652	579	799	1 004	1 061	924	92	183
Молоко, тыс. т	Российская Федерация	48 731	54 218	51 886	39 291	45 413	35 713	91	84
	Восточно-Сибирский район	2 408	2 840	2 862	2 196	2 530	2 110	96	80
	Иркутская область	606	714	686	513	607	510	99	85
Мясо скота и птицы, тыс. т	Российская Федерация	12 240	14 840	14 512	9 341	11 885	8 571	92	80
	Восточно-Сибирский район	736	863	863	620	744	567	91	86
	Иркутская область	148	179	185	127	154	123	97	86
Яйца, млн шт.	Российская Федерация	43 054	47 856	47 132	33 830	40 276	31 458	93	84
	Восточно-Сибирский район	2 229	2 650	2 632	1 611	2 116	1 469	91	80
	Иркутская область	697	850	864	548	712	502	92	84

Резко сократилось производство зерна, молока, мясной продукции, яиц. Несколько увеличились сборы картофеля, овощей. Последнее было связано с тем, что в этой подотрасли росла доля частного сектора, в то время как в общественном секторе наблюдалось постоянное сокращение поголовья скота, снижалась его продуктивность. Тенденция — постоянное падение производства по всем видам продукции. В результате, в Иркутской области резко сократились имевшиеся возможности по обеспечению себя основными продуктами питания (табл. 3). След-

ствием этого стало постоянное сокращение потребления населением качественных продуктов питания, в первую очередь питательной белковой продукции. Возросло потребление крахмалистой пищи — хлебобулочных изделий и картофеля.

Таблица 3

**Производство и потребление в Иркутской области
основных продуктов на душу населения**

Виды продукции	Производство					Потребление			
	1985	1990	1994	1995	1996	1985	1990	1994	1995
Зерно и хлеб, кг	435	292	382	312	313	110	106	132	130
Картофель, кг	207	202	464	359	331	110	114	201	205
Овощи, кг	36	36	56	52	51	72	67	54	57
Мясо, кг	35	45	31	29	28	60	68	48	48
Молоко, кг	224	259	200	183	185	321	354	228	200
Яйца шт.	281	301	229	196	173	289	292	222	187

В 1996 г. из 281 хозяйства области прибыльными были только 43; в 1997 г. — 30 [4, с. 1–7]. В эту категорию вошли в основном агропромышленные комплексы в птицеводстве, свиноводстве, овощеводстве и экономически крепкие хозяйства, созданные в 1980–е гг., которые к началу реформы смогли закупить необходимое оборудование для переработки сельскохозяйственной продукции. Основные доходы они получали от продажи продукции, имея при этом дотации от государства.

Наблюдаемая тенденция — сельскохозяйственные предприятия постоянно уменьшали производство продукции. Если в начале 1990-х гг. шло резкое сокращение производства в общественном секторе и наблюдался небольшой его рост в частном, то к концу 1990-х гг. сокращение производства было констатировано в общественном и частном секторах одновременно. Во многих населенных пунктах не стало общественного сектора, и одновременно сокращалось производство продукции в частном секторе. Фермерские хозяйства не получили должного развития. Большинство из них убыточны, не произошло «чуда» и в 2000-е гг.

Следует отметить, что по сравнению с другими отраслями, в сельскохозяйственном производстве в этот период имелись значительные льготы. Предприятия почти не платили налог с прибыли, налоги в дорожные фонды, налог с имущества, многие местные налоги. Тем не менее, на эти цели все же использовались значительные суммы. Так, в Тулунском совхозе-техникуме с 1992 по 1995 г. (табл. 4) сумма налогов совместно с платежами во внебюджетные фонды колебалась (без учета подоходного налога) с 31,9 % в 1995 г. до 48,8 % в 1994 г.

В большинстве хозяйств сумма задолженности во внебюджетные фонды превышала 50 %. В основном это было связано с высокой трудоемкостью сельскохозяйственного производства, что влекло за собой большой удельный вес заработной платы, а основные налоги в сель-

скохозйственном производстве составляют платежи во внебюджетные фонды.

Таблица 4

**Удельный вес платежей по стоимости к валовому доходу
в Тулунском совхозе-техникуме**

Показатели	1992		1993		1994		1995	
	Тыс. р.	Удельный вес, %	Тыс. р.	Удельный вес, %	Тыс. р.	Удельный вес, %	Тыс. р.	Удельный вес, %
Выручка от реализации (доход от реализации с НДС)	74 714	100	417 195	100	1 327 232	100	4 368 031	100
Всего уплачено налогов и взносов во внебюджетные фонды	27 371	36,6	134 002	32,1	648 608	48,8	1 393 044	31,9
В том числе								
НДС	11 878	15,9	39 120	9,4	148 657	11,2	300 523	6,9
Подоходный налог	3 465	4,6	18 187	4,4	124 606	9,4	237 144	5,4
Земельный налог	–	–	3 562	0,9	21 796	1,6	27 329	0,6
Транспортный налог	–	–	–	–	9 431	0,7	22 790	0,5
На содержание милиции	–	–	–	–	1 683	0,1	5 248	0,1
Специальный налог	–	–	–	–	34 996	2,6	57 045	1,3
Пенсионный фонд	8 307	11,1	48 231	11,6	203 702	15,3	492 271	11,2
Социальное страхование	2 218	3,0	12 397	2,9	50 926	3,8	123 068	2,8
Фонд занятости	336	0,5	4 466	1,1	18 861	1,5	45 581	1,2
Медицинское страхование	1 167	1,5	8 039	1,8	33 950	2,6	82 045	1,9

В 1995–1996 г. выделялись льготные товарные кредиты на покупку горюче-смазочных материалов, удобрений, медикаментов, семян, но, как правило, на платной основе, чтобы хозяйства в конце г. их погасили. Большинство из них оказались не в состоянии расплатиться по обязательствам. Наибольшая задолженность в конце 1997 г. была по внебюджетным фондам и оплате труда своим работникам. С 1997 г. стала применяться дотация в виде льготных кредитов на покупку товароматериальных ценностей.

В начале реформ одной из причин низкой эффективности сельскохозяйственного производства считали недостаточную активность самого исполнителя. В 1990-е гг. эта самая сложная задача оказалась не решенной. Под сельскохозяйственной политикой в широком смысле понимают

правительственные программы, которые прямо воздействуют на цены и доходы сельскохозяйственных производителей. Чем шире географическое разделение труда, тем больше возможностей для взаимовыгодной торговли, которые возникают в силу различий природных условий, плотности населения, состояния экономики. На международном уровне разделение труда подвержено целому ряду ограничений. Границы между государствами затрудняют перемещение рабочей силы и свободное движение капиталов. Земля — важнейший фактор производства, — ограничена по площади и неподвижна по своей природе.

Таблица 5

**Структура налогов к выручке
и к общей сумме изъятия средств за 1995 г.**

Наименование хозяйств	Структура дотаций и налогов к выручке		Структура налогов к общей сумме изъятий					
	Дотации	Налоги	На прибыль	На землю	НДС и СН	Внебюджетные	Подходный	Прочие
Новогромовский	15,0	15,9	—	1,1	19,1	53,2	14,0	12,6
Петровский	12,6	22,5	0,5	2,4	39,4	42,6	12,2	2,9
Комсомольский	23,8	42,2	0,1	0,1	—	77,5	17,8	4,5
Гороховский	12,5	21,3	3,8	4,5	14,1	56,8	18,7	4,5
Голуметский	17,6	39,0	2,8	2,4	35,7	45,8	12,4	0,9
Бельское	24,8	68,8	1,5	1,7	29,4	50,9	15,0	1,5
Байкал	23,9	26,3	0,3	2,9	17,8	58,1	16,9	4,0
Саянский	5,0	33,5	—	20,3	4,5	56	8,8	10,4
Иркутская область	17,3	20,7	1,3	5,3	21,4	51,0	15,1	5,9
Усть-Ордынский округ	14,5	21,8	0,1	8,1	17,3	49,7	15,2	9,6

Территория Иркутской области составляет 77,5 млн га, из них 2,65 млн га — сельскохозяйственные угодья, в том числе 1,79 млн га пашни. Пахотные угодья в основном относятся к грациям со средним и низким содержанием гумуса. Средневзвешенная величина гумуса составляет 4,7 %. Площади с низким содержанием занимают 740 тыс. га со средним содержанием гумуса — 617,5 тыс. га (36,2 %). Более 60 % площадей с низким содержанием органики имеют пахотные угодья Зиминского, Иркутского, Киренского, Нижнеудинского, Усть-Илимского районов.

В связи с отсутствием в 1990-е гг. достаточных средств на поддержание плодородия почвы сократилось использование минеральных удобрений. Например, из-за отсутствия средств на 1998 г. вообще не планировались мероприятия по интенсивному ведению земледелия. В целом же интенсивными технологиями в земледелии занимались на ограниченных площадях лишь 12–15 % хозяйств. Это площади посева зерновых 90–100 тыс. га, обеспечивая валовой сбор зерна 235–240 тыс. т [3, с. 5–18].

Реформа сельскохозяйственного производства 1990-х гг. предусматривала, что свободное обращение ресурсного потенциала, изменение формы собственности обусловят улучшение хозяйственной деятельности. Но этого не произошло. Напротив, доходы упали, жизнь стала дороже, поддержка со стороны государства через общественные фонды резко сократилась. Многие проблемы на селе обострились вследствие монополизма в переработке сельскохозяйственной продукции. Усилился диспаритет цен, что привело к разрушению хозяйственных и производственных связей. В конечном итоге все это обусловило рост издержек производства и изъятие доходов сельскохозяйственных предприятий. В результате сложилась крайне противоречивая ситуация, когда основные партнеры — сельскохозяйственные предприятия — не имели достаточных средств для ведения производства, а предприятия по переработке продукции и банки, получали и продолжают получать высокие доходы, прибыль. Приватизация предприятий, перерабатывающей промышленности и аграрного сервиса не решила ни одной из задач по установлению равноправных отношений между ними. При локальной монополии заготовительно-перерабатывающих и обслуживающих субъектов рынка сельхозпродукции в условиях свободных рыночных цен интересы сельскохозяйственных производителей оказались еще более незащищенными.

Зависимое и подчиненное положение производителей сырья усугублялось их разобщенностью. Экономическое регулирование аграрного рынка основывается на государственном протекционизме, предусматривающем субсидирование расширенного воспроизводства, налоговое и кредитное стимулирование. Решение задач экономического стимулирования рынка должно осуществляться по следующим направлениям: стимулирование продовольственной безопасности государства; установление эквивалентных отношений между сельским хозяйством и промышленностью; поддержание доходов сельских товаропроизводителей на уровне, обеспечивающем расширенное воспроизводство; создание условий для широкого внедрения достижений научно-технического прогресса и роста эффективности производства.

Методы экономического стимулирования товаропроизводителей могут быть весьма разнообразными. Преобладает мнение, что основными направлениями регулирования рыночных отношений в агропромышленном комплексе Российской Федерации в современных условиях должны быть: выделение льготных и стабильных кредитов для сельских товаропроизводителей и определение реальных сроков их погашения; установление дотаций и компенсаций на сырье, материально-технические ресурсы и услуги, оказываемые сельскому хозяйству другими отраслями агропромышленного комплекса; создание фондов для поддержки развития науки и внедрения достижений научно-технического прогресса

в отраслях агропромышленного комплекса; учреждение специального фонда финансовой поддержки сельского хозяйства¹. С этим сложно дискутировать не соглашаясь.

Дотации и компенсации на приобретение материальных ресурсов, выполнение работ и оказание услуг должны выплачиваться своевременно, в кратчайшие сроки после представления сельскохозяйственными товаропроизводителями необходимых документов. В противном случае их смысл теряется в связи с инфляцией. Для приобретения высокопроизводительных машин и оборудования, внедрения эффективных технологий, поддержки племенного дела в животноводстве и птицеводстве, ведения элитного семеноводства и развития сельскохозяйственной науки требуется выделение дополнительных ресурсов.

Реформирование должно идти на уровне организации производства не ниже бригады, отделения, а это предполагает значительное сокращение подсобных работников. Реорганизация сельскохозяйственных предприятий и создание машинно-технологических станций — процессы, как бы идущие навстречу друг другу. Для слабых хозяйств МТС будут способствовать нормальной их работе. МТС смогут взять на себя обязательства по выполнению полевых работ в счет доли будущего урожая. От обеих сторон будет требоваться обеспечение высокого агротехнического фона для получения высокого урожая. В противном случае стороны не смогут вести свое хозяйство рентабельно.

Таким образом, роль и функцию направляющей силы должна взять на себя новая «Продовольственная программа страны», подкрепленная ресурсами, уточненная теми приоритетами и вызовами, с которыми страна столкнулась в новом веке. При этом цель подобного проекта — безусловное обеспечение населения страны качественными продуктами питания в необходимом ассортименте, а не прибыль латифундиям любой ценой и за счет населения.

Список использованной литературы и источников

1. Винокуров Г. М. Бизнес-планирование в сельском хозяйстве / Г. М. Винокуров, Т. А. Глинская, А. Ф. Шуплецов. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1999. — 166 с.
2. Грядов С. И. Бизнес-план предпринимателя / С. И. Грядов, В. А. Удалов. — М. : Изд-во МСХА, 1997. — 123 с.
3. Основные направления развития агропромышленного комплекса, организация их исполнения в 1998 г. и последующие годы в Иркутской области. — Иркутск : ГУСХИО, 1997. — 329 с.

---

¹ Проценты по кредитам для сельского хозяйства должны быть едиными на календарный год, а сроки погашения кредитов следует устанавливать после реализации основных видов сельскохозяйственной продукции. Целесообразно рассрочить проценты по крупным размерам кредитной суммы на 5–6 лет. Это позволит хозяйствам укрепить экономику, стабилизировать производство и улучшить социально-экономическое положение товаропроизводителей сельскохозяйственной продукции.

4. Основные показатели АПК по итогам работы Иркутской области на 1 ноября 1997. — Иркутск : ГУСХ, 1997. — 219 с.

5. Производственно-экономические показатели развития агропромышленного комплекса России и регионов Сибири в 1996 г. — Иркутск : ГУСХИО, 1996. — 232 с.

Информация об авторе

Шуплецов Александр Федорович — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики предприятий и предпринимательской деятельности, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: ShupletsovAF@bgu.ru.

Author

Aleksandr F. Shupletsov — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Business and Economy of the Enterprise, Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: ShupletsovAF@bgu.ru.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ СИБИРИ

УДК 339.543(571.53x09)
ББК 67.401.143.1-7(253.5)г

Э.А. АЙВАЗЯН

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ИРКУТСКОЙ ТАМОЖНИ В 1990–2000-е ГОДЫ

Анализируется кадровая политика Иркутской таможни, выделяются основные направления ее работы. Рассматривается структура таможни, обеспечение кадрами, их общеобразовательный и профессиональный уровень.

Ключевые слова: таможня, Иркутская таможня, кадровая политика, должностные лица, государственные служащие.

E.A. AYVAZYAN

PERSONNEL POLICY OF THE IRKUTSK CUSTOMS THE 1990–2000s

Analyzed the personnel policy of the Irkutsk customs, outlines the main directions of this work. Analyze the structure of custom, ensure the employees, their educational and professional level.

Keywords: customs, customs Irkutsk, personnel policies, officials, public servants.

История Иркутской таможни ведет свое начало с момента основания Иркутского острога в 1661 г. «Официально таможня в Иркутске была открыта по Указу Царя и Великого Государя Федора Алексеевича от 15 апреля 1681 г. В конце XVII в. Иркутская таможня вошла в число важнейших сибирских таможен. Расцвет первой Иркутской таможни пришелся на конец XVII в. и первые десятилетия XVIII в., когда сложились условия для караванной торговли с Китаем. В 1792 г. Иркутская таможня была закрыта и ее деятельность прервалась почти на 70 лет» [1, с. 5]. Однако к 1800 г. в Иркутской губернии действовали Кяхтинская таможня и Цуруханская таможенная застава. После присоединения к России в 1858–1860 гг. Приамурья и Приморья требовалось поставить надежный заслон от контрабандного ввоза импортных товаров в Россию через Дальний Восток. «Иркутская таможня возобновила свою работу 1 октября 1861 г., после своего восстановления сразу же заняла одно из ведущих мест в России» [7]. Новая государственная власть, пришедшая к управлению страной в октябре 1917 г., отказалась от таможенной политики, проводимой в доок-

тябрьский период, и ликвидировала существовавшую в России систему таможенных органов. «В 1928 г. в связи с выносом таможенных операций на линию государственной границы, деятельность Иркутской таможни была признана нецелесообразной» [7]. Уже в начале лета 1928 г. началось постепенное свертывание работ и 1 января 1929 г. Иркутская таможня прекратила работу. 26 января 1950 г. в связи с ростом в Иркутске был открыт таможенный пост со штатной численностью 3 человека. К этому времени Иркутск становится крупным транспортным узлом, воздушными воротами в страны Восточной и Юго-Восточной Азии. С начала 1970-х гг. круг обязанностей таможенников расширяется: к оперативной работе в аэропорту, на почте, иностранных выставках добавилась работа по контракту с контейнерной площадкой на железной дороге. «На начало 1990 г. зона деятельности включала в себя Омскую, Томскую, Новосибирскую, Кемеровскую области, Красноярский и Алтайский края, Тувинскую АССР, где постепенно активизировалась внешнеэкономическая деятельность предприятий» [7]. К концу 1991 г. таможенные посты в данных городах обретают статус отдельных таможен. Весной 1995 г. в Иркутской таможне вновь происходит штатная реорганизация: Братский таможенный пост преобразован в Братскую таможню, к ней отходят Казачинско-Ленский, Усть-Илимский, Усть-Кутский, Железногорский таможенные посты. «После реорганизации Иркутской и Братской таможен со 2 февраля 2011 г. на территории Иркутской области таможенные операции осуществляет один таможенный орган — Иркутская таможня» [7]. В настоящее время в структуре таможни действуют 10 таможенных постов (в том числе Иркутский таможенный пост (Центр электронного декларирования), расположенные, практически во всех крупных городах области. Регион ответственности таможенных постов- Иркутская область, а у Центра электронного декларирования —Российская Федерация.

«По итогам работы за 2016 г. таможня по всем показателям работы заняла первое место (обогнав Алтайской и Омской таможен). По перечислению денежных средств в государственную казну таможня является безусловным лидером СТУ» [8].

В структуру Иркутской таможни входят:

1. Таможенный пост Аэропорт Иркутск.
2. Ангарский таможенный пост.
3. Братский таможенный пост.
4. Иркутский таможенный пост.
5. Иркутский таможенный пост.
6. Нижнеудинский таможенный пост.
7. Саянский таможенный пост.
8. Усольский таможенный пост.
9. Усть-Илимский таможенный пост.
10. Усть-Кутский таможенный пост.

В состав Иркутской таможни 38 структурных подразделений (отделов и отделений).

Успешная работа Иркутской таможни во многом зависит от кадровой политики. «В настоящее время штатная численность Иркутской таможни состоит из 555 должностных лиц» [6]. «В таможне с 2015 г. введена должность полиграфолога, который в настоящее время осуществляет обследование кандидатов при назначении на вакантные должности, а также должностных лиц таможни с использованием детектора лжи» [6]. Одной из наиболее важных направлений является профилактика коррупции среди личного состава. Мероприятия антикоррупционного характера проводятся на постоянной плановой основе, в том числе, с участием представителей прокуратуры и общественных организаций [15, с. 109]. Большое внимание в таможне уделяется профилактике правонарушений. В таможне работает отдел собственной безопасности. «Богатый опыт по борьбе с контрабандой в течение многих лет работы был накоплен сотрудниками Иркутской таможни (в настоящее время являющимися ветеранами таможенной службы Иркутской таможни) П.А. Матешик, Г.Н. Просовецкой, Г.Г. Жилиным, В.Г. Фалалеевым, И.С. Перельгиной, А.М. Кравченко др.» [7].

«Государственные служащие (инспекторы) осуществляют таможенный контроль и оформляют весь грузопоток. В штате таможни имеется и такая категория как сотрудники — 130 человек — это прежде всего руководители структурных подразделений и те, кто осуществляет правоохранительную функцию (дознание, расследование, ведет оперативно-розыскную работу и проч.)» [9]. Есть в таможне и такая категория, как вспомогательных служб — 60 человек, это водители служебного автотранспорта, делопроизводители, рабочие. Качественный состав должностных лиц Иркутской таможни в 2015 г. по сравнению с тем же периодом 2016 г. существенно не изменился. В своей основе это специалисты с большим опытом работы. На данный момент в Иркутской таможне работают сотрудники в основном с высшим образованием доля которых составляет 95 %, остальные со средним образованием, либо со средним профессиональным образованием [14, с. 65].

Работа в таможне во все времена считалась престижной. Одной из важнейших составляющих работы ведомства была определенная стабильность, соблюдение всех трудовых гарантий, предоставленных государством: своевременная выплата заработной платы, оплата и предоставление отпусков (по графику), оплата больничных листов и т.п. Поэтому таможня никогда не испытывала «кадрового голода». «В отделе кадров годами лежали заявления сотен желающих устроиться на работу, а вакансий, как правило, не было. Сейчас желающих не меньше, но заявления не залеживаются» [2, с. 45–47]. Правда, отбор кандидатур на местном уровне очень скрупулезный, а требования, предъявляемые к кандидатам тамо-

женными органами, очень жесткие. Начиная с сентября 2006 г. отбор кандидатов на должности государственных таможенных инспекторов проводится только на конкурсной основе. Впервые за все время существования таможня стала объявлять о приеме на вакантные должности через региональные средства массовой информации. «Так, за 2007 г. было объявлено 12 конкурсов по 38 должностям государственных служащих. В итоге было завершено 8 конкурсов по 29 должностям (т.е. трудоустроены), участие в которых приняли 95 человек» [9]. На данный момент имеются вакансии по различным инспекторским должностям на Ангарском, Усольском, Иркутском таможенных постах, в структурных отделах и отделениях таможни. «Это специалисты по досмотру, информационно-технической службе, документационному обеспечению и т.д. Так, к примеру, в связи с выделением дополнительных ставок таможне требуются сразу 7 кинологов. Нуждается таможня и в водительском составе» [12, с. 5–6].

К претендентам на замещения вакантных должностей предъявляются высокие требования. Они выглядят следующим образом, «к примеру для начальника отделения и главного государственного таможенного инспектора: высшее профессиональное образование, не менее двух лет стажа государственной гражданской службы (государственной службы иных видов) или не менее четырех лет стажа работы по специальности, соответствие требованиям к профессиональным знаниям и навыкам, определенным должностным регламентом» [11, с. 180–182]. Для государственного таможенного инспектора и старшего государственного таможенного инспектора: высшее профессиональное образование, не менее трех лет стажа работы по специальности, соответствие требованиям к профессиональным знаниям и навыкам, определенным должностным регламентом [3, с. 114–115].

«Для таможенной системы, как и для других сфер деятельности, важно сбалансировать рабочие места с имеющимися трудовыми ресурсами, как по количеству, так и по профессиональному составу» [5, с. 55–57]. Источниками пополнения кадров для таможенной службы являются Российская таможенная академия и ее филиалы, другие высшие учебные заведения страны, правоохранительные органы, вооруженные силы. Совершенствование качественного состава кадров в таможенном деле проявляется в повышении доли специалистов, имеющих высшее образование и получивших подготовку в специальных высших учебных заведениях системы Федеральной таможенной службы (далее — ФТС) России. «Одновременно снижается доля лиц со средним профессиональным и общим средним образованием. Проявляется тенденция увеличения доли должностных лиц, имеющих профильное для деятельности таможенных органов образование» [4, с. 200–201].

Стремление рационализировать структуру расходов федерального бюджета повышает значимость эффективного использования трудовых

ресурсов в таможенном деле, как и во всей сфере государственной исполнительной власти. Главная составляющая экономической эффективности затрат живого труда — его производительность. «Под производительностью труда в деятельности таможни понимают количество оказанных услуг или выполненных работ одним среднесписочным штатным должностным лицом в единицу времени (смену, месяц, год)» [18, с. 15–17].

Большое внимание в таможне нацелено на работе с персоналом, так как именно в этом заложены большие потенциальные возможности повышения эффективности работы служащего таможни, а значит достижениями высокого профессионального мастерства и, как следствие, более высокого уровня на служебной лестнице. Но директивы по всем направлениям деятельности таможни поступают из ФТС России, трудно говорить о совершенствовании работы с персоналом в отдельно взятой таможне. Этот процесс находится в прямой зависимости от совершенствования кадровой политики в таможенной системе в целом.

Самой важной задачей таможенных служб, требующей скорейшего решения, особенно в условиях постоянного дефицита государственного бюджета, является коренная реструктуризация таможенных органов и, соответственно, изменение организационно-штатной политики. Метод формирования организационно-штатной структуры таможенных органов по принципу «новое направление — новое управление» для управленческого звена и «новое направление — новый отдел» для таможен себя исчерпал. Хотя надо отметить, что на этапе становления этот путь реструктуризации таможенной системы позволил добиться главного — в кратчайшие сроки организовать таможенный контроль по всем видам таможенных режимов. Однако в нынешних условиях такой подход играет уже тормозящую роль. «Последующее развитие таможенного дела реально может происходить только за счет внедрения научных форм организации труда и совершенствования таможенных технологий» [13, с. 300].

Структура таможенной системы, в том числе и таможни, чрезвычайно разветвлена. При наличии в таможне 30–40 подразделений (отделов, групп и служб) система становится трудноуправляемой, разобщенной, она подвержена параллелизму и взаимодублированию. В этих условиях начальнику таможни довольно сложно обеспечить реализацию принципа единоначалия в управлении и реализации единой таможенной политики сверху донизу. Следствием этого является нерациональная расстановка кадров. Так как таможенная система — это «система многоуровневая, значит в ней множество начальников и их заместителей, кроме них есть еще руководители групп и главные инспекторы, которые зачастую исполняют роль заместителей начальников отделов» [10, с. 183]. Как показывает практика штатной численности таможни, должна соответствовать нагрузке персонала с учетом зоны обслуживания, объема оформляемых грузовых таможенных деклараций и начисляемых таможенных платежей

на одного работника. «Но изучение нагрузки конкретного служащего затруднено ввиду отсутствия методических разработок и четких критериев по данному вопросу» [15, с. 87–88]. Поэтому объективное обоснование штатной численности таможен или ее подразделений пока невозможно.

Другое направление реструктуризации — это введение в таможенные органы с установлением соответствующего уровня нормативов штатного подразделения, материального, финансового обеспечения, в том числе и планки специальных званий. «Необходимо выработать такой норматив, который точно отражал бы ранжирование таможенных органов в зависимости от их практических задач, зоны обслуживания, сложности осуществления таможенного контроля и так далее» [18, с. 25]. На этой основе следует определить типовую структуру и типовое штатное расписание таможен и таможенных постов.

Таким образом, кадровая политика Иркутской таможни имеет как положительные, так и отрицательные, моменты, которые присущи всем таможенным органам России. Служащих с большим практическим опытом работы не устраивают условия приема на службу и самой службы в таможне, как и сам карьерный рост от момента вступления на должность и возможности претендовать на руководящие должности. Следует отметить, что новые служащие, как правило, минимум полгода занимают низшую должность, а заработная плата очень низкая для объема работ, который предстоит выполнить инспектору.

Многие оставляющие службу в таможне не выдерживают жесткости системы со всеми ее служебными предписаниями, ограничениями и регламентацией всех сфер профессиональной деятельности. Сюда относятся множество факторов, из них можно выделить: обязательное ношение форменной одежды, занятия физической подготовкой, мероприятия по недопущению профессионального и интеллектуального застоя (обучение, аттестация, квалификационные экзамены, тестирование). Но не смотря на все проблемы и явные минусы в системе, коллектив таможни настроен работать на основе высокой ответственности за порученное дело, с честью выполнять задачи, поставленные перед таможней ФТС России.

Список использованной литературы и источников

1. Андрейчук Е. Л. Экономика таможенного дела / Е. Л. Андрейчук. — М. : ВФ РТА, 2006. — 170 с.
2. Богданова Е. Л. Мониторинг кадрового потенциала таможенной службы Российской Федерации / Е. Л. Богданова. — М. : РИО РТА, 2007. — 70 с.
3. Вобликов А. Б. Таможенное право / А.Б. Вобликов, — Тверь. : Твер. гос. ун-т, 2011. — 180 с.
4. Габричидзе Б. Н. Таможенное право / Б. Н. Габричидзе. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Данилов и К, 2009. — 250 с.
5. Игнатюк А. З. Таможенное право Таможенного союза / А. З. Игнатюк. — Минск : Амалфея, 2010. — 250 с.

6. Итоги работы с кадрами в Иркутской таможне [Электронный ресурс]. — Сибирское таможенное управление. — Режим доступа : <http://stu.customs.ru>.
7. История создания и развития Иркутской таможни [Электронный ресурс]. — Сибирское таможенное управление. — Режим доступа : <http://stu.customs.ru>.
8. Иркутская таможня подвела итоги работы за первое полугодие 2016 года [Электронный ресурс]. — Сибирское таможенное управление. — Режим доступа : <http://stu.customs.ru>.
9. Кадровая политика Иркутской таможни [Электронный ресурс]. — Сибирское таможенное управление. — Режим доступа : <http://stu.customs.ru>.
10. Кузнецов С. И. Из истории Иркутской таможни / С. И. Кузнецов, И. В. Наумов // Иркутская таможня. — Иркутск : Издание ОАО «Иркутская областная типография № 1», 2002. — 220 с.
11. Карамзин С. В. Управление качеством таможенной деятельности / С. В. Карамзин. — М. : Книга и бизнес, 2001. — 304 с.
12. Князев С. Н. Системная актуализация вопросов государственной кадровой политики / С. Н. Князев, М. В. Ильин, А. М. Разумовский // Проблемы управления. — 2004. — № 3. — С. 3–8.
13. Макрусев В. В. Основы системного анализа и управления в таможенном деле / В. В. Макрусев. — М. : РИО РТА, 2009. — 332 с.
14. Погодина Г. В. Двойной эффект: управление персоналом в социальном и экономическом аспектах / Г. В. Погодина. — М. : РИО РТА, 2006. — 103 с.
15. Лойта Х. Х. Правовые основы государственной службы Российской Федерации / под ред. Х. Х. Лойта. — СПб. : ВФ РТА, 2007. — 110 с.
16. Погодина Г. В. Управление персоналом в таможенных органах региона / Г. В. Погодина. — Новосибирск : Состояние и пути повышения эффективности таможенной службы, 2006. — 244 с.
17. Халипов С. В. Таможенное право (Таможенное регулирование внешнеэкономической деятельности) / С. В. Халипов. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : ИКД Зерцало, 2008. — 75 с.

Информация об авторе

Айвазян Эрнест Айвазович — аспирант, кафедра истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: erik93-93@mail.ru.

Author

Ernest I. Ayvazyan — PhD Student, Department of History and International Relations, Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: erik93-93@mail.ru.

УДК 94 (470); 656.71
ББК 63.3(2)6-2; 65.04

Е.Н. ВОЛОСОВ

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ИРКУТСКОГО АЭРОПОРТА: ПЛАНЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Анализируется экономическая и политическая ситуация, сложившаяся вокруг АО «Международный аэропорт Иркутск», рассматриваются благоприятные и негативные факторы, влияющие на выработку и реализацию стратегии развития авиационного предприятия.

Ключевые слова: международный аэропорт, факторы, стратегия, развитие.

E.N. VOLOSOV

DEVELOPMENT STRATEGY IRKUTSK AIRPORT: EXPECTATIONS AND REALITY

Analyzes the economic and political situation around the «International Airport Irkutsk», considered favorable and negative factors that influence the development and implementation of the development strategy of the aviation business.

Keywords: international airport, factors, strategy, development.

Несмотря на значительное снижение пассажиро- и грузопотока на внутренних авиалиниях в 2015 и 2016 г. экономическая привлекательность региональных аэропортов остается достаточно высокой. За некоторые из них разворачивается самая настоящая борьба с использованием административного ресурса, серых и черных пиар-технологий, недобросовестной конкуренции.

Одними из главных игроков на рынке авиационных транспортных комплексов являются ООО «Новаяпорт» и ООО «Базэл аэро». Первую контролирует российский предприниматель Р. Троценко, вторую — О. Дерипаска. У обеих компаний есть весьма лакомые объекты. Например, 100 % акций аэропорта г. Сочи (Адлер) принадлежат ООО «Транспорт АМД», подконтрольное О. Дерипаске. В свою очередь, крупнейший за Уралом аэропорт «Толмачево» на 100 % принадлежит компании «Новаяпорт» Р. Троценко.

И если для О. Дерипаски авиационный дивизион рассматривается как элемент диверсификации активов, стремление занять благоприятное политико-экономическое положение на территориях, где располагается профильный бизнес, то для Р. Троценко создание и эксплуатация аэропортовых хозяйств является основным бизнесом.

Крупнейшие аэропорты Западной Сибири (Новосибирск, Барнаул, Кемерово, Тюмень, Томск) целенаправленно становились собственностью «Новаяпорта». Однако в острой конкурентной борьбе Р. Троценко не удалось выкупить контрольный пакет акций аэропорта «Емельяново». Летом 2015 г. победителем конкурса на приобретение 51 % акций управляющей компании «Эра Групп», которой принадлежит красноярский аэропорт Емельяново, стала Красноярская ГЭС, входящая в «ЕвроСибЭнерго» (подконтрольная холдингу «Базовый элемент» Олега Дерипаски) [7].

В борьбе за контроль над наиболее крупными региональными аэропортами России стал известен еще один игрок — «Аэропорты регионов» — структура, созданная компанией «Ренова» Виктора Вексель-

берга. Ей принадлежат одни из крупнейших региональных аэропортов России — «Кольцово» (Екатеринбург) и «Курумоч» (Самара). «Аэропорты регионов» также участвовали в конкурсе на право покупки контрольного пакета акций красноярского аэропорта, но неудачно.

Закономерно, что аэропорт г. Иркутска не мог не войти в зону интересов крупнейших игроков авиационного бизнеса. Современная история иркутского аэропорта неоднозначна, очень трагична с позиций авиакатастроф. Но, географическое положение города, отсутствие прямых конкурентов, технические характеристики взлетно-посадочной полосы не могут не привлекать внимание потенциальных инвесторов и эксплуатантов.

Немаловажным привлекательным фактором является наличие в аэропорту двух базовых региональных авиакомпаний: «Ангары» и «ИрАэро», что предполагает работу собственной ремонтно-технической базы.

Успешность развития иркутского аэропорта, его коммерческая привлекательность напрямую связаны с неопределенностью перспектив его окончательного размещения.

В настоящее время в разработке правительства области два взаимоисключающих тренда:

План строительства абсолютно нового аэропорта на специально выделенной площадке в Иркутском районе у села Поздняково. Немаловажно, что площадка согласована с Министерством обороны РФ. Ландшафтные и метеорологические условия данной территории, удобный трафик до Иркутска, в случае реализации плана, сделают новый аэропорт по-настоящему региональным хабом, что весьма привлекательно для потенциальных инвесторов.

План разворота взлетно-посадочной полосы на 33 градуса относительно к действующей, для того, чтобы увести взлет-посадку воздушных судов от центральной части Иркутска. Строительство дополнительных площадей для улучшения качества сервиса.

Соответственно, если в ближайшие годы все-таки начнется строительство нового аэропорта, то это делает лишними многомиллиардные инвестиции в старый аэропорт. Реконструкция же существующего аэропорта закономерно вызовет у государства, как главного инвестора нового аэропорта (ВПП и аэронавигационное оборудование), сомнения в необходимости затрат, ориентировочной стоимостью в 16 млрд р. только за аэродромный комплекс [10].

Недостаток средств в федеральном бюджете, нежелание центра после целой серии громких коррупционных при реализации крупных ФЦП (космодром «Восточный») идти на затратные региональные проекты без уверенности в финансовой чистоте исполнителей, с вероятностью до 90 % похоронят идею строительства нового аэропорта. Дополнительным аргументом в пользу этой точки зрения является и наличие другого

аэропорта для реализации кросс-полярных полетов на территории Восточной Сибири — аэропорта «Емельяново» (г. Красноярск).

В настоящее время значительно более актуальным представляется вопрос о развитии действующего аэропорта, изменении его юридического статуса.

История вопроса о приватизации аэропорта достаточно современна и ведет свое начало со времен губернаторства С.В. Ероценко. В холдинг «Истлэнд», контролируемый бывшим губернатором, входит авиационная компания «Ангара». Став руководителем области, С.В. Ероценко сразу попытался придать ускорение авиационному сегменту своего бизнеса. Под гарантии областного бюджета авиационная компания «Ангара» взяла в лизинг пять новых региональных самолетов АН-148. Были получены дотации из средств федерального и областного бюджета для местных и региональных перевозок.

Третьим элементом в стратегии губернатора должна была стать передача иркутского аэропорта из федеральной в областную собственность. За этим могла последовать логичная попытка приватизации предприятия или, в крайнем случае, взятие под свой контроль производственно-хозяйственной деятельности предприятия и соответствующих финансовых потоков.

«На кону» стояли немалые средства. Только из федерального бюджета в 2010–2015 г. на реконструкцию за счет средств федерального бюджета (реконструкция взлетно-посадочных полос, рулежных дорожек, мест стоянок, замена светосигнального оборудования, строительство периметрового ограждения) должно было быть потрачено 670 млн р.

Совершенно фантастическими представлялись цифры, запланированные на строительство нового аэропорта в 2016–2020 г. — 22 307 млн р. [9]. Можно представить, что в случае успеха задуманного, какие денежные потоки свалились бы, как манна небесная, в закрома определенной части иркутской административной элиты.

Часть пути к намеченной цели С.В. Ероценко успел пройти. При поддержке корпорации «Ростехнологии» (С. Чemezov) указом Президента РФ иркутский аэропорт 31 декабря 2014 г. передан в областную собственность. Передаче подлежали имущественный комплекс иркутского аэродрома и, после реконструкции, периметровое ограждение авиапредприятия.

Как пояснил губернатор, это решение было продиктовано стремлением правительства Иркутской области в рамках частно-государственного партнерства привлечь инвестиции в развитие авиационного узла областного центра. Планировалось к 2020 г. довести пассажиропоток до 3 млн человек в год [12].

Для закрепления успеха губернатор сменил генерального директора, назначив В.В. Никифорова, работавшего до этого первым заместителем генерального директора авиакомпании «Ангара».

Формальных оснований освободить предыдущего руководителя — К.Е. Былинина, не было. Производственные и финансовые показатели выглядели весьма успешно. За время его управления аэропортом с 2007 г. был реализован ряд крупных проектов: проведена реконструкция терминала внутренних линий, увеличена длина взлетно-посадочной полосы до 3564 м, закуплено более 200 единиц техники, получено разрешение на прием и обслуживание таких крупных воздушных судов, как Боинг 747 и 777, Аэробус А330, открыты десятки новых рейсов. В 2014 г. пассажиропоток достиг рекордного уровня — 1 720 000 человек.

Аэропорт Иркутска по итогам работы в 2014 г. стал обладателем Первой национальной премии «Воздушные ворота России», получил награду «Лучший коммерческий аэропорт России», вошел в Национальный реестр «Ведущие организации транспорта России».

Но смена собственника, как это бывает в реальной практике, преопределила смену руководства. Однако К.Е. Былинин не особенно пострадал. Топ-менеджмент ОАО «Аэропорты регионов» пригласил его на должность исполнительного директора аэропорта «Курумоч» (г. Самара). Иркутск в рейтинге крупнейших аэропортов России в 2015 г. — восемнадцатый, тогда как — «Курумоч» — одиннадцатый [8].

Но планы С.В. Ерощенко в отношении иркутского аэропорта рухнули после его неожиданного поражения в ходе губернаторских выборов в сентябре 2015 г. Судя по дальнейшим событиям, у нового губернатора — С.Г. Левченко, оказались иные намерения. Сразу после избрания губернатор меняет руководство аэропорта, назначая исполняющим обязанности генерального директора предприятия А. Рендоревского, а председателем совета директоров — бывшего депутата Законодательного собрания Иркутской области Ю. Фалейчика.

На первой большой встрече с журналистами в октябре 2015 г. С.В. Левченко заявил о намерении обсудить вопрос развития аэропорта с руководством ОАО «Ростехнологии» (С. Чемезов). Однако, «Ростех», делавший ставку на победу С.В. Ерощенко, перестал участвовать в переговорах с новым губернатором.

В течение мая — июня 2016 г. на собственные средства аэропорта общей суммой в 390 млн р. были проведены работы по реконструкции центральной части взлетно-посадочной полосы длиной около 900 м [2].

Губернатор, не скрывая удовлетворения достигнутым результатом, объявил о договоренности с компанией «Новаяпорт», специализирующейся на развитии региональных аэропортов России. Предполагалось, что эта компания без конкурса получит контрольный пакет (50 % плюс одну акцию) авиапредприятия. Полная стоимость пакета должна была составить 1,5 млрд р. По мнению специалистов, эта сумма не выдерживала никакой критики. При общей ежегодной выручке более 2 млрд р. и прибыли от 400 до 500 млн р., цифра, на первый взгляд, выглядела несерьезной [11].

На губернатора и правительство обрушился вал критики из СМИ, подконтрольных оппонентам исполнительной власти. Не учитывалось, что помимо иркутского аэропорта в общий пакет инвестиционных обязательств, вошло «обременение» в виде одиннадцати местных аэропортов области: Бодайбо, Братска, Ербогачена, Железногорска-Илимского, Жигалово, Казачинского, Качуга, Киренска, Мамы, Усть-Илимска и Усть-Кута.

Вероятно, при определении столь скромной стоимости пакета акций власть учитывала и невысокую привлекательность действующего авиапредприятия из-за неопределенности долгосрочных перспектив.

Но и «Базовый элемент» отреагировал на заявление губернатора, пояснив, что холдинг подтверждает свой интерес иркутскому аэропорту и выражает озабоченность появившейся информацией о достижении договоренностей по развитию авиаузла между правительством Иркутской области и компанией «Новаяпорт» без проведения конкурса.

Чтобы отбить возможные обвинения в рейдерстве и недобросовестном партнерстве «Базовый элемент» заявил о готовности развивать иркутский аэропорт, а также малые региональные аэропорты и посадочные площадки в небольших населенных пунктах Иркутской области на условиях государственно-частного партнерства.

Шум, поднятый в печатных и электронных СМИ, заявления такого крупного игрока на рынке воздушного транспорта, как «БазЭл», обратили внимание на проблему со стороны Федеральной антимонопольной службы. Начальник управления по борьбе с картелями ФАС Андрей Тенишев сообщил, что если власти Иркутской области не выполнят предостережение Федеральной антимонопольной службы о недопустимости совершения сделки без конкурса, то может быть возбуждено дело о нарушении антимонопольного законодательства [6].

В ответ на критику С.Г. Левченко неоднократно публично заявлял, что аэропорт при любых условиях останется в собственности Иркутской области. По его словам аэропорт не для того был передан в собственность субъекта федерации, чтобы затем отдать его в частные руки. «Это — стратегический объект. Тем, кто им интересуется, важна дальнейшая его продажа. Но тогда не будет гарантии развития актива, которое нужно нам. Область должна влиять на весь процесс модернизации аэропорта и строительства нового», — заявил Сергей Левченко на пресс-конференции, состоявшейся в Иркутске в начале августа.

Однако, в конце июля 2016 г. в Иркутске было зарегистрировано акционерное общество «Новаяпорт-Иркутск». Владелец — ООО «ИК АЕОН», хозяином которой являлся упоминавшийся ранее Роман Троценко.

В декабре 2016 г. стало известно, что в Иркутске создана управляющая компания (рабочее название — «ИркутскАэроИнвест»), в которую в равных долях вошли «Новаяпорт-Иркутск» и Корпорация развития Иркут-

ской области. Предполагалось, что ей будет передано все управление имуществом аэропорта.

По мнению экспертов, лоббирующих интересы оппонентов губернаторской команды, опасность этого шага заключается в том, что при совершении определенных, законных операций управляющая компания может заложить все имущество аэропорта или взять под него кредит, вследствие чего аэропорт перейдет в собственность компании «Новаяпорт», но уже бесплатно.

Возможно, в этом и заключался главный финансовый интерес компании «Новаяпорт». Исходя из методик предоставления банковских кредитов под залог, а также объемов прибыли, кредитная емкость иркутского аэропорта оценивается в 7 млрд. руб. Схема представляется простой и гениальной. Под залог государственного имущества у банка берется кредит, на него строится новый терминал аэропорта, который является уже частной собственностью [1].

Возникает вопрос о феномене Р. Троценко и причинах его деловой успешности.

В 2009–2012 гг. Р. Троценко возглавлял объединенную судостроительную корпорацию (ОСК). Затем становится советником президента компании «Роснефть» И. Сечина в качестве куратора шельфовых проектов. Уже тогда за ним тянулся след не очень чистых финансовых дел. Например, в 2014 г. новым руководством ОСК в прокуратуру были направлены материалы о нецелевом расходовании 14 млрд р., выделенных правительством для финансового оздоровления Амурского судостроительного завода.

В 2013 г. тандем Сечин — Троценко переиграли ослабленную судостроительную корпорацию в борьбе за проект по строительству верфи крупнотоннажных судов «Звезда» на Дальнем Востоке.

В 2014–2015 гг. экспансия и рейдерство у Р. Троценко были не так успешны. Не удалось выиграть конкурс за управление красноярским аэропортом «Емельяново». В борьбе за иркутский аэропорт «Новаяпорт» столкнулся с могущественным конкурентом — «Ростехнологии». Аналитики связывали эти относительные неудачи с якобы ослаблением политических позиций И. Сечина. Электронная общественно-политическая газета «The Moscow Post», специализирующаяся на разоблачительных материалах, в сентябре 2016 г. прогнозировала скорую отставку руководителя «Роснефти» и начало уголовного преследования обоих потенциальных фигурантов [3]. Правда, после ареста А. Улюкаева и суперсделки «Роснефти» с консорциумом Glencore и Qatar Investment Authority, такие прогнозы выглядят, конечно, нелепыми.

Не все в порядке и с крупнейшим активом в холдинге «Новаяпорт» — аэропортом «Толмачево», являющимся стопроцентной собственностью Р. Троценко. Выручка за 2015 г. составила более 5 млрд р. Пассажиро-

поток — около 4 млн. человек. Но в 2014 г. выручка составляла более 9 млрд р. Анализ отчетов о финансовой деятельности предприятия показывает резкое сокращение доходов от продажи товаров и сохранение объемов продаж услуг. Удивительно, но при почти двойном падении объемов выручки размеры чистой прибыли увеличились с 1 087 581 тыс. р. до 1 362 467 тыс. р. [4]. Уравнять доходы и расходы смогли только за счет значительного сокращения инвестиционной составляющей и экономики заработной платы.

Для сравнения АО «Международный аэропорт Иркутск» показал примерно одинаковые объемы выручки в 2014 и 2015 гг.: более 2 млрд р. при таких же стабильных размерах чистой прибыли: 357 и 369 млн р. соответственно [5].

Из-за сложного финансового положения федерального бюджета была отложена, ориентировочно на 2019 г., реконструкция аэродромного комплекса аэропорта «Толмачево». Федеральная составляющая здесь оценивалась в 8 млрд р. Можно представить глубокое разочарование олигарха невозможностью «распила» столь значительных средств.

Насколько экономически и административно самостоятелен Р. Троценко? Стоит ли за его спиной могущественный покровитель в лице руководителя крупнейшей нефтяной компании России? Во всяком случае, то упорство, с которым «Новаяпорт» прорывается на иркутскую площадку и явное желание областной администрации поддержать именно эту компанию, может свидетельствовать об определенной доле аффилированности упомянутых ранее лиц.

Однако и ставка на другого претендента — ГК «Базовый элемент», не выглядит идеальной. В области и так слишком «много» этого холдинга: три гидроэлектростанции, девять ТЭЦ, ОАО «Востсибуголь» с разрезами «Азейский», «Мугунский», «Черемховский» и «Жеронский», Братский и Иркутский алюминиевые заводы. Возможно, С. Левченко выступает в роли экономиста-прагматика, считающего, что «нельзя класть яйца в одну корзину»? Почему бы О. Дерипаске не начать доказывать приверженность интересам Иркутской области в части развития авиационной инфраструктуры с Братского аэропорта, влачащего совершенно жалкое существование? Или совместно группой «Илим» не начать восстановление Усть-Илимского аэропорта. И в том и в другом городе активы «Базэла» значительно серьезнее, чем в Иркутске.

В заключение отметим, что наиболее важный элемент воздушно-транспортной инфраструктуры Иркутской области и Восточной Сибири — Иркутский аэропорт, находится на очень важном, если не судьбоносном этапе своей истории. И от того, как областное правительство распорядится одним из последних привлекательных активов, зависит будущее предприятия, имидж и репутация исполнительной власти региона.

Список использованной литературы и источников

1. Батутене С. Левченко: не продам, но пользоваться разрешаю [Электронный ресурс] / С. Батутене // МК в Иркутске : сайт. — Режим доступа : <http://baikal.mk.ru>
2. В аэропорту Иркутска реконструировали взлетно-посадочную полосу [Электронный ресурс] // Деловой авиационный портал АТО.RU. — Режим доступа : <http://www.ato.ru/content>.
3. Волков С. «Запасные аэродромы» Романа Троценко? [Электронный ресурс] / С. Волков // The Moscow Post : сайт. — Режим доступа : <http://www.moscow-post.com>.
4. Годовая бухгалтерская отчетность АО «Аэропорт Толмачево», форма 2 по ОКУД [Электронный ресурс] // АО «Аэропорт Толмачево» : сайт. — Режим доступа : <http://www.e-disclosure.ru/portal>.
5. Годовая бухгалтерская отчетность АО «Международный аэропорт Иркутск», форма 2 по ОКУД [Электронный ресурс] // АО «Международный аэропорт Иркутск» : сайт. — Режим доступа : <http://www.e-disclosure.ru/portal/files>.
6. Иркутский аэропорт: глава ФАС дает настоятельные советы Сергею Левченко [Электронный ресурс] // ИА «БЕЗФОРМАТА.RU». — Режим доступа : <http://irkutsk.bezformata.ru>.
7. Кому принадлежат аэропорты России [Электронный ресурс] // Электронная газета «Век». — Режим доступа : <https://wek.ru/komu-prinadlezhat-aeroporty-rossi>.
8. Определены список 20 крупнейших аэропортов России [Электронный ресурс] // Деловой авиационный портал АТО.RU. — Режим доступа : <http://www.ato.ru/content>.
9. Подпрограмма «Гражданская авиация» Федеральной целевой программы «Развитие транспортной системы России (2010–2020 гг.)» [Электронный ресурс] // Федеральное агентство воздушного транспорта : сайт. — Режим доступа : <http://favt.ru/deyatelnost-fcp>.
10. Развитие аэропорта Иркутска и строительство нового авиаузла оценили в 20 млрд. рублей [Электронный ресурс] // ИА «Интерфакс». — Режим доступа : <http://realty.interfax.ru/ru/news>.
11. Раскрытие информации [Электронный ресурс] // АО «Международный аэропорт Иркутск». — Режим доступа : <http://iktport.ru/index.php>.
12. Указ Президента РФ о передаче Иркутского аэропорта в собственность области подписан и обнародован [Электронный ресурс] // ИА «Телеинформ». — Режим доступа : <http://baikal-info.ru>.

Информация об авторе

Волосов Евгений Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических дисциплин, Иркутский филиал Московского государственного технического университета гражданской авиации, 664047, Иркутск, ул. Коммунаров, 3, e-mail: volosov@rambler.ru.

Author

Evgeny N. Volosov — Doctor of History, Professor, Department of Humanitarian and Socio-Political Disciplines of the Irkutsk Branch of Moscow State Technical University of Civil Aviation, 3 Kommunarov St., Irkutsk, 664003, e-mail: volosov@rambler.ru.

УДК 33:93
ББК 65.02**Н.Н. ЕРЕМЕЕНКОВ**

ВЛИЯНИЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ ИРКУТСКА

В статье анализируются процессы появления и становления общественно-политических организаций в Иркутске на волне реализации реформ М.С. Горбачева. Приводятся особенности формирования подобных организаций в городе и упоминаются основные подобные организации.

Ключевые слова: демократический переход, политология, СССР, Иркутск.

N.N. YEREMEYENKOV

INFLUENCE OF DEMOCRATIC CHANGES ON SOCIAL AND POLITICAL LIFE OF IRKUTSK

The author analyzes the genesis of socio-political organizations in Irkutsk during the Perestroika reforms. The article studies peculiarities of the organizations development in the city and describes their typical representatives.

Keywords: democratic transition, political science, USSR, Irkutsk.

Ситуация в СССР второй половины 1980-х гг. характеризовалась снижением экономического роста, стагнацией показателей уровня жизни населения, снижением конкурентоспособности экономики. Экономическая ситуация осложнялась огромными тратами на поддержание обороноспособности страны, которые составляли до 18 % ВВП страны [5]. Установка на главенствующую роль коммунистической партии в политической жизни страны, основывающаяся на идее о единстве интересов общества и партийных структур, и не допускавшая политического плюрализма, вызывала все большее недовольство, особенно среды интеллектуальной элиты. К тому же, появились признаки того, что сама коммунистическая идея исчерпала себя — люди перестали верить в коммунистические идеалы. Для решения данных проблем пришедший к власти в марте 1985 г. М.С. Горбачев объявил о начале воплощения его программы реформ, которая впоследствии получила название Перестройки. Изначальная идея «реформированного коммунизма» постепенно перетекла в довольно противоречивую «реформу коммунизма». И если первоначальная идея состояла в обновлении системы и искоренении ее пережитков, замедлявших общественное развитие, последовавший проект представлял собой утопичную попытку сочетания коммунистических идей с идеями западной либеральной демократии и свободной рыночной экономики, который не смог воодушевить общественный массы, но зато оттолкнул сторонников коммунизма.

Тем не менее, данные реформы спровоцировали политизацию общественной жизни, что проявилось в бурном развитии разнообразных общественных движений в стране. Большинство подобных организаций зарождалось среди студенческой молодежи и интеллигентской среды. Таким образом, неудивительно, что в Иркутске, городе с населением более 600 тыс. человек, крупном промышленном и научном центре Сибири, бурно проявились подобные же процессы. Более того, Иркутск можно назвать одним из центров развития неформального движения в регионе. Это объясняется, во-первых, тем, что Иркутск являлся крупным городом с более чем полумиллионным населением. А во-вторых, Иркутск являлся научным и образовательным центром. Соответственно, для формирования неформальных организаций в городе имелась богатая среда — подобные общества сформировались в среде студентов Иркутского Государственного Университета, Политехнического института, сотрудников НИИ Химмаш, Института органической химии. Кроме того, наличие большого количества научных и образовательных учреждений обуславливало сравнительно простой доступ к копировальной технике. В результате этого неформальные организации города имели возможности выпускать печатные издания весьма высокого уровня.

Что же касается общественных объединений, то одним из самых заметных в области общественно-политическим объединением был «Социалистический клуб». Собрания данной организации проводились в корпусе матфака ИГУ. Следует отметить, что подобные объединения не были собственно политическими организациями со своей собственной программой, а представляли собой дискуссионные площадки, на которых собирались сторонники тех или иных течений [3]. Так, «Социалистический клуб» был площадкой иркутских анархистов, которых возглавлял И. Подшивалов, и других «левых». В целом, историю развития анархического движения в Иркутске 1980-х гг. необходимо начать с организации выпуска журнала «Архивариус» в 1980 г. студентом филологического факультета ИГУ им. А.А. Жданова Игорем Юрьевичем Подшиваловым, материалы которого готовились на основе книг издательства анархо-синдикалистов «Голос труда». В результате распространения материалов журнала в 1982 г. на филологическом факультете сформировался немногочисленный кружок единомышленников, назвавших себя Федерацией иркутских анархистов-коммунистов. Затем, в 1983 г. группа студентов ИГУ, именовавших себя «новыми коммунистами», в октябре 1983 г. начала выпуск альманаха «Свеча» [2]. В этом процессе активнейшее участие приняли и члены анархического движения, например И.Ю. Подшивалов. Члены коллектива, выпускавшего этот альманах и стали основателями «Социалистического клуба» в 1988 г. Кроме того, в этом же году был возобновлен выпуск альманаха «Свеча». Внимание клуба привлекла тема сталинских репрессий. В его составе была орга-

низована группа «Стена», которая впоследствии превратилась в иркутское отделение организации «Мемориал». Сам клуб стал довольно многочисленным (до 80 человек), причем повестка клуба была не столько анархической, сколько буржуазно-либеральной. Поэтому в городе вскоре оформилась иркутская ячейка Конференции анархо-синдикалистов.

В другом дискуссионном клубе — «Демократ», собрания которого проходили в Доме Политпросвещения, тон задавали члены Демократического Союза (глава — Павел Малых) и Народно-Трудового Союза Российских Солидаристов (Александр Антонов).

«Демократический союз», организованный в 1988 г., стал первой политической организацией, открыто провозгласившей себя оппозиционной партией в СССР. Организация являлась проводником западно-либеральных идей и ставила своей целью ненасильственное изменение общественного строя СССР [4]. В Иркутске первое мероприятие, организованное местной организацией «Демократического союза», прошло в марте 1989 г. Самое активное участие в его деятельности принял бывший активный член «Социалистического клуба» Павел Малых.

Народно-трудовой союз российских солидаристов же — политическая организация, зародившаяся еще в 1920-х гг. в среде русских эмигрантов и имевшая богатую историю борьбы с советской властью [1]. В позднем СССР организация не только стремилась увеличить число собственных членов, но и всячески способствовала организации других оппозиционных партий, например «Демократического союза» и «Российского христианского демократического движения». В Иркутске местная ячейка НТС связана с именами Г. Дмитриева, А. Новикова и первого члена НТС в городе А. Антонова.

В 1989 г., почувствовав все нарастающий перекося реформ в сторону политизации, представители неформальных движений, не сговариваясь между собой, стали «выходить в народ». Сначала местом собраний стала площадь возле Торгового Комплекса, затем — на ул. Урицкого, перед «Домом быта». Сам состав неформальных организаций значительно расширился. К этому времени было сформировано иркутское отделение Конференции анархо-синдикалистов, появились иркутские ячейки общества Мемориал. Национал патриоты были представлены движением «Верность» (возглавлял Александр Турик). В городе были организованы и правозащитные организации. Одной из них стала Общественная приемная по защите прав человека (организатор — Юрий Падалко). Кроме того, в Иркутск было открыто отделение основанной в Новосибирске правозащитной организации ВЕНА-89 (координатор Эмилия Назарова).

Нельзя ничего не сказать и об экологических движениях. Движение «В защиту Байкала», возникло в 1987 г. Вначале данное экологическое движение отличала его подчеркнутая аполитичность, но постепенно и это движение втянулось в область политических дискуссий. Это объ-

ясняется, с одной стороны, нарастанием политизированности общественных движений в целом, так и тем, что круг лидеров общественного мнения был достаточно узок, несмотря на большое количество самих организаций. Так, главным редактором «Вестника Общества защиты Байкала» стал уже упоминавшийся Павел Малых.

Нельзя не отметить, что немало поспособствовала развитию общественных движений города благожелательное отношение начальника Управления КГБ СССР по Иркутской области, генерал-майора Ивана Федоровича Федосеева, который слыл либералом и шел на встречу активистам. Например, открыл доступ членам общества Мемориал к документам НКВД 1930-х гг., а также разрешил начать раскопки на месте полигона «Дача Лунного Короля».

С конца 1989 г. в рядах политического «неформального» движения обнаруживаются кризисные явления. Внутри каждой группы происходило дробление на микро-группировки, начались расколы. Возможности «клубно-кружковой» работы на данном историческом этапе были исчерпаны, возникла необходимость формирования аппарата освобожденных работников. Это стало предвестником трансформации политической «неформальности» в многопартийность.

Список использованной литературы и источников

1. Березовский В. Н. Неформальная Россия: О неформальных политизированных движениях и группах в РСФСР [Электронный ресурс] / В. Н. Березовский, Н. И. Кротов. — М. : Молодая гвардия. — 1990. — Режим доступа : <http://www.twirpx.com/file/1328387/>
2. Богданова М. Самиздат и политические организации Сибири и Дальнего Востока [Электронный ресурс] / М. А. Богданова. — М. : Балт. гос. техн. ун-т, 1991. — Режим доступа : <http://www.twirpx.com/file/424950/>
3. Величко С. А. Общественно-политическая жизнь Сибири 1985–1991 [Электронный ресурс] / С. А. Величко // Вестник Омского государственного университета. — 2004. — № 3. — Режим доступа : <http://window.edu.ru/catalog>.
4. Громов А. В. Неформалы: кто есть кто? [Электронный ресурс] / А. В. Громов, А. С. Кузин. — М. : Мысль, 1990. — Режим доступа : <http://www.twirpx.com>.
5. Калабеков И. Г. СССР и страны мира в цифрах [Электронный ресурс] / И. Г. Калабеков // Демоскоп Weekly. — М., 2013. — Режим доступа : <http://www.twirpx.com>.

Информация об авторе

Еремеевков Никита Николаевич — аспирант, кафедра истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: irfreklama@yandex.ru.

Author

Nikita N. Yeremeyenkov — Ph.D. Student, Department of History and International Relations, Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: irfreklama@yandex.ru.

УДК 338.48(571.53)
ББК 65.433(253.3)

И. В. ОЛЕЙНИКОВ

ТУРИСТИЧЕСКИЙ «ПОВОРОТ НА ВОСТОК» ДЛЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ

В статье рассмотрены особенности участия Иркутской области в реализации туристического «поворота на Восток». На основе анализа материалов средств массовой информации автор приходит к выводу, что поток туристов из КНР формирует ряд возможностей и вызовов для региона. Анализируется вопрос привлечения китайских инвестиций в региональную туристическую сферу.

Ключевые слова: туризм, КНР, Иркутская область, международное сотрудничество, политика.

I. V. OLEYNIKOV

IRKUTSK REGION'S TOURISTIC «TURN TO THE EAST»: PROSPECTS AND CHALLENGES

The article describes the features of the participation of the Irkutsk region in realization of touristic «turn to the East». Based on the mass media material analysis, the author comes to the conclusion, that the flow of tourists from China creates a number of opportunities and challenges for the region. The article examines the issue of attracting Chinese investment in the regional touristic sphere.

Keywords: tourism, PRC, Irkutsk region, international cooperation, politics.

Реализация «поворота на Восток» во внешней политике России была провозглашена в 2012 г. в преддверии саммита АТЭС-2012 в г. Владивостоке. Однако процесс осуществления данной стратегии сталкивался с серьезными сложностями: на это влияла общая несогласованность федеральной и региональной повестки. Масштабные проекты, такие, к примеру, как строительство магистрального газопровода «Сила Сибири», инициированное весной 2014 г., полностью контролировал федеральный центр и вертикально интегрированные холдинги. Претворению в жизнь инициатив региональных властей препятствовала нехватка ресурсов для первоначального развития площадок, перспективных для российских и иностранных инвесторов, негативно сказывалась и политическая турбулентность в некоторых регионах, прежде всего в Иркутской области. Значительный диспаритет в практической реализации «поворота на Восток» наблюдался в объеме преференций, предоставляемых центром субъектам федерации. Так, основные проекты развития были сосредоточены на

территориях Дальнего Востока, в то время как регионы Сибири не пользовались благосклонностью со стороны центральных властей.

Вместе с тем кризисные явления в экономике Российской Федерации привели к сокращению финансирования регионов. Таким образом, в условиях экономического кризиса региональные власти стали вновь, как и в 1990-е гг., обращаться к активизации международных контактов для пополнения местных бюджетов.

После значительного ослабления курса рубля по отношению к доллару США и иным валютам в конце 2014 г. наблюдается все более интенсивный приток иностранных туристов в Иркутскую область. Действительно, в 2015–2016 гг. наблюдался устойчивый рост туристов в Иркутскую область из Китайской Народной Республики. Такой рост вызван сочетанием ряда факторов — относительной транспортной доступности региона, наличием уникальных природных объектов, которые интересны стремительно урбанизирующимся китайцам. В основном китайских туристов, посещающих регион, привлекает Байкал — таким образом, традиционная ориентация местного туристического бизнеса на сезонный спрос туристических услуг начинает постепенно размываться — гости из Поднебесной активно приезжают в Иркутскую область и в зимний период, формируя значительный туристический поток, не являющийся нормой для региона.

В 2015 г. Иркутскую область в рамках безвизового группового обмена посетило более 17 тыс. туристов из КНР, что на 63 % выше показателей 2014 г. Значительное количество китайских туристов прибывает в регион не только из Северо-Восточного Китая, но и из густонаселенных провинций Центрального, Восточного и Юго-Восточного Китая, во многом благодаря открытию чартерных рейсов в летний период из городов Сиань и Тяньцзинь [4]. Декларируется дальнейшее увеличение притока туристов из Китая — до 1 млн человек. в год [3].

Поток китайских туристов на о. Ольхон настолько значителен по сравнению с предшествующими годами, что судно на воздушной подушке, переправляющее людей с материка на остров, не справляется с потоком желающих посетить туристические достопримечательности [1]. По итогам января 2017 г., практически все места в гостиницах на о. Ольхон были заполнены туристами из Китая, происходит параллельное увеличение сроков пребывания в гостиницах [7]. В феврале 2017 г. в мировых масс-медиа появились сюжеты о том, как китайские туристы пересекают пролив Ольхонские ворота по льду, волоча за собой чемоданы.

Осенью 2016 г. в прессе Иркутской области и федеральных ресурсах стала интенсивно обсуждаться идея строительства туристического кластера на Байкале, привлечения китайских инвестиций в экономику Иркутской области. Так, российская туристическая компания «Гранд Байкал» и китайская структура «Чжунцзиньсинь» 19 октября 2016 г. под-

писали меморандум о сотрудничестве. Акционерами данных компаний с российской стороны является «ГОСТ Отель Менеджмент», который входит в структуры российского олигарха Олега Дерипаски, а с китайской стороны — «Китайская международная инвестиционная и транспортная корпорация» (CITIC) [5]. На официальном сайте туроператора «Гранд Байкал» отмечается, что «Документ стал результатом длительной подготовки и фактически дал старт созданию в Байкальском регионе современного туристического кластера мирового уровня» [6]. Объем потенциальных инвестиций в развитие проекта оценивался в размере 11 млрд дол. США [2]. Большую часть инвестиций планируется вложить в развитие моногорода Байкальска, испытывающего системные экономические сложности после закрытия основного предприятия — Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (БЦБК).

Данное намерение привлекательно не только для региональных, но и для федеральных властей, которые в случае начала реализации проекта могут получить существенные политические дивиденды. Сам факт декларации возможности столь значительных финансовых вливаний в экономику региона вызвал ажиотаж не только в местной, но и в федеральной прессе. Таким образом, российский олигарх переориентирует вектор ранее объявленной «Восточной стратегии» для своих многочисленных бизнесов, сделав основной акцент на привлечении иностранных инвестиций в туристический сектор. Такого рода маневр бизнесмена, призван привлечь внимание российского федерального центра к участию в софинансировании туристического кластера, возможности его встраивания в инициативы, реализуемые в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

Приток значительного количества туристов в Иркутскую область формирует ряд системных вызовов для региональных властей и бизнес-сообщества. Основной вызов заключается в недостаточном развитии туристической инфраструктуры — начиная от транспортной составляющей и нехватки мест в гостиницах и заканчивая подготовкой гидов, говорящих на китайском языке, и проблемой заторов на городских улицах. Значимая проблема заключается и в том, что основной поток туристов (и не только из Китайской Народной Республики) практически не задерживается в Иркутске. Столица Приангарья продолжает оставаться транзитной точкой для туристов, соответственно, главные финансовые потоки проходят мимо нее.

Инфраструктурный вызов остается проблемой номер один — необходимо развитие сети отелей, в том числе и недорогих, ведь количество туристов год от года увеличивается. Требуется развитие «Международного аэропорта Иркутск», так как разворачивающаяся в настоящее время работа над привлечением новых рейсов из КНР и стран Восточной Азии сталкивается с проблемой «бутылочного горлышка» — необходима

комплексная модернизация и расширение аэропортовой инфраструктуры, что требует значительных финансовых вливаний и политической воли региональных властей.

Большая часть туристов, прибывающих из Китая, самостоятельно прокладывает свой маршрут, соответственно, региональные туроператоры не получают дополнительной прибыли [8]. Именно поэтому представители иркутского гостиничного бизнеса заявляют о необходимости развития «событийного» туризма, создания масштабных мероприятий в г. Иркутске, которые могли бы оттянуть внимание части туристов от жемчужины Восточной Сибири — озера Байкал [7]. Помимо этого, китайский бизнес действует в традиционной логике, покупая туристические базы на Байкале с целью организации самостоятельных туров и сопровождения соотечественников. Естественно, что такое положение дел невыгодно для иркутских компаний.

Для формирования постоянного притока туристов в Иркутскую область следует использовать потенциал образовательного туризма, возможности для которого применяются в настоящее время не в полной мере. Иностранцы студенты, проживающие в регионе, могут генерировать значительный приток средств в экономику, «длинные деньги» — начиная от оплаты образовательных услуг в университетах и мест за проживание до небольших, но постоянных вливаний в экономику города.

Помимо этого, в Иркутской области наблюдается интенсивная конкуренция за поток средств, которые приносят в экономику региона туристы, среди крупных игроков на региональном туристическом рынке — компаниями «Гранд Байкал», «Байкальская виза» и «Истлэнд».

Таким образом, туристический «поворот на Восток», формирует для Иркутской области не только возможности, но и вызовы, противодействие которым реализуемо лишь в условиях консолидации федеральной и региональной власти, бизнеса и общественных структур. Необходимо понимание того, что туристы из соседнего Китая являются не только неплохим подспорьем для региональной экономики, в очередной раз испытывающей сложные времена, но и потенциалом для выстраивания эффективного общественного и культурного диалога.

Список использованной литературы и источников

1. Брусницын И. Китайские туристы штурмуют Ольхон, переходя по льду Байкал [Электронный ресурс] / И. Брусницын // Байкал-Инфо. 01.02.2017. — Режим доступа : <http://baikal-info.ru>.
2. Китай собирается инвестировать в байкальский туризм \$11 млрд. [Электронный ресурс]. Газета.ру. 24.10.2016 — Режим доступа : <https://www.gazeta.ru/business/news>.
3. Китайские туристы в Иркутске интересуются Тальцами и не забывают о шопинге [Электронный ресурс]. Иркутская торговая газета. 07.06.2016. — Режим доступа : <http://irkrtorgnews.ru/baikalland-kommentarii>.

4. Крупный китайский перевозчик открывает чартерные рейсы в Иркутск [Электронный ресурс]. Альтаир. 14.07.2016. — Режим доступа : <http://altairk.ru/new/есonоту>.

5. Крюков Д. Кластер на Байкале: как Дерипаска и китайцы хотят заменить ЦБК туристами [Электронный ресурс] / Д. Крюков, Н. Новопашина, А. Папандина // РБК. 27.10.2016. — Режим доступа : <http://www.rbc.ru/business>.

6. О начале масштабного туристического проекта на Байкале [Электронный ресурс]. Гранд Байкал: официальный сайт. 24.10.2016. — Режим доступа : <http://grandbaikal.ru>.

7. Петрова Е. Гостиницы Иркутска [Электронный ресурс] / Е. Петрова // Ozero.ru. 07.02.2016. — Режим доступа : <https://ozero.ru/article/tourism>.

8. Постникова Т. Китайское лицо байкальского туризма [Электронный ресурс] / Т. Постникова // Ozero.ru 15.03.2016. — Режим доступа : <https://ozero.ru/article/default/1075.html>.

Информация об авторе

Олейников Илья Васильевич — кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, e-mail: oleynikov@isu.ru.

Author

Ilya V. Oleynikov — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, History Faculty, Irkutsk State University, 2 Chkalov St., Irkutsk, 664003, e-mail: oleynikov@isu.ru.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ФАКТОРЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)61

В.Ю. БАШКУЕВ

ЗНАЧЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ И ТРАДИЦИОННОЙ МЕДИЦИНЫ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (конец XIX — начало XX века)

В статье описываются особенности народно-бытовой, монголо-тибетской и европейской медицинских систем, функционировавших на территории Восточной Сибири в дореволюционный период. Внимание уделено проблеме эпидемий и влиянию социально-политических процессов на область охраны здоровья.

Ключевые слова: народно-бытовая медицина, монголо-тибетская медицина, европейская медицина, эпидемические заболевания, оспа, сибирская язва, чума, Забайкалье.

V. YU. BASHKUEV

THE ROLE AND SPECIFIC FEATURES OF EUROPEAN AND TRADITIONAL MEDICINE IN EAST SIBERIA (late 19TH — early 20TH centuries)

This paper describes the specificities of folk, Mongolian-Tibetan and European medical systems in East Siberia in the pre-Soviet period. The attention is focused on epidemics and impact of sociopolitical processes on healthcare.

Keywords: folk medicine, Mongolian-Tibetan medicine, European medicine, epidemics, smallpox, anthrax, plague, Transbaikalia.

История здравоохранения в Российской империи представляет собой обширное исследовательское поле, размеченное не только хронологически, при помощи периодизации, но и пространственно. Пришедшая из Европы в середине XVIII столетия концепция государственной медицины внедрялась в России с большими вариациями между центральными и отдаленными губерниями. Интенсивность и глубина государственных реформ медицинской сферы напрямую зависели от того, в какой части империи они происходили.

В европейских губерниях имплементация государственной медицины в конце XVIII — первой половине XIX в. происходила более или менее последовательно: выполнение законодательных актов, связанных с охраной здоровья, контролировалось чиновниками, реформировались медицинские факультеты университетов, открывались медико-хирурги-

ческие академии, фельдшерские и повивальные школы, централизованно осуществлялось социальное призрение, разрабатывались и внедрялись новые принципы организации больниц и госпиталей [13, с. 43–45]. Однако, чем дальше на восток простиралась владения Российской империи, тем слабее становилось влияние Европы.

В Восточной Сибири, где русское население концентрировалось в городах и крупных селах, а на остальной территории дисперсно проживали старожилы, автохтонные народы или этнически смешанные карымы и гураны, пространство европейской медицины съезживалось до редких городских больниц, госпиталей и сельских фельдшерских пунктов. Вне городов господствовали варианты народно-бытовой медицины. Их характер во многом определялся этническим составом и религиозным укладом местного населения. У забайкальских старообрядцев — семейских — целительские функции выполняли начетчики и десятники, у бурят Предбайкалья, сойотов, тофаларов и эвенков были развиты шаманские целительские практики и архаичная народно-бытовая медицина, у бурят-буддистов Забайкалья медицинскую помощь оказывали эмчи-ламы, врачевавшие по канонам монголо-тибетской медицины.

Внедрявшаяся в Российской империи европейская концепция медицинской полиции предусматривала борьбу с шарлатанством, под определение которого подпадали все вышеуказанные альтернативные практики врачевания. Специально для пресечения деятельности «народных целителей» была разработана и введена государственная система подготовки медицинских кадров. Выявление и наказание лиц, оказывающих медицинские услуги без соответствующей профессиональной подготовки, возлагалось на полицию [5, с. 73].

Однако в отдаленных регионах обширной империи традиционная медицина продолжала функционировать, как и столетия назад. Европейская медицина пребывала там в зачаточном состоянии, альтернативы народно-бытовой медицине зачастую просто не было, а некоторые народы оказались вне зоны ответственности государственной медицины на вполне законных основаниях. Так, согласно Уставу об управлении инородцев 1822 г. буряты пользовались широким самоуправлением в форме степных дум и инородных управ. На плечи инородческого самоуправления были возложены все функции по обеспечению народного здоровья и социальному призрению. Разъезды русских чиновников по бурятским землям были законодательно ограничены. Совершать их разрешалось лишь с четырьмя целями: для ревизии порядка управления, ведения следствий, сбора податей и обеспечения порядка на ярмарках не более одного раза в два месяца. При этом рекомендовалось минимизировать и без того редкие разъезды, совмещая ревизии со следствиями [5, с. 133].

Таким образом, введя жесткие ограничения на вторжение во внутренние дела бурятских сообществ, Устав 1822 г. косвенно делегировал

все функции по охране здоровья бурят альтернативным медицинским системам [5, с. 133]. В области ответственности государственной медицины оставались лишь стратегически важные вопросы — оспопрививание, частично переданное в руки бурятских «оспенных учеников», информирование в случаях возникновения эпидемий, выдача предписаний бурятским ведомствам о поддержании санитарного порядка в крупных улусах.

На протяжении длительного исторического периода сложившаяся в Восточной Сибири ситуация, при которой медицинская помощь населению осуществлялась в рамках разных, официально не пересекавшихся медицинских систем, оставалась относительно стабильной. В определенной степени народно-бытовая и тибетская медицина даже компенсировали недостаточное развитие европейской медицины в регионе: с государственной медицины снималась нагрузка по обеспечению охраны здоровья автохтонного населения.

Каким же образом функционировали эти медицинские системы? Как удавалось на протяжении многих лет обеспечивать автохтонное население медицинской помощью практически без использования методов и средств европейской научной медицины? Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся сначала к данным этнографии.

Этнографы считали, что образ жизни кочевников-скотоводов не способствовал распространению болезней. Например, бурятский ученый и первый глава Бурятского ученого комитета Б.Б. Барадин писал, что из-за сильнейшего естественного отбора в результате воздействия окружающей среды и образа жизни монголы представляли собой наиболее выносливый и от природы здоровый народ в мире [2, с. 4]. В традиционном мировоззрении монгольских народов любая болезнь представлялась негативным следствием нарушения человеком запретов, определяющих взаимодействие земного мира людей с миром божеств и духов [10, с. 117].

Наиболее укорененной в традиционном кочевом укладе жизни бурят была народно-бытовая монгольская медицина, развивавшаяся тысячелетиями в процессе внимательного наблюдения за явлениями природы и поведением животных. Она являлась естественной частью кочевого быта и производным от традиционного мировоззрения монголов. В ее номенклатуре заболевания подразделялись на два типа: легкие, причины которых были понятны людям, а для лечения применялись наработанные веками методы врачевания и лекарственные средства; сложные, в основном, эпидемические болезни, природа которых была непостижима. Для их лечения прибегали к магическим приемам и средствам — обрядам, заклинаниям и т.д. [10, с. 117–118].

В традиционном мировоззрении монгольских народов происхождение эпидемических заболеваний объяснялось вредоносной деятельностью сверхъестественных существ. Духи болезней делились на ранги и имели различные титулы: тэнгри, нойон, бурхан, хатан. Западные буряты верили,

что болезни насылались на людей злыми восточными небожителями-тэнгри во главе с повелителем загробного мира Эрлен-ханом. Другими виновниками болезней считались духи умерших неестественной смертью шаманов и шаманок, и вообще, беспокойные души преждевременно ушедших в мир иной, перенесших тяготы или обиженных жизнью людей [12, с. 42].

В числе опасных инфекционных заболеваний были натуральная оспа, чума и сибирская язва. Монголы издревле знали, что оспа распространялась в степи от оседлого населения Китая. С появлением русских первопроходцев открылся западный путь ее распространения, в связи с чем буряты стали называть божество оспы белым (бур. сагаан бурхан).

Образное мышление бурят и монголов живописало божеств инфекционных болезней в виде чудовищных хтонических существ. Сибирская язва или боомо вызывалась божеством Бомон-Хара-тэнгэри, по другой версии — Болот-Сагаан-нойоном. Известен образ заболевания: «боомо представляет собой большой каток из всевозможных гадостей, который бежит по росе, заражает траву, а от травы заражается скотина». Буряты представляли повелителя чумы Мила чудовищем, на голове которого было бесчисленное, как звезды, количество глаз. Бешенство, с которым часто сталкивались скотоводы-кочевники, по их поверьям насылалось ужасным божеством Ганзу-тэнгэри [12, с. 42].

Буряты верили, что могучие шаманы в древности побеждали хозяев сибирской язвы, оградив от них определенные местности (Хажин Хара, Идинская долина). Поэтому сибирскую язву можно было вылечить только там, где ее демоны потерпели поражение. Земля и вода в этих местностях считались целебными. Туда буряты других ведомств посылали гонцов за водой и камнями, чтобы излечивать ими больных сибирской язвой людей [12, с. 44].

По-видимому, буряты также верили, что реки представляют непреодолимую преграду для эпидемий. Кроме того, предотвращал болезнь и огонь — скот, прошедший процедуру очищения огнем, якобы не болел. Сибирскую язву, например, иногда выжигали докрасна раскаленной медью.

По поверьям бурят, могучей целебной силой обладали некоторые озера. Осинские буряты привозили укушенных бешеным животным людей на озеро Хаара-нур, где купали их, протаскивая подо льдом из одной проруби в другую. У аларских бурят подобными свойствами обладало озеро Аляят. Способным излечить бешенство считалось и озеро Байкал. Некоторые шаманы лечили бешенство протаскиванием больного сквозь особые узкие пещеры [12, с. 43].

Такие болезни, как натуральная оспа, по верованиям бурят и монголов, излечить магическими и обычными способами было невозможно. Западные буряты воспринимали оспу как средство взимания дани людскими душами, насылавшееся восточными тэнгри. Каждый улус или семья должна была выплатить им албан (подать) жизнью своих одноу-

лусников или членов семьи. Если в доме находился больной оспой, то про него говорили албанда хэбтэ — «лежит в подати», улаан хуби аба — «получил красный пай». Буряты говорили: «Когда оспа бывает на людей, то по улусам разъезжают маленькие люди, тело их величиной с локоть, а лошади их величиной с зайца» [12, с. 46].

До введения оспопрививания единственным надежным способом уберечься от оспы было бегство. Согласно сведениям С.П. Крашенинникова, буряты «...воспы так боятся, что ежели, кто из них занеможет, все сродники ево оставляют и прочь на иное место откочевывают, чтоб и к ним не пришла. Ею очень много татар умирают, и разве сотой встанет, на которого она придет» [Там же]. Учитывая панический страх бурят перед оспой, высокую летальность и огромный ущерб, наносимый ею инородческому населению, царское правительство в 1808 г. приняло постановление о массовом оспопрививании бурят. Среди них набирались оспопрививательные ученики, которые по окончании учебы давали особую подписку, освобождались от повинностей и казенных нарядов и направлялись на производство планового оспопрививания в Забайкалье [3, с. 126–127].

Отсутствие других европейски обученных медицинских работников, учреждений и аптек в большинстве бурятских ведомств объяснялось высокими финансовыми издержками на их содержание и нежеланием бурят их покрывать. При частом возникновении эпидемических болезней в бурятских землях в дело вмешивалось высшее региональное начальство. Например, в 1889 г. в Баргузинском ведомстве разразилась эпидемия натуральной оспы, сопровождавшаяся высокой смертностью среди бурят, в 1894 г. там была зарегистрирована вспышка скарлатины, а в 1899 г. началась эпидемия кори. Военный губернатор Забайкальской области был вынужден приказать Баргузинскому окружному начальнику «безотлагательно устроить приемный покой...» в старом здании училища, на условиях бесплатного пользования дровами и содержания фельдшера за счет казны» [6, с. 453].

Некоторые бурятские ведомства, не уповая на местных шаманов и ведунов, по собственной инициативе открывали и содержали фельдшерские пункты. Например, они имелись в Хотоговской и Аларской инородных управах. Четыре управы, образовавшиеся после распада Балаганской степной думы, содержали одного фельдшера и аптеку. На содержание фельдшера и покупку медикаментов общество хотоговских бурят в 1895 г. выделяло 150 р., а Аларская управа — 1414 р. [6, с. 458].

Бурятское самоуправление отвечало за организацию мероприятий по профилактике инфекционных заболеваний. Баргузинская степная дума вывешивала предупреждения жителям селений, где отмечались санитарно-гигиенические нарушения — замусоривание улиц, окрестностей и берегов рек, загрязнение источников питьевой воды и т.д. Так, все жители Улюнского селения обязывались очищать дворы, вывозить

мусор в установленные для этого места, очищать берега рек от отходов и нечистот. Агинские буряты в 1893 г. приняли общественный приговор, по которому обязались очищать от нечистот пространство возле зданий степной думы, приходского училища, земской квартиры и общественных амбаров в Агинском селении и в селениях при Агинском и Цугольском дацанах [6, с. 454, 456]. Подобные мероприятия были разовыми и проводились целенаправленно для профилактики холеры.

Восточные буряты, как и монголы, прибегали к медицинской помощи эмчи-лам, врачевавших по монголо-тибетскому медицинскому канону «Тарни». В Бурятию тибетская медицина проникла в XVII в. вместе с буддизмом. Ее широкое распространение происходило в XVIII–XIX вв. и было обусловлено созданием централизованной церковной организации. К этому времени при дацанах были созданы медицинские школы, самыми известными из которых стали Агинская, Ацагатская, Гусинозерская, Кодунская, Кыренская, Цонгольская, Цугольская и Янгажинская. Несмотря на то, что бурятские эмчи-ламы, по-видимому, сами не писали теоретических медицинских трактатов, они создали множество справочных пособий, медицинских словарей и рецептурных справочников (чжоры). Многие из них сохранились по сей день [4, с. 178].

Первые ученые — путешественники по этнической Бурятии Д.Г. Мессершмидт (1685–1735) и И.Г. Гмелин (1709–1755) в своих путевых материалах подробно описывали методы и средства тибетской медицины, которые они изучили в ходе общения с тибетскими ламами-лекарями. В книге «Путешествие через Сибирь» (1751–1752) И.Г. Гмелин описал методы ламского лечения — кровососные банки и прижигания, лекарственные порошки, особенности операции по удалению бельма с глаза [8, с. 172].

У монголо-тибетской медицины Забайкалья существовала развитая терапия и фармакопея, которую изучали русские специалисты. Известный сибирский врач Н.В. Кирилов посвятил ей несколько научных работ. Правда, он был скептиком, критически относившимся к целительским практикам буддизма, но то, что он изучал тибетскую медицину из первых рук, путешествуя по Бурятии и Монголии и наблюдая за работой эмчи-лам, свидетельствует о глубоком интересе к этой медицинской системе [7, с. 12–15]. Во второй половине XIX в. О.О. Реман описал и изучил тибетскую аптечку, а затем издал книгу «Описание тибетской аптечки» на немецком языке в Санкт-Петербурге. Важным источником экспертного знания о тибетской медицине для врачей стали книги архиепископа Иркутского Нила (Н.Ф. Исаакович) «Врачебное искусство забайкальских бурят» и «О буддизме» [11, с. 164].

Вопреки распространенному в советский период мнению о том, что эмчи-ламы были бессильны перед инфекционными заболеваниями, сохранилось достаточно свидетельств тому, что ламы знали и использовали в медицинской практике противомикробные свойства некоторых растений и химических веществ. Советские врачи, изучавшие венериче-

ские болезни у бурят и монголов в 1920-х гг., в своих материалах указывали, что ламы знали противосифилитические свойства киновари (HgS , сульфид ртути), а также использовали в лечении сифилиса корень сарсапарилы (*Smilax*) [1, с. 69–70]. Различные порошки применялись для лечения туберкулеза и других инфекционных заболеваний. В случаях, когда удавалось получить доступ к аптечным складам дацанов, советские медики брали для изучения образцы тибетских лекарств и старались узнать у эмчи-лам их состав и рецептуру.

Успех в борьбе с эпидемией тифа, разразившейся в Чите в 1853 г., сделал известным бурятского эмчи-ламу Сультама Бадмаева (1830–1873). За двадцать дней лама с помощниками смог обуздать эпидемию, используя окуривания в качестве дезинфекции и порошки в качестве лекарств. В 1857 г. по приглашению генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского он приехал в Санкт-Петербург, где в ходе практического эксперимента в Николаевском военном госпитале излечил больных туберкулезом, сифилисом и раком. За это эмчи-лама получил разрешение открыть в столице фитоаптеку и вести частный прием.

Гораздо больше известен младший брат Сультама Бадмаева Жамсаран (П.А. Бадмаев, 1849–1920). В 1898 г. он опубликовал в Санкт-Петербурге книгу «О системе врачебной науки Тибета», содержащую извлечения и вольный перевод двух книг «Чжуд-ши». В 1903 г. вышла его книга «Главное руководство по врачебной науке Тибета: Жуд-ши» — новый вариант перевода трактата. Еще один перевод «Чжуд-ши» на русский язык был осуществлен в 1901–1903 гг. калмыцким ламой-лекарем войска Донского Дамбо Ульяновым. Он был озаглавлен «Тибетская медицина. Часть 1». Наконец, в 1908 г. выдающийся российский монголовед профессор А.М. Позднеев (1851–1920) опубликовал «Учебник тибетской медицины» [9, с. 54].

В клинике П.А. Бадмаева в Санкт-Петербурге с 1873 по 1915 г. было принято 573 856 больных и выписано более 8 миллионов лекарственных порошков. На свои средства Бадмаев основал школу для бурятских детей, где он самостоятельно обучал их методам тибетской медицины, искусству составления рецептов и изготовления лекарств. Он также планировал открыть в Сибири пять медицинских школ для бурят [9, с. 57]. Петр Бадмаев несколько раз обращался в Медицинский совет МВД с просьбами узаконить тибетские лекарственные препараты и сделать известными их составы, на что неизменно получал отказ.

В решении МВД от 11 января 1911 г. была четко сформулирована позиция официальной российской медицины по отношению к медицине тибетской. Медицинский совет МВД постановил, что «закрепить право государственности за тибетской медициной, представляющей собой не что иное, как сплетение зачаточной архаической науки с невежеством и суеверием, нельзя, а поэтому Совет принял ходатайство г. Бадмаева об узаконении права практики за лицами, врачающими по системе так назы-

ваемой тибетской медицины, не подлежащим удовлетворению» [9, с. 58]. Также не разрешалась продажа лекарственных препаратов тибетской медицины. Последняя фраза решения точно ложится в контекст государственной медицинской политики, принятой одновременно с европейскими странами в середине XVIII в.: «...деятельность не только не может быть названа бесполезною, но, как заключающая в себе все признаки знахарства, должна быть признана безусловно вредною» [9, с. 58].

Тем не менее репрессий ни лично против П.А. Бадмаева, ни против тысяч эмчи-лам, практиковавших на восточной периферии империи, не последовало. Понадобилась большевистская идеологическая мобилизация против целого класса священнослужителей и многолетние кампании по борьбе с монголо-тибетской медициной и эмчи-ламами, чтобы полностью маргинализировать их в социалистических обществах СССР и МНР [5, с. 225–235, 308–323].

Сложившийся в Забайкалье status quo между европейской и традиционной медициной мог бы продолжаться еще долго, если бы не стремление Российской империи на восток, к Тихому океану и незамерзающим портам Китая. В последнее десятилетие XIX в., во время строительства Транссибирской магистрали и КВЖД, Россия непосредственно вступила в контакт с эндемическими очагами опасных инфекционных заболеваний в Азии. Царское правительство было вынуждено усилить контроль за эпидемиологическим состоянием во всей империи и на ее дальних восточных рубежах. Противохолерные мероприятия во время пятой пандемии холеры (в Сибири этот период пришелся на 1892–1893 гг.) уже четко отражали приоритет военно-стратегических целей перед необходимостью обезопасить население [5, с. 119].

Еще одним фактором, повлиявшим на изменение баланса европейской и традиционной медицины в Забайкалье, стало упразднение бурятского родового самоуправления и унификация административного устройства региона. Землеустроительные законы начала XX в. разрушили равновесие между интересами бурят и русских, мало до той поры пересекавшимися. Обострились все социально-экономические вопросы, начиная с самого главного — землевладения. Изменение административного устройства и новые законы вызвали огромный перекося в налогообложении и социальной сфере: на бурят, несших почти половину налогового бремени, пришлось ничтожное количество построенных в первые декады XX в. медицинских учреждений [5, с. 147–148]. Эта ситуация была исправлена лишь с провозглашением Бурят-Монгольской АССР в мае 1923 г. и строительством социалистического здравоохранения.

Список использованной литературы и источников

1. Ариунаа Д. Сарсапариль / Д. Ариунаа, Г. М. Федосеева, Г. Эрдэнэцэцэг, М. Амбага, Б. Бямбадорж, В. М. Минович // Сибирский медицинский журнал. — 2004. — Т. 42. — № 1. — С. 68–71.

2. Барадин Б. Б. Очерки Монголии. Быт и народное здравоохранение в Монголии / Б. Б. Барадин // Жизнь Бурятии. — 1925. — № 1-2. — С. 3–8.
3. Батоев С. Д. Оспопрививание в Забайкалье (XVIII — начало XX в.) / С. Д. Батоев // История медицины. — 2016. — Т. 3. — № 2. — С. 125–132.
4. Баторова С. М., Некоторые итоги и перспективы изучения наследия тибетской медицины / С. М. Баторова, Г. П. Яковлев, Т. А. Асеева // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. — 2011. — № 4. — С. 170–184.
5. Башкуев В. Ю. Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX — первая половина XX вв.) / В. Ю. Башкуев ; [науч. ред. Л. В. Курас]. — Иркутск : Оттиск, 2016. — 436 с.
6. Дамешек Л. М. История органов местного самоуправления бурят в XIX — начале XX в. / Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас ; [отв. ред. Б. В. Базаров]. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. — 503 с.
7. Кирилов Н. В. Современное значение тибетской медицины, как части ламаистской доктрины / Н. В. Кирилов. — Иркутск : б.и., 1891. — 47 с.
8. Кузнецова Н. А. Первые встречи европейцев с тибетской медициной в Сибири / Н. А. Кузнецова // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. — 2011. — № 3. — С. 170–173.
9. Кузьмин Ю. В. Доктор П.А. Бадмаев: ученый, дипломат, предприниматель / Ю. В. Кузьмин; [под ред. С. Л. Кузьмина]. — М. : Товарищество научных изданий КМК, 2014. — 182 с.
10. Нанзатов Б. З. Природа заболеваний в традиционных представлениях монгольских народов и практики народно-бытовой медицины / Б. З. Нанзатов, М. М. Содномпилова // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. — 2014. — № 3 (15). — С. 116–126.
11. Николаев С. М. История изучения традиционной тибетской медицины в Восточной Сибири / С. М. Николаев // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: материалы III междунар. науч.-практ. конф. (9–10 дек. 2014 г.) — Улан-Удэ, 2014. — С. 164–165.
12. Содномпилова М. М. Эпидемические заболевания в жизни монгольских народов / М. М. Содномпилова // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. — 2016. — № 3 (23). — С. 41–53.
13. Сточик А. М. Становление государственной медицины во второй половине XVIII — первой половине XIX века. Сообщение 2. Создание государственных систем подготовки медицинских кадров и призрения социально незащищенных групп населения / А. М. Сточик, С. Н. Затравкин, А. А. Сточик // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2013. — № 2. — С. 41–45.

Информация об авторе

Башкуев Всеволод Юрьевич — старший научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: seva91@yahoo.com.

Author

Vsevolod Yu. Bashkuev — Senior Research Fellow, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies of Siberian Branch Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, 670047, e-mail: seva91@yahoo.com.

ПРАВОСЛАВНЫЕ МИССИОНЕРЫ В МОНГОЛИИ (вторая половина XIX — начало XX века)

В статье отражена краткая история присутствия православных миссионеров в Монголии. Установлено, что действия российских миссионеров согласовывались в гражданско-правовом аспекте с Министерством иностранных дел Российской империи через Консульство в Урге, в церковно-административном — с главой Пекинской духовной миссии или с управляющим Иркутской, а позднее — Забайкальской епархией. Показано, что миссионерская деятельность в значительной степени была сконцентрирована на окормлении русской общины в Монголии. Несмотря на то, что миссионеры были призваны способствовать освоению конфессионального поля Русской православной церкви за рубежом, их деятельность оценивается как невысокая.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Монголия, Урга, Свято-Троицкий храм, миссионеры.

N.N. KORNIENKO

ORTHODOX MISSIONARIES IN MONGOLIA (second half of the 19TH century — beginning of the 20TH century)

The article reflects the brief history of Orthodox missionaries presence in Mongolia. It is established that the Russian missionaries actions has been coordinated in the Civil Aspects with the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire through the Consulate in Urga, in the church-administrative — with the head of the Beijing spiritual mission or with governing of Irkutsk diocese, and later — Transbaikal diocese. It is shown that missionary activity has been largely focused on the nourishment of the Russian community in Mongolia. Despite the fact that missionaries had been called to contribute to the development of the confessional field of the Russian Orthodox Church abroad, their performance is assessed as low.

Keywords: Russian Orthodox Church, Mongolia, Urga, Holy Trinity Church, missionaries.

В последние годы в результате продвижения христианских (католических, протестантских, православных) церковных структур заметна «новая волна» трансляции христианства в странах, для которых исторически христианство является нетрадиционной религией [5; 12]. Во многих государствах идет активный процесс правового и организационного закрепления церковных структур: создаются общины, строятся храмы, издаются журналы и газеты, посвящаются новые священнослужители

из числа местного населения, ведется согласно концепции евангелизации социальная работа. В связи с этим возникает необходимость более глубокого исследования исторического опыта деятельности миссионеров, в том числе православных. Этим обстоятельством обусловлен пристальный интерес историков и религиоведов к данной проблематике [2–4; 6–8; 10; 17; 19; 21–23; 25; 26].

Известно, что первые православные миссионеры вели миссионерскую деятельность в Монголии, направляясь в Китай. 9 июня 1702 г. вышла Грамота митрополита Сибирского и Тобольского святителя Филофея (Лещинского) «Архимандриту Мисаилу [настоятелю Свято-Троицкого Селенгинского монастыря — прим. авт.] о посольстве в Китай для проповеди Слова Божьего с купчиной Иваном Саватеевым иеромонаха Сергия с певцом Филипом Хавовым и командировке туда же иеродиакона Феодосия на счет Свято-Троицкого Селенгинского монастыря», а 12 октября 1704 г. была дана грамота митрополита Филофея (Лещинского) архимандриту Мисаилу «о принятии и снабжении в дорогу посланных в Китай и к Хутухте проповедников Слова Божия иеромонаха Рафаила с иеродиаконом Варфоломеем и о командировании с ними в качестве переводчика иеромонаха Трифиллия» [11, с. 137]. Последний служил в Свято-Троицком Селенгинском монастыре, хорошо знал монгольский язык [20].

На основании этих поездок в 1705 г. святитель Филофей (Лещинский) отправил первую Духовную миссию в Монголию для сбора сведений о буддийской вере и, если будет возможно, — для обращения буддистов в христианство, учитывая положительный опыт Даурской Духовной миссии среди бурят. На встрече с хутухтой (главой монгольской ламаистской церкви) православные посланники интересовались буддийским учением и сравнивали его с христианством.

Позже, 22 мая 1707 г. святитель Филофей отправил грамоту архимандриту Мисаилу «о том, чтобы принять и на дорогу снабдить посланных в Китай миссионеров иеромонаха Илариона, подъякона Филипа Хавова и Ивана Федорова», а 25 мая 1707 г. святитель Филофей отправил еще одну грамоту архимандриту Мисаилу «о том, чтобы дать в Троицком Селенгинском монастыре приют школьным ученикам, когда они возвратятся из Монголии, впредь до приезда из Китая иеромонаха Илариона» [11, с. 147].

В 1711 г. купец Г.А. Осколков находился с торговым караваном в Пекине. Там ему удалось получить разрешение китайского императора на посылку в Пекин постоянной Духовной миссии. 10 декабря 1714 г. на пути из Китая Г.А. Осколков скончался на территории Монголии и был погребен в Посольском Спасо-Преображенском монастыре [13, с. 63].

В 1715 г. в Пекин отправилась первая Духовная миссия, состоявшая из архимандрита Иллариона (Лежайского), иеромонаха Лаврентия, ие-

родиакона Филимона и семи служителей — учеников Тобольской славяно-русской школы (служители — Иосиф Дьяконов, скончался в Пекине около 1736 г.; Никанор Ключов, скончался в Пекине в 1737 г.; Петр Якутов, скончался в Пекине в 1737 г.; Григорий Смагин, выехал в Россию в 1718 г.; Федор Колесников, выехал в Россию в 1717 г.; Андрей Попов, выехал в Россию в 1717 г.; Иосиф Афанасьев, выехал в Россию в 1717 г.). Архимандрит Илларион скончался в Пекине 26 апреля 1718 г. Климат и местная пища болезненно сказывалась на их здоровье [5, с. 50].

Со второй половины XIX в. начинается новый этап в развитии русско-монгольских отношений. Развитие капитализма в России толкало русскую буржуазию на поиски новых рынков сбыта и источников сырья. Одним из объектов экспансии российского самодержавия стала Монголия. В 60–80-е гг. XIX в. Россия, навязав Маньчжурской империи ряд договоров, открыла Монголию для русской торговли. Согласно статьям Пекинского договора 1860 г. Россия получила право учредить свое консульство в Урге, которое и было открыто в 1861 г.

В связи с увеличением в Монголии русских, находящихся без пастьерского окормления, по просьбе российского консула Я.П. Шишмарева, Иркутская Духовная Консистерия 18 февраля 1864 г. вынесла решение: «В Урге, Китайской Империи, расположено Русское Консульство, при котором находится человек около 30 или более православных жителей, но без священника; вследствие этого православные остаются без исполнения христианских обязанностей. Находя нужным послать в Ургу для совершения христианских треб Благочинного Верхнеудинского собора священника Иоанна Никольского» [18, с. 44]. Иоанн Платонович Никольский был бурятом по происхождению, ранее являлся иереем 3-й конной бурятской бригады Забайкальского казачьего войска; нес послушания миссионера среди селенгинских бурят и законоучителя в бригадной русско-монгольской школе; позже служил при Кяхтинском Воскресенском соборе, скончался в 1893 г., имел двух сыновей [9, с. 130]. Свое путешествие в Ургу он описывает так: «3-го марта настоящего года, я получил предписание Иркутского Епархиального Начальства о выезде в Монгольский город Ургу, для отправления Богослужений у христиан, проживающих в консульстве, и особое поручение от Преосвященного Настоятеля Забайкальской миссии собрать нужные сведения о возможности учреждения православной Миссии в Монголии... 6-го числа, с благословения Божия, пустился я в путь, и на 8-е число марта прибыл в Кяхту... 9-го числа, очистив совесть покаянием, я отслужил Литургию Преждеосвященных Даров, а 10-го... с спутниками своими: причетником, казаком, и проводником монголом, вступил в пределы поднебесной Империи. Торжественное шествие наше началось из дома М.О. Немчинова на семи верблюдах» [14, с. 519–527].

В Ургу он прибыл утром 15 марта, его встречал сам консул Я.П. Шишмарев. «Тотчас по прибытии, — продолжает отец Иоанн, — начались мои занятия. 16-го числа занимались устройством зала для совершения утрени, часов и вечерни. В этот же день отпеты были мною два давно умерших человека, доселе остававшиеся неотпетыми по неимению священника. 17-го, по отправлении молебна с водоосвящением, освятили жилища и житницы Консульства. С этого же числа началось отправление ежедневного Богослужения. 22-го числа после пятидневного говения десять человек удостоены были принятия Святых Христовых Таин... 24-го, накануне Благовещения отправлено было всеобщее бдение с освящением хлебов и пр. В самый же день Благовещения, еще пятнадцать человек удостоились вкушать Тело и Кровь Христову. Остальные десять человек приобщены мною 16 апреля в Великий Четверток. Всех постников в Урге было тридцать пять человек» [14].

Священник прожил в Урге более месяца. Он также упоминает, что среди его книг была Библия на монгольском языке в переводе бывших Забайкальских английских миссионеров, которую он получил из библиотеки Посольского монастыря [14].

Ежегодно увеличивающееся число русских, посещающих Ургу, и появление желающих жить там навели консула Я.П. Шишмарева на мысль о необходимости строительства православной церкви. Кяхтинское купечество, к которому он обратился за спонсорской помощью, откликнулось и согласилось собрать нужную сумму. Уже в 1863 г. Я.П. Шишмарев выбрал место и хотел заложить фундамент. Однако посланник Российской империи в Пекине А.Г. Влангали и генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков не разрешили начинать строительство, пока не будет собрана вся сумма. Это случилось только в 1871 г. В 1872 г. начали строить церковь во имя Святой Троицы, закончилось строительство в 1875 г. [25, с. 18].

Долгое время в храме не было своего постоянного священника и духовное окормление православные, живущие в Монголии, получали от миссионеров Забайкальской духовной миссии. Главной святыней Свято-Троицкого храма в Урге являлась чудотворная икона, на обратной стороне которой была надпись: «Святая Афонская Гора. Сент. 20 дня. Сия святая Икона Пресвятыя Богородицы подобие чудотворной Афонской «Самонаписавшаяся» писана и освящена на Афоне и посылается в безмездный дар от смиренных Русских и других Святогорских Пустынножителей во благословение от святыя горы Афонския — земнаго удела Царицы Небесной всем Русским и Православным в Урге и по всей Монголии постоянно или временно жительствующим или имеющим жительствовать для Русской Православной Церкви или будущему благолепному Храму в городе Урге при Российском Императорском Генеральном Консульстве в память Го-

сударя Императора Александра Третьего, Царя-Миротворца и всех Православных воинов и христиан, прежде во все времена и ныне убиенных и смертельно раненых в пределах Монголии и всего Китая. В благодатную помощь всем с верою и любовью прибегающим и молящимся Царице Небесной пред сим Ея всечестным Образом. Да будет Она Ходатаицею о них пред Сыном своим и Богом и о возвеличении Православия и России». В настоящее время данная икона хранится в Национальном музее Республики Бурятия.

Решением Святейшего Синода от 26 мая 1893 г. священником консульской Ургинской Троицкой церкви был назначен Николай Шастин. До этого Николай Иоакинфович Шастин служил священником образованного в 1865 г. Цакирского Николаевского миссионерского стана при Закаменской инородной управе. Его жена Елизавета, окончившая Иркутское училище девиц духовного ведомства, работала учительницей в церковно-приходской школе. Сам отец Николай занимался еще краеведением [1]. В 1890 г. он был слушателем монгольского отдела миссионерских курсов Казанской духовной академии. Настоятелем Ургинской церкви отец Николай служил до лета 1914 г. В последующем, его сын Павел стал известным врачом в Монголии, в 1961 г. городской больнице Улан-Батора было присвоено его имя. Внучка Нина Павловна Шастина (1898–1980), дочь Павла, стала известным советским монголоведом [23, с. 46–47].

12 марта 1894 г. вышел Указ Императора о создании Забайкальской и Нерчинской епархии, первым епархиальным архиереем которой стал епископ Георгий (Орлов). Границы новой епархии совпадали с границами Забайкальской области (современная территория Республики Бурятия и Забайкальского края). Кроме того, временно к Забайкальской епархии относились приходы на линии Китайско-Восточной железной дороги до г. Харбина и православный приход в Урге. С марта 1894 г. православный приход в Урге вошел в юрисдикцию Забайкальской и Нерчинской епархии [9, с. 189].

18 ноября 1911 г. в Урге было объявлено о свержении власти Цинской династии и об образовании независимого монгольского государства во главе с Богдо-гэгэном, а 6 августа 1912 г. была провозглашена автономия Монголии. До этого она входила в состав Китая, потому православная миссионерская деятельность в Монголии и Китае осуществлялась при согласии Цинского правительства.

Летом 1914 г. в Ургу из Иркутска прибыл священник Федор Парняков. По его инициативе было создано Ургинское приходское попечительство, основными задачами которого стали организация приходской жизни, распространение литературы, проведение литературных вечеров и концертов. В это же время при Свято-Троицком приходе была открыта воскресная школа, ученикам которой преподавали Закон Божий, рус-

ский язык и словесность, монгольский, английский и французский языки, арифметику, естествознание, рисование, пение, историю, географию, а в старших классах еще и геометрию, коммерческую арифметику, бухгалтерию, коммерческую корреспонденцию на русском и иностранных языках, коммерческую экономику, товароведение с технологией, законоведение, черчение, лепку и труд [26, с. 56].

Известный сибирский литератор и общественный деятель Д.П. Першин (1861–1936), работавший в Монголии в 1915–1927 гг., вспоминал: «Какую-то двусмысленную роль играл местный священник при консульской церкви отец Федор Парняков, назначенный сюда из Иркутска, где он состоял видным членом в Союзе русского народа и считался черносотенцем. Здесь же в Урге он вел совсем другую политику, особенно в связи с положением, занятым его сыном в Иркутске, где последний играл большую роль среди большевиков... вообще, он не пользовался авторитетом среди прихожан» [16, с. 95]. По данным Е.М. Даревской, отец Федор Парняков во время гражданской войны скрывал в Монголии двух членов Центрального исполнительного комитета Советов Сибири, а его сын Пантелеймон, погибший в 1919 г., был комиссаром просвещения вышеуказанного органа. В ноябре 1919 г. отец Федор вместе с С.И. Поповым, В.Н. Чайвановым, А. Сорокиным, М.Д. Крутиковым, П.И. Бызовым приняли решение создать подпольный ревком, который должен был принять активное участие в борьбе с белыми» [3].

3 февраля 1921 г. барон Унгерн захватил Ургу. Первые дни по взятии города отец Федор Парняков скрывался. По рассказам очевидцев, через некоторое время священника нашел помощник барона капитан Безродный. Ф. Парнякова арестовали и отправили в подвал дома некоего Прокина, где потом зарубили шашками [16, с. 134].

Со смертью настоятеля приходская жизнь в Свято-Троицком приходе постепенно затухает. Как минимум до 1928 г. в Ургу еще периодически приезжали православные священники, совершали богослужения, служили требы, хотя храм для религиозного пользования закрылся в 1927 г. и использовался для иных назначений. Нынешний настоятель Свято-Троицкого храма в Улан-Баторе протоиерей Алексей Трубач отмечает: «По воспоминаниям старожилов до 1970-х гг. он [храм] сохранял вид православного храма, хотя и без креста. В эти годы сносится колокольня, зияющую дыру от которой и сейчас можно видеть на постройке, и уже ничем не напоминающий о былом Троицкийн сум (по-монгольски, Троицкий храм)» [24, с. 166].

Таким образом, деятельность миссионеров РПЦ была направлена на поддержание православной веры среди русского населения в Монголии. В силу того, что Российская империя большое внимание уделяла присутствию РПЦ в странах Юго-Восточной Азии, православные

миссионеры кроме церковного окормления верующих, еще занимались дипломатической и научно-исследовательской деятельностью. Все миссионеры второй половины XIX — начала XX в. понимали задачу православной миссии в Монголии практически в одном своем присутствии, что определило их пассивную тактику.

Список использованной литературы и источников

1. «О хунгирном промысле в Монголии» // Труды Троицкосавско-Кяхтинского Отделения Приамурского Отдела Императорского Русского Географического Общества. — С.-Пб., 1896. — № 7. — С. 25–32.
2. Арзуманов И. А. Православная церковь в Монголии: история и современность / И. А. Арзуманов, О. В. Бычков // Исторические судьбы православия в Сибири : тез. докл. и сообщ. науч. конф., 1–3 октября 1997 г. — Иркутск : ИрГТУ, 1997. — С. 58–64.
3. Даревская Е. М. Необычная судьба сибирского священника Ф. А. Парнякова / Е. М. Даревская // Три портрета — три судьбы: Исторические очерки. — Улан-Батор, 1997. — С. 113–160.
4. Даревская Е. М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX вв. / Е. М. Даревская. — Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 1994. — 396 с.
5. Дацышен В. Г. Христианство в Китае: история и современность / В. Г. Дацышен. — М. : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. — 240 с.
6. Единархова Н. Е. Из истории пребывания русских в Монголии (до 1917 г.) / Н. Е. Единархова // Диаспоры. — 1999. — № 2-3. — С. 81–99.
7. Единархова Н. Е. Русские купцы в Монголии / Н. Е. Единархова // Восток. — 1996. — № 1. — С. 76–89.
8. Единархова Н. Е. Русское консульство в Урге и Я.П. Шишмарев / Н. Е. Единархова. — Иркутск : ООО «Репроцентр А1», 2008. — 136 с.
9. Жалсараев А. Д. История православия в Забайкалье (середина XVII — начало XX вв.) / А. Д. Жалсараев. — Улан-Удэ : Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2015. — 264 с.
10. Матвеев О., протоиерей. Свято-Троицкий храм в Улан-Баторе / протоиерей О. Матвеев // Православная Бурятия. — 2013. — № 23. — С. 3.
11. Мелетий, архимандрит. Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653-1726) и сведения о Даурской миссии / архимандрит Мелетий. — Казань, 1875. — 199 с.
12. Митыпова Г. С. Православие в Юго-Восточной Азии / Г. С. Митыпова // Вестник Бурятского государственного университета. — Сер. 7. История. — Улан-Удэ, 2011. — Вып. 7. — С. 166–171.
13. Николай (Адоратский), иеромонах. История Пекинской Духовной миссии в первый период ее деятельности (1685–1745) / иеромонах Николай (Адоратский) // История Российской Духовной миссии в Китае : сб. ст. — М. : Изд. Свято-Владимирского братства. 1997. — 415 с.
14. Никольский И. Записки. О поездке русского священника в Монголию в 1864 году / И. Никольский // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. — 1864. — 8 авг. (№ 32). — С. 519–527.

15. Парняков Ф. Поездка священника по Монголии» / Ф. Парняков // Забайкальские епархиальные ведомости. — 1915. — 15 янв. (№ 2). — С. 51–59.
16. Першин Д. П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак / Д. П. Першин. — Самара : Агни, 1999. — 280 с.
17. Поздняев Дионисий, священник. История православной общины во Внешней Монголии / священник Дионисий Поздняев // Материалы ежегодной богословской конференции православного Свято-Тихоновского богословского института. — М., 1998. — С. 282–284.
18. Посольство священника в Ургу // Иркутские епархиальные ведомости. — 1864. — 29 февр. (№ 9). — С. 44–45.
19. Сабиров Р. Т. Русская православная церковь в Монголии: история и современность // Три четверти века. Д.В. Деопику — друзья и ученики. — М. : Памятники исторической мысли, 2007. — С. 401–409.
20. Саввин Д. Свято-Троицкий Селенгинский мужской монастырь / Д. Саввин // Журнал Московской Патриархии. — 2007. — № 8. — С. 80–86.
21. Сизова А. А. Консульская служба России в Монголии (1861–1917) / А. А. Сизова. — М. : Наука, 2015. — 295 с.
22. Сизова А. А. Русские консульства в Монголии в российско-китайско-монгольских экономических отношениях второй половины XIX — начала XX вв. / А. А. Сизова // Вестник Международного центра азиатских исследований. — Иркутск, 2008. — Вып. 15. — С. 51–63.
23. Солонго Д. Семья Шастиных в Монголии / Д. Солонго // Русские в Монголии. — Улан-Батор : Изд-во «Мөнхийн усэг групп ХХК», 2009. — С. 46–49.
24. Трубач А., священник. Современное положение православия в Монголии / А. Трубач // Русские в Монголии. — Улан-Батор : Изд-во «Мөнхийн усэг групп ХХК», 2009. — С. 164–173.
25. Тумэндэлгэр Г. Русский консул в Монголии — Яков Парфеньевич Шишмарев / Г. Тумэндэлгэр // Русские в Монголии. — Улан-Батор : Изд-во «Мөнхийн усэг групп ХХК», 2009. — С. 9–19.
26. Цэцэгмаа Т. История образования русской общины в Монголии / Т. Цэцэгмаа // Русские в Монголии. — Улан-Батор : Изд-во «Мөнхийн усэг групп ХХК», 2009. — С. 50–61.
27. Шастин Н. Возникновение и устройство православного храма при Русском Императорском консульстве в Урге и торжество его освящения / Н. Шастин // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. — 1895. — 1 июля. (№ 13). — С. 325–333.

Информация об авторе

Корниенко Николай Николаевич — аспирант, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: niknik-84@mail.ru.

Author

Nikolay N. Kornienko — Ph.D. Student, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, 670047, e-mail: niknik-84@mail.ru.

УДК 94(57)
ББК 63.3

В.В. КУДРЯШОВ

ПЕРВЫЕ ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ ПО ГОРОДУ ИРКУТСКУ НА СТРАНИЦАХ МЕСТНЫХ ГАЗЕТ (1906–1907)

Статья раскрывает роль периодической печати в подготовке и освещении первых выборов в Государственную думу в Иркутске в 1906–1907 гг.

Ключевые слова: первая русская революция, периодическая печать, политические партии, выборы, Государственная дума.

V. V. KUDRYASHOV

THE FIRST ELECTION IN THE STATE DUMA IN IRKUTSK ON THE PERIODICAL PRESS PAGES (1906–1907)

The article opens the role of the periodical press during the first election in the State duma in Irkutsk.

Keywords: the first Russian revolution, periodical press, political party, election, State Duma.

Сегодня средства массовой информации играют огромную, порой решающую роль в различных избирательных кампаниях. Об этом свидетельствуют итоги выборов не только в России, но и в других странах. Но влияние периодической печати на ход и итоги выборов не сразу стало таким определяющим. Потребовались время, опыт и осознание важности донесения до избирателя программных установок кандидата и самой личности возможного избранника народа.

В этой связи интересным представляется опыт освещения на страницах газет первых выборов в Государственную думу по городу Иркутску в 1906–1907 гг. Автор данной статьи обращался к теме выборов сквозь призму личности В.Е. Мандельберга, первого депутата Думы от Иркутска [1]. Но значительный объем материала дает возможность рассмотреть вопрос с другого ракурса.

В рассматриваемый период в столице Восточной Сибири выходило немало газет. Но время было мятежное, сопровождалось репрессиями и цензурными мерами. Некоторые популярные издания, например, «Восточное обозрение», были закрыты, но вместо них появлялись новые с прежним редакционным коллективом или принципиально новые. В качестве предмета изучения были взяты легальные издания. «Иркутские губернские ведомости» представляли собой официальный орган, на страницах которого помещались распоряжения и постановления, обязательные

для исполнения «для всех присутственных мест и должностных лиц». «Сибирское обозрение» и «Молодая Сибирь», последовательно сменявшие друг друга и выходявшие взамен «Восточного обозрения», «Сибирь» и «Сибирская заря» позиционировали себя как политические и литературные издания. Избирательная кампания заставила редакционные коллегии четко определиться с их партийно-политической ориентацией.

Первая русская революция 1905–1907 г. побудила самодержавие сделать первый шаг на пути к буржуазной монархии. В период Всероссийской политической стачки 17 октября 1905 г. Николай II вынужден был пойти на уступки и даровать народу законодательный орган в лице Государственной думы. Положение о Государственной думе было опубликовано вместе с высочайшим Манифестом 20 февраля 1906 г. Положение подробно определяло компетенцию Думы, регламент ее работы. Срок полномочий Думы был определен в 5 лет, но император имел право на ее досрочный роспуск. Некоторые вопросы внутреннего распорядка должны были разработать сами депутаты.

Одновременно было введено в действие Положение о выборах 1906 г., в основу которого были положены статьи, разработанные еще для «булыгинской» думы. Положение о выборах от 6 августа 1905 г. корректировалось и дополнялось вплоть до начала работы первой Государственной думы 27 апреля 1906 г. В декабре 1905 г. был издан указ об изменении положения о выборах в Государственную Думу, который увеличил число курий до четырех: к ранее существовавшим — землевладельческой, городской и крестьянской была добавлена рабочая. Значительно расширился круг избирателей. Положение устанавливало ограничения для лиц, избираемых в депутаты, либо предусматривало некоторые дополнительные требования к ним. Так, никто не имел права баллотироваться в члены Государственной Думы более чем в одном избирательном собрании — губернском или городском. В члены Государственной Думы не могли избираться лица, не знающие русского языка. Выборы в Государственную Думу не были прямыми: избрание членов Думы осуществлялось избирательными собраниями.

Положение предусматривало избрание 524 депутатов, в том числе 14 от Сибири. Места между губерниями и областями распределялись пропорционально уплачиваемыми ими налогами, а внутри них — от численности населения. Отдельное представительство имели 26 городов, среди которых значился Иркутск.

Законодательство о выборах в Государственную Думу установило в России мажоритарную сословно-цензовую избирательную систему. На основании данного положения были проведены выборы в первые две Думы.

Избрание членов Государственной Думы от городов производилось избирательным собранием, которое формировалось «под председательством городского головы или лица, его заменяющего», из выборщиков.

По городской курии голосовали владельцы городской недвижимости, промышленных и торговых предприятий, плательщики промыслового и квартирного налогов. Были допущены к выборам лица, занимавшие на свое имя отдельную городскую квартиру, и лица, получавшие жалование на казенной службе (за исключением рабочих и прислуги). На город Иркутск распространялось действие нормы для всех городов, за исключением столичных, — 80 выборщиков.

Для избрания выборщиков в городское избирательное собрание город разбивался на избирательные участки, соответствовавшие делению его на полицейские части. Распределение между участками подлежащих избранию выборщиков производилось городской управой и утверждалось губернатором. В каждом избирательном участке образовывались избирательные комиссии в составе председателя и двух членов, «приглашаемых городским головою или лицом, его заменяющим, из числа лиц, имеющих право участия в выборах». Составленные избирательные списки подлежали опубликованию за шесть недель до выборов в местных ведомостях и, помимо этого, объявлялись «во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим гласность этих списков».

К участию в выборах допускались подданные Российской Империи мужского пола, достигшие возраста 25 лет, отвечавшие требованиям определенного имущественного ценза или ценза оседлости и не ограниченные в избирательных правах. При этом на каждом избирательном участке, съезде или собрании никто не мог иметь более одного голоса. В выборах не могли принимать участие губернаторы и вице-губернаторы, а равно градоначальники и их помощники — в пределах подведомственных им местностей, а также лица, занимавшие полицейские должности в губернии или городе, «по которым производятся выборы». От участия в выборах отстранялись лица, не внесенные в избирательные списки или до начала выборов утратившие избирательный ценз.

В городах с отдельным представительством, как в Иркутске, выборы фактически были прямыми. Здесь борьба разворачивалась острее, и политические партии проводили массовую агитационно-пропагандистскую кампанию. Согласно Положению о выборах 1906 г. члена Государственной думы выбирали на городском избирательном собрании. Выдвижение кандидатов проводилось записками. Для избрания требовалось получить абсолютное большинство голосов. Если ни один из кандидатов не набирал необходимого числа голосов, проводился второй тур. В случае необходимости Положение предусматривало и третью попытку, где можно было победить при относительном большинстве. Как исключительная мера при равенстве голосов в третьем туре была прописана жеребьевка.

Положение не предусматривало единого срока выборов по стране. Первая Государственная дума начала свою работу 27 апреля 1906 г., когда выборы в Иркутской губернии еще даже не начались.

Только в начале мая 1906 г. в Иркутске были опубликованы списки избирателей, что стало отправной точкой выборной кампании в Государственную думу. Это событие вызвало оживление политической жизни в городе, что нашло отражение на страницах газет разной направленности. Появились новые печатные органы с демократической окраской, как правило, выражавшие интересы либеральных кругов. Газеты превратились в главный рупор буржуазных и монархических партий. Социал-демократы вынуждены были довольствоваться нелегальными изданиями.

Наиболее ярко партийно-политическая борьба проявилась на страницах «Сибирского обозрения», превратившегося в орган кадетской партии. Процесс формирования политических партий в России только набирал силу. Редакция «Сибирского обозрения» считала это «неотложным вопросом текущего момента» [5, 6 мая]. Рассуждая о сложившейся ситуации, редакция отмечала «растерянность обывателя при полном отсутствии какого-либо политического опыта». Существенно осложняли ситуацию военное положение и «всевозможные охраны», введенные для подавления революционных выступлений в сибирских городах. Сроки для легальной агитации были очень ограничены. Любое несанкционированное собрание, даже в частной квартире, грозило арестом и крупным денежным штрафом [5, 6 мая].

Редакция считала, что каждый кандидат в Государственную думу «должен открыто заявить свое политическое credo» и агитацию вести под политическим флагом. Анализируя расклад политических сил, газета выделяла монархистов, социал-демократов и кадетов. Возникший беспартийный блок, по оценке редакции, отдавал «октябристским духом», что вызывало недоверие к блоку и его критику. Отдавая пальму первенства кадетам, газета верила в партию народной свободы, ее способность выдержать натиск как справа, так и слева [5, 6 мая]. К такому выводу ее подталкивали результаты выборов в Думу в европейской части России, где кадеты получили относительное большинство. Как писала газета, задача кадетов в Думе состоит в «борьбе со старым режимом, но, по возможности, без жестоких потрясений и конфликтов» [5, 11 июня].

«Сибирское обозрение» категорически отвергало нападки других партий и беспартийного объединения в необходимости предоставления своих площадей для их материалов. По мнению редакции, «свобода печати не может состоять в превращении газеты в свалочное место литературно-полемических упражнений противников» [5, 9 мая].

От партии народной свободы кандидатом в члены Государственной думы считался редактор и издатель И.И. Попов, бывший ссыльный народник. Находясь в определенной оппозиции властям, привлекая к сотрудничеству политических ссыльных, публикуя на страницах газеты полемические материалы, он имел значительные шансы пройти в Думу. Хотя формально после закрытия «Восточного обозрения» он покинул

Иркутск, перебравшись в Москву, новоиспеченная газета оставалась под его контролем. Ближайший его помощник и соратник В.С. Ефремов, тоже из ссыльных народников, открыто защищал кандидатуру И.И. Попова в острой полемике с социал-демократами, активно продвигая программные положения кадетов, не скрывая, что это не что иное, как «предвыборная агитация». На страницах «Сибирского обозрения» на протяжении мая-июня 1906 г. (до закрытия газеты 18 июня) социал-демократы, их программа, их предвыборные материалы и кандидат подвергались жесткой критике.

Иркутский комитет РСДРП выдвинул кандидатом в члены Государственной думы В.Е. Мандельберга, одного из первых ссыльных марксистов в Иркутске, известного в городе врача, видного деятеля социал-демократического движения. За годы пребывания в Иркутске В. Мандельберг приобрел широкую медицинскую практику, популярность и уважение среди разных групп местного населения. Этому способствовали связи с рабочими и приказчиками, бескорыстная медицинская помощь бедным горожанам, ясная политическая позиция. Тесные отношения сложились у В. Мандельберга с еврейским обществом города Иркутска. Особую известность в городе он получил в ходе событий 1905 г., возглавляя или входя в состав забастовочных и различных общественных комитетов.

Изначально центральные органы РСДРП призывали к бойкоту выборов и Думы, настаивая на созыве Учредительного собрания. IV съезд РСДРП, проходивший в апреле 1906 г., когда в подавляющем большинстве избирательных округов выборы уже состоялись и стало ясно, что тактика бойкота себя не оправдала, принял решение о необходимости самостоятельного участия социал-демократических кандидатов, без блокирования с представителями других партий.

С началом выборной кампании Иркутский комитет РСДРП начал издавать в подпольной типографии нелегальный «Летучий листок», в котором резко критиковал позицию своих главных политических оппонентов — кадетов. Именно материалы «Листка» являлись предметом полемических заметок В.С. Ефремова. Надо отдать должное В. Ефремову: он был последователен, логичен в своих рассуждениях, отстаивая кадетскую позицию. Он критиковал социал-демократов за непостоянство в оценке ситуации с Думой. Изначально социал-демократы видели в Думе «гноусность», «пустую говорильню», а затем решили принять в ней участие [5, 6 мая]. По мнению В.Ефремова, «социал-демократы идут в Думу, чтобы бороться с партией народной свободы» [5, 18 мая].

На каждый выпад одной из сторон следовал незамедлительный ответ другой. Так газета превращалась в конкретного агитатора и пропагандиста кадетской программы. В номере за 9 июня 1906 г. была озвучена цель, к достижению которой стремится партия через своих представителей в Думе: «успокоение и обновление России на началах

правомерной гражданственности». Достижение цели, по мнению редакции, было возможно через предоставление политических прав и свобод, верховенства Государственной думы, ответственность министров перед Думой, решение аграрного, рабочего и национального вопросов, введение бесплатного всеобщего образования. Редакция признавала, что цель у партии народной свободы и социал-демократов одна, но методы достижения резко отличаются. В. Ефремов категорически отрицал идею вооруженного восстания и террора, выступал за разнообразие способов воздействия на правительство в зависимости от реальных условий политического момента. Но главное средство в решении задач он видел в развитии законодательной базы [5, 8 июня]. Редакция резко критиковала резолюцию IV съезда РСДРП, которая нацеливала партию на «расширение и обострение конфликтов, могущих возникнуть между правительством и Думой». Как считала газета, при такой тактике судьба Думы predetermined — она будет разогнана [5, 11 июня].

«Сибирское обозрение» призывала голосовать за кадетского кандидата. В.С. Ефремов откровенно заявлял: «По моему личному убеждению, даже посредственный представитель народной свободы полезнее теперь талантливого социал-демократа» [5, 18 мая]. Ему вторили представители иркутской интеллигенции. Присяжный поверенный Б.С. Орнштейн, выступая на собрании иркутского комитета партии, отмечал: «Социал-демократы никогда не обнаруживали политического чутья». Доктор Б.А. Ельяшевич заявил: «Социал-демократы — идеалисты, мечтатели, не способные к политической деятельности текущего момента. Поэтому люди, желающие добра России, должны голосовать за кадетскую партию» [3, 20 июня]. По образному выражению В. Ефремова, партия народной свободы «обещала не журавля в небе, а синицу в руках» [5, 8 июня].

Жесткому критическому анализу на страницах «Сибирского обозрения» подвергалась как легальная, так и нелегальная пресса и социал-демократов, и монархистов. Редакция внимательно отслеживала выходявшие в различных регионах издания других партий. Для газеты были нередки крайние оценки оппонентов. В частности, сторонники «истинно русских», т.е. черносотенцев, были охарактеризованы как «неорганизованная часть подонков общества, которая способна только на погромы» [5, 15 июня]. Редакция обращала внимание избирателей на «пугающее партийное ожесточение социал-демократов», на их внутреннюю борьбу, в ходе которой «меньшевики вынуждены одергивать товарищей большевиков» [5, 8 июня, 15 июня].

В.С. Ефремов неоднократно разбирал «по косточкам» на страницах газеты предвыборные прокламации Иркутского комитета РСДРП. По его оценке, «подпольная литература всегда бездарна, шаблонна и так резко прикрывает недостаток мысли грубостью революционного жаргона»

[5, 18 июня]. Хотя и он сам не был чужд такой же грубости в своих публикациях по отношению к политическим оппонентам, призывая к «честной полемике», но не допуская «безграничной деликатности».

Выборы в Государственную думу по городу Иркутску были назначены на 24 июля 1906 г. Об этом 9 июля сообщили «Иркутские губернские ведомости». Здесь же были указаны границы 4 избирательных участков. Избиратели должны были получить извещения до 14 июля [2, 1906, 9 июля]. Но спустя два дня официальный рупор губернии опубликовал Высочайший указ о роспуске Государственной думы и назначении времени созыва новой [2, 1906, 11 июля]. 8 июля первая Дума была распущена Указом императора, хотя в ряде округов, в том числе в Иркутске, выборы еще не закончились.

Избирательная кампания во II Государственную думу в Иркутске и губернии стартовала, когда большая часть депутатов уже заседала в Таврическом дворце Петербурга. Претенденты на мандат депутата от Иркутска были известны. Социал-демократы вновь делали ставку на В.Е. Мандельберга, кадеты — на малоизвестного К.П. Турицына, трудовики, в состав которых также вошли народные социалисты и эсеры, — на инженера С.Ф. Малявкина. Накануне первого тура было проведено анкетирование среди группы избирателей в 400 человек и имевшей 8 голосов выборщиков. Оно показало, что кадеты «пользуются сочувствием среди избирателей». Из 263 человек, приславших ответы, 153 отдавали предпочтение кадетам, 80 — социал-демократам, 30 — трудовикам. На личные предпочтения выглядели иначе: кандидатуру В. Мандельберга готовы были поддержать 180 избирателей, К. Турицына — 48, С. Малявкина — 33 [6, 12 апр.].

Черносотенцы не смогли пройти отборочное сито в первом туре выборов, оппозиция одержала убедительную победу. Всего по городу право голосовать имели около 5500 человек. Проголосовали 3411 избирателей: около 62 % получил прогрессивный блок, 20 % — Русское собрание, 10 % — мирообновленцы, остальные голоса достались незначительным объединениям [6, 12 апр.]. В. Мандельберг прошел в списке выборщиков по третьему участку, получив 397 голосов [4, 18 марта]. Как отмечала газета «Сибирь», «выборы в городе имели большое идейное значение. Победа прогрессивного блока парализует дутый рост и фальшивое значение черной сотни» [6, 22 марта]. По этому поводу редакция «Сибири» позволила себе опубликовать маленький фельетон в стихах:

Кто победит в серьезном споре
Кадет, эсер или эсдек?
И кто отсюда в Думу вскоре
Пройдет как лучший человек?
Кадет желателен, конечно,
Эсдек, тот тоже ничего...

Хоть он и губит дело вечно
Из-за сектантства своего.
...Но в чем верх счастья, утешенья
Наш город подлинно обрел,
Так это в том уж без сомненья,
Что «обновленец» не прошел [6, 24 марта].

Во втором туре 80 выборщиков, представлявшие разные политические силы (кадеты, социал-демократы и блок народников), должны были избрать депутата. Каждый из трех кандидатов должен был убедить выборщиков в правоте именно своей позиции.

21 марта 1907 г. «Иркутские губернские ведомости» опубликовали список выборщиков [2, 1907, 21 марта]. Интересен качественный состав лиц, которым иркутяне доверили право выбора члена Государственной думы. Хотя не у всех выборщиков были указаны профессия и образование, можно отметить их достаточно высокий образовательный и интеллектуальный уровень. 10 человек имели высшее образование, 1 закончил духовную семинарию. Среди выборщиков фигурировали известные в городе врачи З.Г. Франк-Каменецкий, Б.А. Ельяшевич, А.И. Крючкович, почетный мировой судья Б.П. Шостакович и др. В списке были учителя, инженеры, присяжные поверенные, 3 священника. Следует отметить фамилии И.И. Рункевича, П.А. и И.П. Феденевых, М.М. Цукасова, которые проходили по сводкам охранного отделения как активные участники революционных событий 1905 г.

Выборы члена Государственной думы освещали все иркутские газеты. Во всех газетах публиковались информационные сообщения о собраниях, но в либеральных изданиях предпринимались попытки дать первичный анализ состоявшихся дебатов. По окончании кампании был дан обширный аналитический материал по выборам в городе.

22 марта 1907 г. состоялось первое собрание выборщиков. Собрание проходило под председательством городского головы Н.И. Исцеленова. По разным причинам отсутствовали 5 выборщиков. Были определены кандидаты, и каждый из них выступил с изложением своей предвыборной программы. Но по результатам голосования ни один из кандидатов не набрал абсолютного большинства голосов. Обнаружилось некоторое преимущество В. Мандельберга в 3 голоса над кандидатом от кадетов [2, 23 марта; 6, 23 марта].

На собрании было принято решение направить на встречу с губернатором делегацию из 6 человек по вопросу освобождения двух выборщиков — И.И. Рункевича и П.Н. Феденева [4, 22 марта]. Встреча оказалась результативной, и оба выборщика приняли участие в последующих собраниях.

Анализируя первые дебаты, газета «Сибирь» отмечала преимущества В. Мандельберга перед соперниками: опыт, умение работать в

коллективе, организаторские и ораторские способности [6, 24 марта]. По оценкам издания, кадеты допустили явную оплошность, выставив слабого кандидата. Следствием провала стала замена К. Турицына на П.А. Титкова, занимавшего пост редактора газеты «Сибирская заря». Позднее одной из причин поражения кадетов на выборах были названы ошибки иркутского комитета партии народной свободы и конкретно И.С. Фатеева, «неспособного к организаторской работе и допустившего серьезные просчеты, которые не позволили привлечь голоса колеблющихся выборщиков на сторону кандидата от партии» [6, 25 марта].

23 марта было проведено новое собрание, на котором присутствовали 77 выборщиков. Оно вновь не выявило победителя, хотя Мандельберг увеличил свой отрыв от кадетского кандидата до 6 голосов [6, 24 марта]. Указывая на его принадлежность к меньшевистской фракции, газета видела в этом его преимущество и считала В. Мандельберга главным фаворитом.

В третьем туре, состоявшемся 24 марта 1907 г., В.Е. Мандельберг и П.А. Титков получили по 30 голосов. Выборщики предлагали еще раз переголосовать по двум кандидатам, но это противоречило законодательству и ставило Мандельберга в неравные условия ввиду его отсутствия на собрании. На это указывали его сторонники. В соответствии с Положением о выборах 1906 г. прибегли к жеребьевке, которая, судя по сообщению в «Сибири», оказалась достаточно напряженной и драматичной. Жребий улыбнулся кандидату от социал-демократов. В.Е. Мандельберг был объявлен членом Государственной думы от города Иркутска [6, 25 марта].

Статус депутата позволил В. Мандельбергу безопасно появиться в зале, где его приветствовали выборщики. Н.И. Исцеленов сообщил избраннику о решении городской думы выделить депутату годовое жалование в размере 3000 р. Но В. Мандельберг сразу заявил, «что 10 рублей суточных, положенных каждому депутату, вполне достаточно для него». [6, 25 марта].

«Сибирь» и «Сибирская заря» опубликовали краткие биографические данные депутата, обратив особое внимание на иркутский период жизни В. Мандельберга. Он сразу заявил, что будет работать в социал-демократической фракции Думы, и категорически опроверг мнение о том, что «социал-демократы идут в Думу для того, чтобы взорвать ее», назвав это «безумием». Он полагал, что «Дума может и должна помочь освободительному движению в России» [6, 25 марта]. Отвечая на вопросы корреспондента «Сибирской зари», он отметил, что пребывание в сибирской группе в Думе не входит в его планы, но отстаивать интересы сибирского населения он будет «на почве разработки и установления общегосударственного устройства» [4, 27 марта].

25 марта В.Е. Мандельберга принимал иркутский губернатор И.П. Моллериус. «Сибирь» сообщила о состоявшейся встрече. Депутат

обратился с просьбой о проведении митинга с целью получения наказов от избирателей. Но губернатор предложил действовать в соответствии с законодательством, которое предусматривало подобное собрание только через 3 дня. Затягивание с отъездом не входило в планы В. Мандельберга [6, 27 марта].

Газеты сообщали о поступающих в адрес депутата поздравительных телеграммах от коллег, от политических заключенных. В телеграммах звучала надежда на перемены в России, прекращение политических репрессий. К социал-демократу, избранному в Государственную думу, приходили делегации с наказами, частные лица с просьбами. Наказы передали рабочие железнодорожного депо, евреи города Иркутска, общество извозчиков и др.

Вечером 27 марта 1907 г. на перроне железнодорожного вокзала состоялись проводы В.Е. Мандельберга. Газеты сообщили об этом событии кратко, подчеркнув «большую тактичность» депутата [6, 29 марта]. Мандельберг согласился сотрудничать с редакцией «Сибири», чтобы информировать читателей газеты о делах в Думе из первых уст.

«Сибирь» вынуждена была поместить письмо депутата с опровержением информации о передаче ассигнованных ему городом средств в пользу артели безработных. За отсутствием таковой он решил направить выделенные городской думой средства на улучшение положения своих товарищей — политических узников, томившихся в иркутской тюрьме.

По итогам избирательной кампании в Иркутске газета «Сибирь» опубликовала в двух номерах аналитическую статью, написанную представителем кадетской партии. Отмечая «высокие личные, умственные и нравственные достоинства» доктора В. Мандельберга, причины его победы автор видел в «обаянии его личности и честности как политического деятеля» [6, 9 апр.].

Размышляя о ходе выборной кампании в Иркутске, автор указал на причины успеха партий прогрессивного блока, выделяя решающую роль партии народной свободы. Для противодействия крайней правой партии (Русское собрание), пользовавшейся всеми преимуществами легализованной партии и поддержкой властей, именно кадеты, подчеркивал автор, предложили объединить усилия левых сил. При этом кадетская партия пошла на уступки трудовикам и социал-демократам, отдав им больше голосов выборщиков. Кадеты исходили из того, что противоречия между более левыми партиями непримиримы, и они не смогут действовать совместно против кадетского кандидата. Кадеты рассчитывали на поддержку выборщиков национальных групп и непартийных [6, 9 апр.].

Исход голосования, по мысли автора, решили тактические ошибки, допущенные во время выборов. Замена Турицына на Титова привела к блокированию социал-демократов с трудовиками против кадетского кандидата. Автор сделал вывод, что кадетский кандидат «проиграл слу-

чайно». Хотя выборщиков социалистических партий было большинство (45), приверженцев этих партий среди избирателей меньшинство, подчеркнул автор. Он отмечал, что «избиратели города настроены оппозиционно к власти и в большинстве своем сочувствуют партии народной свободы» [6, 12 апр.].

Полемика после выборов развернулась на страницах газет «Сибирь» и «Сибирская заря». Поводом стала фраза депутата В. Мандельберга о «невозможности одновременного пребывания в составе двух фракций в Думе». Редакция «Сибирской зари» сопроводила эти слова замечанием: «чтобы депутат от г. Иркутска не растворился в исключительно партийной работе, чтобы район, пославший его, был в действительности представлен в Думе... Это никоим образом не значит, что он должен отказаться от своего политического вероисповедания...». Газета высказала рекомендацию: «Выход из совершенно исключительного положения г-на Мандельберга — во внепартийной работе» [4, 27 марта].

В связи с этими замечаниями В. Мандельберг вынужден был написать письмо в редакцию с изложением своей позиции, которое было опубликовано 31 марта. Опираясь на опыт депутатов-социалистов европейских стран, В. Мандельберг указал на естественное вхождение депутатов в партийные фракции парламентов. Он подчеркнул, что вопросы, стоящие перед Думой, могут разрешаться только в процессе политической борьбы, «а для успешности политической борьбы нужны политические партии» [4, 31 марта].

В продолжение дискуссии газета сделала пояснения 4 апреля. Она ответила на вопрос «В чем исключительность положения депутата?». В первую очередь газета настаивала на необходимости разработки «давно назревших местных вопросов» совместно с группой сибирских депутатов. Фракция, как указывала редакция, не занимается разрешением сибирских вопросов. Депутат должен проявлять инициативу и настойчивость в постановке в Думе сибирских дел, не дожидаясь установления демократической республики. Во-вторых, газета считала, депутат представляет не партию, а население города, от которого он избран. Кроме того, депутат должен быть готов, что к нему будут обращаться «за разрешением своих нужд обе губернии и обе области (территории, входившие в состав Иркутского генерал-губернаторства — В. К.), если не вся Сибирь» [4, 4 апр.].

Резкий ответ за подписью «Малеков» на выпады против В. Мандельберга со стороны «Сибирской зари» поместила газета «Сибирь» [6, 20 апр.]. Тон и содержание статьи «Идеалы беспартийности и утопизм в политике» говорят в пользу того, что за подписью стоял, скорее всего, близкий соратник В. Мандельберга по партии. Редакция газеты пояснила, почему она предоставила место для данного письма: «Оно отражает взгляды партии, к которой принадлежит доктор Мандельберг, партии,

партийной печатью здесь не представленной». Критикуя позицию «Сибирской зари», фактически позицию сибирского областничества, автор сделал акцент на широту подхода депутата в решении общенациональных задач, что, по его мнению, является наилучшей основой для разрешения местных вопросов. Он отмечал, что один депутат или даже группа сибирских депутатов не смогут сделать больше, чем партийная фракция. Он считал, что для успешного решения всех насущных вопросов в России необходима «организация всех общественных сил вокруг Думы».

Член Государственной думы В.Е. Мандельберг, как и обещал, сотрудничал с редакцией «Сибири» на протяжении своей недолгой депутатской карьеры. На страницах газеты периодически появлялась информация о действиях депутата, интервью, тексты его выступлений на пленарных заседаниях [6, 13, 16, 17 мая].

«Сибирская заря» также помещала на своих страницах информацию о деятельности депутата В. Мандельберга, но, по-прежнему, высказывала сожаления, что при обсуждении сибирских вопросов в Думе в составе сибирской группы нет иркутского депутата [4, 25 мая].

«Иркутские губернские ведомости» давали обзоры о заседаниях Думы, упоминая фамилию иркутского депутата, приводя некоторые выдержки из его выступлений [2, 24 мая]. Официальное издание губернии первым из иркутских газет напечатало именной Высочайший указ о роспуске Государственной думы и назначении времени созыва вновь избранной Думы [2, 11 июля].

Выборы в первые Думы были временем становления политических партий России, периодом обретения ими опыта парламентской деятельности и законотворчества. Но ни власть в лице самодержавия, ни парламентские партии не проявили стремления к поиску компромисса. Возможности реального превращения России в конституционную монархию были упущены.

Первые выборы в Государственную думу по городу Иркутску продемонстрировали необходимость агитации за конкретного кандидата и пропаганды программных установок политических партий. Партии осознали необходимость иметь в арсенале легальное печатное издание, которое может проводить массовую агитационную работу. Выборы показали, что блокирование различных идейно-политических сил может увенчаться успехом только на промежуточных этапах борьбы. Выборная кампания ярко продемонстрировала наличие острых, требующих безотлагательного решения проблем в сибирских территориях. Либеральные и социалистические издания обращали на них внимание и заставляли кандидатов в члены Государственной думы высказываться по ним. Борьба за единственный мандат в российский парламент от города Иркутска носила острый характер, полемика между партийными изданиями порой переходила границы дозволенного.

Опыт первых выборов был учтен и использован в ходе последующих выборов в Государственную думу. Кандидаты и их партии активно задействовали легальные издания для пропаганды своих программ. Следует отметить, что вывод кадетов о сочувствии их партии со стороны избирателей в Иркутске и губернии был опровергнут. На выборах 1907 г. и 1912 г. победу одержали представители социал-демократов — меньшевики Т.О. Белоусов и И.Н. Маньков, хотя они и не являлись лучшими представителями своей партии.

Список использованной литературы и источников

1. Кудряшов В. В. Первые выборы в Государственную думу в Иркутске (1906–1907 гг.) / В. В. Кудряшов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2016. — С. 331–339.
2. Иркутские губернские ведомости. — 1906–1907.
3. Молодая Сибирь. — 1906.
4. Сибирская заря. — 1907.
5. Сибирское обозрение. — 1906.
6. Сибирь. — 1907.

Информация об авторе

Кудряшов Василий Васильевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий базовой кафедрой истории, педагогики и психологии, Братский государственный университет, 665709, г. Братск, ул. Макаренко, 40, e-mail: vas60kud@mail.ru.

Author

Vasily V. Kudryashov — Ph.D. in History, Associate Professor, Head of the Chair of History, Pedagogic and Psychology, Bratsk State University, 40 Makarenko St., Bratsk, 665709, e-mail: vas60kud@mail.ru.

УДК 347.99(470)(091)
ББК 63.3(2)

Т.Л. КУРАС

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА (на примере судебных палат)

Судебные уставы 1864 г. провозгласили демократические принципы правосудия, в том числе независимости суда от администрации и несменяемости судей. При этом суд стал опережать в развитии основные политические институты самодержавия и вступать в противоречие с абсолютной монархией. Во избежание разрушения основ существовавшей формы правления власть ограничила основные принципы и институты судебной реформы, в том числе принцип независимости судей.

Ключевые слова: судебные палаты, судебная реформа, независимость судей.

QUESTIONS OF REALIZATION OF THE PRINCIPLE OF JUDICIAL INDEPENDENCE IN POST-REFORM RUSSIA IN THE SECOND HALF OF XIX — EARLY XX CENTURIES (on the example of trial chambers)

The judicial statutes of 1864 proclaimed the democratic principles of justice, including the principle of judicial independence from the administration and the tenure of judges. The Court began to outpace the development of the main political institutions of autocracy and conflict with the absolute monarchy. The basic principles and institutions of the judicial reform, including the principle of judicial independence, were limited in order to avoid the destruction of the foundations of existing forms of government.

Keywords: trial chambers, judicial reform, judicial independence.

Середина XIX в. была сложным периодом для России. Правительство Александра II понимало необходимость проведения реформ, одной из наиболее значимых должна была стать судебная. Система дореформенных судов была сложной и запутанной, существовало множество судебных инстанций и форм процесса, рассмотрение дел зачастую тянулось годами, большинство судей были малограмотны и зависимы от администрации, дела рассматривались в закрытых заседаниях. Необходимость проведения судебных преобразований ни у кого не вызывала сомнений [5, с. 77–78; 9, с. 134]. 20 ноября 1864 г. были приняты «Судебные уставы», они провозгласили демократические принципы правосудия: равенства всех перед судом, независимости суда от администрации, несменяемости судей, гласности, устности, состязательности, презумпции невиновности, право обвиняемого на защиту и другие. Была введена стройная система судебных органов с четкой компетенцией, создавались две группы судов: мировые и общие. К общим относились окружные суды, судебные палаты и Кассационные департаменты Правительствующего Сената. Институт мировых судей предоставлял доступ к правосудию всем слоям населения, они рассматривали мелкие гражданские и уголовные дела. Окружные суды рассматривали по первой инстанции гражданские и уголовные дела, неподсудные мировым судьям и не отнесенные законом к ведению судебных палат. Палаты выступали апелляционной инстанцией для дел, рассмотренных окружными судами, также к их ведению относилось рассмотрение по первой инстанции дел о государственных и должностных преступлениях. Сенат являлся высшим судебным органом страны. В целях реализации реформы территория империи была поделена на судебные округа, возглавляемые судебными палатами. Проведение реформы началось в 1866 г., когда были открыты Санкт-Петербургская и Московская

судебные палаты и суды их округов. Затем в период с 1867 по 1871 г. были открыты Харьковская, Тифлисская, Одесская, Казанская, Саратовская палаты, в 1876 г. — Варшавская, в 1880 г. — Киевская, в 1883 г. — Виленская, в 1897 г. — Иркутская, в 1899 г. — Омская и Ташкентская, в 1904 г. — Новочеркасская [14, с. 309–310]. Таким образом, образование судебных палат в рамках реформы 1864 г. завершилось к началу XX в. [8, с. 26–33].

Составителями Судебных уставов независимость суда от администрации представлялась необходимым условием реализации судебной реформы. В соответствии с положениями данного закона надзор за нижестоящими судами осуществляли вышестоящие, судьи ограждались от возможного давления со стороны администрации. К установленным гарантиям относилось, в частности, пожизненное назначение судей. Также в соответствии со ст. 243 Учреждения судебных установлений судьи не могли быть переведены в другую местность без их согласия. Кроме того, закрепленный в Судебных уставах механизм реализации принципа независимости судей позволял обеспечить их профессиональное, этическое поведение. В законе были урегулированы порядок, условия и ограниченный круг оснований увольнения судей на основании решения коллегии судей. Была закреплена и дисциплинарная ответственность за проступки на службе и вне ее, соответствующие вопросы разрешали сами судебные органы в лице вышестоящих инстанций. Однако отметим, что в силу того, что в Российской империи была абсолютная монархия, отсутствовал принцип разделения властей, принцип независимости судей не мог быть реализован в чистом виде. Одной из особенностей организации пореформенного суда являлось то, что Министр юстиции одновременно являлся и генерал-прокурором Сената. Он осуществлял организационное руководство всеми судами и одновременно возглавлял систему прокуратуры, у которой в силу ее специфики всегда был обвинительный уклон. Но в целом законодатель в Судебных уставах проводил последовательную политику на закрепление и реализацию принципа независимости судей.

В первые годы проведения судебной реформы подавляющее большинство членов судебных палат самоотверженно работали на благо государства и общества, проводя в жизнь демократические принципы правосудия. При этом многие из них не ограничивались добросовестным выполнением служебных обязанностей. Они участвовали в различных общественных, благотворительных и иных подобных организациях, осуществляли преподавательскую деятельность, принося еще большую пользу. Также представители палат поддерживали деятельность учебных заведений, занимались преподавательской деятельностью, передавая молодому поколению накопленные знания и опыт [12, с. 16–20]. Они демонстрировали активную жизненную позицию, способствовали повышению авторитета судебной власти и практической реализации

прогрессивных идей, строго соблюдая нормы закона о независимости суда от администрации.

В целом провозглашение и реализация принципа независимости судей в пореформенной России было очень серьезным шагом, который не мог не повлиять на дальнейшее развитие российского общества. С введением судебных уставов в России суд стал опережать в своем развитии основные политические институты самодержавия и вступать с ними в противоречие. Независимость и несменяемость судей, подчинение их только закону противоречили абсолютистской форме правления, где царь располагал неограниченной законодательной, исполнительной и судебной властью, а губернаторы являлись хозяевами губерний. Непоколебимость основ государственности, которые не должны были измениться в связи с введением новых судов, оказалась иллюзией, это была недооценка суда со стороны правительства. Суд, наделенный независимостью, в определенной степени обособился от других органов государственной власти. Была создана самостоятельная и независимая судебная власть. Самодержавие планировало реформировать судебную систему без изменения государственного строя. Однако, стремясь избежать превращения России в конституционную монархию, самодержавие само вступило на этот путь, в этом заключалось противоречие, которое породила реформа, оно впоследствии обострялось, захватывая всю государственность в целом [15, с. 51–52, 65–68].

В результате того, что суды, в том числе судебные палаты, не оправдали ожиданий самодержавия, на фоне подъема общественного движения в 1870–1880-х гг. была проведена так называемая контрреформа, в результате которой были ограничены основные принципы и институты судебной реформы, в том числе принцип независимости судей.

Так, 20 мая 1885 г. был принят закон «О порядке издания общего наказа судебным установлениям и о дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства», ограничивший несменяемость судей. В соответствии с данным законом судья мог быть уволен за упущения по службе, которые «хотя и не влекут удаления его от должности по суду, но... свидетельствуют о несоответствии виновного в них судьи занимаемому положению» и за «противные нравственности и предосудительные поступки» вне службы. Судья, давший «основательный повод сомневаться в дальнейшем спокойном и беспристрастном исполнении им своих обязанностей» мог быть переведен в другую местность империи. Для рассмотрения таких дел было учреждено Высшее Дисциплинарное присутствие Сената. Ему были подведомственны дела об увольнении и переводе судей по данным основаниям по представлению министра юстиции [2]. Отметим, что на практике власть довольно часто использовала институт перевода судей в другую местность. Так, за короткий период времени в должностях членов судебных палат успевало отрабо-

тать большое число лиц. Анализ приказов о назначениях и перемещениях по ведомству министерства юстиции за период с 1896 по 1917 г., опубликованных в «Журнале Министерства юстиции», позволяет установить, что перемещения осуществлялись весьма часто. К примеру, в составе Санкт-Петербургской судебной палаты за этот период в должностях членов палат, прокуроров и их товарищей работало более 200 человек, в Харьковской — более 150, в Варшавской — более 130, в Московской и Саратовской — более 100, в Одесской и казанской — более 80, в Иркутской — 60 [10, с. 59]. При этом, к примеру, Иркутская палата к 1897 г. состояла из 8 судей, прокурора и двух его товарищей [8, с. 77].

Верховная власть сама определяла состав Высшего Дисциплинарного присутствия Сената, круг сенаторов был небольшим, самодержавию было несложно воздействовать на него. Значимым фактором являлось и то, что данный орган рассматривал дела по инициативе администрации в лице министра юстиции, а не по представлению квалификационных коллегияльных судебных органов. Кроме того, указанные в законе 1885 г. основания отстранения судей от должности давали возможность их расширительного толкования. Затем законом 10 мая 1887 г. было реорганизовано Соединенное присутствие первого и кассационных департаментов Сената. К его полномочиям было отнесено предание суду чинов судебного ведомства и право делать замечания дисциплинарного характера судебным органам, если их решения будут признаны неверными. В этом также наблюдается отход от принципа независимости судей от администрации, поскольку первый департамент Сената являлся административным, а не судебным органом [15, с. 105–107].

В целом в 1870–1880-е гг. правительство предприняло серьезные шаги, направленные на то, чтобы суд перестал быть самостоятельным и независимым органом. К концу 1880-х гг. идея о полной независимости судебной власти утратила свое первоначальное значение [1, с. 627]. Так, в докладе старшего председателя Омской судебной палаты, оглашенном при открытии новых Омских судебных установлений 14 мая 1899 г., отмечалось, что судья, при всей своей компетентности, честном исполнении долга, независимости и самостоятельности, является государственным служащим, который, выполняя свою роль в поддержании жизнеобеспечения государственного аппарата, нуждается в помощи администрации и полиции и должен без замедления исполнять любое их законное требование [4, с. 55]. Здесь в соответствии с тенденциями этого времени просматривается непризнание разделения трех ветвей власти и отделения суда от администрации и полиции.

Для периода контрреформ было характерно и то, что Министерство юстиции стремилось, формально сохраняя нормы, провозглашавшие независимость судей, влиять на членов судов, используя механизм назначения на судебные должности, в частности, при замещении ва-

кантных мест в судебных палатах. Как было отмечено выше, власть зачастую по различным причинам перемещала судей из одного суда в другой. В таких ситуациях требовалось назначать новых лиц на открывшиеся вакансии. В ст. 213–215 «Учреждения судебных установлений» было закреплено, что кандидатов на открывшиеся судебные должности избирали и рекомендовали сами суды путем проведения общего собрания. Представления судебных палат о кандидатах поступали к министру юстиции, он представлял императору кандидатов, рекомендованных судом, а также других лиц, соответствующих требованиям. Таким образом, министр мог предлагать для назначения на должности членов палаты лиц, не рекомендованных палатой [8, с. 53–55]. Власть активно использовала данное полномочие, назначая на должности «угодных» им судей, что было обусловлено необходимостью самостоятельно определять состав судебных палат, влиять на деятельность которых было весьма важно для самодержавия.

К механизмам воздействия на судей можно причислить также присвоение им классов чинов и орденов. Система чинов имела официальное и общественное значение, являлась одним из важнейших средств организации государственной службы. Чины давались за службу в порядке постепенности, обозначали степень деловой подготовки, служили средством привлечения на государственную службу и стимулом при ее исполнении, представляя собой желанную награду [17, с. 131–132, 183]. В соответствии со ст. 237–239, 248 «Учреждения судебных установлений» все члены судебных палат состояли в одном и том же классе должности — пятом, председателям палат и их департаментов присваивался класс на порядок выше — четвертый. Судьи во время службы пользовались правами и преимуществами чина, соответствовавшего классу их должности, даже если их фактический чин был ниже. Члены палат могли быть повышены в чине по личному усмотрению императора. К примеру, в период с 1896 по 1917 г. император присвоил высокий чин тайного советника сорока одному члену судебных палат. Ежегодно в указанный чин производилось двое-трое судей, в 1904 г. он был присвоен шести судьям, в 1906 г. — четверым. Представляется, это было обусловлено, среди прочего, политическими мотивами [13, с. 127–129]. Присвоение чинов являлось, несомненно, одной из мер воздействия самодержавия на членов судебных палат, деятельность которых по рассмотрению дел о государственных преступлениях была очень важна. Что касается орденов, они являлись знаками принадлежности к орденской корпорации [17, с. 328]. Министерство юстиции ежегодно определяло количество должностных лиц судебных округов, которые могли быть награждены соответствующими орденами, председатели судебных палат представляли к награждениям членов палат в установленных пределах [11, с. 111]. Членам судебных палат ордена вручались с учетом межнаградного

срока, количества орденов, определенных для судебного округа, и иных критериев, среди которых, немаловажным фактором, как представляется, являлась лояльность к действующей власти. К примеру, член Иркутской судебной палаты Х.Ф. Колоколов имел ордена Святого Станислава 2 и 3 степени, Святой Анны 2 степени, Святого Владимира 4 степени [3, л. 122–122 об.]. Присвоение орденов членам палат, с одной стороны, являлось мерилем их заслуг. Но с другой стороны, механизм награждения орденами использовался в целях воздействия на членов судебных палат, которые, по замыслу самодержавия, должны были являться эффективным средством поддержания существовавшего строя.

Как отмечают исследователи, в 1880-х гг. изменились не только роль и место суда в государственном механизме, но и личностный фактор — отношение многих чинов судебного ведомства к своей профессиональной деятельности и состоянию дел в судах [15, с. 98–99]. Так, в одной из статей, опубликованных в «Судебной газете» в 1883 г., отмечалось следующее: представляется несомненной равнодушие судей ко внутренней деловой жизни суда или палаты или заведомое отречение от своих коллегиальных прав в пользу председателей по делам внутреннего судебного управления. Система управления судебной частью, выражающаяся в раздаче мест и повышению по службе не по трудовым заслугам каждого, не по способностям, не по юридическим познаниям, а по личному усмотрению лиц, вошедших в доверие министра юстиции, развила в среде судейского сословия дух карьеризма. Он низвел судейскую самостоятельность до обыкновенных административно-чиновничьих отношений и заставляет видеть в лице председателя суда не первого среди равных, а рычаг, посредством которого можно добиться перевода, повышения, награды, пособия, других земных благ. Результат этого таков, что в распоряжении председателей судов по вопросам, которые проходят через общее собрание, всегда послушное большинство. Фактическая власть председателей судов не имеет пределов, они не упускают случая и не разбирают способов к достижению своих личных целей [16, с. 12–13]. В юридической печати отмечалось, что в начале 1880-х гг. суды начали возвращаться к тем порядкам, которые напоминали дореформенные органы. Под воздействием власти, не заинтересованной в гласности, независимости судов, они снова стали скатываться к типу закоренелых бюрократических машин, в которых хорошо только власть имеющим [6, с. 13–14]. Характеризуя, к примеру, то, как было поставлено судоустройство в Московской судебной палате, Судебная газета в 1883 г. отмечала: члены палаты закрыты от публики каменными стенами, доступ к ним возможен был только по особому докладу. Чтобы подать в палату прошение, нужно ходить туда несколько дней. Если кому-то необходимо ознакомиться со своим делом, ему могли ответить, что дело у судьи дома, а в суде бывает в такие-то дни. Такое поведение

судей вызывало возмущения, многие задавались вопросом: это ли права, вытекающие из Уставов [7, с. 8–9]?

Таким образом, начиная с 1870–1880-х гг., самодержавие стремилось ограничить принципы независимости и несменяемости судей, сделать судей зависимыми от власти и управляемыми. Влиять на членов судебных палат было особенно важно для власти в силу их высокого места в судебной системе. Государство не решилось полностью поменять законодательство, закрепляющее демократические принципы, однако предпринимало меры, направленные на их ограничение. Также использовались такие эффективные способы воздействия, как присвоение чинов, награждение орденами, перевод на вышестоящую должность и др.

Список использованной литературы и источников

1. Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет : в 2 т. — Пг., 1914.
2. О порядке издания общего наказа судебным установлениям и о дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства: закон от 20 мая 1885 г. // Полный свод законов. — Собр. 3-е. — Т. 5, № 2959.
3. Государственный архив Иркутской области. — Ф. 245. — Оп. 1. — Д. 369; Ф. 246. — Оп. 6. — Д. 19.
4. Астахов А. В. Судебные институты Омского судебного округа в конце XIX — начале XX вв.: структура, состав и функционирование: дис. ... канд. ист. наук / А. В. Астахов. — Омск, 2009.
5. Василевский А. Отзывы русских газет и журналов о судебной реформе / А. Василевский // Журнал Министерства юстиции. — 1863. — № 4. — С. 49–80.
6. Корреспонденции: письма из Москвы // Судебная газета. — 1883. — № 7 (13 февр.). — С. 13–17.
7. Корреспонденции. Письма из Москвы // Судебная газета. — 1883. — № 10 (6 марта). — С. 8-9.
8. Курас Л. В. Иркутская Судебная палата (1897 — февраль 1917 гг.) / Л. В. Курас, Т. Л. Курас, Н. Н. Щербаков. — Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2003. — 254 с.
9. Курас С. Л. Система управления в тюремном ведомстве дореволюционной России на страницах ведомственных изданий / С. Л. Курас // Власть. — 2016. — № 1. — С. 134–138.
10. Курас Т. Л. Кадровая политика самодержавия в судебных палатах Российской империи / Т. Л. Курас // Гуманитарный вектор. — 2011. — № 3 (27). — С. 57–61.
11. Курас Т. Л. Награждение орденами членов судебных палат в Российской империи / Т. Л. Курас // Сибирский юридический вестник. — 2010. — № 3. — С. 110–114.
12. Курас Т. Л. Общественная деятельность служащих судебных палат Российской империи (1866–1917 гг.) / Т. Л. Курас // Сибирский юридический вестник. — 2013. — № 4. — С. 16–22.
13. Курас Т. Л. Присвоение чинов членам судебных палат в Российской империи: сравнительная характеристика и значение / Т. Л. Курас // Власть. — 2010. — № 2. — С. 127–129.

14. Курас Т. Л. Судебные палаты в Российской империи: создание, сравнительная характеристика / Т. Л. Курас // Вестник ИрГТУ. — 2011. — № 10. — С. 309–310.

15. Немытина М. В. Суд в России: вторая половина XIX — начало XX вв. / М. В. Немытина. — Саратов : СЮИ МВД РФ, 1999. — 256 с.

16. Русская печать по законодательным и судебным вопросам // Судебная газета. — 1883. — № 10 (6 марта). — С. 12–13.

17. Шепелев Л. Е. Чиновный мир России: XVIII — начало XX вв. / Л. Е. Шепелев. — СПб., 1999. — 350 с.

Информация об авторе

Курас Татьяна Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры судебного права Юридического института Иркутского государственного университета, Россия, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10, e-mail: tanya_kuras@mail.ru.

Author

Tatyana L. Kuras — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of Justice, Law Institute, Irkutsk State University, 10 Ulan-Batorskaya St., Irkutsk, 664082, e-mail: tanya_kuras@mail.ru.

УДК 320:323 (571.74)
ББК 67

Е.Т. ПРОТАСОВ

ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРЛАМЕНТА БУРЯТИИ (1938–1994)

Рассматриваются вопросы становления и развития Верховного Совета Бурятии как высшего органа государственной власти автономной республики, выполнявшего законодательные, представительные, контрольно-распорядительные функции. Отражена деятельность Президиума Верховного Совета, парламентских комиссий. Приводится сравнительный анализ качественного состава народных избранников. Уделено внимание работе по подготовке и внесению изменений в Конституцию республики.

Ключевые слова: Конституция, законодательные органы, сессии, депутаты, законы.

Е.Т. PROTASOV

LEGISLATIVE WORK THE PARLIAMENT OF BURYATIA (1938–1994)

Discusses the formation and development of the Supreme Council of Buryatia Republic as the Supreme body of state power of the Autonomous Republic performing legislative, representative and regulatory functions.

Reflected in the activities of the Presidium of the Supreme Council, the parliamentary commissions. The comparative analysis of the qualitative composition of the deputies. Attention is paid to the preparation and amendments to the Constitution of the Republic.

Keywords: Constitution, legislature, session, members, laws.

Основной закон Союза ССР 1936 г. внес кардинальные изменения в структуру и порядок формирования законодательных органов страны и республики. Двухступенчатая конструкция была заменена единым Верховным Советом Союза ССР, который традиционно именовался «высшим органом государственной власти» (ст. 22) [17, с. 138]. Причем, традиционная «советская» идея «высшего органа власти» была проведена более последовательно, чем в предшествующих конституциях. В частности, это проявилось в закреплении в Конституции компетенции Верховного Совета [3, с. 10].

В предшествующей двухступенчатой структуре законодательных органов основная законотворческая работа была прерогативой постоянно действующего Центрального Исполнительного Комитета (далее — ЦИК). Главным недостатком такого порядка являлось отсутствие гласности и недемократический порядок формирования ЦИК из-за отстранения от этой процедуры избирателей. С целью завуалировать столь явно авторитарный характер политического режима, продемонстрировать внешний «демократизм» советской власти и был образован единый и единственный законодательный орган — Верховный Совет, избираемый всем населением страны.

Высшими органами государственной власти в союзных и автономных республиках также становились Верховные Советы, которые избирались сроком на четыре года (с 1975 г. — через пять лет) по установленным нормам представительства и остававшимися неизменными до 1990 г. В Бурятии один депутат избирался от шести тысяч человек. Органами государственной власти в краях, областях, автономных областях, округах, районах, городах, селах являлись Советы депутатов трудящихся, избираемые сроком на два года. Как отмечено в монографии Е.Н. Палхачевой и Е.Т. Протасова они образовывали единую многоуровневую систему государственной власти с установленной функциональной субординацией [10, с. 111]. При этом разграничивалась компетенция органов, а не единая государственная власть. В какой-то мере это было отголоском теории разделения властей, поскольку верховенство парламента ограничивалось полномочиями подотчетных ему органов [8, с. 75]. В расширительном понимании также представляется целесообразным отразить мнение А.А. Албогачиева в его диссертационном исследовании о том, что законодательный орган, парламент представляется особенным политическим механизмом, так как его развитие есть не

что иное как история развития свободы и прав, и функционирование на данный момент может дать представление о современном положении с реализацией связи народ — власть, с осуществлением интересов и прав личности и общества в том или ином регионе [1, с. 39].

В конце 1930-х гг. утвердился политический курс на унификацию и интернационализацию всех сторон общественной жизни многонационального государства, что стало причиной замедления процесса национально-государственного строительства [5, с. 153].

11 августа 1937 г. VII чрезвычайный съезд Советов БМАССР принял Конституцию республики, в которой однозначно закреплялось, что «Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика есть Социалистическое государство...» Цели, ставившиеся в момент образования республики в 1923 г., формально признавались достигнутыми. Согласно Конституции высшим органом государственной власти стал Верховный Совет республики.

Первый состав Верховного Совета БМАССР, избранный 26 июня 1938 г., состоял из 89 депутатов. Их состав был тщательно подобран, чтобы отражать социальную структуру общества. Народными избранниками стали 62 члена и кандидата в члены партии, 13 комсомольцев, 14 беспартийных, а также 27 рабочих, 25 колхозников, 18 партийных и советских работников, 10 хозяйственных руководителей, 9 военных, 20 стахановцев, 13 орденосцев. Подавляющим большинством депутатов являлись мужчины в возрасте от 30 лет, имевшие начальное образование. Выборы были всеобщими, равными, прямыми, но безальтернативными. Партийные органы, организовавшие подготовку и проведение избирательной кампании, полностью контролировали весь процесс выборов. При этом следует отметить, что постоянной проблемой законодательных органов является профессионализм и представительство депутатского корпуса. Еще несколько веков назад английский мыслитель Дж.С. Милль отмечал, что представительное собрание должно «быть одновременно комитетом по рассмотрению жалоб и конгрессом мнений страны или региона, форумом, на котором не только нация в целом, но и каждая группировка, и, по возможности, каждая выдающаяся личность могли бы полностью высказаться и участвовать в дискуссии. Считается, что право представительства — важнейший признак демократии, позволяющий в то же время избежать принятия непродуманного или злонамеренного решения. Именно в борьбе за право представительства рождались парламентаризм и связанные с ним политические доктрины».

На первой сессии Верховного Совета автономной республики 6–8 июля 1938 г. были избраны Президиум Верховного Совета, постоянно действующие бюджетная и мандатная комиссии, комиссия законодательных предложений парламента, образовано Правительство Бурятии. В постановлении Президиума Верховного Совета от 19 июля

1938 г. отмечалось, что «97,99 % граждан республики приняли участие в голосовании, и из них 98,5 % единодушно голосовали за кандидатов непобедимого блока коммунистов и беспартийных» [6, с. 47]. Председателем Верховного Совета был избран Гавриил Сергеевич Будаев, работавший секретарем Баргузинского райкома партии, а Председателем Президиума Верховного Совета (на постоянной основе) — Гомбо Цыбинович Бельгаев, являвшимся Председателем ЦИК последнего созыва, Секретарем Президиума — Владимир Михайлович Биртанов. Председателем Совета Народных Комиссаров (с 1946 г. — Совета Министров) был утвержден Соломон Матвеевич Иванов.

Учреждение Верховного Совета устранило существовавшее положение, когда правом издания законодательных актов обладало сразу несколько органов: съезд Советов БМАССР, ЦИК и его Президиум, СНК республики. Теперь вся полнота государственной власти в республике принадлежала Верховному Совету.

Основными полномочиями парламента Бурятии являлись законодательная, контролирующая и представительная. Основной его организационно-правовой формой работы была сессия. На них наиболее полно раскрывалась сущность высшего представительного органа государственной власти, выборного органа коллективного руководства, выражавшего волю избирателей республики и своевременно решавшего важные государственные, социально-экономические, общественно-политические вопросы. Его Президиум осуществлял организационную работу по подготовке сессий.

Предложения в повестку дня сессий вносили сам Верховный Совет, его Президиум, а также Правительство республики. Поскольку с 1930-х гг. партийные органы доминировали почти во всех сферах общества, накануне заседания парламента проводилось заседание бюро или пленум Бурятского обкома партии, на которых рассматривались основные вопросы очередной сессии.

В своей деятельности Верховный Совет внес значительный вклад в государственное строительство посредством внесения изменений в Конституцию республики. Так, 23 июня 1940 г. на IV сессии Верховного Совета БМАССР были внесены изменения в ее статьи 14, 44 и 77 в связи с образованием новых районов, изменением состава Совнаркома и введением отчетов народных судей перед избирателями [11, с. 29]. Поправки в отдельные статьи Конституции республики, связанные с разделением НКВД на НКВД и НКГБ и ввиду упразднения хошунного административного деления, были приняты 10 апреля 1941 г. на VI сессии регионального законодательного органа [9, с. 17].

За время Великой Отечественной войны состоялась лишь одна — VII (юбилейная) сессия Верховного Совета республики в июле 1943 г. [13, с. 5]. В августе 1945 г. после двухлетнего перерыва состоялась

VIII сессия Верховного Совета, на которой были внесены изменения в статью 14 Конституции республики. Они касались образования новых районов [14, с. 24]. 30 сентября 1946 г. был принят Закон «О преобразовании СНК БМАССР в Совет Министров».

Несколько поправок в Конституцию республики на сессии парламента 10–11 апреля 1949 г. относительно компетенции высших органов государственной власти были внесены в статьи 18 и 30. Изменения в статью 36 о сроках созыва вновь избранного Верховного Совета внесены в соответствии с дополненной статьей 39 Конституции РСФСР. Причиной изменения статьи 25 послужило увеличение числа заместителей Председателя республиканского парламента до четырех человек [15, с. 18].

В связи с изменением наименования партии, принятым на XIX съезде Коммунистической партии Советского Союза, и в соответствии со статьей 130 Конституции РСФСР 8 сентября 1953 г. были внесены соответствующие поправки в статью 93 [16, с. 14].

17 июля 1958 г. на сессии Верховного Совета республика была переименована в Бурятскую АССР.

В 1959 г. отмечалось 300-летие добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства, в котором принял участие Председатель Совета Министров РСФСР Д.С. Полянский, вручивший Бурятской АССР орден Ленина. Вторым и третьим орденами Союза ССР республика была награждена в 1972 и 1973 гг.

Верховный Совет республики устанавливал государственные и местные налоги, сборы и неналоговые доходы, осуществлял контроль за исполнением законов, порядком пользования природными ресурсами, охраной государственного порядка и прав граждан. В числе других на сессионных заседаниях рассматривались вопросы выполнения народнохозяйственных планов, улучшения медицинского обслуживания и охраны здоровья населения, улучшения торговли и общественного питания, повышения уровня организационно-массовой работы местных Советов, улучшения работы средних общеобразовательных школ, жилищного и культурно-бытового строительства на селе и многих других.

В период между сессиями парламента, проводившимися один раз в полгода, высшую государственную власть на территории Бурятии осуществлял его Президиум. В его компетенцию входили созыв сессий, толкование республиканских законов, исполнение законодательства СССР, РСФСР и БМАССР в различных отраслях права, издание указов, проведение всенародного опроса и назначение выборов, решение вопросов административно-территориального устройства, установление и присвоение почетных званий республики. Контролировал работу районных, городских и сельских Советов, координировал работу постоянных парламентских комиссий и различных общественных формирований: административных и наблюдательных комиссий, советов по работе то-

варищеских судов, добровольных народных дружин по охране общественного порядка, комиссий по делам несовершеннолетних, а также решал иные вопросы государственного строительства, развития народного хозяйства.

Несмотря на политическую ритуализацию деятельности Верховного Совета и избирательных кампаний по его формированию, этим вопросам уделялось серьезное внимание партийных органов, которые рассматривали выборы как важнейшую политическую задачу демонстрации лояльности населения к действующей власти. Фактически избиратели голосовали во многом не за единственного кандидата, а за политическую систему в целом.

Последующие выборы депутатов проходили при высокой активности населения. За кандидатов в среднем голосовало не менее 98 % избирателей. При этом на выборах 3 марта 1963 г. явка избирателей достигла рекордного уровня — 99,99 %. Именно тогда появилось полушутливое выражение — «четыре девятки». Количество депутатских мандатов неуклонно увеличивалось. В 1967 г. было избрано 127, в 1971 г. — 137, в 1975 г. — 150, а с 1980 г. — 170 депутатов. Большинство депутатов являлись членами партии, в среднем их доля за двенадцать созывов составляла 65,3 % [4, с. 3]. Третья часть народных избранников были беспартийные. И впервые депутатом Верховного Совета в 1990 г. был избран религиозный деятель Матвей Рабданович Чойбонов. 81,7 % депутатского корпуса последнего созыва имели высшее образование, в том числе 13 кандидатов наук.

Обновляемость парламентариев была высока и составляла от 63,3 до 79 %. Среди избранных дважды и трижды они составляли соответственно 17,6 и 14 %. При этом наибольший срок депутатства 35 лет подряд в течение восьми созывов был у директора Тонкосуконного комбината, Героя социалистического труда Клавдии Павловны Альцман, 34 года народным избранником являлся партийный руководитель республики Андрей Урупхеевич Модогоев.

За 56 лет деятельности Верховного Совета его возглавляли 12 Председателей Верховного Совета, 9 Председателей Президиума Верховного Совета и 12 Секретарей Президиума [15, с. 5]. Председателями Верховного Совета Бурятии в разное время являлись политические и общественные деятели республики Б.Л. Лобсонов, М.М. Могнонов, Н.Г. Балдано, композитор Б.Б. Ямпиров, ректор Д.Ш. Фролов, ученый М.В. Мохосоев, поэт Н. Г. Дамдинов.

Руководители Верховного Совета и их заместители исполняли обязанности на общественных началах без отрыва от своей основной деятельности. Лишь в двенадцатом созыве с 1990 г. Председатели Верховного Совета С.Н. Булдаев, Л.В. Потапов и их заместители работали на постоянной основе.

В 1941–1947 гг. Председателем Президиума Верховного Совета была Г.А. Цыденова. Продолжительное время в этой должности работали Д.Ц. Цыремпилон, А.У. Хахалов, Б.С. Семенов. Три созыва подряд с 1947 по 1959 г. Секретарем Президиума на постоянной основе являлась В.Л. Островская, ее преемниками были Ч.Д. Доржиев, Л.П. Сабуров, К.Е. Маслов, И.Д. Черняков, Е.М. Мацуков, А.С. Берещинов.

В мае 1978 г. была принята Конституция Бурятской АССР. Считалось, что по новому Основному Закону в условиях развитой социалистической демократии полномочия республики были расширены [7, с. 144]. Однако, в результате чрезмерной централизации власти и руководства экономикой ее самостоятельность, по существу, была ограничена. Она была фактически уравнена в правах с областями, сохраняя лишь внешнюю оболочку государственности. Важнейшие вопросы жизни республики в основном решались центром и партийными органами. Это негативно сказывалось на инициативе и ответственности республиканских органов власти.

Такая ситуация сохранялась вплоть до середины 1980-х гг., когда в Советском Союзе началась «перестройка», политическим содержанием которой было провозглашено развитие демократии и гласности. В 1988–1989 гг. были приняты Законы «О выборах народных депутатов СССР», «О выборах народных депутатов Бурятской АССР». Безусловным достоинством этих правовых актов стало закрепление принципа альтернативности выборов. В тот период с учетом демократических ожиданий многие надеялись на утверждение полноценного парламентаризма и формирование современного парламента. Ведь как отмечал исследователь Е.В. Охотский «...парламентаризм представляет собой это сложный политико-правовой и социокультурный феномен, предполагающий достаточно высокий уровень общей и, в частности, политической культуры как населения, так и представителей власти. Современный парламентаризм возможен лишь на таком этапе развития общества, когда подавляющее большинство его граждан убеждены в необходимости существования постоянно действующего института представительной демократии, когда они осознают, что парламент представляет собой одно из важнейших завоеваний человечества и, по-видимому, единственно возможный и рациональный способ реализации и функционирования представительной демократии. Именно парламент способен определять лицо демократической власти» [9, с. 40].

Таким образом, на выборах народных депутатов СССР (1989 г.), РСФСР и региональных Советов (1990 г.) избиратели могли сделать реальный выбор между несколькими кандидатами. Несмотря на недостатки в организации и нормативном регулировании избирательных кампаний, они имели большое значение не только для стимулирования активности избирателей, но и для всего последующего развития пред-

ставительной демократии. В условиях бурных политических событий первой половины 1990-х гг. Верховный Совет республики сумел значительно активизировать законотворческий процесс. 22 февраля 1994 г. он принял новую Конституцию Республики Бурятия, согласно которой высшим постоянно действующим представительным и единственным законодательным органом государственной власти стал Народный Хурал Республики Бурятия.

Список использованной литературы и источников

1. Албогачиев А. А. Парламентские традиции в европейском политическом пространстве : дис. ... канд. полит. наук / А. А. Албогачиев. — М., 2001. — 154 с.
2. Биографические данные руководителей Верховного Совета, Президиума Верховного Совета и Правительства Бурятии (1923–1996) : сб. / сост. А. Х. Насыров. — Улан-Удэ : Управление делами Народного Хурала Республики Бурятия, 1996. — 65 с.
3. Булаков О. Н. Представительные полномочия Советов в период советского строительства / О. Н. Булаков // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. — 2003. — № 5. — 43 с.
4. Верховный Совет Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики. Двенадцатый созыв. — Улан-Удэ : Верховный Совет БАССР, 1990. — 58 с.
5. Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение / А. А. Елаев. — М. : Антал, 2000. — 176 с.
6. Жалсараева Э. Б. Институты избирательного права в Бурятии : историко-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук / Э. Б. Жалсараева. — М., 2003. — 161 с.
7. Ивайловский Д. А. Государственность субъектов Российской Федерации как закономерности государственно-правовых явлений Российского государства (на материалах Республики Бурятия): историко-правовые аспекты / Д. А. Ивайловский. — М. : Юрист, 2009. — 279 с.
8. Лукьянов А. И. Парламентаризм в России (вопросы истории, теории и практики) / А. И. Лукьянов. — М. : НОРМА ИНФРА-М, 2010. — 221 с.
9. Охотский Е. В. Государственная служба в парламенте : отечественный и зарубежный опыт / Е. В. Охотский. — М. : Изд-во РАГС, 2000. — 213 с.
10. Палхаева Е. Н. Законодательная власть Бурят-Монгольской АССР (1923–1937 гг.): историческое исследование / Е. Н. Палхаева, Е. Т. Протасов. — Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2004. — 135 с.
11. IV сессия Верховного Совета БМАССР первого созыва. 23 июня 1940 г. Стенографический отчет. — Улан-Удэ : Верховный Совет БМАССР, 1940. — 139 с.
12. VI сессия Верховного Совета БМАССР первого созыва. 10 апреля 1941 г. Стенографический отчет. — Улан-Удэ : Верховный Совет БМАССР, 1941. — 143 с.
13. VII сессия Верховного Совета БМАССР первого созыва. 5 июля 1943 г. Стенографический отчет. — Улан-Удэ : Верховный Совет БМАССР, 1943. — 87 с.
14. VIII сессия Верховного Совета БМАССР первого созыва. 4–5 августа 1945 г. Стенографический отчет. — Улан-Удэ : Верховный Совет БМАССР, 1945. — 195 с.
15. V сессия Верховного Совета БМАССР второго созыва. 10–11 апреля 1949 г. Стенографический отчет. — Улан-Удэ : Верховный Совет БМАССР, 1949. — 217 с.

16. V сессия Верховного Совета БМАССР третьего созыва. 7–8 сентября 1953 г. Стенографический отчет. — Улан-Удэ : Верховный Совет БМАССР, 1953. — 209 с.

17. Собрание законодательства СССР. — М. : Изд-во полит. лит., 1937. — 473 с.

Информация об авторе

Протасов Евгений Тарасович — кандидат исторических наук, и.о. доцента, кафедра государственного и муниципального управления, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия, 670031, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Трубочеева, 148, e-mail: protasov-evg@mail.ru.

Author

Eugene T. Protasov — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of State and Municipal Management, Buryat State Agricultural Academy, 148 Trubacheev St., Ulan-Ude, 670031, e-mail: protasov-evg@mail.ru.

УДК 37.0014:001.885(571.53)

Ю. А. РАДДАЦ

ББК 74.026(253.5)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ВНЕДРЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Анализируется процесс внедрения инновационных образовательных технологий в образовательной системе Иркутской области. Рассмотрены примеры пилотных площадок.

Ключевые слова: инноватика, инновационные образовательные технологии, тьюторство, молодежный парламент, школьный агробизнес, краудсорсинг, робототехника.

YA.A. RADDATS

THE EDUCATIONAL SYSTEM OF THE IRKUTSK REGION IN THE POST-SOVIET PERIOD: THE INTRODUCTION OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES

Examines the process of introduction of innovative educational technologies in the educational system of the Irkutsk region. Examples of pilot sites.

Keywords: innovation, innovative educational technology, tutoring, youth Parliament, school agribusiness, crowdsourcing, robotics.

Современное состояние общества можно охарактеризовать как перенасыщенное информацией, находящееся в состоянии информационного взрыва. Особо актуальным на данный момент является состояние сферы образования, вопросы ее модернизации, так как сфера образо-

вания является ключевой в формировании тенденций развития общества. И здесь современный этап развития российского общества характеризуется процессами внедрения новых образовательных стандартов.

Неотъемлемой частью, эффективным механизмом реализации этих задач являются инновации в образовании. Процесс совершенствования педагогических технологий, технических коммуникационных средств позволяет вывести информационный обмен учитель-ученик на совершенно иной, качественный уровень. Внедрение качественно новых информационных телекоммуникаций, в первую очередь связанных с совершенствованием компьютерных средств и сетей, позволило создать совершенно новое информационное образовательное пространство, являющееся базисом развития и модернизации образовательной системы в целом.

Но, прежде чем мы начнем говорить о конкретных инновационных технологиях в образовании, нам необходимо разобраться в том, а что собой представляет инновационная деятельность сегодня.

Вопросами исследования и разработки инновационных методов занимается инноватика — наука (отрасль, направление науки) о формировании и распространении новшеств на основе целенаправленной организации инновационной деятельности [4].

Инноватика — это не только особая отрасль науки, но и ее инструмент, который обеспечивает превращение всех фундаментальных и прикладных наук в действенную производительную силу общества [Там же].

В учебнике «Инновационный менеджмент» Р.А. Фатхудинов считает целесообразным разграничить понятия «новшество» и «инновация». Под новшеством понимает оформленный результат фундаментальных, прикладных исследований, разработок или экспериментальных работ в какой-либо сфере деятельности по повышению ее эффективности. А под инновацией автор предлагает понимать конечный результат внедрения новшества с целью изменения объекта управления и получения экономического, социального, экологического, научно-технического или другого вида эффекта [5].

В данной статье нам бы хотелось проанализировать состояние внедрения инновационных образовательных технологий в образовательном пространстве Иркутской области.

Институтом развития образования были созданы пилотные площадки на территории Иркутской области в рамках реализации ФГОС ООО и внедрения инновационных технологий в образовательный процесс. Рассмотрим более подробно опыт работы некоторых из них.

Ангарская школа № 15: тьюторское сопровождение обучающихся. Педагог сегодня не просто сообщает систему академических знаний, он учит делать выбор, ставить цели, помогает выстраивать траекторию достижения цели и сопровождает эту траекторию обучающегося. Он не навязывает, не настаивает, а лишь создает условия, среду, в которых обу-

чающийся имеет возможность сделать выбор и самоопределиться. При этом речь идет не о каждом педагоге, а прежде всего о педагоге-тьюторе и педагоге с тьюторской компетенцией.

В ФГОС ООО в качестве ожидаемого результата в первую очередь говорится о том, какая личность обучающегося выйдет из общеобразовательной школы. Ребенок, начиная с дошкольного возраста и на протяжении всего периода обучения в школе, рассматривается как маленький гражданин, как самостоятельная личность. Именно поэтому главный итог введения образовательного стандарта нового поколения — это выпускник-патриот, креативный, мотивированный к познанию, творчеству, обучению и самообучению.

Новая расстановка акцентов в работе с персоналом в образовательном учреждении предполагает развитие института тьюторства через присвоение тьюторской позиции тем же учителям-предметникам и через введение должности тьютора в штатное расписание. Моделей тьюторского сопровождения образовательного процесса существует достаточное множество, многие из них успешно реализуются в образовательных учреждениях по всему миру, в том числе и в России. Тьюторские практики в г. Ангарске, несмотря на то, что должность тьютор внесена в «Единый квалификационный справочник», находятся на стадии становления.

В качестве пилотного опыта в ангарской СОШ № 15 разработана модель тьюторского сопровождения образовательной деятельности обучающихся на ступени основного образования. Заглавным принципом модели тьюторства является синтез индивидуализации и социализации в воспитании и образовании личности с сибирским характером, юного гражданина города, региона, страны. Этот принцип реализуется через спектр технологий и подходов в образовании. К данным технологиям и подходам, прежде всего, относятся здоровьесберегающие технологии, технологии личностно-ориентированного образования, эффективной речевой деятельности, PR-технологии в образовательном процессе, компетентный, дифференцированный индивидуально-личностный, деятельностный и эвристический подходы.

Целью данной программы является повышение уровня профессиональной компетентности работников образования в области тьюторского сопровождения обучающегося на ступени основного общего образования.

Данные наработки позволят сформировать представление об организационных и содержательных аспектах тьюторства и помогут выстраивать профессиональную деятельность в аспекте индивидуализации образовательного процесса.

Разработаны индивидуальная карта занятости во внеурочной деятельности, индивидуальная карта сопровождения группы риска, индивидуальная карта условий развития. Разработана дополнительная

программа и УМК «Многовекторная модель государственно-общественного управления в условиях эффективного межведомственного взаимодействия.

Проблемой является поиск эффективных моделей, форм и технологий практической реализации моделей государственно-общественного управления. Повышение управленческой компетентности всех субъектов образовательного пространства. Краудсорсинг технология — это система, которая в настоящее время активно развивается и является процессом получения необходимых услуг, идей или контента путем привлечения вкладов от больших групп людей, особенно от интернет сообществ. Или же, иными средствами, передача отдельных функций кругу лиц на основании публичности, не подразумевающей трудового договора. Термин «краусорсинг» впервые был сформулирован в 2006 г. Джеффри Хау, редактором журнала «Wired» в статье по названию «The Rise of Crowdsourcing» [8].

Создана программа «Подготовка общественных управляющих; Управляющий совет образовательного учреждения», обучение по которой строится по модульной системе:

Модуль № 1. Обучающие семинары для родителей (о системе внутришкольного управления, о роли родителей в Управляющем совете, о механизмах взаимодействия всех участников);

Модуль № 2. Обучающие семинары для старшеклассников (опыт работы обучающихся в комиссиях управляющих советов, обучение работе с информацией, роль ученического самоуправления в развитии государственно-общественного управления, обучение навыкам публичного выступления, основные направления деятельности обучающихся в работе Управляющего совета);

Модуль № 3. Обучающие семинары для кооптированных членов (цели, задачи и роль кооптированных членов в Управляющем совете, «роль команды», комиссии Управляющего совета, их функции и назначение; подготовка общественных наблюдателей при проведении ОГЭ и ЕГЭ; социальное партнерство в развитии государственно-общественного управления межведомственное взаимодействие);

Модуль № 4. Обучающие семинары для руководителей образовательных учреждений (государственно-общественное управление: сущность, основные понятия; механизм взаимодействия всех участников государственно-общественного управления; согласование формы договора с родителями в соответствии с требованиями ФГОС; роль всех участников в Управляющем совете, назначение комиссий и рабочих групп; основные направления деятельности всех участников в работе Управляющего совета; опыт работы образовательных учреждений). Обучение в модулях происходит в различных формах: круглые столы, семинары, практикумы, конференции, мастер-классы и т.д.). По окон-

чании обучения предполагалось создание Управляющего совета школы, что и было осуществлено.

МОУ ИРМО «Хомутовская СОШ № 1» реализует несколько направлений инновационной деятельности, создано несколько пилотных площадок. В соответствии с Распоряжением Министерства образования Иркутской области от 21.05.2012 г. № 640-мр Хомутовская СОШ № 1 является пилотной площадкой опережающего введения ФГОС основного общего образования. С сентября 2013 г. в 5-х классах началась реализация ФГОС. Основная цель введения ФГОС ООО состоит в создании условий, которые позволили бы решить главную стратегическую задачу российского образования — повышение качества образования, достижение новых образовательных результатов, которые бы соответствовали тем вызовам, которые ставит перед образованием общество и государство. Происходит постепенное оснащение школы всеми необходимыми техническими средствами, в школе подключен высокоскоростной интернет, работает Wi-Fi сеть. Психолого-педагогической службой школы разработана «Программа психолого-педагогического сопровождения ФГОС ООО». Учителя школы активно используют Интернет-ресурсы. В школе разработана внутришкольная система оценки достижения планируемых результатов образовательных программ. Внедряется практика создания портфолио обучающихся и ежегодно проходит фестиваль «Лучшее портфолио».

Разработана Дорожная карта по введению ФГОС ООО на 2015–2019 учебные годы, где прописан перспективный план-график мероприятий по внедрению ФГОС ООО.

Школу наградили дипломом Управления образования администрации Иркутского районного муниципального образования как участника диссеминации инновационного педагогического опыта пилотных площадок по опережающему введению ФГОС.

По распоряжению Министерства образования Иркутской области от 19.11.2015 г. № 932-мр Хомутовская СОШ № 1 является пилотной площадкой по реализации проекта «Агробизнес-школа и формирование системы непрерывного агробизнес-образования в Иркутской области», что подтверждается свидетельством № 6 от 19.11.2015 г.

В соответствии с Приказом Министерства образования Иркутской области и Приказа Министерства сельского хозяйства от 24 февраля 2015 г. № 13-мпр/7-мпр, на XI областном форуме «Образование Прибайкалья 2015» была представлена модель агробизнес-школы «Хозяин Земли Иркутской». Целью данной программы должно стать создание системы непрерывного агробизнес образования для решения проблемы кадрового обеспечения квалифицированными специалистами с инновационным мышлением и бизнес-подходом в сфере агропромышленного комплекса Хомутовского муниципального образования. Планируется

тесное взаимодействие с внешними организациями и выстраивание цепочки связей»: Предприятия АПК → ИрГАУ им. А.А. Ежевского → Колледж «Агротехнологий и агробизнеса» → Хомутовская СОШ № 1 → омутовский Детский сад № 1.

В числе важнейших задач стоят формирование у обучающихся комплекса профессиональных и предпринимательских компетенций в сфере АПК, способностей в сфере разработки и реализации проектов, новых социальных инициатив. В целях осуществления экспериментально-исследовательской и научно-исследовательской деятельности планируется тесное сотрудничество с организациями СПО и ВПО, обеспечение устойчивой мотивации обучающихся на самореализацию в условиях сельского социума, закрепление молодежи на селе, а также обеспечение функционирования инновационной площадки в сфере агробизнес-образования, распространение опыта работы в Иркутском районе.

У Хомутовской СОШ с 2010 г. налажено сотрудничество с Образовательным центром «Школьный университет» и Автономной некоммерческой организацией дополнительного профессионального образования Открытый молодежный университет. Школа реализует комплексную образовательную программу по направлению углубленной подготовки обучающихся по информатике и инновационно-коммуникационным технологиям.

По итогам сетевого взаимодействия и сотрудничества за 5-летний период смогли пройти обучение более 40 обучающихся по различным направлениям (офисные технологии, мультимедиа, информационные технологии, программирование и компьютерная графика).

В соответствии с Приказом Управления образования администрации Иркутского районного муниципального образования № 444 от 15.06.2015 г. «О внедрении курса «Начало прикладной информатики и робототехники в учебный план школьного компонента» Хомутовская СОШ является пилотной площадкой данного курса с 01.09.2015 г.

На этом школа не остановилась, и 01.07.2015 г. в г. Москве было заключено соглашение о сотрудничестве № ПС-38/34 по реализации общероссийской программы выявления и продвижения перспективных кадров для высокотехнологичных отраслей российской экономики «Робототехника: инженерно-технические кадры инновационной России».

Для 5–7 классов существует программа «Первый шаг в робототехнику», занятия по которой проходят в форме факультативных занятий и внеурочной деятельности. Обучающиеся школы принимают активное участие в мероприятиях по робототехнике различного уровня: мастер-классы различного уровня по робототехнике; участие в главном фестивале по робототехнике в Робосиб-2015 в Иркутске; участие в муниципальном фестивале «Робототехника LEGO как средство реализации ФГОС ООО» в рамках III форума «Образование Иркутского райо-

на — 2016»; на базе Педагогического института ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» школа выступила участником Открытого регионального фестиваля-марафона «Робо-Весна 2016».

С 25 по 27 марта 2016 г. школа принимала участие в соревнованиях «Погружение в основы робототехники на Байкале» в Большом Голоустном. На базе Хомутовской школы 6 апреля 2016 г. в рамках XII Форума «Образование Прибайкалья — 2016» «Агробизнес-образование Иркутской области» состоялся «Агроезд: «Растим хозяина земли». Обучающиеся представили проект «Роботы в сельском хозяйстве». Данное событие было освещено на телеканале «Россия».

Лишь эти две школы, рассмотренные нами в ряду пилотных площадок, заслуживают особого внимания. Видна глубокая методическая проработка всех структурных элементов, видно четкое видение развития инновационной деятельности. Школы учли проблемы психологического характера. Широко используется сотрудничество с другими организациями. Здесь мы с уверенностью можем сказать, что ведется инновационная деятельность и есть перспективы. В Хомутовской школе пошли еще дальше: снимаются ознакомительные ролики, о школе прошел сюжет на центральном телевидении.

Говоря в целом о системе общего образования Иркутской области, можно сказать, что нет четкого видения инновационной деятельности. Если на сайте Института развития образования есть хотя бы список пилотных площадок, то на сайте Министерства образования какая-либо информация об инновационной деятельности отсутствует вообще. Тогда возникает вопрос о координации деятельности. Нет площадки для обсуждения, для обобщения результатов инновационной деятельности и выработки видения дальнейшего развития.

Да, есть Распоряжение Министерства образования № 640-мр о пилотных площадках. Но отсутствуют механизмы реализации инновационной деятельности контроля за их исполнением. Мы не видим, какие цели ставит перед педагогическим сообществом Министерство образования Иркутской области. Большинство пилотных площадок существуют сугубо на бумаге, и занимаются в основном бумажной работой. В рассматриваемом распоряжении все пилотные площадки просто, под одну гребенку, вписаны как площадки опережающего введения ФГОС ООО. Не прописано, чем конкретно будет заниматься каждое отдельно взятое образовательное учреждение.

Список использованной литературы и источников

1. Королева Д. О. Портрет инноватора образования 21 века / Д. О. Королева, Т. Е. Хавенсон // Вопросы образования. — 2015. — № 1. — С. 182–200.
2. Мандель Б. Р. Современные инновационные технологии в образовании и их применение / Б. Р. Мандель // Образовательные технологии. — 2015. — № 2. — С. 27–48.

3. Куц Л. Г. Формирование инновационно-активной среды образовательного учреждения как условие повышения качества образования / Л. Г. Куц, С. В. Степанов // Инновации в образовании. — 2014. — № 2. — С. 111–118.

4. Селиванов С. Г. Инноватика : учеб. для вузов / С. Г. Селиванов, М. Б. Гузаиров, А. А. Кутин. — М. : Машиностроение. 2013. — 234 с.

5. Фатхудинов Р. А. Инновационный менеджмент / Р. А. Фатхудинов. — М.; СПб., 2003. — 187 с.

6. Шомирзоев Б. М. Формирование культуры учителя в условиях развития инновационных технологий / Б. М. Шомирзоев, Д. Р. Хасанов // Наука и школа. — 2014. — № 2. — С. 21–23.

7. Колесников А. К. Современные образовательные технологии для будущего учителя / А. К. Колесников, А. И. Санникова, К. Э. Безукладников // Альма Матер. — 2012. — № 1. — С. 34–38.

8. Jeff Howe. The Rise of Crowdsourcing // Wired Magazine. — Issue 14.06. — June 2006.

Информация об авторе

Раддац Юрий Алексеевич — преподаватель, Иркутский колледж автомобильного транспорта и дорожного строительства; аспирант, кафедра истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: raddac0402@mail.ru.

Author

Yury A. Raddats — Teacher, Irkutsk College of Automobile Transport and Road Construction; Ph.D. Student, Department of History and International Relations, Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: raddac0402@mail.ru.

ББК 63.3(253.5)

УДК 94(571.53)

Н.В. САВЧУК

ОТ ЮБИЛЕЯ К ЮБИЛЕЮ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ИСТОРИИ АНГАРСКА С ИСТОРИЕЙ АНГАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Проанализирована взаимосвязь Ангарского государственного технического университета с историей города. Показано взаимодействие коллектива преподавателей с промышленными предприятиями в подготовке квалифицированных кадров и решении научно-технических проблем.

Ключевые слова: история, город, Ангарский государственный технический университет, преподаватели, студенты, квалифицированные кадры, наука.

FROM ANNIVERSARY TO ANNIVERSARY: INTERCONNECTION ANGARSK HISTORY AND ANSTU

The interconnection Angarsk state technical university and the history of the town is analyzed. The collaboration of teachers' staff and industrial enterprises in training professional community and solution of scientific and technical problems is shown.

Keywords: history, town, Angarsk state technical university, teachers, students, professional community, science.

Ушедший в историю 2016 г. был богат юбилеями. Среди них стоит выделить две знаменательные даты, тесно взаимосвязанные между собой: 65-летний юбилей города Ангарска и 55-летний юбилей Ангарского государственного технического университета (АнгГТУ). По историческим меркам для истории города это небольшой срок. Но следует учесть, что он создавался в непроходимой тайге и сразу, же после войны. Второй юбилей — не менее значим. Не каждый город, подобный Ангарску, в нашей стране имеет самостоятельное государственное высшее учебное заведение. За прошедшие десятилетия менялись названия вуза, и каждое из них свидетельствовало о повышении его статуса и достижениях всего коллектива.

История АнгГТУ неразрывно связана с историей Ангарска. Начало строительства города объяснялось потребностью государства иметь на востоке страны строительную, энергетическую и химическую базу для развития Восточносибирского региона. Начавшийся процесс ее создания в 1950-е гг. поставил новую задачу — обеспечения возводимых промышленных предприятий профессионально подготовленными рабочими и инженерно-техническими кадрами. Уже в 1952 г. был создан учебно-консультационный пункт (УПК) Всесоюзного заочного политехнического института на базе Ангарского техникума искусственного жидкого топлива (ИЖТ). Учебные аудитории первоначально находились в здании школы № 10, ГПТУ № 8, а затем в помещении, приспособленном для учебных занятий на ул. Московской 19. Постановлением Минвуза РСФСР от 1 декабря 1960 г. УПК был передан Иркутскому политехническому институту [8]. В истории становления и развития нашего вуза можно выделить несколько этапов.

Первый этап связан с организацией в 1961 г. вечернего факультета Иркутского политехнического института (ИПИ). Деканом факультета был назначен Л.Д. Тимченко, а в 1963 г. — Александра Ивановна Труфанова. Ее профессиональная деятельность началась в 1952 г. после окончания химического факультета Иркутского государственного университета пер-

воначально в техникуме ИЖТ, а затем в должности заместителя директора по учебной работе в техникуме легкой промышленности. В 1960 г. она, став старшим преподавателем кафедры общей химии ИПИ, была направлена в Ангарск для работы на вечернем факультете, а через три года — была избрана его деканом. В период ее руководства в 1965 г. факультет получил статус Ангарского филиала Иркутского политехнического института (АФ ИПИ). Так начался второй этап в истории вуза. Александра Ивановна была назначена его директором и в этой должности проработала 20 лет. Эти два десятилетия были важными в становлении и развитии филиала.

Происходило ежегодное увеличение численности студентов на вечерней форме обучения. Количество первокурсников возросло с 350 до 600 человек. Причем в 1964 г. впервые был осуществлен прием 200 абитуриентов для обучения на дневном отделении. В 1965 г. в филиале обучалось 2556 человек на трех факультетах: энергетическом, химико-технологическом и строительном. С ростом контингента студентов вырос количественный и качественный преподавательский коллектив. Вечерний факультет, начинал свою работу, имея в штате 7 преподавателей. За первые пять лет их количество увеличилось до 25 человек. К началу 1970-х гг. в штате состояло 74 человека, а в середине 1980-х гг. — 112 преподавателей, в том числе 10 выпускников филиала и 21 выпускник Иркутского политехнического института. Из них 28 преподавателей имели ученые степени и звания. Первыми, защитившими кандидатские диссертации, были преподаватели истории — В.Н. Боровская и И.А. Лутохин, а также кандидат технических наук В.М. Каган. Всего за годы работы Ангарского филиала кандидатские диссертации защитили 19 преподавателей [3, с. 3].

Создание 12 выпускающих и общеобразовательных кафедр способствовало повышению уровня преподавания. К старейшим относится кафедра «Машины и аппараты химических производств», которая в 2016 г. отметила свое 50-летие. В 1960-е гг. страна жила под лозунгом «химизации народного хозяйства» и перед коллективом вуза была поставлена задача подготовки специалистов по эксплуатации, ремонту, конструированию технологического оборудования в химической промышленности. За годы своей деятельности кафедра подготовила более 3500 инженеров-механиков. Среди ее преподавателей и выпускников много изобретателей. Так, кандидатом технических наук Д.П. Свиридовым было получено 23 патента на изобретения, каждое из которых уникально по своей конструкции. В лабораториях кафедры первые научные разработки были сделаны А.М. Кузнецовым, являющимся ныне доктором технических наук, Генеральным директором института ИркутскНИИхиммаш, академиком Российской инженерной академии [6, с. 128].

Кафедра «Химическая технология топлива» за 25-летний период деятельности подготовила более тысячи химиков-технологов для хими-

ческих и нефтехимических предприятий региона, таких как АО «Ангарская нефтехимическая компания», ОАО «Ангарский завод полимеров», ОАО «Саянскимпласт» и др. Среди научных направлений в деятельности ученых выделяются исследования связанные с получением новых функциональных композиционных материалов на основе высокомолекулярных соединений, с совершенствованием технологических процессов на предприятиях, с разработкой систем, обеспечивающих энерго- и ресурсосбережение в нефтепереработке и нефтехимии. Результаты исследований отражены в многочисленных публикациях и внедрены на предприятиях области. Например, рекомендации для производственно-объединения «СаянскХИМПЛАСТ» позволили сократить потери сырья, повысить качество продукта и улучшить экологическую обстановку с ежегодным экономическим эффектом в 20 млн р. [6, с. 104].

Третий этап в истории вуза начался с 1987 г. Это год рождения десятого в стране и первого в Восточной Сибири завода-вуза, нового типа учебного заведения, интегрирующего высшее образование, вузовскую науку и производство. Министерство высшего и средне-специального образования РСФСР преобразовало Ангарский филиал ИПИ в Ангарский завод-вуз при производственном объединении «Ангарскнефтеоргсинтез» — филиал ИПИ. Такая реорганизация стала результатом поиска преподавательским коллективом новых форм организации обучения, своевременной реакцией на запросы производства и науки. Завод-вуз стал осуществлять целевую подготовку кадров руководителей, инженеров, исследователей для конкретного промышленного предприятия, постоянно наращивающего свои производственные мощности. Взаимодействие учебного заведения и крупного промышленного предприятия области было взаимовыгодно. Полученные теоретические знания студенты могли закрепить во время производственной практики на промышленных установках, что в значительной степени сокращало процесс адаптации молодых специалистов. После окончания обучения многие выпускники оставались работать на престижном предприятии города. В этот период в учебном заведении обучалось более двух тысяч человек, работали 138 преподавателей, в том числе более 20 докторов и кандидатов наук. Общими усилиями строителей, преподавателей и студентов был достроен учебный корпус, фундамент которого был заложен еще в 1970-е гг. [4, с. 7].

Руководил профессорско-преподавательским коллективом с 1985 г. профессор Виктор Яковлевич Бадеников. Закончив Иркутский политехнический институт по специальности «горный инженер-электромеханик», он работал в ИПИ. Защитил кандидатскую, а затем докторскую диссертации и был направлен в Ангарский филиал. Имея волевой характер, он сплотил коллектив филиала и вывел его на уровень самостоятельного учебного заведения. Так, с 1991 г. начинается новый — четвертый этап

деятельности вуза, получившего название «Ангарский технологический институт» (завод-вуз), а с 1997 г. — «Ангарский государственный технологический институт» (АГТИ).

Это был период дальнейшего совершенствования деятельности вуза в непростых условиях социально-экономических и политических реформ. В стране менялось многое — произошел распад СССР, в экономике утверждались рыночные механизмы, закрывались предприятия и вузы, не выдержав конкуренции. АГТИ в этот период продолжал развиваться. Подготовка специалистов в 1991 г. осуществлялась по 8 направлениям, а с 1997 г. — начал работу Факультет управления и бизнеса. Появились новые кафедры: «Электроснабжения промышленных предприятий» (1991 г.), «Экономика, маркетинг и психология управления» (1992 г.), «Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов» (1996 г.). Решались социальные вопросы: в 1990 г. был построен дом для профессорско-преподавательского состава, в 1994 г. сдан в эксплуатацию физкультурно-оздоровительный комплекс и др.

Пятый этап начался в 2000 г., когда Министерство образования РФ изменило статус нашего вуза, переименовав в Ангарскую государственную техническую академию (АГТА). В этот период в академии обучалось около 5 тыс. студентов, работал Совет по защите кандидатских и докторских диссертаций. Происходило совершенствование материально-технической базы: действовал информационно-вычислительный центр, создавались компьютерные классы, новые лаборатории. В 2007 г. АГТА возглавил профессор Артем Викторович Бадеников. Усилия преподавателей были направлены на совершенствование учебного процесса в связи с переходом на новые Федеральные государственные образовательные стандарты и трехуровневую систему подготовки выпускников — бакалавров, магистров, аспирантов.

С 2001 г. в состав академии вошел научно-исследовательский Институт биофизики, что положило начало в организации подготовки специалистов по новому медико-биологическому направлению прикладной и фундаментальной науки. Ученые института и ранее сотрудничали с вузом в проведении исследований по изучению особо токсичных химических соединений, в разработке научных основ автоматизированных информационных систем (АИС), а с 1996 г. в проведении учебных занятий. Памятная встреча ректора АГТА с научными сотрудниками института биофизики: докторами медицинских наук А.А. Михайленко, Г.П. Богачуком, кандидатом биологических наук Ю.Н. Катальским заложила основу для сотрудничества на долгие годы. Одним из первых на кафедру были приглашен профессор В.М. Прусаков – в те годы директор филиала № 5 Института биофизики, ученый с мировым именем, автор и разработчик АИС «Состояние окружающей среды – здоровье населения» [6, с. 92].

Ученые Института биофизики вошли в состав созданной кафедры «Экология и безопасность деятельности человека», а его лабораторная база стала основой для качественной подготовки кадров по направлениям подготовки «Техносферная безопасность» и «Рациональное природопользование». По словам кандидата медицинских наук, руководителя отдела токсикологии Г.Г. Юшкова многие аналогичные кафедры других ВУЗов могли бы завидовать качеству учебных и лабораторных помещений, технической оснащенности и высокому уровню профессорско-преподавательского состава [10, с. 46]. А участие студентов, магистрантов и аспирантов кафедры в активном научном процессе не только повысило уровень профессиональной подготовки, но и изначально формировало их научное мышление, позволяя заниматься наиболее актуальными проблемами современной науки. За последние 15 лет количество выпускников кафедры по двум направлениям составило не одну сотню, из них несколько десятков человек закончили обучение с отличием. Подразделениями института была осуществлена оценка риска здоровью населения от химических загрязнений при корректировке Генерального плана г. Ангарска. Были подготовлены проекты по оценке риска для здоровья населения по 30 предприятиям в Иркутской, Кемеровской, Читинской и других областях. Осуществлялись испытания нескольких тысяч лекарственных средств и даны рекомендации для выпуска 12 лекарственных препаратов.

Не менее значимых достижений в работе добились преподаватели и студенты других кафедр. Новые вызовы времени стали импульсом для организации факультета «Техническая кибернетика». Четыре ведущих кафедры факультета активно стали сотрудничать в научно-технической сфере со всеми крупными промышленными предприятиями города и Иркутской области. Так, кафедра «Автоматизация технологических процессов и производств» за 2005–2009 гг. заключила 10 хозяйственных работ, которые ежегодно давали отдачу в размере 1,5 млн р. Кафедра «Вычислительные машины и комплексы» являлась членом международного партнерства MSDN Academic Alliance, занималась научными и прикладными исследованиями FPGA технологий фирмы Altera. Совместные исследования ученых этих кафедр по проблеме обеспечения промышленной безопасности с помощью современных информационных технологий способствовали внедрению 10 разработок. Коллектив научной группы под руководством заведующих кафедрами профессора Н.С. Благодарного и доцента М.В. Кривога были удостоены премии губернатора Иркутской области за вклад в развитие научного потенциала региона [6, с. 97, 104]. Эта работа продолжается и сегодня с учетом современных требований использования систем мониторинга и мультимедийных технологий в формировании практических навыков управления технологическим оборудованием. На практике не раз было доказано,

что разработки ангарских ученых могут конкурировать с предложениями других производителей, как российских, так и зарубежных.

Для подготовки молодых специалистов высокой квалификации требуется обеспечение учебных лабораторий современным оборудованием. Кафедра «Электроснабжение промышленных предприятий» по этим показателям добилась хороших результатов. Например, программа «Электроэнергетика и электротехника» вошла в число лучших образовательных программ, проводимых в рамках всероссийского проекта 2014 г. «Лучшие образовательные программы инновационной России», организованного Национальным центром общественно-профессиональной аккредитации, Гильдией экспертов в сфере профессионального образования и журналом «Аккредитация в образовании». Совершенствование учебной лабораторной базы началась в 1995 г. на основе совместных разработок с научными сотрудниками института систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН (г. Иркутск). Используемая модель включала в себя синхронные генераторы, с помощью которых можно было моделировать работу электростанций, линии электропередач и другие процессы, происходящие в электрических системах. В последующие годы проводилась модернизация лабораторной базы. А в 2015 г. было введено в эксплуатацию учебно-лабораторное оборудование нового поколения, выполненное на базе современного и энергосберегающего оборудования, внедряемого в настоящее время на ведущих промышленных предприятиях. Уникальное оборудование позволяет моделировать различные аварийные режимы с использованием языка программирования FBD (Function Blok Diagram). Применение в учебном процессе высокоэффективного оборудования помогает студентам освоить новые технологии и легче адаптироваться на производстве [6, с. 108].

Среди общеобразовательных кафедр стоит отметить деятельность коллектива кафедры общественных наук. Первым заведующим кафедрой, возглавлявшим ее до 1996 г., был Иван Андреевич Лутохин, который защитил в 1970 г. кандидатскую, а затем в 1982 г. докторскую диссертации. Его активная педагогическая, научная и просветительская деятельность была широко известна в городе и области. Он являлся лектором городского общества «Знание», выступал с лекциями в трудовых коллективах, входил в состав диссертационного совета Иркутского государственного университета. Сфера его научных интересов была связана с исследованием культурно-образовательного уровня населения Восточной Сибири в 1930-е гг. Специфика кафедры заключалась в объединении дисциплин социально-гуманитарного профиля, поэтому в составе кафедры всегда были преподаватели, имеющие ученые степени в области истории, философии, экономики и др. Среди них: А.Г. Тылосов, В.Н. Боровская, Г.Л. Ситник, А.З. Багаутдинов. Их имена были хорошо известны в городе по проводимой пропагандистской работе.

В 1990-е гг. состав кафедры пополнился молодыми кадрами. В 1996 г. кафедру возглавил кандидат философских наук Леонид Израилевич Трахтенберг, а в 2008 г. — доктор исторических наук Наталья Васильевна Савчук. В преподавательской работе был осуществлен переход на новые образовательные стандарты. За годы деятельности кафедры преподавателями было защищено три докторских и семь кандидатских диссертаций. Результаты исследований нашли отражение в 9 изданных монографиях, в статьях научных журналов, сборниках международных и всероссийских конференций. Среди задач в процессе преподавания учебных дисциплин основными являются формирование мировоззренческой позиции, выработка умений анализировать и критически оценивать информацию, применять основные законы гуманитарных и социальных наук для целостного анализа проблем общества, толерантно воспринимать социальные и культурные различия. Выработка навыков самоорганизации и самообразования, командной работы и публичных выступлений происходит не только на учебных занятиях, но и в дискуссиях на заседаниях Философского клуба, Клуба правовых знаний, в выступлениях на научных студенческих конференциях, в конкурсах политических проектов. Призовые места студенческих команд на областных и городских олимпиадах и конкурсах свидетельствуют об эффективности работы коллектива кафедры в становлении студентов как личностей.

Результаты деятельности еще одной общеобразовательной кафедры «Физического воспитания» известны далеко за пределами области и страны. Спортивный клуб вуза продолжает традиции ангарских спортсменов. Среди студентов немало мастеров спорта и кандидатов в мастера спорта по легкой атлетике, борьбе, волейболу, баскетболу, большому теннису, призеров чемпионатов мира и студенческих Универсиад. Наиболее известны имена мастеров спорта международно-го класса, членов сборной команды России по легкой атлетике Дмитрия Буряка и Ивана Тухтачева — участника летних олимпийских игр в Лондоне 2012 г.; члена сборной команды России по конькобежному спорту Артема Детьшева, занявшего 5-е место в командной гонке на Олимпийских играх в Турине в 2006 г.; Михаила Ананьина и Виталия Каргина — мастеров спорта международного класса, членов сборной команды России, призеров матчевых встреч США — Россия, чемпионатов мира и Европы и др. [2].

21 октября 2015 г. приказом Министерства образования и науки нашему вузу присвоен статус университета [4]. С этого времени начинается новый — шестой этап в его развитии. 87 % профессорско-преподавательского состава университета это ученые, имеющие степень доктора или кандидата наук. С университетом сотрудничают 27 специалистов предприятий и других вузов, среди которых 10 докторов наук и 15 канди-

датов наук [8]. Такой сильный преподавательский состав обеспечивает высокий уровень подготовки выпускников.

Успехи выпускников в различных сферах профессиональной деятельности это подтверждают. Например, выпускники первого выпуска в 1964 г. получили 89 дипломов по 4 специальностям. А к середине 1980-х гг. было подготовлено 6 тыс. инженеров уже по 18 специальностям. Причем 78 выпускников получили дипломы с отличием. Среди них — В.И. Хромушин (1964 г.), В.И. Чувашов (1968 г.), Ф.С. Середюк (1971 г.), В.Л. Машинский (1976 г.), Н.А. Разуваева (1980 г.), И.Г. Ситник (1983 г.), Н.И. Зверева (1985 г.) и др. [3, с. 4]. За период с 1989 по 2015 г. вуз выпустил более 14 тыс. специалистов различного профиля. Дипломы с отличием получили, в том числе: А.Н. Дашкевич, Е.А. Григорьева (2013 г.), Е.Г. Александрова, О.Н. Грязнова (2014 г.), А.Б. Иващенко, Е.Д. Котюкова (2015 г.) и др. [8].

На предприятиях Ангарска, Усоля-Сибирского, Саянска и других городов работали и продолжают работать выпускники нашего вуза. Многие из них в 1970–1980-е гг. стали известными руководителями промышленных предприятий. Среди них: Л.Я. Бронштейн — зам. генерального директора ПО «Ангарскнефтеоргсинтез», Ф.С. Середюк — директор завода объединения «АНОС», В.В. Копытко — зам. начальника АУС-16, С.И. Черняк — директор завода АНХК, И.П. Титов — главный инженер завода полукоксования, С.В. Портнов — директор химического завода АО «АНХК», Н.Ф. Федун — главный метролог производства топлив АО «АНХК», Ф.С. Сердюк — генеральный директор АНХК (2000-е гг.), А.А. Детьшев — зам. председателя Думы Ангарского городского округа (2016 г.). Другие выпускники менее известны, но благодаря их знаниям и умениям работают заводы, лаборатории, конструкторские бюро и «живет» город.

Многие выпускники нашли свое призвание на государственной службе и в партийных органах власти городского уровня в советский и постсоветский периоды. Среди них: П.М. Громович и А.А. Буб в разные годы являлись председателями Ангарского горисполкома; В.Г. Маслов был первым секретарем Ангарского ГК КПСС; И.Х. Канарик — первым секретарем Центрального РК КПСС, В.В. Новокшенов — мэр города Ангарска, А. Трухин — мэр города Саянска, П.М. Сизых — директор Ангарского ГПТУ № 8 и многие другие.

Таким образом, краткая история Ангарского государственного технического университета свидетельствует о весомом вкладе вуза в социально-экономическое развитие города. В «Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года» особое место уделено комплексному развитию перерабатывающей промышленности, что создает уверенность в дальнейшей востребованности как ученых, так и выпускников нашего вуза [7].

Список использованной литературы и источников

1. Ангарску — 55! // Комсомольская правда (Иркутск). — 2006. — 1 июня.
2. Ангарск гордится своими спортсменами // Комсомольская правда (Иркутск). — 2012. — 1 окт.
3. Ангарская государственная техническая академия: буклет. — Ангарск : АГТА, 2002. — 40 с.
4. Ангарская государственная техническая академия. 1961–2011: буклет. — Ангарск : АГТА, 2011. — 53 с.
5. Ангарский государственный технический университет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://angtu.ru>
6. Сибирский регион в контексте глобальных проблем: мат-лы студ. науч.-практ. конф., посвященной 65-летию г. Ангарска и 55-летию АНГТУ, г. Ангарск, 24 мая 2016 г. / отв. ред. Н. В. Савчук. — Ангарск : Изд-во АНГТУ, 2016. — 140 с.
7. Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года: Распоряжение от 5 июля 2010 г. [Электронный ресурс]. Министерство экономического развития РФ: официальный сайт. — URL: [http:// www.economy.gov.ru/](http://www.economy.gov.ru/)
8. Текущий архив АНГТУ.
9. Юшков Г. Г. 50 лет Институту биофизики в Ангарске / Г. Г. Юшков / под ред. А. В. Баденикова. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. — 73 с.

Информация об авторе

Савчук Наталья Васильевна — доктор исторических наук, заведующая кафедрой общественных наук Ангарского государственного технического университета, 665835, Иркутская обл., г. Ангарск, ул. Чайковского, 60, e-mail: nvs2003@mail.ru.

Author

Natalia V. Savchuk — Doctor of History, Head of the Social Sciences Department, Angarsk State Technical University, 60 Tchaikovsky St., Angarsk, 665835, e-mail: nvs2003@mail.ru.

ПРИРОДООХРАННЫЕ ТРАДИЦИИ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ

УДК 349.6(571.53)(09)
ББК 87.407.2(253.5)г

И.В. КУРЫШОВА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕСНИЧЕСТВ ПО БОРЬБЕ С САМОВОЛЬНЫМИ ПОРУБКАМИ В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

На основе исторических источников изучается деятельность лесничеств по борьбе с самовольными порубками в Байкальском регионе в конце XIX — начале XX в. Рассматриваются порядок преследования самовольных порубок, процедура оформления протоколов, меры наказаний за самовольные порубки, проблемы рассмотрения дел о лесонарушениях мировыми судьями.

Ключевые слова: самовольные порубки, лесничества, Байкальский регион, административные взыскания, мировые судья.

I.V. KURYSHOVA

FOREST DISTRICTS ILLEGAL FELLING COUNTERMEASURES IN THE BAIKAL REGION IN THE END OF XIX — BEGINNING OF XX CENTURY

The article studies forest districts illegal felling countermeasures in the Baikal region in the end of XIX — beginning of XX century on the ground of historical sources. The author considers illegal felling prosecution and reporting procedures, illegal felling punitive measures, and problems of illegal felling case-handling by commissioners problems.

Keywords: illegal felling, forest districts, Baikal region, administrative punishment, commissioner.

Из-за удаленности от центра, малочисленности населения, неразвитой инфраструктуры, обособленности региона и наличия огромных лесных ресурсов, казавшихся неисчерпаемыми, на Сибирь не распространялось большинство норм лесопользования, принятых до конца XIX в. Не раз сибирская администрация обращалась к правительству с предложениями по принятию мер к сбережению лесов региона, но не находила понимания. До середины XIX в. не проводилось даже сколько-нибудь значительных исследований лесных пространств региона.

Лишь в конце XIX в. лесоохранная деятельность в Байкальском регионе активизируется. С 1895 г. в регионе начинается процесс формирования лесничеств [4, с. 187]. С образованием лесничеств казенные леса Иркутской губернии и Забайкальской области были переданы в ведение Лесного Департамента, что означало распространение общероссийского лесного законодательства на территорию Байкальского региона и создание организационных структур по образцу Европейской России. Природоохранная деятельность лесничеств включала в себя ряд направлений, среди которых основными являлись лесовозобновление, охрана т.н. «защитных лесов», контроль за отпуском леса, борьба с самовольными порубками и лесными пожарами.

Самовольная порубка в документах определяется как несанкционированное владельцем пользование лесными материалами в виде похищения из леса растущих деревьев, их частей, валежника, также расчистка лесных угодий, порча растущих деревьев, переруб по количеству и сортаментам при разрешенной рубке более чем на 10 %, продажа бесплатно или по льготной цене отпущенного леса лицом, не имевшим права на льготу [6, с. 18].

Статистические данные показывают, что в конце XIX — начале XX в. в Байкальском регионе наметилась устойчивая тенденция сокращения лесных массивов. Одной из основных причин увеличивающееся число самовольных порубок как в целом в крае, так и в отдельных лесничествах. Иногда масштабы порубок и ущерб от них были поистине огромны. Так, ревизия в Верхнеудинском лесничестве в 1909 г. обнаружила хищений леса за один 1908 г. на сумму на сумму 55 000 р. (по таксам 1902 г.). Оказалось вырубленным на местах заготовок и не оплаченным таксовой стоимостью до 25 000 куб. саж. леса [1, с. 35].

Порядок преследования самовольных порубок в Байкальском регионе в конце XIX — начале XX в. определялся Лесным уставом, законом от 7 апреля 1897 г. о взысканиях за лесные проступки и порядке ведения дел по этим нарушениям, Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Важную роль играл этап обнаружения самовольной порубки. Служащий лесничества должен был обмерить толщину пня, поставить на нем клеймо, номер протокола и год, записать все сведения в книгу и составить протокол. Правом составления протокола обладали лесничие, кондукторы, уполномоченные объездчики и лесники (последние — если сумма ущерба не превышала 25 р.). В протоколе, в котором обозначались сведения о месте, объеме, времени порубки, личности нарушителя, свидетелях и понятых, указывалась стоимость похищенного леса. Указание в протоколе места совершения лесонарушения определяло подсудность, а времени — срок действия давности и применение той или иной таксы, принимавшейся обычно на три года. Все эти данные в дальнейшем использовались при разбирательстве (судебном

или административном). Протоколы о проступках, нанесших убыток на сумму свыше 5 р. по казенной таксе, лесничие должны были отправлять к Управляющему Государственными имуществами, а по протоколам, где сумма убытка не превышала 5 р., представитель лесничества составлял на месте постановление о наложении взыскания в пользу казны. После составления протокола о лесонарушении начинался этап ведения дознания, розыскных, следственных мероприятий и судебного разбирательства или вынесения административного решения. Нарушитель, согласный с административным решением, мог внести штраф сразу или в течение двух недель, а также в рассрочку, о которой должна была быть сделана запись в постановлении. Кроме того, разрешалось, при согласии лесничего, отработать взыскание в лесничестве, в котором совершено нарушение. Уплату штрафа можно было производить в местном казначействе (нарушителям вручались платежные свидетельства), в кассе Лесничих, а также объявлявшему постановление лицу. В случае несогласия нарушителя с административной мерой наказания, дело разбиралось в общем порядке, установленном для дел о преступлениях и проступках против имущества и доходов казны [2, оп. 1, д. 5, л. 2].

В источниках зафиксированы многочисленные примеры вынесения наказаний за самовольные порубки, что, однако, свидетельствует и об обыденности этих нарушений. Вот некоторые из подобных примеров: «Мировой судья 2-го участка Иркутского уезда приговорил крестьянина села Мотского В. Боркова, уличенного в самовольной порубке, к выплате штрафа в пользу мест заключения 5 руб. и денежного взыскания в доход казны 17 р. 76 к., а в случае несостоятельности к аресту на 10 суток» [3, оп. 1, д. 2817, л. 1]; «В Байкальском лесничестве в марте 1908 году мещанин Леонов был обвинен в самовольной порубке казенного леса в количестве 70 штук бревен лиственничных и сосновых, а также 45 куб. саж. дров на сумму 25 р. 50 к., производимых в государственных пустопорожних дачах. Управляющий Государственными имуществами на основании ст. 793. Лесного Устава постановил: подвергнуть П. Леонова согласно ст. 158 Устава о наказаниях, ст. 193 Лесного Устава (1905 г.) денежному взысканию в размере 51 р., составляющих двойную стоимость леса по казенной таксе и секвестрованный материал обратить в пользу казны» [3, оп. 1, д. 1509, л. 5]. Представление о масштабах самовольных порубок можно получить, изучив табл. 1 [3, оп. 6, д. 54, л. 25, 43, 60, 79, 93, 116, 143].

Итак, только в 1903 г. к административной ответственности за самовольные порубки было привлечено свыше 300 человек, — в среднем по два нарушителя на одного казенного стражника. На каждого самовольного рубщика в среднем пришлось около 53 р. штрафа, что составляло в те годы довольно приличную сумму. В последующие годы тенденция сохраняется (табл. 2) [5, с. 101].

Таблица 1

**Административные взыскания за самовольные порубки
по лесничествам Иркутской губернии в 1903 г.**

Лесничество	Количество наказанных, чел.	Сумма взыскания, р.
Байкальское	34	971,27
Китойское	102	246,00
Знаменское	4	нет данных
Тулуновское	5	92,73
Ленское	38	409,22
Бирюсинское	21	262,00
Ангарское	119	15 005,00
<i>Итого</i>	323	16 986,22

Таблица 2

**Административные взыскания за самовольные порубки леса
по Иркутской губернии в 1904–1908 гг.**

Год	Число возбужденных дел	Сумма взысканий, р.	Средняя сумма штрафа за одно дело, р.
1904	325	7 806	24,02
1905	243	21 628	89,00
1906	317	12 256	38,66
1907	256	10 514	41,09
1908	584	51 270	87,80

Как видим, хотя сумма штрафов, взысканных с нарушителей, значительно варьируется по годам, она достаточно велика. Однако убытки от самовольных порубок значительно превосходили сумму штрафов. Иными словами, «самовольничать» было очень выгодно, так как в случае задержания нарушитель отделялся небольшим штрафом и легким испугом, а доходность самовольных порубок была очень высока.

Основная масса дел о лесонарушениях рассматривалась участковыми мировыми судьями, поскольку под их юрисдикцию попадали дела с размером ущерба до 300 р. [7, с. 175]. С точки зрения организации процесса судебное разбирательство у мирового судьи было простым по своему характеру, поэтому дела, как предполагалось, должны были решаться быстро. Однако ряд условий приводил к тому, что в канцелярии мирового судьи ежегодно оставалось большое количество нерассмотренных дел, в том числе и по лесным порубкам. «Лесные чиновники заявляли, что для успешности лесоохранных мероприятий достаточно просто рассмотреть все дела о самовольных порубках, копившиеся у мировых судей годами, и привести в исполнение приговоры и постановления по решенным делам», — отмечает М.О. Тяпкин [6, с. 20].

Медленное судопроизводство, недостаток чинов лесной стражи, огромные площади охраняемых лесов — все эти факторы формирова-

ли у населения устойчивое убеждение в безнаказанности самовольных порубок. Стремясь искоренить незаконную порубку в лесах, Лесничими предлагали меры по увеличению штрафов, так как доходы от самовольных порубок с лихвой компенсировали все существующие денежные взыскания. Частично эти меры могли решить проблему, но корень ее был в другом, — пока существовал спрос на древесину, пока была возможность выгодно реализовать незаконно срубленный лес, ситуация не могла быть кардинально исправлена. Таким образом, развитие неконтролируемых рыночных отношений наносило прямой урон лесному хозяйству Байкальской Сибири.

Несмотря на далеко не всегда эффективную работу лесничеств по охране лесов, следует признать, что их деятельность в целом явилась важным шагом вперед в процессе формирования системы рационального лесопользования Байкальского региона в условиях модернизации экономики и общества.

Список использованной литературы и источников

1. Великое переселение и лесная неурядица // Сибирские вопросы. — 1908. — № 29-30. — С. 35.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. 157 (Байкальское лесничество).
3. ГАИО. — Ф. 176 (Управление государственных имуществ и земледелия Иркутской губернии и Забайкальской области).
4. Курышова И. В. Правовое регулирование лесопользования в Иркутской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. / И. В. Курышова. — Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2010. — С. 185–191.
5. Строгий А. А. О лесах Сибири / А. А. Строгий. — СПб. : Тип. СПб градоначальства, 1911. — 108 с.
6. Тяпкин М. О. Охрана лесов Томской губернии во второй трети XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. О. Тяпкин. — Барнаул, 2004. — 24 с.
7. Тяпкин М. О. Реализация функции государства по охране лесов в дореволюционный период / М. О. Тяпкин. — Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2016. — 187 с.

Информация об авторе

Курышова Ирина Васильевна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра государственно-правовых дисциплин, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Author

Irina V. Kuryshova — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, National Research Irkutsk State Technical University, 83 Lermontov St., Irkutsk, 664074.

УДК 502.7(571.5)(09)
ББК 20.18(253.3)г

К.И. ПАШКОВ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОХРАНЫ РЫБНЫХ ЗАПАСОВ В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ В 1950–1980 ГОДЫ

Период с 1950 по 1980 г. можно в какой-то мере назвать периодом рационального природопользования в Байкальском регионе. Именно в это время в рамках государственной природоохранной системы был проведен целый ряд мероприятий, направленных на сохранение и охрану природных ресурсов региона, в том числе и рыбных запасов. В статье рассматриваются проблемы развития природоохранной деятельности, направленной на сохранение водной фауны региона в указанный период.

Ключевые слова: охрана рыбных запасов, нерест, Байкальский регион.

K.I. PASHKOV

SOME ASPECTS OF FISH RESOURCES PROTECTION IN THE BAIKAL REGION IN 1950–1980

The article states that the period from 1950 to 1980 can be names as a period of efficient natural resources management in the Baikal region. During that period national conservation system undertook several measures to protect natural resources of the region including fish resources. The article studies aquatic fauna conservation activity of this period.

Keywords: fish resources protection, spawning, Baikal region.

К 1960 г. уловы рыбы на Байкале, 60 % которых приходились на особо ценного омуля, резко сократились. В послевоенный период наибольший улов был в 1954 г. (124,1 тыс. ц), после чего началось непрерывное его снижение. В 1957 г. было выловлено около 70 тыс. ц рыбы, а в 1959 г. — лишь 61,5 тыс. ц. (3, с. 22). В дальнейшем, в 1966–1968 гг., его вылавливалось лишь 18–10 тыс. ц. Прошло немало лет, но и после окончания запрета в 1975 г. таких уловов омуля, которые отмечались в 1940–1950-е гг., больше не было. В это же время упали уловы других ценных рыб — тайменя, сига, ленка, хариуса и др. Так, например, в Баргузинском районе вылов сиговых рыб в 1959–1968 гг. уменьшился почти в 4 раза. С конца 1950-х гг. вылов омуля превосходит его прирост. В предзапретный (1968 г.) улов омуля в озере Байкал составил всего 5000 ц.

В связи с этим в мае 1960 г. Совет Министров РСФСР принял специальное постановление «Об охране и использовании природных богатств в бассейне озера Байкал». В нем, в частности, отмечалось, что в деле

охраны и использовании природных богатств бассейна озера Байкал имеются серьезные недостатки. Заготовка леса, лов рыбы и добыча пушного зверя должным образом не упорядочены; водоохраных зон выделено недостаточно; рубка леса на горных склонах осуществляется без ограничений, что иногда приводит к обнажению склонов и эрозии почвы; сплавные реки бассейна засоряются затонувшей древесиной, что ухудшает условия нереста рыбы. Стоит подчеркнуть, что вред запасам рыбы от лесоперерабатывающих предприятий был огромен. В результате сплава леса в Бурятской АССР потеряли рыбохозяйственное значение двадцать рек протяженностью 1 600 км, а к 1968 г. еще около 50 рек общей протяженностью в 3 700 км. Сопоставимый ущерб от деятельности лесозаготовительных организаций наблюдался и в Иркутской области. «Бирюсинский ЛДК постоянно захламляет берега протоки Шипичной реки Бирюса, Большеереченское ЛПХ складывает древесину на лед, Ангарская сплавная контора п. Голоустное самовольно складывает леса по берегам реки Голоустной, прокомбинат Усть-Кута засоряет реку Лена. При плане молевого сплава в 9 млн м³ в реках потонуло 434 тыс. м³ древесины. Из 33 рек области только в трех сохранилась более или менее чистая вода и в них нормально развивается рыба» [2, л. 10]. Такое состояние рек отмечалось в Иркутской области к 1965 г.

Необходимо отметить и то немаловажное обстоятельство, что неорганизованные рыбаки в значительной своей части добывали рыбу во время нереста и ловили недозволенными способами и орудиями лова, в которые попадало значительное количество молоди. Кроме того, несомненно, на снижение уровня добычи рыба сказалось и применение более совершенных орудий лова рыболовецкими бригадами. Так, если до 1933 г. самые большие закидные неводы достигали в длину 800–900 м и были весьма тяжелые, то к рассматриваемому периоду уже применялись неводы длиной более 1000 м, 15–18 м в высоту и гораздо более легкие, так как широкое распространение получили латировые сети, начавшие применяться с 1951 г. В течении многих лет изъятие рыбы превышало прирост. Отрицательное влияние на условия естественного воспроизводства рыбы оказало и повышение уровня Байкала вследствие постройки плотины Иркутской ГЭС, особенно в годы подъема (1959–1962 гг.) и в годы, сразу следовавшие за ним.

Таким образом, к началу 60-х гг. XX в. остро стояла проблема воспроизводства рыбных запасов Байкала, однако к этому времени к расширению рыбных запасов приступили только в южной части озера — в Большеереченском омулевом рыбоперерабатывающем заводе и Маломорском омулево-сиговом заводе.

Вопросы решения этой проблемы неоднократно ставились и до этого периода времени различными научными, хозяйственными, партийными и советскими организациями Бурятской АССР и Иркутской области.

Предложения этих организаций были обобщены в решениях Бурятского регионального совещания Конференции по развитию производительных сил Восточной Сибири в 1958 г. Суть их сводилась к предложениям о строительстве в ближайшие годы рыбопроизводных заводов на реках Северного Байкала (Верхняя Ангара, Кичера) мощностью 1 млрд шт. икринок в год, на реке Селенге — мощностью 1–1,5 млрд шт. икринок, в зоне Чивыркуйского залива — 150 млн шт. икринок и на реке Кика — мощностью 150 млн шт. икринок. В решениях совещания предлагалось также расширить объем инкубации икры омуля на Большереченском заводе до 600–700 млн икринок. Рекомендации Бурятского совещания по вопросам воспроизводства рыбных запасов Байкала получили свое дальнейшее отражение в постановлении Совета Министров «Об охране и использовании природных богатств озера Байкал», где имелся специальный пункт: «Обязать Бурятский совнархоз построить и ввести в действие в 1961–1963 гг. рыбопроизводные заводы по искусственному разведению омуля, сига и осетра общей мощностью 3 млрд шт. икринок в год [3, с. 9]. Таким образом, на смену длительного периода использования рыбных запасов, в частности омуля, без учета ухудшения условий естественного воспроизводства, приходят меры по компенсации этих запасов путем массового искусственного рыбопроизводства.

В 1973 г. в речках Посольского сора для рыбоводных целей было отловлено 668 600 экземпляров производителей, в речках Чивыркуйского залива — 17 477, что позволило заложить на инкубацию 1383 млн икринок.

С Большереченского рыбопроизводного завода за четыре года запрета было выпущено 1888 млн личинок, кроме того в 1973 г. Чивыркуйский рыбоводный завод произвел выпуск личинок в количестве 131 млн [3, с. 9]. Однако увеличение численности омуля определяется количеством личинок, скатившихся с рек и выпускаемых рыбоводными заводами, а также их выживаемостью в дельтах рек, ссорах и заливах и в самом озере Байкал. Отмечалось, что выживаемость икры на нерестилищах оставалась крайне низкой. Так, в р. Баргузин в 1971–1973 гг. она составляла в среднем 0,2 %, что являлось следствием засоренности нерестилищ отходами лесопереработки и лесосплава. В р. Верхняя Ангара эти показатели были гораздо выше и колебались в эти же годы от 3 до 12 %. Это объяснялось в основном более благоприятными климатическими и гидрологическими факторами. Однако в это же время были отмечены сдвиги в худшую сторону биологических показателей омуля, его жирности, которые были также связаны с ухудшением условий обитания и питания. Так, например, с 1969 по 1971 г. более половины зашедших на нерест самцов в р. Верхняя Ангара не имели жировых запасов.

В ходе научно-технической конференции, посвященной 60-летию ИГУ, в 1977 г. было отмечено, что «в запретный период произошло сни-

жение биологических показателей: уменьшилась плодовитость, ухудшился рост и созревание, произошло «старение» стада. Кормовая база, вследствие малой численности желтокрылки, не в состоянии обеспечить лучший рост вида» [1, л. 103]. К середине 70-х гг. XX в. наиболее интенсивно шло восстановление стада северобайкальской расы омуля по сравнению с селенгинской, запасы которой были менее подорваны, что объяснялось меньшей освоенностью северного побережья Байкала, лучшими условиями воспроизводства и более коротким циклом полового созревания по сравнению с остальными расами.

Из всей площади водного зеркала Байкала, доступной для отлова современными для того времени орудиями лова, наиболее продуктивной являлась зона с глубиной от 0 до 250–300 м, составлявшая около 550 тыс. га. По расчетам профессора М.М. Кожова «эта мелководная часть Байкала дает около 18 кг рыбы с га» [6, с. 73]. К 1960 г. На Байкале было выделено 6 основных рыбопромышленных районов: Северо-Байкальский, Баргузинский, Горяченский (Прибайкальский), Кабанский (Селенгинский), Ольхонский и Южно-Байкальский.

11–12 сентября 1961 г. в Кемерово состоялся VII пленум Западно-Сибирского отделения Ихтиологической комиссии Госплана СССР, в котором участвовало свыше 40 человек, представлявших 32 научных учреждения страны, в том числе Иркутский университет. Стоит отметить, что с этого времени в сельскохозяйственных институтах был предусмотрен курс «Прудового рыбоводства» для агрономических и зоологических факультетов. На пленуме было рекомендовано составить схему развития прудового рыбоводства в Иркутской области и БАССР на 20 ближайших лет, а Бурятскому совнархозу и Министерству сельского хозяйства республики завершить паспортизацию колхозных и государственных водоемов.

В 1968 г. были проведены исследовательские работы на площади 12 тыс. га. Высказанные рекомендации ученых позволили увеличить добычу частичковых рыб на 25 %, а выход карпа в водоемах 20 колхозов Иркутской области был доведен до 80 тыс. ц в год. Разработки по искусственному разведению хариуса в Ангаре и оз. Байкал под руководством доц. Н.Я. Тугарина позволили увеличить промысловую численность до 10–15 тыс. ц в год. В Братском водохранилище работы ученых под руководством В.Ф. Лукьянчикова по изучению условий формирования ихтиофауны позволили Братскому и Балаганскому рыбозаводам повысить улов с 3 до 35 тыс. ц. в год [1, ф. р-71, оп.1, д. 2523, л. 20, 25; ф. р-2901, оп. 1, д. 157, л. 11].

В 1973 г. был прекращен молевой сплав леса по всем рыбохозяйственным рекам, проведены большие работы по очистке рек от затонувшей древесины. Были расчищены нерестилища рек Итанцы, Баргузина и их притоков, устьевых участков рек, впадающих в Баргузинский залив,

а также Селенгинского мелководья, наиболее важных для производства омуля [7, с. 36].

В эти же годы была проведена реконструкция очистных сооружений и постройка новых. Общие капитальные вложения на эти цели в 1971–1975 гг. составили 24 млн р., из них на Улан-Удэнский промышленный комплекс приходилось 13 млн р. Властями Иркутской области также прилагались некоторые усилия в решении вопросов, касавшихся очистных сооружений. Так, в 1964 и 1967 г. Исполком областного Совета принимал решения по этим проблемам. В частности, решением № 418 от 6 сентября 1967 г. обязал Ангарский нефтехимический комбинат «ликвидировать в 1967 г. пруд-накопитель в карьере 13-района, являющийся повышенным источником массового загрязнения реки Ангары» [2, л. 2]. Хотя стоит отметить, что не все выделяемые деньги на постройку очистных сооружений были освоены. Так, трест «Иркутскспецстрой» в 1961 г. из выделенных 202 тыс. р. смог освоить только 117 тыс. р. [2, л. 49].

В то же время принимались меры по проведению рыбоводных и мелиоративных работ в системе Байкальской государственной рыбной промышленности. Так, в 1974 г. на эти цели было выделено 425 тыс. р., что в несколько раз превышало затраты на эти цели в 1970 г. [8, с. 204]. В Бурятской АССР, например, был построен канал р. Кика — озеро Котель для освежения водной массы озера.

В Иркутской области обком партии принял Постановление «О развитии рыбного хозяйства в водохранилищах Ангарского каскада». Часть выделяемых средств направлялась на биологическую мелиорацию, что должно было повысить эффективность работы рыбоводных заводов. В обширной программе увеличения рыбных запасов отводилась определенная роль акклиматизации ценных видов рыб, для чего в системе рыбопромышленного треста была создана Восточно-Сибирская производственно-акклиматизационная станция. В ее задачу входили завоз новых рыб и кормовых организмов в водоемы Восточной Сибири. Для улучшения надзора за работой очистительных сооружений к 1975 г. в бассейне озера Байкал действовало 64 поста народного контроля.

Таким образом, несмотря на задержки строительства новых рыбоводных заводов (к 1975 г. была завершена только реконструкция Большереченского завода, Чивыркуйский, Баргузинский и Селенгинский находились в стадии строительства, а строительство Северо-Байкальского было приостановлено), меры по восстановлению рыбных запасов в этот период в Байкальском регионе привели к некоторому их увеличению.

К началу 1960-х гг. на территории бассейна озера Байкал действовали некоторые нормативные акты об охране природы, многие пункты которых опирались на нормативную базу Закона РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об охране природы в РСФСР». В последствие вышли новые акты, дополнившие принимавшиеся меры по охране природы страны

и Байкальского региона в частности. В 1969 г. в дополнение к действовавшему постановлению «Об охране и использовании природных богатств в бассейне озера Байкал» (1960) выходит постановление СМ СССР «О мерах по сохранению и рациональному использованию природных комплексов бассейна озера Байкал». Вследствие этих решений 1 декабря 1969 г. были утверждены правила рыболовства в бассейне озера Байкал и других рыбохозяйственных водоемах Бурятской АССР, Иркутской и Читинской областей, в которых были отменены временные Правила рыболовства на Братском водохранилище (1963), так как рыбная фауна водохранилища еще не сформировалась в полной мере. В новых Правилах устанавливался порядок добычи рыбы для промышленных предприятий, организаций и колхозов, отвода им участков для ловли при непосредственном участии в этих мероприятиях органов рыбоохраны. Добывающим организациям вменялось в обязанность содержать выделенные участки в надлежащем санитарном состоянии, не производить на них работ, изменяющих естественные условия в водоеме без разрешения органов рыбоохраны. Бассейновым управлениям органов рыбоохраны предоставлялось право переноса по согласованию с научными рыбохозяйственными организациями срока запрета лова на 10 дней в ту или другую сторону [7, с. 2]. Однако, по мнению автора, некоторые положения Правил способствовали использованию их в корыстных целях. Например, разрешать отлов рыбы в заморных водоемах всеми орудиями лова в любое время, разрешать лов рыбы для научно-исследовательских целей всеми орудиями лова и др. Так как эти разрешения давали должностные работники рыбоохраны, а осуществляли контроль инспектора этого же ведомства, то всегда имелась возможность для злоупотреблений.

В правилах содержалось много пунктов, касавшихся заготовки и сплава леса. Например, нельзя было производить заготовку леса по берегам водоемов, являвшихся местами нереста осетровых и лососевых рыб, ближе одного километра и трех километров в районе расположения заводов и хозяйств по разведению осетровых и лососевых рыб. Запрещалась акклиматизация и разведение новых видов рыб без разрешения органов рыбоохраны, перебрасывать орудия лова из водоемов, где были обнаружены очаги паразитарных и инфекционных заболеваний рыб в другие водоемы. Запрещалось всякое рыболовство во вновь образуемых водоемах до особого распоряжения, у плотин, шлюзов и мостов на расстоянии ближе 500 м, устанавливать ставные орудия в шахматном порядке и др. Здесь же были установлены меры (размеры в см) на рыбу и был запрещен лов, прием и продажа рыбы менее установленных размеров. Например, минимальные размеры, допускаемые к вылову, составляли: стерлядь — 44 см, ленок — 44 см, хариус речной — 27 см, хариус белый и черный — 29 см, таймень —

70 см, сазан — 35 см, язь — 30 см. Также были установлены максимально допустимые размеры ячеи в орудиях лова; для стерляди он составлял 50 мм, сига и ленка — 60 мм, хариуса белого и черного — 36 мм, тайменя — 60 мм, язя — 50 мм, ельца — 22 мм.

Правилами были установлены и сроки и места лова рыбы. Так, было запрещено всякое рыболовство в течении года выше плотины Братской ГЭС на расстоянии 3 км и ниже на расстоянии 10 км, на нижнем бьефе Иркутской ГЭС до верхней части острова Елизовский, на некоторых участках Чивыркуйского залива, рек Турка, Селенга, Холой, Верхняя Ципа и др. Установлены сроки в промысловых районах, например, в реках Кичера и Верхняя Ангара с 1 мая по 5 июля, в озерах Котекель и Духовное — с 1 мая по 5 июля. В озере Байкал по установленной линии и реках Култучная, Абрамиха, Толбузиха, Большая и Кика — с 15 августа по 15 ноября, в реках Сарма, Кучелга, Бугульдейка, Анга — с 1 сентября по 31 октября. Однако, сроки запрета ловли омуля в Посольском соре, Селенгинском мелководье, в реке Селенге не учитывали того факта, что формирование нерестовых косяков омуля происходило с начала августа, а запрет начинался с 15 августа. В Правилах были установлены сроки запрета вылова некоторых видов рыб на период их нереста: даватчана — с 1 сентября по 1 октября, хариуса, ленка и тайменя — с 25 апреля по 25 июня, карася в Братском водохранилище — с 20 мая по 1 августа. Здесь же были предусмотрены и виды наказания для нарушителей. Так, граждане, допустившие нарушения, подвергались штрафу в 10 р., должностные лица — штрафу в 50 р., а за грубое нарушение — соответственно штрафам в 50 и 100 р. В необходимых случаях предусматривалась и уголовная ответственность. Для премирования инспекторов органов рыбоохраны и общественных инспекторов был образован специальный фонд путем отчисления 50 % средств от реализации конфискованных по суду плавучих и транспортных средств, орудий лова и от штрафов, а также 30 % средств, полученных от реализации отобранной рыбы. Кроме того, предусматривалась и такая административная мера в отношении рыбодобывающих предприятий и организаций, как приостановление работ, арест и изъятие незаконно выловленной рыбы, принудительное прекращение права пользования рыбопромысловыми участками водоемов бассейна Байкала (примеры в таблице, которая составлена по: [2, л. 8–9]).

Такие меры могли применяться в случае превышения организациями максимально-допустимого прилова молоди и запрещенных к вылову рыб. Нормы прилова, установленные Правилами рыболовства в бассейне озера Байкал, для омуля составлял 5 %, а прилов молоди промысловых рыб — 8 % от по весу от общего улова за притонение, плав или переборку сетей. Ответственность наступала в случае, когда рыбодобывающие организации при превышении установленной нормы прило-

ва не прекращали промысел на закрепленных за ними участках. Такие меры очень часто применялись в отношении организаций, добывавших рыбу на Селенгинском мелководье, в водоемах Баргузина и Северного Байкала, где прилов омуля при каждом притонении частичковых неводов иногда достигал почти 50–60 % от общего улова [5, с. 174].

**Итоги работы районных рыбинспекций
Иркутской области за 1966 г.**

Мероприятия	Братский	Балаганский	Иркутский	Слюдянский	Ольхонский	Усольский	Нижнеилимский	Тулунский	Киренский	Тайшетский	Качугский	Итого
Раскрыто нарушений	355	125	225	72	122	174	56	51	35	70	37	1 322
Задержано браконьеров	391	200	230	75	132	260	63	23	17	85	37	1 509
Подвергнуто штрафу, чел.	290	175	155	30	45	130	43	12	12	53	4	948
Сумма, р.	2 800	2 503	3 025	225	440	2 600	748	210	158	865	50	15 725
Изъято сетей, м	6 076	3 119	1 825	296	3 594	4 367	658	210	350	1 830	120	22 423
Изъято рыбы, кг	90	22	700	–	1 189	100	40	119	–	17	–	2 315
Передано дел в суды	2	–	3	1	2	4	–	1	–	2	–	15
Осуждено к исправительно-трудовым работам	1	–	1	–	–	2	–	1	–	1	–	6
Проведено инструктажей	45	2	6	12	3	22	27	20	15	3	1	157
Проведено лекций	–	–	6	1	8	–	–	–	–	–	3	18
Опубликовано статей в газетах	5	1	5	5	2	5	7	11	5	5	2	52
Сюжеты на радио и телевидении	4	–	2	3	–	7	–	–	2	–	–	18

При грубом нарушении законодательства об охране водных ресурсов допускалось и временное приостановление работ предприятий. Так, в период 1960–1972 гг. органы Государственного санитарного надзора по согласованию с исполнительным комитетом Иркутского областного Совета народных депутатов вынесли более десяти распоряжений о временном приостановлении работ химических предприятий. С 1961 г. административные штрафы на предприятия были отменены и стали

налагаться на конкретных должностных лиц, виновных в конкретных нарушениях. Так, в 1971 г. было привлечено к административной ответственности и оштрафовано 230 руководителей и инженерно-технических работников предприятий и организаций, виновных в загрязнении и засорении рыбохозяйственных водоемов. За 9 месяцев 1972 г. были предъявлены санкции за такие же нарушения 213 должностным лицам общей суммой в 5665 р. [5, с. 176]. В 1973 г. Забайкальская бассейновая инспекция наложила штрафы на руководителей 29 промышленных и коммунальных предприятий, расположенных на территории бассейна Байкала, за загрязнение водоемов промышленными стоками. Кроме того, были оштрафованы главные инженеры Селенгинского целлюлозно-картонного комбината, завода металлоизделий им. Кирова, Кяхтинской прядильно-трикотажной фабрики, Улан-Удэнской ТЭЦ и ряда других предприятий. В 1971 г. работниками Байкальского бассейнового управления по охране и воспроизводству рыбных запасов и регулированию рыболовства было вскрыто свыше 4,5 тыс. нарушений правил рыболовства, задержано более пяти с половиной тысяч нарушителей, на которых были наложены штрафы, а также конфисковано 52 моторные и 142 гребные лодки, 3600 м сетей, 155 неводов и бредней [5, с. 179].

В 1970-е гг. на территории региона были введены в действие Чивыркуйский, Баргузинский, Бельский рыбопроизводные заводы, а также первая очередь Селенгинского завода, Баргузинское экспериментальное производственное рыбное хозяйство, реконструирован Большереченский завод. К 1984 г. на Байкале работали четыре рыбопроизводных завода на р. Селенге, Ине, в поселке Листвиничное и г. Нижнеангарске. Увеличение мощностей рыбопроизводных заводов позволило значительно расширить масштабы естественного разведения: за период с 1970 по 1980 г. было увеличено почти в два раза количество икринок омуля на инкубацию и соответственно выпуск личинок. Проводилось расселение личинок омуля по ссорам и заливам Байкала, подращивание молоди в приспособленных озерах, улучшилась биотехника искусственного рыбопроизведения. На трех заводах было освоено выращивание живых кормов для личинок омуля. Сотрудниками управления «Байкалрыбвод» контролировалось более 3 тыс. объектов — потенциальных загрязнителей водной среды — промышленных, сельскохозяйственных, лесозаготовительных, коммунально-бытовых предприятий, флота [4, с. 142]. К 1980 г. охрану рыбных запасов в Иркутской области осуществляло 11 государственных инспекций и оперативная группа при областной инспекции рыбоохраны. В результате их деятельности в 1977 г. было открыто 3376 нарушений, в 1978 — 3443, в 1979 — 3880 нарушений соответственно. За три года было задержано 12158 нарушителей. Общая сумма штрафов за этот же период составила более 220 тыс. руб., было конфисковано 150 тыс. м сетей, 16,6 т рыбы [2, л. 1]. За особо опасные нарушения по загрязнению

вод в 1978 г. 13 дел было передано в судебные и следственные органы, 18 — на рассмотрение в партийные и советские органы. Однако, несмотря на принимаемые меры, количество зафиксированных нарушений и в последующие годы продолжало оставаться на очень высоком уровне. Так, работниками рыбинспекций только в результате мероприятий в рамках операции «Нерест» в 1985 г. в Иркутской области было зафиксировано следующее количество нарушений: Усть-Илимский район — 177, Иркутский — 197, г. Иркутск — 137, Усольский район — 110, Слюдянский — 69, Балаганский — 102, Казачинско-Ленский — 117, Тулунский — 155, Тайшетский — 141, Усть-Кутский — 102, Ленская инспекция — 121, Витимский район — 80, Братский — 437 [2, л. 3, 4].

В 1979 г. Бельский и Бурдугузский заводы заложили 250 млн шт. омулевой икры. С 1962 г. в Братское водохранилище было выпущено 946,55 млн шт. личинок омуля, 3 млн 807,5 тыс. шт. молоди омуля, 27 млн 814,4 тыс. шт. молоди пеляди, 1 млн 121,4 тыс. шт. молоди осетра [2, л. 2]. В 1975 г. было начато зарыбление Усть-Илимского водохранилища. К 1978 г. в него было выпущено 807,65 млн шт. личинок омуля и 750 тыс. шт. личинок пеляди. Однако стоит отметить и такой парадоксальный факт: органы рыбоохраны выявляли браконьеров и снимали поставленные ими сети (в 1966 г. было изъято более 10 тыс. м сетей), а Областное общество охотников и рыболовов усиленно продавало их через свою торговую сеть. Несмотря на решение облисполкома от 01.04.1963 г. о запрещении надомного производства сетей, надомники и кустари Областного общества охотников и рыболовов через свою торговую сеть в 1965 г. продали 1093 шт. сетей, а за 9 месяцев 1966 г. — 3755 шт. [2, л. 23, 24].

Таким образом, в рассматриваемый период Центральными и местными органами государственной власти принимались определенные усилия по сохранению и умножению рыбных запасов в Байкальском регионе. Однако многие решения не выполнялись, часто мероприятия проводились бессистемно, без должного анализа и прогнозирования результатов, а, главное, бытовало устойчивое представление о неисчерпаемости богатств Сибири. По мнению автора, вторым фактором, после деградации окружающей среды в результате хозяйственной деятельности человека, повлиявшим на сокращение рыбных запасов явилось повсеместное браконьерство и злоупотребление служебным положением работников инспекций, призванных охранять эти запасы.

В послевоенное время были введены в действие Правила рыболовства в бассейне оз. Байкал и рыбохозяйственных водоемах Иркутской, Читинской областей и БАССР, в которые несколько раз вводились новые ограничительные меры. Была создана сеть рыбопроизводных заводов и осуществлены запреты на вылов рыб особо ценных пород. Это позволило восстановить популяцию омуля, однако, былого его качества

добиться не удалось. Принимались меры против загрязнения вод промышленными предприятиями. Так, например, для улучшения надзора за работой очистительных сооружений к 1975 г. в бассейне озера Байкал действовало 64 поста народного контроля. С целью повышения эффективности борьбы с нарушениями экологического законодательства в 1986 г. регионе было созданы две специализированные бассейновые прокуратуры.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Иркутской области. — Ф.Р. -71. — Оп. 1. — Д. 277.
2. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. — Р.-3018. — Оп. 1. — Д. 23, 289.
3. Буянтуев Б. Р. К народным проблемам Байкала / Б. Р. Буянтуев. — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1960. — 50 с.
4. Викулов В. Е. Режим особого природопользования (на примере озера Байкал) / В. Е. Викулов. — Новосибирск : Наука, 1982. — 192 с.
5. Казанник А. И. Административно-правовая охрана бассейна озера Байкал / А. И. Казанник. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1977. — 212 с.
6. Кожов М. М. Животный мир озера Байкал / М. М. Кожов. — Иркутск : Иркут. обл. изд-во, 1947. — 305 с.
7. Об утверждении Правил рыболовства в бассейне озера Байкал и других рыбохозяйственных водоемах Бурятской АССР, Иркутской и Читинской областей [Электронный ресурс] : Приказ Министерства рыбного хозяйства СССР от 1 декабря 1969 г. № 401. — Режим доступа : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>.

Информация об авторе

Пашков Константин Иванович — кандидат исторических наук, заведующий отделом, Иркутский областной краеведческий музей.

Author

Konstantin I. Pashkov — Ph.D. in History, Head of the Department, Irkutsk Regional Local History Museum.

УДК 314.87
ББК 60.72

А.В. ЗАДОРИН

ДИНАМИКА СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 1990–2015 ГОДЫ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Анализируются основные тенденции смертности населения Красноярского края в 1990–2015 гг. На обширном статистическом материале показано влияние реформ на физическое здоровье населения.

Ключевые слова: Красноярский край, смертность, естественный прирост населения, депопуляция.

A. V. ZADORIN

DYNAMICS OF MORTALITY OF THE POPULATION OF KRASNOYARSK REGION IN 1990–2015: MAIN TENDENCIES

The main tendencies of mortality of the population of Krasnoyarsk region in 1990–2015 are analyzed. Influence of reforms on physical health of the population is shown by means of extensive statistical material.

Keywords: Krasnoyarsk region, mortality, natural increase of the population, depopulation.

Нередко ученые-обществоведы, политики, журналисты противопоставляют «лихим девяностым» «стабильные нулевые» годы. А насколько справедливо утверждение о стабилизации ситуации в стране? Вопрос остается пока открытым. Первоначальное накопление капитала в России в целом еще не завершилось, о чем свидетельствует вывоз огромных капиталов за границу. По этой причине процесс первоначального накопления затягивается, удлиняется во времени. Не стабилизировались отношения собственности; еще имеют место правовые и социальные конфликты, связанные с ее переделами. Продолжается приватизация, распродают государственные пакеты акций, происходит реструктуризация естественных монополий [1, с. 26]. Но, с другой стороны, российское общество уже не переживает потрясений подобно либерализации цен 1992 г. или дефолта 1998 г.

В 2009 г. в Красноярском крае впервые с 1993 г. был зарегистрирован естественный прирост населения (рис. 1) [Сост. по: 15]. Людей родилось на 515 человек больше, чем умерло. В 2010 г. естественный прирост составил 396 человек, в 2011 г. — 1 324, в 2012 г. — 4 286, в

2013 г. — 4 944, в 2014 г. — 5 028 человек [15]. В 2015 г. прирост составил 4 964 человек, а в 2016 г. — 4 168 [16]. Итого за 8 лет — 25 625 человек. Много это или мало? Достаточно сказать, что за 1993–2008 гг. естественная убыль в крае составила 186 639 человек, что сопоставимо с исчезновением такого города как Норильск [15].

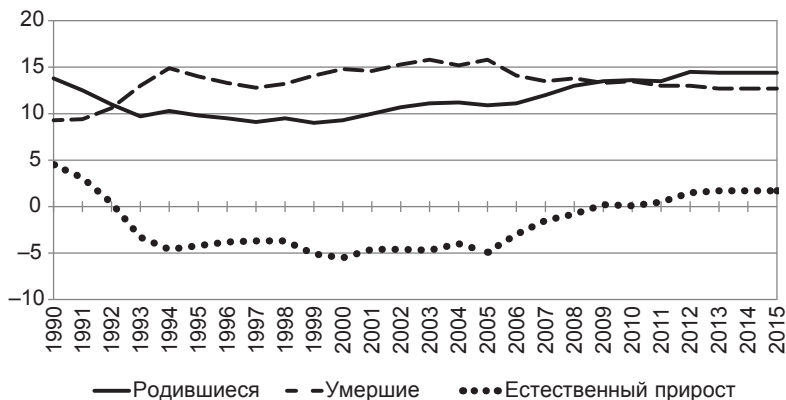

Рис. 1. Естественный прирост населения в Красноярском крае в 1990–2015 гг. (на 1 000 человек населения)

Что же остановило депопуляцию? Как известно, с 1 января 2007 г. в России начала действовать программа материнского капитала, и можно подумать: депопуляцию остановила она. Ошибочное предположение. К такому выводу приводит простое сопоставление фактов. Существенное повышение естественного прироста населения произошло в 2006 г., т.е. годом раньше (см. рис. 1). В том же 2006 г. отчетливо обозначилась тенденция снижения смертности. Следовательно, естественную убыль населения не могла остановить и краевая целевая программа «Улучшение демографической ситуации в Красноярском крае на 2007–2009 гг.» [12; 19].

Возможно, ответ следует искать в психологической сфере. В начале 1990-х гг. в связи с ухудшением социально-экономического положения в стране, а также кризисом в духовной сфере, население впало в состояние патологического стресса. Особенно это касалось трудящейся части населения, поскольку в трудоспособном возрасте люди создают семьи, воспитывают детей. И многие не выдерживали жизненных трудностей: совершали самоубийства, спивались. На рис. 2¹ виден скачок смертности в 1992–1994 гг. [Сост. по: 2; 4, с. 129; 5, с. 121; 6, с. 111; 7, с. 112; 8, с. 117; 10, с. 111; 11, с. 154; 14, с. 52].

¹ Данных за 2013 и 2014 гг. не имеется.

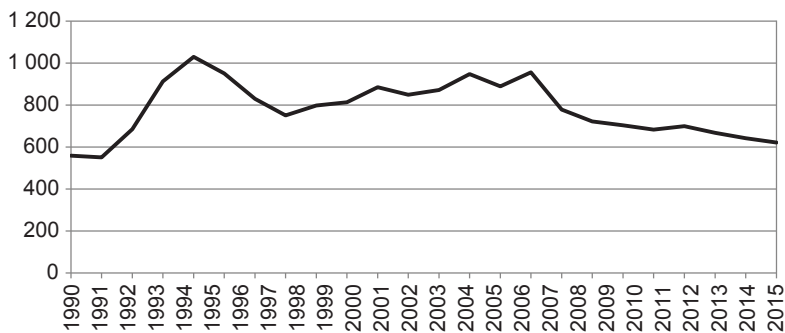

Рис. 2. Динамика смертности от всех причин среди лиц трудоспособного возраста в Красноярском крае в 1990–2015 гг. (на 100 000 населения соответствующего возраста)

В 1992 г. в регионе резко увеличилась смертность людей в трудоспособном возрасте. Ежегодные потери населения данного возраста в 1990-х гг. составляли более трети общего числа усопших. Особенно много умирало мужчин (80 % всех умерших в трудоспособном возрасте). Их смертность значительно (в 3,5 раза) превышала смертность среди женщин [19, с. 112].

Чаще всего в трудоспособном возрасте люди гибнут от неестественных (внешних) причин — несчастных случаев, отравлений и травм, убийств, самоубийств. Так было раньше, и так будет. Весь вопрос в масштабах смертности. А они в 1990-х гг. были очень высоки, что свидетельствовало о ненормальной психологической и демографической обстановке в крае.

С 1995 г. наметилась тенденция снижения смертности: люди начали адаптироваться к новым непривычным условиям жизни. Но в августе 1998 г. последовал новый удар — российское правительство объявило о прекращении платежей по ряду обязательств (технический дефолт). Курс рубля по отношению к доллару США упал за полгода более чем в 3 раза — с 6 р. за доллар перед дефолтом до 21 р. за 1 дол. 1 января 1999 г. Разорилось большое количество малых предприятий, многие банки. Банковская система оказалась в коллапсе минимум на полгода. Население потеряло значительную часть своих сбережений, упал уровень жизни. Произошел новый всплеск смертности. Достигнув пика в 2005 г., он резко пошел на спад. В 2006 г. в крае из умерших в трудоспособном возрасте людей мужчин было 78,2 % [9, с. 93], что в 3,6 раз выше показателя среди женщин этого же возраста. В частности, в 3,3 раза чаще мужчины умирали от внешних причин (несчастные случаи, отравления, травмы, убийства) [17, с. 18]. В 2015 г. уровень смертности практически вернулся к показателям дореформенных 1990–1991 гг.

Ряд специалистов (И.А. Гундаров¹ и др.) связывают жизнеспособность нации более всего с психологическими факторами. Так, например, в 1943 г., после победы в Сталинградской битве, люди стали умирать вдвое реже, хотя в 1943 г. по сравнению с 1940 г. производство продуктов питания (а значит, и их потребление) сократилось на 51–95 % [3, с. 62]. Оздоровительной силой стала воля к победе, рожденная Сталинградской битвой.

Другой пример. Вскоре после прорыва блокады в Ленинграде вспыхнула настоящая эпидемия гипертонии. Сердечный кризис начался у полвины выживших ленинградцев! [13]. В данном случае депрессии как реакции на перенесенный стресс начались, когда опасность миновала, и организм людей перестал находиться в постоянном тонусе.

По мнению И.А. Гундарова, экономическое благосостояние не является главным фактором здоровья и продолжительности жизни. Пьянство, табакокурение, экологическое неблагополучие, бедность и вызванный ею стресс также не объясняют истоков сверхсмертности в современной России. Жизнеспособность населения определяет «нравственная атмосфера и эмоциональное состояние общества» [3, с. 59]. Исходя из этого, государственная демографическая политика «должна включать на 80 % усилия по обеспечению в обществе социальной справедливости и осознания смысла жизни и лишь на 20 % — меры по повышению материального благосостояния» [3, с. 65].

Следует признать вышеупомянутую точку зрения не вполне состоятельной. Разве социальная справедливость не подразумевает достойный уровень материального благосостояния? Большинство населения, а не только избранных. Разве сам факт массовой бедности в мирное время не свидетельство негативной нравственной атмосферы в обществе? Именно падение уровня жизни стало главным фактором сверхсмертности в постсоветской России, о чем свидетельствовали данные статистики по Красноярскому краю, а протекавшие здесь процессы очень точно повторяли по основным параметрам общероссийские.

Тем не менее, теория И.А. Гундарова не лишена оснований. Влияние психологических факторов на физическое здоровье населения имеет место, но доказать это можно только на основе многолетних наблюдений. Если ухудшение (улучшение) нравственно-эмоционального состояния общества сопровождается ростом (снижением) заболеваемости и смертности, значит, мы имеем дело с фактором риска. Проведение такого рода исследований требует количественного измерения изучае-

---

¹ Гундаров И.А. — доктор медицинских наук, профессор, член РАЕН, кандидат философских наук, специалист в области эпидемиологии и медицинской статистики. Руководитель лаборатории Государственного научно-исследовательского центра профилактической медицины.

мого параметра. Известно, чем больше моральное состояние общества предрасположено к совершению дурных поступков, тем чаще они действительно случаются. Следовательно, единицами измерения способны служить данные официальной статистики об убийствах, грабежах, брошенных родителях или детях, самоубийствах и т.д. Основными индикаторами являются самоубийства и убийства. Первые отражают безысходность, потерю смысла жизни, вторые – агрессивность, озлобленность. Суммарную величину духовного неблагополучия характеризует общая преступность [3, с. 59–60].

Выполним расчет по методике И.А. Гундарова (рис. 3)¹ [Сост. по: 2; 4, с. 129; 5, с. 121; 6, с. 111; 7, с. 112; 8, с. 117; 10, с. 111; 11, с. 154; 14, с. 52]. При этом во внимание будем принимать людей трудоспособного возраста, поскольку большинство умерших насильственной смертью составляла данная категория населения (например, в 1997 г. — 85%).

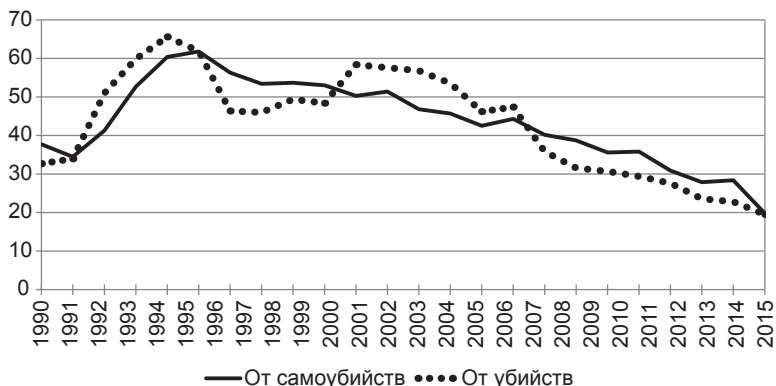

Рис. 3. Динамика смертности от самоубийств и убийств среди лиц трудоспособного возраста в Красноярском крае в 1990–2015 гг. (на 100 000 населения соответствующего возраста)

Анализ данных официальной статистики по Красноярскому краю за 1990–2015 гг. выявил зависимость между динамикой самоубийств, убийств и смертности (см. рис. 2 и 3). Экономические кризисы 1992 и 1998 г. вызвали рост смертности не только от болезней, но и от преступности. Впечатляет двукратный подъем числа убийств и в 1,6 раз самоубийств с 1990 по 1994 г., что позволяет утверждать: рост смертности в Красноярском крае в 1990-х гг. — следствие негативной нравственной атмосферы в обществе.

¹ Данных за 2013 и 2014 гг. не имеется.

Перелом в лучшую сторону наметился в 2002 г., и к настоящему времени нравственная атмосфера в регионе стала здоровее, чем в последние советские годы. Это, несомненно, позитивный факт. Люди обрели если и не уверенность в завтрашнем дне, то хотя бы ощущение стабильности. Ушли в прошлое многомесячные задержки зарплаты, гиперинфляция, разгул уличной преступности. Исчез страх перед неизвестностью. И это не замедлило отразиться на психическом состоянии обывателей. Хотя, надо сказать, уровень общей смертности начал снижаться только с 2006 г.

Всплеск смертности среди трудоспособного населения во многом произошел по причине доступности алкоголя, особенно в сельской местности (рис. 4) [Сост. по: 2; 4, с. 132, 135; 5, с. 124, 127; 6, с. 114, 117; 7, с. 115, 118; 10, с. 114, 117; 11, с. 155, 157]. Настоящим бедствием стали алкогольные отравления. Поражал чудовищный рост смертности от этой причины: с 1990 по 1994 г. среди горожан произошел десятикратный рост смертности, а среди селян – шестикратный рост [4, с. 132, 135]. Как правило, люди травились алкоголем высокой концентрации. В это время в Россию завозился голландский спирт «Royal» (который европейцы применяли для протираний, мойки и т.д.). «Ударим по клавишам (рояля)», — была такая присказка.

Рис. 4. Динамика смертности от случайных отравлений алкоголем среди лиц трудоспособного возраста в Красноярском крае в 1990–2015 гг. (на 100 000 человек соответствующего возраста)

На рис. 4 также видны два подъема смертности: в 1992–1994 гг. и 2000–2005 гг. И снова они выпадают на годы после экономических кризисов, когда многие люди заливали горе водкой. Вторая половина 1990-х гг. и вторая половина 2010-х гг. отмечались снижением смертности. Очевидно, самые пьющие погибли, другие же приспособились к новой реальности и стали реже прикладываться к рюмке. В настоящее время уровень смертности от алкогольных отравлений практически со-

ответствует показателям 1991–1992 гг. Все вернулось на круги своя. Ситуация вроде бы обнадеживает, однако употребление алкоголя с целью опьянения регистрируется с 11 лет. И таких случаев год от года становится больше [18].

Говорят, факт — самая упрямая в мире вещь. И факты не подтверждают довод о стабилизации ситуации в стране и Красноярском крае как части РФ. Влияние реформ на физическое здоровье населения бесспорно. Автор здесь не открыл Америки. Действительно после экономических кризисов 1992 и 1998 г. последовали два подъема смертности: 1992–1994 гг. и 1998–2005 гг. Но такой вывод справедлив только для смертности от болезней. С начала XXI в. статистика по самоубийствам и убийствам плохо соотносится с ходом реформ в стране. Уровень жизни большинства населения по-прежнему низкий; в то же время значительно снизилось число случаев, когда люди лишали жизни себя или других. Нравственная атмосфера стала благоприятнее, чем в последние советские годы, не говоря уже о 1990-х. И здесь, казалось бы, напрашивается вывод о стабилизации ситуации. Да, потрясений в последние годы мы не переживали. Тогда почему так велик уровень алкоголизации населения?

Отрадно, что демографическая ситуация в регионе наконец-то нормализовалась. Только надолго ли? Федеральным и краевым властям необходимо повышать жизненный уровень населения и, самое главное, не допускать новых экономических потрясений. Успех надо закрепить и развивать. Дальнейшее улучшение положения в стране и крае автор связывает с появлением национальной идеи.

Список использованной литературы и источников

1. Беленький В. Х. Преобразования в России и народные массы / В. Х. Беленький. — Красноярск : ГАЦМиЗ, 2001. — 173 с.
2. Возрастные коэффициенты смертности по причинам смерти (число умерших на 100 000 человек соответствующего возраста) по Красноярскому краю за 2015 год: экон. табл., № 1.8.8.2 / Росстат, Красноярскстат. — Красноярск, 2016.
3. Гундаров И. А. Духовное неблагополучие и демографическая катастрофа / И. А. Гундаров // Общественные науки и современность. — 2001. — № 5. — С. 59–60.
4. Демографический ежегодник Красноярского края. 1996 год : стат. сб. / Госкомстат России, Крайкомстат ; отв. за вып. Л. П. Васильева. — Красноярск, 1997. — 182 с.
5. Демографический ежегодник Красноярского края. 2000 год : стат. сб. / Госкомстат России, Крайкомстат ; отв. за вып. Л. П. Васильева. — Красноярск, 2001. — 143 с.
6. Демографический ежегодник Красноярского края. 2003 год : стат. сб., № 8-1 / Госкомстат России, Крайкомстат ; отв. за вып. Л. П. Васильева, М. А. Федоров. — Красноярск, 2004. — 161 с.

7. Демографический ежегодник Красноярского края. 2004 год : стат. сб., № 8-1 / Росстат, Красноярскстат ; отв. за вып. Л. П. Васильева, М. А. Федоров. — Красноярск, 2005. — 180 с.
8. Демографический ежегодник Красноярского края. 2005 год : стат. сб., № 8-1 / Росстат, Красноярскстат ; отв. за вып. Е. В. Кнор, О. Е. Чериканова. — Красноярск, 2006. — 165 с.
9. Демографический ежегодник Красноярского края. 2006 год : стат. сб., № 8-1 / Росстат, Красноярскстат ; отв. за вып. Е. В. Кнор, Д. А. Разумов. — Красноярск, 2007. — 163 с.
10. Демографический ежегодник Красноярского края. 2007 год : стат. сб., № 8-1 / Росстат, Красноярскстат ; отв. за вып. Е. В. Кнор. — Красноярск, 2008. — 157 с.
11. Демографический ежегодник Красноярского края : стат. сб., № 1-38 / Росстат, Красноярскстат ; отв. за вып. М. Л. Широбокова. — Красноярск, 2013. — 220 с.
12. Задорин А. В. Демографическая политика в Красноярском крае в 2007–2009 гг.: а была ли она? / А. В. Задорин // Актуальные проблемы российского регионализма: областническая идеология и культурология в истории и современной философской общественно-политической мысли : материалы Всероссий. молодеж. науч. конф. Омск, 5–7 сентября 2012 г. — Омск, 2012. — С. 152–155.
13. Кожемякин В. «Секрет долголетия удивительно прост!» / В. Кожемякин, Е. Чазов // Аргументы и факты. — 2008. — 30 апр.
14. Красноярский краевой статистический ежегодник. 2009: стат. сб. / Росстат. Р76. — М., 2009. — 386 с.
15. Красноярскстат [Электронный ресурс]: Официальная статистика. Население. — Режим доступа : http://www.krasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krasstat/ru/statistics/population/
16. Красноярскстат [Электронный ресурс]: Официальная статистика. Население. — Режим доступа : <http://web.krasstat.gks.ru/doklad/12/dok.htm#02-2.1>
17. Мужчины и женщины Красноярского края: аналитическая записка № 8-1-1 / Росстат, Красноярскстат ; отв. за вып. Е. В. Кнор, Д. А. Разумов. — Красноярск, 2007. — 23 с.
18. Никотин Ю. Алкогольная беда / Ю. Никотин // За Победу! — 2014. — 6 авг. — С. 4.
19. Официальный портал Красноярского края [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.krskstate.ru/docs/0/doc/441>
20. Оценка социально-экономического состояния Красноярского края за годы реформ: аналитическая записка / Госкомстат России, Крайкомстат ; отв. за вып. В. П. Панова. — Красноярск, 1999. — 136 с.

Информация об авторе

Задорин Артем Викторович — ассистент, кафедра истории России, Сибирский федеральный университет, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, e-mail: artemzadorin@rambler.ru.

Author

Artem V. Zadorin — Instructor, Department of History of Russia, Siberian Federal University, 82 Svobodny Avenue, Krasnoyarsk, 660041, e-mail: artemzadorin@rambler.ru.

УДК 947(470)
ББК 63.3(2)52-21

Н.А. КОНСТАНТИНОВА

УЧАСТИЕ МУСУЛЬМАН В АГРАРНОМ ПЕРЕСЕЛЕНИИ В ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Анализируется динамика численности мусульман Восточной Сибири в XIX в. Отмечается динамика роста населения за счет аграрного переселения, выделяются отдельные российские губернии, послужившие тому причиной.

Ключевые слова: мусульмане, аграрное переселение, численность, ислам.

N.A. KONSTANTINOVA

PARTICIPATION OF MUSLIMS IN AGRARIAN MIGRATION IN EASTERN SIBERIA ON THE BOUNDARY OF XIX AND XX CENTURIES

The dynamics of the number of Muslims in Eastern Siberia in the XIX century is analyzed. There is the dynamics of population growth through agrarian resettlement, allocate separate Russian provinces, which were the reason.

Keywords: Muslims, agrarian resettlement, the number, Islam.

В России издавна проживало население, различное по своему этническому и конфессиональному составу. Ислам и приверженцы этой религии внесли значительный вклад в духовную и культурную жизнь российского общества.

Данные о первых мусульманах на территории Восточной Сибири стали нам известны от Гагемейстера. Так в 1823 г. общая численность мусульман Енисейской и Иркутской губерний составила 668 человек, в 1835 г. — 3 242 человек, а в 1851 г. — 3 524 человек обоего пола [2]. При этом, численность населения мужского пола значительно превышала численность населения женского пола. А в 1835 г. общая численность мусульманского населения значительно увеличилась (в доле мужского населения), предположительно, в результате ссылки.

Однако, численность мусульман значительно возросла в конце XIX — начале XX в., так в 1897 г. в Енисейской губернии она составила 5 097 человек, в Иркутской губернии — 7 599 человек, в Якутской области — 1 909 человек, в Забайкальской области — 3 182 человека [1, с. 241]. Общая численность мусульман, проживающих в Восточной Сибири в 1897 г. составила 17 717 человек обоего пола.

Такой значительный прирост населения мусульман произошел в результате аграрного переселения в Сибирь в конце XIX — начале XX в.

Имеющиеся источники позволяют нам составить полную картину того, из каких районов Российской империи осуществлялось переселение.

Так, из центрально-черноземных губерний «водворилось» в Енисейскую губернию — 32,2 тыс. человек, в Иркутскую — 4,9 тыс. человек. Из «малороссийских» губерний в Енисейскую — 19,3 тыс., в Иркутскую — 2,5 тыс., в Забайкальскую область — 1,7 тыс. человек. Из новороссийских губерний в Енисейскую губернию — 7,3 тыс. человек. Из западных губерний в Енисейскую — 4,3 тыс. человек. Из приволжских губерний в Енисейскую губернию — 10,3 тыс. человек, в Иркутскую — 6,1 тыс. человек. Из Приуральских губерний в Енисейскую — 23,8 тыс. человек, в Иркутскую — 10,5 тыс. человек, в Забайкальскую область — 4,2 тыс. человек. Из центральных губерний в Енисейскую — 10,7 тыс. человек, в Иркутскую — 4,5 тыс. человек, в Забайкальскую область — 1,1 тыс. человек. Из северных губерний в Енисейскую губернию — 1,3 тыс. человек [1, с. 156].

Следовательно, количество мусульман на изучаемой нами территории увеличилось за счет выходцев из Приволжского и Приуральского районов. Причем, в Иркутскую губернию переселенцы прибывали преимущественно из этих двух районов. И только потом из других. Кстати, Приволжский район — это Казанская, Симбирская, Самарская, Саратовская губернии, а Приуральский — это Вятская, Пермская, Уфимская и Оренбургская губернии. А именно в этих районах преимущественно проживали мусульмане [7, с. 197]. Самыми многочисленными по числу мусульман губерниями Российской империи были Уфимская и Оренбургская губернии.

Что касается конкретных губерний, то наибольшее число своих уроженцев Иркутской губернии дали такие «мусульманские» губернии, как — Симбирская (1 650 человек), Оренбургская (1 625 человек), Казанская (1 594 человек) [5, с. 5]. В Енисейскую губернию в конце XIX в. переселились уроженцы следующих губерний: Оренбургской (846 муж. + 737 жен.), Казанской (2 148 муж. + 1 352 жен.), Симбирской (1 553 муж. + 759 жен.), Уфимской (795 муж. + 484 жен.), кроме того, Кавказа (1 455 муж. + 521 жен.) и Средней Азии (771 муж. + 382 жен.) [3, с. 4]. В Якутскую область местное население, по данным переписи, прибыло из следующих губерний: Иркутская (3 959 человек), Тобольская (2980 человек), Енисейская (1 088 человек), Уфимская (670 человек) [6, с. 3]. В Забайкальской же области наибольшее число приезжих пришлось на Иркутскую (4,3 % всего числа жителей области) и Енисейскую (1,6 %) губернии [4, с. 4].

В 1911 г. отмечается дальнейший рост численности мусульман. В Енисейской губернии численность мусульман обоего пола составила 5 896 человек, в Иркутской губернии — 8 000 человек, в Якутской области — 1 164 человека, в Забайкальской области — 3 475 человек. В общей сложности численность мусульманского населения Восточной Сибири в 1911 г. составила 18 535 человек [1, с. 242].

Таким образом, мы пришли к выводу, что резкий рост численности мусульман Восточной Сибири в конце XIX — начале XX в. был связан с аграрным переселением. Численность приверженцев ислама, проживающих в Енисейской и Иркутской губерниях, пополнилась за счет таких губерний, как Оренбургская, Уфимская, Симбирская, Казанская, а также за счет переселенцев Кавказа и Средней Азии. Число мусульман Забайкальской и Якутской областей увеличилось, в основном, за счет соседних с ними губерний, — Енисейской и Иркутской.

Список использованной литературы и источников

1. Азиатская Россия : в 4 т. — Т. 1. Люди и порядки за Уралом. — СПб. : Переселенческое Управление Главного управления землеустройства и земледелия, 1914. — 576 с.
2. Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. Ч. 1-2 / составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. — СПб. : Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1854. — 697 с.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва внутренних дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. — [СПб.] : [б. и.], 1897–1905. Енисейская губерния / ред. : Л. Е. Ле-Дантю, В. В. Неудачин. — СПб. : Типография Э. Л. Пороховщиковой, 1904. — 172 с.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва внутренних дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. — [СПб.] : [б. и.], 1897–1905. Забайкальская область / ред. : Л. Е. Ле-Дантю, В. В. Неудачин. — СПб. : Типография Э. Л. Пороховщиковой, 1904. — 97 с.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва внутренних дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. — [СПб.] : [б. и.], 1897–1905. Иркутская губерния / ред. : Л. Е. Ле-Дантю, В. В. Неудачин. — СПб. : Типография Э. Л. Пороховщиковой, 1904. — 172 с.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва внутренних дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. — [СПб.] : [б. и.], 1897–1905. Якутская область / ред.: Л. Е. Ле-Дантю, В. В. Неудачин. — СПб. : Типография Э. Л. Пороховщиковой, 1904. — 71 с.
7. Покшишевский В. В. Заселение Сибири / В. В. Покшишевский. — Иркутск : Иркут. обл. гос. изд-во, 1951. — 208 с.

Информация об авторе

Константинова Наталья Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента, предпринимательства и экономической безопасности в агропромышленном комплексе, Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского, 664038, г. Иркутск, п. Молодежный.

Author

Natalia A. Konstantinova — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of Management, Entrepreneurship and Economic Security in Agribusiness, Irkutsk State Agricultural University under A.A. Ezhevsky, Molodezhnyy, Irkutsk, 664038.

УДК 351.755.36-054.6(571.5)(09)
ББК 60.721.11(253.3)г

В.П. МОТРЕВИЧ

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ ИНОСТРАНЦЕВ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ПО ДАННЫМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ СССР 1937 ГОДА

Исследуются материалы Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г. об учтенных в Восточной Сибири иностранных гражданах. Приводятся данные о численности, гражданстве, половом и возрастном составе находившихся на территории Бурят-Монгольской АССР, Красноярского края, Иркутской и Читинской областей иностранцев.

Ключевые слова: перепись населения, Восточная Сибирь, иностранцы.

V.P. MOTREVICH

NUMBER AND DISTRIBUTION OF FOREIGNERS IN EASTERN SUBERIA ACCORDING TO 1937 NATIONWIDE USSR CENSUS

Explores the materials of all-Union census of the Soviet population in 1937 on recorded in Eastern Siberia for foreign citizens. Shows the number, nationality, sex and age composition in the territory of the Buryat — Mongolian ASSR, Krasnoyarsk Krai, Irkutsk and Chita regions of foreigners.

Keywords: census, Eastern Siberia, foreigners.

Многие проблемы демографического развития СССР в 1930-е гг. долгое время в силу известных причин политико-идеологического характера не были предметом специального исследования исторической науки. По этой причине некоторые аспекты демографической истории того времени до настоящего времени остаются неизученными. К ним, в частности, относится проблема нахождения иностранцев на территории Советского Союза накануне Второй мировой войны, их численность, состав и размещение в различных регионах страны.

Вторая Всесоюзная перепись населения Советского Союза была проведена в январе 1937 г. Однако вскоре постановлением СНК СССР ее организация была признана неудовлетворительной, а данные — «дефектными». Причина такой оценки результатов переписи заключалась в том, что сведения о численности населения СССР оказались значительно ниже ожидаемых. Организаторы проведения переписи 1937 г. были репрессированы, а сама она на десятилетия упрятана в спецхраны центральных архивов.

В настоящее время, когда появился доступ к материалам переписи 1937 г., исследователи сходятся во мнении, что недоучет населения не превышал допустимых норм и не превосходил аналогичных показателей других советских переписей. В последнее время исследователям удалось обнаружить и опубликовать целый комплекс результатов Второй Всесоюзной переписи. Все опубликованные материалы содержат в основном сведения по стране в целом, объем же данных по регионам весьма незначителен.

Однако, помимо учета собственного населения, Всесоюзная перепись населения СССР 1937 г. учитывала и иностранных граждан. Речь идет о тех из них, кто на момент проведения переписи находился на территории Советского Союза. Судя по обнаруженным нами материалам, учет иностранных граждан производился по упрощенной схеме. Формуляр переписного листа включал не 14 вопросов, как для всех советских граждан, а лишь 4 — подданство, национальность, пол, возраст (до 18 лет; 18 лет и старше). Численность учтенных, таким образом, иностранных граждан в СССР составила 192 943 человека. Эти сведения не вошли в опубликованные итоги Всесоюзной переписи населения 1937 г. В настоящее время проблема численности и состава иностранных граждан в СССР исследована только на материалах его отдельных регионов [1; 2]. В научной литературе содержатся и отдельные сведения о нахождении в 1937 г. в Восточной Сибири китайских граждан [3].

Анализ материалов Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г. показывает, что по состоянию на начало 1937 г. на территории Восточной Сибири находилось 3,5 тыс. иностранцев. Из них в Бурят-Монгольской АССР было учтено 514, в Красноярском крае — 1321, в Иркутской области — 532 и в Читинской области — 1155 человек (табл. 1) [4, л. 19–21, 24, 25, 64–66, 92, 93]. Данные табл. 1 также свидетельствуют, что больше всего иностранцев в Восточной Сибири находилось в Красноярском крае и Читинской области. Из числа иностранных граждан в Восточной Сибири преобладали китайцы, они составили почти 2/3 (60,1 %) их численности. Доминирование китайцев среди иностранных граждан было особенно заметно в Читинской области, где они составляли 92,2 % численности учтенных переписью иностранцев. Китайские граждане среди иностранцев доминировали также в Бурят-Монгольской АССР и Иркутской области. В Красноярском крае на первом месте по численности среди иностранных граждан были тувинцы, хотя доля китайцев и корейцев среди иностранцев там была весьма значительной. Что касается представителей европейских наций, составлявших незначительную часть учтенных иностранцев, то среди них больше всего было граждан Германии, Польши и Финляндии. В регионе находились и представители других европейских стран, а также США, но численность их была невелика. Так в Иркутской области переписью

были учтены 22 гражданина Чехословакии и пять граждан Австрии и столько же Венгрии, а также граждане Греции, Литвы и США и др. Необходимо также отметить, что многие иностранцы были русскими по национальности. Так среди учтенных в Иркутской области 18 датских подданных пятеро оказались русскими, из 17 польских граждан русскими были трое [4, л. 29–31].

Таблица 1

Численность иностранных граждан в Восточной Сибири по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г.*

Республика, край, область	Всего	В том числе						
		Германия	Китай	Корея	Польша	Тува	Финляндия	Прочие
Бурят-Монгольская	514	4	478	1	4	24	–	3
Красноярский край	1 321	17	377	137	98	645	22	25
Иркутская область	532	29	229	38	17	5	35	179
Читинская область	1 155	8	1065	2	15	–	10	55
Восточная Сибирь	3 532	58	2 149	178	134	674	77	262

* Административно-территориальное деление Восточной Сибири по состоянию на 6 января 1937 г.

По половому составу почти 70,0 % иностранных граждан и подданных составляли мужчины старше 18 лет. Среди иностранцев высокой доля мужчин была и в других регионах страны. Женщины старше 18 лет составляли приблизительно десятую часть учтенных переписью людей, а вот число лиц до 18 лет было значительно больше (табл. 2) [4, л. 19–21, 24, 25, 64–66, 92, 93].

Таблица 2

Половозрастной состав иностранцев в Восточной Сибири в 1937 г.

Республика, край, область	Всего	В том числе	
		женщин	детей
Бурят-Монгольская	514	10	119
Красноярский	1 321	297	488
Иркутская	532	41	43
Читинская	1 155	31	38

Таким образом, материалы Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г. содержат только самые общие данные о численности, составе и размещении иностранцев на территории республик и областей Советского Союза. Они свидетельствуют, что основной массив иностранных граждан и подданных составляли лица, государственность которых образовалась в результате крушения Российской Империи (Польша, Тува, Финляндия), либо они представляли страны, имеющие общую границу с СССР (Китай, Корея). Что касается германских граждан, то это являлось, по-видимому, следствием тесных торгово-экономических связей СССР и Германии.

Список использованной литературы и источников

1. Мотревич В. П. Иностранцы граждане на Урале по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г. / В. П. Мотревич // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. — Т. 1. — Екатеринбург : УрФУ, 2013. — С. 493–494.
2. Мотревич В. П. Иностранцы граждане в Казахстане по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г. / В. П. Мотревич // Алдамжаровские чтения — 2013 : материалы междунар. науч.-практ. конф. — Костанай : КСТУ, 2013. — С. 98–99.
3. Мотревич В. П. Иностранцы граждане — китайцы в Советском Союзе по данным Всесоюзной переписи населения 1937 г. / В. П. Мотревич // Китай: история и современность : материалы VIII междунар. науч.-практ. конф. — Екатеринбург : УрФУ, 2015. — С. 178–181.
4. Российский государственный архив экономики. — Ф. 1562. — Оп. 329. — Д. 148.

Информация об авторе

Мотревич Владимир Павлович — доктор исторических наук, профессор, кафедра истории государства и права, Уральская государственная юридическая академия, 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru.

Author

Vladimir P. Motrevich — Doctor of History, Professor, Department of History of State and Law, Ural State Law University, 21 Komsomolskaya St., Yekaterinburg, 620137, e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru.

УДК 316.334.56(571)«19»
ББК 63.3(253)6-283.4

А.И. ТИМОШЕНКО

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РАЙОНОВ НОВОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В статье анализируются процессы формирования городского населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1930–1980-е гг. Сделаны выводы, что они зависели с одной стороны от стратегических устремлений советского правительства, связанных с освоением все более новых территорий Сибири и расположенных там природных ресурсов, а с другой стороны — от темпов производственного строительства.

Ключевые слова: Сибирь, новое промышленное строительство, формирование городского населения.

A.I. TIMOSHENKO

FEATURES OF THE FORMATION OF URBAN POPULATION OF DISTRICTS OF THE NEW INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF SIBERIA IN THE SOVIET PERIOD

The article analyzes the processes of formation of urban population in regions of new industrial development of Siberia in 1930–1980-ies. The author came to the conclusion that they depended on one side of the strategic aspirations of the Soviet government relating to the development of the new territories of Siberia and its natural resources, and on the other hand — of the pace of industrial construction.

Keywords: Siberia, new industrial construction, the formation of the urban population

Первым районом промышленного освоения в Сибири в XX столетии со всем основанием можно считать Кузбасс, который получил значительные импульсы для своего промышленного развития в процессе реализации масштабного Урало-Кузнецкого проекта. В результате в регионе образовалась основная масса современных городов и рабочих поселков. Многие из них получили статус городов в 1930-е гг. в связи с промышленным и транспортным строительством. Рабочие поселения, ставшие в последствие городами, возникали, как правило, вокруг шахт и строящихся предприятий, были органически связаны с производством и развивались вместе с ним. Они создавались по двум основаниям. Одни из них начинались буквально на пустом месте и росли вместе с новостройками, другие образовывались рядом со старыми населенными пунктами и впитывали в себя их уже устоявшиеся традиции. Это в значительной степени определяло первичный облик поселений и формировало основные характеристики населения. В целом и те, и другие новые городские поселения росли и развивались в зависимости от потребностей промышленного и транспортного строительства, а затем и производства. Урбанизация в Кузбассе в 1930-е гг. являлась важным направлением модернизационных преобразований на индустриальной основе. На процессы формирования населения мощное воздействие оказывало государственное управление, которое определяло, как темпы городского строительства, так и принципы привлечения трудовых ресурсов на индустриальные новостройки.

Особенности формирования городов и городского населения в этот период определялись стремлениями построить в СССР не только самые современные и высокопроизводительные промышленные предприятия, но и новые «социалистические» города. Основные идеи их создания были связаны с идеалистическими представлениями о социализме,

как обществе всеобщего равенства и благоденствия, отличающегося от предшествующих более сознательным отношением людей к труду, к повседневной жизни. Поэтому считалось, что вокруг создаваемых промышленных гигантов нужно строить города с развитой системой общественного бытия и коммунального обслуживания, где основным типом жилища должны стать дома-коммуны с максимальным обобществлением в них быта и культурной жизни.

Однако такие идеальные проекты не соотносились с реальной жизнью и, как правило, не принимались руководством строительства к исполнению. Ситуация на стройплощадке очень быстро менялась, количество рабочих росло. Необходимо было оперативно решать проблемы обеспечения трудящихся самым элементарным жильем. Поэтому города и рабочие поселки в Кузбассе строились по самым дешевым вариантам, упрощенным параметрам, касающимся как материалов, так и технологий возведения зданий. Обстоятельства вынуждали идти по пути ущербного, но более быстрого решения социальных проблем, что выражалось в разворачивании по необходимости массового строительства дешевого временного жилья барачного типа на всей территории региона [11, с. 155–158].

Процессы формирования городского населения в Кузбассе в 1930-е гг. были подчинены в первую очередь задачам обеспечения промышленных предприятий и строек рабочей силой, которые решались разными методами. С одной стороны, промышленные новостройки привлекали местное крестьянское население региона. По данным В.А. Исупова перепись городского населения Кузбасса, проведенная в январе 1931 г., показала, что среди новоселов, проживавших в городах менее 3-х лет, удельный вес сибиряков составил более 80 %. В 1926 г. в городах Кузбасса проживало 120 тыс. чел., в 1939 г. — 910. Например, численность населения Кузнецка (Сталинска, Новокузнецка) выросла в 45 раз, Прокопьевска — в 10, Щегловска (Кемерово) — в 6 раз, Ленинска-Кузнецка — в 4,2, Анжеро-Судженска — в 2,3 раза [14, с. 208–210].

С другой стороны, значительную долю трудовых ресурсов Кузбасса составляли спецпереселенцы и заключенные. Огромное влияние на формирование городского населения оказывало привлечение в Кузбасс работников из самых различных районов СССР, в том числе и принудительными методами. Заключенные, спецпереселенцы присутствовали практически во всех городах и шахтерских поселках. Они в 1930-е гг. не только составляли значительную часть индустриальных кадров Кузбасса, но и вносили свой вклад в формирование населения. В отличие от заключенных, которые считались временными поселенцами, спецпереселенцы и ссыльные часто прибывали семьями, проживали в отведенной им части населенных пунктов, общались с местным населением, работали с ним на одних предприятиях, в основном на угледобывающих.

В некоторых шахтах число ссыльных и спецпереселенцев составляло 65–77 % от общей численности рабочих. Как отмечала Западно-Сибирская краевая комиссия, в 1933 г. роль спецпереселенцев в угледобыче была значительной, а на ряде предприятий — решающей. Спецпереселенцы в процессе многолетнего труда в шахтах приобретали шахтерские специальности и являлись подчас высококвалифицированными рабочими, которые добросовестно трудились на тех предприятиях, к которым были прикреплены. Некоторые из них становились в последствие передовиками производства, завоевывали призовые места в социалистическом соревновании и переходящие знамена Новосибирского обкома партии [1, с. 339–342].

Заклученные имели гораздо меньше юридических прав и возможностей для карьерного роста. Они проживали на территории лагерных поселков, которые в 1930-е гг. существовали практически в каждом городе Кузбасса. Труд заключенных использовался в угольной, металлургической, горнорудной, лесной отраслях промышленности, на строительстве дорог и промышленных предприятий. После отбывания сроков они часто оставались в регионе и не могли не оказывать своего влияния на формирование населения и развитие городов. В то же время, осознавая свое социальное положение, эта категория людей часто довольствовалась тем, что имела, не претендуя на лучшее. Немногие из бывших заключенных добивались высокого положения в обществе, занимали в основном рабочие места, не требующие квалифицированного труда. К началу 1950-х гг. среди населения Кузбасса бывших заключенных насчитывалось до 35 % [5, с. 14].

Вся это разнообразная масса людей, имеющих за плечами различный жизненный и профессиональный опыт, различное образование и культурные навыки, становилась единым городским населением Кузбасса, которое формировалось как результат взаимодействия коренного населения Кузбасса и пришлого, прибывающего в регион под влиянием различных обстоятельств. Спецпоселки, возведенные в ходе строительства промышленных объектов и шахт, стали основой инфраструктуры многих шахтерских городов: Прокопьевска, Киселевска, Осинников, Белово, Ленинска-Кузнецкого и др.

В 1930-е гг. в составе городского населения Кузбасса также начала формироваться индустриальная научно-техническая и управленческая элита. Например, на строительство Кузнецкого металлургического комбината еще в начале 1930-х гг. прибывали значительные группы инженеров и квалифицированных рабочих с московских и ленинградских предприятий, с южных и уральских металлургических заводов, которые обосновались в городе металлургов и становились его коренными жителями. В столичных вузах считалось престижным получить распределение на работу в Сталинск (Новокузнецк) или в Кемерово. Все это вместе взятое

приводило к тому, что в крупных городах Кузбасса уже к концу 1930-х гг. среди населения существовала значительная прослойка интеллигенции.

В годы Великой Отечественной войны процессы формирования городского населения в Сибири подчинялись другим законам, связанным с организацией на территории региона глубокого тыла СССР. Поэтому все проблемы формирования населения решались с точки зрения обеспечения промышленных предприятий, в первую очередь имевших оборонное значение, трудовыми ресурсами. Для этой цели проводилась эвакуация населения из европейских регионов страны, мобилизовывалось сибирское население из городов и сельской местности, а также в значительных масштабах привлекались различного вида спецконтингенты. В итоге Сибирский регион смог внести значительный вклад в Победу советского народа в Великой Отечественной и Второй мировой войнах. Только в 1950-е гг. формирование городского населения Сибири стало развиваться в соответствии с обозначенной еще в 1930-е гг. стратегией активного продвижения индустрии в сторону восточных регионов страны.

Еще в годы предвоенных пятилеток многие ученые и государственные деятели высказывали мнение, что Урало-Кузнецкий проект является лишь первым этапом промышленного освоения Сибири. Вторым этапом определялась реализация Ангаро-Енисейской программы, к которой основательно приступили в конце 1940-х — начале 1950-х гг. С реализацией Ангаро-Енисейского проекта связан следующий этап формирования городов и городского населения в Сибири. Несколько позже началось создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, которое также значительно активизировало строительство городов и формирование городского населения в северных районах Западной Сибири.

В 1950–1960-е гг. с началом реализации Ангаро-Енисейской программы и формированием в ее рамках сразу нескольких ТПК привлекательными местами для переселений стали районы Иркутской области, где строились вначале Иркутская, затем Братская и Усть-Илимская ГЭС. В 1960–1970-е гг. производственное строительство активно развивалось на юге и в центре Красноярского края, результатом которого стало формирование Центрально-Красноярского, Канско-Ачинского и Саянского ТПК. До начала промышленного освоения большинство районов Среднего Приангарья, где происходило формирование Братско-Усть-Илимского ТПК, были слабозаселенными. Здесь на 1 января 1955 г. проживало всего около 76 тыс. человек, что составляло плотность населения менее одного человека на кв. км. Еще менее населенными были районы севера Западной Сибири до начала освоения нефтегазовых месторождений.

На индустриальные новостройки прибывало множество людей и не только из ближайших сел и городов, но и других регионов страны. Поэтому все районы нового освоения в начальный период своего развития отличались значительным ростом населения. Так, население района Брат-

ско-Усть-Илимского ТПК в течении первого десятилетия (1955–1966 гг.) увеличилось с 75,8 тыс. человек до 258,5. Население Тюменской области в результате освоения нефтегазовых месторождений в 1970–1981 гг. выросло на 610 тыс. человек. Среднегодовые темпы прироста здесь более чем в 9 раз превышали республиканские показатели и были самыми высокими в России. Еще более они увеличились в 1980-е гг., когда началось форсирование разработки нефтяных и газовых месторождений с целью значительного увеличения добычи полезных ископаемых. Население Ямало-Ненецкого автономного округа в 1981–1985 гг. увеличилось примерно в два раза. Прирост составил более 90 тыс. человек. Если в начальный период освоения нефтегазовых месторождений доля населения Ямала насчитывала лишь 5,1 % среди населения Тюменской области, то к середине 1980-х гг. — 14,3 % [4, с. 57]. В 1986–1987 гг. за счет северных районов Тюменская область получила самый высокий за всю историю прирост населения, который составил около 400 тыс. человек. Среднегодовые темпы прироста населения Тюменской области в 1981–1990 гг. были самыми высокими в Сибири [4, с. 60–81].

Быстрее всего росло число жителей городов и рабочих поселков, где сосредотачивалось строительство основных промышленных или энергетических объектов. Вначале строители давали главный прирост населения районов индустриальных новостроек, затем с пуском в эксплуатацию основных градообразующих предприятий сюда прибывали и представители других профессий и специальностей. Начальный период рождения новых городов характеризовался самыми высокими темпами роста населения. Например, численность населения Братска с 1955 по 1965 г. увеличилась в 12 раз, Железногорска-Илимского с 1959 по 1965 г. — в 7 раз, Усть-Илимска с 1967 по 1977 г. в 14 раз [2, с. 220–222].

Анализ данных Всесоюзных переписей показывает, что городское население Сибири и Дальнего Востока в изучаемый нами период в целом росло, но не очень высокими темпами. За 1959–1979 гг. его общий удельный вес в масштабе страны даже несколько сократился. Главный прирост населения Сибири происходил за счет районов нового промышленного освоения. Здесь темпы роста городского населения значительно превышали региональные и среднесоюзные данные. Самые высокие показатели роста городского населения были в районах интенсивного индустриального строительства и разработки месторождений полезных ископаемых. Так, в Тюменской области городское население увеличилось в 3 раза, в Ханты-Мансийском автономном округе — в 13,4 раза. В Восточной Сибири из 2,4 млн человек прироста городского населения почти половина приходилась на новые города региона [6, с. 2–24; 9, с. 4–7].

Ориентация на городские поселения в районах нового промышленного освоения Сибири прослеживается при реализации всех крупных индустриальных проектов в регионе, которые предусматривали одновременно с

производственным и городское строительство. На конференции по изучению производительных сил Иркутской области в августе 1947 г. во многих выступлениях говорилось о том, что выполнение масштабной энергетической Ангаро-Енисейской программы должно сопровождаться созданием так называемых «промгородов», в которых будут сосредоточены в едином комплексе энергетические и перерабатывающие сырье предприятия. Первыми городами такого плана были призваны стать как уже давно существующие городские центры (Иркутск, Черемхово, Зима и др.) так и вновь построенные. В 1951–1954 гг. Центральным Государственным Всесоюзным институтом городского проектирования была разработана схема районной планировки Иркутско-Черемховского промышленного района на территории площадью около 800 км², в которой наряду с размещением предприятий предусматривалось строительство «промгородов» с населением от 50 до 200 тыс. человек. Первыми городскими центрами, начавшими свое существование в 1950-е гг., стали города Ангарск, Байкальск, Шелехово. За 1940–1962 гг. в Иркутской области число городов областного подчинения увеличилось в 3,5 раза, рабочих поселков городского типа в 2,5 раза. К 1990 г. горожане составляли около 80 % всех жителей региона, большинство из которых проживало в крупных промышленных центрах, получивших свое развитие во второй половине XX столетия [12, с. 80–81].

Стратегический курс на урбанистическое развитие продолжился и при освоении нефтегазовых районов севера Западной Сибири и формировании здесь крупнейшего в мире нефтегазового комплекса (ЗСНГК), при строительстве объектов КАТЭКа, БАМа, Якутских горнопромышленных комплексов и т.д. Районы нового индустриального строительства со временем превращались в высоко-урбанизированные, с преобладанием городских поселений и городских жителей.

Увеличение населения новых городов Сибири в XX столетии главным образом происходило за счет механического прироста, обеспечивающегося активным миграционным движением, которое особенно в начальный период развертывания индустриальных новостроек было очень значительным. Миграция должна была обеспечить необходимыми кадрами возведение в запланированные и достаточно короткие сроки основных производственных объектов. В этот период за счет прибытия из различных регионов страны происходил основной прирост жителей в новых индустриальных поселениях. Вместе с тем значительный приток сопровождался и значительным оттоком. В результате сибирские новостройки характеризовались высоким миграционным оборотом. В 1959–1970-х гг. он был самым большим в районах нефтегазовой добычи Западной Сибири, где превышал данные по другим районам Сибири и Дальнего Востока на 25 % [10, с. 103].

Основные тенденции не изменились и в последующие годы. Многочисленные наблюдения специалистов в 1970–1980-е гг. констатирова-

ли, что и в этот период рост городского населения в зонах нового промышленного строительства также происходил за счет высоких темпов миграционного движения. Разработка нефтегазоносных месторождений Тюменской и Томской областей, комплексное развитие производительных сил Красноярского края, строительство БАМа не обходились без привлечения населения в эти районы. Мероприятия государственной миграционной политики благоприятно сказывались на притоке населения в районы нового индустриального строительства.

В начале 1970-х гг. для восточных регионов страны были введены коэффициенты к заработной плате, на значимых для страны новостройках вводились дополнительные льготы и выплаты. Все это вместе взятое положительным образом сказывалось на желании приехать в Сибирь. Однако желающих уехать из Сибири было также значительное количество. В итоге общая численность населения региона росла не так быстро. Подсчитано, что вследствие миграционного оттока из общего прироста населения Сибири в 1975–1985 гг. терялся каждый четвертый. Это превращалось в серьезную проблему для районов нового промышленного освоения, их производственного развития, так как уезжали, как правило, опытные и квалифицированные работники, способные устроиться в более благоприятных для жизни европейских или южных районах страны. Высокий миграционный оборот был особенно характерен для северных районов Западной Сибири, зоны строительства БАМа, Якутской АССР. Положительное сальдо миграции в Сибири наблюдалось лишь в годы X пятилетки [7, с. 32, 35–36].

Естественный прирост начинал постепенно играть свою роль в процессе формирования населения индустриальных новостроек Сибири. На новое строительство прибывала в основном молодежь, которая постепенно обживалась на новом месте и создавала семьи. В новых городах, как правило, рождаемость была гораздо выше, чем в старых и давно обжитых населенных пунктах. Нами было проведено исследование процесса формирования городского населения в зоне КАТЭКа в 1956–1983 гг., в результате чего выяснено, что периоды активного производственного строительства здесь совпадали с периодами наиболее значительного роста населения в городах и рабочих поселках, где происходило данное строительство. Механический прирост населения сопровождался и более высоким уровнем рождаемости, и соответственно естественным приростом. Так, периоду интенсивного развития городов Назарово и Бородино в 1950-е гг. соответствовала высокая рождаемость населения, превышающая уровень ее в целом по стране и краю. Одновременно наблюдалась меньшая смертность. А это в целом давало более значительный естественный прирост [13, с. 150].

Этот наш вывод подтвердили и более поздние данные по формированию населения города Шарыпово. В 1980-е гг. он переживал период

своего интенсивного развития в связи с разворотом строительства крупнейших предприятий КАТЭКа: Березовского угледобывающего разреза и Березовской ГРЭС-1. Естественный прирост в городе значительно превышал средние краевые и союзные показатели. В 1981 г. в первый же год существования Шарыпово как города в городском бюро ЗАГСа было зарегистрировано 527 детей или 25 на 1000 жителей. В 1982 г. на 1000 жителей уже было зарегистрировано 34 ребенка, а в 1983 г. — 64, в то время как в среднем по краю эти показатели не превышали 20 детей на 1000 чел. населения [13, с. 150].

Такое положение объяснялось в первую очередь особенностями половозрастной структуры населения развивающихся индустриальных городов, среди жителей которых преобладали молодые люди в возрасте до 30 лет, вступающие в браки втрое чаще, чем население более старших возрастов. Кроме того, формирование населения в районах нового промышленного освоения находилось в прямой зависимости от активности производственного строительства. Интенсивность миграционного движения связывалась, как правило, с расширением фронта работ по возведению и пуску в эксплуатацию производственных объектов, когда увеличивалось количество рабочих мест и потребность в трудовых ресурсах, а соответственно происходил и больший рост населения. Так, в связи с разворотом строительства Братской ГЭС, Братского лесопромышленного комплекса и алюминиевого завода в 1955–1961 г. среднегодовой прирост населения Среднего Приангарья был самым высоким, затем постепенно снижался. В 1969–1970 гг. в Нижневартовске высокие темпы роста населения были связаны с началом освоения Самотлорского нефтяного месторождения, в Сургуте — со строительством ГРЭС и т.д. [8, с. 70].

Таким образом, анализ процессов формирования городского населения районов нового промышленного освоения Сибири в советский период показывает, что они развивались достаточно активно и были тесно связаны с темпами производственного строительства. Кроме того, особенности формирования населения Сибири в целом зависели от стратегических установок советского правительства, нацеленного на индустриальное освоение региона, на вовлечение сибирских природных и минерально-сырьевых ресурсов в народнохозяйственный оборот СССР. Высокий рост населения городов и рабочих поселков осваиваемых районов Сибири происходил в основном за счет прибытия людей из других регионов страны. Постепенно высокие темпы механического прироста начинали сопровождаться высокими показателями естественного, которые в новых городах и рабочих поселках превышали данные по стране и Российской Федерации. В целом районы нового промышленного освоения Сибири по темпам механического и естественного прироста населения в изучаемый период имели самые высокие показатели в СССР.

Список использованной литературы и источников

1. Бикметов Р. С. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса (1929–1926) / Р. С. Бикметов. — Кемерово : Изд-во Кузбасского государственного технического университета, 2009. — 430 с.
2. Букин С. С. Формирование индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе / С. С. Букин, А. А. Долголюк, В. И. Исаев, А. И. Тимошенко. — Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 2011. — 336 с.
3. Букин С. С. Социокультурная адаптация населения Сибири в условиях урбанизации (1930–1980-е гг.) / С. С. Букин, А. А. Долголюк, В. И. Исаев, А. И. Тимошенко // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX — начале XXI вв. — Новосибирск : Параллель, 2008. — С. 164–214.
4. Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири / Н. Ю. Гаврилова. — Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2002. — 283 с.
5. Гвоздкова Л. И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе / Л. И. Гвоздкова. — Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. — 516 с.
6. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. Сводный том. — М. : Госстатиздат, 1962. — 284 с.
7. Макарова Л. В. Региональные особенности миграционных процессов в СССР / Л. В. Макарова, Г. Ф. Морозова, Н. В. Тарасова. — М. : Наука, 1986. — 118 с.
8. Малинин Е. Д. Население Сибири / Е. Д. Малинин, А. К. Ушаков. — М. : Статистика, 1976. — 166 с.
9. Население СССР. Статистический сборник. — М. : Финансы и статистика, 1980. — 220 с.
10. Социальные факторы и особенности миграции населения СССР. — М. : Наука, 1978. — 219 с.
11. Тимошенко А. И. Формирование социокультурного облика городов Кузбасса в 1930-е гг. / А. И. Тимошенко // Социокультурные трансформации населения Сибири в XX веке. — Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 2011. — С. 152–169.
12. Тимошенко А. И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг. / А. И. Тимошенко. — Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 2009. — 174 с.
13. Тимошенко А. И. Формирование населения городов Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (1950–1980-е гг.) / А. И. Тимошенко // Урбанизация советской Сибири. — Новосибирск : Наука, 1987. — С. 147–162.
14. Тимошенко А. И. Сибирский тыл в исторической динамике XX столетия: теория и практика реализации идеи / А. И. Тимошенко, В. В. Введенский, В. А. Исупов, В. Б. Лапердин, Р. Е. Романов. — Новосибирск : Параллель. — 379 с.

Информация об авторе

Тимошенко Альбина Ивановна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, сектор социально-экономического развития, Институт истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: timoshenkoai@ngs.ru.

Author

Albina I. Timoshenko — Ph.D. in History, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8 Nikolaev St., Novosibirsk, 630090, e-mail: timoshenkoai@ngs.ru.

УДК 998.331.109
ББК 63.01(03)

Т.П. УРОЖАЕВА

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ МОНОГОРОДОВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990–2000 ГОДЫ

Целью статьи является анализ изменений занятости городского населения региона в первое постсоветское десятилетие. По мнению автора, наибольшую остроту проблема занятости населения приобрела в городах с монопрофильной структурой производства. Автором были исследованы архивные и статистические материалы, данные социологических обследований, публикации в центральных и региональных периодических изданиях. Был сделан вывод: несмотря на все негативные изменения в сфере занятости, в социальной структуре городского населения наблюдались и позитивные: был сформирован стандартный набор госгарантий, действующих в сфере занятости; возникли новые профессиональные группы горожан и др.

Ключевые слова: занятость; моногорода; градообразующие предприятия; государственный сектор в экономике; малое предпринимательство; безработица.

T.P. UROZHAEVA

TRANSFORMATION OF EMPLOYMENT OF THE POPULATION OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS IRKUTSK REGION IN 1990–2000

The purpose of this article is to analyze the changes in employment of the urban population of the region in the first post-Soviet decade. According to the author, the most acute problem of employment acquired in cities with mono-industry structure of production. The author studies the archival and statistical materials, data of sociological surveys, publications in Central and regional periodicals. It was concluded that despite all the negative changes in employment in the social structure of urban population was observed and positive: was formed by a standard set of guarantees working in the area of employment; in connection with the development of market relations emerged a new professional group of citizens and others.

Keywords: employment; company towns; city-forming enterprises; the public sector in the economy; small business; unemployment.

В 1990-е гг. в российском обществе в результате массовой приватизации возникло многообразие форм собственности, а рабочая сила превратилась в товар. Появились новые проблемы, связанные с рынком труда, спросом на рабочую силу и ее предложением, занятостью и без-

работицей, их влиянием на заработную плату, с условиями и охраной труда, доходами и уровнем жизни населения, новыми формами регулирования заработной платы, социальным страхованием, социальным партнерством и т.д.

Процессы, происходящие на уровне предприятий в 1990-е гг. были неоднозначными. Наибольшую остроту проблемы занятости приобрели в депрессивных регионах и городах с монопрофильной структурой производства. Еще в советский период для индустриальных городов Приангарья были характерны свои особенности формирования трудовых ресурсов и определенное соотношение различных организационных форм. К концу 1980-х гг. на территории региона были созданы уникальные промышленные предприятия, которые по праву можно считать градообразующими: Иркутский алюминиевый завод (г. Шелехов); Коршуновский ГОК (г. Железногорск-Илимский); ПО «Саянскхимпром» (г. Саянск), Усть-Илимский ЛПК (г. Усть-Илимск); Байкальский ЦБК (г. Байкальск) и др. Эти производственные объединения работали достаточно эффективно, выполняя государственный заказ. На базе предприятий сложились сплоченные, стабильно работающие коллективы. В табл. 1 приведены данные о соотношении жителей моногородов Приангарья с числом работающих на градообразующих предприятиях к концу 1990-х гг. (составлено по: [1, с. 12–13]).

Таблица 1

**Соотношение числа жителей муниципального образования
с числом работников градообразующего предприятия в 1999 г.**

Название градообразующего предприятия	Число жителей города, тыс. чел.	Число работников градообразующего предприятия, тыс. чел.	Соотношение населения и работников предприятия, %
ОАО «Лензолото» (г. Бодайбо)	17,7	4,2	24,3
ОАО «Саянскхимпром» (г. Саянск)	42,6	9,0	21,2
ОАО «Байкальский ЦБК» (г. Байкальск)	15,8	3,1	19,2
ОАО «Коршуновский ГОК» (г. Железногорск-Илимский)	30,1	5,4	18,1
ОАО «ПО Усть-Илимский лесопромышленный комплекс» (г. Усть-Илимск)	102,9	17,8	17,3
Завод «Востсибэлемент» (г. Свирск)	16,2	2,3	14,4
ОАО «СУАЛ филиал ИркАЗ» (г. Шелехов)	47,6	8,2	17,4

По данным табл. 1 наиболее высокая доля горожан была занята на градообразующем предприятии в Бодайбо, Саянске, Байкальске и Железногорске-Илимском.

Процесс формирования рынка труда в регионе происходил на фоне массовых сокращений на промышленных предприятиях, увеличения количества обращающихся в службу занятости, роста числа безработных, сокращения числа вакансий и общего числа занятых.

В табл. 2 приведены данные по численности трудоспособного населения, числу безработных и уровню безработицы по городам Приангарья (Составлено по: [5]).

Таблица 2

**Показатели уровня занятости населения моногородов
Иркутской области в 1994 г.**

Города	Численность трудоспособного населения	Число безработных	Назначено пособие	Уровень безработицы, %
Бодайбо	19 067	391	324	2,1
Саянск	29 611	270	213	0,9
Усть-Илимск	63 375	4 175	3 803	6,6
Шелехов	32 962	355	291	1,1

Лидировали в этом списке Усть-Илимск и Бодайбо. Уровень безработицы здесь составил более 2 %.

Происходило перераспределение занятого населения по предприятиям, имеющим разные формы собственности, по отраслям экономики, по профессиям. Развивался малый бизнес и самозанятость населения, что было признаком новой мотивации труда и адаптации населения к рыночным условиям. В городских сообществах появились новые группы: предпринимателей, мелких торговцев и «челноков», и новых бедных, которые пришли на смену советским работникам и передовикам производства. В 1997 г. на малых предприятиях работали 137 тыс. жителей Приангарья, или более 10 % от числа занятых в областном хозяйстве [18, с. 63].

В табл. 3 приведены данные по общему количеству малых предприятий в моногородах Приангарья в 2000 г. (Составлено по: [7, с. 86–89].).

Таблица 3

**Уровень развития малого предпринимательства
в моногородах Иркутской области, на октябрь 2000 г.**

Города	Численность населения, тыс. чел.	Общее количество малых предприятий, ед.	Количество малых предприятий на 1 тыс. жителей
Усть-Илимск	105,2	628	6,0
Шелехов	65,7	148	2,3
Бодайбо	30,9	102	4,1
Саянск	46,5	59	1,3

По данным табл. 3, к концу 1990-х гг. в целом ряде муниципальных образований (например, в Саянске и Бодайбо) малое предпринимательство не получило достаточного распространения. Прежде всего, из-за слабого экономического развития этих территорий и неготовности местной власти оказывать помощь предпринимателям.

Массовый уход с государственных предприятий был мотивирован следующими факторами: низким уровнем оплаты труда (54 %); отсут-

ствием самостоятельности в работе (32 %); режимом и условиями труда (14 %). Положительная мотивация к работе в новых условиях обеспечивалась за счет: высокой заработной платы (89,2 % опрошенных); высокой личной заинтересованностью в результатах труда (89,5 %); хорошими отношениями в коллективе (68,8 %) [10, с. 37–38].

В указанный период отчетливо проявилась разбалансированность регионального рынка труда по качественным критериям спроса и предложения рабочей силы. Потеря престижа ряда профессий, в первую очередь добывающей и лесоперерабатывающей отрасли, привела к деqualификации рабочей силы и снижению стимулов к овладению профессиональным мастерством.

В моногородах Иркутской области, как и в целом по России, проявились симптомы проблем занятости, характерные для переходного периода: расширялся негосударственный сектор экономики (в первую очередь в сфере малого предпринимательства). Это создало возможность для выбора альтернативных форм занятости, порождало и психологические проблемы, связанные с повышенным риском деятельности в негосударственных структурах, их новизной и частой необходимостью кардинальной смены профессий.

Можно говорить о трех наиболее распространенных среди жителей моногородов Иркутской области стратегиях поведения в изменяющейся социально-экономической реальности. Первую стратегию характеризовала пассивность, выжидательная позиция, экономия на всем. Вторая стратегия поведения предполагала различные типы адаптационных стратегий с использованием профессионально-квалификационного потенциала: один тип ориентировался на монозанятость и поиск высокооплачиваемой работы, а второй — на дополнительную работу (в основном, подработки случайными заработками помимо основной работы) или поиск дополнительных источников доходов. Третья стратегия была связана с повышением профессионально-квалификационного уровня путем повышения уровня образования, квалификации, освоения другой профессии. Пассивные, не связанные с реализацией личностного профессионально-квалификационного потенциала формы адаптации преобладали.

Существенному изменению подверглась и профессионально-квалификационная структура рабочих промышленности. За годы реформ она существенно ухудшилась. Кадровый состав рабочих промышленности значительно изменился. На многих предприятиях сократилась общая численность рабочих, снизилась их квалификация. Одновременно в промышленности возросло число профессий, связанные с ручным трудом [3, с. 283].

Одним из средств по преодолению материальных трудностей и поддержания приемлемого уровня жизни работников интеллектуального

труда выступала вторичная занятость. Ее пик пришелся на середину 1990-х гг., когда экономическая ситуация в стране вынуждала многих работать дополнительно. Этому способствовало снятие многочисленных запретов и административных ограничений на совместительство и приработки, действовавшие в советское время. Мотивы вторичной занятости были неоднозначны. Основным мотивом для 32,8 % интеллигенции являлся дополнительный доход [13, с. 21].

С 1990 по 1993 г. численность занятых в экономике Приангарья сократилось с 1 356,7 до 1 192,2 тыс. человек, т.е. на 164,5 тыс. человек, или на 12,1 %.

Наибольшее падение численности персонала в абсолютном выражении наблюдалось в строительстве — на 80,3 тыс. человек (на 39,2 %) и промышленности — на 47,9 тыс. человек (11,8 %). Падение также наблюдалось в образовании, культуре и науке — на 20,2 тыс. человек (11,3 %), транспорте и связи — на 18,3 тыс. человек (13,8 %) [9, с. 58].

Если в 1991 г. на предприятиях и в организациях государственного сектора Приангарья работало 84,8 % численности занятых в экономике, то в 1994 г. — только 45,9 %. Вместе с тем, удельный вес занятых в сфере индивидуального и частного предпринимательства вырос с 15,2 до 54,1% [6, с. 11].

В 1995 г. в экономике Иркутской области было занято 1 083,5 тыс. человек (для сравнения в 1990 г. — 1,3 млн человек), или 44 % населения области. К концу 1990-х гг. основная доля трудоспособного населения (28 %) была занята в промышленности; в сферах образования науки и культуры было занято 14 %, на долю сельского хозяйства приходилось 9 %. В связи с тотальным сокращением производства область продолжала терять рабочие места. В сравнении с 1990 г. численность занятых в 1998 г. сократилась на 256,8 тыс. человек (свыше четверти миллиона), или на 18,9 %. Наибольший урон в тот же период понесли промышленность (142,4 тыс. человек) и строительство (128,2). Причем промышленность потеряла вдвое больше рабочих мест (94,5), чем строительство (47,9), тогда как для 1995 г. была характерна обратная картина [4, с. 23].

Уменьшение занятости в пределах 25–30 тыс. человек произошло с 1994 по 1998 г. в трех следующих отраслях: в образовании, культуре и науке; на транспорте и связи. Вместе с тем число рабочих мест заметно выросло — в 1,8 раза — в таких отраслях, как торговля (на 87,2 тыс. человек) и управление (на 24,5 тыс. человек), причем почти весь этот рост наблюдался на третьем этапе. По сравнению со вторым этапом в экономике области после 1995 г. заметно снизились темпы изменений по формам собственности. Если в 1994 г. в государственном и муниципальном секторе Иркутской области работало 45,9 % всей численности занятых, то в 1998 г. — 41,1 % (в сфере индивидуального и частного предприни-

мательства — соответственно 54,1 и 58,9 %). При этом в отраслевом разрезе картина распределения занятых по формам собственности была чрезвычайно контрастной [16, с. 21; 17, с. 4].

После 1998 г., благодаря определенному оживлению экономике Приангарья удалось переломить тенденцию сокращения занятости населения: общее число рабочих мест несколько выросло уже к следующему году и затем оставалось сравнительно стабильным. Если в 1998 г. доля государственного и муниципального сектора составляла 41,1 % во всей численности занятых в экономике, а сектора индивидуального и частного предпринимательства — 58,9 %, то к 1999 г. первый сектор сократился до 36,5 %, а второй вырос до 63,5 % [14, с. 23; 15, с. 27].

Произошло перераспределение в структуре денежных доходов населения в сторону увеличения доходов от предпринимательской деятельности, от собственности при одновременном снижении удельного веса доходов в виде оплаты труда. В 1992 г. в городах Приангарья удельный вес оплаты труда в денежных доходах населения составил 76,9 %. В 1997 г. он снизился до 46,2 %. Доходы от собственности и предпринимательской деятельности, напротив, выросли — с 11,5 до 39,4 % [11, с. 3]. Если в 1999 г. по России оплата труда составляла менее 40 % денежных доходов населения, то в некоторых моногородах Приангарья — более половины.

В табл. 4 приведены данные по изменению структуры доходов населения Приангарья в 1990–1999 гг. (Составлено по: [2, с. 36–39]).

Таблица 4

**Изменения структуры доходов населения Иркутской области
в 1990–1999 гг., %**

Источники денежных доходов	1990	1994	1996	1998	1999
Оплата труда	76,9	57,1	54,8	43,8	38,5
Социальные трансферты	11,6	12,4	13,5	12,4	11,7
Доходы от собственности, предпринимательства и др.	11,5	30,5	31,7	43,8	49,8
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

По данным табл. 4 прослеживался ускоренный рост доходов от предпринимательской деятельности с 11,5 % в 1990 г. до 49,8 % в 1999 г. За аналогичный период доходы от заработной платы уменьшились с 76,9 до 38,5 %.

Подъем экономики неизбежно вызвал потребность в дополнительной рабочей силе. Подтверждением тому служили данные о движении работников. В 2000 г., впервые за долгое время экономических преобразований, прием на работу был масштабнее кадрового выбытия. За первую четверть 2000 г. на крупные и средние предприятия городов Приангарья было принято 50 265 человек, а выбыло за этот же период — 48 220 человек. Этот прилив новых сил испытали прак-

тически все отрасли, за исключением торговли, сельского и жилищно-коммунального хозяйства.

Для строительного комплекса было характерно самое активное обновление кадров, только за квартал 2000 г. уже сменился каждый девятый работник. Наибольшей стабильностью отличались коллективы финансово-кредитных учреждений, где приток и отток персонала происходил вдвое медленнее, чем в целом по области. Из всех уволенных за первый квартал 1738 человек расстались с работой по воле администрации. До июля 2000 г. такой же участи «удостоились» еще 674 человек. Впрочем, размах административного сокращения мог оказаться и больше намеченного. В то же время более благополучные предприятия предполагали ввести 586 новых рабочих мест [12, с. 3].

Анализ трансформации занятости населения на рынке труда моногородов Иркутской области в первое постсоветское десятилетие показал, что для системы занятости были характерны следующие проблемы: наличие предприятий с избыточной численностью работающих; моральное и физическое старение основных производственных фондов. Также наблюдалось сохранение профессионально-квалификационного дисбаланса между гражданами, ищущими работу и заявленными вакансиями; рост безработицы среди инвалидов, одиноких и многодетных родителей, граждан предпенсионного возраста, имеющих длительный перерыв в работе; рост неучтенной вторичной занятости; отсутствие четкой программы по созданию новых рабочих мест; недостаточность средств бюджета; высокий уровень безработицы среди молодежи.

Рост неформального сектора в известной мере был связан и объясняется низким уровнем оплаты труда в официальной экономике. Для рынка труда стал характерен значительный «перелив» рабочей силы из государственного, производственного сектора в негосударственный, сервисный сектор экономики. Такие трансформационные изменения занятости, как рост доли занятых в сфере услуг, увеличение доли работников умственного труда, оцениваемые как положительные, не всегда свидетельствовали о позитивной трансформации.

В первой половине 1990-х гг. был сформирован стандартный набор госгарантий, действующих в сфере занятости: введен законодательный минимум заработной платы, создана система страхования по безработице, легализована забастовочная деятельность, сформирована сложная многоступенчатая система коллективных переговоров, установлены налоги на фонд оплаты труда, внедрена политика налогового ограничения доходов. Кроме того, предпринимались попытки индексации заработной платы и т.д. [8, с. 83].

Несмотря на негативные изменения в сфере занятости, в моногородах региона продолжали работать промышленные предприятия, пре-

жде всего, относящихся к цветной металлургии и энергетике. Работали и бюджетные организации, начиная от системы управления (федерального, регионального, муниципального), заканчивая системой здравоохранения и образования.

В социальной структуре региона возникли новые элементы, связанные с развитием рыночной экономики и ее инфраструктуры. Для обеспечения деятельности этих элементов требовались в больших количествах менеджеры, брокеры, финансисты, банкиры, экономисты, юристы, специалисты по связям с общественностью, рекламщики, работники СМИ, продавцы и торговые агенты, специалисты охранных служб и др.

Список использованной литературы и источников

1. Грицких Н. В. Интеграция социума с производством как предмет комплексного социологического анализа (на примере градообразующих предприятий Иркутской области) / Н. В. Грицких // Современные наукоемкие технологии. — 2008. — № 2. — С. 12–13.
2. Былкова Т. В. Социально-демографические факторы формирования регионального рынка труда / Т. В. Былкова // Социально-демографическая политика в Восточной части России — стимулы и механизмы. Молодежная политика и развитие человеческих ресурсов : материалы круглого стола. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2000. — С. 36–39.
3. Гельман В. А. Экономическая трансформация населения Приангарья в 1991-2000 гг. / В. А. Гельман // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 81. — С. 282–284.
4. Даниленко Н. Н. Оценка отраслевой структуры занятости населения Иркутской области / Н. Н. Даниленко // Вестник Иркутской государственной экономической академии. — 1998. — № 15. — С. 18–26.
5. Данные Областного комитета службы занятости за 1994 г.
6. Занятость и безработица в Иркутской области (без округа): Экспресс-информ. 1994 / Иркутский областной центр занятости населения. — Иркутск, 1995. — С. 11.
7. Иркутская область за годы реформ: аналитическая записка / Отв. за выпуск Овсянников И. И. РОССТАТ; Иркутскстат. — Иркутск, 2006. — С. 80–90.
8. Капелюшников Р. Российская модель рынка труда: что впереди? / Р. Капелюшников // Вопросы экономики. — 1993. — № 4. — С. 83.
9. Кирсанова С. Рынок труда: регион, аспекты (в частности, анализ ситуации в Иркутской области) / С. Кирсанова // Профсоюзы и экономика. — 1993. — № 5. — С. 56–59.
10. Козина И. М. Поведение на рынке труда: анализ трудовых биографий / И. М. Козина // Социологические исследования. — 1997. — № 4. — С. 37–38.
11. Макаров В. Регион как зеркало российской занятости: Беседа с нач. департамента Федеральной гос. службы занятости населения по Иркутской области В. Макаровым / Записал А. Грохольский / В. Макаров // Восточно-Сибирская правда. — 1998. — 30 дек. — С. 3.
12. «Прилив» на рынке труда // СМ-номер один. — 2000. — 24 мая. — С. 3.
13. Труд и занятость в Иркутской области: 1995 : стат. сб. / Госкомстат РФ, Ирк. обл. комитет гос. статистики. — Иркутск : Облкомстат, 1996. — С. 21.

14. Труд и занятость в Иркутской области: 1998 : стат. сб. / Иркут. обл. гос. стат. — Иркутск, 1999. — С. 23.
15. Труд и занятость в Иркутской области: 2000 : стат. сб. / Госкомстат РФ, Ирк. обл. комитет гос. статистики. — Иркутск : Облкомстат, 2001. — С. 27.
16. Труд и занятость в Иркутской области: 1998 : стат. сб. / Иркут. обл. гос. стат. — Иркутск, 1999. — С. 21.
17. Филиппова В. На рынке труда — большой базар (статистика о занятости населения области в разных сферах экономики) / В. Филиппова // Восточно-Сибирская правда. — 1995. — № 6/7. — 14 янв. — С. 4.
18. Шуплецов А. Ф. Малый бизнес в Иркутской области: проблемы становления и развития / А. Ф. Шуплецов, М. В. Солодков // Вестник Иркутской экономической академии. — 1997. — № 13. — С. 59–71.

Информация об авторе

Урожаева Татьяна Петровна — кандидат исторических наук, Средняя образовательная школа № 13, 666686, Иркутская область, г. Усть-Илимск, ул. Карла Маркса, 45, e-mail: olgoy@ya.ru.

Author

Tatyana P. Urozhaeva — Ph.D. in History, the School № 13, 45 Karl Marx, Ust-Ilimsk, 666683, e-mail: olgoy@ya.ru.

ИСТОРИЯ СИБИРИ В ЛИЦАХ

УДК 338(571.54/.55+517+510)(09)
ББК 65.9(2Рос+5Мон+5Кит)г

*И.Е. КОЗЫРСКАЯ,
Ю.В. КУЗЬМИН*

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И БИЗНЕС-ПРОЕКТЫ П.А. БАДМАЕВА В 1893–1916 ГОДЫ*

Представлена характеристика предпринимательской деятельности в Забайкалье, Монголии и Китае доктора тибетской медицины П.А. Бадмаева. Основное внимание уделено анализу восточного проекта П.А. Бадмаева в 1893–1905 гг., а также проектам по строительству железных дорог и добыче золота.

Ключевые слова: предпринимательство, Забайкалье, П.А. Бадмаев, восточный проект, Монголия, Северный Китай, торговля, железнодорожное строительство.

*I.E. KOZYRSKAYA,
YU.V. KUZMIN*

ENTREPRENEURSHIP AND BUSINESS PROJECTS OF P.A. BADMAYEV IN 1893–1916

The article describes entrepreneurship characteristics in Transbaikalia, Mongolia and China by Tibetan medicine's doctor P.A. Badmayev. The focus is on the analysis of P.A. Badmayev's East project in 1893–1905 and construction projects of railways and gold mining.

Keywords: entrepreneurship, Transbaikalia, P.A. Badmaev, East project, Mongolia, North China, trade, railway construction.

Доктор тибетской медицины П.А. Бадмаев (1851–1920) — человек уникальной судьбы и разносторонних талантов. Он получил в Петербурге два высших образования: востоковедное и медицинское, семнадцать лет служил в Министерстве Иностранных дел России и достиг высокого социального статуса и служебной карьеры, стал действительным статским советником. Во многих своих делах и начинаниях он являлся настоящим первопроходцем: первым в России перевел и опубликовал самый известный трактат тибетской медицины «Жуд-Ши» (1898 г.), издавал первую в стране газету на монгольском языке «Жизнь на восточной окраине» (1895–1897 гг.), построенной только полвека спустя [8].

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ. Грант 15-21-03008 Энциклопедия российско-монгольских отношений.

Деятельность Петра Александровича Бадмаева была обширной и многогранной. Объективное и всестороннее изучение биографии и деятельности доктора П.А. Бадмаева еще только начинается. Преодоление крайних оценок этой сложной личности является задачей современной историографии. Принятие и финансирование некоторых проектов П.А. Бадмаева было возможным и реальным только потому, что это отвечало настроениям и желанию царя Николая II, которым руководило стремление двигаться на Дальний Восток и доминировать в этом регионе. Пользуясь своей близостью к царской семье, как крестник царя Александра III и лечивший его семью, он прямо обращается к нему с записками и письмами. Свои первые записки П.А. Бадмаев обращает к Александру III, а затем к его сыну — царю Николаю II.

В связи со строительством Транссибирской железной дороги в конце XIX в. в русском обществе проявляется значительный общественный интерес к освоению Сибири и Дальнего Востока, а также к Китаю, Корее и Монголии. Железная дорога открывала значительные возможности расширения предпринимательской деятельности русского капитала в этом неосвоенном регионе, а также проникновения его на зарубежные рынки Дальнего Востока.

13 февраля 1893 г. П.А. Бадмаев представил царю Александру III развернутую записку «О задачах русской политики на азиатском Востоке». Одновременно с нею Бадмаев представил записку с аналогичными идеями министру финансов С.Ю. Витте — главному «конструктору» внешней политики России на Дальнем Востоке. Именно С.Ю. Витте и представил «Записку» П.А. Бадмаева русскому царю, который прочитав ее, наложил 27 февраля 1893 г. такую резолюцию: «Все это так ново, необыкновенно и фантастично, что с трудом верится в возможность успеха» [12, с. 81]. По мнению Бадмаева, построенная железная дорога изменит положение России на Востоке, поэтому очень важно сосредоточить внимание на ее финансово-экономическом значении и результатах. И заниматься делами на Востоке надо планомерно и последовательно, а «не лихорадочно, не порывами» [12, с. 49]. Он предлагает серьезно взглянуть на Восток и выступить в активной роли, «позаботиться оградить Восток от влияния враждебных нам элементов и охранять наши интересы» [12, с. 51]. П.А. Бадмаев предлагает продолжить сооружение железной дороги от Байкала вглубь Китая к городу Ланьчжоу. Этот вариант не был поддержан и избран другой вариант — через Маньчжурию. Сторонник строительства железной дороги напрямик на Владивосток через Северную Маньчжурию, С.Ю. Витте считал план Бадмаева (строительство железной дороги через Кяхту на Пекин) неприемлемым.

Строительство железной дороги через Монголию и Китай П.А. Бадмаев рассматривал как удобный путь, хороший предлог для постепенного освоения и присоединения к России этих стран. Оценивая ситуацию

в Китае и Монголии, он считал себя знатоком этих стран: «Жизнь монголо-тибето-китайского Востока известна мне фактически в силу моих связей, постоянное столкновение с этой жизнью, мое знакомство с европейскими и русскими взглядами о Востоке в литературе» [12, с. 52]. Он пытался доказать, что железная дорога на Ланьчжоу станет источником обогащения и позволит России избавиться от внешних долгов, что «вся торговля попадет в наши руки, европейцы не в состоянии будут с нами конкурировать» [12, с. 53].

Бадмаев выступает против возможного захвата Маньчжурии, который приведет к враждебности со стороны Богдыхана и напряженности с западными странами. И предлагает энергично заняться хозяйственным освоением Забайкалья. «К сожалению, на Забайкалье не только не было обращено должного внимания, но оно систематически разорялось, несмотря на то, что ему предстоит играть роль нашей базы в борьбе с Азиатским Востоком» [12, с. 55]. Действительно, строительство КВЖД осуществлялось в ущерб экономическим интересам Забайкалья и Дальнего Востока.

Позднее, в 1890-е гг. он создает собственное дело в Забайкалье, которое затем расширяет и осваивает Монголию, Китай. Получает миллионные кредиты и создает Торговый дом «Бадмаев и Ко», создаются фермерские хозяйства, гостиница, издается газета «Жизнь на Восточной окраине». К сожалению, данная страница биографии также не получила в российской историографии развернутого рассмотрения.

11 ноября 1893 г. в Петербурге был основан «Торговый Дом Бадмаев и Ко», а в Чите организована его главная контора, куда и выехал Бадмаев. В газете «Забайкальские областные ведомости» (за 22 апреля 1894 г.) опубликовано официальное сообщение: «Отставной Надворный советник П.А. Бадмаев, для производства на окраинах России скотоводного дела учредил товарищество на вере с участием вкладчика, не пожелавшего быть поименованным, с внесенным им вкладом в размере 10 000 р., которое будет производиться в торговом доме под фирмою «П.А. Бадмаев и Ко». Договор по сему предмету заключен 11 ноября 1893 г. В третьем пункте сего договора сказано следующее: «всеми делами предприятий управляет и распоряжается Бадмаев как полный хозяин» [5].

В Чите было организовано крупное скотоводческое хозяйство, было закуплено огромное количество верблюдов для перевозки грузов. Также были арендованы земли у бурят и монголов, открыто несколько торговых лавок, начато издание газеты на русском и монгольском языках «Жизнь на восточной окраине», создана типография. В Чите Бадмаев арендовал 500 десятин городской земли, а в 12 верстах от Читы устроил мызу под названием «Марусино», где сразу же начались подготовительные работы для развития сельского хозяйства на рациональных основах. Здесь же была устроена скотобойня. Были закуплены верблюды

и организована перевозка грузов как по городу Чите, так и по всему Забайкалью. Для развития коневодства и улучшения местных пород лошадей Торговому дому из государственных конных заводов было продано 13 чистокровных жеребцов и 6 кобылиц.

В селении Онинском, около Хоринской Степной думы была создана вторая мыза «Надежда». На обеих фермах было организовано производство масла. Из европейской России были выписаны сепараторы-сливкоотделители, маслобойки и холодильники разных систем. Для организации сельскохозяйственного производства на научной основе были приглашены специалисты молочного хозяйства: русский И.И. Колесов и эстонец Тимуск, а также молодые буряты Ц.-Д. Добданов и Н. Дамдинов — все ученики известного в России специалиста по сельскому хозяйству Н.В. Верещагина. При каждой ферме были учреждены лаборатории, снабженные всеми необходимыми приборами и реактивами для химического анализа. Было организовано на фермах и образцовое свиноводство. Открыты также опытные станции для производства искусственного травосеяния, разведения корнеплодов и устройства больших огородов. В Чите Торговый дом Бадмаева пытался устроить дилижанс (конно-железную дорогу). Вагон был рассчитан на 10 человек, а движение по маршруту улица Амурская — улица Софийская. Проект этот не был осуществлен.

По данным читинского краеведа В. Лобанова, Бадмаев пытался наладить торговлю мясом без посредников, которые наживались на ней. Он открыл собственную скотобойню в Антипихе, так как городская скотобойня брала высокую плату за свои услуги. «Имея благие намерения, торговый дом Бадмаева в зиму 1895–1896 г. снизил цену на баранину с обычной базарной в 8–9 копеек до 6 копеек за фунт. Долгое время он завозил в Читку мясо в большом количестве и пытался удерживать низкую цену. Однако местные купцы не давали возможности населению города покупать мясо по такой низкой цене. Они сами скупали мясо у Бадмаева и придерживали его. В борьбе за рынок Бадмаев пошел на беспрецедентный по тому времени, весенний забой скота. Однако долго выдерживать конкуренцию не мог и отказался от попыток искусственно держать цену ниже рыночной. Купцы и перекупщики после победы вздули цену до 10–12 к.» [10, с. 88].

23 июня 1896 г. Торговый дом открыл помещения и столовую для своих служащих и рабочих. Со временем предполагалось открыть здесь также и читальный зал. В октябре 1896 г. Торговым домом была открыта гостиница «Восточное подворье», с буфетом и столовою, с бильярдом и баней. Большое значение П.А. Бадмаев придавал изданию собственной газеты «Жизнь на восточной окраине». Часть тиража издавалась на монгольском языке. Это была вообще первая печатная газета на монгольской классической письменности. Редактором и, видимо, перевод-

чиком монгольского текста был Буда Рабданов (1855–1923) — бурятский просветитель, преподаватель в Агинском училище. Б. Рабданов окончил Агинское приходское училище и Читинскую гимназию, несколько лет прослужил в Забайкальском областном управлении, затем преподавал в училище. Кроме того, он неоднократно путешествовал по Монголии и Китаю, исполнял должность переводчика у Г.Н. Потанина, вместе с Агваном Доржиевым читал лекции о религии и культуре монголов в Париже. Одним словом, это был подготовленный и образованный редактор газеты. Газета выходила около двух лет. Она освещала и рекламировала предпринимательскую деятельность П.А. Бадмаева [9].

Многообразная деятельность П.А. Бадмаева и Торгового дома в Монголии, Китае, Тибете нашла свое отражение в Записках и письмах Бадмаева в 1893–1897 гг. к Александру III, Николаю II, С.Ю. Витте. Так, из письма Бадмаева к Николаю II от 26 декабря 1895 г. мы узнаем, что знатные ламы и монастырские князья западной и восточной Монголии, из окрестностей Кукунора и восточной Монголии «сердечно принимают моих посланных, а также приезжают ко мне, посылают своих приближенных с письмами и подарками, все они единодушно молятся о благоденствии Вашего величества и почему-то они уверены, что я приехал дать им возможность принять российское подданство» [12, с. 89]. Но не получая никакого положительного ответа, боясь наказания пекинских властей и интересуются поездкой Бадмаева в Пекин. Подобные настроения были распространены среди определенной части населения соседних с Россией стран, но масштабы оценить довольно затруднительно. Непосредственным и существенным результатом своей деятельности в регионе П.А. Бадмаев рассматривает значительное увеличение участников Агинской ярмарки до 10 тыс. человек, тогда как обычно бывало 3–4 тыс. В следующем году он надеется увеличить число участников до 30 тыс. человек, пригласив торговый народ всей Монголии и, используя возможности газеты и надеясь, что местные власти не помешают. Последнее обстоятельство Бадмаев подчеркивает особенно, тем как в течение двух лет высшая местная администрация отнеслась ко мне прямо враждебно. Причины, обстоятельства и подробности не приводятся, о них можно только догадываться. Невольное вмешательство в функции административных органов края, желание действовать самостоятельно в крае и, наверное, высокомерное отношение к местным чиновникам, его заносчивость являлись причинами враждебного отношения. Видимо, решение некоторых вопросов затягивалось обычной чиновничьей рутинной, что и вызывало недовольство П.А. Бадмаева.

Опорными географическими точками деятельности Торгового Дома в Монголии и Китае являлись Урга, Пекин, Лхаса, Ланьчжоу, а также крупнейшие буддийские центры Лабран и Гумбум. В Урге, отмечается П.А. Бадмаевым, все готово для торговли ранней весной, караванная

торговля и перевозки осуществляются на Амуре и в Монголии. Возвратившиеся из Лабрана и Гумбума буряты, посланные туда Бадмаевым, снова отправились туда, так как восстание дунган затихло.

Продуктивное животноводство, разведение высокопородистых коров и лошадей занимало важное место в деятельности Торгового дома. Предполагается, что промысловое скотоводное хозяйство будет контролироваться Торговым домом в Чите и Амурском районе. П.А. Бадмаев считает, что «через четыре года кавалерия и конная артиллерия всего этого района будут обеспечены местной породой лошадей». Бадмаев по-прежнему продолжает отстаивать свой вариант строительства железной дороги в Китае. Он пытается хлопотать о концессии постройки железной дороги на частные средства, из Пекина в Забайкалье через город Акшу. С другой стороны, Бадмаев доказывает нецелесообразность строительства железной дороги через Маньчжурию: железнодорожные изыскания по Маньчжурии от Цурухайтуя не оправдываются ни технически, ни политическими соображениями. Поперечно расположенные горные пространства Хингана и его отрогов, пересечение пути реками Нонни-Ула и Сунгари, поперечное направление долин горной площади Гиринской провинции, естественно, представят технические затруднения.

В письме П.А. Бадмаева к С.Ю. Витте дана оценка понимания задач и целей России на Дальнем Востоке. Князь Э.Э. Ухтомский и зам. министра финансов Романов полагали, что выделенные деньги (2 млн р.) должны быть израсходованы «исключительно на политическую цель, то есть делать подарки князьям, ламам и другим знатым лицам» [12, с. 90]. Бадмаев имел другое мнение на этот счет. Он видел свою задачу более широко, считал необходимым заниматься экономическим освоением стран данного региона, установлением разнообразных связей с политическими и религиозными деятелями стран Восточной Азии. Он исходил из того, что «людей можно привязать к себе умом, сердцем и знанием, и менее всего деньгами и подарками». Собственное влияние в регионе он объясняет следующим образом: «Население Забайкалья, Монголии и многие лица, имеющие влияние в Монголии, Китае и Тибете, относятся с любовью ко мне только потому, что мои предки и родня пользовались и пользуются расположением на Востоке, и я лично заслужил любовь и расположение населения и нужных для меня лиц своей полезной для края деятельностью, таким образом, сумма, которая мне была вверена, помогла мне укрепить существовавшую дружбу между мною и населением, хотя и породила чувство зависти в немногих правящих сферах окраины» [12, с. 91].

В начале 1896 г. П.А. Бадмаев отправляется в Китай, что нашло отражение в описании его путешествия. По данным И.В. Лукоянова, в агенты своего Торгового дома он привлек многих известных людей: А.Д. Старцева, Н.И. Гомбоева, сына генерального консула в Урге Я.П. Шишма-

рева. Путешественник В.В. Корсаков в книге «В старом Пекине» (1904) довольно иронически описывает деятельность Бадмаева в Китае. По его описанию, Бадмаев въехал в Пекин на тройке в русском тарантасе, сопровождаемый бурятами в ярких халатах и остроконечных шапках. Он купил два дома, посылал своих людей в различные города Китая, отправил единственный караван с китайскими шелками. В целом, В.В. Корсаков оценивал деятельность П.А. Бадмаева в Китае как неудачную.

15 января 1897 г. П.А. Бадмаев пишет подробный доклад Николаю II о своем пребывании в Китае и Монголии. В отличие от предыдущего письма он представляет развернутый отчет с указанием имен, географических названий, точное число лиц, направленных в то или иное место. Впервые речь идет не просто об организации экспедиционных и торговых отрядах, а именно организации своеобразного вооруженного восстания против маньчжурского правительства. Как пишет Бадмаев, он «отправил в различные пункты Монголии, Кукунора, Тибета и Китая партии вооруженных бурят и монгол, при чем каждый посланный имел в своем распоряжении сумму денег, верблюдов, лошадей, товары и подарки». П.А. Бадмаевым были отправлены: 20 человек для пребывания в Ланьжоу и его окрестностях, 10 человек в Лхасу, 10 человек в верхнюю Монголию (Кукунор), 50 человек в Ургу, а также караваны в Цэцэнханский аймак, в Долон-нор, Душехоу и Калган, и к ряду ванов: аоханьскому, алашаньскому, харцинскому. В результате поездок посланцев Бадмаева в Монголию и Китай к нему прибыли влиятельные лица от Цэцэн-хана, от Жонон-бэйсэ, от Лха-бэйлэ, от долоннорского гэгэна Ганчжирба [12, с. 93].

Одновременно с этим приобреталось недвижимое имущество, строились дома и лавки, арендовались земли в Чите, Аге, Акше, Цугане, Урге, Пекине, между Ургой и Калганом, между Ургой и Акшей, между Ургой и Кяхтой, между Вернеудинском и Читой. Таким образом, расширялась география деятельности Торгового дома, расширялась и сфера его деятельности. Подготовив почву и проводников, затем Бадмаев сам отправился по всем этим маршрутам для личного знакомства с положением дел и установлением контактов на месте.

С 1894 г. деятельность Торгового дома «П.А. Бадмаев и Ко» распространилась и на Монголию. В монгольской столице Урге, в районе российского консульства Торговому Дому был отведен большой земельный участок, предназначавшийся для строительства магазина, жилых домов и складских помещений. И вскоре действительно начал работать магазин с русскими товарами, а представители Торгового дома начали закупать скот в монгольских хошунах. Из донесения драгомана в Урге В.Ф. Люба мы узнаем, что «звезда Бадмаева только что восходила и в Монголии, и там и здесь имя его было окружено ореолом загадочной личности, на которую нашим правительством возложена, будто бы,

таинственная политическая линия». По заключению консула, деятельность Бадмаева и его служащих проходила с большой шумихой и рекламой, намеренно распускались слухи о несметных богатствах Торгового дома, о близком родстве Белого царя с Бадмаевым. «Буряты, при упоминании имени Бадмаева, понижали голос и делали непроницаемые лица, с разных сторон доходили сюда и передавались — под большим секретом — слухи о миллионах, доверенных Бадмаеву петербургскими сановниками» [1, д. 564, л. 23].

Довольно странным для торгового предприятия был и подбор служащих фирмы. В числе его работников был значителен процент офицеров или бывших офицеров петербургских полков, что еще раз подтверждало особенный характер предприятия, было ясно, что «торговыми делами маскируются задачи совсем иного свойства» [1, д. 564, л. 23]. Особая миссия Торгового дома подтверждалась также тем, что Бадмаев и его служащие имели право непосредственных контактов с монгольскими и китайскими властями. Кяхтинская газета «Байкал» в августе 1897 г., оценивая характер торговых операций Бадмаева, писала: «Операции эти, с коммерческой и деловой точки зрения, представляющие много загадочного, отличаются многочисленностью и крайним разнообразием. Чего тут только не было: сельскохозяйственные фермы, мануфактурная и бакалейная торговля, мясная торговля, типография, газета, ресторан, гостиница и т.д.» [4]. Однако размер торговли в Ургинской лавке газета оценивала как «весьма скромный». В 1896 г. Торговым домом было получено в Урге мануфактурных товаров на 18 тыс. р., посуды иркутской фабрики Перевалова на 602 р. и железа 337 пудов на 2,6 тыс. р. [4]. Кроме того, Торговый дом П.А. Бадмаева организовал почтовые станции между Кяхтой и Ургой, которые просуществовали один год. Непродолжительное время осуществлялись и закупки скота в монгольских хошунах. По мнению уже упоминавшегося консула В. Люба, «Торговый дом превратился в своего рода сборище лиц, не знакомых с условиями торговли в Монголии и не имевших даже желания ознакомиться с местными обычаями, порядками и проч.» [1, д. 564, л. 520].

Имеются архивные данные о том, что Торговый дом раздирали и внутренние противоречия, возникали конфликты между его сотрудниками. Осложнились отношения Бадмаева с Б. Рабдановым, сотрудником Торгового дома и редактором-издателем газеты «Жизнь на Восточной окраине», о котором Бадмаев в 1904 г. писал: «Буда Рабданов служил у меня 2,5 года, делал долги, доставлял неверные сведения, выгодные для его личных интересов». В. Люба сообщал в Петербург о конфликте из-за места доверенного лица Торгового дома в Урге, на должность которого претендовали его представители: Очиров и Перфильев. Такую ситуацию консул оценивал, как «совершенно во вкусе и характере г. Бадмаева» [1, д. 564, л. 6].

Известный российский дипломат И.Я. Коростовец так оценивал деятельность Бадмаева в Монголии: «Бадмаев проектировал устройство торговых агентур, аренду земель для русских переселенцев, издание монгольской газеты и т.п. Однако все эти затеи свелись к покупке на имя самого Бадмаева несколько участков земли и к устройству молочной торговли. Деятельность Бадмаева не только не способствовала распространению русского влияния, но, скорее, наоборот. Он имел неосторожность затронуть религиозный вопрос, чем вызвал раздражение наших бурят, увидевших в его планах русификации покушение на их самобытность» [7, с. 242]. Естественно, поэтому очень скоро стала ясна экономическая несостоятельность Торгового дома, и наступило его банкротство. В 1897 г. «Торговый дом П.А. Бадмаев и Ко» прекратил свою бурную деятельность, но полностью и официально был закрыт только в 1905 г. Давая общую характеристику этому предприятию, консул в Урге писал в «Записке Посланнику в Пекине»: «Не понадобилось бы большого таланта, ни серьезного труда, чтобы охарактеризовать это неудавшееся предприятие, задавшееся, якобы, целью: создать на русские деньги политическое и торговое движение между двумя народностями и открывшее здесь действия с прославления своего главы путем распространения среди населения слухов о близком родстве с Белым царем, несметных его богатствах, об участии именитых русских людей в деятельности Торгового Дома и т.д. Постройка вышеупомянутых станций и домов, крайне неудачная, в течение двух лет, гоньба русских почт между Кяхтой и Калганом и, наконец, жалкая торговля с совершенно неподходящим выбором товаров и в неумелых руках — вот все, к чему свелось в Монголии и на чем оборвалась деятельность этого столь шумевшего в свое время предприятия» [1, д. 564, л. 12].

Основными причинами неудачи восточного проекта П.А. Бадмаева являлись, по нашему мнению, следующие обстоятельства. Во-первых, направление проекта железнодорожного строительства в Китае разошлось с официальным направлением строительства железной дороги через Маньчжурию в 1896 г. Во-вторых, осуществление проекта П.А. Бадмаева осуществлялось в тайне от официальных властей сибирского региона, что вызывало их неприятие и недовольство. Неумение П.А. Бадмаева найти вариант разумного сотрудничества с ними явно вредило делу. В-третьих, подбор кадров также вызывал вопросы. Осуществление кадровой политики Торгового дома постоянно вызывала нарекания, возникало множество нареканий и проблем проблемы невыполнения обещаний по оплате работы сотрудников. В-четвертых, противоречивая позиция П.А. Бадмаева в религиозном вопросе вызывала непонимание, как православных священников, так и буддийских лам. Он оказался в ситуации: «свой среди чужих, чужой среди своих».

Таким образом, предпринимательская деятельность П.А. Бадмаева в 1893-1896 гг. оказалась неудачной. Несмотря на обширность планов и

кипучую деятельность, ему не удалось их реализовать в полном объеме. Проект был больше политическим, чем экономическим, поэтому он и не мог быть результативным экономически. Проект присоединения к России Монголии, Китая и Тибета, разработанный П.А. Бадмаевым, оказался в большой степени мифом. Ложной оказалась и исходная посылка врача тибетской медицины о готовности жителей Китая к переходу под управление другого народа. Совершенно неудачной оказалась и организационная сторона предпринятого дела, не соответствовал выполнению поставленной задачи и состав служащих. К сожалению, некоторые важные обстоятельства данного восточного проекта П.А. Бадмаева до сих пор остаются до конца не ясными. Возможно, что со временем все же будут обнаружены новые дополнительные архивные свидетельства, которые прояснят общую картину.

В 1896 г. завершилась активная фаза деятельности Торгового дома «Бадмаев и Ко». К этому времени Торговый дом владел значительным имуществом в Забайкалье, Монголии и Китае. Не получив нового кредита, П.А. Бадмаев, видимо, значительную часть зданий, земли и скота распродавал, но вернуть кредит ему не удалось, и в 1904–1905 гг. долг ему был прощен. Но он теряет самое важное — доверие и расположение русского императора и влиятельных российских сановников. Вероятно, некоторая часть недвижимого имущества сохраняется за П.А. Бадмаевым, особенно в Чите и Забайкалье и трансформируется в новые коммерческие предприятия. История ликвидации и трансформации Торгового дома до сих пор полностью неизвестна. Китаевед Е.А. Белов в предисловии к сборнику русских архивных документов 1900–1914 гг. «Россия и Тибет» (2005) считает, что П.А. Бадмаев примыкал к группе Безобразова, которая стремилась к прямому разделу империи Цин, в то время как Витте стремился к разделу сфер влияния банковского капитала различных стран. «В начале 1898 г. в российской правящей элите оформляется уже новая группировка — так называемая “безобразовская клика”, по имени А.М. Безобразова, дослужившегося впоследствии до должности статс-секретаря Николая II. В нее входили великий князь Александр Михайлович, контр-адмирал Абаза и др. К этой группе примкнул и П.А. Бадмаев» [11, с. 15]. Степень участия Бадмаева в этом проекте и ранее рассматривалась в российской историографии, крупный исследователь российской внешней политики в Маньчжурии Б.А. Романов считал, что Бадмаев было мало причастен к деятельности данной группировки.

События Русско-японской войны 1904–1905 гг., а затем Первая русская революция 1905–1907 гг. не способствовали развитию предпринимательства в Забайкалье. В этот период предпринимательская деятельность П.А. Бадмаева в регионе явно ослабевает и затухает на некоторое время. Полностью она никогда не прерывалась, так как он регулярно получал из Забайкалья лекарственные травы и препараты, необходи-

мые для лечения больных в Петербурге. Отдельные предприятия Торгового дома продолжали работать под контролем его родственников и доверенных лиц.

В 1908–1909 г. начинается новый этап предпринимательской деятельности Бадмаева в Забайкалье. Так, он подает «Записку» о Забайкальском горнопромышленном предприятии начальнику Генерального штаба В.А. Сухомлинову. В предприятии принимали участие великий князь Борис Владимирович, владелец золотых приисков на Джалинде М.Г. Титов, известный коммерсант А.Э. Стельп, сын Бадмаева — прапорщик Н.П. Бадмаев. В «Записке» отмечается, что они владеют 822 паями из 1250 паев первого Забайкальского горнопромышленного товарищества и принимаются меры по приобретению дополнительно еще 200 паев, чтобы иметь абсолютное большинство в этом товариществе [3, с. 125].

Главная цель «Записки» заключалась в просьбе о ходатайстве В.А. Сухомлинова перед императором о выделении товариществу 5 млн р. торгово-промышленного кредита. Такой кредит выдавался по решению финансового комитета Государственного банка всем промышленникам, сообразуясь с ценностью имущества просителя. Забайкальское горнопромышленное товарищество имело концессии стоимостью около 6 млн р. По мнению составителей «Записки», реально ценность концессии при разработке месторождений будет оцениваться в несколько десятков миллионов рублей. В качестве примера приводятся данные об успешной добыче золота в Дарасуне, когда на небольшой территории и самым примитивным способом добывали 1500 пудов золота на сумму 21 млн р. Концессия Забайкальского горнопромышленного товарищества находится на 20 кв. верстах, в недрах содержится не менее 4000 пудов россыпного и рудного золота на 56 млн р. Поэтому кредит будет вполне обеспечен только этой одной концессией. Кроме того, успешность предприятия обеспечивается профессионализмом учредителей: «Г-н Титов и Бадмаев — знатоки торговли, промышленности и сельского хозяйства, А.Э. Стельп — известный коммерсант». Завершается «Записка» объяснением мотивации создания нового предприятия: «...идем в это дело не ради алчности и легкой наживы, а сознавая огромное государственное значение этих предприятий» и акцентируют на трудолюбии, способностях, знаниях и общественном положении учредителей товарищества [3, с. 127].

По косвенным данным известно, что Бадмаев занимался добычей и разработкой золотых месторождений перед революцией 1917 г. Необходимо дальнейшие архивные изыскания в Чите для составления полной картины. Важной составляющей предпринимательской деятельности Бадмаева являлось проектирование строительства железных дорог. Не реализовав в 1893–1897 г. идею строительства железной дороги от Читы до Ланьжоу, позднее Бадмаев вновь обращается к проектам строитель-

ства железных дорог. Особенно он активизировался после получения Монголией национальной независимости в 1911 г. Бадмаев предлагает вариант строительства железной дороги от Семипалатинска до границы с Монголией, а также далее трансмонгольскую линию (Семипалатинск — Кобдо — Улясутай, Урга — Хай-лар), а также линию Мысовая — Кяхта — Урга — Сайр-усу — Нинсяфу — Ланчъ-жоуфу. Известно также, что Бадмаев стремился в 1914 г. получить концессию на строительство железной дороги от Маньчжурии до Урги. И в данном случае правительственные структуры России были против получения П.А. Бадмаевым железнодорожной концессии. В письме министра иностранных дел России посланнику в Пекине и дипломатическому агенту в Монголии сообщалось следующее: «Поверенный Бадмаева телеграфировал сюда, что последний получил концессию на железную дорогу от Маньчжурии до Урги. Благоволите запросить Монгольское Правительство, справедливо ли это известие, объяснив вместе с тем, что если такая концессия действительно была выдана, то она не может быть осуществлена за невозможностью найти нужные капиталы. Если же с концессией связаны какие-либо монопольные права, то она противоречит 5-й статье Ургинского протокола и осуществление этих прав не будет нами допущено. Поэтому мы не утвердим концессии Бадмаева, и она не имеет юридической силы. Действуя таким образом, мы имеем в виду благо Монголии, обязанной нам своим государственным бытием, ибо видим, что Монгольское правительство вовлекается в невыгодные сделки международными авантюристами и готово продать свои истинные интересы за возможность немедленно получить деньги, которые будут истрачены без пользы для страны» [2, д. 217, л. 16]. Концессия не была получена, и проект не был реализован.

По данным Ж.Т. Тумунова, при непосредственном участии П.А. Бадмаева в 1912 г. был составлен проект «Русско-монгольского соглашения». Также был составлен проект учреждения «Монгольского общества» для руководства экономическим развитием Монголии. «Далеко устремленным в будущее является составленный П.А. Бадмаевым в 1912 г. проект “Договора о военном союзе между Монголией и Россией”. Он сохранился в рукописном варианте и не был представлен в правительственные органы» [13, с. 123].

Значительное внимание он уделяет данным о природных богатствах Монголии и экономической прибыльности их разработки. По данным П.А. Бадмаева, Монголия богата золотом, серебром, драгоценными камнями, а также каменным углем и нефтью. Совершенно не изучена предпринимательская деятельность Бадмаева на юге Российской империи. В 1916 г. совместно с П.Г. Курловым он пытался организовать акционерное общество для разработки природных ресурсов, содействие развитию промышленности, сельского хозяйства и торговли. В 1917 г. П.А. Бадмаев проявлял определенный интерес к Мурманской железной

дороге. Видимо, в обоих случаях ничего реального не получилось, кроме обсуждения проектов. В других исторических условиях эти проекты могли бы иметь практическую реализацию, экономически многие из них были вполне перспективны.

Список использованной литературы и источников

1. Архив внешней политики Российской империи. Китайский стол. — Ф. 143. — Оп. 491. — д. 564.
2. Государственный архив Иркутской области. — Ф. 25. — Оп. 11. — Д. 217.
3. Бадмаев П. А. За кулисами царизма: Воспоминания. Мемуары / П. А. Бадмаев. — Минск : Харвест, 2001. — 208 с.
4. Байкал. — 1897. — 31 авг.
5. Забайкальские губернские ведомости. — 1894. — 22 апр.
6. Жизнь на восточной окраине. — 1986. — 26 июня.
7. Коростовец И. Я. От Чингис-хана до Советской республики. Краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени / И. Я. Коростовец. — Улан-Батор : Эмгэнт, 2004. — 560 с.
8. Кузьмин Ю. В. Доктор П.А. Бадмаев: ученый, дипломат, предприниматель / Ю. В. Кузьмин. — М. : Товарищество научных изданий КМК, 2014. — 183 с.
9. Кузьмин Ю. В. «Жизнь на восточной окраине» — первая газета в России на монгольском языке / Ю. В. Кузьмин, М. П. Рачков, А. П. Суходолов // Вопросы теории и практики журналистики. — 2014. — № 3 (7). — С. 5–12.
10. Лобанов В. Старая Чита. Документальный рассказ / В. Лобанов. — Чита, 2003. — 336 с.
11. Россия и Тибет: сб. рус. арх. док. 1900–1914 / Институт востоковедения; Институт Дальнего Востока. — М. : Вост. лит., 2005. — 231 с.
12. Семенников В. П. За кулисами царизма (Архив тибетского врача Бадмаева) / В. П. Семенников. — Л., 1925. — 325 с.
13. Тумунов Ж. Т. Братья Александр и Петр Бадмаевы / Ж. Т. Тумунов // Байкал. — 1989. — № 3. — С. 119–126.

Информация об авторах

Козырская Ирина Евгеньевна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра мировой экономики и международного бизнеса, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: kozyrskaya@mail.ru.

Кузьмин Юрий Васильевич — доктор исторических наук, профессор, кафедра мировой экономики и международного бизнеса, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: kuzminuv@yandex.ru.

Authors

Irina Ye. Kozyrskaya — Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of World Economy and International Business, Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: kozyrskaya@mail.ru.

Yuri V. Kuzmin — Doctor of History, Professor, Department of World Economy and International Business, Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: kuzminuv@yandex.ru.

УДК 001.32(571)(092)1960*
ББК 72.3(253)632

Н.А. КУПЕРШТОХ

**РУНАР ВИКТОРОВИЧ ГОСТРЕМ:
НАУЧНАЯ БИОГРАФИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СИБИРИ
В 1960-е ГОДЫ**

Анализируется биография доктора физико-математических наук, профессора Р.В. Гострема (1914–1998), который в 1960-е гг. работал в Институте радиофизики и электроники СО АН СССР в Новосибирске, Институте физики в Красноярске и Сибирском филиале ВНИИФТРИ в Иркутске.

Ключевые слова: история науки, биографии ученых, Р.В. Гострем.

N.A. KUPERSHTOKH

**RUNAR VIKTOROVICH GOSTREM:
SCIENTIFIC BIOGRAPHY AND ACTIVITIES IN SIBERIA
IN 1960s**

We analyze the biography of the doctor of physical and mathematical sciences, Professor R.V. Gostrem (1914–1998). In the 1960s he worked at the Institute of Radiophysics and Electronics of the USSR Academy of Sciences in Novosibirsk, at the Institute of Physics in Krasnoyarsk, at Siberian branch of VNIIFTRI in Irkutsk.

Keywords: history of science, biographies of scientists, R.V. Gostrem.

Биография Р.В. Гострема (1914–1998) вместила так много событий, что на ее исчерпывающее исследование потребуются годы кропотливого труда. Цель статьи — на основе документов Научного архива СО РАН, ранее не введенных в научный оборот, изучить деятельность Р.В. Гострема в Новосибирске в 1960–1964 гг.

Биографии таких ученых, как И.В. Берг, Ф.Г. Старос, Б.М. Понтекорво и др. дают основание предположить, что траектории жизни Р.В. Гострема обусловлены схожими обстоятельствами — это иностранное происхождение, работа в зарубежных и российских научных центрах, исследования по закрытой тематике, и т.п. Сложность изучения таких биографий заключается в том, что субъективные воспоминания современников зачастую невозможно подтвердить документальными свидетельствами в силу их «секретности» и недоступности для исследователей. Подобная картина наблюдается с изучением биографии Р.В. Гострема. Краткие сведения об его жизнедеятельности содержит Википедия. Информативную статью о семье Виктора Гострема (отца Р.В. Гострема) подготовил профессор из Финляндии М. Алског [2]. К 100-летию Рунара Викторови-

ча в Иркутске опубликована статья О.Н. Гудкова и Н.Н. Климова [5], которая опирается на документы личного дела, хранящегося в ВСФ ВНИИФТРИ [4]. Из этих публикаций можно составить общее представление о жизнедеятельности ученого.

Почти десять лет Р.В. Гострем провел в Сибири. В первой половине 1960-х гг. он работал в Институте радиофизики и электроники (ИРЭ) СО АН СССР, краткие упоминания о деятельности Р.В. Гострема в Новосибирске можно найти в нескольких публикациях [1; 7; 12; 13]. После реорганизации ИРЭ в 1964 г. Р.В. Гострем чуть менее года работал в Институте физики в Красноярске. Во второй половине 1960-х гг. он был первым директором Сибирского филиала ВНИИФТРИ в Иркутске, преподавал в Иркутском университете. Об этом периоде его жизни опубликованы краткие воспоминания И.И. Кошелева и Е.Ф. Мартыновича [3; 10], а также справочные материалы [6]. С 1969 г. и до конца дней Рунар Викторович жил в Калининграде, был директором Калининградской комплексной ионосферно-магнитной станции ИЗМИРАН, преподавал в Калининградском университете. О деятельности Р.В. Гострема как директора станции эмоционально написал А.А. Намгаладзе [8], воспоминаниями о преподавании на физическом факультете в КГУ поделилась Г.С. Соколова [11].

Для того чтобы понять, каким образом Р.В. Гострем оказался в Сибири, необходимо хотя бы в общих чертах представлять его биографию. Рунар Гострем родился 13 мая 1914 г. в г. Хельсинки в семье шведа Виктора Гострема, коммуниста и активного функционера Коминтерна. Семья успела пожить в Финляндии, США и Канаде, прежде чем в 1933 г. оказалась в Советском Союзе. В 1935–1941 гг. Рунар Гострем учился в МГУ на физическом факультете. С началом войны вступил в ополчение, был переводчиком на фронте, стал членом ВКП(б). С июля 1943 г. работал в НИИ-100 в Москве, сотрудники которого занимались проблемами радиоконтроля, оперативной связи и разработкой военной техники [5, с. 92].

В 1946 г. Рунар Гострем вернулся в Финляндию, преподавал в физическом институте университета Хельсинки, изучал возможности применения радиоизотопов в медицине, в 1949 г. ему присвоена степень Ph.D по физике. Об этом периоде жизни финский ученый М. Алског писал, что хотя Рунар Гострем отличался продуктивностью в научной работе, по неизвестным причинам он не пользовался популярностью в местном сообществе. Молва приписывала ему содействие в переправке из Хельсинки в СССР известного итальянского физика Бруно Понтекорво [2].

С октября 1954 г. Рунар Гострем — сотрудник физической лаборатории Гронингенского университета в Нидерландах, в следующем году он получил степень докторандуса физических и математических наук. С апреля 1959 г. по июль 1960 г. его деятельность связана с Международным агентством по атомной энергии в г. Вена (Австрия), где в это время заместителем генерального директора МАГАТЭ работал В.В. Ми-

гулин, участник Атомного проекта в СССР, будущий академик и директор ИЗМИРАН (с 1969 г.).

Вполне возможно, что именно по его рекомендации Рунар Гострем в октябре 1960 г. вместе с семьей оказался в Новосибирске, где невиданными ранее темпами возводился Новосибирский научный центр (ННЦ). Намерения Р.В. Гострема попасть в Институт ядерной физики не осуществились, так как директор Г.И. Будкер «принять его в свой институт наотрез отказался» [12, с. 33]. Тогда председатель СО АН СССР М.А. Лаврентьев «настоятельно рекомендовал» директору Института радиопизики и электроники Ю.Б. Румеру принять Р.В. Гострема в свой институт. В отличие от институтов ННЦ, которые создавались «с нуля», ИРЭ формировался в Западно-Сибирском филиале (ЗСФ) АН СССР.

Финансирование ННЦ по развитию институтов было несопоставимым со скромным бюджетом ЗСФ. С начала 1960-х гг. вырос кадровый состав ИРЭ, увеличились возможности привлечения специалистов из других организаций, подготовки кадров через аспирантуру и т.п. В Новосибирске для института построено пятиэтажное здание на ул. Мичурина, 23. В «досоановском» ИРЭ развивалось два основных направления: теоретическая физика — под руководством Ю.Б. Румера; радиофизика и электроника СВЧ — под руководством Г.В. Кривошекова. В составе Сибирского отделения тематическая направленность исследований и структура ИРЭ стали меняться под воздействием внешних обстоятельств, а не вследствие естественного развития тех или иных научных направлений.

Появление в Новосибирске энергичного 46-летнего «научного специалиста в области ядерной электроники» Р.В. Гострема, знавшего семь языков, означало, что он будет формировать в ИРЭ новое научное направление, хотя, по мнению сотрудников, оно являлось инородным включением в тематику ИРЭ. Тем временем события развивались довольно динамично. 29 октября 1960 г. по распоряжению бюро Президиума СО АН Р.В. Гострем зачислен в штат ИРЭ в должности зав. лабораторией газовой электроники с окладом 4 тыс. р. Вскоре он приступил к формированию новой лаборатории ядерной электроники, определив ее тему как «Исследование возможностей полупроводниковых приборов для формирования, канализации и анализа импульсов ядерных датчиков наносекундной области». Формирование кадров лаборатории происходило, в основном, за счет сотрудников других лабораторий [9, д. 30, л. 118; д. 34, л. 3; д. 42, л. 29].

В марте 1961 г. на заседании Ученого совета ИРЭ Рунар Викторович сообщил о проделанной работе «по теоретическим основам нового прецизионного метода количественного определения радиоактивного углерода». Необходимость развития этого направления была подкреплена мнением академика А.А. Трофимука, директора Института геологии и

геофизики. В своем письме он высоко оценил работу Р.В. Гострема и подчеркнул, что «метод позволит с хорошей точностью определить возраст молодых геологических образований». Ученый совет ИРЭ принял решение признать работу Р.В. Гострема «весьма ценной» и премировать его в размере 400 р. [9, д. 42, л. 7–8].

В 1961 г. по совокупности работ Р.В. Гострему присуждается ученая степень доктора физико-математических наук. По инициативе Р.В. Гострема дирекция ИРЭ приняла решение создать отдел ядерной электроники № 4. Поводом для его организации стал тезис о том, что современное развитие ядерной физики требует создания быстродействующих регистрирующих устройств с высокой разрешающей способностью, и что эту задачу будет решать отдел Р.В. Гострема в тесном научном контакте с другими институтами СО АН. Основное научное направление отдела было сформулировано как исследование по проблеме канализации, анализа и регистрации импульсов ядерных датчиков. В его состав вошли три лаборатории под соответствующими номерами 41, 42, 43: ядерной электроники; электронной оптики; вакуумной техники (последние две лаборатории созданы ранее) [9, д. 40, л. 18; д. 41, л. 29; д. 45, л. 38–39].

В июле 1961 г. руководитель отдела Р.В. Гострем потребовал от руководства института оснастить отдел современным оборудованием на общую сумму 47 тыс. р. Присутствовавший на заседании Ученого совета ИРЭ К.Б. Карандеев, директор Института автоматики и электрометрии, поинтересовался, насколько актуальны разрабатываемые проблемы. Рунар Викторович сослался на зарубежный опыт и призвал ускорить исследования по ядерной электронике, подчеркнув, что на первом месте стоит задача создания электронной аппаратуры для исследования ядерных процессов на основе полупроводников. Эта проблема, подчеркнул Гострем, требует не только современного оборудования, но также привлечения молодых специалистов с хорошей подготовкой. Директор ИРЭ Румер предложил Гострему обратиться за помощью непосредственно к Лаврентьеву. По итогам обсуждения Ученый совет принял решение обратиться за экспертизой к профильным организациям по поводу планируемых тем в отделе ядерной электроники [9, д. 42, л. 29–32, 34].

В отзыве Объединенного института ядерных исследований (г. Дубна Московской области) отмечалось, что все темы плана отвечают актуальным задачам современной ядерной электроники, а их разработка станет важным вкладом в развитие методики ядерных исследований. Представляя отчет о работе отдела за 1961 г., Р.В. Гострем отметил поисковый характер исследований, посетовал на дефицит квалифицированных специалистов и пообещал, что в полной мере исследования будут развернуты в 1962 г. Отсутствием необходимых кадров он объяснил также причину невыполнения в срок работы по техническому заданию ИЯФ [9, д. 45, л. 10, 14, 37, 40].

На вторую половину 1961–1962 гг. приходится пик «расцвета» в деятельности Рунара Викторовича. Он получил ученую степень доктора наук, избран в состав Ученого совета ИРЭ, принимал активное участие как в решении кадровых вопросов, так и в целом в жизни института. С завидной регулярностью выезжал в командировки в Москву, Томск, Сухуми, другие города. Его семья обосновалась в просторной квартире в Академгородке, а комфортные условия жизни позволили пригласить для постоянного проживания отца — Виктора Матвеевича Гострема.

Согласно планам НИР, в отделе № 4 выполнялись четыре темы, руководителями которых являлись д.ф.-м.н. Р.В. Гострем и к.т.н. А.И. Трубецкой, а также две работы по опытно-промышленным испытаниям. Среди ответственных исполнителей числились Р.В. Гострем, А.И. Трубецкой, м.н.с. Г.Ф. Поляков, м.н.с. Н.И. Макрушин. Необходимо отметить, что среди 30 сотрудников отдела только два человека имели ученую степень, остальной персонал составляли младшие научные сотрудники, инженеры, техники, старшие лаборанты.

30 октября 1962 г. Ученый совет ИРЭ заслушал доклад Г.Ф. Полякова (лаборатория № 42) по проекту «Исследование возможностей формирования интенсивных электронных пучков в области релятивистских скоростей с целью создания электронной пушки повышенной проводимости». Автор доклада особо подчеркнул трудные обстоятельства, которые сопровождали выполнение проекта: нехватка современного оборудования; неверие в успех дела и отсеивание по этой причине ряда сотрудников; и т.п. В машинописном тексте доклада от руки сделано дополнение о поддержке проекта Р.В. Гостремом, благодаря которому проект успешно завершился. В ходе обсуждения Р.В. Гострем отметил, что работа выполнялась в трудных условиях, поэтому необходимо премировать сотрудников лаборатории. Ощущая постоянное недоверие сотрудников ИРЭ, он сам предложил отправить отчет на экспертизу в ИЯФ и на завод «Светлана», а в 1963 г. провести промышленные испытания. Г.В. Кривошеков заметил, что прежде необходимо все же получить оценку ИЯФ [9, д. 51, л. 14, 19, 22]. Однако на деле «поддержка» Р.В. Гостремом проекта Г.Ф. Полякова была только на словах. При составлении сметы на 1963 г. статьи расходов на оборудование были расписаны следующим образом: лаборатории № 41 (Гострем) выделялось 10 тыс. р., № 42 (Поляков) — 2,5 тыс., № 43 (Макрушин) — 1 тыс. р. [9, д. 51, л. 27].

На Ученом совете ИРЭ 14 декабря 1962 г. директор Румер объявил, что отделы сыграли свою положительную роль при формировании новых лабораторий, а в данный момент они затрудняют контроль над расходованием бюджетных средств, поэтому их дальнейшая деятельность нецелесообразна. Он предложил вернуться к основной структурной единице — лаборатории, поскольку выросли кадры, способные самостоятельно руководить лабораториями [9, д. 51, л. 25–26].

Таким образом, в подчинении Р.В. Гострема осталась только одна лаборатория ядерной электроники. Подводя итоги ее деятельности в 1962 г., зав. лабораторией доложил Ученому совету ИРЭ, что сотрудники вели исследования в области ядерной электроники с применением наносекундной техники и последних достижений в развитии полупроводниковых приборов. Проведены исследования возможностей применения высокочастотных транзисторов, лавинных триодов и туннельных диодов. В качестве результата названа разработка проектов нескольких типов генераторов наносекундных импульсов, а один из макетов, разработанный А.М. Трубецким, Г.С. Зиновьевым и А.Г. Лопатиным, представлен на выставке СО АН СССР [9, д. 53, л. 9]. Отметим, что в 1964 г. в Новосибирске издана книга Р.В. Гострема и Г.С. Зиновьева «Туннельные диоды и их применение». В конце книги приведена обширная библиография по проблеме, на две трети состоящая из работ зарубежных авторов. Из библиографии можно понять, что тема исследований лаборатории Р.В. Гострема сформулирована в русле самых современных направлений, ее актуальность не вызывала сомнений.

Тем не менее, в справке о наиболее важных научно-исследовательских работах ИРЭ, подготовленной в конце 1962 г., результаты выполнения темы под руководством Р.В. Гострема не упомянуты ни разу [9, д. 54, л. 1–4]. Это означало, что значимые результаты просто отсутствуют, и что выполнение темы лаборатории № 41, включенной по постановлению СМ СССР от 3 декабря 1962 г. в научную программу на союзном уровне, могло оказаться под угрозой срыва.

По воспоминаниям ученого секретаря ИРЭ П.А. Бородовского, Рунар Викторович не справился с руководством отдела и не сумел организовать научную деятельность лаборатории [12, с. 33]. Сложилась конфликтная ситуация между завлабом и м.н.с. В.В. Артемьевым, прибывшим в ИРЭ из Ленинграда в сентябре 1962 г. Последний сразу увидел, что Р.В. Гострем не может дать сотрудникам четко разработанного плана развития работ по теме и не имеет научного авторитета. В.В. Артемьев обозначил круг своих научных интересов и начал формировать группу единомышленников, что вызвало сопротивление Р.В. Гострема. Ситуация накалилась настолько, что в марте 1963 г. директор Румер принял решение в лаборатории № 41 сформировать тематические группы под руководством к.т.н. А.И. Трубецкого (8 человек) и м.н.с. В.В. Артемьева (12 человек). Зав. лабораторией осуществлял лишь общее руководство, а ответственными за выполнение планов НИР назначены руководители групп [9, д. 57, л. 4].

Однако конфликт продолжал набирать обороты. Сотрудники лаборатории № 41 написали письмо председателю СО АН М.А. Лаврентьеву с жалобой на действия Р.В. Гострема [12, с. 33]. В августе 1963 г. Ученый совет ИРЭ принял решение выделить тематическую группу

В.В. Артемьева из лаборатории и дать ей возможность работать самостоятельно [9, д. 58, л. 25]. Естественно, что встал вопрос о разделении производственных площадей, кадрового потенциала лаборатории и оборудования. Гострем, отметив, что Артемьев в лаборатории не прижился, предлагал и вовсе оставить его без производственных площадей и оборудования.

Предстоящий «дележ имущества» стал поводом для обсуждения работы лаборатории № 41 в целом. Как оказалось, не только в лаборатории, но и в коллективе ИРЭ накопилось много претензий к работе Р.В. Гострема. П.А. Бородовский прямо сказал, что лаборатория Гострема в течение двух лет находилась в привилегированном положении по финансированию, обеспечению научными кадрами (выросла до 25 человек), снабжению современным оборудованием и т.п. Однако существенных научных результатов в лаборатории нет, а есть мелкие работы отдельных научных сотрудников [9, д. 58, л. 24].

4 сентября 1963 г. Ученый совет заслушал планы работы «усеченной» до 12 человек лаборатории Р.В. Гострема и тематической группы В.В. Артемьева. Как и прежде, Р.В. Гострем ссылаясь на актуальность разрабатываемой проблемы, и сформулировал задачу лаборатории как исследование и разработка управляемых схем для измерения сверхбыстрых процессов. Однако при обсуждении плана члены Ученого совета высказали замечания, что программа исследований неясная, не прописаны конкретные научные результаты. На просьбу Гострема увеличить состав лаборатории последовал ответ, что к этому вопросу можно будет вернуться, когда будут получены значимые научные результаты [9, д. 58, л. 28]. Ученый совет ИРЭ принял решение создать комиссию для распределения научного оборудования между Р.В. Гостремом и В.В. Артемьевым. В ноябре 1963 г. Рунар Викторович самовольно захватил несколько ценных приборов, которые предназначались для работы тематической группы В.В. Артемьева, и запер их в своем кабинете. Директор Румер вынужден был издать специальное распоряжение, в котором вынес порицание Гострему за «нетактичное поведение, неправильные действия и невыполнение распоряжения зам. директора Г.Ф. Олоничева» [9, д. 57, л. 21].

Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба лаборатории Р.В. Гострема в ИРЭ, если бы институт сохранил самостоятельный статус. Но в ноябре–декабре 1963 г. коллектив обсуждал глобальную проблему: быть или не быть институту, так как возникла идея объединить ИРЭ с Институтом физики твердого тела и полупроводниковой электроники (ИФТТИПЭ). В обсуждении злободневной проблемы принял участие и Р.В. Гострем. Он отметил, что объединение может дать положительный эффект, но в то же время подчеркнул, что он лицо незаинтересованное, так как вскоре будет работать в другой организации [9, д. 58, л. 48].

24 апреля 1964 г. Президиум Академии наук СССР принял постановление об объединении ИРЭ и ИФТТИПЭ в Институт физики полупроводников (ИФП) под руководством чл.-корр. АН СССР А.В. Ржанова. При объединении три лаборатории (в том числе лаборатория Р.В. Гострема) расформированы, девять лабораторий перешли в ИФП, скорректировав деятельность под научные направления этого института [7].

Семья Р.В. Гострема осталась жить в комфортном Академгородке, а Рунар Викторович недолго работал в Институте физики в Красноярске, затем поехал в Иркутск организовывать Сибирский филиал ВНИИФТРИ. По нашим предположениям, протекцию Р.В. Гострему мог составить академик С.А. Христианович, который в 1965 г. был назначен научным руководителем ВНИИФТРИ и являлся активным участником создания филиалов в Иркутске, Хабаровске, Петропавловске-Камчатском. С.А. Христианович, один из основателей Сибирского отделения АН СССР, покинул новосибирский Академгородок в начале 1960-х гг. из-за конфликта с академиком М.А. Лаврентьевым. Вполне возможно, что он знал Р.В. Гострема лично и мог порекомендовать его кандидатуру на открывшуюся вакансию. Иркутский период жизни Р.В. Гострема — отдельная тема для исследования.

В заключение подведем итоги деятельности Р.В. Гострема в Новосибирске. К несомненным достоинствам его как ученого можно отнести представление о тенденциях развития современной науки благодаря включенности в международное сообщество, обширные коммуникации, хорошее знание иностранной литературы. Однако, чтобы организовать работу научного подразделения, одних теоретических познаний было недостаточно. Устремления Р.В. Гострема создать новое научное направление в ИРЭ не материализовались в силу нескольких причин. Р.В. Гострем не обладал харизмой яркого лидера, способного увлечь идеей и сплотить коллектив на длительное время. Слабые менеджерские навыки не позволили ему четко формулировать задачи и распределить потенциал сотрудников. Неспособность предотвращать конфликты сказывалась на творческом климате коллектива подразделений, а также на его собственной судьбе. Итоги деятельности Р.В. Гострема в Иркутске и Калининграде подтверждают этот вывод.

Автор выражает благодарность И.И. Климову, профессору Иркутского государственного университета путей сообщения, а также заместителю директора по научной работе ВСФ ВНИИФТРИ д.ф.-м.н. В.Н. Егорову за консультации и помощь в подготовке статьи.

Список использованной литературы и источников

1. Академия наук СССР. Сибирское отделение. Новосибирский научный центр / под ред. Г. С. Мигиренко. — Новосибирск : Изд-во СО АН СССР, 1962. — 207 с.

2. Алскор М. / Ahlskog M. The live of Viktor Gasstrom / M. Ahlskog // The Finnish American Reporter. — November 2016. — P. 5.

3. Вехи полувекового пути. Кн. 2. Воспоминания и размышления / ред. : Н. И. Воропай и др. — Иркутск : ИСЭМ, 2010. — 468 с.

4. Гострем Рунар Викторович. Личное дело: начато 6 марта 1965 г., окончено 22 июля 1969 г. — Иркутск : ВСФ ВНИИФТРИ. — 46 с.

5. Гудков О. Н. Гострем Рунар Викторович: 100 лет со дня рождения / О. Н. Гудков, Н. Н. Климов // Приангарье: годы, события, люди: календарь знаменательных и памятных дат Иркутской области на 2014 год. — Иркутск, 2013. — Вып. 47. — 220 с.

6. Иркутский государственный университет: ректоры, деканы, профессора (1918–1998) / сост. С. И. Кузнецов. — Иркутск : Агентство «КП-Байкал»; Изд-во Иркут. ун-та, 1998. — 208 с.

7. Куперштох Н. А. История новосибирского Института радиофизики и электроники (1957–1964 гг.) / Н. А. Куперштох, И. А. Крайнева // Гуманитарные науки в Сибири. — 2017. — № 2. — В печати.

8. Намгаладзе А. А. Записки рыбакова-любителя. Ч. 2. Гостремиада (1970–1976 гг.) / А. А. Намгаладзе. — СПб. : Изд-во «Комильфо», 2010. — 408 с.

9. Научный архив Сибирского отделения РАН. — Ф. 15. — Оп. 1.

10. Сергеева Ю. «Холодный свет» Евгения Мартыновича / Ю. Сергеева // Восточно-Сибирская правда. — 2012. — 19 июля.

11. Соколова Г. С. История экспериментального одноциклического учебно-го плана на физическом факультете в Калининградском университете (1970–1980 гг.) [Электронный ресурс] / Г. С. Соколова // Режим доступа: <http://sokolova-gs.livejournal.com/3548.html>

12. 40 лет Институту физики полупроводников Сибирского отделения Российской академии наук / отв. ред. И. Г. Неизвестный; ред. Э. В. Скубневский. — Новосибирск : Изд-во СО РАН. 2004. — 375 с.

13. Юрий Борисович Румер: Физика, XX век / отв. ред. А. Г. Марчук; авт.-сост. И. А. Крайнева и др. — Новосибирск : Изд-во «АРТА», 2013. — 592 с.

Информация об авторе

Куперштох Наталья Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: nataly.kuper@gmail.com.

Author

Natalya A. Kupershtokh — Ph.D. in History, Senior Researcher, Institute of History of Siberian Branch Russian Academy of Sciences, 8 Nikolaev St., Novosibirsk, 630090, e-mail: nataly.kuper@gmail.com.

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 332.1
ББК А79

М.Р. АРПЕНТЬЕВА

ФОРСАЙТ ПРЕДПРИЯТИЙ СИБИРИ И ИХ ДИНАМИЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ

Цель исследования — анализ форсайт-компетенций как компонента динамических способностей (компетенций) предприятий / менеджеров предприятий Сибири. Анализ форсайт-компетенций как компонента динамических способностей (компетенций) предприятий / менеджеров предприятий показывает их ведущую роль в реализации остальных динамических способностей, а также то, что форсайт предприятий и отраслей оказывает трансформирующее влияние на развитие системы, помогая преобразовывать, а не только прогнозировать, развитие отрасли или предприятия. форсайт включает применение и трансформацию метатехнологий («рутин») предприятия, а также инновации в сфере производства и производственных отношений в Сибири.

Ключевые слова: динамические способности, форсайт, рутины, инновации, метатехнологии, форсайт-компетенции.

M.R. ARPENTIEVA

SIBERIAN ENTERPRISES FORESIGHT AND DYNAMIC CAPABILITIES

The purpose of the study is the analysis of foresight competence as a component of dynamic capabilities (competences) of the enterprises / managers of the enterprises of Siberia. Reconfiguration requires the company to maintain strong leadership, business model redesign and asset-re-alignment activities. Sensing is the main foresight competence (capability) component. Foresight is a system of methods of transformation of priorities in the sphere of economy and production, social and cultural development. Thanks to the foresight competence and ability, the Manager and his company productively adapt to changes in environment (market and society), but also participate in changing it.

Keywords: dynamic capabilities, foresight, routine, innovation, meta-technology foresight competence.

Проблемы эффективного прогнозирования развития экономики и производства Сибири, в том числе функционирования и развития тех или иных отраслевых рынков в кризисный для Сибирского региона и сообщества, его экономики и политики период, тесно связаны с так называемыми

динамическими способностями предприятий, их умениями перестраиваться и диверсифицироваться в связи с тенденциями отраслевого рынка, выделять как сильные, очевидные, так и слабые, малозаметные, но важные тенденции, в том числе угрозы и перспективы развития, вызовы времени и вызовы региональных рынков и региона в целом. Современный стратегический менеджмент ориентирован на системный учет старых и новых источников развития и угроз, ограничений и перспектив производства в соответствии с вызовами конкретного времени и пространства — анализ региональных запросов, профилактику и коррекцию организационных кризисов и коллапсов, уменьшение бюрократизации и коррупции в организациях, снижение «утечки кадров», в том числе, «утечки мозгов», дауншифтинга и депрофессионализации. Он также должен учитывать проблемы сохранения и развития богатств и экологии региона. Как отмечал В.Н. Шерстобоев, при хозяйственном освоении этого региона следует комплексно и глубже учитывать последствия антропогенного воздействия человека на окружающую природу, сохранять экологический баланс в регионе, «историческое районирование Сибири не может ограничиться выделением крупных экономических районов. Оно предполагает более дробное зонирование внутри этих крупных территорий для того, чтобы отразить многообразие условий эволюции экономики более мелких зон и подзон и связать с перспективами следующих этапов развития Сибири» [10, с. 24]. Длительное время, столетия до XX в., никаких существенных изменений экосистемы Байкала, других водных и иных экосистем и Сибири не происходило, однако, XX век поставил много проблем, включая проблему стратегического менеджмента, направленного на сохранение и поддержание экологии Сибири. Из-за особенностей местной атмосферы и гидросферы, того, что основная масса промышленных объектов не реализует малоотходную переработку природных ресурсов, оснащена устаревшими системами очистных сооружений, воздух и водоемы больших промышленных городов Восточной Сибири отличаются сильной загрязненностью. Поэтому сейчас в Сибири находится треть городов России с максимальной загрязненностью: экологическое состояние Новосибирска, городов Кузбасса (Кемерово, Новокузнецк и др.), Читы, Ангарска, Омска, экология Иркутска, Норильска, Братска и Абакана критическое. Активно развивается промышленная деятельность, активно увеличивается площадь нарушенных и деградированных земель; почва Сибири постоянно загрязняется бытовым мусором и отходами с промышленных предприятий; изменению подвергся и генезис почвы, не говоря о затоплении Илимской и иных пашен. Происходит подтопление и выгорание лесов и т.д., отсутствуют действующие проекты по возобновлению и восстановлению лесных массивов, очистке водоемов и т.д.

Все это требует серьезной работы в сфере изменений управлением — менеджментом — предприятиями и всем регионом. Такой менед-

жмент опирается на понимание того, что в мире все взаимосвязано, и, таким образом, даже самые деструктивные, опасные события и феномены могут быть выявлены, предотвращены или тем или иным образом скорректированы. Аналогичным образом, могут быть выявлены, усилены, а в некоторых случаях специально созданы феномены и события, создающие условия для развития производства и экономики, а также общества Сибири в целом. В связи с этим возникает и усиливается роль таких динамических способностей предприятия, которые позволяют выявлять и прогнозировать развитие отрасли и предприятия, осуществлять долговременное стратегическое планирование, учитывающее эти прогнозы, их выводы о грядущих более или менее важных и очевидных переменах, управлять этими переменами. В том контексте теория динамических способностей тесно смыкается с теорией форсайта, а также рядом других теорий, опирающихся на концепцию сложных систем, их фрактального, синергетического, саморазвивающегося и саморегулирующегося характера. Теория динамических способностей также построена на представлении об организациях как сложных, гетерогенных, изменяющихся и поддерживающих внутренний и внешний баланс систем. Поэтому форсайт может стать органичной частью теории динамических способностей, расширяя ее и углубляя понимание сущности, функционирования и развития динамических способностей.

Современные организации в Сибири практически непрерывно сталкиваются с необходимостью более или менее масштабных перемен. Они осознают необходимость управления переменами, включая осознание и трансформацию миссии организации, реструктурирование направлений деятельности организации и введение инноваций, изменения отношений между организацией с другими организациями и отношений внутри нее самой и т.д. Такие перемены могут быть выявлены и осмыслены, использованы для коррекции жизнедеятельности предприятий как постфактум, так и, используя форсайт, в режиме опережения. Форсайт используется в современном стратегическом менеджменте России как система методов трансформирования приоритетов в сфере экономики и производства, социального и культурного развития. Данная система предполагает привлечение внешних специалистов в сфере форсайта и/или развитие форсайт-компетенций у специалистов самой организации. Особенно это касается менеджеров и иных специалистов, работа которых наиболее непосредственно связана с «динамическими компетенциями» или способностями предприятия. Динамические способности предприятия отражают его умение перестраиваться и диверсифицироваться в связи с более или менее значимыми и явными тенденциями отраслевого рынка: выделять как сильные, очевидные, так и слабые, малозаметные, но важные тенденции, выделять и соотносить угрозы и перспективы развития, вызовы «общечеловеческого» времени и вызовы конкретных региональ-

ных рынков, потери и приобретения от введения и отказа от введения инноваций и т.д. Форсайт как компетенция организации «предвидеть» события на основании определенных маркеров может быть органично включена в теорию динамических способностей, в том числе, такого компонента этих способностей, как распознавание («sensing capacity») — способностью распознавать возможности и угрозы развития. При этом возможности форсайт-подхода смещают фокус анализа динамических способностей на поиск предвестников перемен — маркеров — изменений — на их рассмотрение в контексте стратегического планирования и стратегического управления предприятием в целом.

Форсайт-компетенции предприятия — способность предприятия трансформировать приоритеты своей деятельности в связи с более или менее долгосрочными и значимыми тенденциями развития отрасли, экономики и производства, общества и культуры в целом. Форсайт-компетенции и «шире» и «уже» динамических способностей предприятия. С одной стороны, форсайт-компетенции в большей мере обращены к анализу межотраслевых тенденций, связаны с попытками осмысления функционирования и развития предприятия и всей отрасли в долгосрочной перспективе. С другой стороны, форсайт-компетенции не связаны напрямую с оценкой инноваций и их роли в развитии производства, с развитием предприятия и его ресурсами как таковыми, но фокусируются на внешних обстоятельствах (условиях) данного развития. Поэтому, на наш взгляд, при рассмотрении проблем инноваций в развитии предприятий в более или менее четко фиксированные периоды развития, форсайт-компетенции могут быть рассмотрены как компонент динамических способностей. При исследовании же тенденций развития производственных отраслей и кластеров в более широкой временной перспективе, динамические способности выступают как компонент форсайт-компетенций. Для целей нашего исследования важнее первый взгляд: с точки зрения стратегического менеджмента каждое конкретное предприятие есть система многосторонне и многоуровнево взаимосвязанных и обладающих своеобразием ресурсов и деятельности по преобразованию ресурсов [37; 38; 39]. Одна из этих деятельностей — форсайт.

Понятие «динамические способности» введено во второй половине XX в. Д. Тисом [35] для обогащения ресурсно-ориентированного подхода или теории [14; 15; 16]: «Динамическая способность — это способность организации реагировать на изменение среды» [21, р. 150]. Ресурсно-ориентированная теория, в свою очередь, развивала концепцию «ключевых компетенций» (core competences) [32], в рамках которой успешность предприятий соотносилась с уникальным сочетанием определенных ресурсов, компетенций и технологий. С концепцией динамических способностей тесно связаны также и многие иные современные и традиционные концепции, в том числе концепции органи-

зационного обучения (organizational learning), «устойчивого развития», «антикризисного менеджмента» и др. В общем, концепция динамических способностей (dynamic capabilities) предприятия опирается на традиционную ресурсно-ориентированную теорию [2; 13; 16], рассматривая тенденции выживания и развития тех или иных предприятий или сообществ в условиях более или менее интенсивных экономических и политических изменений, включая кризисы и коллапсы экономических и социальных систем [1; 21]. И, вместе с тем, концепция динамических способностей обращена к концепциям организационного развития, в том числе, форсайта.

В концепции конкурентных ресурсов (competitive forces approach), например, ведущим является представление о том, что фирмы сражаются и обороняются друг от друга, стремясь сохранить конкурентные ресурсы (competitive forces). Дж. Барни предложил систему «vrin-критериев» для оценки ресурсов фирмы: фирмы, обладавшие ценными (valuable), редкими (rare), неподражаемыми (inimitable) и незаменимыми (non-substitutable) ресурсами, имеют конкурентные преимущества по сравнению с другими фирмами. В список ресурсов входят как физические, материальные и экономические ресурсы (капиталы), так и социальные и человеческие ресурсы (капиталы), включая организационные «рутины» и компетенции, образующие динамические и иные способности предприятий [14; 15; 29]. Однако, представление о ценности ресурсов в рамках данной модели ретроспективно [21; 33], поэтому невозможно достаточно точно предсказать успешность предприятия [20; 21]. Поэтому возникла проблема долгосрочного прогнозирования, форсайт-проектирования развития предприятий и отраслей.

Форсайт-компетенции [11; 12] связаны с так называемыми организационными способностями или «рутинами». Согласно концепции динамических способностей, предприятие может и нуждается в том, чтобы активно развивать свои способности трансформации ресурсов (ресурсной базы) и систем отношений внутри и вне предприятия в согласии с трансформациями отраслевого рынка [2]. Организационная способность определяется существованием таких рутин и их комбинаций, которые помогают фирмам продуктивно и эффективно реагировать на поступающие вызовы региональных и мировых рынков.

Организационные способности рассматриваются в настоящее время в контексте понятия о рутинности [25; 26; 30; 31]. И. Баррето [18] сформулировал концепцию «склонности» (propensity) — наличия рутин, фиксирующих тенденции в действиях предприятия. «Рутины» — это «сложные шаблоны социальных действий, запрограммированный ответ на стимулы (раздражители) внешней экономической среды» [21, p. 149]. С. Винтер [44] определил организационную способность как «рутину высокого уровня»: она дает менеджменту фирмы систему вариантов

стратегий достижения того или иного результата. Сам форсайт, поэтому, может быть назван «рутиной высокого уровня».

В моделях причинной неопределенности (causal ambiguity), в теориях гистерезиса и зависимости результата от пути предыдущего развития, зависимости хода развития от конечной цели [17; 34; 42], в работах Д. Тиса и Г. Пизано, а также в работах, выполненных в контексте форсайта и т.д., сформулированы основы последующих исследований выживания и развития предприятий в условиях постоянно меняющейся, разрушающей привычные отношения, окружающей среды [1; 5; 7; 21; 41 и др.]. Однако, существуют и альтернативные взгляды, постулирующие эквивиальность, а, значит, неуникальность динамических способностей [24]. Согласно К. Айзенхардт и Дж. Мартину [20; 21; 24], важно дифференцировать динамические способности на средне- и высоко-турбулентных рынках: чтобы совладать с экономическими вызовами на медленных и средне-турбулентных рынках фирмам нужны сложные рутины и процессы, в высоко-турбулентных изменяющихся постоянно условиях, компании не могут поддерживать, развивать и применять сложные рутины — на то нет времени, нужны простые правила или руководства к действию. Кр. Бингхэм и коллеги [19] говорят о таких руководствах как «эвристиках», которые помогают подстраиваться под нестабильную и непредсказуемую рыночную динамику [21]. С. Винтер отметил, что динамическая способность или динамическая рутина как повторяемая схема не отличается от иных рутин, хотя и относится к более высокому уровню: это рутина, направленная на изменение других рутин [20; 21; 44]. В целом, форсайт-компетенции сочетают рутинные, «технологические» и импровизационно-инновационные аспекты, а расхождение в оценках динамических способностей как уникальных и как эквивиальных преодолевается, если обратиться к более широкому представлению, — о гетерогенности рынка в целом. Ситуация жизнедеятельности и развития каждого предприятия специфична, и для достижения внешне, формально сходных результатов возможны содержательно различные ресурсы и способности. Вопрос, следовательно, в том, какие именно меры и ресурсы позволят выживать и развиваться каждому конкретному предприятию в той или иной ситуации, а также в том, какие содержательные и какие формальные результаты выступают как желательные. Это и есть вопрос о форсайте, о вычленении и использовании маркеров перемен для прогноза и управления предприятием в тех или иных условиях. Постулат об «эквивиальности» динамических способностей: разные компании могут достигать успеха различными путями, динамические способности заменимы, то есть их существование в каком-то смысле противоречит последнему критерию ресурсно-ориентированной теории, — и постулат об уникальности динамических способностей согласовываются благодаря обращению к понятию о форсайт-компетенциях, объединяющих техноло-

гические, «застывшие и подвижные, интуитивные формы реагирования на изменения (маркеры перемен), а также представлением о различных типах маркеров перемен. Классический прогноз и представление о гомогенном рынке уделяли внимание лишь «сильным» сигналам или маркерам перемен, акцентируя важность уникальных преимуществ. Форсайт-подход обратил внимание на незначительные, «слабые сигналы», являющиеся предвестниками масштабных изменений и/или ключами доступа к стратегической коррекции развития предприятий, отраслей, кластеров и сообществ в целом. Различные «склонности» или компоненты динамических способностей, как отмечают исследователи, тесно связаны: отсутствие одной не позволяет в полной мере реализовать возможности других и фирмы в целом [28; 40]. При этом без первого компонента, как правило, невозможно осознанное и целенаправленное осуществление остальных. Поэтому так важен форсайт, ставший одной из ведущих концепций и сфер исследований стратегического менеджмента.

Форсайт-компетенции в основном относятся к первой группе — способностей почувствовать возможности и угрозы. В.А. Кулеш также отмечает, что «для того чтобы компания была успешной, процесс стратегического выбора должен быть непрерывным, она должна постоянно создавать, воспроизводить свои ключевые компетенции», составляющие те или иные способности предприятия или приобретать новые. При этом «исследование стратегического выбора промышленных предприятий, обеспечивающее их конкурентоспособность в условиях динамичной конкурентной среды, необходимо осуществлять, не просто с позиций ресурсной концепции, а концептуального подхода в выявлении динамических способностей в силу сложности формирования уникального набора эффективных ресурсов», «усиление значимости фактора времени в условиях усиления конкуренции и скорости реакции на изменения внешней среды ставят перед предприятием необходимость поиска и наращивания динамических способностей», дающих возможности оперативной и, в тоже время, стратегически правильной реконфигурации ресурсов, процессов, отношений» [5, с. 1981–1982]. Кроме того, в контексте форсайт-подхода, с его ориентацией на формирование долговременных прогнозов и долгосрочных стратегий развития, важно представление об ориентированности динамических способностей на изменение рынка: первоначально динамические способности определялись как инструмент реагирования на преимущественно краткосрочные изменения (адаптации). После работ К. Айзенхардт и Дж. Мартина, а также в контексте форсайта они могут рассматриваться как инструменты изменения самого рынка, заставляющие трансформироваться само предприятие и его динамические и иные организационные способности, а также конкурентные компании, их динамические и иные способности и т.д. [22; 24; 25]. Изменения требуют гибкости, наблюдательности и

специального отслеживания, что говорит о важности развития динамических способностей предприятия в целом [6–9; 11].

Важно также учитывать, как отмечает М.Б. Шифрин, что при нарастании интенсивности и экстенсивности изменений предсказать характер изменений, результат — становится все труднее. Необходимо активное «сценирование» — разработка нескольких более или менее развернутых сценариев прошлого или будущего организации) и при необходимости, усиление ответных или — предупреждающих — мер на более или менее предсказуемые феномены и события [4]. Сценирование представляет собой разработку веера альтернатив, выстроенных вокруг тщательно отобранных «точек», располагающихся как в пределах рутин и иных «зон порядка», так и в зонах неожиданных изменений и противоречий в деятельности предприятия, описанных, например, в концепции «черных лебедей» — неожиданных, маловероятных, но весьма интенсивно влияющих на происходящее, переворачивающих реальность, событий Н. Талеба [6]. В его работах и работах других исследователей форсайт-деятельность по выявлению маркеров перемен, а также инфицирующих эти перемены события. Таким образом, форсайт-компетенции предприятий Сибири обусловлены наличием: 1) способности выявлять маркеры перемен, 2) способности создавать сценарии вероятных и маловероятных, опасных для развития и поддерживающих развитие событий, 3) управлять развитием событий вне и внутри организации, воздействуя на зоны, в которых нарушен или может быть нарушен порядок, 4) управлять развитием событий в обществе и сфере производства.

Таким образом, анализ форсайт-компетенций как компонента динамических способностей (компетенций) предприятий показывает их ведущую роль в реализации остальных динамических способностей, а также то, что форсайт предприятий и отраслей оказывает трансформирующее влияние на их развитие как систем, помогая преобразовывать, а не только прогнозировать, развитие отрасли или предприятия. Форсайт-компетенции являются органичной частью динамических способностей предприятия. Форсайт включает многоступенчатый комплекс рутин, нацеленных на решение задач эффективного и продуктивного стратегического менеджмента. Перед современными практиками и теоретиками стоит задача исправления ошибок разрушительного для экологии и ресурсов Сибири в целом освоения этой исключительно богатой территории на основах экологически безопасного, комплексного использования природных, человеческих и иных ресурсов, и организации производств на основе новейших технологий и нравственных принципах, разработки и внедрения проектов и предприятий по возобновлению и восстановлению лесных массивов, очистке водоемов, воздуха, земли, восстановлению флоры и фауны региона.

Список использованной литературы и источников

1. Андреева Т. Е. К дискуссии о сущности динамических способностей / Т. Е. Андреева, В. А. Чайка // Вестник С-Петербур. ун-та. — Сер. Менеджмент. — 2006. — № 4. — С. 163–174.
2. Грант Р. М. Ресурсная теория конкурентных преимуществ / Р. М. Грант // Вестник С.-Петербур. ун-та. — Сер. Менеджмент. — 2003. — № 3. — С. 47–75.
3. Конференция по изучению производительных сил Иркутской области, 4–11 авг. 1947 г. : тез. докл. — М., Л. : Изд-во АН СССР, 1947. — 341 с.
4. Крюков С. В. Форсайт: от прогноза к формированию будущего / С. В. Крюков // Пространство экономики. — 2010. — № 3-2. — С. 7–17.
5. Кулеш В. А. Концепция динамических способностей в стратегическом выборе компании / В. А. Кулеш // Научный журнал КубГАУ. — 2015. — № 108. — С. 1164–1182.
6. Талеб Н. Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / Н. Н. Талеб. — М. : Изд. КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. — 768 с.
7. Тис Д. Дж. Динамические способности фирмы и стратегическое управление / Д. Дж. Тис, Г. Пизано, Э. Шуен // Вестник С.-Петербур. гос. ун-та. Сер. Менеджмент. — 2003. — № 4. — С. 133–184.
8. Финкельштейн С. Ошибки топ-менеджеров ведущих корпораций / С. Финкельштейн. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2004. — 394 с.
9. Хамел Г. Конкурируя за будущее. Создание рынков завтрашнего дня / Г. Хамел, К. Прахалад. — М. : Олимп-Бизнес, 2002. — 288 с.
10. Шерстобоев В. Н. О историческом районировании Сибири / В. Н. Шерстобоев // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. — С. 20–24.
11. Adner R. Corporate effects and dynamic managerial capabilities / R. Adner, C. E. Helfat // Strategic Management J. — 2003. — Vol. 24 (10). — P. 1011–1025.
12. Arend R.J. Assessing the dynamic capabilities view / R. J. Arend, P. Bromiley // Strategic Organization. — 2009. — Vol. 7 (1). — P. 75–90.
13. Barney J. B. The future of resource-based theory: Revitalization or decline? / J. B. Barney, D. J. Ketchen, M. Wright // Journal of Management. — 2011. — Vol. 37, № 5. — P. 1299–1315.
14. Barney J. Firm resources and sustained competitive advantage / J. Barney // Journal of management. — 1991. — Vol. 17, № 1. — С. 99–120.
15. Barney J. The resource-based view of the firm: Ten years after 1991 / J. Barney // Journal of Management. — 2001. — Vol. 27, № 6. — P. 625–641.
16. Barney J. Integrating organizational behavior and strategy formulation research / J. Barney // Advances in strategic management. — 1992. — Vol. 8, № 1. — P. 39–61.
17. Barney J. Organizational culture / J. Barney // Academy of Management Review. — 1986. — Vol. 11, № 3. — P. 656–665.
18. Barreto I. Dynamic capabilities: A review of past research and an agenda for the future / I. Barreto // Journal of Management. — 2010. — Vol. 36, № 1. — P. 256–280.
19. Bingham C.B. What makes a process a capability? / C. B. Bingham, K. M. Eisenhardt, N. R. Furr // Strategic Entrepreneurship Journal. — 2007. — Vol. 1, № 1-2. — P. 27–47.
20. Bogodistov Y. Dynamic capabilities in extremely dynamic environments / Y. Bogodistov // 76th Annual Meeting of the Academy of Management. — Anaheim, CA : Academy of Management, 2016. — 10 p.

21. Bogodistov Y. Динамические способности: Сравнение методов измерения на примере малых и средних предприятий Украины / Y. Bogodistov // *Економічний Простір*, 2016. — Vol. 110. — P. 139–161.
22. Cordes-Berszinn Ph. *Dynamic Capabilities* / Ph. Cordes-Berszinn. — Palgrave Macmillans. Palgrave Macmillan, 2013. — 327 p.
23. Cross R. On the foundation of hysteresis in economic system / R. Cross // *Economics and Philosophy*. — 1993. — № 9. — P. 53–74.
24. Eisenhardt K. M. Dynamic capabilities: what are they? / K. M. Eisenhardt, J. Martin // *Strategic Management Journal*. — 2000. — Vol. 21, № 10-11. — P. 1105–1121.
25. Felin T. Microfoundations of routines and capabilities: Individuals, processes, and structure / T. Felin, N. J. Foss, K. H. Heimeriks and T. L. Madsen // *Journal of Management Studies*. — 2012. — Vol. 49, № 8. — P. 1351–1374.
26. Felin T. Organizational routines and capabilities / T. Felin, N. J. Foss // *Scandinavian J. of Management*. — 2009. — Vol. 25, № 2. — P. 157–167.
27. Helfat C.E. Managerial cognitive capabilities and the microfoundations of dynamic capabilities / C. E. Helfat, M. A. Peteraf // *Strategic Management Journal* forthcoming. — 2014. — № 1 (24). — 42 p.
28. Li D. Dynamic capabilities, environmental dynamism, and competitive advantage: Evidence from China / D. Li, J. Liu // *J. of Business Research*. — 2014. — Vol. 67(1). — P. 2793–2799.
29. Martin R. L. The big lie of strategic planning / R. L. Martin // *Harvard business review*. — 2014. — Vol. 92, № 1-2. — P. 1–5.
30. Miller K. D. Dynamics of performing and remembering organizational routines / K. D. Miller, B. T. Pentland and S. Choi // *Journal of Management Studies*. — 2010. — Vol. 49. — P. 1536–1558.
31. Pentland B. T. Organizational routines as grammars of action / B. T. Pentland, H. H. Rueter // *Administrative Science Quarterly*. — 1994. — Vol. 39, № 3. — P. 484–510.
32. Prahalad C. K., Hamel G. The core competence of the corporation / C. K. Prahalad, G. Hamel [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://hbr.org/1990/05/the-core-competence-of-the-corporation/ar/1>
33. Priem R. L. Is the resource-based «view» a useful perspective for strategic management research? / R. L. Priem, J. E. Butler // *Academy of management rev.* — 2001. — Vol. 26 (1) — P. 22–40.
34. Rumelt R. P. Towards a strategic theory of the firm / R. P. Rumelt. Eds. by C. A. Maritan, M. A. Peteraf // *Competitive Strategy*. — Vol. 2: Cheltenham and Northampton : Elgar, 2011. — P. 3–17.
35. Salunke S. Towards a model of dynamic capabilities in innovation-based competitive strategy / S. Salunke, J. Weerawardena, J. R. McColl-Kennedy // *Industrial Marketing Management*. — 2011. — Vol. 40 (8). — P. 1251–1263.
36. Teece D. J. A dynamic capabilities-based entrepreneurial theory of the multinational enterprise / D. J. Teece // *Journal of International Business Studies*. — 2014. — T. 45(1). — P. 8–37.
37. Teece D. J. Dynamic capabilities and strategic management / D. J. Teece, G. Pisano, A. Shuen // *Strategic Management J.* — 1997. — Vol. 18, № 7. — P. 509–533.
38. Teece D. The dynamic capabilities of firms / D. J. Teece, G. Pisano // *Industrial and Corporate Change*. — 1994. — Vol 3, № 3. — P. 537–556.
39. Teece D. Explicating dynamic capabilities / D. J. Teece // *Strategic Management J.* — 2007. — Vol. 28 (13). — P. 1319–1350.

40. Van den Broeck J. Data cleaning / J. Van den Broeck // PLoS medicine. — 2005. — Vol. 2, № 10 (E267). — P. 966–970.

41. Wang C. L. Dynamic capabilities / C. L. Wang, P. K. Ahmed // International Journal of Management Reviews. — 2007. — Vol. 9, № 1. — P. 31–51.

42. Wernerfelt B. A resource-based view of the firm / B. Wernerfelt // Strategic Management. J. — 1984. — Vol. 5, № 2. — P. 171–180.

43. Wilden R. Dynamic Capabilities and Performance / R. Wilden, S. P. Guderhan, B. B. Nielsen, I. Lings // Long Range Planning. — 2013. — Vol. 46, № 1–2. — P. 72–96.

44. Winter S. G. Understanding dynamic capabilities / S. G. Winter // Strategic Management Journal. — 2003. — Vol. 24, № 10. — P. 991–995.

Информация об авторе

Арпентьева Мариям Равильевна — доктор психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, кафедра психологии развития и образования, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, 248023, г. Калуга, ул. Степана Разина, 26, e-mail: mariam_rav@mail.ru.

Author

Mariam R. Arpentieva — Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor and Senior Researcher, Department of Development and Education Psychology, Tsiolkovskiy Kaluga State University, 26 Stepan Razin St., Kaluga, 248023, e-mail: mariam_rav@mail.ru.

УДК 930.2(571)«19–21»
ББК 63.3

**Н.В. ГОНИНА,
А.В. АКСЕНОВА**

ГЕНЕЗИС СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ УРБАНИСТИКЕ И ИРКУТСКАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА*

Историческое изучение города в Восточной Сибири тесно связано с общими процессами развития страны и исторической науки. В то же время периферийное положение формирует определенные особенности, которые возникают в результате ослабления коммуникаций и длительности процессов переработки информации, что позволяет аккумулировать достижения различных этапов развития исторического знания и разных направлений исследований.

Ключевые слова: городоведение, историческое краеведение, провинциальный город, социокультурный подход, научная школа.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ГНФ/Красноярский фонд науки в рамках научного проекта № 16-11-24008 а(р).

N. V. GONINA,
A. V. AKSENOVA

GENESIS OF THE SOCIO-CULTURAL METHODS IN RUSSIAN HISTORICAL URBANITY AND IRKUTSK SCIENTIFIC SCHOOL

The historical researches of the city in Eastern Siberia are closely connected with the general processes of development of the country and the history of science. At the same time peripheral position forms a certain features that arise as a result of the weakening of communications and the duration of processing of the information what allows you to accumulate the achievements of various stages in the development of historical knowledge and the various research areas.

Keywords: gorodovedeniye, local history, provincial town, socio-cultural methods, school of sciences.

Историческая урбанистика в России имеет удивительную судьбу. Как самостоятельное научное направление она стала активно развиваться в 1970-х гг. В то же время, работы, посвященные исследованию города, его истории и культуры, известны уже в XIX в., а в начале XX в. можно говорить уже о целых направлениях [10; 24; 32; 33]. Например, исследователь М.В. Холина пишет: «К началу XX в. в России оформилась научная школа гуманитарного исторического городоведения, рассматривавшая городские поселения, прежде всего, как особый культурный феномен» [36].

В Сибири, как и на других окраинных территориях, исследование города изначально получило развитие в рамках исторического краеведения. Однако и здесь процесс носил не простой характер. Уже на ранней стадии, в XIX в., мы можем говорить о ряде значимых внешних аспектов, оказавших влияние на становление местного краеведения и, в том числе, городских исследований.

В первую очередь, это влияние ссыльных: декабристов, польских революционеров и народников, которые активно занялись исследованием нового места обитания, описывая его в литературных, этнографических, исторических публикациях [30].

Параллельно с народничеством, во второй половине XIX в. появилось областническое направление. Если абстрагироваться от политических аспектов движения, то здесь мы видим формирование интереса к локальной истории, определение ее самоценности и поиск подходов к исследованию с акцентом на местные природные условия. Как писал С.И. Архангельский: «Не центр, а провинция должны стать полем настоящей полезной народу деятельности, таков был лозунг некоторых шестидесятников... Если Костомаров выставил тогда принцип славянской

федерации, то Щапов, ограничив задачу более, узкими рамками, выставил принцип областности в отношении Великороссии» [7].

Труды А.П. Щапова, С.С. Шашкова, Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина оказали огромное влияние на развитие сибирского краеведения и, собственно, исторической науки, дали необходимую методологическую основу. В том числе, они первые уделили внимание сибирскому городу как объекту исследования. В частности, исследование Г.Н. Потанина «Города Сибири», опубликованное в 1908 г. в сборнике «Сибирь и ее современное состояние и ее нужды» [31]. Ученый выделяет три основных типа городов: бюрократические (Омск, Тобольск, Красноярск), буржуазные (Томск, Тюмень, Енисейск) и «смешанный тип» (Иркутск), что, как заметил Д.А. Алисов, в конечном итоге позволяет ему дать яркий сравнительно-исторический анализ культурного облика главных административных центров Сибири и охарактеризовать основные особенности формирования и развития городской культуры [4].

Еще одним фактором влияния стали местные отделения Русского географического общества (ВСОРГО), их экспедиционная и издательская деятельность в конце XIX — начале XX в. В работу отделений включались энтузиасты из местной интеллигенции. Причем особенно активную роль играли педагоги¹ и представители духовенства [16]. В связи с нехваткой квалифицированных специалистов часто приходилось привлекать ученых из ссыльных. Например, в экспедициях ВСОРГО активное участие принимали Д.А. Клеменц, Н.В. Виташевский, В.Г. Богораз-Тан, Ф.Я. Кон, Э.К. Пекарский, М.П. Овчинников, И.И. Майнов, С.В. Ястремский и другие [30]. В итоге сформировались локальные централизованно финансируемые группы краеведов, имевших не только желание вести изыскания, но и план работы, знания, оборудование, компетентных руководителей, а также свои органы печати². Наиболее сильные продолжили свою деятельность и после революции 1917 г.

Город в этот период, как правило, не являлся самостоятельным предметом изучения, однако были разработаны такие элементы темы как состав и динамика городского населения (благодаря переписи 1897 г.); социально-экономическая структура города и ее эволюция (в составе экономических обзоров); городская культурная жизнь (история образования; музейного и библиотечного дела; этнографические обзоры). Значительная часть материала была опубликована в Памятных книжках³, а также в уже упомянутых изданиях ВСОРГО и центральной периодической печати. Были и самостоятельные публикации монографического характера, такие как труды М.В. Загоскина и др. [17; 18].

¹ Например, И.Т. Савенков и А.Л. Яворский в Красноярске, Н.Н. Бахметьев в Иркутске.

² Например: Труды и Известия ВСОРГО, Сибирская живая старина в Иркутске и др.

³ Например: Памятная книжка Иркутской губернии на 1873 год, адрес-календарь. — Иркутск, 1873.

Следующий шаг был сделан уже в 1920-х гг. Формирование и развитие советского краеведения происходило не на пустом месте. Все труды и опыт ученых конца XIX — начала XX в. были аккумулированы их последователями. В результате, по формулировке С.И. Архангельского, родился локальный метод [8].

Большое влияние в этот период оказала школа научного краеведения И.М. Гревса — Н.П. Анциферова — Н.К. Пиксанова [5; 6; 14; 29], сформировавшаяся в Петербурге-Ленинграде. Важно указать, что, как пишет Д.С. Московская, «краеведение» и «социальная история» в терминологии 1920-х гг. были уравниваемы. Таким образом, можно сказать, что исследования И.М. Гревса и Н.П. Анциферова — это развитие тех же идей, что мы находим в поздних трудах А.П. Щапова [2].

Для нас роль данной школы заключается в применении к отечественному историко-краеведческому материалу идей урбанизма и, в результате, разработке теории изучения города как целостного социально-культурного объекта [26; 28]. Впервые в гуманитарном научном контексте было применено понятие «городская среда». Центром внимания данного направления был город, в том числе провинциальный, и его социокультурная составляющая. В частности, Н.П. Анциферовым был предложен социокультурный подход в изучении города, город анализировался как некая единая триада: «пространство — социум — культура» [22].

Таким образом, несмотря на литературоведческую основу указанных научных исследований, мы должны согласиться с Р.С. Колокольчиковой и отметить их важную роль в формировании теоретических основ отечественного градоведения: «...русские ученые И.М. Гревс, Н.П. Анциферов, Н.К. Пиксанов выдвинули и апробировали ряд новаторских идей, связанных с изучением города, которые намного опередили свое время. Это — целостный взгляд на город, идеи о комплексном изучении города; идеи, соответствующие историко-антропологическим, социокультурным, историко-культурологическим исследованиям, методам локального изучения исторических процессов, которые стали основанием для становления отечественной урбанистики. Однако в 1930-х гг. развитие научного краеведения было прервано репрессиями. Утвердилась точка зрения Л.А. Велихова, согласно которой городская среда стала восприниматься как фон для событий индустриализации и социально-классовой динамики [22; 28].

Как отмечают многие исследователи, «...Постепенное возвращение к социокультурной проблематике города как «концентрации социальных групп, структур, ролевых поведений, средоточия культурных ценностей, образцов, определенных норм человеческой деятельности» началось в конце 1970-х гг.» [3]. Однако это не совсем верно. Разработка идей научного градоведения, основанного на локальном

подходе, продолжалась в литературоведении, географии, истории в отдельных научных коллективах, преимущественно на периферии. Одним из таких центров был Иркутск.

Большую роль здесь сыграл фольклорист, литературовед и этнограф М.К. Азадовский, работавший в Иркутске в 1920-х и в 1940-х гг. М.К. Азадовский учился и работал на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского/Петроградского университета, когда там преподавал И.М. Гревс. Мы не знаем об их общении, однако И.М. Гревс в молодости входил в кружок Ольденбургов, а М.К. Азадовский учился у С.Ф. Ольденбурга, так что определенное общее интеллектуальное поле, безусловно, было [9; 19]. И, может быть, именно там родились идеи, сформулированные позднее в историческом краеведении и градоведении.

В 1920-е гг. М.К. Азадовский редактировал один из лучших этнографических журналов — «Сибирскую живую старину» и собрал вокруг нее большой коллектив специалистов по этнографии, фольклору, краеведению и истории Сибири. Не будем также забывать, что во всей Сибири с 1922 г. высшее образование по общественным дисциплинам осталось только в Иркутске. Очевидно, иркутские историки имели в тот период возможность самостоятельной научной и издательской работы. Так, уникальным счастливым случаем можно считать подготовку и публикацию иркутским областным издательством трудов и писем А.П. Щапова в самый разгар репрессий [2]. В следующий период своего пребывания в Иркутске — в 1940-х гг. Марк Константинович опубликовал «Очерки литературы и культуры в Сибири» (Иркутск, 1947), где поставил задачу исследования «культурного своеобразия сибирских городов» [1; 12].

В итоге, самым ранним сибирским научным коллективом послевоенного периода, начавшим изучение истории города в тесной связи с краеведением, была кафедра истории СССР (сейчас — кафедра истории России) Иркутского государственного университета, где под руководством д.и.н., профессора Ф.А. Кудрявцева развивалось изучение истории Иркутска, которое выросло в исследование сибирского города в целом и отдельных аспектов его жизни. В 1947 г. вышла первая советская монография об истории города — «Иркутск. Очерки по истории города», написанная Ф.А. Кудрявцевым вместе с рано умершим талантливым историком, преподавателем Иркутского пединститута Е.П. Силиным. Объем книги — 20 уч.-изд. листов. Как пишет А.В. Дулов, книга, несомненно, является серьезной работой и отличается довольно высокой степенью объективности изложения событий, разумеется, в пределах тех возможностей, которые предоставлялись официальной идеологией. XVIII век освещен гораздо подробнее, чем первая половина XIX в. Хотя рассказ об истории города доведен до 1947 г., советской эпохе от-

водится в книге около трети всего текста, что представляется довольно обоснованным [16]. Развивая направление, уже в 1950-е гг. иркутяне обратились к изучению социокультурного облика купечества, благотворительности, а также истории музея и театра [23; 25; 35].

Не менее велико в 1950–1970-х гг. было влияние на исторические работы по истории города трудов географов, в частности В.В. Воробьева, который заложил основы изучения города и городского населения на основании историко-географического подхода [11].

В 1960–1970-х гг. в Иркутске изучение городского населения, как и в других научных центрах, было сосредоточено преимущественно на истории купечества и буржуазии. В качестве примера можно указать работы Ю.П. Колмакова [20; 21].

Вадим Петрович Шахеров начал научную работу в конце 1970-х гг. — начале 1980-х гг. также с изучения предпринимательской сферы, а затем сосредоточился на исследовании сибирского города периода позднего феодализма [40; 42]. Одним из первых среди сибирских историков он обращается к проблеме трансформации сословно-классовой структуры сибирского города во второй половине XVIII — первой трети XIX в. Он первым провел комплексный анализ структурных изменений населения городов Юго-Восточной Сибири. Вадим Петрович выявил и обосновал стирание сословных границ и усиление внутренней социальной дифференциации городского сообщества, постепенное разложение их на основные классы капиталистического общества [13; 30].

1990-е гг. стали периодом более интенсивной научно-исследовательской работы в сфере урбанистики. В.П. Шахеров стал организатором ряда мероприятий направленных на привлечение внимания к изучению истории города, предпринимательства и купечества региона. Эта работа способствовала возрождению заложенных в 1920-е гг. городоведческих традиций в Иркутске. В 1991 г. город стал местом проведения конференции «Сибирский город в конце XVII — начале XX веков», собрав специалистов-городоведов из Барнаула, Новосибирска, Красноярска, Иркутска и Улан-Удэ. В 1996 г. был открыт музей истории Иркутска, при котором, благодаря трудам д.и.н. В.П. Шахерова, началось регулярное издание сборника статей «Сибирский город в XVIII–XX вв.», где публикуются ученые со всей Сибири. Как видно из материалов, исследования иркутских историков уже в 1980-х гг. вышли на уровень сибирского градоведения или, как это принято говорить сейчас — исторической урбанистики. Результаты работы В.П. Шахерова, его коллег по кафедре и аспирантов в области изучения истории города нашли выражение в подготовке более 10 диссертаций, ряда статей и монографий. Причем внимание сосредоточено не только на Иркутске, но и на других городах региона [15; 27; 34; 37–39; 41].

Следует заметить, что иркутяне, пожалуй, были первыми в Восточной Сибири, кто обратился к трудам И.М. Гревса, Н.П. Анциферова и Н.К. Пиксанова. Также в работах В.П. Шахерова, Г.В. Оглезневой и их диссертантов, успешно применяется полидисциплинарный подход в историческом исследовании, разработаны применительно к историческому знанию понятия «социокультурный» и «городская среда», дана характеристика восточносибирского губернского и уездного города.

Ярким примером развития направления может быть монография ученицы В.П. Шахерова, к.и.н. Н.И. Гавриловой. Наталья Игоревна в лучших традициях иркутской исторической школы вводя в научный оборот новые данные, объединяет источникивые базы музея, архива и библиотеки, связывает воедино наработки школы Анналов, советского исторического краеведения и современного социокультурного подхода [12].

Таким образом, Иркутск является не менее значимым центром исторической урбанистики, чем другие университетские города. На рубеже XIX–XX вв. здесь были сфокусированы все три направления краеведческих исследований — народническое, областническое и РГО. Собранный богатый исследовательский материал удалось в большей части сохранить и обработать. В конце XX — начале XXI в. мы наблюдаем соединение трех подходов в краеведении: советского краеведческого, географического и социокультурного. Несмотря на смену идеологических и научных концепций, отсутствие прямой преемственности и достаточно узкий круг исследователей, иркутская школа исторического краеведения смогла аккумулировать наследие ученых разных направлений более чем за 100 лет и успешно их развить, являя собой живую иллюстрацию к идеям Гревса-Анциферова-Пиксанова.

Список использованной литературы и источников

1. Азадовский М. К.: биографическая справка [Электронный ресурс]. Энциклопедия и новости Приангарья. — Режим доступа : <http://irkipedia.ru/content>
2. А.П. Щапов в Иркутске (неизданные материалы). — Иркутск : Облиздат, 1938. — 103 с.
3. Акашева А. А. Русский пореформенный город как объект комплексной реконструкции в исторической урбанистике [Электронный ресурс] / А. А. Акашева. — Superinf.ru: сайт. — Режим доступа : https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1119.
4. Алисов Д. А. Городская цивилизация: этапы становления и развития (опыт научного поиска) / Д. А. Алисов // Культура городского пространства: власть, бизнес и гражданское общество в сохранении и приумножении культурных традиций России : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск 12–13 ноября 2013 г.). — Омск : Изд. дом «Наука», 2013. — С. 3–10.
5. Анциферов Н. П. Пути изучения города, как социального организма. Опыт комплексного подхода / Н. П. Анциферов. — Л. : Сеятель, 1925. — 151 с.
6. Анциферов Н. П. Краеведный путь в исторической науке / Н. П. Анциферов // Краеведение. — 1928. — № 6. — С. 321–338.

7. Архангельский С. И. Из истории краеведческой идеи в Нижегородском крае (Мельников-Печерский — Гациский — Короленко) [Электронный ресурс] / С. И. Архангельский. — Открытый текст. — Режим доступа : <http://www.opentextnn.ru/history/historiografy/?id=3126>.

8. Архангельский С. И. Локальный метод в исторической науке / С. И. Архангельский // Краеведение. — 1927. — № 2. — С. 181–194.

9. Арьев А. Воспоминания о М.К. Азадовском [Электронный ресурс] / А. Арьев // Журнальный зал. — 1997. — № 11. — Режим доступа : http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1997/11/arjev-pr.html.

10. Вагин В. И. Роль городского сословия в Сибири / В. И. Вагин // Восточное обозрение. — 1884. — № 11. — С. 1–3.

11. Воробьев В. В. Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки) / В. В. Воробьев. — Иркутск : [б. и.], 1959. — 145 с.

12. Гаврилова Н. И. Общественный быт горожан Иркутской губернии во второй половине XIX века / Н. И. Гаврилова. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2014. — 308 с.

13. Гаврилова Н. И. Честь служить Истории (к 60-летию Вадима Петровича Шахерова) / Н. И. Гаврилова, И. Л. Дамешек, С. Л. Курас // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». — 2012. — № 1 (2) — С. 233–243.

14. Гревс И. М. Город как предмет краеведения / И. М. Гревс // Краеведение. — Т. 1. 1923–1924 гг. — М. ; Л., 1924. — С. 245–258.

15. Дамешек Л. М. Место Сибири в социально-экономических процессах империи / Л. М. Дамешек // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2011. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2011. — С. 52–59.

16. Дулов А. В. Историография города Иркутска [Электронный ресурс] / А. В. Дулов. — Иркутск: сайт. — Режим доступа : <http://www.manus.baikal.ru/rus/es03.htm>.

17. Загоскин М. В. Иркутск и Иркутская губерния. С очерком прочих губерний и областей Сибири / М. В. Загоскин. — Иркутск : Издательство: тип. Синицына, 1870. — 140 с.

18. Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. — М. : Типо-литография Высочайше утвержденного Товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1891. — 268 с.

19. Каганович Б. С. С.Ф. Ольденбург. Опыт биографии / Б. С. Каганович. — СПб. : Нестор-История, 2013. — 252 с.

20. Колмаков Ю. П. Из истории фирмы «Т/д «Коковин и Басов» (К вопросу формирования торгово-промышленного капитала в Восточной Сибири) / Ю. П. Колмаков // Вопросы истории и истории философии : сб. науч. ст. — Иркутск, 1966. — С. 24–41.

21. Колмаков Ю. П. Крупная торгово-промышленная буржуазия Восточной Сибири в период монополистического капитализма. 1898 — март 1917 года: дис. ... канд. ист. наук / Ю. П. Колмаков. — Иркутск, 1970. — 280 с.

22. Колокольчикова Р. С. Теоретико-методологические основы изучения города в трудах И. М. Гревса, Н. П. Анциферова, Н. К. Пиксанова / Р. С. Колокольчикова [Электронный ресурс]. — Вестник Череповецкого государственного университета. — 2014. — № 6 (59). — Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/>.

23. Кубалов Б. Г. А.И. Герцен и общественность Сибири / Б. Г. Кубалов. — Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1958. — 160 с.

24. Максимов С. В. Собрание сочинений : в 20 т. Т. 20. Крестьянский быт. Первобытный лес. Города Озерной области и др. / С. В. Максимов. — СПб. : Книгоиздат. Т-во «Просвещение», 1896. — 384 с.

25. Маляревский П. Г. Очерки из истории театральной культуры Сибири / П. Г. Маляревский. — Иркутск : Иркутское кн. изд-во, 1957. — 281 с.

26. Московская Д. С. Локально-исторический метод в литературоведении Н. П. Анциферова: генезис и контексты [Электронный ресурс] / Д. С. Московская // Филологическая регионалистика. — 2009. — № 1-2. — Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n>.

27. Оглезнева Г. В. Динамика социокультурных процессов в уездных городах Иркутской губернии в конце XIX — начале XX вв. / Г. В. Оглезнева // Городская культура Сибири: динамика культурно-исторических процессов : сб. науч. тр. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2001. — С. 172–175.

28. Орлова В. Д. Осмысление исторической наукой пространственного фактора формирования городской культуры в России во второй половине XIX — начале XX в. [Электронный ресурс] / В. Д. Орлова // Вестник ТГУ. — 2015. — № 7 (147). — Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/>

29. Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. Историко-краеведный семинар / Н. К. Пиксанов. — М. ; Л., 1928. — 148 с.

30. Политические ссыльные. «Иркутск в панораме веков» (2004) [Электронный ресурс]. — Энциклопедия и новости Приангарья. — Режим доступа : <http://irkipedia.ru/content/>.

31. Потанин Г. Города Сибири // Сибирь ее современное состояние и ее нужды / Г. Потанин. — СПб. : Изд. А. Ф. Девриена, 1908. — С. 234–269.

32. Пыляев М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы / М. И. Пыляев. — СПб. : Изд-во А. С. Суворина, 1887. — 471 с.

33. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России / В. П. Семенов-Тянь-Шанский // Записки Императорского русского географического общества. — Т. X, вып. 2. — СПб. : Тип. В.Ф. Киршбаума, 1910. — 212 с.

34. Сибирский город в XVIII — начале XX вв. (межвузовский сборник) / Администрация г. Иркутска, Упр. культуры, Музей истории г. Иркутска, Иркут. гос. ун-т; [отв. ред. В. П. Шахеров]. — Иркутск : Изд-во Иркут. высш. шк. МВД России, 1998–2016.

35. Фатьянов А. Д. Иркутский Художественный музей / А. Д. Фатьянов. — Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1958. — 12 с.

36. Холина М. В. Исследования истории малого советского города в отечественной и региональной историографии [Электронный ресурс] / М. В. Холина // Современные проблемы науки и образования. — 2009. — № 3. — Режим доступа : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=1196>.

37. Шаламова С. А. Молодежь губернских и областных центров Восточной Сибири в конце XIX — начале XX вв.: формы общения и нормы поведения: автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. А. Шаламова. — Иркутск, 2010. — 278 с.

38. Шахеров В. П. Города Восточной Сибири в XVIII — первой половине XIX вв. Очерки социально-экономической и культурной жизни / В. П. Шахеров. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2001. — 264 с.

39. Шахеров В. П. Социокультурные процессы в городской среде Байкальской Сибири XVIII — первой половины XIX вв. / В. П. Шахеров. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. — 256 с.

40. Шахеров В.П. Торгово-промышленное освоение Юго-Восточной Сибири в конце XVIII — первой трети XIX века : дис. ... канд. ист. наук. / В. П. Шахеров. — Иркутск, 1981. — 196 с.

41. Шахеров В. П. Формирование городских поселений Байкальской Сибири в контексте особенностей сибирской урбанизации / В. П. Шахеров // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. — 2011. — № 1. — С. 35–49.

42. Шахеров В. П. Экономико-правовые аспекты классово-сословной структуры сибирского города в период позднего феодализма / В. П. Шахеров // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX — начале XX в. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1984. — С. 3–14.

Информация об авторах

Гонина Наталья Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии, Красноярский государственный аграрный университет, 660049, г. Красноярск, ул. Мира, 90, e-mail: nvg7@mail.ru.

Аксенова Анна Владимировна — учитель истории и обществознания, Гимназия № 3, аспирант кафедры истории и политологии Красноярский государственный аграрный университет, 660049, г. Красноярск, ул. Мира, 90.

Authors

Natalya V. Gonina — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of History and Political Science, Krasnoyarsk State Agricultural University, 37 Mira St., Krasnoyarsk, 660130, e-mail: nvg7@mail.ru.

Anna V. Akseanova — Teacher of History and Social Science, Gymnasium № 3, Ph.D. Student, Department of History and Political Science, Krasnoyarsk State Agricultural University, 37 Mira St., Krasnoyarsk, 660130.

УДК 94(5)(517.3)
ББК 63.2

*Л.В. КУРАС,
Б.Д. ЦЫБЕНОВ*

МОНГОЛЬСКИЙ СБОРНИК «О ФРОНТЕ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВСЕНАРОДНОЙ ПОМОЩИ МОНГОЛЬСКОГО НАРОДА СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Статья посвящена изучению сборника «О фронте», написанного на старомонгольской письменности. Авторы приходят к выводу, что в нем содержатся ценные материалы по истории советско-монгольских отношений 1941–1945 гг. Особое внимание в работе уделено малоизвестным вопросам поездки делегаций МНР на советско-германский фронт.

Ключевые слова: МНР, СССР, монгольская делегация, Красная Армия, фронт, подарок.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РГНФ-МиноКН Монголии № 15-21-03005 а/м «Монголия во Второй мировой войне».

L.V. KURAS,
B.D. TSYBENOV

MONGOLIAN COLLECTION «ON THE FRONT» AS A SOURCE FOR THE HISTORY OF NATIONWIDE HELP OF THE MONGOLIAN PEOPLE OF THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article is devoted to the study of «On the front» of the collection, written in old Mongolian script. The authors concluded that it contains unique materials on the history of Soviet-Mongolian relations, 1941–1945. They studied in detail the trip of delegation of the MPR on the Soviet-German front.

Keywords: Mongolian People's Republic, USSR, Mongolian delegation, Red Army, front, presents.

Тема братской помощи монгольского народа, оказанной СССР в суровые годы Великой Отечественной войны, казалось бы, досконально изучена в отечественной и зарубежной исторической науке. Тем не менее, выясняется, что в архивах Монголии хранятся не введенные в научный оборот источники и документы, написанные на старомонгольской письменности. Они могут пролить свет на многие вопросы истории и культуры МНР периода Второй мировой войны. Одним из таких источников является сборник «О фронте». Он достаточно объемен, насчитывает 171 страницу печатного текста. Обложка книги, очевидно, утеряна, поскольку заметно, что она выполнена позже и самодельно, из оборотной стороны обложки общей тетради советского производства. По центру обложки сделана надпись обычным карандашом — «О фронте», на корешке книги — «Направившиеся на фронт. 1944». Однако, судя по содержанию сборника, он написан не в 1944 г., а позже, возможно, в 1945 г. Можно предположить, что введение или предисловие отсутствует, поскольку сборник начинается с 5-й с., где идет собственно основной текст. Интересной особенностью является использование в тексте многих заимствованных иностранных слов, включая военные и технические термины, транскрипции советских городов, фамилий, имен. Сборник состоит из трех частей: «Раздел о делегациях, отправляющихся подарками» (5–90 с.); «Раздел о рассказах делегатов» (91–109 с.); «Литературный раздел» (110–171 с.).

Краткую характеристику сборника начнем с освещения первой части — «Раздел о делегациях, отправляющихся подарками». Раздел содержит сведения о поездке делегаций МНР на советско-германский фронт, и делится на несколько параграфов, в которых рассматривается работа конкретных делегаций. Все параграфы построены по одной схе-

ме, включающей в себя следующие пункты: прибытие делегации, встреча с командованием фронта, беседы с местными жителями и немецкими военнопленными, посещение воинских частей и вручение подарков, артиллерийский обстрел противника, встреча с ранеными в полевом госпитале. Следует отметить, что перевод и анализ источника начат нами в 2015 г., и уже изданы научные статьи, в которых рассматриваются вопросы поездки делегаций МНР на конкретные фронты. Поэтому в настоящую работу мы решили включить некоторые данные, содержащиеся в них. В первом параграфе (5–10 с.) говорится о поездке делегации во главе с первым заместителем премьер-министра МНР С. Лувсаном и секретарем ЦК МНРП С. Янжмой на Западный фронт. В нем подробно изложены события, связанные с поездкой первой монгольской делегации на советско-германский фронт в феврале-марте 1942 г. По данным монгольских ученых, в составе делегации находились поэт Л. Цэнд-Очир, скотовод Б. Пунцаг, майор МНРА П. Шагдарсурэн, партизан Д. Дамба, рабочий Баасан, а также советские граждане, проживающие в Монголии — Горюнова, Чураков и атташе Уполномоченного Представительства СССР в МНР Филлипов [5, с. 17; 9, с. 171]. Описаны встреча с Г.К. Жуковым в штабе фронта, посещение городов Истра и Волоколамск, вручение памятных подарков офицерам и бойцам 49-й армии, 5-й гвардейской дивизии и 133-й, 238-й дивизий. Делегатам были также показаны немецкие военнопленные. Они отмечены в тексте как *amitad* (животные; живые существа). После непродолжительной беседы с ними, делегаты сделали вывод, что фашистские солдаты полностью деморализованы. Особое внимание делегаты МНР уделили вопросам быта и повседневной жизни советских солдат. Посетили они и полевой армейский госпиталь, где вручили подарки. Имеются две фотографии под названиями «Делегаты во главе с первым заместителем премьер-министра МНР С. Лувсаном и секретарем ЦК МНРП С. Янжмой во время встречи с командованием Западного фронта», «Делегаты во главе с первым заместителем премьер-министра МНР С. Лувсаном и секретарем ЦК МНРП С. Янжмой поставили юрту рядом с штабом фронта». Завершается параграф отбытием делегации в Москву. Там же указано имя автора — Ф. Хорло. Поскольку он не указан в составе делегации, можно полагать, что автор подготовил статью о поездке монгольской делегации позже, после ее возвращения в МНР, основываясь на рассказах делегатов [2, с. 177]. Во втором параграфе (11–26 с.) под названием «12 декабря 1942 г. в 12 часов делегация во главе с маршалом Чойбалсаном отправилась на Западный фронт» описаны встречи с командованием фронта и 50-й армии, вручение монгольских наград и подарков. В честь приезда делегации МНР был открыт артиллерийский и минометный огонь по вражеским позициям. Далее делегаты побывали в полевом госпитале, на допросе военнопленного, гвардейском кавалерийском корпусе. Отмечено, что

маршал Чойбалсан подарил корпусу 1000 монгольских лошадей. Прославившимся артиллеристам и разведчикам были вручены ордена и медали МНР. Состоялись встречи делегатов МНР с местным населением, в частности с секретарем парткома в Детчино, руководством г. Нарофоминск. Районная администрация рассказала делегации МНР о создании партизанского отряда из местных жителей, участии трудящихся в воскресниках, восстановлении фабрик, школ, больницы, родильного дома, мукомольного завода и других объектов [2, с. 181].

В заключение параграфа приведены сведения о передаче Западному фронту танковой колонны «Революционная Монголия». Имеются фотографии под названиями «Монгольские делегаты во главе с маршалом Чойбалсаном приветствуют личный состав гвардейского кавалерийского корпуса», «Герой Монголии, маршал Чойбалсан осматривает снайперскую винтовку на встрече со снайперами гвардейского кавалерийского корпуса», «Маршал Чойбалсан награждает генерал-лейтенанта Булганина орденом Боевого Красного Знамени МНР» и др. В третьем параграфе (27–33 с.) говорится о встрече монгольских делегатов с И.В. Сталиным в Кремле, состоявшейся 2 февраля 1943 г. На ней также присутствовали В.М. Молотов, А.И. Микоян, Г.М. Маленков, Л.П. Берия, Г.К. Жуков, В.Г. Деканозов, Л.М. Каганович. Подробно записаны все детали торжественного приема, очередность тостов во время ужина и их содержание, награждение высшего руководства страны монгольским орденами. Завершает параграф описание просмотра участниками встречи фильма «Один день», посвященного разгрому фашистской группировки под Сталинградом. Отмечено, что во время просмотра Сталин несколько раз делал разъяснения всем присутствующим, а затем разъяснял некоторые моменты лично Чойбалсану. Молотов разъяснял Бумцэндэ, Маленков — Сурэнжаву. Встреча продолжалась с 19.30 до 23.10 [7, с. 33].

Четвертый параграф (34–43 с.) посвящен пребыванию монгольской делегации во главе с Председателем Президиума Малого Хурала МНР Г. Бумцэндом на Калининском фронте в декабре 1942 г. До места своего назначения в окрестностях городов Холм и Великие Луки делегация добиралась через города Калинин, Лихославль, Торжок, Кувшиново, Андринополь, Торопец. Для монгольских делегатов были организованы встречи с местным населением и немецкими военнопленными. У г. Холм делегация была встречена командованием 2-го гвардейского стрелкового корпуса. Далее делегаты посетили 38-й артиллерийский полк, 8-ю гвардейскую дивизию имени генерала Панфилова, бронетанковую часть корпуса, минометный дивизион, полевой госпиталь. Отмечается, что 46 вагонов с подарками 21 декабря 1942 г. были доставлены в штаб фронта. В числе подарков были теплая одежда, мясо, масло, водка, колбаса, печенье, юрты.

В пятом параграфе (44–51 с.) повествуется о поездке монгольских делегатов во главе с секретарем ЦК МНРП Сурэнжавом на Северо-За-

падный фронт. После встречи с командованием в штабе Северо-Западного фронта, делегация посетила 11-ю армию, артиллерийский полк, минометный дивизион, полевой госпиталь, где вручила подарки и письма-наказы офицерам и солдатам. В честь прибытия делегатов был открыт огонь по немецким позициям. Делегаты также побывали в армии под командованием генерал-лейтенанта А.И. Лопатина, авиационной эскадрилье, гвардейской стрелковой дивизии. Они также имели возможность участвовать в допросе немецких военнопленных. Вечером 23 декабря 1942 г. военный комитет Северо-Западного фронта организовал прощальный вечер для делегации МНР. Командование фронта выразило свою благодарность монгольскому народу. Всем делегатам были подарены пистолеты и автоматы с документами на них [4, с. 89].

Шестой параграф (52–61 с.) под названием «Делегаты во главе с командиром добровольческого кавалерийского отряда Мижидом на Волховском фронте», разделен на две части: 1. Делегация в пути; 2. На фронте. В первой части говорится о сборе подарков в восточных аймаках Монголии — Сухэ-Баторском, Восточном и Хэнтэйском. Следует заметить, что солдаты и офицеры МНРА и их семьи также собирали подарки, за годы они отправили одежду и продукты питания на сумму 10 млн тугриков, тысячи голов скота [6, с. 29–30]. 27 ноября 1942 г. эшелон в составе 41 вагона с подарками выехал из г. Чойбалсан. Далее сообщается, что проехав Борзю и Читу, делегаты прибыли в прекрасную столицу Бурят-Монгольской республики — г. Улан-Удэ. Их по-братски встретило республиканское руководство. Согласно источнику, с основной группой — тремя эшелонами во главе с маршалом Чойбалсаном, Бумцэндэ и Сурэнжавом, Мижид встретился в г. Свердловске. Затронут в первой части вопрос о распределении подарков по конкретным фронтам.

Вторая часть написана по традиционной схеме: прибытие в штаб фронта, посещение воинских частей и вручение подарков, допрос военнопленных. Так, делегаты МНР были в расположении отделения связи, стрелкового полка, бронетанковой части, артиллерийского дивизиона. Отличившимся бойцам и командирам были вручены памятные подарки, монгольские награды. В одной из воинских частей к Мижиду подошел солдат и спросил: «Много ли выпало снега в Баян-Тумэне и Сайншанде? Выпал ли снег в Улан-Баторе? Как проходит зимовка скота?». Оказалось, что он служил в Монголии во время конфликта на р. Халхин-гол. Впоследствии, как выяснилось, таких бойцов было много.

В седьмом параграфе (62–79 с.), разделенном на 6 маленьких частей, освещена поездка делегации во главе с главным секретарем ЦК МНРП Ю. Цеденбалом на Западный фронт. Подробно, с использованием литературных приемов, описаны митинг в г. Улан-Батор, выезд монгольской делегации и эшелона из 127 вагонов с железнодорожной станции Наушки. Далее отмечен путь делегатов, прибытие в города Но-

восибирск, Свердловск, Ярославль. 16 марта 1943 г. делегация МНР прибыла в Москву. До 22 марта 1943 г. делегаты находились в Москве, посетили музеи, метро и кинотеатр. С удивлением они отметили, что на одной из музейных картин Александр Невский изображен в одежде, покроем и узорах которой напоминали монгольские. Выехав в Тульскую область, делегация имела встречи с руководством области, посетила 61-ю армию. 25 марта 1943 г. делегаты, разделившись на две части, отправились в 342-ю и 356-ю дивизии, где вручили солдатам и командирам подарки. По нашим уточненным данным, монгольская делегация вручила подарки воинским частям 20-й, 61-й армий Западного фронта, 1-й гвардейской дивизии дальних бомбардировщиков близ Москвы, соединениям танковой армии Центрального фронта [1, с. 32] Далее делегаты побывали в Ясной Поляне, где осмотрели отреставрированный музей имени Льва Толстого. В заключении приведены данные о боях под г. Вязьма, разрушении города, возвращении делегатов в Москву.

Восьмой параграф «Делегация во главе с заместителем главкомандующего Лхагвасурэном в танковой армии» (80–90 с.) посвящен поездке делегации МНР в 1-ю танковую армию. 25 марта 1943 г. делегаты прибыли в расположение армии, имели беседы с армейским командованием, танкистами. Большое впечатление на делегацию произвели рассказы танкистов. Затем по бездорожью монгольские делегаты отправились на встречу с танкистами бригады «Революционная Монголия». Запомнилась делегатам первая встреча с танкистом, который задал им вопрос «Вы с какого аймака? Я командир танка имени трудящихся Булганского аймака. Оттуда есть люди?» [7, с. 89]. Другие танкисты также интересовались жизнью в монгольских аймаках, чьи названия были написаны на башнях танков. Например, особенно просили рассказать об аймаках Архангай и Баян-Олгий. Делегатам был представлен танк Т-34 имени маршала Чойбалсана. С восхищением они отмечали технические и боевые характеристики этого танка. Далее делегация МНР вручила танкистам подарки. Перед отъездом делегатов, командир танковой бригады сказал: «Мы освободим Харьков, Белгород, всю Украину. Мы — гвардейцы Сталина. Оправдаем надежды монгольского народа» [7, с. 90].

Завершая освещение раздела, отметим, что в 2015 г/ коллективом монгольских историков (Н. Хишигт, Ч. Дашдаваа, Ч. Болд, Ч. Баасанжаргал) под руководством директора Института истории и археологии МАН С. Чулууна был подготовлен и издан документально-иллюстративный альбом. Этот крупное исследование под названием «Монголын ард түмэн: бүхнийг фронтод, бүгдийг ялалтын төлөө (Монгольский народ: все для фронта, все для победы) посвящено памяти многих тысяч монгольских аратов, оказавших всемерную помощь советскому народу. В данном альбоме также представлены многочисленные архивные материалы о поездке делегаций МНР с подарками на советско-германский фронт [3, с. 206].

Второй раздел (91–109 с.) состоит из коротких рассказов некоторых делегатов о пребывании на фронте. Так, первый параграф содержит рассказ маршала Чойбалсана о его поездке в Москву (91–93 с.). Он записан корреспондентом газеты «Унэн» во время встречи с Х. Чойбалсаном 12 февраля 1944 г. В рассказе говорится о прибытии монгольского маршала в Москву 14 января 1944 г., успехах Красной Армии. Чойбалсан замечает, что в прошлом году он также был в Москве, именно в то время, когда была одержана историческая победа под Сталинградом. Упоминается, что он рассматривал трофейное немецкое вооружение на специальной выставке в Москве. Приводится его мнение о дальнейшем развитии военных действий: «1944 год станет годом еще больших побед над фашистскими войсками» [7, с. 93].

Во втором параграфе «Рассказ делегатов, доставивших подарки в танковую бригаду «Революционная Монголия» (94–97 с.) приводятся новые сведения о поездке делегации МНР. Отмечено, что 21 февраля 1944 г. эти данные были записаны корреспондентом газеты «Унэн». Согласно источнику, 1–2 января 1944 г. в Москву прибыли представители от танковой бригады «Революционная Монголия» и эскадрильи «Монгольский арат». Летчики и танкисты рассказали о своих боевых успехах, делегаты вручили подарки и награды. В свою очередь, монгольские делегаты рассказали о жизни в МНР. Их рассказ был с интересом выслушан представителями от танковой бригады и эскадрильи. Третий и последующие параграфы данного раздела, несомненно, также содержат короткие, но интересные сведения о пребывании делегаций МНР на фронтах Великой Отечественной войны. Не рассматривая их детально, мы лишь приводим названия этих параграфов — «Встреча старых друзей на фронте», «Рассказ делегата, народного артиста МНР Цэвэгмида», «Рассказ делегата, ударника труда Нямсүрэн», «Мы были на Западном фронте», «Рассказ делегата Янжинлхам».

В третий, «Литературный раздел» (110–171 с.) вошло много стихотворений, рассказов монгольских поэтов, писателей, а также участников делегаций МНР, непосредственно побывавших на фронте. Открывает раздел объемное стихотворение «Рапорт, отправленный великому учителю Сталину от Малого Хурала 25-го созыва» (110–124 с.). Начинается оно со слов «Ставшему солнцем для всех, любимому учителю Сталину...». В целом, в нем подчеркивается особая роль СССР, оказывающего всемерную помощь монгольскому народу. К примеру, есть такие строки: «Благодатный дождь идет с северной стороны... чистый ветер счастья дует с северо-западной стороны». Завершает стихотворение длинный список высших должностных лиц государства, поставивших подписи под рапортом. В самом конце написано имя автора — Ч. Дамдинсүрэн [7, с. 124]. За рапортом следует серия рассказов, в которых затронуты темы поездки монгольских делегаций на

фронт, советско-монгольского боевого братства, монгольских лошадей на фронте, участия танкистов в военных действиях. Приведем имена авторов и названия рассказов: «Торжественная передача танковой колонны «Революционная Монголия», Ч. Дамдинсурэн Ч. «Один день на фронте», Д. Цэвэгмид «Мы вместе с вами», М. Бизья «Песня о великой славе советских фронтовиков», Дамдин «Оба мои сыновья», Б. Ринчин (возможно, известный монгольский ученый Бямбын Ринчен — *авт.*) «Радостный авангард», Ф. Хорло «Черная верховая лошадь», Давасурэн «Отважные танкисты», Б. Ринчин «Все силы ради победы». Завершают раздел стихотворения военной тематики: Ч. Дамдинсурэн «Полярная звезда», Д. Сэнгэ «С фронта», Ц. Цэдэнжав «Священный СССР победил и уничтожил воинствующую Германию», Ч. Чимэд «Советскому пионеру», Д. Тарба «Танковая колонна», Ч. Лхамсурэн «Днепр». Все произведения, включенные в литературный раздел, подлежат дальнейшему углубленному изучению.

Сборник «О фронте», таким образом, является ценным источником, в котором отражена всемерная материальная и моральная помощь монгольского народа, оказанная Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны. Его материалы проливают свет на многие неизвестные вопросы пребывания монгольских делегаций на советско-германском фронте. Указаны маршруты делегаций, место и время посещения воинских частей, вручение подарков и награждение советских солдат и офицеров. Эти и другие ценные сведения, имеющие место в сборнике, несомненно, будут полезны для специалистов, занимающихся изучением вопросов Великой Отечественной войны, монголоведов, а также интересны широкой читательской аудитории.

Список использованной литературы и источников

1. Базаров Б. В. Монголия во Второй мировой войне / Б. В. Базаров, Л. В. Курас // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. — 2015. — Т. 12. — С. 30–39.
2. Базаров Б. В. Монгольские делегации на Западном фронте / Б. В. Базаров, Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Вестник Бурятского научного центра. — 2015. — № 4 (20). — С. 177–189.
3. Курас Л. В. Верные союзническому долгу (о помощи Монголии в годы Великой Отечественной войны) / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. — 2016. — № 3 (23). — С. 204–210.
4. Курас Л. В. Делегация МНР на Северо-Западном фронте (по материалам источника на старомонгольской письменности) / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Регион в приграничном пространстве: материалы международной научной конференции «Регион в приграничном пространстве» [в 2 ч.] / Забайкальский гос. Университет. — Ч. 1. — Чита : ЗабГУ, 2016. — С. 85–89.
5. Хишигт Н. Помощь монгольского народа Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны / Н. Хишигт // Монголия во Второй мировой войне : фотоальбом / науч. ред. Ч. Дашдаваа, Л. В. Курас. — Иркутск, 2011. — С. 71–74.

6. Цыбенов Б. Д. Советско-монгольское сотрудничество в годы Второй мировой войны / Б. Д. Цыбенов // Военно-исторический журнал. — 2013. — № 4. — С. 28–31.

7. Front-un tuqai [О фронте] — Улаҗан-Баҗатур [Улан-Батор], 1945. — 171 с. (на старомонг. яз.)

8. Монгол ба Орос Дэлхийн хоёрдугаар дайны жилүүдэд [Монголия и Россия в годы Второй мировой войны] / редактор Ч. Дашдаваа, Л. В. Курас. — Улаанбаатар : «Бэмби сан», 2011. — 264 с.

Информация об авторах

Курас Леонид Владимирович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kuraslv@yandex.ru.

Цыбенов Базар Догсонович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: bazar75@mail.ru.

Authors

Leonid V. Kuras — Doctor of History, Professor, Leading Scientific Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, 670047, e-mail: kuraslv@yandex.ru

Bazar D. Tsybenov — Ph.D. in History, Senior Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, 670047, e-mail: bazar75@mail.ru.

УДК 9(С18)17
ББК 63.3

М.Д. КУШНАРЕВА

ПЕРЕПИСКА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА СПИЧЕЧНОЙ И МЕХОВОЙ ФАБРИКИ «Н.П. РЫЛОВ И Ф.П. ЛЕСНИКОВ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ОПТОВОЙ ПУШНОЙ ТОРГОВЛИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье исследованы материалы коммерческой переписки представителей Акционерного Общества спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников», как эпистолярного источника по изучению проблем развития оптовой пушной торговли в Северо-Восточной Сибири. Анализ ранее не опубликованной коммерческой переписки позволяет исследовать особенности организации оптовой пушной торговли акционерного общества в Северо-Восточной Сибири периода модернизации.

Ключевые слова: переписка, акционерное общество, Северо-Восточная Сибирь, пушная торговля.

M.D. KUSHNAREVA

CORRESPONDENCE OF REPRESENTATIVES OF THE COMPANY MATCH AND FUR FACTORY «N. P. RYLOV AND F. P. LESNIKOV» AS A SOURCE FOR THE STUDY OF PROBLEMS OF WHOLESALE FUR TRADE IN THE NORTH-EASTERN SIBERIA IN THE EARLY XX CENTURY

The article investigated materials commercial correspondence of representatives of Joint Stock Company match and fur factory «N.P. Rilov and F.P. Lesnikov» as a source for the study of epistolary as a source for the study of the problems of the wholesale fur trade in the North-Eastern Siberia. An analysis of previously unpublished correspondence allows to investigate the commercial characteristics of wholesale fur trade of the company in the North-Eastern Siberia modernization period.

Keywords: correspondence, Joint Stock Company, North-Eastern Siberia, fur trade.

На территории Северо-Восточной Сибири в начале XX в. представители предприятий с крупным капиталом занимались развитием пушной торговли и снабжением промыслового населения товарами потребления в экстремальных условиях Крайнего Севера. В настоящее время эпистолярное наследие, оставленное нам представителями фирм с крупным капиталом, позволяет судить о масштабах их экономической деятельности на северо-востоке страны и решать многие вопросы современной жизни с учетом исторических традиций. Исследование и введение в научный оборот ранее не изученной коммерческой переписки позволяет по-новому взглянуть на организацию оптовой пушной торговли, которая тесно сочеталась с хозяйственным освоением отдаленных сибирских территорий, в период модернизации российской экономики.

Целью данной публикации является анализ особенностей переписки представителей Акционерного Общества «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников», как одного из неопубликованных источников эпистолярного вида по изучению проблем организации пушной торговли фирмами с крупным капиталом в Северо-Восточной Сибири.

Акционерное общество спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» было создано в 1914 г. вяткинскими крестьянами Н.П. Рыловым и Ф.П. Лесниковым, а также представителями торговых домов «А. В. Швецов и сыновья» и «А. и М. Молчановы и Быков». Главная контора акционерного общества располагалась в Москве. Анализ функционирования акционерного общества в сфере оптовой пушной торговли во многом опирается на эпистолярное наследие, оставленное представителями компании. Период активной деятельности общества в достаточно полном объеме был отражен в коммерческой переписке его распорядителей. Кроме того, переписка представителей акционерного

общества содержит значительное количество описаний особенностей организации оптового торгового дела на севере Якутской области, с которыми столкнулись акционеры на пути развития своего торгового дела.

В главную контору Акционерного Общества спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» в 1915 г. поступило одно из первых писем-отчетов бухгалтера Ивана Яковлевича Перевалова, в котором он описывал специфику ведения пушной торговли агентами акционерного общества с коренным населением Северо-Восточной Сибири. Приведем некоторые цитаты из письма И.Я. Перевалова. Итак, И.Я. Перевалов писал: «прежде чем приступить к описанию теперешнего положения северного рынка, позволю себе остановить Ваше внимание на положении торговли на севере до недавнего прошлого. На дальнем севере, имеющем до сих пор дело с Якутском, есть собственно три крупных пункта — это Булун, Усть-Янск и Среднеколымск. Характер торговли прошлого был совершенно одинаков во всех трех пунктах и носил исключительно меновой характер. Каждый торговец, имевший дело в этой местности, с осени привозил товары, раздавал их в долг приезжим тунгусам — своим должникам. Приблизительно в начале зимы объезжал своих должников, собирая промысел, и снова давал им в долг предметы первой необходимости, за которые должники рассчитывались весной. Всякий тунгус или якут, бравший в долг товар, считал себя обязанным отдать весь промысел своему кредитору, считая прямо таки за грех продать хоть часть своего промысла на сторону, хотя бы за более высокую цену. Таким образом, сама конкуренция между торговцами сводилась к отбитию известного промышленника, особенно, если это был не пьяница и не картежник, но редко промышленник уходил, переходил от одного к другому, даже если купец, по каким-либо причинам начинал пушнину принимать дешевле, а свой товар продавать дороже, чем это делали конкуренты. Промышленник все равно оставался до самой последней минуты верен своему купцу, разве что, разрешал членам своего семейства, например, взрослым сыновьям, иметь дело с другими купцами. Причем, и круг купцов тоже был ограничен. В то время он состоял исключительно из лиц или постоянно живущих в определенном пункте или постоянно приезжающих из Якутска на зиму. Но, по мере того, как кредит в Якутске стал доступнее и шире для якутских торговцев и под влиянием быстрых скачков стоимости пушнины, приносящей хорошие барыши северным торговцам, из Якутска на север стали наезжать торговцы по большей части без товаров, одними деньгами. Они мало по малу изменили меновой характер северной торговли и пробили брешь в патриархальных купеческих отношениях» [7, д. 32, л. 1–8].

В своем следующем письме в главную контору И.Я. Перевалов сообщал о трудностях скупки пушнины во время разъездной торговли. Приведем небольшую цитату из письма. «Все эти переезды приходится совершать прямо без дороги, иной раз, не выходя из кибитки по 30 часов это при

благоприятных условиях, а начнется пурга, которую заранее определить трудно, проездите по несколько суток без пищи и огня. Вот при таких-то условиях каждый имеет свой небольшой район. Один знает Усть-Янский, другой Аллазейский и так далее. Среди всех «инородцев» развито гостеприимство. Они для себя считают оскорблением, если приезжий купец, да особенно тот, с которым они имеют дело, приехавши, у них не переночевал, не угостил их как следует и еще не поиграл с ними в карты. Карты — это единственное развлечение севера. Нужно еще оговориться, что личные отношения в торговле северной имеют огромное, а порой решающее значение. И вот при всех этих обстоятельствах ясно, что для того чтобы иметь непосредственное отношение с тунгусами, нужно на всем протяжении этого огромного района рассеять приказчиков, которые бы собирали промысел тунгусов будучи около них все время» [7, д. 15, л. 11–13].

Не смотря на возникшие проблемы в организации оптовой пушной торговли Акционерного Общества спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» в северных округах Северо-Восточной Сибири, скупка пушнины в обмен на товары потребления для промышленного населения продолжалась.

Директором-распорядителем Якутского отделения акционерного общества был назначен Быков, который отправил в главную контору общества несколько писем.

В 1915 г. Быков телеграфировал в главную контору, что «предполагаем, что кроме купленной нами темной белки, будет 860 000 шкурок, купленных старыми конкурентами. Купили Никифоров. Кроме Расторгуева купили разные лица. Привезут 100 тыс. выпортков. 90 тыс. олекминской белки купили Громовы. Коковин соберут 100 тыс. Крупные сделки с белой начнутся на рынке к концу июля. Запрашивали красноярские, енисейские промыслы. Булунцы придерживают песка. Быков» [6, д. 29, л. 49].

Следующая телеграмма Быкова в главную контору поступила 24 июля 1915 г. В телеграмме Быков описывал ход торгов пушниной на летней Якутской ярмарке. «Алданскую белку Кушнарев купил кругом. Рынок остается исключительно Никифорова. Алданской и олекминской белки всего 600 тыс. в том числе половина старой дорогой. Партия в руках Тонконогова. Собираем мелочами. Покупаем темную. Если предложения в России нет, то думаю пока уклониться от покупок» [6, д. 29, л. 50].

29 июля 1915 г. Быков телеграфировал в главную контору, что «Тонконогов принял 50 000 белок, цены кругом. Партия среднего качества. Конкуренты покупают якутскую белку дорого. Сообщите настроение. Быков» [6, д. 29, л. 57].

В результате активной деятельности Быкова на Якутской ярмарке в 1915 г. Акционерным Обществом спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» были приобретены несколько крупных партий пушнины.

В начале 1916 г. акционерное общество столкнулось с проблемой поставки товаров потребления и продуктов питания для снабжения промыслового населения и организации меновой пушной торговли. Об этом в 1916 г. Быков телеграфировал в главную контору общества и писал, что «здесь осталось чая 1350 ящиков и 136 полуящиков в пути. Пушнина подорожала на 10 %. Громы, Кушнарёвы, Никифоров отказывают сбывать нам крупные партии. Клиенты сдали нам пушнину Коковина. Астраханцев и Силин ликвидируют торговлю. Куплен сахар Силина около 40 000 р.» [7, д. 5, л. 216].

Следующее письмо Быкова в главную контору акционерного общества в 1916 г. было посвящено росту конкуренции со стороны местных крупных фирм. 19 февраля 1916 г. Быков писал: «обращаю Ваше внимание на сложившееся положение и необходимость для нас иметь на своем кладе тяжеловесные товары. Теперь после ликвидации дела Силиных и Астраханцевых, кроме этих фирм тяжеловесные товары для наших клиентов поставляют только Кушнарёвы и Громы. Они при случае притесняют наших клиентов, требуя сдачи пушнины, если не в Якутске, то на месте по низкой цене. Список товаров и количество прилагаем. В этом списке количество товара сообразно потребности наших клиентов. Если товар продавать всем желающим, то завоз товаров нужно значительно увеличивать. Быков» [7, д. 5, л. 178].

Следующее письмо в главную контору Акционерного Общества спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» поступило от Быкова в марте 1916 г. Быков сообщал в главную контору о том, что «в нынешнем году пушнину не удалось купить того же качества и количества, которое было бы желаемо. Большую часть собрали и отдали дебитору Никифорову. Часть нельканской белки собрали Громы. Покупаем белку у других фирм. От нас ушел один из самых крупных дебиторов Борисов, который ранее кредитовался у нас на сумму, не менее 10 000 р. ежемесячно. Согласно распоряжения правления, было решено уменьшить сумму кредитования до 3000 р. в условие отдать долг пушной, в том числе белкой» [7, д. 5, л. 167].

В своем следующем письме в главную контору Акционерного Общества спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» Быков написал о причинах ухода из числа клиентов общества дебитора Борисова. Приведем небольшую цитату из его письма: «Никифоров и Кушнарёв отказывают продать разный мануфактурный товар Борисову и Яковлеву, не сдавши им пушной товар. Поэтому Борисов, нуждаясь товарами, отказался нам продавать на деньги. Сдал Никифорову 13 000 шт. белки и Кушнарёву 5 000 шт. белки. Яковлев сдал Кушнарёву 6 000 шт. белки по их цене. Одним словом не много дешевле нашей» [7, д. 5, л. 170].

Конкуренты Акционерного Общества спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников», обладая собственным речным транспор-

том, стратегическими складами в портах Охотского моря и возможностями проводить оптовую торговлю товарами потребления, вынуждали скупщиков и промысловиков сбывать им пушное сырье. Скупка пушнины на наличные деньги, без поставки товаров потребления и продуктов в промысловые районы приводила к потере клиентов акционерного общества, так как купить товары за наличные деньги в условиях северной торговли для них было достаточно проблематично. Для удержания устойчивых позиций в пушной торговле, акционеры в 1916 г. начали уделять большое внимание скупке пушнины за наличные деньги на ярмарках в Северо-Восточной Сибири. Правление акционерного общества направило в Якутское отделение указания о необходимости скупки крупных партий и сосредоточения большого количества отдельных видов в своих руках с целью заключения сделок с иностранными покупателями. Об этом в своих телеграммах в Якутское отделение Акционерного Общества спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» писал главный учредитель общества Н.П. Рылов из Харбина в 1916 г. Приведем текст одной из телеграмм Н.П. Рылова. «Горноста́й, белку, лисицу покупку усильте. Ценой не стесняйтесь. Старайтесь купить 100 000 шт. белки. На нее заказ из Америки. Цена безразлична. Товары покупайте в Иркутске. Старайтесь купить партию песка енисейского Кушнарева. За партию платим до 2 000 р. Старайтесь купить еще 10 000 шт. горноста́я. На него заказ из Америки. Цена безразлична. Сообщите в телеграмме цены на оймьяконскую белку, лисицу и горноста́й. Смело можете платить, если цена будет дороже. Партию Никифорова старайтесь купить. Предполагается отправить до Иркутска вагон чая, который прибудет в Иркутск через неделю. Сообщите, попадает ли чай в навигацию, если его отправить из Иркутска до Якутска через десять дней. Товары в Охотске и Аяне все закуплены. 3 сентября начали грузить. Сообщите об отходе парохода. Сообщите сколько куплено мамонтовой кости. Старайтесь отправить ее в Иркутск в эту навигацию» [7, д. 5, л. 171].

Определенный научный интерес для изучения проблемы организации оптовой пушной торговли на северо-востоке Сибири представляет цикл телеграмм Н.П. Рылова из Харбина, направленный в Якутское отделение Акционерного Общества спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» в 1919 г. Все телеграммы содержали внутреннюю шифровку. Так, в телеграмме от 8 сентября 1919 г. Н.П. Рылов давал указания относительно скупки определенных видов пушного сырья. «Сообщенные в телеграмме шестьдесят пятой цены на оймьяконскую белку, лисицу, горноста́й. Смело можете платить, если будет дороже за покупку. Тоже продолжайте. Курс 44. Последние цены на песка енисейские — 2500. Партию Никифорова старайтесь купить. Предполагают вагон чая. Франко. В Иркутск прибудет через неделю. Сообщите, попадет или нет в навигацию в Якутск. Если отправить в Якутск через десять дней пятьдесят четвертый. Рылов» [7, д. 5, л. 18].

Смысл данной телеграммы означал следующее. Прежде всего, Н.П. Рылов сообщал курс китайского юаня по отношению к российскому рублю. Благоприятный курс юаня, установившийся в 1919 г. позволял реализовывать крупные партии сибирской пушнины на китайском рынке с получением высокой прибыли. Последние цены на енисейского песца указаны по курсу доллара, который составлял в 1919 г. 72 р. за 1 дол. США. То есть за одну шкурку песца в Харбине платили 34 дол. Шестидесят пятой обозначалась белка в различных вариантах сортов. Общий шифр белки с хвостом был 10. Вариации шифра белки темной, красной, светлой, без хвоста составляли двузначные числа, например, чем темнее сорт, тем большее двузначное число выбиралось для обозначения. Колымская белка — 67, оймьяконская — 65, светлые сорта обозначались в категории чисел 60–64, красные сорта — 66.

Следующая телеграмма Н.П. Рылова из Харбина поступила в Якутское отделение акционерного общества 19 сентября 1919 г. «Товары в Охотске и Ане все закуплены. Третьего начали отправку. Сообщения об отходе парохода еще нет. Сообщите сколько куплено мамонтовой кости. Старайтесь отправить в Иркутск. Курс 42. Рылов» [7, д. 5, л. 19]. В телеграмме также сообщался курс юаня, который несколько снизился.

11 октября 1919 г. Н.П. Рылов снова телеграфировал в Якутск: «если предложенные Кушнаревым песцы хорошего качества, нормальной подвязкой, покупайте по 30 дол. Белку 50 центов, горностаи 2 дол. Франко. Владивосток покупайте. Условие 50 тыс. дол. внесу в Харбине или Владивостоке в течение 10 дней. Получение подтвердите. Совершайте остальные сделки в течение 60 дней со дня отправки товара из Иркутска. Если Кушнарев пожелает доллары реализовать курс можно здесь зафиксировать. В отправке товара из Иркутска во Владивосток опасности нет. Н.П. Рылов» [7, д. 5, л. 21].

Далее Н.П. Рылов продолжает контролировать из Харбина заключение крупной сделки с пушниной. В телеграмме от 19 октября 1919 г. он пишет «по моим сведениям, американцы предлагали песец Кушнареву только 23 дол. Если сведения держите его в секрете. Купите партию Кушнарева. Желательно потому, чтобы иметь песец в одних руках. Последнюю цену Кушнарева телеграфируйте. Приеду во Владивосток. Соболя осматриваю» [7, д. 5, л. 32].

Одна из последних телеграмм Рылова из Харина поступила в Якутское отделение акционерного общества в декабре 1919 г. Рылов телеграфировал: «закупку товаров можно сделать только во Владивостоке. Отправка в Харбин затруднительная. Товары, которые можно доставить во Владивосток купите и телеграфируйте. Цены очень высокие. Ситец обходится 300 р. Франко. Харбин. Рылов» [7, д. 5, л. 30].

В 1919 г. Акционерное Общество спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» прекратило свое существование. Все

имущество Якутского отделения общества было национализировано. Итогами его функционирования явились миллионные годовые обороты в сфере пушной торговли, лидирующие позиции во внешней пушной торговле как сырыми, таки и выделанными мехами, которые производились на меховой фабрике в с. Слободском Вяткинской губернии.

В заключении отметим, что исследование коммерческой переписки представителей Акционерного Общества спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников», позволяет осветить широкий спектр проблем организации оптовой пушной торговли в Северо-Восточной Сибири в начале XX в. При этом, степень достоверности данных коммерческой переписки достаточно высока. Для нас было важно рассмотреть эпистолярное наследие сибирских предпринимателей с точки зрения субъективности, сохранить детали, описанные в письмах, передать настроение, стиль и образ мыслей авторов посланий.

Список использованной литературы и источников

1. Кушнарера М. Д. Купеческая переписка как источник по изучению проблем развития пушной торговли крупным капиталом в Северо-Восточной Сибири по II половине XIX — начале XX вв. / М. Д. Кушнарера // Вестник Томского гос. ун-та. — 2016. — № 403. — С. 43–48.

2. Матханова Н. П. Воспоминания как источник по истории общественной мысли Сибири середины XIX в. / Н. П. Матханова // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. — Новосибирск : Наука., 1992. — С. 102–115.

3. Матханова Н. П. Письмо Н. М. Ядринцева сибирскому землячеству в Петербурге / Н. П. Матханова // Земля Сибирь. — Новосибирск, 1991. — С. 69.

4. Матханова Н. П. Эпистолярный корпус Корсаковых как источник для реконструкции культурной жизни Восточной Сибири в середине XIX века / Н. П. Матханова // Российская провинция XVIII–XX вв.: реалии культурной жизни : материалы III Всерос. науч. конф. — Кн. 2. — Пенза, 1996. — С. 298–306.

5. Матханова Н. П. Купец Прокопий Похолков и его мемуары / Н. П. Матханова // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. : сб. науч. тр. — Новосибирск : РИПЭЛ, 2009. — С. 137–143.

6. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС (Я)). — Ф. 418 (торговый дом А. и М. Молчановы и Быков). — Оп. 1.

7. НАРС (Я). — Ф. 420 (Акционерное общество спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников»). — Оп. 1.

Информация об авторе

Кушнарера Маргарита Дмитриевна — доктор исторических наук, доцент, кафедра сервиса и сервисных технологий, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, e-mail: rita270880@mail.ru.

Author

Margarita D. Kushnareva — Doctor of History, Associate Professor, Department of service and service technologies, Irkutsk State University, 1 Karl Marx St., Irkutsk, 664003, e-mail: rita270880@mail.ru.

УДК 615.01
ББК 63.3(2)

В.А. ПАРХОМОВ

**ГЕНЕАЛОГИЯ КАК МЕТОД
ОБЪЕКТИВНОГО ПОЗНАНИЯ ИСТОРИИ
(страницы жизни иммигранта из Европы
А.М. Бароцци де Эльс и его детей)**

На примере исследования жизни в России иммигранта из Европы А.М. Бароцци де Эльс и его детей, делается попытка обосновать цель генеалогического исследования не только для построения схемы родственных связей, но и как метод объективного познания исторических событий и окружения, в котором жили конкретные люди.

Ключевые слова: генеалогия, метод познания, история семьи Бароцци де Эльс.

V.A. PARKHOMOV

**GENEALOGY AS AN OBJECTIVE HISTORY
COGNITION METHOD
(pages of life of european immigrant
Barozzi d'Else and his children)**

The article attempts to substantiate the aim of genealogic research not only to outline related circuitry, but also to develop it as a objective cognition of historic facts and environment method on the basis of research of European immigrant Barozzi d'Else and his children life.

Keywords: Genealogy, method of cognition, Barozzi d'Else family history.

История есть связь историй жизни

Е. Евтушенко. Голубь в Сантьяго

В последнее время не утихают споры о том, каким быть единому учебнику истории, какие события прошлого в жизни России должны знать школьники? Другой не менее обсуждаемый вопрос, как преподавать историю? Если бы мне довелось поучаствовать в этой дискуссии, то я бы вспомнил свои школьные (1948–1958 гг.) и студенческие (1960–1965 гг.) годы, учителей, преподавателей, учебники и методы преподавания общественных дисциплин, в той мере, в какой сохранила их память 75-летнего старика.

Признаюсь, что история не была моим любимым школьным предметом, хотя я честно имею отличную оценку в аттестате зрелости. В университете, несмотря на почти карательные способы преподавания об-

щественных дисциплин, когда неуд или незачет по одной из них мог стать причиной отчисления, а высказанное вслух вольнодумство даже поводом для репрессий, мне удавалось и в университете получать отличные оценки. Но общее отношение к общественным дисциплинам, особенно к истории КПСС и ее преподавателям, были сугубо отрицательными, потому что сами педагоги, вбивая в головы студентов государственную идеологию, своими начетническими лекциями и пресечением любого инакомыслия на семинарах, отбивали охоту к познанию общественных наук вообще. Помню, на одном из семинаров по политэкономии (обсуждалась тема хозяйственного расчета при социализме), выступающая однокурсница, видимо в целях заслужить благосклонность преподавателя и хорошую оценку, заявила, что хозрасчет может быть только при социализме, а в США его нет. Я возмутился и стал возражать, утверждая, что у нас происходит как раз все наоборот: вопиющая плановая бесхозяйственность и строгий расчет капиталиста для достижения максимальной прибыли. В результате получил строгую отповедь преподавателя, отставного политрука-полковника, и обещание остаться без положительной оценки на экзамене. Для урегулирования конфликта (а это было на третьем курсе), пришлось отказываться от апологетики капиталистического способа хозяйствования, приготовить соответствующий реферат и защитить его на дополнительной консультации.

Поэтому в студенческих компаниях была очень популярна песня на мотив «Дубинушки». «Тот, кто физиком стал, тот грустить перестал. На физмате не жизнь, а малина. Только физика соль, остальное все ноль, а историк, филолог — дубина. Эх, дубинушка! Ухнем!».

На фоне сказанного, я и предполагать не мог, что в корне изменю свое отношение к истории. Более того, увлекшись генеалогией, стану все свободное время заниматься историческими поисками, познаю не меньшую по сравнению с физическими открытиями, радость исторических открытий, пойму, что пыльный архив можно сравнить и с физической лабораторией, и с Вселенной, и космосом прошлого.

Поэтому, одним из методов изучения истории, стимулирующих в школьниках стремление к ее познанию, я бы предложил ввести в школах курс «Генеалогии». Главным достоинством курса считаю объективность метода познания истории, поскольку дерево жизни своих предков можно вырастить только на основе объективных данных, содержащихся в документах, свидетельствах и вещах прошлого. Познавая жизнь своих предков, ученик непременно попытается узнать о событиях прошлого, людях, которые их окружали и общественной обстановке, в которой они жили. Интерес к познанию среды обитания и, как следствие, истории общества, в котором жили пращуры, станет естественным. Такой способ познания истории будет более объективным, и не будет зависеть от ее чистки и правки историками, состоящими на довольствии в отделах

пропаганды и агитации на потребу существующей власти при любом государственном устройстве.

Свои предложения хочу поддержать авторитетом крупнейшего генеалога дореволюционной России, основателя научной генеалогии как специальной исторической дисциплины, Л.М. Савелова [5]. «Генеалогия есть построенное на достоверных документах и других источниках доказательство родства, существующего между лицами, имеющими общего родоначальника или потомка, независимо от общественного положения этих лиц. Генеалогия есть история рода во всех проявлениях жизни его представителей, как общественной, так и семейной». То есть, наряду с фактической реконструкцией родословных деревьев, генеалогия выполняет исследования истории семей, их социального статуса, имущественного положения, места в системе государства, вклада в общественную и культурную жизнь.

Иммигрант из Европы. Попытаюсь обосновать сказанное, некоторыми результатами исследования жизни в России моего предка по материнской линии, иммигранта из Европы Антона Матвеевича Бароцци де Эльс (1758 — ?) и судеб его дочери Александры (1793–1836) и сына Ивана (1805–1863).

Согласно обширной картотеке, содержащей персональные данные около 100 тыс. иностранцев, живших и работавших в России до 1917 г., составленной немецким энтузиастом, профессором Эриком Амбургером [18], Антон Матвеевич Бароций де Ельса — итальянец (написание фамилии меняется в разных источниках). К сожалению, за все время поисков не удалось установить, откуда он приехал в Россию и точную дату прибытия. Однако можно предполагать, что его появление, как и многих других иностранцев в эти годы, связано с Манифестом Екатерины II от 22 июля 1763 г. «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселиться в которых Губерниях они пожелают и о дарованных им правах».

Первым документальным упоминанием о службе и дворянстве Антона Матвеевича служит список лиц в книге В.П. Степанова «Русское служилое дворянство второй половины XVIII в. (1764–1795)» [19, с. 93].

В паспорте [17, л. 1–1 об.] уже 38-летнего Антона, подписанного императрицей Екатериной 7 марта 1796 г., написано (паспорт в те годы представлял рукописное изложение сведений о лице), что Бароций де Ельса гиттенфервалтер (10 класс в табели о рангах, что соответствовало воинскому званию штабс-капитан. Прим. автора) Нерчинских заводов Горной экспедиции Кабинета ЕИВ, в службу вступил 5 апреля 1787 г. учителем в Горное училище в Санкт-Петербурге, преподавал немецкий и французский языки в средних классах, историю и географию в младших. Служа в училище в 1788 г. произведен в чин маркшейдером (9 класс в табели о рангах или капитан. Прим. автора) тех же заводов и оставлен помощником инспектора Училища.

Здесь я вновь вступаю в область предположений. Вероятно, после приезда в Россию, до момента вступления в службу преподавателем Горного училища, Антон Матвеевич служил по горному ведомству, поскольку уже имел не маленький чин 10 класса в табели о рангах и дворянский титул, а этот чин нужно было где-то заслужить.

После службы преподавателем в Горном училище, он в течение трех лет с 1793 по 1796 г. исполняет разные должности в горной экспедиции Ведомства ЕИВ (ее императорского величества) по Кольвано-Воскресенским и Нерчинским заводам, получив классный чин обер-гиттенфервалтера. В 1796 г. он переходит на службу в Монетный департамент Берг-коллегии¹ в Московской Берг-конторе и, имея титул надворного советника, исполняет разные должности в Санкт-Петербургском монетном департаменте в Москве. По смене названий мест службы видны происходящее в это время реформы горного департамента России [6, с. 11; 7, с. 12; 8, с. 140; 9, с. 145].

Считаю важным подчеркнуть, что удалось установить место жительства в Москве Антона Матвеевича. Вот выписка из архивного рапорта от 1803 г. [16, л. 4]. «В берг-контору по слушанию рапорта, поданного от берггетварена Васильева, коим показывает, что по положению штата назначено быть при берг-конторе чертежной для исправления по заводской части планов. А как для оной никакого места еще не отведено просить не благоволит ли берг-контора поместить в имеющемся на монетном дворе прежде сего занятых надворным советником Бароцци де Эльсом покоях, найдя оных к тому способными».

Таким образом, Антон Матвеевич проживал на территории монетного двора. Вероятно, речь идет о Красном (Китайский, Старый) монетном дворе в Москве у Китайгородской стены. В конце XVIII в. Московский Красный монетный двор начинает постепенно терять свое значение. С 1798 г. Москва почти на полтора столетия лишается монетного двора. В связи с этими обстоятельствами и реформами Монетного департамента Антон Матвеевич переводится в московскую берг-контору.

Антон Матвеевич и его супруга (имя установить не удалось) воспользовались пунктом 6 Манифеста Екатерины II от 22 июля 1763 г. «Но чтоб все желающие в Империи Нашей поселиться иностранные видели, сколь есть велико для пользы и выгодностей их Наше благоволение; то Мы соизволяем: Всем прибывшим в Империю Нашу на поселение иметь свободное отправление веры по их уставам и обрядам безпрепятственно» и сохранили католическое вероисповедание.

Итак, архивные документы, сведения в литературном источнике и базе данных [18] позволили выяснить не только сам факт появления в

---

¹ Берг-коллегия — орган по руководству горнорудной промышленностью в России; учреждена в 1719 г. по инициативе Петра I. Действовала в 1719–1731, 1742–1783 и 1797–1807 гг.

России А.М. Бароцци де Эльс, но и проследить его служебную карьеру и определить место жительства.

Какова судьба его детей, в какой среде они жили? Достоверно известно, что в семье было, по крайней мере, двое детей — дочь Александра и сын Иван.

Дочь Александра — жена поэта М.Е. Лобанова. Александра Антоновна Бароцци де Эльс родилась в Санкт-Петербурге в 1793 г., когда отец преподавал в Горном училище. Судя по тому, что упоминания об Александре встречаются во многих литературных источниках Бароцци де Эльс были вхожи в высшее общество столицы. Подтверждением этого предположения может служить и замужество Александры. Она вышла замуж в 23 года за известного в те времена писателя и поэта, библиотекаря Публичной Библиотеки, академика Российской академии наук Лобанова Михаила Евстафьевича (1787–1846) [4], а посаженной матерью на свадьбе Александры и Михаила в октябре 1816 г. была Е.М. Оленина. Елизавета Марковна, дочь директора Певческой капеллы М.Г. Полторацкого (1729–1795). Будучи женой А.Н. Оленина была хозяйкой усадьбы «Приютино» под Петербургом, где собирались известные литераторы и художники. Ее муж Оленин Александр Николаевич — российский государственный деятель, историк, археолог, художник, академик. Он с 1811 г. был директором Императорской Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге (где библиотекарем служил Михаил Лобанов).

Семья Лобановых не оставила потомков. Упоминания об Александре Антоновне как о человеке большой души и ее встречах с окружением А.С. Пушкина, А.А. Дельвига, И.С. Крылова, Н.И. Гнедич, Ф.В. Булгарина встречаются в различных литературных источниках. Особенности характера и детали семейной жизни Александры Антоновны можно найти в воспоминаниях М.Ф. Каменской, книге Б.Л. Модзалевского «Пушкин и его современники», переписке Н.И. Гнедич. Привожу несколько цитат из этих источников. Вот фрагмент из письма Софьи Михайловны Дельвиг (жены Антона Дельвига и большой приятельницы А.С. Пушкина) от 16.11.1825 г., адресованного одной ее далекой оренбургской подруге, А.Н. Семеновой. «Я приобрела множество новых знакомств из коих лишь некоторые мне приятны, — это близкие знакомые моего мужа, как Козловы, Гнедич, Пушкин (Левушка как его называют — это брат Александра), г-жа Воейкова, которую я уже немного знала, Лобановы (переводчик «Ифегении» и «Федры»), все это славные люди без малейших претензий»¹ [10, с. 54].

М.Ф. Каменская вспоминала в своих записках: «Супруги (Александра Антоновна и Лобанов) прожили вместе ровно 20 лет; посаженной

¹ Лобанов перевел на русский язык трагедии Жана Расина «Ифигения в Авлиде» (1815) и «Федра» (1823). Автор мемуарно-биографических трудов «Жизнь и сочинения Н. И. Гнедича» (1842) и «Жизнь и сочинения И. А. Крылова» (1847) [4].

матерью на их свадьбе в октябре 1816 г. была Е. М. Оленина». Она пишет: «Через дом от нас, стена об стену с Гречем, жил тоже на одном дворе друг Николая Ивановича, известный переводчик классиков, Михаил Астафьевич Лобанов, бывший в то время учителем русского языка великой княгини Александры Федоровны. Окончив давать уроки императрице Александре Феодоровне, вышел в отставку, купил себе дачу с большим садом, на Карповке, стена об стену с дачею старика балетмейстера Дидло и жил там с женою своею Александрой Антоновною, прелестной женщиной, которая была очень дружна с моей матерью и меня, маленькую, очень любила. У этой четы детей не было, было три собачки, которых муж и жена любили как родных детей» [3, с. 67].

Другой фрагмент воспоминаний. «У Греча почти постоянным гостем был Фаддей Венедиктович Булгарин, а у Лобановых — Иван Андреевич Крылов и Николай Иванович Гнедич. Хорошо помню всех этих господ, помню именно такими, какими они были тогда. <...> Михаил Астафьевич Лобанов в манерах был нежен до приторности, говорил тихо и сладко. Лицом был похож на легавую собаку и даже на ходу поводил носом, точно все что-то нюхал... Меня и мою ровесницу, дочь Вольферта Гетиньку, яростно ненавидел: из боязни, чтобы мы не сорвали у него цветов, гонял нас от своего сада хворостинами и метлами. А ведь после, когда бедная Александра Антоновна умерла, а мы обе выросли, он сватался за обеих, и на бедной Гетиньке даже женился. Как, подумаешь, времена-то переходчивы!» [3, с. 68].

Интересен фрагмент, показывающий взаимоотношения великих людей прошлого. «Теперь надо рассказать, какой был тогда еще не старый и не дедушка Крылов. Грязный был голубчик, очень грязный! Чистой рубашки я на нем никогда не видала; всегда вся грудь была залита кофеем и запачкана каким-нибудь соусом; кудрявые волосы на голове торчали мохрами во все стороны; черный сюртук всегда был в пуху и пыли; панталоны короткие, как-то снизу перекрученные, а из-под них виднелись головки сапог с желто-грязные голенища. Да, не франт был Иван Андреевич, и несмотря на это, ему все смотрели в глаза и чуть на него не молились. Всегда к его приезду m-me Греч и Лобанова старались ему приготовить к обеду что-нибудь его любимое, вкусное. Как теперь его вижу, как он сидит у Лобановых за столом, жадно ест солонину и говорит: «Нет, господа, это еще не решено, что лучше: солонина горячая или холодная!» [3, с. 157].

После смерти в сентябре 1836 г. Александры Антоновны Михаил Евстафьевич написал в 1837 г. стихотворение «Гвоздика». По мнению литературоведов, это стихотворение было подношением Анне Алексеевне Олениной и дань памяти Александре Антоновне «на пиру сей жизни отгостившей».

Могила Александры Антоновны сохранилась на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге. На могиле памят-

ник с барельефом и стихами мужа «И дружба, и любовь и самый прах мне милой, все, все поглощено могилой».

Справка: Номер захоронения: 623. Год создания неизвестен, скульптор/архитектор — неизвестен. Материал: Жертвенник с барельефным портретом — белый мелко-, среднезернистый однородный мрамор, постамент — серый среднезернистый с включениями зеленого минерала (актинолит) мрамор; основание — розовый порфировидный гранит. Местонахождение: в северо-восточной части Некрополя, вдоль Мартосовской дорожки [11].

Генерал-майор Иван Антонович Бароцци де Эльс — ревизор по железо-чугунному и солеваренному производствам при генерал-губернаторе Муравьеве-Амурском.

В формулярном списке «О службе и достоинстве» в графе происхождение записано: из московских дворян [2, л. 1]. Иван родился в Москве, поскольку отец в год его рождения служил надворным советником при монетном дворе. Начальное образование Иван получил в Москве, где в это время проживала семья. 14 декабря 1816 г. в возрасте 11 лет он был определен в Горный Кадетский Корпус, так с 1805 г. стало называться Горное училище, где ранее преподавал отец.

Жизненный путь Ивана Антоновича, выдающегося деятеля в освоении Восточной Сибири, геолога, металлурга и ревизора Главного управления Восточной Сибири по железо-чугунному и соляному производствам детально описан в публикациях [14–15]. Среди главных дел Ивана Антоновича можно считать его 13-летнее управление (1833–1846 гг.) Каменск-Уральским металлургическим заводом, главной задачей которого было производство артиллерийского вооружения Российской армии. Артиллерийские орудия разных типов (единороги и мортиры) были на вооружении Российской армии во многих войнах.

Единороги, отлитые на заводе, с клеймом «Управ зав Бароцци де Эльс» на цапфах орудий, находятся сегодня там же, где они использовались для отражения атак неприятеля во время Крымской войны на Четвертом бастионе. Сегодня это Исторический бульвар, где расположена панорама героической обороны г. Севастополя [13, с. 6].

Четвертый бастион защищал город в центральной части во время многочисленных штурмов. Он входил во вторую дистанцию оборонительной линии, командовал которой вице-адмирал Ф.М. Новосильский. Бастион был превращен в грозное укрепление. К августу 1855 года здесь находилось около 100 орудий. В 1905 г. в центре бывших позиций установлен памятник воинам 4-го бастиона.

Неподалеку от памятника защитникам 4-го бастиона установлена стела из полированного гранита с барельефом из белого мрамора, изображающим Льва Николаевича Толстого. Надпись на стеле гласит: «Великому русскому писателю Л. Н. Толстому — участнику обороны

Севастополя на 4-м бастионе, 1854–1855 гг.» [12]. Поручик Лев Толстой воевал артиллеристом на 4 бастионе и значит, с высокой вероятностью, мог командовать стрельбой из Каменных единокоргов! Четвертый бастион так и не был взят до оставления города. Вот строки из рассказа Льва Николаевича «Севастополь в декабре месяце»: «Когда кто-нибудь говорит, что он был на четвертом бастионе, он говорит это с особенным удовольствием и гордостью; когда кто говорит: «Я иду на четвертый бастион», непременно заметны в нем маленькое волнение или слишком большое равнодушие; когда хотя бы подшутить над кем-нибудь, говорят: « Тебя бы поставить на четвертый бастион»; когда встречают носилки и спрашивают: «Откуда?» — большей частью отвечают: «С четвертого бастиона». Вообще же существует два совершенно разных мнения про этот страшный бастион: тех, которые никогда на нем не были и которые убеждены, что четвертый бастион есть верная могила для каждого, кто пойдет на него. И тех, которые живут на нем, как белобрысенький мичман, и которые, говоря про четвертый бастион, скажут вам. Сухо или грязно там, тепло или холодно в землянке и т.д.» [20, с. 86].

Во время войны в 1853–1856 гг. Иван Антонович возглавлял строительство нового Николаевского железодельного завода в Иркутской губернии, а затем был его управляющим. Как знак участия в Крымской войне он пожалован бронзовой медалью «В память войны 1853–1856 гг.» на Владимирской ленте.

Встречался ли Иван Антонович с сестрой? Вероятно, при воскресных выходах в город во время обучения в Горном Кадетском Корпусе он непременно мог гостить у сестры, которая в это время уже была замужем. Встречи могли быть и после окончания Иваном корпуса, когда он служил в Олонецких заводах и при Горном корпусе в 1825–1827 гг. Он мог посетить сестру и в 1831 г., поскольку 22 декабря был командирован в Санкт-Петербург для сопровождения транспорта с золотом и платиной за вторую половину 1831 г. [2, л. 4]. К сожалению, достоверных сведений о встречах брата и сестры найти не удалось.

Иван Антонович умер в 1863 г. и был похоронен на Иерусалимском кладбище в Иркутске по католическому обряду с почестями, предусмотренными для военных генералов [1, с. 170–172].

Заключение. Сегодня генеалогия стала не только разделом исторических наук, увлечением людей разных возрастов, но и видом бизнеса предприимчивых историков. Можно заказать свое родословное дерево, а его стоимость (от 5 до 50 тыс. дол.) будет определяться глубиной поиска. Но настоящие любители генеалогии объединяются в общества, издают свои газеты и сборники статей. Радует факт, что возникают и школьные объединения любителей истории и генеалогии, которые проводят свои съезды и конференции. В качестве примера можно привести

ежегодную конференцию по генеалогии, которая проводится в школе № 7 п. Култук Слюдянского района Иркутской области.

По мере развития информационных технологий появляются новые возможности проведения генеалогических исследований. В свободном доступе находится программа «MyHeritage», которая позволяет исследовать свою семейную историю, построить генеалогическое древо, добавить в него фотографии, исторические документы.

Генеалогическую информацию теперь можно получить и в большинстве архивов России, где проведена большая работа по оцифровке архивных документов. К сожалению, не все архивные документы находятся в свободном доступе, и архивы предлагают оплатить стоимость копирования.

Огромное количество архивных источников хранится в сети Интернет. Созданы тематические сайты, на которых пользователи обмениваются информацией, обсуждают проблемы поисков, выставляют найденные фотографии и документы. Такой инструментарий может помочь и школьникам в проведении генеалогических исследований.

Дополнительные часы в расписании школьных занятий, на мой взгляд, могут быть выделены за счет планируемого преподавания в школе закона божьего.

Список использованной литературы и источников

1. Гаращенко А. Н. Бароцци де Эльс Иван Антонович (1805 — 19 апр. 1863) / А. Н. Гаращенко // Иркутский исторический некрополь. — Иркутск, 2016. — 464 с.
2. Государственный архив Свердловской области. — Ф. 27 (Формуляр о службе и достоинстве горного инженер-подполковника Бароцци де Эльс). — Оп.1. — Д. 717.
3. Каменская М. Ф. Воспоминания / М. Ф. Каменская. — М.: Худ. лит., 1991. — 367 с.
4. Лобанов М. Е. Биографическая справка. [Электронный ресурс] / М. Е. Лобанов. — История библиотеки. — Режим доступа : http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/-info.php?id=100.
5. Любимов А. А. Отголоски из русского зарубежья: Леонид Михайлович Савелов [Электронный ресурс] / А. А. Любимов // Русский Вестник. — 2003. — 18 февр. — Режим доступа : <http://www.rv.ru/content.php3id>.
6. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождения Христова. — СПб.: Императ. Акад. наук, 1793. — 199 с.
7. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождения Христова. — СПб.: Императ. Акад. наук, 1795. — 212 с.
8. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождения Христова. — СПб.: Императ. Акад. наук, 1802. — 208 с.
9. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождения Христова. — СПб.: Императ. Акад. наук, 1803. — 597 с.
10. Модзалевский Б. Л. «Пушкин и его современники». Избранные труды (1898–1928) / Б. Л. Модзалевский. — СПб.: Искусство, 1999. — 175 с.

11. Некрополь Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://lavgaspb.ru/ru/nekropol/view/item/id/720/catid/3>.

12. Памятники Севастополя. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.sevmonument.ru/readarticle.php?article_id=34.

13. Пархомов В. А. Бароцци и искать, найти и не сдаваться. Памятник иркутскому ревизору на Историческом бульваре Севастополя / В. А. Пархомов // Байкальские вести. — 2016. — № 55. — С. 12.

14. Пархомов В. А. Иван Антонович Бароцци де Эльс — геолог, металлург, берг-инспектор / В. А. Пархомов // Известия лаборатории древних технологий. — 2011. — № 2 (19). — С. 62–75.

15. Пархомов В. А. О становлении черной металлургии в Иркутской губернии и ее основателе И.А. Бароцци де Эльс / В. А. Пархомов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2011. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2011. — С. 75–85.

16. Российский государственный архив древних актов. — Ф. 271 (О помещении в Москве чертежной в доме, где жительство имел член берг-конторы Бароцци де Эльс и о покупке инструментов для оной). — Оп. 1-V. — Д. 10.

17. Российский государственный исторический архив. — Ф. 468. — Оп. 37. — Д. 249.

18. Сахаров И. В. Поколенные росписи и другие генеалогические материалы из собрания Эрика Амбургера, относящиеся к выходцам из-за границы и их российским потомкам. [Электронный ресурс] / И. В. Сахаров. — Российская национальная библиотека. — Режим доступа : <http://www.nlr.ru/nlr/div/genealogy/amburger.html>.

19. Степанов В. П. Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795) / В. П. Степанов. — СПб. : Акад. Проект, 2003. — 829 с.

20. Толстой Л. Н. Севастополь в декабре месяце / Л. Н. Толстой // Собр. соч. — Т. 2. — М. : Худ. лит., 1973. — 399 с.

Информация об авторе

Пархомов Владимир Александрович — доктор физико-математических наук, профессор, кафедра информатики и кибернетики, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина 11, e-mail: pekines_41@mail.ru.

Author

Vladimir A. Parkhomov — Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Department of Informatics and Cybernetics, Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: pekines_41@mail.ru.

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2Рос)

*Ю.А. ПЕТРУШИН,
С.И. КУЗНЕЦОВ*

ИСТОРИК МОНГОЛОВЕД

Исследуются основные вехи творческой биографии известного иркутского ученого монголоведа, доктора исторических наук, профессора Евгения Ивановича Лиштованного.

Ключевые слова: ученый, история, монголовед, международная деятельность.

*YU.A. PETRUSHIN,
S.I. KUZNETSOV*

MONGOLIAN STUDIES HISTORIAN

The article studies main landmarks of Evgeniy Ivanovich Lishtovanny's works who is famous Irkutsk Mongolian studies historian and Doctor of Historical Sciences.

Keywords: scientist, History, Mongolian studies historian, international activity.

Исполнилось 60 лет со дня рождения известного сибирского историка, доктора исторических наук, профессора Е.И. Лиштованного. Он родился 12 августа 1956 г. в г. Слюдянке, в семье железнодорожника. Здесь, возле Байкала он провел свое детство и юность, напитавшись благодатным и живительным духом священного моря. Затем служба в Советской Армии, после которой он поступил в Иркутский государственный университет на исторический факультет. Волею судьбы он оказался в поле зрения известного ученого, профессора Иркутского университета Б.С. Санжиева, занимавшегося монгольской проблематикой. Маститый историк увлек вдумчивого студента Е. Лиштованного историей советско-монгольских связей, которая в дальнейшем стала стержневой в его научной биографии.

Студенческие годы летели быстро, но плодотворно. По совету своего опытного наставника, Е. Лиштованный работает с источниками и литературой по теме и одновременно занимается публикаторской деятельностью. Заметим, что профессор Б.С. Санжиев требовал от своих учеников популяризации научных знаний в периодической печати, лекционной работе. Не случайно, первые 9 статей по советско-монгольской тематике были опубликованы Е. Лиштованным в иркутской периодической печати еще в студенческие годы. Эта тематика в тот период была востребована. Крепли и развивались советско-монгольские экономиче-

ские, политические и культурные связи. Много монгольских студентов обучалось в Иркутском госуниверситете, вузах нашего города.

В ту пору все эти процессы протекали под контролем партийного руководства. Обойти этот аспект в научных изысканиях было практически невозможно. Е. Лиштованный в своих ранних публикациях обращался к рассмотрению деятельности КПСС и МНРП по совместной борьбе за мир на Азиатском континенте, этапам социалистической интеграции, подготовке кадров. Постепенно акцент его научного поиска все более смещается в сторону изучения темы сотрудничества историков Иркутского и Монгольского университетов, а подготовка научно-педагогических кадров оставалась на перспективу.

После окончания университета Е.И. Лиштованный начинает свою научно-педагогическую деятельность преподавателя исторического факультета. Он много времени уделяет занятиям с монгольскими студентами, готовит для них учебно-методические рекомендации, выезжает с этнографическими экспедициями в Монголию, завязывает новые контакты с учеными монголоведами, приобщается к монгольскому языку, готовит материал для будущего научного исследования.

Накопленный материал Е.И. Лиштованный обобщил в кандидатской диссертации «Сотрудничество КПСС и МНРП в руководстве подготовкой кадров народной интеллигенции МНР: 1920–1980-е годы (на материалах Восточной Сибири)» успешно защищенной в Совете при Иркутском госуниверситете в 1987 г.

После защиты кандидатской диссертации, молодой ученый выезжает в длительную командировку в Монголию. Здесь он работает в архивах, изучает местную периодику, совершенствуется в знании монгольского языка, публикуется в научных изданиях Монголии. Е.И. Лиштованный внимательно наблюдает за противоречивыми процессами трансформации Монголии в 1990-е гг., изменениями в российско-монгольских отношениях.

В этот период он переходит на преподавательскую работу на кафедру мировой истории и международных отношений ИГУ (зав. кафедрой профессор Г.Н. Новиков). Е.И. Лиштованный читает студентам лекционные курсы по истории стран Азии и Африки, спецкурсы по истории Монголии, расширяет проблематику научных изысканий, работает над историографическими и теоретико-методологическими вопросами будущего научного исследования. Итогом кропотливой работы явилась монография Е.И. Лиштованного «Исторические взаимоотношения Сибири и Монголии: культура и общество (XIX в. — 30-е гг. XX в.)», изданной в Бурятском научном центре СО РАН в Улан-Удэ в 1998 г. Монография стала основой диссертационного исследования Е.И. Лиштованного «Россия и Монголия в XX веке: Региональный опыт взаимоотношений (на материалах Восточной Сибири)», представленного на соискание ученой степени доктора исторических наук. Диссертация была успешно защищена на заседании диссертационного

Совета при Иркутском госуниверситете в 1998 г. Научным консультантом по диссертации стал один из учителей Е.И. Лиштованного профессор В.Т. Агалаков. Оппонентами по диссертации выступили профессора В.Ц. Ганжуров, И.И. Кузнецов, И.В. Наумов. Ведущей организацией стал Институт Монголоведения, Буддологии и Тибетологии БНЦ СО РАН.

Защита докторской диссертации Е.И. Лиштованного проходила в период сложных отношений двух стран, но они не изменили основ положительных связей, накопленных за предыдущие десятилетия. Более того, Е.И. Лиштованный отстаивал тезис, что двухсторонние связи России и Монголии будут и впредь развиваться в их «сибирском варианте». При этом соискатель проявил знание подходов исследователей США, Франции, Англии, Германии, Японии к изучению монгольской истории. Он непосредственно участвовал в работе международных симпозиумов в Монголии, Франции, Японии.

Объектом исследования докторской диссертации Е.И. Лиштованного являлись взаимосвязи Восточной Сибири и Монголии за 100-летний период. Ряд источников исследователь использовал впервые, причем на монгольском языке. Присутствие сибиряков в монгольском обществе, по мнению Е.И. Лиштованного, оказало существенное влияние на политическую, экономическую и культурную жизнь послереволюционной Монголии. Одним из важнейших направлений сотрудничества двух стран стали прочные связи учебных заведений Иркутска, Улан-Удэ и Улан-Батора. Практика показала правоту теоретических выводов исследователя.

Успешная защита докторской диссертации определила для Е.И. Лиштованного достойное место среди историков-монголоведов, позволила успешно руководить дипломными и аспирантскими проектами по теме, войти в состав ученого Совета ИГУ по защите докторских диссертаций, а с 2008 по 2015 г. возглавлять диссертационный Совет по историческим наукам при Иркутском государственном университете.

За 10 лет со времени защиты докторской диссертации до 2008 г. Е.И. Лиштованный опубликовал 26 статей по изучаемой проблематике, активно участвовал в международных симпозиумах по монголоведческой тематике, уделял большое внимание подготовке российских и монгольских историков. Не случайно, в 2005 г. он был избран деканом исторического факультета ИГУ, проработав в этой должности по 2011 г.

Изучение творческой биографии профессора Е.И. Лиштованного наталкивает на мысль, что в ней чередуется научная деятельность и педагогическая практика с международной деятельностью ответственного работника администрации Иркутской области. Заслуги Е.И. Лиштованного в деле изучения исторического прошлого Монголии, а также в подготовке высококвалифицированных кадров для соседней страны отмечены монгольскими наградами. Он удостоен знака «Передовой работник науки Монголии». Многолетний педагогический труд профессора в 2011 г.

был отмечен званием Почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации. В последние 5 лет профессору Е.И. Лиштованному судьба предоставила возможность применить свои теоретические знания в Монголии в практической деятельности. В 2011 г. Евгений Иванович переходит на дипломатическую работу — знания востоковеда-теоретика он успешно применяет в практической работе. Он становится главой представительства Иркутской области в Монголии. Работая в этой сфере, Евгений Иванович проявил незаурядные дипломатические способности, организуя многочисленные встречи и переговоры представителей Иркутской области — бизнесменов, политиков, руководителей экономики, образования и культуры с монгольскими партнерами. При его непосредственном участии в Монголии проведена презентация Иркутской области в Монголии (2013 г.). Участие Иркутской области, во многих международных мероприятиях в соседней стране стало одним из значимых шагов в расширении связей с соседней Монголией, формировании положительного имиджа региона как исторически сложившегося образовательного, научного и культурного центра Сибири. До предела загруженный работой, Евгений Иванович все же находит время и для исследовательской деятельности, не оставляет излюбленной темы. Выходят его интересные статьи по халхин-гольским событиям, по дипломатической истории российско-монгольских отношений.

После закрытия представительства Е.И. Лиштованный возобновляет преподавательскую деятельность в Иркутском университете, а в 2015 г. вновь возвращается в Монголию, теперь уже в качестве штатного сотрудника Посольства Российской Федерации в Улан-Баторе.

Свое 60-летие профессор Е.И. Лиштованный встретил в расцвете творческих сил и замыслов, жизненной энергии, неувядаемого юмора и оптимизма. Пожелаем и мы Евгению Ивановичу здоровья, творческого и жизненного долголетия!

Информация об авторах

Петрушин Юрий Александрович — доктор исторических наук, профессор, Иркутский государственный университет путей сообщения, 664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15.

Кузнецов Сергей Ильич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой истории и международных отношений, Иркутский государственный университет, 664025, Иркутск, ул. Чкалова, 2.

Authors

Uryi A. Petrushin — Doctor of History, Professor, Irkutsk State University of Railroad Transport, 15 Chernyshevsky St., Irkutsk, 664074.

Sergey I. Kuznetsov — Doctor of History, Professor, Head of the Department of World History and International Relations, Irkutsk State University, 2 Chkalov St., Irkutsk, 664025.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(571.53)
ББК 63.3(253.5)

Н.Н. БЫКОВА

К 355-ЛЕТИЮ ИРКУТСКА: ОТ ДРЕВНЕЙШЕГО ПРОШЛОГО ДО НАЧАЛА XX ВЕКА*

Рецензируются учебно-практические издания «История Иркутска XVII–XIX вв.: Хрестоматия» и «История Иркутска XX в.: Хрестоматия», составителями которых являются иркутские историки А.Н. Гаращенко и А.А. Иванов.

Ключевые слова: история Иркутска, хронология, источники, документы, купеческий город, декабристы, развитый промышленный и культурный центр, русско-японская война, революция, Гражданская война.

N.N. BYKOVA

355TH ANNIVERSARY OF IRKUTSK: FROM ANCIENT TIMES TO THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article reviews education and practice editions «History of Irkutsk XVII–XIX centuries: Chrestomathy» and «History of Irkutsk XX century: Chrestomathy» compiled by Irkutsk historians A. N. Garashchenko and A. A. Ivanov.

Keywords: history of Irkutsk, chronology, sources, documents, merchant town, Decembrists, developed industrial and cultural center, Russo-Japanese War, revolution, Civil War.

В прошлом году исполнилось 355 лет со дня основания Иркутска. К этой солидной дате было приурочено много публикаций и изданий. Среди них — две книги о прошлом Иркутска, изданные в виде хрестоматии, составителями которых являются известные иркутские историки А.Н. Гаращенко и А.А. Иванов. Вторая книга «История Иркутска XX в.» является логическим продолжением первой «История Иркутска XVII–XIX вв.» с соблюдением хронологии изложения событий. Как за-

---

* Рец. на : История Иркутска XVII–XIX вв. : Хрестоматия / сост. : А. Н. Гаращенко, А. А. Иванов. — Иркутск : Изд-во ООО НПФ «Земля Иркутская» ; Изд-во «Оттиск», 2015. — 544 с.; История Иркутска XX века. Хрестоматия. Т. 1 : 1900–1920 год / сост. : А. Н. Гаращенко, А. А. Иванов. — Иркутск : Изд-во ООО НПФ «Земля Иркутская» ; Изд-во «Оттиск», 2016. — 544 с.

являют во вступлении сами авторы, это издание «не строгая научная монография или учебник, ...это хрестоматия, дающая на основе строго документальных свидетельств цельное представление о жизни здесь древнего человека, заселении и освоении им территории, появлении рубленого острога, развитии городской инфраструктуры, властных и общественных отношений» (с. 3). Составители этого научно-практического издания воссоздают цельную картину исторического прошлого Иркутска на основе многочисленных архивных источников (из фондов ГАИО, РГАДА), официальных, научных, литературно-художественных произведений.

По структуре обе книги состоят из вступительных статей, ряда разделов, приложений и списков рекомендованной литературы. Документы и материалы размещены в хронологическом порядке. На страницах книг помещены иллюстрации, которые передают специфику рассматриваемого периода. Наглядность всегда интересна как исследователю, так и читателю.

Особый интерес вызывает вступительная статья д.и.н., профессора А.В. Дулова, посвященная анализу источников и историко-краеведческой литературы по истории Иркутска. Здесь выделяется несколько этапов истории изучения прошлого города Иркутска и дается их достаточно емкая и объективная характеристика. В результате обзора исторической литературы об Иркутске, профессор А.В. Дулов делает вывод «об относительно подробной изученности дооктябрьского периода, особенно социального состава населения, политической истории, важнейших сторон развития культуры» (с. 24). Однако, есть еще над чем работать, так как «гораздо слабее представлена деятельность городского управления, механизмы взаимоотношений различных ступеней власти, особенности быта иркутян, история этнических меньшинств, религиозная жизнь, функционирование городского хозяйства и многое другое» (с. 24).

Необходимо отметить, что профессор А.В. Дулов является не только автором вступительной статьи, а также статьи по истории герба Иркутска, которую составители данного издания разместили в разделе «Приложения», но и научным рецензентом этой хрестоматии.

Первая книга учебно-практического издания охватывает очень продолжительный временной отрезок и включает следующие разделы: древнейшее прошлое, Иркутск: век XVII, Иркутск: век XVIII, Иркутск: век XIX, приложения. В каждом из перечисленных разделов подобраны документы, фрагменты произведений, передающих особенности данного периода. В частности, в первом разделе помещены две научные публикации — фрагмент работы Б.Э. Петри «Далекое прошлое Прибайкалья» и коллективная работа «Археологические памятники (Иркутска)», авторами которой являются иркутские историки и археологи

В.И. Базалийский, Е.М. Инешин, Е.Б. Шободоев. Авторы указанных работ изучили древнейшее прошлое людей, проживавших в Прибайкалье, в том числе и на территории будущего Иркутска. Ими названы стоянки палеолитического человека, места их расположения, промыслы, орудия труда. Интересны публикации и документы, размещенные и в других разделах хрестоматии. Так, второй раздел открывает фрагмент работы И.И. Серебренникова «Покорение Иркутской губернии», ряд документов по Якову Похабову, о строении и описании Иркутского острога, Указы, Приказы, справки, переписка взятые из фондов РГА-ДА, СПФ АРАН, как ранее опубликованные, так и неопубликованные. Большой интерес вызывают документы, свидетельствующие об экономическом и социальном развитии города Иркутска в XVIII в. Это было время, когда Иркутск становился торговым центром и на постоянно действующих ярмарках, кроме сибирских товаров, можно было встретить «разные немецкие шелковые и полотняные товары, ...китайские товары...» (с. 118). Здесь были развиты многочисленные промыслы, в частности, «кожевенные, мыльные, рыбные, мельничные...» (с. 119), а по рекам перевозили товары в другие территории. Этим видом деятельности занимались купцы, а Иркутск был купеческим городом, что следует из регламента Главного магистрата.

Необходимо отметить, что 3 и 4 разделы имеют некую однообразность по структуре, и тем не менее, это дает возможность сравнивать и проследивать динамику развития города (экономическое и социальное развитие, городская культура, быт, нравы, Иркутск глазами современников). Четвертому разделу авторы-составители уделили много внимания, и по листажу он занимает 2/3 первой книги. Тщательно подобрана информация о состоянии города: географическое положение, торговля, промышленность, население. Немало материалов посвящено политическим ссыльным, к ним относятся воспоминания о декабристах, ссыльных поляках, восстаниях. А в «Приложения» вынесены две статьи: одна — Д.Я. Резуна «По поводу даты основания Иркутска» и вторая — А.В. Дулова «История герба Иркутска». Проблематика этих статей является дискуссионной, авторы обосновывают свою точку зрения, ссылаясь на факты из разных источников. В конце первой книги дан список рекомендуемой литературы по истории Иркутска XVII–XIX вв., где можно найти литературу по историографии и источниковедению, Законодательные акты и нормативные документы, летописи, источники личного происхождения, основную литературу по истории Иркутска, обозначенного периода.

История Иркутска не завершается XIX в. Логичным продолжением истории города является вышедшая вторая книга, в которой составители публикуют источники и материалы по начальному периоду XX в., а точнее 1900–1920 гг. В перспективе предполагается издание еще не-

скольких томов, ведь XX в. очень богат на события. Во вступительной статье А.Н. Гаращенко и А.А. Иванов обосновывают хронологические рамки первого тома второй книги, объясняют степень значимости для Иркутска, да и для всей России начала XX в. Все материалы расположены в хронологической последовательности, а источники сгруппированы по проблемно-хронологическому принципу. «Такой порядок построения исторических документальных свидетельств позволяет наиболее полно и последовательно проследить историю города» (с. 5). Первый том имеет два больших раздела — Иркутск в 1900–1914 гг. и Иркутск в 1914–1920 гг. Эти разделы разбиты на подразделы, в рамках которых размещаются материалы. Так в первом подразделе публикуется документ (частично) «Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге», изданный Министерством путей сообщения в 1900 г., который дает достаточно полное представление об Иркутске (приведено много статистики, характеризующей Иркутск как развитый промышленный и культурный центр — 88 фабрик и заводов (с. 19), перечислены главные торговые фирмы, 29 православных церквей, театр, 45 учебных заведений, библиотеки, 14 благотворительных заведений, больницы, лечебницы и др.). Дополняют внешний вид Иркутска воспоминания Г.Н. Потанина. Интересны статьи в «Известиях Иркутской городской думы», где прослеживается деятельность органов власти, в частности Городской Думы, иркутской Управы. Кроме того, большим событием рассматриваемого периода была Русско-японская война. Представлено большое количество документов, характеризующих состояние Иркутска и его населения в годы войны. Значительным по объему является подраздел «Общественно-политическая жизнь Иркутска», где большинство материалов носит политический характер: «Из воспоминаний В.Е. Мандельберга о возникновении в Иркутске социал-демократической партии», «Из обзора революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897–1907 гг.», «Политический обзор за 1906–1907 гг.», «Из обзора революционного движения в округе Иркутского окружного суда за 1911 г.», и т.д. Второй раздел «Иркутск в 1914–1920 гг.» насыщен событиями, поэтому здесь выделено ряд подразделов, события которых имеют масштабный государственный характер. В их числе: Первая мировая война, властные отношения, революция и Гражданская война. Кроме того, составители хрестоматии не обошли вниманием и вопросы культуры и образования, акцентируя внимание на подготовке и открытии Иркутского государственного университета. Книга завершается солидным списком рекомендуемой литературы по истории Иркутска 1900–1920 гг.

В целом, хрестоматия состоит из большого количества разноплановых материалов, которые содержат значительные статистические данные, многочисленные события из истории нашего города. Поэтому

это учебно-практическое издание, на наш взгляд, вызовет интерес, как большого круга читателей, так и исследователей истории Иркутска, Сибири и России. Хочется надеяться, что А.Н. Гаращенко и А.А. Иванов продолжат работу и обязательно издадут новые тома хрестоматии по истории города.

Информация об авторе

Быкова Нина Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: history@bgu.ru.

Author

Nina N. Bykova — Ph.D. in History, Associate Professor, Chair of History and International Relations, Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: history@bgu.ru.

УДК 342.4(09)
ББК 67.400.1г

Ю.П. ВАХРУШЕВ

ВОЛЯ НАРОДА В ЗАКОНЕ*

Рецензируется первая и вторая книга коллективного труда иркутских архивистов, поставивших перед собой задачу по сбору и публикации документов, материалов и воспоминаний активных участников по разработке и принятию Конституции Российской Федерации, деятельности Законодательного собрания Иркутской области и Думы Усть-Ордынского Бурятского автономного округа.

Ключевые слова: Конституция, закон, Иркутская область, Законодательное собрание, автономный округ.

YU.P. VAHRUSHEV

PEOPLE'S WILL IN THE LAW

The article reviews the 1st and 2nd volumes of Irkutsk archivists' collective work to collect and publish all materials concerning genesis of the Constitution of Russia, Irkutsk oblast and Ust-Orda Buryat Autonomous District legislatures activity.

Keywords: Constitution, law, Irkutsk oblast, legislature, autonomous district.

---

* Рец. на: Иркутская область и реформы 1990-х. Кн. 1. Конституция, принятая народом (к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации). Воспоминания и документы. — Иркутск : ООО «Репроцентр А1», 2013. — 200 с.; Иркутская область и реформы 1990-х. Кн. 2. Закон по воле народа (История парламентаризма в Иркутской области). Сборник документов и воспоминаний. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2016. — 224 с.

«Лицом к лицу большего не видать» и только со временем можно в полном объеме понять и оценить масштабы, важность событий 20-летней давности, когда практически в одночасье ушел в прошлое Советский Союз. И в те же дни за очень короткое, но насыщенное острой политической борьбой время, как в центре страны, так и на местах шел процесс формирования политико-правовых основ уже новой Российской государственности.

Именно этим событиям и посвящен двухтомный труд коллектива работников Государственного архива Иркутской области. В сборники вошли архивные документы, рассказывающие о работе и подготовке по принятию Конституции Российской Федерации; воспоминания представителей Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, непосредственно участвовавших в работе Конституционного совещания 1993 года; а также документы и материалы, рассказывающие о подготовке и работе Законодательного собрания Иркутской области и Думы Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, о деятельности его двух созывов за период с 1994 по 2000 г. Как отмечает авторский коллектив, сборник документов и воспоминаний «Конституция, принятая народом», стала первой книгой заявленной трилогии «Иркутская область и реформы 1990-х».

Книга открывается воспоминаниями иркутян — участников Конституционного совещания, проходившего в Москве в период с 5 по 12 июля 1993 г. Они были собраны архивистами сравнительно недавно в июле, ноябре 2013 г. и представляют собой стенографические тексты с авторскими правками. Все материалы скомпонованы в три раздела.

Первый раздел базируется на личных документах и воспоминаниях первого Губернатора Иркутской области Ю.А. Ножикова, воспоминаниях Председателя Иркутского областного Совета народных депутатов В.В. Игнатенко, председателя государственного правового комитета администрации Иркутской области Ю.Г. Курина, главного советника-консультанта сектора Федерации республик и автономий Конституционного суда Российской Федерации С.С. Босхолова, помощника представителя Президента в Иркутской области В.Г. Татарникова, члена оперативной группы Президента по подготовке Конституции Российской Федерации С.И. Шишкина. Все эти материалы воспроизводят через призму личного восприятия смысл и содержание весьма конфликтных дней событий тех уже далеких судьбоносных дней.

Второй раздел «Документы по работе над проектом Конституции Российской Федерации» в хронологической последовательности освещает основные этапы подготовки проекта Конституции Российской Федерации. В его состав вошли фрагменты стенограмм совещаний, семинаров и заседаний Иркутского областного Исполнительного комитета и Администрации Иркутской области, статьи из областных и

районных газет на наиболее актуальные темы того времени. Следует отметить, что этот раздел представляется наиболее интересным с точки зрения выяснения как различных подходов к пониманию места и роли Конституции, как основного закона государства, так и ее содержания. Непредвзятый анализ многочисленных дискуссий по обсуждаемым вопросам воссоздает картину той непростой ситуации, в которой оказалась страна в целом, так и Иркутская область и ее районы, в частности. Особый интерес в этой связи вызывают выступления заместителя председателя Совета Министров С.М. Шахрая и его полемика с Губернатором Иркутской области Ю.А. Ножиковым, с депутатами от Усть-Ордынского территориального округа. Неоднородность оценок, связанных с проблемой формирования Конституции, процедур ее одобрения и принятия весьма четко просматривается в стенограммах выступлений председателя Иркутского областного совета народных депутатов В.В. Игнатенко, депутатов В.Л. Воронина, А.В. Романова, В.В. Ломтадзе, С.П. Паюка, И.В. Федосеева, В.В. Макарова, А.С. Новикова.

Третий раздел «Документы по подготовке и проведению референдума по принятию проекта Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 г.» включает в себя фрагменты проекта Конституции с авторскими правками первого Президента РФ. Б.Н. Ельцина; копии протоколов окружной избирательной комиссии Усть-Ордынского Бурятского автономного округа и участковых избирательных комиссий Иркутской области с результатами голосования по проекту Конституции, проводимых на территории области.

Не меньший интерес будущей трилогии «Иркутская область: Реформы 1990-х» вызывает вторая книга этой серии «Закон по воле народа (История парламентаризма в Иркутской области)». В нее вошли документальные источники, раскрывающие основные этапы законотворческой деятельности Законодательного собрания Иркутской области и Думы Усть-Ордынского Бурятского автономного округа первого и второго созывов 1994–2000 гг. В сборнике представлены наиболее интересные фрагменты стенограмм заседаний, документы слушаний и выездных совещаний Законодательного собрания Иркутской области, выписки из отчетов о деятельности Думы Усть-Ордынского округа, документы председателя Законодательного собрания Иркутской области И.З. Зелента. В сборник включены также воспоминания депутатов Г.В. Истомина и И.С. Гринберга, которые начали свою политическую карьеру с заседаний в Законодательном собрании Иркутской области первых созывов. Сборник проиллюстрирован архивными фотографиями, материалами личных архивов депутатов, принимавших наиболее активное участие в политической жизни региона.

В целом, достаточно обширные материалы второй книги дают представление о том комплексе социально-экономических и политических проблем, которые было необходимо решать в условиях наличия крайне ограниченных ресурсов, разного понимания целей и задач у власти и имущих в Иркутской области в тот сложный период времени. Отсутствие единства, личностные конфликты на разных уровнях административно-управленческой элиты — все это усложняло и без того непростую задачу вывода области из кризисного состояния.

Подводя итог коллективному труду иркутских архивистов можно сказать, что заинтересованный специалист-историк, читатель, интересующийся новейшим периодом политической истории современной России и Иркутской области, получил весьма добротный, документально подтвержденный материал о событиях недавнего прошлого, которые радикально изменили не только основы государственности, но и личные судьбы всего населения страны.

Следует предположить, что ожидаемая третья книга сборника «Иркутская область и реформы 1990-х» будет не менее содержательна и интересна, чем ее предшественницы.

Информация об авторе

Вахрушев Юрий Петрович — кандидат философских наук, доцент, кафедра истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: history@bgu.ru.

Author

Yuri P. Vahrushev — Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of History and International Relations, Baikal State University, 11 Lenin Str., Irkutsk, 664003, e-mail: history@bgu.ru.

УДК 821.161.1(092)
ББК 83.3(2Рос),2

Л.В. КУРАС

ХРОНИКА КАК ПАМЯТЬ КОРОТКИХ СОБЫТИЙ*

В рецензии анализируется вторая книга 6-томной «Хроники жизни и творчества Е.А. Евтушенко», которая охватывает 1963–1965 гг. В работе сибирских литературоведов российский поэт, который обрел мировую славу, предстает как величайший гуманист XX–XXI вв.

Ключевые слова: Евтушенко, хроника, гуманизм, шестидесятники, «оттепель».

---

* Рец. на: Комин В. В. Хроника жизни и творчества Е.А. Евтушенко. По ступеням лет. Кн. 2. (1963–965 годы) / В. В. Комин, В. П. Прищепа. — Иркутск : ООО «Принт Лайн», 2016. — 567 с.

CHRONICLES AS MEMORY OF SHORT EVENTS

The article analyzes the 2nd volume of «The Chronicles of life and playwriting of Evtushenko E.A.» (in whole — 6 volumes), which describes the period of 1963–1965. In the works of Siberian writers, the Russian poet, who has got the worldwide fame, is represented as one of the greatest humanists of XX–XXI cc.

Keywords: Evtushenko, chronicles, humanism, the sixties, «ottepel».

Хроника — это особый литературный и публицистический жанр, не подвластный времени. Однако не секрет, что первыми произведениями этого жанра были исторические хроники, которые являются по сути своей научным исследованием, выстроенным в хронологической последовательности. И потому не удивительно, что авторы второй книги 6-томной серии «Хроника жизни и творчества Е.А. Евтушенко», сибирские литературоведы В.В. Комин¹ и А.П. Прищепа², обнаружат не только внешние, видимые конфликты Е.А. Евтушенко со временем и конфликты невидимые с самим собой. Они раскрывают и конфликты первой половины 60-х гг. XX в. внутри самого государства [4]. И это тем более важно, что авторам удалось разрушить сложившийся, благодаря публицистике, стереотип: будто в данном жанре творческое начало практически отсутствует, так как художественный вымысел в хрониках попросту невозможен, ибо материал для них поставляется реальными событиями. Это, естественно, оказывает влияние и на стиль, и на язык, которым пишутся хроники — чаще всего они оказываются трафаретными, не допускающими возможных толкований и сжатыми до одного-четырех предложений [11].

Новая работа сибирских литературоведов Виталия Комина и Валерия Прищепы опровергает этот литературный штамп, благодаря двум обстоятельствам. Во-первых, субъективному, ибо работа посвящена ныне здравствующему живому классику российской литературы, который уже в начале 1960-х гг., в тридцатилетнем возрасте, обрел общеевропейскую известность, а затем — мировую славу. И потому понятие трафарет и творчество поэта — понятия несовместимые. Во-вторых, объективному, ибо в науке, каковой является литературоведение, не существует второстепенных жанров и направлений.

«Хроника» жизни и творчества поэта возникла не вдруг: ей предшествовало несколько солидных монографических исследований В.В. Ко-

¹ Комин Виталий Васильевич — журналист (Иркутск). Член Союза журналистов России.

² Прищепа Валерий Павлович — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (Абакан). Автор 15 монографий, из которых 8 монографий посвящено творчеству Е.А. Евтушенко.

мина и В.П. Прищепы о поэте [2; 3], которые получили высокую оценку научной общественности [1; 7–9]. Причем, в отличие от первой книги «Хроники» Е.А. Евтушенко, охватившей 30 лет с момента рождения поэта [5], вторая книга — это лишь три года — 1963–1965 гг. Именно в эти годы, после погромной речи Н.С. Хрущева в Кремле 7 и 8 марта 1963 г., начинается «проработка» писателей-шестидесятников, в том числе и Е.А. Евтушенко, в печати и на партийных собраниях. Но идеологическая акция правящей партии неожиданно приводит к иным результатам: поэта поддержали иркутяне, строители легендарной Братской ГЭС и писатели-единомышленники. Одновременно усиливается интерес к творчеству Е.А. Евтушенко, к его личности и за границей: в книге приводится библиографическое описание почти сорока зарубежных изданий произведений поэта [4, с. 274, 278, 377, 473–477, 544–546]. В этой связи необходимо подчеркнуть, что рецензируемая хроника — это не перевод изданного за рубежом библиографического указателя публикаций поэта, а результат колоссальной поисковой работы В.В. Комина и В.П. Прищепы. Авторы обоснованно заявляют, что в результате политического давления в 1963–1965 гг. в СССР на русском языке не было издано ни одной авторской книги поэта [4, с. 274, 377, 473].

В новой работе авторы показывают схватку Е.А. Евтушенко с властью, в которой ему приходилось делать шаг назад для того, чтобы разбежавшись, перепрыгнуть через пропасть, в которую его сталкивали литературные «генералы» тех лет. В свете происходивших после 7–8 марта 1963 г. событий в Кремле, Евгения Евтушенко, равно как и его друзей-шестидесятников Р. Рождественского, А. Вознесенского, В. Аксенова ожидало, как минимум, забыть. Но каждый из них сделал свой выбор. В этот период Е.А. Евтушенко, отбиваясь от многочисленных нападков, совершает поездки на русский Север [4, с. 178], в Абхазию [4, с. 181–184], в Ленинград [4, с. 189], а затем — в Сибирь, на станцию Зима [4, с. 196–219] и Братскую ГЭС [4, с. 220–247], где он сближается с лучшими представителями народа-созидателя. В результате творческого «затворничества» поэта в Вологодской области и Архангельске, в Гульрипши и на станции Зима, селе Баргатай и Братске, Усть-Илимске, домах творчества в Суханове и Сенеже Московской области написаны десятки «северных стихотворений, а главное — самая масштабная поэма «Братская ГЭС». При этом поэт не разменивает свой талант злоречие, ибо в архангельской, вологодской и сибирской глубинке находит спасительную точку опоры, восстанавливает «расколошмаченную» душу. Этой опорой становится для него прекрасный и яростный мир строителей Братской ГЭС, жизнь крестьян и рыбаков русского Севера, общение с зиминскими родственниками, да и просто с земляками — иркутянами. Малая родина, по существу, спасает его. А главное — это вывод, к которому он приходит в «Балладе о штрафном батальоне»: «Обиды на Россию не имею!».

Авторы «Хроники» удачно дополняют друг друга. Литературоведческая скрупулезность В.П. Прищепы, проявившаяся в богатой и разнохарактерной фактографической основе второго тома, удачно сочетается с журналистской конкретикой В.В. Комина и, особенно в разделе о его встречах с Е.А. Евтушенко в Пекине в ноябре 2015 г. [4, с. 478–524] и в воспоминаниях-набросках о событиях лета 1963 г. [4, с. 196–228]. Следует отдать должное памяти журналиста-иркутянина, который спустя 52 года называет, например, не просто фамилии капитана Константина Матвеевича Бутуханова и механика парохода «Фридрих Энгельс» Валентина Павловича Гольдштейна, на котором Евтушенко уплывал в Братск, но и имена, и отчества этих людей. Более того, название парохода, приведенное поэтом в одном из знаковых стихотворений («Граждане, послушайте меня...»), не только воспроизводится В.В. Коминым, но и приведена история судна: «Построен в Киеве еще до войны, сборка шла на судовой верфи имени Ярославского в Лиственничном, на Байкале... В 1949 г. пароход вышел в первый рейс. В 1961 году двигатель парохода был переоборудован под использование жидкого топлива-мазута... Общее количество пассажиров, принимаемых на борт — более 300 человек» [4, с. 225–226]. У читателя невольно возникает высокое доверие к такого рода подробностям и фактам, достоверность которых не вызывает сомнения.

Вводя в краеведческий обиход подробную информацию, авторы хроники воссоздают психологическую атмосферу 1960-х гг., в которой создавались едва ли не лучшие произведения поэта. По-существу отдельные, но неотъемлемые фрагменты второй книги выглядят частями полномасштабной биографии поэта периода 1963–1965 гг.

На наш взгляд, авторам книги удалось подняться над спецификой жанра. Год за годом, месяц за месяцем, день за днем, а иногда и почасно, они отслеживают каждый шаг поэта: где был, что делал в изучаемый период, с кем встречался и что говорил сам или, что говорили о нем. Поэтому, вполне закономерно, что В.В. Комин и В.П. Прищепа выходят на уровень исторического исследования эпохи последних лет хрущевской «оттепели». Историческая атмосфера того времени воссоздается как бы сама собой, вне желания В.В. Комина и В.П. Прищепы, представляя сложнейший конгломерат многогранного и такого же противоречивого сознания Н.С. Хрущева и его окружения.

Исследуя жизнь и творчество Е.А. Евтушенко, авторы доводят читателя до таких душевных глубин, где становится невозможной однозначная оценка поведенческих построений поэта: тут все смешивается — восхищение им и осуждение, сострадание и боль, смех и слезы... Можно сказать, что В.В. Комин и В.П. Прищепа раскрывают суть противоречивой евтушенковской личности почти до самых его глубин. Авторы не только не ограничиваются скудным перечислением множества событий и фактов из биографии поэта, но и дают им профессиональное прочтение и толко-

вание. В этой связи вполне уместным видится использование материала из предыдущих исследований о поэте [2; 3]. В новый том «Хроники» включается также информация из монографии В.П. Прищепы и Н.Я. Сипкиной [10], посвященной творчеству Р. Рождественского¹. Факты из личной и творческой биографии спутника и соратника Е.А. Евтушенко в 1963–1965 гг. Р.И. Рождественского работают в «Хронике» на создание многомерной панорамы литературной жизни этого судьбоносного времени.

Воспоминания В.В. Комина, А.Н. Марчука², Л.И. Шинкарева³, Ф.П. Юсфина⁴ и других единомышленников поэта значительно оживляют фактографическую основу «Хроники», разнообразят ее содержание, счастливо разрушая возможный в подобных случаях «хрестоматийный глянец». Щедро аргументируя изложенные факты личной и творческой жизни поэта, авторы включают информативный материал об основных событиях социально-политической жизни страны, на которые Е.А. Евтушенко отзывался в своих стихах. В материалах мемуаристов Е.А. Евтушенко предстает мятежной и мятущейся личностью, в борьбе с властью, в конфликтах с партийными и комсомольскими функционерами, с близким окружением, и, наконец, с самим собой. Видимо, именно этим обстоятельством продиктован выбор авторов «Хроники» портрета поэта, работы художника Алексея Третьякова⁵, помещенный на обложке второго тома: тревожные багровые и темно-оранжевые тона, заполняют все пространство работы, выражая, скорее всего разрываемость души поэта, вступившего в неравную схватку со временем и его не лучшими выразителями. Это цветовое сочетание ассоциируется с пламенем истории, которой не только пожирает поэта, но и одновременно закаляет его.

Внутреннее презрение ко всем, кто «душу расколошматил», желание устоять под тяжкими ударами системы, отражены в скорбном, но гордом выражении лица поэта, гордо стоящего перед выпавшей на его долю судьбой.

---

¹ Книга удостоена литературной премии им. Р.И. Рождественского.

² Марчук Алексей Николаевич — легендарный строитель Братской ГЭС, доктор технических наук, главный научный сотрудник Института физики Земли им. О.Ю. Шмидта.

³ Шинкарев Леонид Иосифович — российский журналист, писатель, путешественник, собкор «Известий» по Восточной Сибири, МНР, КНДР, Мозамбику, Мадагаскару, Зимбабве, Замбии, Танзании, Лесото, Свазиленду, Маврикий, Сейшельским островам. Член Союза писателей СССР. В 2006 г. Союз журналистов России присвоил ему почетное звание «Легенда российской журналистики».

⁴ Юсфин Фридрих Павлович — Почетный гражданин города Братск, активно содействовал созданию цикла песен А. Пахмутовой, Н. Добронравова, С. Гребенщикова «Таежные звезды», поэм Е. Евтушенко «Братская ГЭС» и «Уроки Братска», где есть строки «Завклубом ты, но, если разобраться, то по причинам стольким роковым, ты был всегда министр культуры Братска и остаешься, таковым...».

⁵ Третьяков Алексей Валерьевич — художник, дизайнер (Иркутск), автор портрета Е.А. Евтушенко.

Этот портрет имеет, и другой, скрытый смысл: самое пекло — это не только пожирающий, но и очищающий пожара истории. Е.А. Евтушенко на портрете изображен человеком на пределе своих сил, в испытательном пекле своего родного, но и беспощадного государства.

Материалы, взятые из немецкой, французской, итальянской, английской, швейцарской прессы, а также русских эмигрантских изданий, впервые вводимые авторами в литературоведческий обиход, интересны не только сами по себе, своим национальным колоритом, ментальным неоднозначным прочтением личности Е.А. Евтушенко. Они позволяют значительно дополнить и уточнить содержание разделов «Календарь выступлений» и «Указатель мест пребывания», приводимых в Приложении к изданию. Так, например, ранее было известно лишь то, что Е.А. Евтушенко в 1963 г. побывал в ФРГ и Франции. В каких западногерманских городах, аудиториях он выступал, с кем встречался — все это более полвека оставалось загадкой. Во второй книге эта тайна раскрыта авторами, благодаря переводу на русский язык десятков материалов иностранной прессы [4, с. 11–97]. В равной мере перестает быть загадкой и программа пребывания поэта во Франции [4, с. 62–110]. Авторы используют также переводные материалы о поэте из итальянской, английской и швейцарской прессы, информационные справки из немецкого, французского и английского Интернет.

Во втором томе «Хроники» авторы выходят к особой теме — неповторимости судьбы Евгения Евтушенко, который был фактически обвинен в измене Родине, попав в опалу, «немел в отчаянье», судорожно ища выход из этой тупиковой ситуации. «Солдат штрафного батальона», «Ванька-Встанька» послал всех гонителей «к чертовой матери», в очередной раз, продемонстрировав страсть и силу жажды творчества. Из, казалось бы, безнадежного положения Е.А. Евтушенко вышел победителем: масштабную поэму «Братская ГЭС» полуторамиллионным тиражом напечатал журнал «Юность», и она пришла в дома тех, кто ждал от Евгения Евтушенко особого, мужественного гражданского поступка, который выведет его из состояния политического нокаута. Что удивительно: после, пусть недолгого, но забвения в России, публикаций в «буржуазной» прессе, за что поэт причислен к изменникам Родины, мы не находим в «Хронике» ни слова о мессианстве России, которой предназначена особая роль в судьбах человечества. И это — замечательно. Ибо задача авторов-составителей состояла вовсе не в том, чтобы критиковать власть и славить Е. Евтушенко, хотя путь этот заманчив, потому что беспроигрышен. И не в том, чтобы возвысить Россию, указав на ее особое место в современной истории, на что власть обратила бы внимание и, несомненно, оценила. Заслуга В. Комина и В. Прищепы в другом: они смогли показать формирование истинного гуманиста Е.А. Евтушенко сродни величайшим гуманистам XX в. Д.С. Лихачеву и А.И. Солжени-

цыну. И потому, закрыв последнюю страницу хроники, убеждаешься в правомерности мысли Д. Лихачева: «Никакой особой миссии у России нет, и не было! Народ спасет культура, не надо искать никакую национальную идею, это мираж. Культура — основа всех наших движений и успехов. Жизнь на национальной идее неизбежно приведет сначала к ограничениям, а потом возникает нетерпимость к другой расе, к другому народу, к другой религии. Нетерпимость же обязательно приведет к террору. Нельзя добиваться возвращения вновь какой-либо единой идеологии, потому что единая идеология рано или поздно приведет к фашизму» [6]. Значительно, раньше других это понял Е.А. Евтушенко. Не случайно его стихи, как звездное небо, уже не принадлежат поэту. Эту мысль блестяще озвучил сам Е.А. Евтушенко в интервью Соломону Волкову по поводу своего конфликта с величайшим поэтом современности Иосифом Бродским: «Я считаю его человеком, с которым мы не договорили. Возможно, наши стихи уже сами будут разговаривать друг с другом и думаю, что о чем-то договорятся». Это поняли и авторы «Хроники» В.В. Комин и В.П. Прищепа и, потому их исследование становится по-настоящему, социально значимым.

Список использованной литературы и источников

1. Дампилова Л. С. «Человек мира» со станции Зима. (Рец. на кн. : Комин В. В., Прищепа В. П. Зима — столица Евгения Евтушенко / В. В. Комин, В. П. Прищепа. — Иркутск : ОАО «Принт Лайн», 2013. — 523 с.) / Л. С. Дампилова // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. — 2014. — № 1(13). — С. 266–269.
2. Комин В. В. Зима — столица Евгения Евтушенко / В. В. Комин, В. П. Прищепа. — Иркутск : ОАО «Принт Лайн», 2013. — 523 с.
3. Комин В. В. Он пришел в XXI-й век: творческий путь Евгения Евтушенко / В. В. Комин, В. П. Прищепа. — Иркутск : ОАО «Саянскхимпласт», 2009. — 428 с.
4. Комин В. В. По ступеням лет. Хроника жизни и творчества Е.А. Евтушенко. Кн. 2: 1963–1965 гг. / В. В. Комин, В. П. Прищепа. — Иркутск : ООО «Принт Лайн», 2016. — 567 с.
5. Комин В. В. По ступеням лет. Хроника жизни и творчества Е.А. Евтушенко. Кн. 1: 1932–1962 гг. / В. В. Комин, В. П. Прищепа. — Иркутск : ООО «Принт Лайн», 2015. — 510 с.
6. Лихачев Д. Нельзя уйти от самих себя / Д. Лихачев // Новый мир. — 1994. — № 6. — С. 113–120.
7. Мирманова Л. А. Зима — столица Евгения Евтушенко (Рец. на кн. : Комин В. В. Зима — столица Евгения Евтушенко / В. В. Комин, В. П. Прищепа. — Иркутск: ОАО «Принт Лайн», 2013. — 523 с.) / Л. А. Мирманова // Сибирь (Иркутск). — 2014. — № 2. — С. 284–287.
8. Нехорошев Ю. С. Творческий путь Евгения Евтушенко (Рец. на кн.: Комин В. В., Прищепа В. П. Он пришел в XXI-й век / В. В. Комин, В. П. Прищепа. — Иркутск : ОАО «Саянскхимпласт», 2009. — 428 с.) / Ю. С. Нехорошев // Первое полн. собр. соч. — Т. 7. — М. : «Акт», 2004. — С. 547–548.

9. Одно из великих имен. (Анонс на кн.: Комин В. В., Прищепа В. П. Он пришел в XXI-й век: Творческий путь Евгения Евтушенко / В. В. Комин, В. П. Прищепа. — Иркутск : ОАО «Саянскхимпласт», 2009. — 428 с.) // Литературная газета. — 2009. — № 51. — С. 8.

10. Прищепа В. П. Орфей великой эпохи. Поэтическое творчество Р. И. Рождественского: 1940-е — первая половина 1960-х гг. / В. П. Прищепа, Н. Я. Сипкина. — Иркутск : ООО «Принт Лайн», 2012. — 440 с.

11. Хроника — это литературный или публицистический жанр? [Электронный ресурс]. — FB.ru : сайт. — Режим доступа : http://fb.ru/article/218177_hronika.

Информация об авторе

Курас Леонид Владимирович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kuraslv@yandex.ru.

Author

Leonid V. Kuras — Doctor of History, Professor, Leading Researcher of the Department of History and Culture of Central Asia in Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, of Siberian Branch Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, 670047, e-mail: kuraslv@yandex.ru.

УДК 94(571.53)

ББК 63.3(253.5)

А.А. РАСПОПИНА

ОСВОЕНИЕ СИБИРИ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ*

Рецензируется монография А.П. Санникова «Церковь, общество и государство на восточных окраинах Российской империи в XVII–XVIII вв.» о роли православной церкви в процессе освоения и присоединения Сибири.

Ключевые слова: русская православная церковь, Иркутская епархия, миссионерская деятельность, христианизация, церковное строительство в Восточной Сибири, иркутские архиереи, губернская администрация, церковно-административное устройство.

А.А. RASPOPINA

THE SIGNIFICANCE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH DURING RUSSIAN CONQUEST OF SIBERIA

This review is about monograph A.P. Sannikov «Church, society and the state on the eastern periphery of the Russian Empire in the XVII —

---

* Рец. на: Санников А. П. Церковь, общество и государство на восточных окраинах Российской империи в XVII–XVIII веках : монография / А. П. Санников. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. — 311 с.

XVIII centuries» which describes the function of the Orthodox Church during Russian conquest of Siberia.

Keywords: Russian Orthodox Church, Eparchy of Irkutsk, missionary activity, christianization, church building in Eastern Siberia, bishops of Irkutsk, the provincial administration, church-administrative system.

В издательстве ИГУ в 2016 г. вышла монография А.П. Санникова, посвященная проблемам взаимоотношения церкви, общества и государства в Восточной Сибири в условиях русской колонизации этого края.

История русской православной церкви в Восточной Сибири давно является сферой научных интересов Санникова. Исследованию этих вопросов была посвящена еще кандидатская диссертация автора, написанные им в последующем научные статьи и несколько монографий в соавторстве с доктором исторических наук, профессором — А.В. Дуловым. Книгу «Церковь, общество и государство на восточных окраинах Российской империи» можно назвать логичным продолжением в изучении данной проблематики.

Во введении автор ставит совершенно четкие задачи и определяет основные направления своего исследования: 1) церковно-административное устройство; 2) церковное строительство; 3) монастырское строительство; 4) взаимодействие церкви и государства; 5) роль православия в жизни сибиряков. Именно такая постановка вопросов, как указывает сам автор, и определила структуру работы. В каждой из пяти глав монографии всесторонне исследуется по одному из указанных во введении направлений.

В первой главе, наиболее обширной, рассматривается церковно-административное устройство в Восточной Сибири. Хронологически материал охватывает время, начиная с 1607 г., когда русскими первопроходцами в устье Турухана было основано первое зимовье. Шло активное освоение и заселение новых земель. Продвигаясь по сибирским рекам, русские ставили на их берегах зимовья и остроги, утверждая свое присутствие здесь. Такие первые поселения являлись важными опорными пунктами в процессе проникновения все далее на восток — к берегам Тихого океана, на юг — к Байкалу и в Забайкалье. От одной речной долины к другой, малыми силами из-за небольшой численности казачьих отрядов шел процесс колонизации огромного Сибирского края. Военно-промышленная, вольная народная и штрафная — именно такие волны колонизации способствовали заселению Сибири (с. 12).

Совершенно обосновано, прежде чем писать о церковно-административном устройстве и распространении православия, автор подробно останавливается на этапах продвижения русского населения «встречь солнца» и дальнейшем освоении Восточной Сибири. Исследуя эти процессы важно понимание той окружающей среды и условий жиз-

недеятельности, с которыми столкнулись первопроходцы. Это в первую очередь — протяженность пространства, открывающаяся перед землепроходцами, его на первый взгляд необозримость. Во-вторых, затруднительность продвижения по таежным буреломам с его мягким и высоким мхом, сменяющимся болотами, непроходимой лесной чащей, сквозь которую надо продираться, с преградами из поваленных деревьев. Все это делало единственно возможными транспортными путями сибирские реки. Они ускоряли колонизационные процессы, способствовали расселению пришлых людей и в этой связи то самое необозримое, на первый взгляд пространство, становилось обозримым. Казалось бы, легче легкого затеряться на бескрайних сибирских просторах, уйти, спрятаться от власти, но наметанный глаз видит присутствие в когда-то нехоженом месте следы пребывания человека. История предлагает довольно количество подтверждений этому. Так было с часовенным строительством. По словам автора, часовни, достаточно простые в строении, были первыми культовыми православными сооружениями в Восточной Сибири. Именно вокруг них формировались первые православные общины, образуя небольшой часовенный приход (с. 62). Автор приводит данные о количестве построенных к концу XVII в. в Восточной Сибири часовен — их было более 70. Но после выхода петровского указа 1722 г. «о разобрании всех существующих часовен и нестроении впредь новых», по всей стране начался так называемый часовенный разбор (с. 68). Волна разбора достигла и до сибирских территорий. Известно, что в ходе этого разбора было закрыто более 60 часовен, т.е. почти все. Как удалось при скудости людских ресурсов все охватить, посчитать, заметить нарушения? И вновь мы видим реки — исключительно удобный транспортный путь. Люди вряд ли будут селиться на водоразделе, скорее выберут речную долину, а многие из них не слишком широки, а потому поселения, часовни и церкви хорошо заметны с центра водной глади, а через несколько поворотов реки можно увидеть еще одно поселение — однодворное или из нескольких дворов. И вот вновь пространство становится обозримым. Сложно человеку уйти от власти церковной или гражданской.

Новое пришлое русское население, которое хоть и медленно, но увеличивалось год от года, составило прочную социальную базу для распространения православия в Сибири, а наличие, как пишет автор, коренного населения открывало перспективы для христианизации и миссионерской деятельности. По сведениям автора, к 1699 г. в Восточной Сибири проживало около 60 тыс. человек русских и несибирских народов и около 100 тыс. коренного населения. К 1795 г. русское население составило уже 230,2 тыс. человек (47,2 %), а аборигенное — 269,8 тыс. человек (52,8 %) (с. 15). Ареалы проживания паствы расширялись и она нуждалась в духовных пастырях и храмах, где могло вестись богослужение, проводиться необходимые обряды. А это уже были во-

просы церковной организации, с решением которых возникало много сложностей. Структуру церковного управления в Европейской России пытались приспособить для Сибири и это не всегда получалось.

Управление всеми церковными делами из одного центра — Тобольска, было очень неудобно, ввиду протяженности Сибирской митрополии, которая простиралась к началу XVIII в. от Уральских гор до берегов Тихого океана (с. 21). На принятие любого важного решения всегда требуется время. Именно так обстояло дело и с созданием еще одного центра православия в Сибири. Власти долго не могли решиться на этот шаг, казалось бы совершенно естественный. Когда же учреждение Иркутской епархии состоялось, то епископ, возглавлявший ее, стал не только духовным главой, но и полноправным администратором, обладавшим всей полнотой церковной власти.

Взаимоотношениям иркутских архиереев и губернской администрации посвящена четвертая глава «Слово Божие» и «дело государево» в Восточной Сибири. Автор прослеживает изменение процесса взаимоотношений церковной и административной власти — от совместных действий (во второй половине XVII — начале XVIII в.), что способствовало освоению региона и обустройству быта его первых русских поселенцев, до заметного охлаждения (в первой половине XVIII в.). Автор делает вывод, что в большей степени в этом повинна была гражданская администрация (с. 221). Нередки были серьезные конфликты (из-за выплаты жалования епископу или выбора места под строительство архиерейского дома и т.п.), которые разрешались, как отмечает исследователь даже «артиллерийской дуэлью». Но период противостояния не был слишком долгим и во второй половине XVIII — начале XIX в. сменился стремлением к совместным действиям и взаимной поддержке. В это время можно говорить о возрастании духовного авторитета иркутских иерархов, их влиянии на общество, что с другой стороны не могло не настораживать гражданские власти, которые все же стремились несколько ограничить самостоятельность представителей церкви и контролировать состояние духовных дел.

С постепенным продвижением русских на восток, все новые сибирские территории входят в состав русского государства. Обосновываясь на новых землях, промышленники и землепроходцы ставят часовни и храмы, а позднее и монастыри, но далеко не всегда строительство культовых сооружений согласуется с общегосударственной политикой, особенно в период правления Петра I, когда шло ограничение численности неподатного сословия, в состав которого входило духовенство. Особенности сложности возникали с часовенным и монастырским строительством. Когда эти проблемы все же удавалось решить, возникала новая и очень существенная — нехватка священнослужителей. Автор пишет, что когда ее наконец осознали, то пытались решить при поддержке правительства. Предполагалось организовать добровольное переселение

духовенства в Сибирь из епархий Европейской России (с. 103). Ни ощутимая финансовая помощь, ни поддержка государства не смогла исправить ситуацию. Духовенство не стремилось покинуть обжитые места и оправляться в неизвестность. Если в Западной Сибири как-то удавалось хоть и незначительно, но воздействовать на ситуацию, то в Восточной Сибири по-прежнему «скудость великая» в духовенстве не уменьшалась. Исследователь отмечает, что в результате предпринятых мероприятий во второй половине XVII в. доступ к духовному сану был открыт для представителей разных социальных групп. В итоге среди первых священнослужителей Восточной Сибири оказались «казачьи попы», «крестцовые попы», «странники», «попы-разстриги», «перехожие попы», а также выходцы из податных сословий (с. 105). По-прежнему чрезвычайно важную роль в увеличении численности священнослужителей играл фактор преемственности, когда священнослужители происходили из семей священнослужителей. Тем не менее, обеспеченность клиров по Иркутской епархии и в середине XVIII в. была не полной.

В связи с этим, церковные власти решились на такой шаг — как подготовка приходского духовенства непосредственно в регионе. Так, при монастырях и соборах было открыто несколько церковных школ, где велась подготовка детей духовенства, а в конце XVIII в. в Иркутске, по распоряжению Синода, была открыта духовная семинария. Именно это учебное заведение стало ядром духовного образования Восточной Сибири.

Одной из основных задач сибирского духовенства являлось развертывание миссионерской деятельности. Из-за периодически напряженных отношений с Китаем было необходимо как можно скорее привлечь на свою сторону коренное население, для большей надежности еще и окрестив его, таким образом можно было воспрепятствовать проникновению на территорию Сибири буддизма. В то же время здесь нельзя было торопиться, чтобы не оттолкнуть местное население. Основными условиями христианизации являлись постепенность и добровольность. Повествуя о миссионерской деятельности сибирского духовенства, автор приводит примеры как ненасильственной, так и насильственной христианизации сибирских народов. По утверждению исследователя, неспешность христианизации связана, прежде всего, с ясачной политикой, т.е. стремлением не сокращать объемы поступления ясака из-за различных льгот, и не давать повода для массового возмущения местного населения (с. 270). Кроме того, здесь просматривается и нежелание развязать дипломатический конфликт с Китаем, настороженно наблюдающим за распространением православия в Забайкалье, куда уже начал проникать буддизм. Именно в связи с этим происходило обсуждение религиозного вопроса в ходе переговоров посольства Ф. Головина в Пекине. Автор приводит и интересные сведения о попытках правительства в начале XVIII в. взять курс на массовую христианизацию коренного населения, но так продолжалось не долго,

правительство вскоре опомнилось и в 1719 г. вышел сенатский приговор «О некрещении татар и других иноверцев против их воли» (с. 272). Санников подробно пишет о ряде проблем, с которым столкнулись миссионеры: удаленность от основных центров православия; отсутствие до начала XIX в. в Восточной Сибири своего канонизированного святого; сложными для понимания инородцев являлись многие православные таинства и каноны; православный календарь не сочетался с традиционным укладом жизни коренных народов; разбросанность поселений и стойбищ местных жителей и, конечно же, языковой барьер. Автор отмечает противоречивость процесса христианизации, зачастую ее формальность. Так, многие крещенные якуты являлись христианами только по названию и в большинстве юрт православные иконы висели рядом с шаманскими бубнами и предметами языческого культа (с. 289).

При освоении Сибирских территорий государство и православная церковь действовали слаженно и очень осторожно. Чтобы закрепить Сибирь за Россией, необходимо было сделать ее русской, что в условиях традиционного общества означало — православной. Намного эффективнее если институты власти поддерживаются не только административно-силовыми ресурсами, но и духовно-нравственными. В краю, слишком отдаленном от центра России сложно проконтролировать выполнение тех или иных распоряжений, при неразвитости транспортных коммуникаций и большой протяженности новых территорий, бюрократическая машина работает слишком медленно, переписка может длиться по отдельным вопросам даже годами. Поэтому некий взаимный «досмотр» духовной власти за светской и наоборот чрезвычайно информативен для центральной власти.

Благодаря работе А.П. Санникова можно по новому взглянуть на уже хорошо известные процессы освоения и присоединения Сибири. В эпоху Великих географических открытий крестом и мечом шло покорение европейцами новых народов и создания колониальных владений. Как шло присоединение сибирских территорий, какую роль в этом процессе играла русская православная церковь? На эти вопросы подробно отвечает монография А.П. Санникова «Церковь, общество и государство на восточных окраинах Российской империи в XVII–XVIII вв.».

Информация об авторе

Распопина Алена Александровна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: alen_a77@mail.ru.

Author

Alena A. Raspopina — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of History and International Relations, Baikal State University, 11 Lenin Str., Irkutsk, 664003, e-mail: alen_a77@mail.ru.

УДК 94(571.54)
ББК 63.3(253.5)

Е.В. РОЩУПКИНА

ИСТОРИЯ УЛАН-УДЭ — ОТ КАЗАЧЬЕГО ЗИМОВЬЯ ДО СТОЛИЦЫ РЕСПУБЛИКИ*

В статье дается обзор коллективной монографии «Улан-Удэ — 350: история и современность», посвященной 350-летию юбилею города Улан-Удэ, в которой с новых концептуальных позиций рассматривается его многовековая история.

Ключевые слова: Улан-Удэ, Удинское зимовье, столица Бурятии, юбилей, Западное Забайкалье, Бурятия.

E. V. ROSHUPKINA

HISTORY OF ULAN UDE — FROM COSSACK WINTER CABIN TO REPUBLICAN CAPITAL

The article reviews a collective monograph «Ulan Ude — 350: history and modernity» devoted to 350th anniversary of Ulan Ude that studies its history from new conceptual positions.

Keywords: Ulan Ude, Ulan Ude wintering cabin, capital of the Buryat Republic, anniversary, Western Transbaikalia, Buryatia.

3-4 сентября 2016 г. в Улан-Удэ прошли торжественные мероприятия по случаю 350-летнего юбилея со дня основания современной столицы Бурятии. Празднование юбилея стало крупным общественным, культурным и политическим событием в масштабах Российской Федерации и Республики Бурятия.

Лучшим подарком к юбилею города со стороны научного сообщества Бурятии стало двухтомное издание «Улан-Удэ — 350: история и современность». Основу авторского коллектива составили известные ученые-историки, сотрудники Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской Академии наук. Это такие ученые как: чл.-корр. РАН, д.и.н. Б.В. Базаров, д.и.н. М.Н. Балдано, д.и.н. О.В. Бураева, д.и.н. Л.В. Кальмина, д.и.н. А.М. Плеханова и др., которые хорошо знакомы читателям по большому количеству работ, посвященных исследованиям различных аспектов истории Забайкальского края.

Главная концепция представляемого праздничного издания заключается в том, что авторы попытались на обширном фактическом материале показать, что в истории города Улан-Удэ как в зеркале отразилась исто-

---

* Улан-Удэ — 350: история и современность : [в 2 томах] Т. 1: XVII — начало XX в. / Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук; ответственный редактор Б. В. Базаров. — Иркутск : Оттиск, 2016. — 369 с.; Т. II : XX–XXI вв. — Иркутск : Оттиск, 2016. — 364 с.

рия всей страны. Все судьбоносные процессы отечественной истории — колонизация Сибири русскими землепроходцами, развитие торговли с Востоком, строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, индустриализация края в период самодержавия, а затем и в советский период, годы революции и гражданской войны, годы Великой отечественной войны и послевоенное строительство — меняли не только облик города, но и его статус, роль и значение в общественном развитии нашей страны.

Книга состоит из двух томов. Первый том посвящен истории города с древних времен до объявления в 1923 г. Верхнеудинска (нынешнего Улан-Удэ) столицы Бурят-Монгольской АССР.

Авторы начинают повествование с древней истории, показывая, что несколько тысячелетий назад на территории будущего города уже кипела жизнь. «Освоение территории современного Улан-Удэ, — пишут авторы, — началось в эпоху древнего каменного века (палеолита) — от 800 до 500 тыс. лет назад. Древние люди селились по долинам рек, которые были путями сообщения и снабжали их водой и пищей... Именно таким оказалось место слияния двух рек — Уды и Селенги» (с. 10). Археологические раскопки в окрестностях Улан-Удэ, показали, что древние люди, населявшие регион, охотились и ловили рыбу, обрабатывали камень и делали глиняную посуду, пахали землю, разводили скот, занимались кузнечным ремеслом. Для ученых до сих пор, отмечают авторы, представляют интерес погребения в поселке Шишковка, относящиеся к эпохе неолита, стоянка бронзового века в районе станции Дивизионная, захоронения эпохи средневековья на окраине Этнографического Музея народов Забайкалья и поселка Зеленый, захоронения эпохи хунну (III в. до н.э.) в районе поселка Силикатный. Особое значение имеют материальные артефакты, которые местные археологи находят в местности известной как Батарейная площадь, или «Батарейка», где в XVII в. стояла батарея русских казаков. Согласно археологическим и историческим свидетельствам, в районе нынешнего Улан-Удэ шел активный процесс развития разных народов и культур, которые, в конечном итоге, сформировали облик предков современных бурят и эвенков, живших на территории города задолго до прихода русских землепроходцев.

Новая страница в истории Бурятского края началась в XVI в., когда российская империя начала интенсивно расширять свои владения на восток. В 1666 г. на высоком берегу реки Уда русские казаки воздвигли зимовье, которое впоследствии превратившись в острог, положило начало становлению уездного города Удинска, а затем крупного купеческого города Верхнеудинска. Место для зимовья было выбрано казаками неслучайно, через него проходила дорога, которую местные люди называли «ханской дорогой звонкой», а также действовала удобная переправа через реку Селенгу. Кроме того, место зимовья оказалось весьма удобным в стратегическом отношении: с юга оно было защищено рекой

Удой, с запада — многоводной Селенгой, а с севера и востока его прикрывали горы, покрытые лесами. Учитывая удобное географическое и стратегическое местоположение Удинского зимовья, Московское правительство решило построить здесь острог (военный городок).

1666 г. долгое время считался датой основания Удинского зимовья. Но в 1989 г. с помощью архивных документов ученые-историки установили, что датой постройки Удинского зимовья казаками из отряда десятника Осипа Васильева является октябрь 1665 г. В результате дальнейших научных изысканий, пишут авторы, ученые пришли к выводу, что историю данного поселения нужно начинать именно с 1666 г., так как с этого периода начинается сбор налога (ясака) и Удинское зимовье становится административной единицей и форпостом Российского государства.

Построение Удинского зимовья совпало по времени с отправкой из Москвы в Китай первого русского торгового казенного каравана. В дальнейшем этот путь получит название «Чайный путь». Новое поселение окажется в эпицентре торговли России со странами Юго-Восточной Азии. Через 12 лет в 1678 г. сын боярский Иван Поршенников начнет возведение оборонительных стен, т.е. Удинского острога.

В 1687 г. Удинский острог был реконструирован по приказу царского посланника, друга Петра I, впоследствии генерал-фельдмаршала, Ф.А. Головина. Острог был обнесен большими тройными надолбами, рвом, был сделан тайный ход к реке, построены башни, караульная изба, посад, двойное ограждение (бревенчатый тын и рогатки), артиллерийская батарея, двое ворот, часовня.

К XVIII в. Удинский острог уже представлял собой крепость с начавшим формироваться посадом. Жизнь Удинска заметно изменилась, после заключения в 1689 г. Нерчинского торгового договора с Китаем. Через Удинск пошли торговые караваны из Енисейска и Иркутска в Китай и Монголию с разными товарами. Если в конце XVII в. Удинский острог был перевалочным и складским местом для торговых людей, то с 1720 г. он становится крупным торговым центром. Официальное название города — Верхнеудинск определилось в 30-х гг. XVIII в., в отличие от Нижнеудинска, который возник несколько раньше в Иркутской губернии.

Во второй половине XVIII в. город заметно вырос, его уже стали называть «большим городом». Этому способствовало, прежде всего, выгодное географическое положение, поскольку именно через него стали проходить дороги и торговые пути, связывающие эту территорию с другими городами и с Китаем. Здесь взимались торговые пошлины и, таким образом, контролировалась, по существу, вся торговля между Россией и другими странами.

В Верхнеудинске выгружались с судов все грузы, идущие в Нерчинск, в ожидании зимнего пути. После присоединения Приамурья выросло значение дороги на Нерчинск и Читу, а вместе с этим возросли роль и значение Верхнеудинска как главного перевалочного и товар-

но-распределительного центра. Торговля с Китаем и Монголией, а также внутренняя торговля с другими регионами Сибири, в том числе Забайкалья, для русских купцов была весьма прибыльным делом. В Верхнеудинск и Кяхту стали стекаться купцы не только из городов Сибири, но и из Центральной России — из Москвы, Новгорода, Суздаля и других городов. Русские купцы вывозили в Китай, главным образом, пушнину и меха, которыми были богаты Сибирь и Дальний Восток, а в обмен на свои товары они привозили в основном чай и шелк. Китайским зеленым чаем Верхнеудинск снабжал всю Восточную Сибирь.

Купцы торговали и на внутреннем рынке, проникая в бурятские улусы, эвенкийские стойбища и русские деревни. Они скупали у населения меха, пушнину и скот, кожу, шерсть и многое другое, а продавали им различные промышленные товары широкого потребления.

В результате, с 1768 г. в городе начинает действовать регулярная Верхнеудинская ярмарка. Обороты ярмарки достигали значительных по тем временам размеров. Ярмарка имела большое значение в развитии товарно-денежных отношений в Бурятии, все более и более вовлекая ее в общероссийский внутренний рынок. Кроме того, ярмарка, куда собирались люди из разных регионов и стран, приучала к мирному общению. Неслучайно слово «торговать» у всех народов всегда служило антонимом слову «воевать». Именно торговое предназначение города, на наш взгляд, стало исторической основой для возникновения многонационального феномена современного Улан-Удэ.

Развитие торговли и регулярность ярмарки определили направление хозяйственного развития города, темпы роста населения и характер градостроительства. В центре маленького городка был расположен базар, вокруг него строились торговые дома, магазины и лавки, склады, погреба. Вместе с тем, хотя и слабо, начинают развиваться промыслы и ремесленные мастерские. Таким образом, отмечают авторы, зародившись как военный форпост, Верхнеудинск постепенно становился хозяйственно-экономическим и торгово-ремесленным центром Забайкалья.

В 1775 г. после учреждения Иркутской губернии, Верхнеудинск становится центром Удинской провинции и получает право именоваться городом. 26 октября 1790 г. городу впервые был вручен герб, отображающий его новый статус и значение. Герб выглядел так: «Щит разделен на две части: в верхней — герб Иркутска, в нижней на золотом фоне изображен жезл Меркурия (бог торговли у римлян) и рог изобилия «в знак того, что в сем городе производится знатный торг и условия о торге»» (с. 63). Уже в постсоветское время, в 1994 г. герб был изменен, так как Улан-Удэ больше не относился к Иркутской области. На нем уже нет бабра, нижняя часть оставлена прежней, а на верхней части щита возвышается корона, в которой на золотом поле изображены солнце и луна, символизирующие очаг и символ вечной жизни.

Следующей важной страницей, внесшей существенные коррективы в экономический статус города, стало строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, которое, по словам авторов, поделило историю города на «до проведения дороги» и «после». Сооружение верхнеудинской части дороги началось в 1895 г. Первый поезд на станцию Верхнеудинск прибыл 15 августа 1899 г.

С одной стороны, с появлением железнодорожной магистрали значение и обороты Верхнеудинской ярмарки резко упали, с другой стороны, «оказавшись в очень выгодном положении — на пересечении железнодорожной магистрали, судоходной Селенги и трактов на Кяхту и Баргузин, в центре густонаселенного и хлебородного района, — Верхнеудинск стал крупнейшим в Забайкалье экономическим центром и транспортным узлом... Его географическое положение, ресурсы окружающего района питали городскую торговлю, в том числе ярмарку, которая продолжала действовать и после проведения железной дороги» (с. 163).

Кроме того, необходимость обслуживания железной дороги стала стимулировать возникновение крупных механизированных предприятий. Таким образом, послужив мощным стимулом к развитию города, железная дорога привела к затуханию некоторых устаревших и возникновению сугубо городских видов производства. Но, как справедливо отмечают авторы, несмотря на видимый прогресс, Верхнеудинск так и не стал промышленным центром и не сумел обеспечить себя товарами собственного производства, а модернизация городской экономики имела локальный, «точечный» характер.

Сибирская железная дорога имела и другое историческое значение для судьбы Верхнеудинска — она способствовала росту численности рабочих кадров, особенно железнодорожников. Как пишут авторы: «На железнодорожной станции Верхнеудинск работали сотни людей, приехавших из крупных промышленных центров России и уже имевших опыт революционной борьбы. С нарастанием революционного движения в стране в конце XIX — начале XX в. Транссибирская магистраль стала главной ареной борьбы против царского самодержавия в Забайкалье, очагом появления здесь первых социал-демократических групп и организаций. Большую роль в развитии рабочего движения в крае сыграли политические ссыльные, которые стали организаторами забастовочного движения» (с. 292). Тем самым, самой историей была predetermined дальнейшая судьба Верхнеудинска, который оказался в центре событий, происходивших в Забайкалье в годы революции и гражданской войны.

Следующим поворотным историческим событием в развитии города стало постановление Президиума ВЦИК РСФСР, подписанное 30 мая 1923 г., об объединении в одну Бурят-Монгольскую Советскую Социалистическую Республику автономных областей бурят-монгол Сибири и Дальнего Востока с центром в г. Верхнеудинске. 4 декабря 1923 г. Пер-

вый съезд Советов Бурятии законодательно закрепил образование Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики, а Верхнеудинск стал столицей первого государственно-административного образования бурят.

Кроме основных перечисленных вех в истории Улан-Удэ, в первом томе детально показан процесс формирования сословной структуры, религиозного и этнического состава населения, изменения системы городского управления, строительство первых религиозных объектов, объектов просвещения и здравоохранения. Особый интерес представляет собой раздел об истории архитектурного облика города.

В заключении I тома авторы делают вывод о том, что в короткое по историческим меркам время Верхнеудинск «из маленького зимовья превратился в полноценный город — с быстро растущим населением и насыщенной жизнью: интенсивной торговлей, зачатками фабричного производства, электростанцией и телеграфом, учебными заведениями, библиотеками, кинематографом» (с. 312).

Второй том книги «Улан-Удэ — 350: история и современность» охватывает насыщенный важнейшими событиями период — с 1923 г. до сегодняшних дней. Авторы показали, как назначение города столицей резко изменило его судьбу. Произошли изменения в этническом и социальном составе населения города. Он стал центром модернизационных процессов и, в свою очередь, сам изменил судьбу региона и народа. Живший когда-то исключительно ярмаркой и регулярной торговлей на «Чайном пути», город стал крупным административным, промышленным, культурным и научным центром Восточной Сибири. Индустриализация и урбанизация не просто изменили его облик, но и его сущность.

Символом этой трансформации стало переименование Верхнеудинска в 1934 г. в Улан-Удэ (Красная Уда).

Сегодня Улан-Удэ — один из крупнейших экономических, научных и культурных центров России. Здесь сформировалась разветвленная инфраструктура — учебные заведения, учреждения культуры, науки, многочисленные издательства, музеи, библиотеки и знаменитые театры. В городе построены и развиваются предприятия различных отраслей промышленности — таких как авиационная, судостроительная, приборостроения. Достаточно хорошо развита легкая и пищевая промышленность. Продукция тонкосуконного, мясоконсервного, молочного комбинатов известны далеко за пределами Бурятии. Помимо этого, город является научным и культурным центром республики. В городе пять высших учебных заведений, более 20 техникумов и специальных средних учебных заведений. А также в городе находится Бурятский научный центр Российской Академии наук. Четыре театра, в том числе знаменитый театр оперы и балета, шесть музеев обеспечивают яркую культурную жизнь столицы.

Город также является автомобильным, железнодорожным и торговым узлом современной России. Всех кто приезжает сегодня в Улан-Удэ поражает неповторимый национальный колорит его архитектурного облика.

Но о чем бы ни писали в своей книге авторы — о строительстве промышленных предприятий и объектов инфраструктуры, о возведении аэропорта и начале авиасообщений, о развитии спорта, здравоохранения и культуры, красной нитью через всю книгу проходит идея о том, что за годы Советской власти Улан-Удэ стал результатом уникального проекта национального строительства. Его история — это история формирования многонационального и многокультурного центра, в котором мирно живут и развиваются разные народы и культуры.

Будучи до революции торговым, преимущественно русским по населению уездным городом, сегодня Улан-Удэ стал одним из немногих городов России, где мирно сосуществуют, дружат, создают семьи представители разных народов и конфессий: буддизма, православия, шаманизма, католичества, ислама, иудаизма. В городе проживают представители более ста национальностей. На наш взгляд, это самое большое достояние и достоинство современного Улан-Удэ.

Исследование, проведенное группой авторитетных ученых, отличается не только скрупулезной работой с архивными материалами, которые даны в конце каждого тома, но и представлением фотографических архивных материалов, которые создают наглядную, неповторимую картину кардинальных изменений в экономическом, культурном и бытовом развитии Улан-Удэ. Хочется выразить благодарность авторам данной работы за чудесную возможность прикоснуться к старым фотографиям, на которых запечатлена история замечательного города.

Книга была и остается лучшим подарком, а хорошо написанная и изданная книга — вдвойне. К таковым относится двухтомник «Улан-Удэ — 350: история и современность». Как пишут сами авторы, на этом они не подводят черту и не ставят окончательную точку. История сибирского города Улан-Удэ продолжается, а значит у бурятских ученых впереди еще много работы, которая, мы надеемся, обязательно приведет к появлению новых интересных исторических книг.

Информация об авторе

Рощупкина Елена Викторовна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: history@bgu.ru.

Author

Elena V. Roshupkina — Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of History and International Relations, Baikal State University, 11 Lenin Str., Irkutsk, 664003, e-mail: history@bgu.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айвазян Эрнест Айвазович — аспирант кафедры истории и международных отношений Байкальского государственного университета

Алексеев Олег Геннадьевич — к.и.н., доцент кафедры гуманитарных наук Сибирского федерального университета

Андреев Чингис Георгиевич — д.и.н., профессор Улан-Удэнского института железнодорожного транспорта — филиала Иркутского государственного университета путей сообщения

Аргунова Юлия Юрьевна — соискатель кафедры истории и международных отношений Байкальского государственного университета

Аксенова Анна Владимировна — учитель истории и обществознания Гимназии № 3, аспирант кафедры истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета

Арпентьева Мариям Равильевна — д.психол.н., доцент, профессор, старший научный сотрудник кафедры психологии развития и образования Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

Батунаев Эдуард Владимирович — к.и.н., научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Башкуев Всеволод Юрьевич — старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Быкова Нина Николаевна — к.и.н., доцент кафедры истории и международных отношений Байкальского государственного университета

Вахрушев Юрий Петрович — к.филос.н, доцент кафедры истории и международных отношений Байкальского государственного университета

Вейт Алёна Витальевна — старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Читинского института Байкальского государственного университета

Волосов Евгений Николаевич — д.и.н., профессор кафедры гуманитарных и социально-политических дисциплин Иркутского филиала Московского государственного технического университета гражданской авиации

Гаращенко Любовь Витальевна — к.пед.н., доцент кафедры педагогики Иркутского государственного университета

Гонина Наталья Владимировна — к.и.н., доцент кафедры истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета

Гузенков Сергей Васильевич — к.и.н., научный сотрудник Научной библиотеки Иркутского государственного университета

Гуров Константин Александрович — аспирант кафедры истории и методики Иркутского государственного университета

Долголюк Алексей Алексеевич — д.и.н., ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН

Еремеенков Никита Николаевич — аспирант кафедры истории и международных отношений Байкальского государственного университета

Задорин Артём Викторович — ассистент кафедры истории России Сибирского федерального университета

Ильиных Владимир Андреевич — д.и.н., заведующий сектором аграрной истории Института истории СО РАН

Кальмина Лилия Владимировна — д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Канн Сергей Константинович — к.и.н., старший научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН

Катцина Татьяна Анатольевна — к.и.н., доцент кафедры теории и методики социальной работы Сибирского федерального университета

Козырская Ирина Евгеньевна — к.э.н., доцент кафедры мировой экономики и международного бизнеса Байкальского государственного университета

Константинова Наталья Александровна — к.и.н., доцент кафедры менеджмента, предпринимательства и экономической безопасности в агропромышленном комплексе Иркутского государственного аграрного университета им. А.А. Ежевского

Корниенко Николай Николаевич — аспирант отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Кудряшов Василий Васильевич — к.и.н., доцент, заведующий базовой кафедрой истории, педагогики и психологии Братского государственного университета

Кузнецов Сергей Ильич — д.и.н., профессор, заведующий кафедрой мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета

Кузьмин Юрий Васильевич — д.и.н., профессор кафедры мировой экономики и международного бизнеса Байкальского государственного университета

Куперштох Наталья Александровна — к.и.н., старший научный сотрудник Института истории СО РАН

Курас Леонид Владимирович — к.и.н., профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Курас Софья Леонидовна — к.и.н., доцент кафедры таможенного дела и правоведения Иркутского государственного университета путей сообщения

Курас Татьяна Леонидовна — к.и.н., доцент кафедры судебного права Юридического института Иркутского государственного университета

Курьшов Андрей Михайлович — к.и.н., доцент кафедры истории и международных отношений Байкальского государственного университета

Курьшова Ирина Васильевна — к.и.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Иркутского национального исследовательского технического университета

Кушнарева Маргарита Дмитриевна — д.и.н., доцент кафедры сервиса и сервисных технологий Иркутского государственного университета

Лапердин Вячеслав Борисович — к.и.н., младший научный сотрудник сектора аграрной истории Института истории СО РАН

Левченко Владимир Михайлович — к.и.н., профессор кафедры истории и международных отношений Байкальского государственного университета

Майдачевский Дмитрий Ярославович — к.э.н., доцент кафедры истории и международных отношений Байкальского государственного университета

Молонова Екатерина Петровна — аспирант отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Мотревич Владимир Павлович — д.и.н., профессор кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии

Олейников Илья Васильевич — к.и.н., доцент кафедры политологии, истории и регионоведения Иркутского государственного университета

Орлов Дмитрий Сергеевич — к.и.н., доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Алтайской государственной академии образования им. В.М. Шукшина

Павлюкевич Руслан Витальевич — к.и.н., доцент кафедры истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета

Пархомов Владимир Александрович — д.ф.-м.н., профессор кафедры информатики и кибернетики Байкальского государственного университета

Пашков Константин Иванович — к.и.н., заведующий отделом Иркутского областного краеведческого музея

Петрушин Юрий Александрович — д.и.н., профессор Иркутского государственного университета путей сообщения

Плеханова Анна Максимовна — д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Почеревин Евгений Владимирович — к.и.н., старший преподаватель кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина

Протасов Евгений Тарасович — к.и.н., и.о. доцента кафедры государственного и муниципального управления Бурятской государственной сельскохозяйственной академии

Раддац Юрий Алексеевич — преподаватель Иркутского колледжа автомобильного транспорта и дорожного строительства, аспирант кафедры истории и международных отношений Байкальского государственного университета

Распопина Алена Александровна — к.и.н., доцент кафедры истории и международных отношений Байкальского государственного университета

Рощупкина Елена Викторовна — к.э.н., доцент кафедры истории и международных отношений Байкальского государственного университета

Рыков Виктор Михайлович — д.э.н., профессор Байкальского государственного университета

Рынков Вадим Маркович — к.и.н., старший научный сотрудник Института истории СО РАН

Ряженова Виктория Сергеевна — аспирант кафедры истории Байкальского государственного университета

Савчук Наталья Васильевна — д.и.н., заведующая кафедрой общественных наук Ангарского государственного технического университета

Санжиева Татьяна Ефремовна — д.и.н., профессор кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета

Семина Снежана Александровна — к.и.н., доцент кафедры гуманитарных наук и истории права Восточно-Сибирского института экономики и права

Синиченко Владимир Викторович — д.и.н., профессор, начальник кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД РФ, полковник полиции

Скрипучий Дмитрий Владимирович — аспирант кафедры истории и международных отношений Байкальского государственного университета

Тимошенко Альбина Ивановна — к.и.н., старший научный сотрудник сектора социально-экономического развития Института истории СО РАН

Урожаева Татьяна Петровна — к.и.н., Средняя образовательная школа № 13

Филиппенко Ольга Вячеславовна — магистрант кафедры Отечественной истории Новосибирского Национального исследовательского государственного университета

Фомина Юлия Анатольевна — к.и.н., преподаватель Колледжа Байкальского государственного университета

Цыбенов Базар Догсонович — к.и.н., старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Цыкунов Григорий Александрович — д.и.н., профессор кафедры теории государства и права и социально-правовых дисциплин Байкальского государственного университета

Шалак Александр Васильевич — д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории и международных отношений Байкальского государственного университета

Шаламов Владимир Александрович — к.и.н., доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета

Шуплецов Александр Федорович — д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономики предприятий и предпринимательской деятельности Байкальского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	5
-------------------------	---

К 110-ЛЕТИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Приветственное слово ректор Байкальского государственного университета А.П. Суходолова	7
Алексеев О.Г., Катцина Т.А. Очерк деятельности красноярского рабфака Иркутского института советской торговли	9
Гаращенко Л.В. К истории коммерческого образования в Иркутске	18
Майдачевский Д.Я. «Большая и грустная ошибка»: газета «Деловая Сибирь» и полемика по «университетскому» вопросу, 1916–1917 годы	33

РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Долголюк А.А. Строительная индустрия Новосибирска в годы предвоенных пятилеток	40
Ильиных В.А. Зерновое хозяйство Сибири в 1930-е годы: динамика, структурные изменения, факторы развития	48
Кальмина Л.В. Забайкальская ярмарочная торговля в делопроизводстве 1870–1910-х годах	56
Канн С.К. Сибирские пути сообщения в практике изысканий Транссиба (конец XIX века)	62
Курас Л.В. «Революция в колчакии» и предпосылки Монгольской революции 1921 года	76
Плеханова А.М. Бурятия в 1920-е годы в контексте геополитических функций приграничной территории	82
Цыкунов Г.А. Эволюция научных взглядов на теорию и практику ТПК	89
Шалак А.В. Некоторые историко-геополитические штрихи к портрету А.В. Колчака	96

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Андреев Ч.Г. Новации в жизни коренных народов Восточной Сибири во второй половине XIX — начале XX века	113
Батунаев Э.В. Актуальные вопросы социально-экономического развития Монголии (1921–1940)	120
Вейт А.В. Историко-правовые аспекты создания и деятельности органов жандармерии Забайкальской железной дороги	127
Гузенков С.В. Грузопассажирские перевозки на Ангаре в конце XIX — начале XX века	136

Гуров К.А. Элементы «черного рынка» в Иркутске в начале XX века.....	140
Курас С.Л. Проблемы снабжения губернских тюремных ведомств дореволюционной России (вторая половина XIX века).....	148
Курышов А.М. Экономические предпосылки реформирования землепользования бурят Иркутской губернии в конце XIX — начале XX века.....	154
Молонова Е.П. Хозяйственная деятельность мещан уездных городов Забайкалья в пореформенный период.....	166
Почеревин Е.В. Практика содержания дорог крестьянским населением Томской губернии в начале XX века.....	172
Рынков В.М. Власть и население Сибири в тисках потребительских кризисов: региональные особенности общероссийских социальных процессов (лето 1914 — февраль 1917 года).....	179
Санжиева Т.Е. Участие бурят Забайкалья в торговле в XIX веке.....	187
Синиченко В.В. Влияние курса рубля на деятельность по закупке продовольствия для нужд армии и тыла в годы Первой мировой войны.....	195
Цыбенков Б.Д. К изучению истории дауров Хулун-Буира (1911–1917).....	201

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ СОВЕТСКОЙ СИБИРИ

Аргунова Ю.Ю. Рыбная промышленность Байкальского региона в годы Великой Отечественной войны.....	211
Лапердин В.Б. Хлебозакупочные кампании 1933–1934 годов в Западно-Сибирском крае.....	217
Левченко В.М. Вопросы рационального использования земли в хозяйствах Восточной Сибири в 1966–1970 годы.....	225
Орлов Д.С. Земледелие в Тюменской области в 1960–1980-е годы: основные тенденции развития.....	232
Павлюкевич Р.В. Водочное производство Красноярского экономического района в годы «оттепели».....	237
Рыков В.М. Региональные производственные комплексы в условиях интеграционных процессов.....	241
Ряженова В.С. Промышленность Восточного Забайкалья в 1938–1950 годы: состояние и проблемы развития.....	248
Семина С.А. Кустарно-промысловая кооперация Иркутской губернии в условиях многоукладной экономики (начало 1920-х годов).....	255
Скрипучий Д.В. Состояние безопасности на узкоколейных железных дорогах Байкальского региона.....	264
Филиппенко О.В. Образ «кулака» в представлении региональных властей (на основе политических характеристик крестьян-лишенцев Маслянинского района Запсибкрая. 1930–1931 годы).....	275

Фомина Ю.А. Основные тенденции развития местной топливной промышленности Иркутской области в предвоенный период (1939–1940)	284
Шаламов В.А. Японская интервенция в Забайкалье (1918–1920): медицинский аспект	288
Шуплецов А.Ф. Исторический опыт реализации региональной продовольственной программы	296

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ СИБИРИ

Айвазян Э.А. Кадровая политика Иркутской таможни в 1990–2000-е годы	309
Волосов Е.Н. Стратегия развития иркутского аэропорта: планы и реальность	315
Еремеенков Н.Н. Влияние демократизации на общественно-политическую жизнь Иркутска	324
Олейников И.В. Туристический «поворот на восток» для Иркутской области: возможности и вызовы	328

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ФАКТОРЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ

Башкуев В.Ю. Значение и особенности функционирования европейской и традиционной медицины в Восточной Сибири (конец XIX — начало XX века)	333
Корниенко Н.Н. Православные миссионеры в Монголии (вторая половина XIX — начало XX века).....	342
Кудряшов В.В. Первые выборы в Государственную Думу по городу Иркутску на страницах местных газет (1906–1907).....	350
Курас Т.Л. Вопросы реализации принципа независимости судей в пореформенной России второй половины XIX — начала XX века (на примере судебных палат).....	362
Протасов Е.Т. Вопросы законодательной деятельности Парламента Бурятии (1938–1994)	370
Раддац Ю.А. Образовательная система Иркутской области в постсоветский период: внедрение инновационных технологий	378
Савчук Н.В. От юбилея к юбилею: взаимосвязь истории Ангарска с историей Ангарского государственного технического университета.....	385

ПРИРОДООХРАННЫЕ ТРАДИЦИИ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ

Курышова И.В. Деятельность лесничеств по борьбе с самовольными порубками в Байкальском регионе в конце XIX — начале XX века.....	395
---	-----

Пашков К.И. Некоторые аспекты охраны рыбных запасов в Байкальском регионе в 1950–1980 годы	400
---	-----

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Задорин А.В. Динамика смертности населения Красноярского края в 1990–2015 годы: основные тенденции	411
Константинова Н.А. Участие мусульман в аграрном переселении в Восточную Сибирь на рубеже XIX–XX веков	419
Мотревич В.П. Численность и состав иностранцев в Восточной Сибири по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1937 года	422
Тимошенко А.И. Особенности формирования городского населения районов нового промышленного освоения Сибири в советский период	425
Урожаева Т.П. Трансформация занятости населения моногородов Иркутской области в 1990–2000 годы	435

ИСТОРИЯ СИБИРИ В ЛИЦАХ

Козырская И.Е., Кузьмин Ю.В. Предпринимательская деятельность и бизнес-проекты П.А. Бадмаева в 1893–1916 годы	444
Куперштох Н.А. Рунар Викторович Гострем: научная биография и деятельность в Сибири в 1960-е годы	457

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Арпентьева М.Р. Форсайт предприятий Сибири и их динамические способности	466
Гонина Н.В., Аксенова А.В. Генезис социокультурного подхода в отечественной исторической урбанистике и иркутская научная школа	477
Курас Л.В., Цыбенков Б.Д. Монгольский сборник «О фронте» как источник по истории всенародной помощи монгольского народа СССР в годы Великой Отечественной войны	485
Кушнарева М.Д. Переписка представителей акционерного общества спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» как источник по изучению проблем развития оптовой пушной торговли в северо-восточной Сибири в начале XX века	493
Пархомов В.А. Генеалогия как метод объективного познания истории (страницы жизни иммигранта из Европы А.М. Бароцци де Эльс и его детей)	501

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Петрушин Ю.А., Кузнецов С.И. Историк монголовед	511
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Быкова Н.Н. К 355-летию Иркутска: от древнейшего прошлого до начала XX века.....	515
Вахрушев Ю.П. Воля народа в законе.....	519
Курас Л.В. Хроника как память коротких событий	522
Распопина А.А. Освоение Сибири и русская православная церковь	529
Рощупкина Е.В. История Улан-Удэ — от казачьего зимовья до столицы республики.....	535
Сведения об авторах	542

Научное издание

**ИРКУТСКИЙ
ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК**

2017

Издается в авторской редакции

Оригинал-макет подготовлен *Т.А. Лоскутовой*

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 09.03.17. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,5. Тираж 500 экз. Заказ .

Издательство Байкальского государственного университета.
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в типографии «Репроцентр А1».
664023, г. Иркутск, ул. А. Невского, 99/2.
Тел. (395-2) 540-940.